Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В трех томах

Том II

Межвоенный период и Вторая мировая война

Под редакцией
академика РАН *А. В. Торкунова*,
профессора *М. М. Наринского*

Второе издание, исправленное

Рекомендовано Учебно-методическим объединением вузов Российской Федерации по образованию в области международных отношений в качестве учебника для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки (специальностям) «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение»

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2017

УДК 327
ББК 66.4
И90

Редакционная коллегия

А. В. Торкунов (отв. редактор),
М. М. Наринский (зам. отв. редактора),
Ю. А. Дубинин, А. В. Мальгин, А. В. Ревякин, А. Ю. Сидоров

Редактор тома II

А. Ю. Сидоров

Авторский коллектив

проф., докт. ист. наук А. Ю. Борисов, доц., канд. ист. наук Н. Е. Клейменова,
проф., докт. ист. наук М. М. Наринский, доц., канд. ист. наук А. Ю. Сидоров

История международных отношений: В трех томах: Учебник / Под ред. А. В. Торкунова,
И90 М. М. Наринского. — 2-е изд., испр. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017.

ISBN 978–5–7567–0867–7

Т. II: Межвоенный период и Вторая мировая война / А. Ю. Борисов , Н. Е. Клейменова,
М. М. Наринский, А. Ю. Сидоров. — 2017. — 496 с.

ISBN 978–5–7567–0869–1

Учебник посвящен истории международных отношений и внешней политике Советского государства в период между двумя мировыми войнами и в годы Второй мировой войны. Международно-политический процесс в межвоенное двадцатилетие (1919–1939 гг.) рассматривается как история становления, эволюции и последующего краха Версальско-Вашингтонской системы — первого глобального международного порядка, созданного державами Антанты после Первой мировой войны. Отдельные разделы книги с позиций системного подхода освещают историю международных отношений в Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также на Ближнем, Среднем Востоке и в Латинской Америке. Подробно анализируются деятельность Лиги Наций и основные международные конференции межвоенных лет — Парижская, Генуэзская, Лозаннская, Локарнская, Мюнхенская. В разделе, посвященном Второй мировой войне, особое внимание уделяется рассмотрению нацистской агрессии в Европе и советско-германским отношениям в сентябре 1939 — июне 1941 г., формированию и укреплению антигитлеровской коалиции в 1941–1943 гг., а также решениям, принятыми Советским Союзом, США и Великобританией на конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме.

Для студентов высших учебных заведений.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978–5–7567–0869–1 (т. II)
ISBN 978–5–7567–0867–7

© МГИМО МИД России, 2017
© ООО Издательство «Аспект Пресс», 2017

Все учебники издательства «Аспект Пресс» на сайте
www.aspectpress.ru

Содержание

Предисловие 9

Раздел I
ВЕРСАЛЬСКАЯ СИСТЕМА
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕ

Глава 1.

ПАРИЖСКАЯ МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. СТАНОВЛЕНИЕ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ 12

1.1. Начало работы Парижской мирной конференции. Создание Лиги Наций 12
1.2. Основные подходы держав-победительниц к проблемам мирного урегулирования в Европе 18
1.3. Версальский договор 19
1.4. Сен-Жерменский, Трианонский и Нейиский договоры. 22
1.5. Севрский и Лозаннский договоры 25
1.6. Окончательное территориальное урегулирование в Восточной Европе 28
1.7. Возвращение США на позиции изоляционизма 31
1.8. Версальская система 32

Глава 2.

СТАНОВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ. ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 36

2.1. Доктрина мировой революции. Создание Коминтерна 36
2.2. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. Миссия Буллита 40
2.3. Победа большевиков в гражданской войне и окончание интервенции стран Антанты 44
2.4. Советизация Закавказья. Советско-турецкие отношения 45
2.5. Установление дипломатических отношений между Советской Россией и странами Прибалтики 47
2.6. Советско-польская война 1920 г. Рижский мир 50
2.7. Бессарабский протокол 53
2.8. Становление принципа мирного сосуществования в советской внешней политике 54
2.9. Подготовка Генуэзской конференции 58
2.10. Начало работы Генуэзской конференции. Переговоры на вилле Альбертис 62
2.11. Рапалльский договор между Советской Россией и Германией 64
2.12. Заключительный этап Генуэзской конференции 66
2.13. Гаагская конференция. Итоги переговоров в Генуе и Гааге 67

Глава 3.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ В 1923–1925 ГГ. ЛОКАРНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 70

3.1. Франко-бельгийская оккупация Рура и ее последствия 70
3.2. «План Дауэса» 74
3.3. Женевский протокол 75
3.4. «Полоса признаний СССР» 77
3.5. Подготовка гарантийного пакта 82
3.6. Локарнская конференция и ее решения 84

Глава 4.

ПОСТЛОКАРНСКИЙ ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ В ЕВРОПЕ 88

4.1. Международные последствия Локарнских соглашений 88
4.2. СССР и Локарнский процесс 91
4.3. Советско-германский договор о ненападении и нейтралитете 93
4.4. Курс СССР на заключение двусторонних договоров о нейтралитете и ненападении 94
4.5. Советско-французские отношения 95
4.6. Разрыв советско-английских отношений 97
4.7. «Европейская разрядка» и советская внешняя политика 98
4.8. Проблемы разоружения во второй половине 1920-х годов 101
4.9. «Пакт Бриана—Келлога» 102
4.10. «План Юнга». Проект панъевропейского объединения 104
4.11. Нарастание международной напряженности на рубеже 1920-1930-х годов 106
4.12. Женевская конференция по сокращению и ограничению вооружений 110
4.13. Заключение Советским Союзом договоров о ненападении с Францией и соседними государствами Европы 111

Глава 5.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ В 1933–1935 гг. КРИЗИС ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ 114

5.1. Установление нацистской диктатуры в Германии. Внешнеполитическая программа национал-социалистов 114
5.2. Конвенция об определении агрессии 117
5.3. «Пакт четырех» 119
5.4. Советско-итальянский договор о дружбе, ненападении и нейтралитете 121
5.5. Советско-французское сближение 122
5.6. Германо-польская декларация 124
5.7. Советско-французские переговоры о Восточном пакте 126
5.8. Вторая «полоса признаний» Советского государства. Вступление СССР в Лигу Наций 129
5.9. Продолжение советско-французских переговоров после убийства Барту. Женевский протокол 130
5.10. Первая попытка аншлюса Австрии. Франко-итальянское сближение 132
5.11. Курс Гитлера на окончательный отказ от Версальского договора и реакция западных держав. Конференция в Стрезе 134
5.12. Заключение советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи 137
5.13. VII Конгресс Коминтерна 140

Глава 6.

НАРАСТАНИЕ ВОЕННОЙ УГРОЗЫ В ЕВРОПЕ В 1935–1937 гг. ПОЛИТИКА УМИРОТВОРЕНИЯ 142

6.1. Англо-германское морское соглашение 142
6.2. Нападение Италии на Эфиопию. Кризис Лиги Наций 143
6.3. Провал «плана Лаваля—Хора» 146
6.4. Австро-германское соглашение 1936 г. 148
6.5. Ремилитаризация Рейнской зоны 148
6.6. Конференция в Монтрё 151
6.7. Проблемы заключения Советским Союзом договора о взаимопомощи с Румынией и военной конвенции с Францией 154
6.8. Гражданская война в Испании. Политика невмешательства в испанские дела 157
6.9. Становление блока агрессивных государств 161

6.10. Международные последствия и итоги войны в Испании ... 162
6.11. Политика умиротворения нацистской Германии ... 166
6.12. Переговоры Э. Галифакса с Гитлером ... 170

Глава 7.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ В 1938 г. МЮНХЕНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ... 173

7.1. Аншлюс Австрии ... 173
7.2. Чехословацкий кризис ... 175
7.3. Переговоры Чемберлена с Гитлером в Берхтесгадене и Бад-Годесберге ... 180
7.4. Мюнхенская конференция и ее решения ... 182
7.5. Советский Союз и чехословацкий кризис ... 184
7.6. Международные последствия Мюнхенского соглашения. Крах Версальской системы ... 187

Глава 8.

ПРЕДВОЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1939 г. ... 192

8.1. Захват Германией Чехословакии ... 192
8.2. Англо-французская политика гарантий ... 194
8.3. Изменения во внешней политике и внешнеполитическом ведомстве СССР ... 196
8.4. Начало англо-франко-советских переговоров ... 203
8.5. Ослабление напряженности в германо-советских отношениях ... 206
8.6. Германо-итальянский союз («Стальной пакт») ... 207
8.7. Англо-франко-советские политические переговоры ... 208
8.8. Тайные англо-германские переговоры ... 211
8.9. Инициатива Германии по урегулированию отношений с СССР ... 213
8.10. Англо-франко-советские военные переговоры ... 214
8.11. Договор о ненападении между СССР и Германией и секретный дополнительный протокол ... 216
8.12. Международное значение и последствия советско-германских соглашений ... 219

Раздел II

ВАШИНГТОНСКАЯ СИСТЕМА
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АТР

Глава 9.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АТР. ФОРМИРОВАНИЕ ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ ... 226

9.1. Расстановка сил в АТР накануне и во время войны. Становление региональной системы международных отношений ... 226
9.2. Дальневосточный вопрос на Парижской мирной конференции ... 231
9.3. Обострение японо-американских противоречий ... 233
9.4. Советская политика на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны. Создание Дальневосточной Республики ... 235
9.5. Советская политика в Монголии ... 239
9.6. Вашингтонская конференция и ее решения. Договоры четырех, пяти и девяти держав ... 241
9.7. Вашингтонская система ... 247

Глава 10.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АТР В 1922–1930 гг. ... 251

10.1. Окончание японской интервенции и включение ДВР в состав Советской России ... 251
10.2. Урегулирование советско-китайских отношений. Сотрудничество СССР с Гоминьданом ... 252

10.3. Нормализация отношений между СССР и Японией ... 256
10.4. Национальная революция в Китае и ее влияние на международные отношения. Роль СССР и Коминтерна в китайской революции ... 257
10.5. Стабилизация Вашингтонской системы во второй половине 1920-х годов ... 261
10.6. Советско-китайский конфликт на КВЖД ... 264

Глава 11.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АТР В 1930-е годы. РАСПАД ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ ... 268

11.1. Переход Японии к агрессивной политике ... 268
11.2. Агрессия Японии в Маньчжурии. Кризис Вашингтонской системы ... 269
11.3. События в Маньчжурии и позиция СССР ... 272
11.4. Доклад комиссии Литтона. Выход Японии из Лиги Наций ... 273
11.5. Нормализация советско-китайских отношений ... 274
11.6. Установление дипломатических отношений между СССР и США ... 275
11.7. Советско-японские отношения. Продажа КВЖД ... 276
11.8. Углубление кризиса Вашингтонской системы. Антикоминтерновский пакт ... 277
11.9. Законы США о нейтралитете ... 280
11.10. Отношения СССР с Китаем и МНР ... 281
11.11. Начало японо-китайской войны. Крах Вашингтонской системы ... 285
11.12. Советско-китайский договор о ненападении 1937 г. Военная помощь СССР Китаю ... 287
11.13. Продолжение японо-китайской войны в 1938–1939 гг. «Соглашение Арита—Крейги» ... 289
11.14. Советско-японские конфликты у озера Хасан и реки Халхин-Гол ... 292

Раздел III

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА БЛИЖНЕМ, СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ И В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Глава 12.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ... 296

12.1. Ближний Восток в годы Первой мировой войны. Проблема создания независимого арабского государства ... 296
12.2. Провозглашение независимости Египта ... 300
12.3. Провозглашение независимости Ирака ... 302
12.4. Подмандатное управление Трансиорданией ... 303
12.5. Палестинская проблема в международных отношениях ... 305
12.6. Политика Франции на подмандатных территориях и в арабских колониях ... 311
12.7. Образование Саудовской Аравии ... 313
12.8. Советский Союз и арабские страны ... 317
12.9. Появление «нефтяного фактора» в ближневосточной политике ... 318
12.10. Ближний Восток накануне войны. Политика фашистских государств ... 319

Глава 13.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ ... 322

13.1. Средний Восток и Первая мировая война. «Соглашение Сайкса—Пико» ... 322
13.2. Концептуальные основы советской политики в странах Востока ... 323
13.3. Советизация Хивинского ханства и Бухарского эмирата ... 326
13.4. Внешняя политика Афганистана. Советско-афганские отношения ... 328
13.5. Внешняя политика Ирана. Советско-иранские отношения ... 332
13.6. Внешняя политика Турции после Лозаннской конференции. Советско-турецкие отношения ... 337
13.7. Саадабадский пакт ... 341

Глава 14.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ 344

14.1. Формирование региональной системы международных отношений в Латинской Америке в начале XX в. 344
14.2. Страны Латинской Америки и Первая мировая война 349
14.3. Латинская Америка и Лига Наций 350
14.4. Панамериканский процесс в 1920-е годы 351
14.5. Переход США к политике «доброго соседа» 354
14.6. Чакская война 357
14.7. Война в «трапеции Летисии» 359
14.8. Германская экспансия и рост фашистской угрозы в Латинской Америке в 1930-е годы 360
14.9. Панамериканские конференции в Буэнос-Айресе и Лиме. Латинская Америка и начало Второй мировой войны 361
14.10. Советский Союз и государства Латинской Америки 363

Раздел IV
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Глава 15.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1 сентября 1939 г. — 21 июня 1941 г.) 368

15.1. Нападение Германии на Польшу. Начало Второй мировой войны. Позиции СССР и западных держав 368
15.2. Военная кампания СССР против Польши. Советско-германский договор о дружбе и границе 370
15.3. Заключение Советским Союзом договоров о взаимопомощи с государствами Прибалтики. Советско-германское сотрудничество 372
15.4. Советско-финская война 373
15.5. «Странная война» на Западе 375
15.6. Переход Германии к активным действиям на западе. Поражение Франции 376
15.7. Включение в состав СССР государств Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины 379
15.8. «Битва за Англию». Изменение позиции США 380
15.9. Заключение Тройственного пакта. Агрессия Италии на Балканах 382
15.10. Охлаждение советско-германских отношений. Визит В. М. Молотова в Берлин 383
15.11. Борьба на Балканах 384
15.12. Заключение советско-японского договора о нейтралитете 386
15.13. Формирование англо-американского союза. Закон США о ленд-лизе 388
15.14. Завершение подготовки Германии к нападению на СССР. Внешнеполитические просчеты Сталина 389

Глава 16.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 393

16.1. Рождение антигитлеровской коалиции 393
16.2. Атлантическая хартия 399
16.3. Налаживание межсоюзнического сотрудничества 401
16.4. Ввод советских и британских войск в Иран 404
16.5. Московская конференция о военных поставках 405
16.6. Распространение ленд-лиза на Советский Союз 407
16.7. Провал блицкрига. Вступление США во Вторую мировую войну 407
16.8. Вопрос об открытии второго фронта в 1941 г. 410
16.9. Визит А. Идена в Москву 413

16.10. Декларация Объединенных наций 414
16.11. I Вашингтонская конференция 415
16.12. Советско-английский союзный договор (26 мая 1942 г.) и советско-американское соглашение (11 июня 1942 г.) 416
16.13. Переговоры о втором фронте в 1942 г. 419
16.14. Международные последствия Сталинградской битвы. Начало коренного перелома в войне 422
16.15. Высадка англо-американских войск в Северной Африке. Конференция в Касабланке 423
16.16. Курская битва. Завершение коренного перелома в войне 426
16.17. Капитуляция Италии 428
16.18. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 429
16.19. Тегеранская конференция 434
16.20. Открытие второго фронта. Выход из войны союзников Германии 438
16.21. Визит У. Черчилля в Москву (октябрь 1944 г.) 443
16.22. СССР и государства Восточной Европы. Польский вопрос 444
16.23. Договор о союзе между СССР и Францией 447
16.24. Ялтинская конференция 448
16.25. Безоговорочная капитуляция Германии. Окончание войны в Европе 454
16.26. Подготовка новой конференции «большой тройки» 457
16.27. Потсдамская конференция 458
16.28. Вступление СССР в войну с Японией. Безоговорочная капитуляция Японии 462
16.29. Итоги Второй мировой войны 465

Заключение 469

Хронологическая таблица 473

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, предлагаемая вниманию читателей, представляет собой второй том трехтомного учебника по истории международных отношений, подготовленного кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО. В ней рассматривается история международных отношений в межвоенное двадцатилетие и в годы Второй мировой войны (1918–1945 гг.). Данный том продолжает серию подготовленных кафедрой учебных изданий нового поколения, в числе которых — посвященные рассматриваемому периоду книги М. М. Наринского, А. Ю. Сидорова и Н. Е. Клейменовой[1].

Методологической базой учебника стал системный подход к изучению и преподаванию международных отношений. Его отправной точкой является представление о международной политике как о самостоятельной исторической реальности, имеющей собственную логику и закономерности развития. История международных отношений в рамках этой методологии предстает как единый, внутренне целостный историко-политический процесс, в основе которого лежит смена международно-политических систем.

Система международных отношений представляет собой конкретно-историческую, устойчивую форму их политической организации (международный порядок), которая закрепляется в международном праве и отражает как соотношение (баланс) сил, так и специфику отношений между входящими в систему государствами. В свою очередь, баланс сил понимается как соотношение военных потенциалов, политического веса и влияния государств, в первую очередь великих держав, в данный исторический момент времени. Частным случаем баланса сил является равновесие международной системы, при котором становится невозможным доминирование одной или нескольких держав. Равновесие обеспечивает соблюдение основных интересов входящих в систему государств и поддержание международной безопасности.

Системный подход позволяет рассматривать период между двумя мировыми войнами как историю становления, эволюции и последующего краха Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Эта система, созданная державами Антанты после Первой мировой войны и просуществовавшая до конца 30-х годов XX в., стала одним из важнейших этапов развития мирового политического процесса в Новое и Новейшее время и первой в истории попыткой создания глобального международного порядка. В группу великих держав впервые вошли два неевропейских государства — США и Япония, а в фундамент послевоенного мирового устройства закладывалась идея

[1] *Наринский М. М., Филитов А. М.* Советская внешняя политика в период Второй мировой войны: Курс лекций по истории международных отношений (1939–1945 гг.). М.: МГИМО, 1999; *Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е.* История международных отношений, 1918–1939 гг.: Учебник. М.: «Центрполиграф», 2006.

создания уже не европейского, а глобального равновесия. Успешно справиться с этой задачей творцам нового порядка не удалось. США так и не смогли преодолеть изоляционистского политического мышления, а Германия, СССР, Япония и Италия по разным мотивам были недовольны своим положением в Версальско-Вашингтонской системе. В результате пять великих держав из семи (за исключением Великобритании и Франции), по существу, отказались брать на себя роль гарантов этой международной системы, что обрекло ее на скорый крах в 30-е годы XX в.

Результатом крушения Версальско-Вашингтонского порядка и борьбы нацистской Германии и Японии за мировое господство явилась Вторая мировая война, ставшая величайшим бедствием в истории человечества. В разделе, посвященном Второй мировой войне, особое внимание уделяется рассмотрению нацистской агрессии в Европе, дипломатии великих держав и советско-германским отношениям в начальный период войны (1 сентября 1939 г. — 21 июня 1941 г.), формированию и укреплению антигитлеровской коалиции в 1941–1943 гг., решениям, принятым СССР, США и Великобританией на конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме.

Региональные системы международных отношений не растворяются в глобальном международном порядке, а продолжают существовать как его автономные части единой сложной структуры. Отдельные разделы учебника посвящены международным отношениям в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе, формированию региональных международных систем на Ближнем Востоке, Среднем Востоке и в Латинской Америке.

Значительное место в книге занимает история внешней политики Советской России и Советского Союза. В рассматриваемый период решающее влияние на ее формирование оказывала коммунистическая идеология. Она нацеливала внешнеполитическую стратегию СССР на развитие мирового революционного процесса как путем распространения коммунистических идей, так и посредством внешней экспансии. Однако, наряду с революционными задачами, внешняя политика решала и задачи обеспечения безопасности Советского государства, что привносило в ее содержание политический реализм и прагматизм, а в годы Второй мировой войны сделало возможным плодотворное союзничество с капиталистическими Великобританией и США.

Учебник подготовлен на основе лекционных курсов, в разное время прочитанных авторами на факультетах международных отношений и политологии МГИМО-Университета. Он соответствует примерной программе дисциплины «История международных отношений и внешней политики России» федерального компонента Государственного образовательного стандарта по направлениям «Международные отношения» и «Регионоведение».

Главы 1, 4 и 5 написаны Н. Е. Клейменовой; главы 2, 3, 6–14 — А. Ю. Сидоровым; § 3 главы 8 — А. В. Мальгиным; глава 15 — М. М. Наринским; глава 16 — А. Ю. Борисовым. Хронология событий подготовлена авторами совместно.

РАЗДЕЛ I

ВЕРСАЛЬСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕ

ГЛАВА 1

ПАРИЖСКАЯ МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. СТАНОВЛЕНИЕ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ

1.1. Начало работы Парижской мирной конференции. Создание Лиги Наций

По завершении боевых действий победители приступили к подготовке мирной конференции, которая должна была подвести итоги войны и заложить основы нового мирового порядка. Пять ведущих держав-победительниц сформировали политический орган — Верховный совет Антанты, в который вошли главы правительств и министры иностранных дел Великобритании, Франции, Италии, президент и государственный секретарь США, а также дипломатические представители Японии, назначенные ее императором. Под руководством Верховного совета проходила вся подготовка к конференции: были согласованы место ее проведения и состав участников, определены повестка дня и порядок работы. Было решено, что, в отличие от сложившейся ранее международной практики, когда победители и побежденные за одним столом обсуждали условия мирного урегулирования, проигравшие войну державы Четверного союза не будут допущены к участию в выработке решений. Не получили приглашения и представители охваченной Гражданской войной России, поскольку на тот момент не существовало международно признанного российского правительства.

Мирная конференция начала свою работу 18 января 1919 г. в Париже. Это был представительный международный форум, в котором принимали участие делегации 27 государств Европы, Азии и Америки, воевавшие на стороне Антанты или объявившие войну державам Четверного союза, а также представители ряда нейтральных государств. На конференции развернулась тяжелая работа по согласованию и подготовке взаимоприемлемых решений. Обсуждение отдельных вопросов проходило в специально созданных комиссиях и секциях с участием представителей заинтересованных сторон. Однако важнейшие политические решения принимались не рабочими органами конференции и не на ее пленарных заседаниях, а в узком кругу высших представителей пяти ведущих держав-победительниц, составивших так называемый Совет десяти. Великобританию в нем представляли премьер-министр Д. Ллойд Джордж и ми-

нистр иностранных дел А. Бальфур, Францию — премьер-министр Ж. Клемансо и министр иностранных дел С. Пишон, США — президент В. Вильсон и государственный секретарь Р. Лансинг, Италию — премьер-министр В. Орландо и министр иностранных дел Дж. Соннино, Японию — уполномоченные ее императором бывший премьер-министр С. Киммоси и бывший министр иностранных дел Н. Макино. По предложению Вильсона 25 марта 1919 г. главы делегаций, входивших в Совет десяти, приняли решение продолжать заседания без министров иностранных дел. Таким образом, он был преобразован в Совет пяти, а на практике — в Совет четырех (по причине незаинтересованности Японии европейскими делами). Ввиду того, что японцев интересовали преимущественно проблемы Азиатско-Тихоокеанского региона, а Италия в сравнении с остальными державами «пятерки», по существу, являлась младшим партнером, кардинальные решения по ключевым политическим проблемам зависели от позиции трех великих держав — Великобритании, Франции и США.

Внутри «большой тройки» вовсе не царило единодушие; напротив, отношения между ведущими державами-победительницами были весьма сложными. В основе разногласий между ними лежали не только столкновение государственных интересов, но и принципиальные различия в идейно-политической ориентации их лидеров.

Самым опытным среди них был французский премьер-министр Ж. Клемансо — 78-летний политик национально-радикальной ориентации, к тому же представлявший на конференции страну, понесшую наибольшие потери и затраты в войне. Главную задачу Франции он видел в том, чтобы путем максимального ослабления Германии навсегда ликвидировать опасность ее гегемонии в Европе и возвратить Франции роль континентального лидера, как это было в недалеком прошлом. Клемансо фактически выступал за построение европейского порядка, в рамках которого Германия не только была бы лишена статуса великой державы, но и перешла под полный контроль победителей.

Оппонентом французского премьера обычно выступал его британский коллега. Лидер либеральной партии Д. Ллойд Джордж (56 лет) принадлежал не только к иному политическому направлению, но и к более молодому поколению политиков. Упрекая французских лидеров в сугубо эгоистическом подходе к проблемам мирного урегулирования, Ллойд Джордж отстаивал традиционную для британских политиков линию на создание континентального равновесия, в перспективе и с участием Германии — хотя, безусловно, ослабленной и подконтрольной союзникам.

Вместе с тем обе европейские державы сходились в стремлении удержать и расширить завоеванные в ходе войны преимущества, прочно закрепив за собой привилегированный статус победителей в новой системе международных отношений.

Особую позицию в тройке лидеров занимал президент США В. Вильсон (62 года) — американский интеллектуал, профессор, демократ, убежденный сторонник строительства послевоенного международного порядка на принци-

пиально новых основах. Он представлял на конференции молодую великую державу, претендующую на мировое лидерство и заинтересованную в радикальной перестройке всей системы международных отношений.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Вильсон чутко уловил новые тенденции в развитии международных отношений. Он последовательно отстаивал идеи их демократизации и правового регулирования. Традиционную систему баланса сил, лежавшую в основе довоенного порядка и оказавшуюся неспособной предотвратить мировую войну, он предлагал заменить обязательными для всех государств правовыми нормами и положениями, создав при этом особый механизм для предупреждения и мирного разрешения международных конфликтов. По существу, Вильсон предлагал отказаться от принципа равновесия как главного фактора международной стабильности, заменив его принципом коллективной безопасности, основанным на формальном равенстве больших и малых государств и признании права наций на самоопределение.

Важнейшим инструментом и гарантом поддержания нового международного порядка должна была стать постоянно действующая международная организация — Лига Наций, в работе над созданием которой президент США и видел главную задачу Парижской конференции. Свои основные идеи по вопросу о создании Лиги Наций он изложил уже 25 января 1919 г. на одном из первых пленарных заседаний конференции. По его мнению, Лига была призвана взять на себя роль главного регулятора международных отношений. Она должна была стать универсальной организацией, объединяющей все государства мира для сотрудничества, мирного разрешения конфликтов и солидарного противодействия любой агрессии. Вильсон лично возглавил специальную комиссию по подготовке Устава Лиги, разработке которого он придавал первостепенное значение. 26 апреля 1919 г., по завершении работы комиссии, Устав был официально принят конференцией. Вильсон настоял на его включении как неотъемлемой составной части в мирные договоры с державами Четверного союза для того, чтобы связать его положениями и побежденные государства.

Устав Лиги Наций состоял из 26 статей. Он содержал не только правила, регламентирующие работу организации, но и основополагающие принципы, которыми все государства, входящие в Лигу, должны были руководствоваться в международных делах. В преамбуле Устава провозглашались обязательства государств во имя достижения мира и безопасности строить отношения друг с другом на основе права, строгого соблюдения международных договоров и противодействия войне. Одним из важнейших условий обеспечения международной безопасности Устав Лиги Наций провозглашал всеобщее разоружение. Статья 8 декларировала необходимость сокращения вооружений до возможно низкого уровня, который соответствовал бы требованиям националь-

ной безопасности государств и их международным обязательствам. Все участники Лиги были обязаны обмениваться максимально полной, достоверной информацией об уровнях своих вооруженных сил. Каждые пять лет Лига Наций должна была представлять на рассмотрение ее членов обновленные планы сокращения вооружений.

Устав предусматривал и регламентировал сотрудничество государств в гуманитарных областях, в здравоохранении, трудовом законодательстве, в деле обеспечения свободы торговли, коммуникаций, а также в вопросах торговли оружием и опиумом в проблемных регионах.

Особое место в Уставе занимала статья 10. Она содержала принципы взаимных гарантий территориальной целостности, суверенитета и коллективного противодействия агрессии. В соответствии с 11-й статьей в случае возникновении войны или ее угрозы Лига Наций должна была прибегнуть к любым средствам, способным обеспечить мир.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Статья 16 определяла коллективные меры воздействия на государство, совершившее агрессию. Нападение на любое из входящих в Лигу государств рассматривалось как «акт войны против всех других членов Лиги». Все участники Лиги должны были совместно выступить против агрессора, прекратить с ним торговые и финансовые отношения и по решению Совета Лиги принять участие в коллективных санкциях против него — от экономических до военных. Статья 16 предусматривала также возможность исключения государства-агрессора из организации.

Споры между государствами — членами Лиги Наций должны были разрешаться либо при помощи третейского разбирательства специально созданным Международным трибуналом в Гааге, либо Советом Лиги или ее Ассамблеей. Вместе с тем Устав Лиги Наций не содержал принципа безоговорочного запрещения применения силы. Статьи 12 и 15 допускали военные действия в случае невынесения арбитражного решения «в течение разумного срока» или же непринятия Советом Лиги в шестимесячный срок какого-либо конкретного решения, либо при неединогласном его принятии Советом. В этих случаях стороны конфликта были обязаны лишь соблюсти определенную процедуру и выждать три месяца, отводившиеся на усилия по достижению мирного урегулирования.

Задача Лиги Наций не сводилась только к сохранению сложившегося статус-кво. Важное значение для механизма регулирования системы международных отношений и обеспечения ее устойчивости имела статья 19, которая предусматривала возможность пересмотра действовавших договоров, если они входили в противоречие с новыми международными реальностями и могли стать угрозой всеобщему миру.

Принципиально важный характер в деле организации послевоенной системы международных отношений имела статья 22, устанавливавшая особый порядок управления бывшими германскими колониями и арабскими частями Османской империи. Исходя из весьма спорного утверждения о том, что населяющие эти территории народы еще не достигли уровня развития, необходимого для суверенного существования, Лига Наций на основании особых мандатов передавала их под опеку стран-победительниц. При этом Лига сохраняла формальный контроль над деятельностью государств-мандатариев, которые были обязаны предоставлять ей ежегодные отчеты об управлении вверенными им территориями.

Все подмандатные территории были разделены на три группы — A, B и C — в зависимости от оценки «степени развития» населявших их народов. Для каждой из них предусматривались различные формы управления. «Наименее развитые» входили в группу C. Это были бывшие колонии Германии в Юго-Западной Африке и Океании. Они управлялись по законам государства-мандатария — как часть его собственной территории. К группе A были отнесены арабские земли Османской империи, а к группе B — германские колонии в Центральной Африке. Управление этими территориями осуществлялось на условиях соблюдения странами-мандатариями равенства прав всех государств — членов Лиги Наций, запрещения работорговли и торговли оружием, обеспечения гражданских и религиозных прав населения.

Германское и турецкое наследство было окончательно распределено уже после Парижской конференции. Мандаты разделили между собой Великобритания с доминионами, Франция, Япония, а также Бельгия. Великобритания получила мандаты на Палестину, Танганьику, часть Того и Камеруна. Ее доминионы получили: Южно-Африканский Союз — Юго-Западную Африку, Австралия — часть острова Новая Гвинея и остров Науру, Новая Зеландия — Западное Самоа. Франции были выделены мандаты на Сирию, Ливан, часть Камеруна и Того, Бельгии была передана Руанда–Бурунди, а Японии — Каролинские, Марианские и Маршалловы острова.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Учрежденная под формальным контролем Лиги Наций, мандатная система не входила в противоречие с колониальными аппетитами держав-победительниц и по существу являлась их политическим прикрытием. Тем не менее уже сам факт ее организации явился одним из первых, хотя и робких шагов на пути отхода от классического колониализма и признания права неевропейских народов на самоопределение.

Высшими органами Лиги Наций были Ассамблея и Совет Лиги. Местом пребывания организации определялась Женева. Ассамблея собиралась один раз в год (в чрезвычайных случаях чаще). Каждое государство — член Лиги

располагало одним голосом. Все решения, за исключением процедурных, должны были приниматься единогласно. На практике же важнейшим политическим органом Лиги являлся ее Совет. В него должны были войти пять великих держав-победительниц (США, Франция, Великобритания, Япония и Италия) как постоянные члены, а также четыре непостоянных члена, избираемые на трехлетний срок из числа остальных государств — участников Лиги[1]. Совет должен был собираться два раза в год, а если того требовала необходимость — то чаще. Важной фигурой в организационной структуре Лиги Наций, фактически руководившей ее повседневной деятельностью, был Генеральный секретарь. В дальнейшем по соглашению Великобритании и Франции этот пост, а также пост его заместителя поочередно занимали только их представители. Такое положение этих двух держав, и без того постоянно представленных в Совете Лиги, давало широкие возможности для проведения выгодных им решений. Особенно сильные позиции занимала Великобритания, которая добилась принятия в Лигу пяти своих доминионов (Австралии, Ирландии, Канады, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза), а также Индии, ввиду чего она фактически располагала в Ассамблее семью голосами.

Создание первой в истории международной организации по поддержанию мира и безопасности на основе заложенных в ее Уставе принципов правового регулирования, третейского разбирательства и согласования, несомненно, открывало новый этап в развитии международных отношений. Несмотря на явные несовершенства организационной структуры, расплывчатость и неопределенность некоторых положений ее Устава, с Лигой Наций в международном сообществе связывали большие надежды. Число ее членов постоянно росло, и к середине 1920-х годов в ней были представлены уже 56 государств — почти все независимые государства Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, в том числе и бывшие участники Четверного союза (за исключением Турции, вступившей в Лигу в 1932 г.). Однако успешность и эффективность деятельности Лиги Наций зависела прежде всего от готовности и способности ее членов проводить заявленные принципы в жизнь. Важнейшую роль при этом должны были играть великие державы, на плечи которых, безусловно, ложилась и наибольшая доля ответственности. Вместе с тем следует отметить, что в межвоенный период из семи великих держав[2] в Лиге по разным причинам постоянно отсутствовали две или более из них, что, безусловно, не могло не подрывать ее реальные возможности влиять на развитие международных процессов.

[1] В 1922 г. число непостоянных членов Совета Лиги было увеличено с четырех до шести, а в 1926 г. до девяти.

[2] Великобритания, Франция, Италия, Германия, Советский Союз, Соединенные Штаты, Япония.

1.2. Основные подходы держав-победительниц к проблемам мирного урегулирования в Европе

Важнейшей задачей Парижской конференции было создание новой системы международных отношений, отражавшей изменившееся соотношение сил в мире. Ключевыми вопросами, стоявшими перед победителями в свете организации нового политического порядка в Европе, были: германский и проблема государственно-территориального переустройства в Центральной и Восточной Европе.

Решение германского вопроса давалось трем ведущим державам Антанты нелегко, так как между Великобританией, США и Францией существовали острые разногласия. Сокрушив Германию, они по-разному представляли себе ее место в послевоенной Европе. С самых жестких позиций выступала истощенная войной континентальная Франция. Она стремилась максимально ослабить Германию в экономическом, политическом и военном отношении, существенно сократив и ее территорию. Помимо возвращения Эльзаса и Лотарингии, французы требовали отторжения немецких земель по левому берегу Рейна и образования там буферного Рейнского государства. Франция также выступала за передачу возрожденному на европейской карте Польскому государству всех земель, захваченных ранее у Польши Пруссией. Только при условии выполнения этих требований, по убеждению французов, могла быть обеспечена как их собственная, так и европейская безопасность.

Предложения Франции встретили возражения со стороны Великобритании и США. Союзники обвинили ее в узконациональном и не отвечавшем общеевропейским интересам подходе к решению германского вопроса. В условиях развала Австро-Венгрии, неопределенности дальнейшей исторической судьбы России, на фоне общего национально-революционного подъема и большевистской пропаганды идей мировой революции чрезмерное ослабление Германии представлялось им недальновидным и опасным. Вопреки Франции, Великобритания и США по существу выступали с позиций построения нового политического равновесия в Европе с учетом интересов Германии. В качестве гарантий безопасности Франции союзники предложили создать вдоль франко-бельгийской границы с Германией демилитаризованную зону, куда вводились бы союзные войска сроком на 15 лет. Кроме того, США и Великобритания обязались подписать с Францией гарантийные договоры, по которым она получала бы их военную помощь в случае нападения Германии.

Острые споры развернулись и по проблеме репараций. Французская сторона, желавшая максимального экономического ослабления Германии, добивалась возмещения за ее счет всего ущерба, понесенного союзниками в войне, а также их военных издержек.

Ллойд Джордж и Вильсон выступали против чрезмерных репарационных обязательств Германии, доказывая невыгодность ее экономического истощения как для самих победителей, так и для мировой экономики в целом. Опре-

делить приемлемую для всех сумму репарации в ходе Парижской конференции союзники так и не смогли. Этот вопрос был передан на рассмотрение специальной репарационной комиссии, которая должна была вынести свое решение к маю 1921 г.

Проблема территориально-государственного переустройства Австро-Венгрии была неразрывно связана с национальными движениями ее народов, провозгласивших в конце войны образование независимых государств. Несмотря на все усилия западных держав не допустить распада империи Габсбургов, традиционно представлявшей собой сильный европейский центр и важный элемент континентального равновесия, спасти Австро-Венгрию им не удалось. Поэтому державы-победительницы должны были заняться радикальной перестройкой Центральной и Восточной Европы. Задача эта была не из легких. Провести в этом регионе территориально-государственное размежевание на основе национального принципа было очень сложно ввиду большого числа областей со смешанным населением, веками проживавшим в едином государстве. При этом победители стремились к созданию зон собственного влияния в этой чрезвычайно важной в геополитическом отношении части Европы, где ранее доминировали и соперничали друг с другом Германия, Россия и Австро-Венгрия. Образованные здесь и ориентированные на западные державы новые государства — Польша, Чехословакия, КСХС, — а также усиленная за счет серьезных территориальных приращений Румыния должны были в равной степени сдерживать как Германию и ее потенциальных союзников, так и Россию. Особая роль в этом отношении отводилась державами-победительницами возрожденной Польше, определение границ которой также являлось непростой политической задачей.

1.3. Версальский договор

Работа над мирными договорами с Германией и ее союзниками проходила в отсутствие побежденных государств. В ней принимали участие главным образом представители «большой четверки», лишь изредка приглашавшие делегатов заинтересованных стран высказать свои соображения по конкретным, непосредственно касавшимся их вопросам. Только после того, как текст мирного договора с Германией был готов, для ознакомления с ним в начале мая 1919 г. в Париж была приглашена германская делегация. Условия договора вызвали у немцев глубокое возмущение. После отказа держав Антанты принять их поправки и возражения глава делегации, министр иностранных дел У. фон Брокдорф-Ранцау отверг предложенные условия мирного договора, заявив, что от его страны по существу требуют подписать себе смертный приговор. В ответ союзники предъявили Германии ультиматум с угрозами возобновить военные действия в случае ее повторного отказа согласиться с требованиями победителей. В сложившейся ситуации германское Национальное собрание после бурного обсуждения постановило принять ультиматум. 28 июня 1919 г.

в зеркальном зале Версальского дворца, там, где 48 лет назад Франция признала свое поражение от Пруссии и где прусский канцлер О. фон Бисмарк провозгласил образование Германской империи, состоялась торжественная церемония подписания мирного договора с Германией. В ней приняли участие все представленные на Парижской конференции государства Антанты, за исключением Китая, не согласившегося с передачей Японии германских владений на его территории.

Версальский договор представлял собой документ, определивший новое место Германии в послевоенной Европе. Договор предусматривал значительное изменение ее границ. На западе она должна была вернуть Франции две ее бывшие провинции — Эльзас и Восточную Лотарингию, аннексированные немцами после Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Кроме того, граничащая с Францией Саарская область Германии передавалась на 15 лет под управление Лиги Наций с последующим проведением там плебисцита, призванного решить вопрос о ее дальнейшей государственной принадлежности. Французы получали также право собственности на угольные копи Саарского бассейна. Изменения претерпела и германо-бельгийская граница. Бельгии передавались районы Эйпена, Мальмеди и Морене, населенные преимущественно валлонами (в 1920 г. это решение было подтверждено результатами плебисцитов). На севере к Дании после плебисцита 1920 г. отходила северная часть Шлезвига с преимущественно датским населением.

Еще более существенные потери Германия понесла на востоке. Здесь ее обязывали уступить в пользу Польши значительную часть отошедших к Пруссии по разделам Речи Посполитой в XVIII в. бывших польских территорий, где на момент подписания договора большинство населения составляли поляки. На остальных принадлежавших Речи Посполитой землях со смешанным населением — Силезии, Вармии и Мазурах — в 1920 и 1921 гг. были проведены плебисциты, по результатам которых часть этих территорий, где поляки в основном составляли большинство, также переходила к Польше. Кроме того, ей передавалась узкая полоса Балтийского побережья западнее Данцига (Гданьска), обеспечившая ей выход к морю и получившая название «польского коридора». Этот коридор, населенный преимущественно немцами, отсекал от основной части Германии Восточную Пруссию, превращая ее в анклав.

От Восточной Пруссии также отторгались два балтийских порта — Данциг (Гданьск) и Мемель (Клайпеда), переходившие под управление Лиги Наций. В 1924 г. Клайпеда, занятая годом ранее литовскими войсками, по решению Лиги была передана Литве.

Германию обязывали признать все послевоенные территориально-государственные изменения в Европе и независимость созданных здесь после войны новых государств. Кроме того, она должна была отказаться от Брестского договора 1918 г. с Советской Россией и Бухарестского договора 1918 г. с Румынией.

Территориальные потери Германии были существенны. Они составили 13,5% довоенной территории страны, где проживало 10,5% ее населения,

а также располагались богатые месторождения железной руды и угля. Однако это были не исконно немецкие, а аннексированные вначале Пруссией, а затем Германией у соседей земли, в большинстве своем не с немецким населением. Таким образом, при определении новых германских границ на западе, севере и востоке державы-победительницы в основном старались придерживаться национального принципа. Совершенно иной подход союзники продемонстрировали в отношении южной границы Германии. Она не претерпела каких-либо изменений по сравнению с довоенной германо-австрийской границей, за исключением небольших уступок в Силезии в пользу Чехословакии. Победители вовсе не желали допустить объединения европейских немцев в едином государстве. Поэтому отдельной статьей Версальского договора Германии запрещалось объединяться с Австрией в любой форме, включая таможенный союз. Люксембург, который имел такой союз до войны, должен был выйти из него. Германия лишалась также всех своих колоний и заморских владений.

Версальский договор определил особый статус западной германской границы. Пограничные области левого берега Рейна и 50-километровая зона вдоль его правого берега подлежали демилитаризации. Здесь Германии запрещалось держать войска и строить военные укрепления. Кроме того, на левом берегу Рейна размещались войска союзников на срок от 5 до 15 лет.

Военные статьи договора предусматривали фактически полное разоружение и демилитаризацию Германии. Численность ее вооруженных сил не должна была превышать 100 тыс. человек, в том числе 4 тыс. офицеров, а комплектование армии могло осуществляться исключительно на добровольной основе. Всеобщая военная повинность отменялась. Разрушалась и вся система военного образования. Военная академия и Генеральный штаб распускались. Германии запрещалось иметь тяжелое вооружение, танки, авиацию и подводный флот. Резко сокращались ее военно-морские силы. Ей разрешалось иметь лишь 6 броненосцев, 6 легких крейсеров и 12 контрминоносцев. Контроль над выполнением военных статей Версальского договора возлагался на особую межсоюзническую комиссию.

На государства Четверного союза была возложена вся полнота ответственности за развязывание Первой мировой войны. Вследствие этого они были обязаны выплатить победителям репарации в суммах, которые должны были указать им державы Антанты.

Ввиду острых разногласий между союзниками общий размер репараций с Германии Версальским договором не определялся. На Парижской конференции было лишь решено, что до 1921 г. Германия должна будет уплатить государствам Антанты 20 млрд золотых марок (5 млрд долл.). В соответствии со статьей 116 Версальского договора право на репарации получала и Россия, чей вклад в победу союзники никогда не отрицали.

Версальский договор предусматривал также установление экономического контроля победителей над Германией. Она должна была расторгнуть все за-

ключенные ею ранее договоры и соглашения экономического характера. На ее торговлю с державами Антанты и присоединившимися к ним странами распространялся режим наибольшего благоприятствования. Германии запрещалось вводить ограничения на ввоз любых товаров. Реки Эльба, Одер, Неман и Дунай, а также Кильский канал объявлялись свободными для международного судоходства. Германия обязывалась обеспечивать другим государствам свободный транзит через свою территорию и воздушное пространство.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Версальский договор, безусловно, носил репрессивный характер. Такие его положения, как открытая западная граница, оккупация на длительный срок германских земель на Рейне, жесткие и всеобъемлющие военные ограничения, экономический диктат победителей, репарационные платежи, разрыв государственной территории на Востоке, не только подрывали великодержавные позиции Германии, но и существенным образом ущемляли ее государственный суверенитет. Версальский договор, идущий вразрез с провозглашенными победителями демократическими принципами мирного урегулирования, в массовом сознании немцев стал символом глубокой несправедливости и национального унижения, питавшим радикально-националистические и реваншистские настроения в обществе.

Вместе с тем условия Версальского договора явились результатом компромисса между ведущими державами Антанты. Франции так и не удалось убедить своих союзников в необходимости полного ослабления и расчленения Германского государства. В Великобритании и США сознательно стремились сохранить основы для его последующего восстановления в качестве великой державы. И хотя в итоге Германия и была чрезвычайно ослаблена и поставлена в очень жесткие политические рамки, на европейской карте ее сохранили как одну из крупнейших и принципиально важных величин.

Одновременно с Версальским договором Великобритания и США подписали с Францией два идентичных по содержанию гарантийных договора, согласно которым они должны были оказать ей помощь в случае неспровоцированной агрессии со стороны Германии. При этом особо оговаривалось, что эти договоры могут вступить в силу только в случае их ратификации всеми сторонами.

1.4. Сен-Жерменский, Трианонский и Нейиский договоры

Следующим важным этапом Парижской конференции было подписание мирных договоров с Австрией и Венгрией — государствами, которые державы Антанты рассматривали как правопреемников распавшейся Австро-Венгрии. Договоры с ними должны были утвердить новое

государственно-территориальное размежевание в Центральной и Восточной Европе после крушения империи Габсбургов.

Австрийская республика была формально провозглашена 12 ноября 1918 г., вначале под названием Немецкая Австрия. Хотя в ней и были сильны настроения в пользу объединения с Германией, в Берлине прекрасно сознавали, что победители этого не допустят, и поэтому не поддерживали объединительных идей австрийцев. В свою очередь державы Антанты не только заблокировали специальной статьей Версальского договора саму возможность германо-австрийского объединения, но и решительно потребовали от австрийцев смены названия их государства, что и было исполнено. В результате страна получила название Республика Австрия.

10 сентября 1919 г. в пригороде Парижа Сен-Жермен-ан-Ло был подписан мирный договор с Австрией. В соответствии с Сен-Жерменским договором к ней отходили территории компактного проживания австрийских немцев в районах Дуная и Альп с небольшими отступлениями от этнического принципа по военно-стратегическим соображениям в пользу Италии и Чехословакии.

Попытки австрийских представителей добиться включения в состав их государства части Судетской области с трехмиллионным немецким населением, отошедшей к Чехословакии, успеха не имели. В то же время в пользу австрийцев был решен вопрос о передаче им района Бургендланда, входившего до войны в состав венгерской части Австро-Венгрии. Независимую Венгрию, в отличие от Чехословакии, державы-победительницы в качестве своего политического партнера не рассматривали. В спорном с КСХС районе со смешанным населением — Западной Крайне — предлагалось определить границу по итогам плебисцита[1].

Австрия обязывалась признать все территориальные изменения, произведенные державами Антанты в Европе, а также независимость вновь образовавшихся государств. Особой статьей Сен-Жерменского договора ей запрещались любые действия, направленные на изменение своего независимого статуса без согласия на то Лиги Наций (имелось в виду объединение с Германией).

Военные статьи Сен-Жерменского договора ограничивали численность австрийской армии 30 тыс. человек. Ей запрещалось иметь тяжелое вооружение и авиацию. Морской и Дунайский флоты бывшей Австро-Венгрии передавались державам Антанты. За выполнением военных статей договора вводился строгий контроль победителей. Решения в отношении репараций были аналогичны постановлениям Версальского договора. Оговаривалось и право России на репарации с Австрии.

Мирный договор с Венгрией готовился параллельно с Сен-Жерменским. Он также должен был определить границы и международный статус Венгерского государства. Предполагалось, что его территория будет сокращена

[1] Плебисцит в Западной Крайне состоялся в 1920 г. и привел к разделу этой территории между Австрией и КСХС.

в три раза по сравнению с той, которой венгры располагали в рамках Австро-Венгрии. В результате четверть этнических венгров оказывалась за пределами его границ.

Известие об этих условиях вызвало в Венгрии мощное национальное движение, на волне которого к власти пришло революционное правительство во главе с коммунистом Белой Куном. В марте 1919 г. была провозглашена Венгерская Советская Республика. Части венгерской Красной армии заняли Восточную Словакию, где в июне 1919 г. была создана Словацкая Советская Республика, заявившая об объединении с Советской Венгрией.

Державы-победительницы предприняли все усилия для ликвидации советского режима в Венгрии, усмотрев в нем не только угрозу становлению нового европейского порядка, но и реальную опасность распространения большевизма в Европе. К августу 1919 г. чехословацкие и румынские войска, опираясь на поддержку держав Антанты, сломили сопротивление венгров. Революционное правительство в Будапеште пало, и власть перешла в руки правых сил во главе с адмиралом М. Хорти.

4 июня 1920 г., спустя несколько месяцев после стабилизации политической ситуации в стране, в Большом Трианонском дворце Версаля мирный договор с Венгрией был подписан. Его основные положения мало чем отличались от проекта, предложенного ей весной 1919 г. и учитывавшего практически все территориальные претензии к Венгрии ее соседей, которые, за исключением Австрии, были союзными Антанте странами. В соответствии с ним Венгрия должна была отказаться от Словакии и Закарпатской Руси в пользу Чехословакии. Трансильвания, где венгерское население было особенно значительным, передавалась Румынии, с которой державы Антанты еще в 1916 г. подписали соглашение на этот счет. Румынии также отходила и населенная преимущественно украинцами Буковина. Территория Баната была разделена между Румынией и КСХС. Земли хорватов, словенцев и боснийцев переходили к КСХС. Австрия получала Бургендланд. Венгрия должна была признать все послевоенные территориально-государственные изменения в Европе. Военные статьи Трианонского договора ограничивали численность венгерской армии 35 тыс. человек; при этом предусматривался добровольный принцип ее комплектования. Танки, авиация и тяжелое вооружение запрещались. Остальные статьи Трианонского договора почти дословно совпадали с аналогичными статьями Сен-Жерменского договора.

Навязанные силой тяжелые условия Трианонского договора были восприняты венгерским обществом как абсолютно неприемлемые и противоречащие его жизненным интересам, что и предопределило негативное отношение Венгрии к Версальскому порядку.

Мирный договор с Болгарией был подписан 27 ноября 1919 г. в пригороде Парижа Нейи-сюр-Сене. Он закреплял победу Антанты на Балканском полуострове. Надежды Болгарии на поддержку со стороны США, выступавших за компромиссное решение территориальных споров между Балканскими го-

сударствами, порожденных еще итогами Второй Балканской войны 1913 г., не оправдались. По Нейискому договору Болгария лишалась не только всех завоеваний, но и 11% своей довоенной территории. Некоторые ее пограничные районы отходили к КСХС. Но наиболее болезненным для Болгарии было решение союзников о передаче Греции очень важной в экономическом и военно-стратегическом отношении территории Западной Фракии, что означало потерю ею выхода к Эгейскому морю. Болгарская армия разоружалась и сокращалась до 20 тыс. человек. В качестве репараций Болгария должна была выплатить 2 млрд 250 млн золотых франков равными долями в течение 37 лет, а также поставлять продовольствие в Грецию, Румынию и КСХС. Нейиский договор, серьезно подорвавший позиции Болгарии на Балканах, создавал благодатную почву для роста в этой стране ревизионистских настроений.

1.5. Севрский и Лозаннский договоры

Севрский мирный договор с Турцией, подписанный 10 августа 1920 г., был последним мирным договором, подготовленным на Парижской конференции. Работа над ним затянулась из-за острых споров между европейскими державами и США вокруг османского наследства.

В конечном итоге условия мирного договора оказались чрезвычайно суровыми. В соответствии с ними Османская империя ликвидировалась. Возникшее на ее руинах Турецкое государство лишалось не только всех ее арабских владений, но и существенной части своих этнических территорий. В Европе державы-победительницы оставили Турции лишь район Стамбула с пригородами. Остальную часть населенных турками областей Восточной Фракии с Адрианополем и восточным берегом Дарданелл планировали передать Греции, которая, кроме того, получала в Малой Азии город Смирну (Измир) с прилегающими районами, а также острова Имрос и Тенедос. Населенная преимущественно турками территория Анатолии в азиатской части Турции также подлежала разделу. Северо-восточная ее часть — древние армянские земли — должна была отойти к независимой Армении. Турецкому Курдистану предполагалось предоставить автономный статус.

Значительная часть территории Турции разделялась на британскую, французскую и итальянскую зоны влияния. Турецкая армия сокращалась до 50 тыс. человек. Ей запрещалось иметь тяжелое вооружение и авиацию. Военно-морской флот передавался державам-победительницам. Зона проливов Босфор и Дарданеллы подлежала демилитаризации и переходила под контроль и фактическое управление международной комиссии, в которой должны были участвовать великие державы, а также черноморские государства и Греция после их вступления в Лигу Наций. Предусматривался свободный проход военных и гражданских судов через проливы как в мирное, так и в военное время.

Полный контроль победителей устанавливался над всей финансовой системой Турции. В стране восстанавливался режим капитуляций. Он преду-

сматривал экстерриториальный статус иностранцев, распространявшийся на граждан всех союзных государств.

Севрский договор, подписанный от имени султана Мехмета VI, не только ущемлял суверенитет Турции, но и по существу низводил ее до положения полуколонии. Он был решительно отвергнут оппозиционным султану парламентом, который в апреле 1920 г. сформировал в Анкаре национальное правительство. Его возглавил герой войны, генерал М. Кемаль, выступавший с программой создания независимого Турецкого государства в этнических границах. Объявив султана «пленником неверных», кемалисты отказались подчиняться его распоряжениям и осенью 1920 г. развернули боевые действия против Греции и Армении за возвращение населенных турками территорий.

Разгромив армянские войска и заняв Карс, турки в ноябре 1920 г. вышли на линию русско-турецкой границы 1877 г. По Александропольскому мирному договору от 2 декабря 1920 г., подписанному кемалистами с дашнакской Арменией[1], ее территория сокращалась до областей Еревана и озера Гокча (Севан), а сама она фактически переходила под протекторат Турции. Однако этот договор так и не вступил в силу ввиду активного вмешательства в турецко-армянский конфликт Советской России, с которой Кемаль установил дружественные отношения и на чью военную помощь он очень рассчитывал. Окончательно граница Турции с Закавказьем была определена весной 1921 г., уже после того как все Закавказье было занято Красной армией и там победила советская власть[2].

Сотрудничество с Советской Россией дало возможность кемалистам в критический для них момент сосредоточить все свои силы на западном фронте — против греческих войск, развернувших при поддержке держав Антанты наступление на Анкару. В августе—сентябре 1921 г. в решающем сражении у реки Сакарья греки потерпели сокрушительное поражение.

Победы турецких войск обострили противоречия между державами-победительницами. В октябре 1921 г. французы подписали с кемалистами сепаратный договор, по которому признавали правительство Анкары де-юре и соглашались на пересмотр условий Севрского мира в пользу Турции на основе этнического разграничения турецких и арабских территорий. После этого неотвратимость пересмотра Севрского договора была признана и в Лондоне.

К сентябрю 1922 г. турецкие войска нанесли решающее поражение греческой армии, заняв всю Анатолию. По Муданийскому перемирию от 11 октября 1922 г., подписанному Турцией с Великобританией, Францией, Италией и присоединившейся к ним Грецией, греческие войска выводились из Восточной Фракии. Войска союзников временно оставались только в зоне проливов до подписания с Турцией нового мирного договора.

---

[1] *Дашнакцутюн* («*Союз*») — правящая партия Армянской Республики в 1918–1920 гг.

[2] Об урегулировании пограничных вопросов между Турцией и республиками Закавказья и развитии советско-турецких отношений в 1920–1921 гг. см. главу 2.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Севрский мир оказался мертворожденным. Турция, единственная из держав Четверного союза, с оружием в руках смогла добиться пересмотра навязанного ей Антантой мирного договора.

Лозаннская конференция, проходившая с ноября 1922 г. по июль 1923 г., окончательно разрешила проблему мирного урегулирования с Турцией. Державы-победительницы вынуждены были пойти ей на существенные уступки. Права Турции на ее этнические территории были восстановлены. В результате она сохранила и Восточную Фракию, и всю Анатолию, а вопрос о самоопределении курдов на турецкой территории был снят. Турции возвращались Турецкая Армения и Измир с пригородами, которые должны были отойти соответственно Армении и Греции.

Режим капитуляций и привилегии иностранцев в Турции отменялись; ликвидировались и зоны влияния держав-победительниц. В свою очередь Турция отказывалась от прав на арабские территории, официально признавала аннексию Великобританией в 1914 г. острова Кипр и установленный в том же году британский протекторат над Египтом. Италия получала остров Родос, а также закрепляла за собой Додеканезские острова, захваченные ею еще в ходе войны с Османской империей 1911–1912 гг., и завоеванные в результате той же войны права на Ливию. Турция обязывалась выплатить часть долгов султанского правительства; при этом конкретную сумму платежей еще предстояло согласовать.

На Лозаннской конференции была принята и новая конвенция о режиме Черноморских проливов, которая по сравнению с условиями Севрского мира была также смягчена в пользу Турции. В соответствии с решениями конференции иностранные войска выводились из зоны проливов. Она подлежала демилитаризации, и только в Стамбуле Турции разрешалось иметь 12-тысячный гарнизон. Режим проливов, в основу которого был положен британский проект, предусматривал свободный проход через них торговых и военных кораблей всех государств в мирное время. При этом нечерноморские страны могли проводить в Черное море военный флот, по своему тоннажу не превышающий тоннаж флота сильнейшей черноморской державы. В военное время через проливы могли проходить только военные корабли нейтральных государств. Контроль над соблюдением Лозаннской конвенции возлагался на международную комиссию, создаваемую под эгидой Лиги Наций.

К участию в обсуждении конвенции о режиме проливов в Лозанну была приглашена делегация Советской России, которая выступала и от лица двух других черноморских советских республик — Украины и Грузии. Она попыталась противопоставить британскому проекту конвенции свой собственный, предусматривавший закрытие проливов для прохода любых военных судов как в мирное, так и в военное время, а также полное восстановление су-

веренных прав турок укреплять и защищать зону проливов. Однако все участники конференции, в том числе и Турция, на поддержку которой в Москве очень рассчитывали, отвергли советские предложения. Рассматривая конвенцию как разменную монету в деле решения гораздо более важного для нее вопроса о мирном договоре, турецкая сторона в конечном счете поддержала британский проект. В результате советская делегация не смогла оказать серьезного влияния на выработку решений конференции. Поэтому, несмотря на то что представитель СССР подписал Лозаннскую конвенцию, из-за возражений со стороны левого крыла в Политбюро ЦК РКП(б) она впоследствии так и не была ратифицирована. При этом Советский Союз на деле соблюдал положения Лозаннской конвенции, поскольку она налагала известные ограничения на военное присутствие в Черном море военных флотов нечерноморских стран и давала возможность возрождающемуся советскому Черноморскому флоту свободно проходить через проливы в Средиземное море.

Лозаннский мирный договор с Турцией в основном завершил процесс послевоенного мирного урегулирования в Европе и создания основ новой европейской системы международных отношений.

1.6. Окончательное территориальное урегулирование в Восточной Европе

К концу 1919 г., спустя год после открытия Парижской конференции, в ее работе произошли организационные перемены. После отъезда Вильсона из Парижа в июне 1919 г. и ввиду отказа сената США в ноябре 1919 г. ратифицировать Версальский договор американские представители перестали принимать активное участие в заседаниях конференции. Уже в их отсутствие Верховный совет Антанты и Совет пяти приняли решение о создании нового рабочего органа, призванного не только довести до успешного завершения мирную конференцию, но и способствовать впоследствии разрешению насущных международных проблем. Этим органом стала Конференция послов четырех держав-победительниц — Великобритании, Франции, Италии и Японии, заседавшая в Париже. Посол США также принимал участие в ее работе, но только в качестве наблюдателя. После официального закрытия Парижского форума Конференция послов продолжала свою деятельность вплоть до 1931 г. Ее влияние на принятие политических решений было настолько велико, что она зачастую подменяла собой высший международный орган — Лигу Наций.

Пять мирных договоров государств Антанты с державами Четверного союза, заложившие основу Версальской системы международных отношений, стали частью сложного процесса создания нового европейского порядка. Нерешенными, в частности, оставались пограничные споры между государствами, принадлежавшими к самому лагерю победителей. Порой эти споры приобретали такой острый характер, что дело доходило до военных столкновений.

Одним из таких территориальных конфликтов был польско-чехословацкий спор вокруг Тешинской Силезии — района с этнически смешанным населением. В июле 1920 г. Конференция послов, воспользовавшись тяжелым положением Польши в разгар советско-польской войны[1], добилась от поляков уступок в этом вопросе. В результате Тешинская область была передана Чехословакии.

Не менее остро стоял вопрос и о принадлежности Восточной Галиции — бывшей австрийской территории, населенной преимущественно украинцами, среди которых были сильны настроения в пользу самоопределения. В октябре 1918 г. здесь была провозглашена Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР), а в январе 1919 г. было объявлено о ее воссоединении с Украинской Народной Республикой во главе с С. Петлюрой. Польша выступала решительно против объединения Украины, что привело в 1919 г. к польско-украинским вооруженным столкновениям в Восточной Галиции. Третейское разбирательство этой проблемы западными державами затруднялось неопределенностью итогов Гражданской войны в России и неясностью в свете этого судьбы Украины. Поэтому союзниками было предложено промежуточное решение, по которому Польша получала мандат на 25-летнее управление Восточной Галицией при условии обеспечения ее автономии. Такое решение не устроило ни поляков, ни украинцев и в силу так и не вступило. Вопрос о принадлежности Восточной Галиции оставался открытым и в 1922 г., уже после окончания советско-польской войны, был разрешен Лигой Наций в пользу Польши.

Много усилий державы-победительницы потратили на урегулирование вопроса о принадлежности югославянских территорий на восточном побережье Адриатического моря, входивших ранее в состав Австро-Венгрии. На них одновременно претендовали Италия и КСХС. Итальянцы твердо настаивали на выполнении секретного договора 1915 г. об условиях их вступления в войну, по которому эти территории должны были после победы перейти к ним. Однако в ходе Парижской мирной конференции США, не связанные этим договором, а также Франция поддержали требования Белграда о признании этих земель, населенных преимущественно южными славянами, за КСХС. В результате Италия, несмотря на все усилия ее делегации, не получила на Балканском полуострове областей Истрии, Далмации, г. Риека (Фиуме), а также Албании в качестве зоны влияния. Не были решены в ее пользу и вопросы о признании за ней населенных греками островов Додеканезского архипелага и острова Родос, а также передачи ей территории Джубаленда в Восточной Африке.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Решения Парижской конференции вызвали в чрезвычайно ослабленной войной Италии глубокое недовольство. Широкую популярность здесь приобрел миф о так называемой «урезанной победе», по существу равнозначной поражению, и напрасных жертвах.

[1] О советско-польской войне см. главу 2.

В 1919 г. начались двусторонние итало-югославские переговоры по территориальным вопросам. И Белград, и Рим были непреклонны, поэтому переговоры проходили очень тяжело. Только в ноябре 1920 г. в Рапалло был наконец подписан договор о территориальном разграничении между Италией и КСХС. Он удовлетворил большинство требований более сильной Италии, получившей большую часть бывшего австрийского Адриатического побережья, как это и предусматривалось договором 1915 г., — Триест, Истрию, часть Западной Крайны и порт Задар. Занятый итальянскими войсками, но не упоминавшейся в договоре порт Риека (Фиуме) получил статус вольного города под управлением Лиги Наций. Однако позже, в январе 1924 г., он был передан Италии, после чего граница между двумя государствами окончательно определилась.

В ряду острых вопросов территориального урегулирования на Балканах стояла и албанская проблема. Территориальные претензии к Албании, чья независимость была международно признана в 1913 г. после Первой Балканской войны, выдвигали Греция и Италия. В июле 1919 г. они заключили между собой договор о взаимной поддержке в албанском вопросе, но добиться своего им так и не удалось из-за решительного сопротивления албанцев, сумевших отстоять свои границы. В ноябре 1921 г. Конференция послов приняла решение о подтверждении границ Албанского государства по их состоянию на 1913 г.

Новые послевоенные границы, утвержденные решениями Парижской мирной конференции и Конференции послов, проводились без участия России. Вместе с тем державы понимали, что они не в состоянии создать стабильный международный порядок, полностью игнорируя российские интересы. Было очевидно, что окончательное европейское территориально-государственное урегулирование возможно лишь после стабилизации положения в России и окончания там Гражданской войны, исход которой должен был в конечном счете определить ее политическое лицо и место в послевоенной системе международных отношений. Поэтому державы-победительницы старались демонстрировать в целом осторожный подход в отношении определения восточных польских и румынских границ.

В декабре 1919 г. Верховный совет Антанты, несмотря на недовольство поляков, предложил определить восточную границу Польши исходя из этнического принципа. Она должна была пройти по линии реки Буг, западнее городов Гродно, Брест и восточнее Перемышля до Карпат.

Осторожный подход был продемонстрирован державами-победительницами и в отношении восточной границы Румынии, которая в январе 1918 г. оккупировала принадлежавшую России Бессарабию. Великобритания, Франция, Италия и Япония согласились признать права Румынии на Бессарабию только в октябре 1920 г., после окончания советско-польской войны[1]. Независимость трех Прибалтийских республик — Латвии, Литвы и Эстонии — державы Антанты признали де-факто в 1919 г., однако с их признанием де-юре они тоже не спешили.

[1] О Бессарабском протоколе подробнее см. главу 2.

1.7. Возвращение США на позиции изоляционизма

Активная роль США в мировой политике на завершающем этапе войны и в процессе мирного урегулирования способствовала росту интереса к международным делам в широких американских общественно-политических кругах. Внешнеполитические проблемы стали предметом жаркой дискуссии, в ходе которой В. Вильсон подвергался всевозрастающей критике. Его главные оппоненты — республиканцы — обвиняли президента в необоснованном разрыве с американскими традициями во внешней политике и отходе от доктрины невмешательства в европейские дела в ущерб национальным интересам США. Влияние противников Вильсона быстро усиливалось. Уже в конце 1918 г. республиканцы, располагавшие большинством в сенате, одержали победу на выборах в палату представителей и установили контроль над обеими палатами конгресса США.

Решения Парижской конференции вызвали новую волну критики со стороны республиканской оппозиции. Вильсона упрекали в излишних уступках в пользу держав Антанты, критиковали за подписание гарантийного договора с Францией. Острое недовольство в США вызвало и согласие президента на передачу Японии германских владений в Китае и на Тихом океане. Республиканцы решительно отказывались принять и саму идею создания Лиги Наций, заявляя, что они ни при каких обстоятельствах не допустят ограничения прав конгресса в международных делах и зависимости внешней политики США от наднационального органа.

Администрация Вильсона не смогла преодолеть принципиальных разногласий с республиканцами. Процесс поиска компромисса в конгрессе, продолжавшийся в течение нескольких месяцев, положительных результатов не дал. Поэтому проект резолюции о ратификации Версальского договора, несмотря на внесенные в него многочисленные поправки, поддержки большинства в сенате так и не получил.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Отказав в ратификации Версальского договора, сенат заблокировал и вступление США в Лигу Наций. Узнав о результатах голосования, Вильсон с горечью сказал: «Мы имели шанс добиться мирового лидерства. Мы потеряли этот шанс»[1].

На президентских выборах в ноябре 1920 г. демократы потерпели сокрушительное поражение. К власти в США пришли республиканцы. Новый президент У. Гардинг, проводивший избирательную кампанию с программой возвращения внешней политики к традициям изоляционизма, заявил, что США не желают принимать участие в руководстве судьбами мира. Этой линии республиканцы будут неуклонно придерживаться в течение последующих 12 лет пребывания у власти.

[1] *Ambrosius Lloyd E.* Wilsonianism: Woodrow Wilson and his legacy in American foreign relations. N.Y., 2002. P. 17.

1.8. Версальская система

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Новый европейский порядок, созданный победителями после войны, получил название Версальской системы международных отношений. Он существенно отличался от довоенного, основой которого было равновесие в четверке великих континентальных держав — Германии, Австро-Венгрии, Франции и России, в то время как Великобритании принадлежала роль балансира. Война и революции разрушили эту политическую конструкцию, в корне изменив соотношение сил в Европе. Германия была повержена. Прекратила существование Австро-Венгрия. Россия, выпав из коалиции победителей, была охвачена революционной смутой. Радикально изменилась и политическая карта Европы. Распад трех империй — Германской, Российской и Австро-Венгерской — привел к появлению на ней девяти новых государств — Австрии, Венгрии, КСХС (позже — Югославия), Польши, Чехословакии, Финляндии, Латвии, Литвы, Эстонии.

Подводя итоги войны и приступая к созданию новой европейской политической системы, державы-победительницы не пошли по пути восстановления континентального равновесия. Напротив, навязанные силой побежденным государствам пять мирных договоров носили ярко выраженный репрессивный характер и имели целью закрепить франко-британское преобладание в Европе на как можно более длительный период.

Этой же цели, по существу, были подчинены и решения Парижской конференции по территориально-государственному устройству Центральной и Восточной Европы. Хотя распад Австро-Венгрии произошел вопреки желанию держав Антанты, именно они взяли в свои руки управление этим процессом. При определении границ новых государств победители руководствовались прежде всего собственными геополитическими и военно-стратегическими целями, зачастую входившими в противоречие с интересами народов, чьими судьбами они распоряжались.

Задавшись целью максимально ослабить Германию, союзники добились, по существу, обратного результата. В геополитическом отношении она скорее выиграла, чем проиграла. На ее восточных и южных границах вместо России и Австро-Венгрии теперь располагались относительно слабые государства — Польша и Чехословакия. В них оказались значительные немецкие меньшинства, которые наряду с австрийскими немцами стремились к воссоединению с Германией. В этой связи Ллойд Джордж с тревогой писал Вильсону в марте 1919 г., что «не может представить себе более весомой причины для будущей войны»[1].

[1] Цит. по: *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997. С. 214.

Отбросив принцип континентального равновесия, державы-победительницы рассчитывали заменить его глобальным равновесием. Решающей гарантией прочности Версальской системы, как и мирового международного порядка в целом, должны были стать согласованные действия как минимум трех ведущих государств Антанты — Великобритании, Франции и США, подкрепленные системой коллективной безопасности и солидарных санкций, предусмотренных Уставом Лиги Наций. Однако отказ США от роли гаранта послевоенного мирового и европейского порядка подрывал сами его основы. Теперь главная ответственность за поддержание международной стабильности ложилась на плечи Великобритании и Франции. Однако их политического веса и влияния было недостаточно для решения этой нелегкой задачи. В прямой зависимости от поддержки ведущих держав мира находилась и Лига Наций. Ее деятельность, не подкрепленная их совокупной мощью и авторитетом, не могла быть по-настоящему эффективной.

Серьезным препятствием для создания необходимых гарантий прочности Версальской системы являлись и острые британо-французские противоречия, не позволявшие двум державам Антанты объединиться для проведения согласованной европейской политики. Великобритания не захотела отойти от традиционной роли континентального балансира и не пожелала без США, в одностороннем порядке, ратифицировать подписанный ею ранее с Францией гарантийный договор безопасности. Ввиду этого в Париже было принято решение приступить к созданию в Европе собственной системы военно-политических союзов, получивших впоследствии название «тыловые союзы». С их помощью французы рассчитывали укрепить Версальскую систему изнутри, нейтрализовав угрозы как со стороны Германии и других побежденных государств, так и со стороны оставшейся вне рамок послевоенного урегулирования и враждебной победителям Советской России. В 1920 г. был подписан франко-бельгийский, а в 1921 г. — франко-польский оборонительные договоры. В 1921–1922 гг. при активном содействии Франции Чехословакия, Румыния и Югославия создали военно-политический блок — Малую Антанту, направленный против возможной агрессии со стороны Венгрии и Болгарии. В марте 1921 г. Румыния и Польша подписали оборонительный договор для защиты своих восточных границ, направленный против Советской России.

Встав на путь силового регулирования Версальской системы, Франция по существу стремилась к построению нового континентального порядка, инструментами поддержания которого, помимо ограничительных статей мирных договоров и механизмов международного регулирования под эгидой Лиги Наций, должны были стать замкнутые на нее военно-политические союзы, призванные сдерживать «антиверсальские» государства. Тем не менее справиться с ролью европейского лидера в одиночку Франции было не под силу. Она нуждалась в сильном континентальном союзнике, в роли которого могла выступить толь-

ко Италия, входившая в группу ведущих держав-победительниц и занимавшая место постоянного члена Совета Лиги. Однако произошедшие в этой стране в начале 1920-х годов внутриполитические перемены не оставляли возможностей для создания прочного итало-французского союза. В октябре 1922 г. на волне националистических настроений, порожденных итогами Первой мировой войны, к власти в Риме пришли фашисты во главе с Б. Муссолини. Выступавший под флагом борьбы за обретение Италией подлинного великодержавия и равного с Францией политического статуса, режим Муссолини не мог стать ее надежным партнером в деле поддержания послевоенного порядка. Постоянно растущие аппетиты фашистской Италии расшатывали Версальскую систему международных отношений, а сама идеология фашизма входила в противоречие с заложенными в ее фундамент демократическими принципами.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Таким образом, соотношение сил, сложившееся на континенте уже к началу 1920-х годов, не соответствовало той политической конструкции, которую державы-победительницы выстраивали в Париже. Создать в Европе по-настоящему прочный политический порядок им так и не удалось. Значительная группа европейских государств, в числе которых оказались две крупнейшие континентальные державы — Германия и Советская Россия, а также принадлежавшая к лагерю победителей Италия, была недовольна послевоенным урегулированием, поставив во главу угла своей внешней политики борьбу за его пересмотр. Главный изъян Версальской системы — неравновесность — и предопределил необходимость ее серьезной модификации уже в самом скором будущем.

Литература

Основная

Дипломатический словарь: В 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. А. А. Громыко и др. М.: Наука, 1984–1986.

Итоги империалистической войны. Серия мирных договоров / Под ред. Ю. В. Ключникова и А. В. Сабанина. I. Версальский мирный договор. II. Сен-Жерменский мирный договор. III. Мир в Нейи. IV. Трианонский мирный договор. V. Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М.: НКИД, 1925–1927.

Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 2. Первая мировая война: Документы и материалы / РАН. Ин-т всеобщ. истории; Отв. ред. В. К. Шацилло. М.: Наука, 2002. Док. № 305–309.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том первый. События. 1918–1945. М.: Моск. рабочий, 2000. Гл. 2.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том второй. Документы 1910–1940-х годов / Сост. А. В. Мальгин. М.: Моск. рабочий, 2000. Док. № 22–26, 51.

Дополнительная

Киссинджер Г. Дипломатия / Пер с англ. М.: Ладомир, 1997. Гл. 9.

Черчилль У. Мировой кризис. Автобиография. Речи / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2003. Гл. 7–8, 10–11.

Шацилло В. К. Президент В. Вильсон: От посредничества к войне // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 69–86.

Sharp A. Versailles Settlement: Peacemaking in 1919. N.Y.: St. Martin's Press, 1991.

ГЛАВА 2

СТАНОВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ. ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

2.1. Доктрина мировой революции. Создание Коминтерна

Октябрьская революция 1917 г. привела к коренному пересмотру российской внешней политики. Пришедшая к власти большевистская партия полностью подчинила ее коммунистической идеологии, важнейшей частью которой была вера в грядущую мировую социалистическую революцию. Она основывалась на политэкономическом анализе капиталистического общества, предпринятом Марксом и Энгельсом еще в XIX столетии. Основоположники марксизма рассматривали социалистическую революцию как объективную историческую закономерность, единственный способ разрешения внутренних противоречий капитализма и последующего перехода человечества к справедливому и совершенному общественному строю — вначале социализму, а затем и его высшей стадии — коммунизму. Согласно прогнозу марксистских классиков, революция должна была произойти одновременно в наиболее подготовленных к ней передовых странах Европы, а затем охватить и отставшие от них в развитии другие государства мира.

В годы Первой мировой войны Ленин внес в эту теоретическую схему существенные изменения. Он исходил из того, что капитализм на рубеже XIX–XX вв. вступил в «высшую и последнюю стадию» своего исторического существования — империализм, отличавшуюся растущей неравномерностью социально-экономического и политического развития отдельных государств. Война, резко обострив все противоречия капитализма, приблизила революционный взрыв. Вследствие этого социалистическая революция, по мнению Ленина, могла произойти «первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой... стране» — возможно, и не самой передовой, но в такой, где противоречия капитализма были наиболее острыми. Этим «слабым звеном» мировой капиталистической системы вполне могла бы стать и Россия.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Октябрьский переворот рассматривался большевиками как событие не только национального, но и общемирового значения, положившее начало переходу к коммунизму всего человечества. С первых дней пребывания у власти они с нетерпением ожидали революций в странах Европы. Ленин и его единомышленники были убеждены, что недолго будут оставаться одни и им нужно продержаться у власти всего несколько недель, в крайнем случае — месяцев, до того как подоспеет помощь европейского пролетариата.

«Мы начинали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию... Все наши надежды на окончательную победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении».

В. И. Ленин

Особые надежды российские коммунисты возлагали на Германию, которую считали наиболее подготовленной из всех европейских стран для перехода к социализму. «Советская Россия, объединенная с Советской Германией, — мечтал Троцкий, — оказалась бы сразу сильнее всех капиталистических государств, вместе взятых». Советское полпредство во главе с А. А. Иоффе, действовавшее в Берлине после заключения Брестского мира, оказывало щедрую помощь немецким левым, тайно закупало для них оружие и финансировало издаваемые ими газеты. Однако, вопреки расчетам Москвы, ноябрьская революция 1918 г. в Германии не переросла в социалистический переворот. Попытка немецких коммунистов в январе 1919 г. поднять вооруженное восстание в Берлине и захватить власть закончилась провалом, а их лидеры Карл Либкнехт и Роза Люксембург были убиты. В январе 1919 г. была провозглашена Советская республика в Бремене, а в апреле того же года — в Баварии, но они продержались всего около месяца, после чего были разгромлены правительственными войсками. Были уничтожены и Советские республики, созданные в Венгрии (март—август 1919 г.) и Словакии (апрель—июнь 1919 г.).

Поражение европейских революционеров не поколебало уверенности большевистских вождей в своей исторической правоте. Они были убеждены, что более развитая в социально-экономическом отношении Европа по объективным показателям в значительно большей степени, чем Россия, созрела для социалистической революции, а ее началу препятствовали лишь субъективные факторы — в первую очередь отсутствие сильных коммунистических партий и предательство революционного дела социал-демократическими партиями Европы. Поэтому сразу же после окончания Первой мировой войны Ленин поставил задачу создания и организационного оформления мирового коммунистического движения как левой альтернативы социал-демократии. С этой целью в Москве в марте 1919 г. был созван международный конгресс,

на котором было провозглашено создание Третьего, Коммунистического интернационала[1].

Коминтерн задумывался и создавался как всемирная партия коммунистов, призванная подготовить и возглавить международную социалистическую революцию, осуществить в мировом масштабе дело, начатое большевиками в России. Будучи централизованной международной организацией, Коминтерн состоял из «национальных секций» — коммунистических партий отдельных стран. В 1920 г. на II конгрессе было принято «21 условие приема в Коминтерн», которое делало невозможным присоединение к нему социал-демократов, которые предусматривали, что все коммунистические партии обязаны беспрекословно выполнять решения руководящих органов Коминтерна, создавать подпольные организации, вести нелегальную работу против правительств своих стран и готовиться к их насильственному свержению, а также оказывать всемерную помощь Советской России. Программные документы Коминтерна отвергали саму возможность мирного перехода от капитализма к социализму и утверждали, что такой переход должен произойти исключительно путем гражданской войны.

Высшим органом Коминтерна были периодически проводимые конгрессы (съезды), на практике же всю его работу направлял Исполком во главе с председателем (на этот пост был избран член Политбюро ЦК РКП(б) Г. Е. Зиновьев). С момента создания эта международная организация находилась в непосредственной зависимости от руководства РКП(б). По каналам Коминтерна коммунистические партии получали из Москвы солидную финансовую помощь, а также идейно-политические директивы, обязательные для выполнения. В советской столице располагались руководящие органы Третьего интернационала и его аппарат, готовились кадры профессиональных революционеров для зарубежных компартий.

В основу идеологии и организационного строения Коминтерна был положен принцип интернационализма, предполагавший, что коммунисты во всем мире были обязаны ставить интересы социалистической революции выше национальных интересов своих государств.

«Тот не социалист, кто не пожертвует своим отечеством ради триумфа социальной революции».

В. И. Ленин

«Интересы социализма, интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства».

В. И. Ленин

[1] Первый интернационал был создан в 1864 г. К. Марксом и руководителями французских и английских рабочих организаций. В 1872 г. он был распущен вследствие непримиримых противоречий между марксистами и анархистами-бакунинцами. Второй интернационал был создан в 1889 г. как международное объединение самостоятельных рабочих партий. Он фактически прекратил существование в 1914 г., с началом Первой мировой войны, когда депутаты социал-демократических партий проголосовали в парламентах за военные кредиты, отказавшись тем самым от принципа «пролетарского интернационализма» во имя защиты собственных отечеств.

Стратегия Коминтерна, разработанная под руководством РКП(б), носила активный наступательный характер. В резолюции его I конгресса была поставлена задача «бороться всеми средствами, даже силой оружия, за свержение международной буржуазии и создание международной советской республики». «Гражданская война во всем мире поставлена в порядок дня, — подчеркивалось в манифесте II конгресса. — Ее знаменем является советская власть».

Советской России отводилась роль вдохновителя и организатора мирового революционного процесса. Она должна была оказывать всемерную помощь зарубежным компартиям, а также антиимпериалистическим национально-освободительным движениям вплоть до «экспорта» революции в другие страны на штыках Красной армии. Еще до Октябрьского переворота Ленин предсказывал, что «победивший пролетариат... выступит в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств». По его инициативе VII съезд РКП(б), созванный в апреле 1918 г. для обсуждения Брестского договора, принял секретную резолюцию «О войне и мире», в которой говорилось: «Социалистический пролетариат России будет... всеми находящимися в его распоряжении средствами поддерживать братское революционное движение пролетариата всех стран». Съезд уполномочил ЦК партии «во всякий момент разорвать все мирные договоры с империалистическими и буржуазными государствами, а равно объявить им войну».

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Ленин и его партия исходили из того, что длительное существование Советского государства во враждебном и превосходившем его по силам «капиталистическом окружении» невозможно, так как империалистические державы рано или поздно обязательно объединятся и уничтожат советскую власть, представлявшую для них смертельную угрозу. Победа социализма в России считалась неокончательной до тех пор, пока в остальных государствах мира сохранялся капиталистический строй. «Наша победа, — подчеркивал Ленин, — будет прочной победой только тогда, когда наше дело победит весь мир». Поэтому мировая революция была для большевиков не абстрактным понятием, а насущной практической необходимостью, непременным условием их политического выживания и удержания власти в России. Присущее большевизму стремление к цивилизационному переустройству жизни других стран и народов на базе коммунистической доктрины нашло свое отражение и во внешней политике Советского государства, которая стала принципиально новым явлением в международных отношениях.

Хотя Первая мировая война и не переросла, как предсказывали большевики, в общеевропейскую гражданскую войну пролетариата против буржуазии, социально-экономическая ситуация не только в побежденных государствах Четверного союза, но и в странах Антанты оставалась очень тяжелой.

В этих условиях коммунистические идеи в их радикальной ленинской интерпретации обладали бесспорной притягательной силой и находили немало искренних сторонников за пределами России. Уже в 1919–1921 гг. коммунистические партии были созданы в ведущих странах Европы — Германии, Франции, Италии, Великобритании, а также в Китае, Японии, США и целом ряде других государств мира; при этом германская, французская, итальянская и китайская компартии вскоре превратились в массовые и влиятельные политические организации.

В западных государствах негативно отнеслись к созданию Коминтерна, расценив его в первую очередь как инструмент вмешательства Москвы в их внутренние дела. И хотя советские дипломаты убеждали своих зарубежных коллег, что Третий интернационал — это «неправительственное, общественное» учреждение, за которое советское правительство ответственности не несет, такого рода заявления всерьез не воспринимались. Деятельность Коминтерна стала важнейшим препятствием на пути урегулирования отношений Советской России с капиталистическим миром.

Большевики со своей стороны на первых порах не придавали большого значения традиционной дипломатии, полагая, что после мировой революции необходимость в ней отпадет. Согласно их представлениям, переход человечества от капитализма к коммунизму должен был привести к коренному изменению природы международных отношений: в результате создания всемирной Советской республики они перестали бы существовать в форме системы суверенных государств. Троцкий, назначенный первым наркомом по иностранным делам, шутливо говорил: «Мое дело маленькое — опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку». В первые месяцы после Октябрьского переворота Наркоминдел занимался больше пропагандой, нежели рутинной дипломатической работой. Однако развитие международной ситуации вопреки прогнозам большевистских руководителей заставило их изменить свое отношение к дипломатии. После отставки Троцкого с поста наркома Ленин настоял на том, чтобы на эту должность был назначен Г. В. Чичерин, имевший опыт работы в российском МИДе. Перед Наркоминделом была поставлена задача установления и поддержания нормальных дипломатических отношений с иностранными государствами, что должно было обеспечить выживание Советской России во враждебном «капиталистическом окружении» до тех пор, пока пролетарская революция не победит во всем мире.

2.2. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. Миссия Буллита

Победа Антанты в Первой мировой войне вызвала в Москве серьезное беспокойство. С одной стороны, поражение Германии, безусловно, отвечало интересам России. Был аннулирован грабительский Брестский договор. Согласно условиям Компьенского перемирия германские войска были выведе-

ны из Украины, Белоруссии, Прибалтики, Крыма и западных российских областей, оккупированных ими весной и летом 1918 г. В начале 1919 г. большая часть оставленных немцами территорий была занята Красной армией. Наряду с этим отмена Брестского мира позволила большевикам отказаться от вынужденного признания независимости Украины. В Харькове была вновь провозглашена Украинская Советская Республика.

В то же время большевистское руководство сознавало, что победа держав Антанты приведет к расширению их вмешательства в российские дела, поскольку после разгрома германского блока у союзников появились дополнительные возможности для борьбы против советской власти и помощи белым. «Никогда еще наше положение не было так опасно, как теперь, — с тревогой отмечал Ленин. — Империалисты были заняты друг другом. И теперь одна из группировок сметена группой англо-франко-американцев. Они же главной задачей считают душить большевизм». И действительно, в ноябре 1918 г. на юге России — в Одессе, Севастополе, Новороссийске — высадилась 80-тысячная группировка англо-французских войск. Тогда же английские войска вновь заняли часть оставленного турками Закавказья, в том числе Баку и Батум, а также вошли в Закаспийскую область. Нейтральные страны Европы — Швеция, Норвегия, Дания, Голландия, Швейцария — под давлением держав-победительниц выслали советских полпредов и объявили о разрыве дипломатических отношений с Москвой. Советская Россия оказалась в полной дипломатической изоляции — ни одна страна мира больше не признавала большевистский режим. Рассматривая интервенцию стран Антанты как необъявленную войну, советская сторона в ноябре 1918 г. предложила бывшим союзникам вступить в мирные переговоры, однако эта инициатива была ими проигнорирована.

Советское правительство, не признанное державами-победительницами и заключившее сепаратный Брестский мир, не было приглашено на Парижскую мирную конференцию. Интересы небольшевистских правительств в Париже представляло Русское политическое совещание, однако и его руководители к участию в конференции допущены не были. Вместе с тем положение дел в России с первых дней ее работы стало предметом заинтересованного обсуждения. Наиболее жесткую антибольшевистскую позицию заняла Франция — главный российский кредитор, больше всех пострадавший из-за отказа советской стороны выплачивать дореволюционные долги. Глава французского правительства Клемансо ратовал за полномасштабную военную интервенцию и активное участие войск союзников в боевых действиях против Красной армии. Руководители США и Великобритании Вильсон и Ллойд Джордж, напротив, опасались, что грубое силовое вмешательство может иметь тяжелые последствия и ввергнуть страны Антанты в войну не столько с большевиками, сколько с русским народом. Они возражали против отправки в Россию новых контингентов войск и предлагали ограничиться тыловой поддержкой бе-

лых армий, а также поставками им оружия и военного снаряжения. Вильсон предупреждал, что необдуманное вмешательство государств Антанты в русские дела может оказаться только на руку большевикам, придав их борьбе черты национально-освободительного движения.

«Коммунистические вожди черпают силу в том аргументе, что они... якобы защищают русский народ от иноземного вторжения... Очень возможно, что если бы русский народ убедился в том, что это не так... большевистское движение потеряло бы под собой почву».

Из выступления президента США В. Вильсона на Парижской конференции, 1919 г.

Весьма скептически в отношении интервенции был настроен и Ллойд Джордж, согласившийся направить английские войска в Россию только под давлением консервативного крыла своего коалиционного кабинета во главе с военным министром У. Черчиллем. Последний взял на себя роль главного организатора и вдохновителя союзнической интервенции. Разъясняя свою позицию, Ллойд Джордж говорил: «Я тоже борюсь против большевизма, но не военной силой, а пытаясь устранить причины, его породившие». «Эта задача невероятно трудна, — заметил в ответ Вильсон, — ибо мы сами точно не знаем, в чем эти причины заключаются»[1].

22 января 1919 г. Совет десяти поддержал более умеренный и осторожный англо-американский подход и утвердил подготовленное Вильсоном «Обращение к российским политическим группировкам». В нем союзники предлагали «всем организованным группам, которые ныне осуществляют или пытаются осуществлять политическую власть... в Сибири или в пределах Европейской России» заключить перемирие и направить своих представителей для участия в конференции под эгидой Антанты, которую предполагалось провести на Принцевых островах в Мраморном море. Главным условием перемирия должно было стать сохранение за каждым из российских правительств той территории, которую оно реально контролировало.

Опасаясь, что державы Антанты вот-вот бросят все свои силы на свержение советской власти, Ленин маневрировал и был готов к самым широким уступкам, аналогичным тем, которые были сделаны в Бресте. 4 февраля 1919 г. советское правительство направило союзникам ноту, в которой заявило о своем согласии принять участие в планируемой конференции, а также выразило готовность пойти навстречу союзникам по всем наиболее острым вопросам: признать дореволюционные долги России и начать их выплату в форме поставок сырья, предоставить державам Антанты концессии, а также взять официальное обязательство о невмешательстве в их внутренние дела. Тем не менее все небольшевистские правительства (за исключением

[1] Цит. по: *Прицкер Д. П.* Жорж Клемансо. Политическая биография. М., 1983. С. 245.

властей Эстонии) отклонили миротворческую инициативу Антанты, вследствие чего проведение конференции стало невозможным. Положение Красной армии на фронтах в тот момент значительно ухудшилось, и руководители Белого движения посчитали, что у них появился реальный шанс выиграть Гражданскую войну. Не последнюю роль в срыве конференции сыграла и позиция Франции, которая, формально поддержав ее созыв, использовала все свое влияние на белые правительства для того, чтобы убедить их отвергнуть предложение Совета десяти.

После того как стало ясно, что конференция на Принцевых островах не состоится, Вильсон и Ллойд Джордж решили втайне от французов провести еще один дипломатический зондаж. В марте 1919 г. в Москву с секретной миссией был направлен начальник отдела политической информации при американской делегации в Париже У. Буллит. В ходе его переговоров с Лениным и Чичериным был разработан проект соглашения о перемирии. Он предусматривал, что все де-факто существовавшие в России правительства сохранят власть над территориями, контролируемыми ими на момент его подписания; будут приостановлены боевые действия и проведена всеобщая амнистия; все правительства, включая и советское, возьмут на себя ответственность за выплату дореволюционных российских долгов. Государства Антанты в свою очередь должны были вывести войска из России и прекратить военную помощь белым.

Буллит вернулся в Париж убежденным сторонником налаживания отношений с большевиками. Однако к этому моменту их положение еще более ухудшилось. С востока началось наступление на Москву армий Колчака. В сложившейся ситуации Вильсон и Ллойд Джордж посчитали, что советская власть может быть свергнута военным путем и необходимость в компромиссе отпадает. Вильсон отказался от встречи с Буллитом, а Ллойд Джордж, выступая в британском парламенте, заявил, что не был осведомлен о его поездке в Москву. Иными словами, действия американского дипломата были представлены как его личная инициатива. Возможность, хотя и довольно призрачная, заключить перемирие в Гражданской войне была упущена. Впрочем, и большевистские руководители рассматривали проект соглашения с Антантой не более как тактическую уловку с целью собраться с силами и выиграть время. Спустя несколько дней после отъезда Буллита Ленин, выступая на VIII съезде РКП(б), заявил: «Существование Советской республики рядом с капиталистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов, либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен». Таким образом, миротворческие усилия Антанты с самого начала были фактически обречены на неудачу.

2.3. Победа большевиков в Гражданской войне и окончание интервенции стран Антанты

Весна и лето 1919 г. стали кульминацией Гражданской войны в России. Большевики, контролировавшие центральную часть страны, отчаянно сопротивлялись наступавшим с окраин силам Белого движения. Продвижение войск А. В. Колчака, которым удалось занять часть Урала и Поволжья, было в конце концов остановлено, после чего части Красной армии под командованием М. В. Фрунзе нанесли им тяжелое поражение и отбросили их далеко за Урал. Как только был разбит Колчак, перешли в наступление Добровольческая армия А. И. Деникина и Северо-Западная армия Н. Н. Юденича, создав непосредственную угрозу Москве и Петрограду. Однако летом и осенью 1919 г. в кровопролитных сражениях лучшие дивизии белых были разбиты. К концу 1919 г. Красная армия, завершив разгром Деникина и Юденича, заняла южные губернии России, большую часть Украины и Северного Кавказа. Остатки Добровольческой армии укрылись в Крыму. Обозначилась победа большевиков в Гражданской войне.

Еще до того, как белые армии стали терпеть поражения, страны Антанты начали вывод войск из России. Они вынуждены были пойти на этот шаг ввиду явного нежелания своих измученных войной солдат воевать в чужой стране. После того как в апреле 1919 г. в Одессе и Севастополе произошло восстание французских матросов под коммунистическими лозунгами, французские части были спешно эвакуированы на родину. В мае 1919 г. Вильсон заявил о намерении США вывести войска из России «и предоставить русским возможность самим довести свою внутреннюю борьбу до конца». В июле 1919 г. об эвакуации войск объявила Великобритания. Осенью 1919 г. английские, американские и французские части покинули районы Европейского Севера (Архангельск и Мурманск). Британские войска оставили также Закаспийскую область (современный Туркменистан) и Закавказье (за исключением района Батума, где они находились до марта 1921 г.). К началу 1920 г. на российской территории оставались только войска Японии, оккупировавшие Приамурье и Приморье.

Решение союзников о прекращении интервенции отнюдь не означало, что они готовы налаживать отношения с Москвой. 10 октября 1919 г. Верховный совет Антанты объявил об установлении экономической блокады Советской России и призвал присоединиться к ней остальные страны мира. Однако эта мера вызвала резкую критику со стороны левой общественности Запада, считавшей, что блокада не является эффективной мерой воздействия на советскую власть, а только усугубляет страдания простых людей. От участия в ней отказались Германия и некоторые нейтральные государства. В январе 1920 г. Верховный совет Антанты решил снять экономическую блокаду и «завязать торговые отношения с русским народом, минуя советское правительство», то есть попытаться торговать только с частными кооперативами (что было на

практике неосуществимо, так как почти все они были закрыты советской властью, проводившей политику «военного коммунизма»).

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Столкнувшись в лице большевизма с новым идейно-политическим вызовом, державы Антанты не смогли осознать всей глубины этого явления и выработать по отношению к нему единую и последовательную позицию. Измученные войной, они не были готовы к потерям среди своих солдат, а их войска практически не участвовали в боях против Красной армии. Союзники поставили белым некоторое количество оружия и снаряжения, но этой помощи было явно недостаточно для того, чтобы оказать существенное влияние на ход Гражданской войны и обеспечить победу Белого движения. Скорее наоборот — интервенция предоставила коммунистической пропаганде прекрасную возможность изображать борьбу большевиков за удержание власти как оборонительную войну против иностранного вторжения.

2.4. Советизация Закавказья. Советско-турецкие отношения

Взяв под контроль Европейскую Россию и Сибирь, большевики бросили все силы на завоевание национальных окраин. Провозгласив в ноябре 1917 г. право всех народов России на самоопределение, вплоть до отделения и образования собственных государств, они, однако, отнюдь не считали эту декларацию руководством к действию и рассматривали ее лишь как временный, тактический ход в борьбе за власть в стране. Ленин и его партия твердо рассчитывали объединить на базе новой, советской государственности все пространство распавшейся Российской империи, что в свою очередь явилось бы важным этапом на пути к их конечной цели — победе мировой революции и созданию всемирной Республики Советов.

К концу 1919 г. советская власть была установлена на большей части Украины, а также в Белоруссии, где была образована Литово-Белорусская (впоследствии — Белорусская) ССР. Следующим шагом стала советизация Закавказья. Созданные здесь в мае 1918 г. независимые Грузия, Армения и Азербайджан сразу же оказались фактически под протекторатом Османской империи, которая заставила их пойти на территориальные уступки, выходившие уже за рамки Брестского договора. Согласно подписанным в июне 1918 г. мирным договорам между Закавказскими республиками и султанским правительством, к Османской империи кроме Карсской области отходила также область Нахичевани, а также некоторые армянские и грузинские земли.

После поражения держав Четверного союза военно-политическая ситуация в Закавказье изменилась. К концу 1918 г. турецкие войска были выведены из Азербайджана и Армении, а германские — из Грузии. В то же вре-

мя в Турции развернулось мощное национально-освободительное движение[1], руководители которого во главе с М. Кемалем увидели в Советской России своего возможного союзника в борьбе против общего врага — держав Антанты. В апреле 1920 г. Кемаль обратился к Ленину с личным посланием, в котором предлагал установить дипломатические отношения между двумя странами, а также просил об оказании срочной военной и финансовой помощи. Его обращение встретило в Москве положительный отклик. Советская Россия в июне 1920 г. первой в мире признала правительство М. Кемаля де-юре, после чего начала поставки ему оружия. Одновременно происходила и советизация Закавказских государств. Еще в апреле 1920 г. большевики ввели Красную армию в Азербайджан, где была создана Азербайджанская ССР. Кемалистское правительство со своей стороны признало Азербайджанскую ССР и в июне 1920 г. установило с ней дипломатические отношения. В ходе состоявшихся в июле—августе 1920 г. двусторонних переговоров турецкие представители выразили полное понимание стремления Москвы взять под свой контроль все Закавказье. После разгрома турками в октябре—ноябре 1920 г. дашнакских войск Красная армия вступила в Армению, где в ноябре 1920 г. была образована Армянская ССР. Попытки национальных правительств Армении и Грузии добиться помощи западных держав и вступления в Лигу Наций были безуспешны. В декабре 1920 г. Ассамблея Лиги отклонила их просьбы о приеме в эту организацию. В январе 1921 г. Верховный совет Антанты принял решение о признании де-юре Грузинской республики, однако это не помешало ее скорой советизации. В феврале 1921 г. Красная армия заняла Тбилиси, где было провозглашено образование Грузинской ССР.

В марте 1921 г. в Москве был подписан бессрочный советско-турецкий договор о дружбе и братстве. Советская Россия признавала Турцию в ее этнических границах, аннулировала оттоманские долги, отказалась от прав экстерриториальности. Карсская область, переданная в 1918 г. Османской империи по Брестскому договору, а затем занятая войсками кемалистов во время армяно-турецкой войны 1920 г., так и осталась за Турцией[2]. В то же время турецкая сторона была вынуждена отказаться от притязаний на Батум, отошедший ей по Брестскому миру, а затем в июне 1918 г. уступленный ей и грузинской стороной. Впоследствии район Батума был включен в состав Грузинской ССР. Турки также отказались от притязаний на Нахичеванскую область, но на условиях включения последней в состав Азербайджанской ССР с тем, чтобы у Турции и этнически родственного ей Азербайджана была общая граница. Одновременно с договором было заключено соглашение об оказании Советской Россией безвозмездной финансовой помощи Турции в размере 10 млн руб. золотом, а также о дополнительных поставках ей оружия и боеприпасов. В октябре 1921 г. Турция подписала с тремя республиками Закавказья — Гру-

[1] Подробнее о борьбе Турции за отмену Севрского договора и ее войнах с Грецией и Арменией см. главу 1.

[2] Площадь Карсской области — 23 тыс. кв. км, население в 1920 г. — около 570 тыс. человек.

зинской, Армянской и Азербайджанской ССР — Карсский договор, содержание которого было идентично ее договору с РСФСР.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Заключение Московского договора было выгодно обеим сторонам. Обеспечив кемалистам прочный тыл на востоке, предоставив им, несмотря на собственное тяжелейшее положение, щедрую военную и финансовую помощь, Советская Россия помогла Турции одержать победу над Грецией, которую поддерживали державы Антанты, и добиться пересмотра Севрского договора. В свою очередь и большевики извлекли немалую выгоду из сотрудничества с кемалистами, которое значительно облегчило им установление советской власти в Закавказье.

2.5. Установление дипломатических отношений между Советской Россией и странами Прибалтики

В 1918–1920 гг. большевики пытались взять под контроль и Прибалтику — Литву, Латвию, Эстонию, Финляндию, но неудачно. В Финляндии они предприняли попытку захвата власти сразу же после обретения ею независимости. Провозгласив в январе 1918 г. Финскую Социалистическую Рабочую Республику, местные коммунисты ненадолго установили свою власть на юге страны, включая Хельсинки и Выборг, и заключили договор о дружбе и братстве с Советской Россией. Однако после вступления в силу Брестского мира части Красной гвардии, направленные из Петрограда на помощь финским коммунистам, были вынуждены покинуть Финляндию, и туда вошла 10-тысячная группировка германских войск. При помощи немцев просоветская власть в Хельсинки была свергнута, а новое финское правительство разорвало дипломатические отношения с Москвой.

Добившись выхода России из войны, Германия объявила о намерении создать на территории Эстонии и Латвии самостоятельное государство (герцогство) во главе с монархом из династии Гогенцоллернов, однако поражение в Первой мировой войне помешало ей осуществить этот план. В конце 1918 г. немецкие войска покинули Прибалтику, после чего в Эстонии, Латвии и Литве были сразу же провозглашены советские республики. Однако и здесь большевикам закрепиться не удалось. В ходе ожесточенных боев они потерпели поражение, и к власти в этих странах пришли национальные правительства.

Державы Антанты медлили с дипломатическим признанием государств Прибалтики (кроме Финляндии, которая была признана ими в 1918 г.), поскольку против этого высказались руководители Белого движения, выдвинувшие лозунг «единой и неделимой России». Колчак и Деникин дали понять, что решение данного вопроса находится в компетенции Учредительного собрания, которое может быть вновь созвано только после победы над больше-

виками. Представитель Русского Политического совещания Н. В. Чайковский на встрече с эстонской делегацией, прибывшей в Париж для участия в мирной конференции, недвусмысленно заявил: «Русская демократия пойдет войной на Эстонию, если у нас отнимут Ревель... Для нас это вопрос жизни и смерти»[1]. В мае 1919 г. созданная Антантой комиссия по балтийским делам констатировала, что балтийский вопрос является внутренним делом России.

Единственным белым правительством, проявившим готовность признать независимость государств Прибалтики, стало правительство Северо-Западной области, кровно заинтересованное в получении от них помощи в борьбе с большевиками. В августе 1919 г. оно признало де-юре независимость Эстонии. Весной и осенью 1919 г. Северо-Западная армия под командованием Юденича при поддержке эстонских войск дважды пыталась взять Петроград, но большевикам с огромным трудом удалось отстоять Северную столицу.

Прибалтийские государства всерьез опасались, что победа Белого движения может лишить их только что обретенной независимости. Негибкой позицией своих противников не преминули воспользоваться большевики, стремившиеся не допустить превращения Прибалтики в плацдарм для белых армий. В августе 1919 г., когда передовые части Деникина приближались к Москве и судьба советской власти, казалось, висела на волоске, Советская Россия предложила Эстонии заключить мирный договор на основе взаимного признания независимости. Вскоре такие же предложения были сделаны Литве и Латвии. 29 сентября — 1 октября 1919 г. в Тарту прошла встреча премьер-министров четырех Прибалтийских государств, на которой было решено дать на них положительный ответ.

Первой в переговоры с Москвой вступила Эстония, однако вскоре они были прерваны ввиду повторного наступления на Петроград войск Юденича. Разгромив Юденича, Красная армия не стала преследовать отступившие на эстонскую территорию белые части, что позволило продолжить переговорный процесс.

2 февраля 1920 г. в Тарту (Юрьеве) был подписан советско-эстонский мирный договор. Советская Россия признала независимость Эстонии и сделала ей ряд крупных уступок. Она согласилась освободить ее от солидарной ответственности за дореволюционные долговые обязательства Российской империи, передала эстонской стороне часть российского золотого запаса в 15 млн золотых руб., а также уступила три уезда Псковской губернии на восточном берегу реки Нарвы с городами Ивангород и Изборск, населенные в основном русскими[2]. Новая государственная граница совпадала с линией советско-эстонского фронта на начало 1920 г. и прошла даже восточнее советско-эстонской границы, установленной в 1918 г. Брестским миром. Эстония со своей стороны

[1] Цит. по: *Варес П., Осипова О.* Похищение Европы, или Балтийский вопрос в международных отношениях XX века. Таллинн, 1992. С. 27.

[2] Ныне — Печорский район Псковской области и г. Ивангород Ленинградской области.

отказалась от поддержки Белого движения, чего прежде всего и добивались в Москве. Остатки армии Юденича, отступившие на ее территорию, были разоружены и интернированы.

Таким образом, после Первой мировой войны Эстония стала первым европейским государством, признавшим Советскую Россию, а она в свою очередь первой в мире признала независимость Эстонии. Ленин был очень доволен Юрьевским договором, назвав его «окном в Европу». Объясняя, почему эстонской стороне были отданы земли, исторически ей никогда не принадлежавшие, он заметил: «Уступка эта делается не навеки: ...рабочие... скоро свергнут эту власть и создадут Советскую Эстонию, которая заключит с нами новый мир»[1].

Советско-эстонский договор стал образцом для мирного урегулирования с другими государствами Прибалтики. 12 июля 1920 г. Советская Россия подписала мирный договор с Литвой, 11 августа того же года — с Латвией и 14 октября — с Финляндией. Они предусматривали освобождение этих стран от дореволюционных российских долговых обязательств и передачу им части российского золотого запаса (4 млн золотых руб. Латвии и 3 млн золотых руб. Литве). Латвии также были уступлены два населенных русскими уезда Псковской губернии[2]. Независимость Финляндии была признана в границах бывшего Великого княжества Финляндского; кроме того, ей был передан занятый финской армией во время Гражданской войны район Петсамо (Печенги) на Кольском полуострове, что давало Финляндии выход к Северному Ледовитому океану[3].

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Пойдя на уступки в территориальных и финансовых вопросах, большевики добились, на их взгляд, главного: нейтралитета стран Прибалтики и их обязательства не допускать деятельности на своей территории противников советской власти.

Относительно спокойные и бесконфликтные отношения сложились у Советской России с Литвой, с которой у нее не было общей границы. В польско-литовском споре из-за Виленской области, оккупированной в 1920 г. польскими войсками, советская сторона полностью поддержала Литву, тогда как Лига Наций в 1923 г. признала присоединение Виленского края к Польше по итогам проведенного там плебисцита, завершившегося в пользу поляков. В виде компенсации Лига согласилась передать Литве область Клайпеды (Мемеля) — перешедшую под ее управление после Первой мировой войны бывшую германскую территорию, населенную преимущественно немцами.

[1] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 71.

[2] Ныне — Пыталовский район Псковской области.

[3] Советско-финский договор, в отличие от мирных договоров с другими странами Прибалтики, не предусматривал передачи Финляндии части российского золотого запаса.

В январе 1921 г. Верховный совет Антанты принял решение о признании государств Прибалтики де-юре. В том же году Литва, Латвия и Эстония были признаны международным сообществом и приняты в Лигу Наций.

2.6. Советско-польская война 1920 г. Рижский мир

Гораздо сложнее складывались советско-польские отношения. Над ними довлел груз исторических, геополитических и идеологических противоречий. Польша провозгласила независимость 8 ноября 1918 г. Ее государственность была воссоздана на руинах трех империй — Австро-Венгерской, Германской и Российской, разделивших между собой Речь Посполитую в конце XVIII в. Более чем вековая национально-освободительная борьба польского народа за возрождение государственности завершилась победой и получила международное признание.

Восстановление независимой Польши в этнических границах предусматривалось «14 пунктами Вильсона» как одно из условий мирного урегулирования. Что касается Советской России, то она согласно декрету Совнаркома от 27 августа 1918 г. отказывалась от всех международно-правовых актов второй половины XVIII в., санкционировавших разделы Речи Посполитой «ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа».

Важнейшей частью польского вопроса стало определение границ нового государства. Западная граница Польши была в основном зафиксирована в Версальском договоре. Ее восточную границу страны Антанты в декабре 1919 г. предложили провести на основе принципа этнического разделения поляков, украинцев и белорусов (по линии Керзона). Однако этот подход был отвергнут правящими кругами Польши во главе с Ю. Пилсудским. В противовес ему они выдвинули идею создания обширного конфедеративного государства под руководством Варшавы, которое объединило бы польские, украинские, белорусские, литовские, латышские и эстонские земли — то есть по существу попытались реанимировать историческую Речь Посполитую и даже выйти за ее границы (в Прибалтике). Этот план, однако, не встретил поддержки ни в Восточной, ни в Западной Европе. Соседи Польши, с которыми она собиралась объединяться, считали идею конфедерации неприемлемой. В свою очередь державы Антанты не без оснований опасались, что любая Россия — и красная, и белая — никогда не смирится с потерей принадлежавших ей территорий и со временем обязательно постарается вернуть их.

Негативная позиция западных союзников не остановила Пилсудского. Он стремился использовать Гражданскую войну в России для того, чтобы отодвинуть границы Польского государства как можно дальше на восток. К лету 1919 г. польские войска заняли значительную часть Белоруссии и Литвы. Эти действия вызвали недовольство руководителей Белого движения, в первую очередь Деникина, который категорически отказывался признавать захва-

ты поляков за пределами их этнических границ. В отличие от несговорчивых белых советская сторона в ходе секретных переговоров, проходивших летом и осенью 1919 г., пошла навстречу притязаниям Варшавы и предложила ей границу гораздо более выгодную, чем линия Керзона. Территориальные уступки рассматривались большевиками как тактический маневр, предпринятый для того, чтобы не допустить создания военного союза между Деникиным и Пилсудским. И эта цель была достигнута — во время похода армии Деникина на Москву Польша предпочла занять выжидательную позицию и даже временно приостановила продвижение своих войск, лишив белых столь необходимой им в тот момент помощи[1].

Советская позиция не изменилась и после разгрома Деникина. В январе 1920 г. Совнарком вновь предложил польской стороне решить территориальный вопрос мирным путем и на компромиссных условиях. Ленин охарактеризовал эти условия как «наивыгоднейшие» — большевики были готовы откупиться от Польши обширными украинскими и белорусскими землями восточнее линии Керзона, лишь бы избежать советско-польской войны. Однако их предложения были расценены в Варшаве как признак слабости и лишь подтолкнули ее к активизации военных приготовлений.

Страны Антанты, прежде всего Великобритания, пытались удержать поляков от рискованной военной авантюры, сил для которой у них было явно недостаточно. Они ясно дали понять Варшаве, что на поддержку в наступательной войне против Советской России ей рассчитывать не следует. Однако эти предостережения не возымели действия. 25 апреля 1920 г. польские вооруженные силы атаковали Красную армию на широком фронте от Припяти до Днестра.

Перед началом наступления Пилсудский подписал договор о военном союзе с правительством украинской Директории, возглавляемым Петлюрой. Он предусматривал признание Варшавой независимости Украины в обмен на признание Петлюрой присоединения к Польше Восточной Галиции, Полесья и Волыни. Эти уступки свидетельствовали о слабости украинских националистов, потерпевших в 1919 г. тяжелые военные поражения — вначале от Деникина, а затем от большевиков. К весне 1920 г. Директория уже фактически не контролировала никаких украинских территорий, и союз с Пилсудским был для нее последним шансом на выживание.

Поначалу наступление польской армии проходило очень успешно. 7 мая 1920 г. она вошла в Киев, где была установлена власть Петлюры, и заняла плацдарм на левом берегу Днепра. Однако эти успехи оказались недолговечными и обернулись столь же стремительными поражениями. Советская Россия бросила на борьбу с польской интервенцией все силы. В конце мая 1920 г. части Красной армии перешли в контрнаступление, обратив поляков в бегство. 12 июня 1920 г. они оставили Киев и стали беспорядочно отступать с такой же скоростью, с какой до этого продвигались вперед. Преследуя против-

[1] Впоследствии Пилсудский утверждал, что именно намеренное бездействие его армии летом 1919 г. решило исход Гражданской войны в пользу красных.

ника, Красная армия заняла Правобережную Украину и Белоруссию и в июле 1920 г. вышла на линию Керзона.

Столкнувшись с угрозой полного военного разгрома, Варшава заявила о своем желании как можно скорее закончить войну и обратилась к Лондону с просьбой выступить в роли посредника. 12 июля 1920 г. британский министр иностранных дел лорд Керзон направил в Москву ноту, в которой призывал ее остановить наступление и заключить перемирие на условии, что послевоенная советско-польская граница пройдет по линии этнического разграничения, предложенной государствами Антанты.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

В это время Советская Россия имела все шансы заключить почетный и выгодный мир. Однако британское посредничество было категорически отвергнуто, а Красной армии отдан приказ о наступлении на Варшаву. Большевистское руководство решило, что в европейской и мировой политике наступил переломный момент перехода от оборонительной к революционной войне. Красная армия, по замечанию Ленина, должна была «помочь советизации Польши, штыком пощупать — не созрела ли социальная революция пролетариата». Пройдя через Польшу, она должна была разжечь социалистическую революцию в Германии, а при благоприятном стечении обстоятельств — и в других государствах Европы, нанеся смертельный удар по всему Версальскому порядку.

Командующий Западным фронтом М. Н. Тухачевский напутствовал войска призывом: «Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. Вперед на Запад!.. Даешь Варшаву! Даешь Берлин!» 30 июля 1920 г. в Белостоке был создан Временный революционный комитет Польши (Польревком) во главе с Ф. Э. Дзержинским, в который вошли видные большевики польского происхождения — прообраз будущего революционного правительства.

Однако надежды на классовую солидарность польского пролетариата не оправдались; напротив, Польшу охватил мощный патриотический подъем. Весь народ поднялся на защиту с таким трудом обретенной независимости. Державы Антанты в срочном порядке оказали полякам военную помощь и пригрозили Москве возобновить экономическую блокаду, если она немедленно не согласится на предложенные ими условия мира. В свою очередь Германия заняла позицию демонстративного нейтралитета и отказалась пропускать через свою территорию военные грузы союзников, обусловив их транзит пересмотром в свою пользу германо-польской границы.

Тем временем наступление Красной армии стало выдыхаться. Между Западным фронтом, наступавшим на Варшаву, и Юго-Западным фронтом, штурмовавшим Львов, возник опасный разрыв. Воспользовавшись этим, польская

армия 13 августа 1920 г. внезапно перешла в контрнаступление, ударив в стык двух фронтов. Произошло так называемое «чудо на Висле» — основные силы Западного фронта, прорвавшиеся к Варшаве, были опрокинуты и разгромлены. К октябрю 1920 г. Красная армия отступила на восток более чем на 600 км. Вновь перейдя линию Керзона, польские войска продолжили наступление и были остановлены только у окопов российско-германского фронта времен Первой мировой войны. От 100 до 160 тыс. красноармейцев попали в плен; многие из них впоследствии погибли в польских лагерях.

Параллельно с продвижением сил Пилсудского, в августе 1920 г. началось наступление из Крыма армии Врангеля, заставившее советское командование снять часть войск с Польского фронта. Врангель заручился поддержкой союзников, а Франция даже признала его де-факто «правителем Юга России». Жестокие бои на Южном фронте вынуждали Москву искать скорейшего мира на западном направлении.

В октябре 1920 г. Советская Россия и Украинская ССР подписали с Польшей перемирие, а в марте 1921 г. заключили в Риге мирный договор. К Польше отошли Западная Украина и Западная Белоруссия. Советская сторона обязалась выплатить Варшаве 30 млн золотых руб. в монетах или слитках, а также передать ей различное имущество на 18 млн золотых руб. в качестве «компенсации за участие Польши в экономической жизни Российской империи и ее золотом запасе». В то же время Польша, как и Прибалтийские страны, освобождалась от ответственности за дореволюционные долги России. Стороны обязались не вмешиваться во внутренние дела друг друга и не допускать деятельности на своей территории враждебных групп.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Ленин откровенно оценил итоги войны как «громадное, неслыханное поражение». Разделив по живому украинские и белорусские земли и разрешив проблему восточной польской границы исключительно силовым путем, Рижский мир заложил под советско-польские отношения опасную мину замедленного действия.

В ноябре 1920 г. Красная армия разбила Врангеля и заняла Крым — последний оплот белых. Гражданская война завершилась победой большевиков.

2.7. Бессарабский протокол

Единственным европейским соседом Советской России, отношения с которым у нее оставались неурегулированными, была Румыния. Причиной этого стал бессарабский вопрос. Еще в 1916 г., накануне вступления в Первую мировую войну, Румыния выдвинула условие о передаче ей из состава Российской империи этнически родственной Бессарабии, однако категорический отказ Петрограда даже обсуждать эту проблему на время снял ее с повестки дня. По-

сле Октябрьской революции в Бухаресте решили воспользоваться большевистской Декларацией прав народов России и на ее основании попытаться решить бессарабский вопрос в свою пользу. В январе 1918 г., формально все еще оставаясь российским союзником по Антанте, Румыния явочным порядком ввела в Бессарабию свои войска. В ответ на эти действия Советская Россия разорвала с ней дипломатические отношения, арестовала румынского посла графа К. Диаманди (он был освобожден только после демарша дипкорпуса в Петрограде в его защиту), а также реквизировала золотой запас Румынии, вывезенный в 1917 г. на хранение в Москву после оккупации большей части ее территории силами Четверного союза. В ноябре 1918 г. в Кишиневе местное законодательное собрание (Сфатул Цэрий) проголосовало за присоединение к Румынии, после чего Бессарабия была ею аннексирована. Голосование, проходившее в условиях румынской оккупации, сопровождалось грубыми подтасовками, и его результаты на первых порах не получили международного признания.

10 ноября 1918 г., за день до заключения Компьенского перемирия, Румыния разорвала навязанный ей немцами в мае 1918 г. сепаратный Бухарестский мир и вновь объявила войну Германии, что позволило ей в последний момент вернуться в коалицию победителей. На Парижской мирной конференции румынская дипломатия использовала все имевшиеся у нее возможности, чтобы убедить союзников признать аннексию Бессарабии. Однако в период Гражданской войны западные державы занимали весьма сдержанную позицию во всем, что касалось вопросов российских границ, поскольку поддерживаемое ими Белое движение выступало под лозунгом «единой и неделимой России». Только после победы большевиков над белыми и завершения советско-польской войны они согласились пойти навстречу требованиям Бухареста.

В октябре 1920 г. в Париже представители Великобритании, Франции, Италии и Японии подписали с Румынией договор, в котором признавали ее права на Бессарабию. США отказались присоединиться к нему ввиду недемократического характера голосования в Сфатул Цэрий. Однако впоследствии Бессарабский протокол так и не вступил в силу, поскольку не был ратифицирован Японией.

2.8. Становление принципа мирного сосуществования в советской внешней политике

Рижский мир с Польшей 1921 г., а также мирные договоры, подписанные в 1920 г. Советской Россией со странами Прибалтики, завершили процесс мирного урегулирования в Восточной Европе и окончательно определили западные границы советских республик. Несмотря на существенные территориальные потери в европейской части бывшей Российской империи — Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Польша стали суверенными государствами, Западная Украина и Западная Белоруссия отошли к Польше, а Бессарабия была аннексирована Румынией, — Россия в новой своей ипостаси продолжала оста-

ваться крупнейшим государством мира и одним из ведущих игроков на международной арене.

К 1920 г. явно обозначились признаки стабилизации послевоенного международного порядка. Поражение в войне с Польшей означало и крах отчаянной попытки большевиков разжечь революцию в Европе, что заставляло их пересмотреть прежние оптимистические оценки перспектив развития мирового революционного процесса. В Москве были вынуждены признать, что европейская революция откладывается и уже не является делом ближайшего будущего.

«Первая волна мировой революции спала, вторая еще не поднялась. Было бы опасно, если бы мы на этот счет строили себе иллюзии».

В. И. Ленин, 1921 г.

«Лишь теперь мы можем видеть и чувствовать, как мы далеки от нашей конечной цели, завоевания власти во всемирном масштабе... В 1919 г. мы говорили себе, что это вопрос месяцев, а теперь мы говорим, что, возможно, это вопрос нескольких лет».

Из выступления Л. Д. Троцкого на III конгрессе Коминтерна, 1921 г.

Таким образом, Советской республике предстояло строить социализм в одиночку в условиях «враждебного капиталистического окружения». Надежды большевиков на помощь европейского пролетариата не оправдались. В то же время не подтвердился и другой их прогноз — вопреки всем опасениям, державы Антанты не сумели помешать им закрепиться у власти и не развязали против Советской России полномасштабную войну. В конце 1920 г. Ленин констатировал: «Наше... существование в сети капиталистических государств отвоевано».

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

В новой исторической ситуации партийное руководство было вынуждено признать неизбежность параллельного существования на протяжении определенного периода времени двух конкурирующих общественно-политических систем и, следовательно, необходимость нормализации политических и экономических отношений с капиталистическими странами. Обескровленной и разрушенной войной Советской России была как воздух необходима мирная передышка. Заинтересованные в ее продлении, большевики были готовы взаимодействовать с капиталистическими государствами по ряду конкретных вопросов и, в частности, попытаться привлечь их капиталы для восстановления российской экономики.

Идея мирного сосуществования пробивала себе дорогу и на Западе. Хотя державы-победительницы стремились изолировать Советскую Россию на международной арене и максимально ограничить ее политико-идеологическое влияние, после победы большевиков в Гражданской войне им стало очевидно,

что новая власть закрепилась в России надолго и с этой суровой реальностью необходимо считаться. Россия оставалась слишком крупной величиной в международных делах, чтобы ее интересы можно было игнорировать, поэтому политика непризнания, отстаиваемая прежде всего Францией, выглядела все более бесперспективной.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Западное понимание мирного сосуществования с Советской Россией сформулировал британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж. Будучи идейным противником советского режима, он вместе с тем считал, что большевизм не может быть уничтожен в результате иностранной интервенции и должен быть изжит российским народом самостоятельно. Рассматривая советскую власть как диктаторскую власть меньшинства, которая держится лишь благодаря чрезвычайным обстоятельствам (Гражданская война, голод, угроза новой интервенции), Ллойд Джордж надеялся, что переход России к мирной жизни может стать началом перерождения советского строя путем мирной эволюции. Подтверждение этого тезиса он видел в провозглашенной Лениным в 1921 г. новой экономической политике (НЭПе), предполагавшей допущение в ограниченных пределах рыночных отношений. Для борьбы с большевизмом западным державам, по мнению Ллойд Джорджа, следовало использовать невоенные средства, в первую очередь торговлю. Полагая, что время работает против большевиков, британский премьер-министр был даже готов признать за ними право на социально-экономический эксперимент в границах России и закрыть глаза на «эксцессы» их внутренней политики — но только при условии, что и они в свою очередь смирятся с существованием капиталистического строя в других странах, откажутся от вмешательства в их внутренние дела и от коммунистической пропаганды.

Подобная трактовка мирного сосуществования была, безусловно, неприемлема для Ленина и его последователей, рассматривавших этот принцип лишь как тактическую установку, призванную обеспечить им временную передышку перед решающей схваткой между социализмом и капитализмом, но вовсе не отменяющую стратегического курса на мировую революцию.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Мирное сосуществование не могло устранить непримиримый антагонизм между коммунистической и буржуазной идеологиями и трактовалось большевиками как продолжение, хотя и новыми средствами, классовой борьбы на международной арене. Это обстоятельство обусловило двойственность советской внешней политики, пытавшейся совместить два по сути взаимоисключающих принципа: мирное сосуществование и борьбу за мировую революцию (впоследствии она была закамуфлирована термином «пролетарский интернационализм»).

Первыми международными соглашениями, в которых нашла отражение линия на мирное сосуществование, стали мирные договоры между Советской Россией и странами Прибалтики. В начале 1920 г. инициативу по «наведению мостов» с Москвой проявила и Великобритания. В Лондон для ведения торговых переговоров прибыла советская делегация во главе с Л. Б. Красиным, которая провела ряд встреч с Ллойд Джорджем и членами его кабинета. В качестве предварительных условий возобновления торговли британская сторона потребовала от Москвы невмешательства во внутренние дела Британской империи и отказа от революционной пропаганды, а также разрешения двусторонних долговых и имущественных проблем. Переговоры были осложнены начавшейся советско-польской войной и продлились более года. 16 марта 1921 г. англо-советское торговое соглашение было наконец подписано.

Значение этого документа выходило за рамки экономических вопросов, поскольку в нем предусматривалось установление не только торговых, но и политических связей между двумя государствами. Стороны обменялись официальными представителями, которые пользовались правами и привилегиями дипломатических агентов. Тем самым Великобритания признала Советскую Россию де-факто. Кроме того, она признала советский принцип государственной монополии внешней торговли, а также распространила на торговлю с РСФСР режим наибольшего благоприятствования. Советская сторона в свою очередь согласилась выплатить возмещение некоторым категориям британских граждан, пострадавшим от революции, но только после восстановления дипломатических отношений с Лондоном. Кроме того, она обязалась не вмешиваться во внутренние дела Британской Индии и Афганистана и не вести там коммунистической пропаганды. Впрочем, последнее обязательство не воспринималось большевистским руководством всерьез — на одном из Пленумов ЦК РКП(б) в 1920 г. было принято секретное постановление, написанное лично Лениным, в котором, в частности, говорилось: «Восточным народам сообщить всем, но только устно через послов, без единой бумажки, что мы надуем Англию».

Соглашение с Лондоном открывало путь для налаживания торговых отношений Советской России с другими государствами Европы. В 1921 — начале 1922 г. аналогичные соглашения были подписаны ею с Германией, Италией и рядом малых европейских стран. Вместе с тем в начале 1920-х годов советско-английские отношения складывались очень непросто. Лондон регулярно выступал с протестами против революционной деятельности Коминтерна на Среднем Востоке, запрещенной соглашением 1921 г. Другими острыми проблемами, осложнявшими эти отношения, являлись преследование органами ГПУ английских граждан и ловля рыбы британскими траулерами в районе Баренцева моря, которое советская сторона считала своими территориальными водами. После того как в мае 1923 г. советские военные корабли задержали неподалеку от Мурманска несколько английских траулеров, разразился острый политический кризис. 8 мая 1923 г. Керзон направил в Москву ноту,

в которой в ультимативной форме потребовал освобождения арестованных рыболовных судов, выплаты компенсации семьям репрессированных британских подданных, а также отзыва из Ирана и Афганистана советских полпредов, обвиненных им в ведении коммунистической пропаганды. Ультиматум заканчивался угрозой разрыва отношений, если эти условия не будут выполнены в десятидневный срок.

Советское руководство отвергло «ноту Керзона» и развернуло грандиозную антибританскую пропагандистскую кампанию. Невиданные по масштабу демонстрации протеста прошли во всех крупных городах страны. В то же время в ходе дебатов в палате общин консерваторы, настаивавшие на немедленном разрыве отношений, оказались в меньшинстве. 22 мая 1923 г. в Лондоне произошла смена кабинета, и новым премьер-министром был назначен С. Болдуин — сторонник более гибкого и прагматичного подхода к СССР. Москва также согласилась пойти на некоторые уступки: британским судам был разрешен рыбный промысел в спорных районах, а семьям расстрелянных «английских шпионов» выплачены денежные компенсации. В то же время главное для Лондона требование об отзыве советских полпредов из стран Востока было отклонено. На этом стороны сочли конфликт исчерпанным.

2.9. Подготовка Генуэзской конференции

Социально-экономическое положение в Советской России после окончания Гражданской войны оставалось исключительно тяжелым. Зимой 1921/22 г. более 30 губерний Поволжья, Урала и Украины охватил страшный голод, от которого умерли около 6 млн человек. Эта гуманитарная катастрофа вызвала отклик международной общественности Европы и США. Важную роль в борьбе с голодом сыграла американская благотворительная организация *ARA* (*American Relief Administration*[1]) во главе с будущим президентом США Г. Гувером, созданная в 1919 г. для оказания помощи пострадавшему от войны населению европейских стран. В самые тяжелые месяцы она обеспечивала продовольствием в России до 10 млн человек, сумев спасти множество жизней.

Для обсуждения вопросов помощи голодающим в октябре 1921 г. в Брюсселе была созвана конференция 19 государств. Ее участники выразили готовность поставить в Россию продовольствие, но при этом потребовали от большевиков признания их ответственности по дореволюционным финансовым обязательствам. Отчаянно нуждаясь в иностранной помощи, советское правительство 28 октября 1921 г. опубликовало декларацию, в которой соглашалось признать дореволюционные долги в отношении частных лиц, а также предлагало странам Антанты созвать международную конференцию с целью обсуждения взаимных финансовых претензий и подготовки мирного договора. В этой инициативе Ллойд Джордж усмотрел благоприятную возможность для

[1] Американская администрация помощи.

урегулирования отношений между державами-победительницами и Советской Россией.

В январе 1922 г. в Каннах состоялось очередное заседание Верховного совета Антанты. На нем союзники приняли предложение Великобритании о проведении весной 1922 г. международной конференции по проблемам экономического восстановления Центральной и Восточной Европы. Было решено придать конференции, которую предполагалось провести в Генуе, характер универсального общеевропейского форума: кроме держав-победительниц и нейтральных стран на нее были приглашены Советская Россия, а также Германия и другие побежденные государства (за исключением Турции, которую союзники признали «неевропейской державой»). США отказались от участия в конференции, опасаясь, что бывшие европейские союзники могут потребовать на ней отсрочки или частичного списания (реструктуризации) их огромного военного долга американцам, составлявшего около 11 млрд долл. В феврале 1922 г. конгресс даже принял специальный закон, требующий безусловного погашения иностранными государствами всей задолженности военного времени, включая проценты. Поэтому в Генуе США были представлены только наблюдателем.

На Каннском совещании державы-победительницы согласовали общие принципы и подходы к решению включенных в повестку дня конференции международных проблем. Отношения с Советской Россией были отнесены ими к числу приоритетных, о чем свидетельствовал первый пункт принятой в Каннах резолюции.

> «Одни нации не могут... диктовать другим принципы, на основе которых они желают организовать свою внутреннюю экономическую жизнь и свой образ правления. Каждая страна... имеет право избирать для себя ту систему, которую она предпочитает».
>
> *Каннская резолюция Верховного совета Антанты, пункт 1*

Таким образом, государства Антанты ясно давали понять, что готовы признать «равноправие систем собственности» — то есть право большевистского режима на существование. В то же время в качестве предварительного условия урегулирования отношений они потребовали от Советской России соблюдения общепринятых международных норм: отказа от коммунистической пропаганды и вмешательства во внутренние дела других стран, гарантий неприкосновенности для иностранного частного капитала, возмещения убытков, понесенных иностранными собственниками, и признания всех дореволюционных долгов.

Проблема долгов и собственности иностранцев возникла в отношениях Советской России с капиталистическим миром сразу же после Октябрьской революции. Придя к власти, большевики немедленно приступили к национализации всех частных предприятий, в том числе и тех, которые принадлежали

иностранным гражданам. 28 января (10 февраля) 1918 г. был опубликован декрет ВЦИК об отказе от выплаты всех дореволюционных займов, как внутренних, так и зарубежных. Эта беспрецедентная акция обосновывалась принципиальным отказом советского правительства считать себя правопреемником царского и Временного правительств, а также ожиданием скорой мировой революции, которая должна была привести к полной отмене всех международных финансовых обязательств. Державы Антанты — главные российские кредиторы и инвесторы — встретили эти действия с неподдельным возмущением и категорически отказались их признавать.

В марте 1922 г. в Лондоне состоялось совещание экономических экспертов государств Антанты. На нем был уточнен объем финансовых и имущественных претензий, которые предполагалось предъявить в Генуе советской стороне. В итоге одобренный экспертами меморандум вновь подтвердил требования союзников об уплате Советской Россией всех довоенных и военных долгов царского и Временного правительств, а также о реституции иностранной собственности.

Кроме того, в нем были выдвинуты положения об отмене введенной в апреле 1918 г. монополии Советского государства на внешнюю торговлю. В то же время Лондонский меморандум подтвердил право Советской России получать репарации с Германии согласно статье 116 Версальского договора, а также признал принятые еще в 1914 г. царским правительством законы об аннулировании германских долгов и конфискации германской собственности в России. Эти его пункты были явно нацелены на то, чтобы не допустить советско-германского сближения.

Накануне Генуэзской конференции усилились расхождения между британским и французским подходами к решению европейских проблем. Ллойд Джордж исходил из того, что большевики не способны самостоятельно восстановить разрушенную российскую экономику и, следовательно, кровно заинтересованы в привлечении зарубежных займов и инвестиций, что открывало перед западными державами возможность добиваться от Москвы существенных перемен как во внутренней, так и во внешней политике. Британский премьер-министр считал, что конференция дает уникальный шанс на замирение Европы и нормализацию отношений между государствами Антанты и Советской Россией, что послужило бы делу укрепления Версальской системы. Франция занимала иную позицию. Она была озабочена главным образом выколачиванием репараций с побежденной Германии и возвращением огромного российского долга. Ее правящая элита была недовольна тем, что премьер-министр А. Бриан подписал Каннскую резолюцию. Помимо «русского вопроса» французская сторона пошла в Каннах навстречу пожеланиям Великобритании и в вопросах о порядке выплаты германских репараций, а также сокращении сроков эвакуации левого берега Рейна. Все эти уступки привели к тому, что в январе 1922 г. Национальное собрание выразило вотум недоверия правительству Бриана. Его сме-

нил Р. Пуанкаре, выступавший за проведение жесткого внешнеполитического курса в отношении как Советской России, так и Германии. В идею компромисса с большевиками Пуанкаре не верил. В противоположность Ллойд Джорджу он полагал, что восстановление российской экономики лишь укрепит большевистский режим, а его дестабилизация возможна только посредством международной изоляции. Во время встречи в Булони в феврале 1922 г. британскому премьеру с большим трудом удалось убедить своего французского коллегу следовать ранее согласованному курсу. Под нажимом Парижа британская сторона согласилась снять с обсуждения в Генуе вопросы о германских репарациях и пересмотре мирных договоров. Ллойд Джордж подтвердил ранее данное им Бриану обещание заключить англо-французский пакт о взаимопомощи на случай новой германской агрессии. Оба лидера заявили, что приглашение Советской России на конференцию не означает ее официального признания, а окончательное решение на этот счет будет зависеть от того, примет ли она Каннские условия держав Антанты.

В Москве Каннская резолюция была воспринята неоднозначно. Ее первый пункт Ленин встретил с удовлетворением, расценив содержавшийся в нем тезис о «равноправии систем собственности» как признание де-факто советского строя. Остальные же положения резолюции вызвали у большевистских руководителей резкое неприятие. Они вовсе не собирались принимать предлагаемые державами-победительницами «правила игры» на международной арене. Отрицая правопреемство между Советским государством и дореволюционной Россией, большевики считали, что они не несут никаких политических и моральных обязательств по долгам прежних правительств. Отвергая само понятие частной собственности, они категорически возражали против возвращения экспроприированного имущества его иностранным владельцам и расценивали это требование как попытку реставрации капиталистического уклада, подрывающую основы советского строя. Вместе с тем царившие в России разруха и голод, а также недостаточная прочность внутриполитических позиций советской власти вынуждали большевиков вступить в диалог с государствами Антанты. В Москве надеялись добиться от них гарантий недопущения новой интервенции, а также получить кредиты и инвестиции, которые позволили бы смягчить тяжесть переживаемого страной экономического кризиса. Приглашение на Генуэзскую конференцию было принято. Главой советской делегации был назначен Ленин, однако, опасаясь покушения на свою жизнь, он уклонился от поездки в Геную, и его полномочия перешли к наркому по иностранным делам Г. В. Чичерину. В состав делегации РСФСР вошли лучшие советские дипломаты — Л. Б. Красин, М. М. Литвинов, А. А. Иоффе, В. В. Воровский и другие. Она получила право представлять и другие советские республики — Украинскую, Белорусскую, Грузинскую, Армянскую, Азербайджанскую ССР, а также Бухару, Хорезм и ДВР — и подписывать от их имени любые международные соглашения.

28 февраля 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) одобрило подготовленный Лениным проект постановления о задачах советской делегации в Генуе. В нем ставилась цель не допустить объединения Европы на антисоветской основе. Требования о выплате дореволюционных долгов и реституции иностранной собственности отвергались; как крайняя мера допускалось лишь удовлетворение довоенных долговых обязательств перед мелкими частными вкладчиками. В обоснование своей позиции советской делегации предписывалось заявить, что все дореволюционные российские долги, как государственные, так и частные, полностью покрываются встречными советскими претензиями по возмещению убытков, нанесенных России державами Антанты в период интервенции и экономической блокады. Была проведена и инвентаризация этого ущерба. Контрпретензии, которые Москва намеревалась предъявить союзникам, достигали 39 млрд золотых руб. Эта сумма была равна четверти всего довоенного национального богатства России и более чем в два раза превышала финансовые претензии Антанты. Она выглядела явно условной и завышенной и должна была стать предметом последующего политического торга.

Чтобы отвлечь внимание европейской общественности от обструкционистской позиции Москвы в вопросе о долгах, было решено выдвинуть на конференции широкую пацифистскую программу всеобщего разоружения, которую можно было бы использовать в пропагандистских целях. Кроме того, Советская Россия, приступившая после окончания Гражданской войны к сокращению Красной армии примерно в семь раз — до штатов мирного времени, была, безусловно, заинтересована в параллельном сокращении вооруженных сил европейских государств, что могло бы стать и определенной гарантией против новой интервенции.

Прекрасно понимая, что намеченную политическую линию провести в жизнь будет крайне нелегко, большевики начали искать в Европе союзников в предстоящей дипломатической схватке с западными державами. Таким естественным союзником могла бы стать в первую очередь Германия. Поэтому по пути в Геную советская делегация посетила Берлин, где провела переговоры с германским канцлером Й. Виртом и министром иностранных дел В. Ратенау, посвященные восстановлению дипломатических отношений и урегулированию финансово-экономических вопросов. Советская сторона предложила немцам «нулевой вариант» — взаимный отказ от всех долговых и имущественных претензий. Однако склонить Германию к подписанию соглашения не удалось, так как она стремилась сохранить свободу рук, рассчитывая достичь в Генуе компромисса с державами Антанты.

2.10. Начало работы Генуэзской конференции. Переговоры на вилле Альбертис

10 апреля 1922 г. в Генуе открылась международная конференция по вопросам экономического восстановления Центральной и Восточной Европы, в ко-

торой участвовали представители 28 европейских стран, Японии и 5 британских доминионов. Она стала первой послевоенной общеевропейской конференцией, в которой принимали участие как победившие, так и побежденные государства, а также Советская Россия.

Первым на пленарном заседании выступил Ллойд Джордж — инициатор созыва этого форума. Нарисовав мрачную картину всеобщего экономического кризиса, он призвал делегатов принять безотлагательные меры к послевоенному восстановлению континента и подчеркнул, что все приглашенные государства участвуют в переговорах «на началах абсолютного равенства». Отвечая британскому премьеру, глава делегации Франции, ее министр иностранных дел Луи Барту, заявил, что конференция не должна заниматься пересмотром существующих договоров и обсуждением вопросов разоружения, и предложил сосредоточиться на решении экономических проблем.

Глава советской делегации Чичерин в яркой речи, произнесенной поочередно на английском и французском языках, провозгласил принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем и призвал к налаживанию экономического сотрудничества между Советской Россией и капиталистическими странами. Он также выдвинул программу радикального сокращения вооружений и запрещения новейших средств ведения войны. Тема всеобщего разоружения была немедленно подхвачена Германией, на которую согласно Версальскому миру были наложены строжайшие военные ограничения. Однако, как и следовало ожидать, Великобритания и Франция отказались от обсуждения советского предложения, заявив, что оно носит сугубо пропагандистский характер и может лишь осложнить работу конференции. В итоге было решено создать четыре экспертные комиссии: политическую, или «русскую», финансовую, экономическую и транспортную.

На первом заседании политической комиссии советской делегации был вручен меморандум, подготовленный Лондонским совещанием экспертов. Государства Антанты требовали от России выплаты около 17 млрд золотых руб. дореволюционного долга, а также возвращения экспроприированной иностранной собственности стоимостью 1,6 млрд золотых руб. При этом довоенные государственные долги России составляли 4,2 млрд руб. (из них 3 млрд руб. — Франции и лишь 250 млн руб. — Великобритании). Довоенные негосударственные долги (размещенные в различных ценных бумагах) составляли 5,7 млрд руб., причем около 70% этой суммы приходилось на долю 1,2 млн французских частных вкладчиков. Военные долги России превышали 7 млрд руб. (из них более 5 млрд руб. приходилось на долю Великобритании).

14 апреля 1922 г. на вилле Альбертис — частной резиденции Ллойд Джорджа — начались конфиденциальные переговоры советских представителей с главами делегаций государств Антанты — Великобритании, Франции, Ита-

лии и Бельгии. Советская сторона категорически отвергла требование бывших союзников о возвращении военных долгов, справедливо заявив, что Россия уже оплатила их на полях сражений кровью миллионов своих солдат, а без ее участия победа Антанты в Первой мировой войне была бы невозможна. Она предъявила державам-победительницам контрпретензии в размере 39 млрд золотых руб. Западные державы отвергли контрпретензии, сочтя их чрезвычайно завышенными. Однако советские представители и не настаивали ультимативно на их удовлетворении, предложив «нулевой вариант» — взаимный отказ от любых претензий. Со своей стороны Ллойд Джордж 15 апреля 1922 г. вручил Чичерину письмо с компромиссными предложениями: военные долги России аннулируются в обмен на ее отказ от контрпретензий; ей предоставляется отсрочка в выплате довоенных долгов сроком на 10 лет; Москва выплачивает компенсацию прежним иностранным владельцам за конфискованную собственность. Письмо Ллойд Джорджа отражало лишь британскую позицию; Франция ее не разделяла и продолжала настаивать на выплате всех долгов в полном объеме.

2.11. Рапалльский договор между Советской Россией и Германией

Переговоры советской делегации с бывшими союзниками России по Антанте чрезвычайно встревожили немецких представителей. Они всерьез опасались, что стороны смогут прийти к компромиссу в вопросе о долгах, которые будут оплачены Советской Россией за счет репараций с Германии. В течение первой недели конференции Вирт и Ратенау трижды просили Ллойд Джорджа о встрече, но он так и не принял их в нарушение общепринятых правил дипломатической вежливости. В то же время от итальянцев к ним поступила информация о том, что переговоры на вилле Альбертис близятся к успешному завершению и соглашение, предусматривающее вступление в силу статьи 116 Версальского договора, вскоре может быть подписано. Такой поворот событий означал бы, что Советская Россия сможет потребовать свою долю германских репараций, размер которой оценивался в 16 млрд золотых руб.; этой гигантской суммы вполне хватило бы для погашения основной части российского долга державам Антанты, в результате чего вся тяжесть разрешения долговой проблемы перекладывалась бы на Германию.

В сложившейся ситуации немецкая сторона склонялась к тому, чтобы принять советские предложения, сделанные ей накануне конференции. Этим немедленно воспользовался Чичерин. 15 апреля 1922 г. он предложил немцам продолжить начатые в Берлине переговоры, и уже на следующий день в резиденции германской делегации в Рапалло — предместье Генуи — договор о нормализации отношений между Советской Россией и Германией был подписан.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

В основу Рапалльского договора был положен «нулевой вариант», предложенный советской стороной на переговорах в Берлине. Советская Россия отказывалась от репараций, а Германия — от дореволюционных займов и своей собственности, конфискованной в России во время войны. Экономические отношения между двумя странами начинались «с чистого листа». Стороны восстанавливали дипломатические отношения, а также договорились вести торговлю на основе принципа наибольшего благоприятствования.

При подписании договора Чичерин и Ратенау обменялись конфиденциальными письмами. В них говорилось, что в случае, если Советская Россия удовлетворит в отношении какого-либо третьего государства долговые или имущественные претензии, от которых отказывалась Германия, то вопрос о германских претензиях будет заново решен на таких же условиях. Рапалльский договор не содержал никаких тайных статей о военном союзе, однако статья 5 допускала возможность двустороннего военного сотрудничества, которое стало налаживаться уже с 1920 г. и успешно продолжалось до начала 1930-х годов.

В финансовом аспекте «нулевой вариант» был, безусловно, чрезвычайно выгоден Берлину, поскольку сумма довоенного российского долга (1 млрд золотых руб.) и конфискованной немецкой собственности (300 млн золотых руб.) была на порядок меньше, чем репарации, на которые могла бы претендовать советская сторона. Кроме того, Германия была побежденным государством и несла согласно Версальскому договору всю ответственность за развязывание войны, что лишало ее требования о возвращении Россией долгов и собственности правовых оснований. Германский долг был аннулирован, собственность же считалась конфискована не большевиками, а Николаем II в 1914 г. Страны Антанты признали правомерность этого решения, поскольку сами в то время поступили точно так же.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Несмотря на экономические уступки, Рапалльский договор справедливо рассматривался в Москве как бесспорный дипломатический успех. Он заложил основы тесного политического, экономического и военного сотрудничества двух держав, которое, безусловно, усиливало их позиции на международной арене. Советская Россия приобретала в лице дружественной Германии бесценного политического партнера, с помощью которого она могла играть на межимпериалистических противоречиях и не допустить создания в Европе единого антисоветского фронта. Создавался важный прецедент признания принципа взаимного отказа от претензий, который советская сторона надеялась использовать в ходе дальнейших переговоров с государствами Антанты.

Рапалльский договор явился неожиданным и болезненным ударом по интересам держав-победительниц. Великобритания и Франция выступили с его решительным осуждением, расценив его подписание Германией без предварительных консультаций с ними как «яркий акт нелояльности», после чего отстранили ее от участия в работе политической комиссии. В самой Германии Рапалльский договор получил широкую общественную поддержку и был единогласно ратифицирован в рейхстаге.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Немецкая правящая элита рассчитывала, что сотрудничество с большевиками поможет ей разорвать «путы Версаля». С этого времени советско-германский договор стал главным козырем Берлина в его борьбе за отмену Версальского мира.

2.12. Заключительный этап Генуэзской конференции

Подписывая Рапалльский договор, Чичерин вовсе не собирался «сжигать мосты» на переговорах с державами Антанты. 20 апреля 1922 г. он направил Ллойд Джорджу ответ на его письмо, в котором предлагал следующие условия: советская сторона отказывалась от контрпретензий и соглашалась признать довоенные долги, а также компенсировать иностранным собственникам стоимость их экспроприированного имущества при условии, если страны Антанты аннулируют ее военные долги и проценты по довоенным долгам, согласятся на отсрочку всех платежей минимум на 15 лет, а также признают Советскую Россию де-юре и немедленно предоставят ей крупный заем (не менее 1 млрд долл.). Фактически речь шла о возможности выплаты Москвой в рассрочку части долга в обмен на помощь держав-победительниц в деле восстановления российской экономики.

Ллойд Джордж счел эту схему в принципе приемлемой. Однако Франция, на долю которой приходилась основная часть довоенного долга, его не поддержала. Луи Барту возмущенно заметил по поводу советских требований о новых кредитах, что отказывается понимать, «как можно принимать новые обязательства, не признав старых». В советской делегации на конференции также произошел раскол. Чичерин, Красин и Литвинов предложили Политбюро ЦК РКП(б), подтвердив «незыблемость права на экспроприацию частной собственности», все-таки согласиться на реституцию или денежную компенсацию экспроприированного иностранного имущества (например, путем выпуска ценных бумаг, погашаемых через 10–15 лет) в обмен на получение крупного кредита. В противном случае, доказывали они, иностранный частный капитал никогда не вернется в Россию. Однако некоторые члены делегации во главе с Я. Э. Рудзутаком отвергли это предложение и сообщили в Кремль, что, по их мнению, Чичерин в письме Ллойд Джорджу фактически вышел за рамки данных ему инструкций. Ленин полностью поддержал Рудзутака и выступил категориче-

ски против инициативы Чичерина, Красина и Литвинова. Он расценил ее как недопустимую уступку империалистам, «неслыханные, позорные и опасные... колебания», а в позиции Чичерина, высказанной в письме Ллойд Джорджу, усмотрел нарушение директив Политбюро, пригрозив ему в случае «малейших еще колебаний дезавуировать публично и уволить от должности»[1]. Выполняя инструкции Москвы, глава советской делегации был вынужден заявить о невозможности реституции, предложив вместо нее преимущественное право бывших собственников получать свои предприятия в концессию. Однако такая полумера не могла удовлетворить западные державы. К этому времени и в лагере союзников неуступчивая франко-бельгийская точка зрения возобладала над компромиссной линией Ллойд Джорджа, что нашло отражение в меморандуме восьми держав, врученном 8 мая 1922 г. советской делегации. 11 мая советская сторона направила государствам Антанты ответный меморандум, в котором также заявила об отказе от дальнейших уступок. Переговоры зашли в тупик. 20 мая 1922 г. Генуэзская конференция закрылась. Ее работа завершилась по существу полным провалом. Обсуждение нерешенных вопросов было решено продолжить позже в Гааге, на уровне экспертов.

2.13. Гаагская конференция. Итоги переговоров в Генуе и Гааге

Продолжением Генуэзской стала Гаагская конференция, проходившая с 15 июня по 20 июля 1922 г. В ней приняли участие правительственные эксперты, а также ряд крупных предпринимателей, чья собственность была конфискована большевиками. На конференции были созданы две комиссии: «нерусская», состоявшая из делегатов всех стран, кроме Советской России, и «русская», в работе которой участвовали представители всех государств, в том числе и советская делегация.

Центральным на переговорах стал вопрос о судьбе экспроприированной иностранной собственности в России. Франция и Бельгия требовали ее безусловного возвращения, в то время как Великобритания и Италия были готовы удовлетвориться выплатой за нее соответствующей денежной компенсации. Советская делегация, возглавляемая заместителем наркома по иностранным делам М. М. Литвиновым, отстаивала прежнюю позицию: она отказывалась признавать за бывшими собственниками право на реституцию, но была готова заплатить им определенное денежное возмещение или предоставить концессии.

Был обнародован и обширный список предприятий и месторождений полезных ископаемых, которые могли быть сданы в концессию (при этом преимущественные права имели бы их бывшие собственники). Советская сторона соглашалась выплатить в рассрочку довоенные долги, прежде всего долги

[1] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 172.

частным лицам, но при условии получения крупного займа и признания Советской России де-юре. Однако вопрос о новых кредитах даже не был поставлен на обсуждение. Продолжительные переговоры не дали никаких результатов; сближения позиций сторон не произошло. В заключение европейские государства приняли специальную резолюцию, призывающую частный капитал не брать у большевиков концессий. Гаагская конференция закончилась безрезультатно.

Таким образом, ни в Генуе, ни в Гааге Советской России и державам Антанты не удалось прийти к компромиссу. К нему оказались не готовы обе стороны. Союзники, в первую очередь Франция, заняли жесткую позицию, рассчитывая, что Москва под давлением тяжелейшего внутреннего кризиса и исходя из очевидных экономических выгод, которые сулила ей нормализация отношений с державами-победительницами, будет вынуждена в конце концов принять их условия. Однако советский подход определялся в первую очередь идеологическими, а не торгово-экономическими соображениями.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Поскольку приоритетной целью для большевиков являлось сохранение советского строя, они считали, что ее достижению в наибольшей степени отвечает соглашение с побежденной и униженной Германией, усиливающее раскол в лагере империалистов. Соглашение же с державами-победительницами было необходимо им прежде всего как гарантия против новой интервенции. В Москве не стремились к тесному политическому и экономическому взаимодействию со странами Антанты, опасаясь попасть в финансово-экономическую зависимость от них.

И хотя Ленин не раз говорил, что советские дипломаты «едут в Геную не как коммунисты, а как купцы», на практике он и его коллеги по Политбюро проявили себя в первую очередь как идеологи и революционеры, для которых экономические вопросы имели подчиненное значение. В узком кругу Ленин и не скрывал, что не верит в успех Генуи и не боится разрыва переговоров, усматривая в этом даже определенные выгоды — прежде всего, срыв послевоенного объединения Европы.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Провал Генуэзской и Гаагской конференций означал, что на займы и инвестиции держав-победительниц Москве больше рассчитывать не приходилось. Оставалась Германия, но она, экономически слабая и придавленная мощным прессом репараций, не имела свободных средств для вложения в Россию. В результате Советское государство должно было идти по пути строительства замкнутой экономики, опираясь на собственные силы и ресурсы.

В Генуе и Гааге западным державам не удалось добиться нормализации отношений с Советской Россией и интегрировать ее в европейский международный порядок на своих условиях, смягчив тем самым послевоенный раскол континента. Наоборот, произошло как раз то, чего державы-победительницы стремились не допустить, — сближение Советской России и Германии. Наметились контуры чрезвычайно опасного и враждебного Версальскому порядку советско-германского альянса.

Литература

Основная

Ватлин А. Ю. Коминтерн: Первые десять лет: Исторические очерки. М.: Россия молодая, 1993.

Документы внешней политики СССР. Т. III. М.: Госполитиздат, 1959. Док. № 12, 53, 137; Т. V. М.: Госполитиздат, 1961. Док. № 109, 119, 121, 127.

Загладин Н. В. История успехов и неудач советской дипломатии. М.: Международные отношения, 1990. Гл. 1.

Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2000. Док. № 355, 383, 384.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том второй. Документы 1910–1940-х годов / Сост. А. В. Мальгин. М.: Моск. рабочий, 2000. Док. № 28, 29, 31, 33–35, 46–49.

Яжборовская И. С., Парсаданова В. С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М.: Academia, 2005.

Дополнительная

Манусевич А. Я. Трудный путь к Рижскому мирному договору 1921 г. // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 19–43.

О'Коннор, Тимоти Эдвард. Георгий Чичерин и советская внешняя политика, 1918–1930 / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. Гл. 4, 5.

Пайпс Р. Россия при большевиках / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 1997. Гл. 4.

ГЛАВА 3

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ В 1923–1925 гг. ЛОКАРНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

3.1. Франко-бельгийская оккупация Рура и ее последствия

В ходе Парижской конференции державы-победительницы не смогли прийти к соглашению по одной из ключевых проблем мирного урегулирования — о взимании репараций с Германии. Окончательно разрешить этот вопрос должна была межсоюзническая репарационная комиссия, которой предстояло определить общую сумму репараций и доли в ней отдельных государств Антанты. После того как республиканская администрация США отказалась участвовать в работе комиссии, соотношение сил в ней изменилось в пользу Франции, занимавшей крайне жесткую позицию. В Париже продолжали настаивать на том, что побежденная Германия как главный виновник Первой мировой войны обязана полностью возместить победителям как прямые, так и косвенные расходы по ее ведению. Францию поддерживали Италия и Бельгия, в то время как Великобритания, призывавшая союзников умерить аппетиты и дать возможность Германии восстановить свою экономику, оказалась в меньшинстве.

В начале 1920-х годов состоялось несколько конференций репарационной комиссии. На конференции в Спа (июль 1920 г.) было решено, что 52% репараций получит Франция, 22% — Великобритания, 10% — Италия, 8% — Бельгия и 8% — другие союзные государства. Ранее на Булонской конференции (июнь 1920 г.) был впервые обозначен и конкретный объем выплат — 265 млрд золотых марок, который вскоре был снижен до 226 млрд золотых марок. Однако Германия решительно отказывалась платить эту огромную сумму, настаивая на ее радикальном сокращении до 30 млрд марок. Со своей стороны союзники в ультимативной форме потребовали от немцев безоговорочного принятия выдвинутых ими требований, а после отказа последних оккупировали в марте 1921 г. города Дюссельдорф, Дуйсбург и Рурорт. Последовал еще один раунд трудных переговоров, и в мае 1921 г. на Лондонской конференции окончательная сумма репараций была определена. Она

составила 132 млрд золотых марок (33 млрд долл.) и подлежала выплате в течение 37 лет, преимущественно в денежной форме, а также в форме поставок сырья и различных товаров. Первый взнос в размере 1 млрд марок Германия была обязана внести в течение месяца. Затем она должна была ежегодно выплачивать 2 млрд золотых марок, а также переменную дополнительную сумму в размере 25% общей стоимости ее ежегодного экспорта. В случае отказа немцев от принятия этих условий союзники угрожали оккупировать Рур. Рейхстаг незначительным большинством голосов проголосовал за предъявленный ультиматум. Однако Германия отнюдь не собиралась мириться с требованиями держав-победительниц. Подписав в апреле 1922 г. Рапалльский договор с Советской Россией, значительно укрепивший ее международные позиции, она вновь подняла вопрос об уменьшении репараций, ссылаясь при этом на свою низкую платежеспособность, обусловленную тяжелейшим социально-экономическим кризисом.

В ноябре 1922 г. новое правительство страны, возглавляемое Г. Куно, обратилось к державам-победительницам с просьбой о пятилетнем моратории на выплату репараций и крупном международном займе, которая, однако, была союзниками отвергнута. После этого Германия отказалась платить очередной ежегодный взнос, а также прекратила поставки в счет репараций леса и угля. В ответ на эти действия межсоюзническая комиссия 9 января 1923 г. тремя голосами (Франция, Италия, Бельгия) против одного (Великобритания) констатировала факт «умышленного невыполнения» обязательств, что должно было повлечь за собой введение против Германии экономических и военных санкций. 11 января 1923 г. 5 французских и 2 бельгийские дивизии оккупировали Рурскую область — важнейший промышленный центр Германии. Она была изолирована от остальных германских земель и отделена от них таможенной границей. В результате немецкая экономика лишилась основной базы производства угля, чугуна, стали и была полностью дезорганизована.

Франко-бельгийская силовая акция вызвала неоднозначную международную реакцию. Из ведущих держав ее поддержала только Италия, в то время как Великобритания и США заняли уклончиво-выжидательную позицию. Советский Союз выступил с решительным осуждением ввода войск в Рур.

Со своей стороны германское правительство заявило, что не станет вести никаких переговоров по вопросам репараций до тех пор, пока Рур не будет эвакуирован. Оно обратилось к народу с лозунгом «объединения всех немцев перед лицом общего врага», призвав его не выполнять распоряжений оккупационных властей, а жителей Рура — прекратить работу на неопределенный срок. Эта политика, получившая название «пассивного сопротивления», вызвала в Германии невиданную хозяйственную разруху, привела к полному краху ее промышленности и финансовой системы[1]. Инфляция приобрела фанта-

[1] На занятых франко-бельгийскими войсками территориях «пассивное сопротивление» не раз переходило в вооруженное, включая нападения на гарнизоны союзников и диверсии на промышленных объектах. В ответ оккупационные войска также применяли оружие, а задержанных повстанцев расстреливали.

стические масштабы: курс марки с января по ноябрь 1923 г. упал в миллиарды раз, а зарплату тем, кто еще продолжал работать, зачастую выдавали дважды в день, иначе она обесценивалась[1]. Результатом краха марки явилась и утрата державами-победительницами контроля над платежеспособностью Германии.

С целью привлечения на свою сторону международного общественного мнения правительство Куно развернуло активную пропагандистскую кампанию — создавался образ агрессивной, жестокой Франции и беззащитной, несправедливо пострадавшей Германии. На начальной стадии кризиса в немецком обществе наблюдался патриотический подъем, однако его дальнейшее затягивание привело к опасному обострению политических и социальных противоречий. Рурский кризис стал тяжелым испытанием для Веймарской республики[2].

В стране набирали силу радикальные движения. В Тюрингии и Саксонии были созданы земельные правительства с участием коммунистов. В Рейнской области местные сепаратисты при поддержке французских оккупационных сил захватили органы власти в ряде городов и попытались провозгласить независимую Рейнскую республику.

В августе 1923 г. в результате всеобщей забастовки ушел в отставку кабинет Куно. Новое правительство «большой коалиции», сформированное из представителей социал-демократов, центристских и правых партий во главе с Г. Штреземаном, приняло решение о прекращении «пассивного сопротивления». В октябре 1923 г. оно направило союзникам ноту, в котором выражало готовность продолжить выплату репараций, однако ввиду наступившего экономического краха просило их заново изучить вопрос о платежеспособности Германии.

В Советском Союзе Рурский кризис вновь оживил надежды на скорую мировую революцию. В августе 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) констатировало, что «германский пролетариат стоит непосредственно перед решительными боями за власть», и постановило оказать ему всю необходимую помощь деньгами и оружием[3]. В СССР была приостановлена демобилизация Красной армии и началась ее передислокация к западным границам. В то же время германская компартия, следуя указаниям Коминтерна, развернула подготовку к вооруженному восстанию. Левое крыло руководства РКП(б) рассчитывало, что это выступление станет детонатором «новой волны международных пролетарских революций». Зиновьев самонадеянно утверждал, что германская социал-демократия «лопнет как мыльный пузырь», едва коммунисты возьмутся за оружие, а Троцкий даже предлагал установить «календарный срок» восстания, назначив точную дату его начала — 9 ноября (в годовщину германской революции 1918 г.). Для ру-

[1] Если в январе 1923 г. в Берлине за 1 доллар давали примерно 7 тыс. марок, то в ноябре того же года — уже 4,2 трлн (!) марок. Введенная 15 ноября 1923 г. новая, обеспеченная материальными ценностями марка была приравнена к триллиону старых «бумажных» марок.

[2] Веймарская республика — название политического режима в Германии в 1919–1933 гг. Термин появился после того, как заседавшее в г. Веймар Национальное собрание 31 июля 1919 г. приняло новую германскую конституцию.

[3] Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М., 2004. С. 206–207.

ководства восстанием в Берлин была командирована группа членов ЦК РКП(б) во главе с К. Б. Радеком. Однако эти расчеты оказались несостоятельными. Перед лицом угрозы выступления компартии правительство Штреземана приостановило ее деятельность и объявило в стране чрезвычайное положение. В Саксонию и Тюрингию были введены части рейхсвера, которые разогнали местные левые правительства. В октябре 1923 г. радикальное крыло партии, возглавляемое Э. Тельманом, подняло вооруженное восстание в Гамбурге, но оно было быстро подавлено правительственными войсками. «Германский Октябрь» не получился. Революционная активность СССР в период кризиса привела к охлаждению его отношений с Германией и показала, что пострапалльское сближение двух держав имеет вполне определенные пределы.

Наряду с коммунистами активизировались и крайне правые германские радикалы. 8–9 ноября 1923 г. в Мюнхене произошел так называемый «пивной путч», в ходе которого возглавляемая Гитлером молодая национал-социалистическая партия, заручившись поддержкой героя войны, бывшего начальника Генерального штаба генерала Э. фон Людендорфа, попыталась захватить власть в Баварии. Нацисты планировали затем совершить «марш на Берлин», по примеру похода фашистов на Рим, который в 1922 г. привел к власти в Италии режим Муссолини. Однако мятеж был подавлен властями, а Гитлер приговорен к пяти годам тюрьмы (хотя уже через восемь месяцев досрочно отпущен на свободу).

Революционная ситуация в Германии вызвала серьезную озабоченность в Лондоне и Вашингтоне. Вину за разразившийся кризис здесь возлагали прежде всего на Францию. Британский премьер-министр Р. Макдональд откровенно заявил Пуанкаре, что, по мнению общественности его страны, Франция хочет полной катастрофы Германии и установления своего господства на континенте без оглядки на интересы Великобритании и всей остальной Европы. Франция оказалась в сложном положении. Ее оккупационные расходы в Рурской области были непредвиденно велики и уже осенью 1923 г. составили 1 млрд франков, превысив сумму не выплаченного Германией репарационного взноса. Курс франка резко упал. Со своей стороны англичане и американцы, недовольные политикой Парижа, в жесткой форме потребовали от него скорейшего возвращения военных долгов.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Провал французской политики силового давления на Германию был очевиден. Ее продолжение было чревато не только падением Веймарской республики и приходом к власти в Германии экстремистских сил, но и дальнейшей дестабилизацией всего европейского порядка. Эта опасная перспектива подталкивала западные державы к поиску путей выхода из кризиса посредством восстановления германской экономики. В сложившейся ситуации французское правительство было вынуждено пойти на уступки Великобритании и США, которые с этого момента перехватили инициативу в деле урегулирования германской проблемы.

3.2. «План Дауэса»

В октябре 1923 г. Великобритания предложила созвать международную конференцию по проблеме репараций с участием европейских держав и США. Франция отклонила эту идею, но согласилась в качестве компромисса с созданием двух комитетов независимых экспертов для обследования платежеспособности Германии и определения путей ее экономического оздоровления. Первый комитет, возглавляемый банкиром из Чикаго, будущим вице-президентом США Ч. Дауэсом, должен был заняться вопросами стабилизации германской марки и ликвидации бюджетного дефицита, а второй во главе с англичанином Г. Мак-Кенном — принять меры к возвращению в страну капиталов, бежавших из нее в период гиперинфляции. При этом первый комитет фактически взял на себя изучение репарационной проблемы в целом, хотя официально эта задача перед ним и не ставилась. В апреле 1924 г. оба комитета представили на рассмотрение репарационной комиссии свои доклады, получившие общее название «план Дауэса».

В основу плана был положен принцип, выдвинутый выдающимся британским экономистом Дж. Кейнсом: предпосылкой уплаты Германией репараций является восстановление ее экономики, которое возможно только после подавления инфляции и ликвидации бюджетного дефицита. Для этих целей эксперты предложили предоставить Берлину международный заем в размере 800 млн золотых марок. Последующий график выплаты репараций ставился в прямую зависимость от темпов восстановления и развития германской экономики.

План не фиксировал общей суммы репараций и окончания срока расчетов. В нем лишь говорилось, что в 1924/25 финансовом году Берлин должен был заплатить 1 млрд марок; затем сумма взноса постепенно увеличивалась и начиная с 1928/29 финансового года должна была составить 2,5 млрд марок ежегодно. Таким образом, график выплаты репараций был приведен в соответствие с экономическими возможностями Германии.

План предусматривал и проведение радикальной финансово-экономической реформы в Германии. Ее Центральный банк, осуществлявший эмиссию марки, выводился из подчинения правительству и ставился под контроль союзников. Правительство теряло контроль и над железными дорогами — они передавались под управление специально созданного акционерного общества. С целью широкого привлечения в германскую экономику капиталов из-за рубежа отменялось налогообложение иностранных инвестиций.

Летом 1924 г. в Лондоне прошла конференция с участием семи европейских стран, США и Японии, утвердившая основные положения «плана Дауэса». На ней Германия заключила с репарационной комиссией договор об условиях его реализации, обязавшись принять соответствующие законы о Центральном банке, железных дорогах и ряд других. Комиссия со своей стороны обещала содействовать получению Берлином международного займа, который вскоре и был ему предоставлен. Франция и Бельгия заявили, что в случае успешного нача-

ла осуществления «плана Дауэса» они через год приступят к военной эвакуации Рура. Таким образом, Рурский кризис был в основном преодолен.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

«План Дауэса» был призван обеспечить стабилизацию экономики и политического строя Веймарской республики, что должно было привести к восстановлению в рамках Версальской системы и под контролем союзников экономически и политически благополучной Германии. Его принятие означало торжество англо-американского подхода к решению германской проблемы над французским.

Франция была вынуждена одобрить план вследствие сильного англо-американского давления, а также отставки кабинета Пуанкаре, на смену которому в июне 1924 г. пришло левое правительство во главе с Э. Эррио, выступавшее за проведение более гибкой внешней политики. После вступления в силу «плана Дауэса» на Германию пролился золотой дождь иностранных кредитов и инвестиций, 70% которых составляли американские. В 1924–1932 гг. она получила в виде иностранных займов и капиталовложений около 32 млрд марок, выплатив за этот же период всего 11,5 млрд марок репараций. Таким образом, репарации перестали быть непосильным бременем, блокировавшим развитие ее экономики.

Принятие «плана Дауэса» повлекло за собой и реструктуризацию военных долгов держав Антанты Соединенным Штатам, составлявших около 10 млрд долл. 94% этой суммы приходилось на Великобританию, Францию и Италию. Англо-американское соглашение по долговой проблеме было подписано еще в 1922 г. и предусматривало рассрочку выплаты долга на срок до 25 лет, а также снижение процентной ставки по его обслуживанию. Французов и итальянцев такие условия не устраивали; они требовали частично, а еще лучше полностью списать им задолженность военных лет, что, по их мнению, явилось бы частью американского вклада в победу над врагом. В Вашингтоне, однако, настаивали на выплате долгов в полном объеме. Тогда Франция предложила американцам возвращать свой долг по мере получения репараций с Германии. В 1923 г. начались франко-американские переговоры, завершившиеся в 1929 г. подписанием соглашения о рассрочке выплаты Францией военного долга США на срок до 53 лет. Аналогичное соглашение о рассрочке долговых выплат на срок до 62 лет США подписали с Италией. Таким образом, после вступления в силу «плана Дауэса» в Вашингтоне фактически согласились с увязкой проблем межсоюзнических долгов и германских репараций.

3.3. Женевский протокол

«План Дауэса» был встречен в Париже без энтузиазма. Перспектива экономического, а затем и неминуемого политического возрождения Германии

пугала Францию и заставляла ее искать новые пути обеспечения собственной безопасности, как и укрепления Версальской системы в целом. Осенью 1924 г. французская делегация внесла на обсуждение Лиги Наций проект протокола о мирном урегулировании международных конфликтов. Этот документ, носивший новаторский характер, предусматривал создание новых политико-правовых механизмов разрешения споров между государствами. В нем впервые давалось определение агрессии, отсутствовавшее в Уставе Лиги Наций. Агрессором предлагалось считать страну, отказавшуюся представить конфликт, в котором она участвует, на рассмотрение международного арбитражного органа. Таким образом, процедура арбитража впервые становилась бы обязательной для урегулирования межгосударственных конфликтов.

Участники протокола должны были взять на себя обязательство об отказе от войны в отношениях друг с другом, за исключением случаев сопротивления актам агрессии или участия в санкциях, применяемых в соответствии с Уставом Лиги. Протокол подробно регламентировал процедуру арбитражного процесса, права и обязанности сторон, а также последствия неисполнения арбитражных решений. Кроме того, он предусматривал проведение переговоров о всеобщем сокращении вооружений, для чего в 1925 г. предполагалось созвать специальную конференцию по разоружению под эгидой Лиги Наций.

Поначалу предложение Франции получило активную поддержку со стороны не только ее союзников в Восточной Европе, но и Великобритании, где у власти в то время находилось лейбористское правительство Макдональда. В октябре 1924 г. Совет Лиги Наций одобрил Женевский протокол и рекомендовал всем государствам — членам Лиги его ратифицировать. Однако вскоре выяснилось, что большинство входивших в Совет великих держав не готово поступиться своими суверенными правами и признать юрисдикцию наднациональных арбитражных органов. Из четырех постоянных членов Совета протокол ратифицировала только Франция. Позиция Великобритании после отставки в октябре 1924 г. левого кабинета Макдональда существенно изменилась. Пришедшие к власти консерваторы взяли курс на модификацию Версальской системы на базе компромисса с Германией и не желали осложнять этот процесс ратификацией Женевского протокола, предварительно не согласованного с немцами и принятого без их участия. В свою очередь Япония и фашистская Италия, не вполне удовлетворенные своим местом в послевоенном международном порядке, также сочли невыгодным связывать себя жесткими обязательствами по отказу от применения силы. Советский Союз, выступавший с позиций непримиримого критика Версальской системы, отверг проект протокола, одновременно призвав западные страны приступить к скорейшему обсуждению проблем разоружения. В конечном итоге Женевский протокол так и не вступил в силу.

3.4. «Полоса признаний СССР»

30 декабря 1922 г. РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР и Закавказская Федерация (ЗСФСР) объединились в Союз Советских Социалистических Республик. Образование многонационального Советского государства, в 1,5 раза превосходившего Советскую Россию по экономическому и человеческому потенциалу, приблизило международное признание власти большевиков. Нормализации отношений Советского Союза с капиталистическим миром способствовала и новая экономическая политика (НЭП), позволившая в короткие сроки восстановить российскую экономику, разрушенную в годы Первой мировой и Гражданской войн.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Частичное возрождение в рамках НЭПа рыночных отношений, а также развернувшаяся в период болезни Ленина схватка за власть в высшем партийном руководстве породили в правящих кругах европейских стран определенные иллюзии и надежды на возможное политическое перерождение и разложение большевистского режима. Установление нормальных дипломатических и торговых отношений между СССР и странами Запада должно было содействовать процессу мирной эволюции советского строя. В 1924 г. разделявшие эту точку зрения левые партии пришли к власти в Великобритании и Франции.

Вместе с тем поражение революций 1923 г. в Германии и Болгарии[1] явилось завершением послевоенного революционного подъема в Европе. В Москве были вынуждены признать факт наступления «стабилизации капитализма» — разумеется, с оговоркой, что она является «временной и непрочной». Тем не менее этот вывод означал, что перспективы мировой революции отодвигаются в более далекое будущее и Советскому Союзу придется существовать во враждебном «капиталистическом окружении» значительно дольше, чем предполагалось ранее. В партийной верхушке развернулась острая дискуссия о дальнейшей судьбе социализма в СССР. Вождь «левой оппозиции» Троцкий утверждал, что без победы мировой революции построить социализм в отдельно взятой стране невозможно: во-первых, потому, что империалистические державы обязательно попытаются свергнуть его вооруженным путем, а во-вторых, из-за того, что в России — отсталой и по преимуществу крестьянской стране — советская власть без помощи европейского пролетариата в конечном счете обречена на буржуазное перерождение. Противостоявший левым оппозиционерам Сталин отвергал эти аргументы.

[1] 22 сентября 1923 г. коммунисты подняли вооруженное восстание в северных и западных областях Болгарии. После недели упорных боев оно было подавлено правительственными войсками.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Сталин считал, что Советский Союз, обладающий огромными природными и человеческими ресурсами, самодостаточен и вполне способен построить социализм в одиночку. В 1924 г. он впервые сформулировал свой ключевой тезис о «возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране», предполагавший определенное смещение акцентов и во внешней политике СССР. В соответствии с этой сталинской установкой не Советский Союз должен был жертвовать своими интересами во имя дела мировой революции, а наоборот — международное коммунистическое и национально-освободительное движение должно было быть поставлено на службу его государственным интересам. В рамках данной концепции приоритетными внешнеполитическими задачами СССР ставились укрепление его безопасности и создание благоприятных международных условий для строительства основ социализма. В Москве понимали, что достижение этих целей невозможно без установления нормальных дипломатических и торговых отношений с западными странами, и были готовы идти на определенные уступки.

В свою очередь западные державы, следуя курсу на стабилизацию и укрепление послевоенного международного порядка, к середине 1920-х годов приняли решение об установлении дипломатических отношений с Советским Союзом. В 1924 — начале 1925 г. его признали де-юре Великобритания, Италия, Франция, Китай, Япония, ряд средних и малых европейских стран — Норвегия, Швеция, Дания, Австрия, Греция, а из неевропейских — Мексика и Хиджаз. Этот международный процесс получил название «полосы признаний».

Первой из держав Антанты Советский Союз признала де-юре Великобритания. В начале 1924 г. к власти в Лондоне впервые в истории пришло левое правительство лейбористов во главе с лидером этой партии Р. Макдональдом, занявшим посты премьер-министра и министра иностранных дел. Еще в ходе предвыборной кампании лейбористы резко критиковали жесткую антисоветскую линию консерваторов и заявляли о намерении признать СССР безо всяких предварительных условий. Победив на выборах, они немедленно выполнили свое обещание. 1 февраля 1924 г. Великобритания установила дипломатические отношения с Советским Союзом на уровне поверенных в делах. Все взаимные претензии предполагалось урегулировать в ходе дальнейших переговоров, после чего должен был произойти и обмен послами. Для англичан основной интерес представляли проблемы возвращения дореволюционных российских долгов и реституции национализированной собственности, для советской стороны — получение кредитов на развитие экономики. В результате двусторонних переговоров, проходивших в Лондоне в апреле—августе 1924 г., были подготовлены и подписаны общий и торговый договоры. Обе стороны пошли на значительные уступки. Великобритания согласилась признать советскую монополию внешней торговли, экстерриториальность части поме-

щений советского торгпредства и дипломатический иммунитет некоторых его сотрудников, а также пообещала предоставить Москве заем в 30 млн фунтов стерлингов. Разрешение проблемы дореволюционных государственных долгов России было отложено на неопределенное время. Советская сторона в свою очередь взяла на себя обязательство частично компенсировать российские довоенные долги частным лицам, а также пообещала частично возместить иностранным владельцам стоимость экспроприированной собственности путем предоставления им новых концессий.

Вокруг подписанных соглашений в британских правящих кругах развернулась острая борьба. Против их ратификации решительно выступили консерваторы, а бывший министр иностранных дел Керзон даже назвал само признание СССР «величайшей ошибкой». Правые были особенно недовольны революционной деятельностью большевиков на Среднем Востоке, усматривая в ней прямую угрозу британским колониям. В октябре 1924 г. палата общин вынесла лейбористскому правительству вотум недоверия, а через две недели состоялись парламентские выборы, на которых убедительную победу одержали консерваторы. За четыре дня до голосования в лондонских газетах было опубликовано подложное «письмо Зиновьева» в ЦК английской компартии, в котором глава Коминтерна якобы призывал к ниспровержению буржуазного строя в Великобритании и инструктировал местных коммунистов, как вести подрывную работу в вооруженных силах[1]. Разгорелся громкий скандал, добавивший консерваторам немало голосов избирателей. Новое консервативное правительство С. Болдуина, пришедшее к власти на волне антисоветских настроений, заявило, что не сомневается в подлинности «письма Зиновьева». Оно отказалось внести англо-советские договоры на ратификацию в парламент и предоставить СССР заем. После кратковременного потепления отношения между двумя державами вновь стали напряженными и враждебными.

Почти одновременно с Великобританией Советский Союз 7 февраля 1924 г. был признан Италией. Итало-советское сближение началось еще в конце 1922 г., сразу же после прихода к власти в Риме фашистского режима Муссолини. Проявив инициативу в деле налаживания отношений с Москвой, итальянский лидер стремился подчеркнуть свою решимость дистанцироваться от других держав Антанты и проводить самостоятельную внешнюю политику. Муссолини разделял точку зрения Ллойд Джорджа о предстоящем перерождении большевизма. Он также полагал, что Италия, признав СССР раньше других государств, могла бы рассчитывать на весомые дивиденды в торговле с Москвой. Кроме того, дореволюционные российские долги Италии были на порядок меньше, чем Великобритании и Франции, и эта проблема не являлась серьезным препятствием для нормализации отношений. Одновременно с признанием СССР де-юре Италия заключила с ним договор о торговле и морепла-

[1] Подложность «письма Зиновьева» ныне доказана британскими историками и не вызывает сомнений. См. об этом: *О'Коннор Т. Э.* Г. В. Чичерин и советская внешняя политика 1918–1930 гг. / Пер. с англ. М., 1991. С. 184, 255.

вании, в котором первой из европейских государств признала советскую монополию внешней торговли, а также дипломатический статус торгпредства и его работников. Стороны сразу же обменялись послами (а не поверенными в делах, как в случае с Великобританией), урегулирование же финансовых претензий было отложено на неопределенное время. В 1920-е — начале 1930-х годов экономические и политические отношения СССР и Италии развивались довольно успешно. Будучи заинтересованы друг в друге, обе державы старались не переносить противоречия между коммунистической и фашистской идеологиями в плоскость межгосударственных отношений.

На пути нормализации советско-французских отношений объективных препятствий было гораздо больше, чем в случае с другими европейскими государствами. Как главный иностранный инвестор и кредитор дореволюционной России, Франция сильнее всех пострадала от решения большевиков не платить долги и экспроприировать иностранную собственность. В годы Гражданской войны она более активно и последовательно, чем остальные страны Антанты, поддерживала антибольшевистские силы, а после их поражения дала приют значительной части белой эмиграции.

Признание Советского Союза Великобританией и Италией создавало важный прецедент, с которым в Париже не могли не считаться. В мае 1924 г. здесь на парламентских выборах победил «левый блок» радикалов и радикал-социалистов во главе с Э. Эррио. Это событие положило начало отходу Франции с непримиримых антисоветских позиций. Сам Эррио первым из ее ведущих политиков в 1922 г. посетил Москву, после чего выступил за скорейшее урегулирование двусторонних отношений. 28 октября 1924 г. Франция признала СССР де-юре без каких-либо предварительных условий. Это решение было согласовано с представителями 1,2 млн держателей русских ценных бумаг, которые надеялись, что оно поможет сдвинуть дело выплаты долгов с мертвой точки.

Советским полпредом в Париже стал Л. Б. Красин, одновременно сохранивший за собой пост наркома внешней торговли. Его назначение было призвано продемонстрировать стремление Москвы к компромиссу в отношении взаимных финансовых претензий. Однако французская сторона затягивала начало переговоров по этим вопросам. Эррио, стремившийся к тесной координации французской и британской внешней политики, был вынужден считаться с приходом к власти в Лондоне антисоветски настроенных консерваторов. Кроме того, он считал целесообразным вначале достичь широкого политического соглашения с Германией и только потом активизировать диалог с СССР. Поэтому после признания де-юре советско-французские отношения не получили дальнейшего развития.

Урегулирование отношений Советского Союза с ведущими европейскими державами открывало дорогу к его признанию рядом малых и средних европейских государств. Весной и летом 1924 г. его признали де-юре нейтральные страны Скандинавии — Норвегия, Швеция и Дания, уже давно тяготившиеся разрывом некогда оживленных политических и торговых связей с восточ-

ным соседом. В советско-норвежских отношениях был найден компромисс по проблеме Шпицбергена. До 1920 г. этот архипелаг считался нейтральной территорией, не принадлежавшей ни одному государству, но в феврале 1920 г. в Париже представители девяти стран Европы подписали договор, по которому Шпицберген отходил под суверенитет Норвегии; остальные же участники договора получали на островах свободу экономической деятельности. После нормализации дипломатических отношений с Осло Советский Союз, ранее не признававший этого соглашения, согласился присоединиться к нему по приглашению норвежской стороны. В феврале 1924 г. СССР был признан Австрией, а в марте 1924 г. — Грецией. В сентябре 1924 г. было подписано соглашение об установлении дипломатических отношений между СССР и Венгрией, однако впоследствии оно не было внесено венгерским правительством на ратификацию в парламент из-за обструкционистской позиции регента М. Хорти. Всего же к началу 1925 г. Советский Союз имел дипломатические отношения с 22 иностранными государствами, в том числе со всеми великими державами, за исключением США.

В Вашингтоне заняли позицию непризнания Советского государства по принципиальным идеологическим соображениям. Впервые ее сформулировал Б. Колби — государственный секретарь в демократической администрации В. Вильсона. В ноте за его подписью, опубликованной в августе 1920 г., говорилось, что США не могут признать большевистский режим, поскольку он отрицает фундаментальные принципы морали и международного права. При этом в ноте особо подчеркивалось, что США сохраняют «чувства дружбы и моральные обязательства» по отношению к русскому народу и выступают за сохранение территориальной целостности России в границах бывшей империи, за исключением Финляндии, Польши и Армении[1]. Республиканцы в период своего пребывания у власти в 1920–1932 гг. продолжили «политику непризнания», обосновывая ее не только несовместимостью коммунистической и либеральной идеологий, но и своим возвратом к изоляционизму. В то же время отказ от признания де-юре не помешал Соединенным Штатам наладить в 1920-е годы оживленные торгово-экономические отношения с Советским Союзом (через акционерное общество «Амторг») и стать одним из его главных торговых партнеров.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

В целом «полоса признаний», безусловно, укрепила международные позиции Советского государства. Однако она принципиально не изменила характера его отношений с капиталистическим миром и не стала началом его интеграции в Версальско-Вашингтонскую систему. Не привела она и к вступлению СССР в Лигу Наций.

[1] Администрация В. Вильсона отказывалась признавать независимость Литвы, Латвии, Эстонии, а также Грузии и Азербайджана (до их советизации в 1920–1921 гг.). Республиканская администрация Г. Гардинга в июле 1922 г. признала де-юре государства Прибалтики (после того как в 1921 г. их признали Лига Наций и ведущие европейские державы).

3.5. Подготовка гарантийного пакта

Нормализация отношений ведущих западных держав с Советским Союзом, как и принятие ими «плана Дауэса», явились важными шагами на пути стабилизации послевоенного европейского порядка. Было, однако, ясно, что урегулирование репарационной проблемы стало лишь началом процесса модификации Версальской системы. Дальнейшее продвижение в этом направлении в Париже и Лондоне представляли по-разному. Франция считала оптимальным решением создание тройственного англо-франко-бельгийского военно-политического союза, направленного на сдерживание Германии. Этот союз был призван сыграть ту же роль, что и гарантийные договоры, подписанные на Парижской конференции в «пакете» с Версальским миром, но впоследствии не вступившие в силу из-за отказа в ратификации конгрессом США. Англичане отвергали этот подход и предлагали совершенно иное решение.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

В Лондоне исходили из убеждения, что главную угрозу европейскому и мировому порядку представляет не Германия, а коммунистическая Россия. В секретной памятной записке, посвященной проблемам европейской безопасности, британский министр иностранных дел О. Чемберлен отмечал, что «Россия не только не является фактором стабильности, она скорее один из самых опасных моментов, порождающих нашу неуверенность»[1]. В этих обстоятельствах ключом к европейской безопасности должно было стать объединение Европы на основе компромисса победителей с побежденными государствами, прежде всего с Германией. По замыслу британской стороны такое объединение привело бы к восстановлению политической стабильности на континенте и международной изоляции СССР. По существу Чемберлен предлагал создать в Европе новую систему безопасности — с участием Германии, но «без России и, возможно, против России».

Прочно взяв в свои руки после Рурского кризиса дело реформирования Версальского порядка, Великобритания в августе 1924 г. выступила с предложением о приеме Германии в Лигу Наций. В Берлине британская инициатива была встречена положительно. Перед Германией открывались наконец возможности ее политической реанимации. Однако немцы вовсе не собирались выступать на переговорах с западными державами в роли простых статистов и выдвинули ряд собственных условий вступления в Лигу: скорейшее прекращение оккупации Рура, восстановление равенства в вооружениях, предоставление Германии места постоянного члена в Совете Лиги, неучастие в санкциях, предусмотренных ее Уставом, и ряд других. Активно включившийся в переговорный процесс германский министр иностранных дел

[1] Локарнская конференция, 1925 г. Документы. М., 1959. С. 43.

Штреземан прилагал все усилия к тому, чтобы придать ему максимально выгодное для Берлина направление. В начале 1925 г. он официально представил западным державам свой проект гарантийного пакта. Такой пакт, по его замыслу, должен был не допустить создания направленного против Германии англо-франко-бельгийского союза и в конечном счете помог бы ей ослабить «путы Версаля». Он предусматривал, что державы, «имеющие интересы на Рейне» — Франция, Бельгия и Германия, — должны взять на себя обязательство не вести войну друг против друга и признать неприкосновенность их послевоенной границы. В роли гарантов пакта должны были выступить Великобритания и Италия.

В Лондоне приветствовали германский проект, в то время как в Париже, напротив, отнеслись к нему очень сдержанно. Здесь вовсе не считали подобный гарантийный пакт равноценной заменой тройственному договору. Вместе с тем французская сторона не могла не считаться с позицией Великобритании. Поэтому, поддержав в принципе идею заключения гарантийного пакта, она предложила распространить его действие и на восточные германские границы с Польшей и Чехословакией, которые немцы отказывались признать окончательными. Однако весной 1925 г. Штреземан категорически отверг это требование.

> «Германия отклоняет всякую гарантию своей восточной границы и, напротив, исходит из того, что Версальский договор относительно восточной границы уже сегодня под вопросом».
>
> *Г. Штреземан, премьер-министр Германии (1923–1929 гг.)*

В ходе дальнейших переговоров, проходивших весной и летом 1925 г., Франция была вынуждена отказаться от своего предложения ввиду непримиримой позиции Германии и поддержавшей ее Великобритании. Эта важнейшая уступка открывала дорогу для созыва международной конференции по вопросам европейской безопасности. Наряду с этим в качестве жеста доброй воли французские и бельгийские войска в августе 1925 г. были досрочно выведены из Рурской области, а также покинули Дюссельдорф, Дуйсбург и Рурорт.

Переговоры о гарантийном пакте вызвали серьезное беспокойство в Москве. Они свидетельствовали, что политический процесс в Европе может принять характер, опасный для Советского Союза, привести к его изоляции на международной арене и объединению западных держав с Германией на антисоветской основе. С целью не допустить подобного развития событий в декабре 1924 г. в Берлин поступило советское предложение о заключении между двумя странами договора о нейтралитете и неучастии во враждебных коалициях. Однако в разгар переговоров с западными державами немецкая сторона сочла его несвоевременным. Дальнейшие попытки Советского Союза оказать давление на Германию с целью не допустить ее сближения с Западом успеха не имели. В ответ на его грозное предупреждение о том, что вступле-

ние Германии в Лигу Наций «затруднит, если не сделает даже невозможным сохранение и дальнейшее укрепление заложенных в Рапалло основ дружелюбных отношений» между двумя государствами, Штреземан твердо заявил, что «Рапалльский договор никогда не рассматривался Германией как поворот к Востоку, который исключал бы согласие с Западом»[1]. Вместе с тем он вовсе не хотел допустить опасного ухудшения германо-советских отношений и не собирался отказываться от политики балансирования между западными державами и СССР. Рапалльский договор рассматривался Штреземаном как эффективное средство давления на державы-победительницы, и германский министр отнюдь не собирался выпускать из рук этот главный свой козырь накануне Локарнской конференции. Поэтому он заверял Москву в том, что вступление Германии в Лигу Наций не приведет к принципиальному изменению ее внешней политики, и Берлин никогда «не даст втянуть себя в блок держав, направленный против России».

3.6. Локарнская конференция и ее решения

Международная конференция, посвященная германскому вопросу, проходила с 5 по 16 октября 1925 г. в швейцарском городке Локарно. Она была призвана определить статус западных и восточных границ Германии, а также решить вопрос о ее вступлении в Лигу Наций. В конференции принимали участие представители семи европейских государств — Великобритании, Франции, Италии, Германии, а также Бельгии, Польши и Чехословакии.

В Локарно был окончательно согласован и принят Рейнский гарантийный пакт. Он содержал положение о неприкосновенности послевоенных границ Германии с Францией и Бельгией, а также обязательство этих государств не нарушать статьи Версальского договора о демилитаризованной Рейнской зоне. Германия, Франция и Бельгия обязались не нападать друг на друга и разрешать все спорные вопросы только мирным путем.

Гарантами Рейнского договора выступили Великобритания и Италия. Они обязались в случае его нарушения одной из сторон прийти на помощь жертве агрессии (Франции и Бельгии в случае нападения на нее Германии или же, наоборот, Германии в случае нападения на нее Франции и Бельгии). Германия, Франция и Бельгия могли участвовать в боевых действиях только по решению Лиги Наций и в соответствии с ее Уставом.

В дополнение к Рейнскому пакту в Локарно были заключены германо-французское и германо-бельгийское арбитражные соглашения. В соответствии с ними споры, возникающие между Германией и ее западными соседями, передавались на рассмотрение специально созданного Международного арбитражного суда.

[1] *Филиппенко С. И.* Вступление Германии в Лигу Наций и советско-германские отношения (1924–1926 гг.). М.: Деп. ИНИОН, 1990. С. 8.

Принципиально иное решение получил на конференции вопрос о границах Германии с Польшей и Чехословакией. Пакта, гарантирующего их неприкосновенность, по образцу Рейнского в Локарно подписано не было ввиду непримиримой позиции Германии, категорически возражавшей против распространения международных гарантий на свои послевоенные границы на востоке. Великобритания и Италия поддержали Германию и отказались быть гарантами ее восточных границ, удовлетворившись ее обещанием не применять силу против восточных соседей. В результате Германия подписала с Польшей и Чехословакией только арбитражные договоры. В соответствии с ними все спорные вопросы в отношениях между этими странами передавались на рассмотрение Постоянной согласительной комиссии.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

В отличие от Рейнского пакта арбитражные договоры не содержали признания нерушимости восточных границ Германии. К этому и стремились немцы. В Локарно им удалось добиться от западных держав принципиально важной политической уступки — фактического закрепления «двойного стандарта» в отношении германских границ. Они признавались нерушимыми на западе, но не получали такого же статуса на востоке. Штреземан с удовлетворением констатировал, что одна из важнейших целей внешней политики Берлина — «различие между западными и восточными границами» — была достигнута.

В ходе конференции Франция безуспешно пыталась увязать арбитражные соглашения, заключенные Германией, Польшей и Чехословакией, с Рейнским гарантийным пактом. После того как все ее усилия в этом направлении потерпели провал, она предложила восточноевропейским союзникам собственные гарантии безопасности и подписала в Локарно двусторонние договоры о взаимопомощи с Польшей и Чехословакией. Они предусматривали, что в случае неспровоцированного нападения со стороны Германии стороны окажут друг другу немедленную военную помощь, не дожидаясь решения Совета Лиги Наций. Однако эти обязательства, безусловно, не могли заменить многосторонних международных гарантий.

В пользу Германии на Локарнской конференции был решен и вопрос о ее вступлении в Лигу Наций. Германия должна была получить место постоянного члена в Совете Лиги как великая европейская держава. При этом она настаивала на особых условиях своего пребывания в Лиге. Стремясь сохранить свободу рук в деле определения европейской политики Берлина и желая избежать осложнения отношений с СССР, Штреземан добивался для своей страны особого порядка участия в коллективных санкциях против агрессора, предусмотренных статьей 16 Устава. Он доказывал, что разоруженная и политически неустойчивая Германия не в состоянии вести даже оборонительную войну; прохождение же через ее территорию иностранных войск чревато возникно-

вением «громадных внутриполитических и внешнеполитических трудностей» (имелся в виду пропуск французских войск на помощь Польше в случае войны последней с СССР). Немцы были согласны участвовать только в экономических санкциях Лиги, а также обещали ей «моральное содействие».

В конце концов западные державы пошли на уступки Германии и в этом вопросе. Они признали ее право «противодействовать любому акту агрессии в той мере, в какой это совместимо с ее военными возможностями, а также с учетом ее географического положения» — то есть фактически по своему усмотрению.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Решения Локарнской конференции имели далекоидущие последствия для дальнейшего развития политического процесса в Европе. При активной поддержке Великобритании Германия, активно используя идею компромисса с державами-победительницами, сумела существенно продвинуться по пути к заветной цели — освобождению от «пут Версаля». При помощи Рейнского пакта она не только получила гарантии безопасности в рамках Версальской системы, но и добилась от западных держав принципиально важного согласия на ее отказ от окончательного признания своей новой восточной границы.

На деле это явилось первым и очень опасным шагом в сторону пересмотра территориальных статей Версальского договора и ревизии послевоенного европейского устройства. Все попытки французов нейтрализовать негативные последствия Локарнских соглашений уже мало что могли изменить. Рейнский гарантийный пакт лишил Францию возможности в одностороннем порядке, без согласия Великобритании и решения Лиги Наций, применить силу против Германии, что значительно затрудняло выполнение ею союзнических обязательств в отношении восточноевропейских государств в случае их конфликта с немцами. В Локарно французы были вынуждены уступить политическую инициативу Лондону, выступавшему за мирную ревизию Версальского договора путем новых компромиссов и уступок германской стороне.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

«План Дауэса» и Локарнские соглашения существенно изменили расстановку сил в Европе и стали важным этапом на пути реконструкции послевоенного порядка. Тем не менее сама возможность интеграции Германии в Версальскую систему без кардинального слома последней по-прежнему оставалась очень проблематичной.

Литература

Основная

Бабиченко Л. Г. Политбюро ЦК РКП(б), Коминтерн и события в Германии в 1923 г. Новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 125–157.

Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. М.: Ладомир, 1997. Гл. 11.

Локарнская конференция, 1925 г. Документы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 43–52, 482–501.

Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939 / Редкол. Г. Адибеков и др. М.: РОССПЭН, 2001. Док. № 2, 4.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том второй. Документы 1910–1940-х гг. / Сост. А. В. Мальгин. М.: Моск. рабочий, 2000. Док. № 52–58.

Дополнительная

Никонова С. В. Очерки европейской политики Германии в 1924–1929 гг. (от плана Дауэса к плану Юнга). М.: Наука, 1977. Гл. 1.

Locarno revisited: European diplomacy, 1920–1929 / Ed. by Gaynor Johnson. L.; Portland, OR.: F. Cass, 2004.

ГЛАВА 4

ПОСТЛОКАРНСКИЙ ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ В ЕВРОПЕ

4.1. Международные последствия Локарнских соглашений

«План Дауэса» и Локарнские соглашения разрешили острый политический кризис Версальской системы. Державы-победительницы взяли курс на ее модификацию в сторону большей устойчивости и равновесности путем постепенного ослабления для Германии «пут Версаля».

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Однако достигнутый в Локарно компромисс не мог стать прочной основой для долговременной политической стабилизации в Европе. С самого начала стороны понимали его по-разному. Для держав-победительниц, особенно Франции, Локарнские соглашения были средством укрепления послевоенного европейского порядка, в рамках которого их политическое лидерство, как и их контроль над Германией, сохранялись бы еще продолжительное время. В Берлине же, напротив, итоги Локарнской конференции рассматривали лишь как первый шаг на пути к окончательному разрушению Версальской системы и полному восстановлению суверенитета и международных позиций Германии.

Локарнские соглашения вызвали явную тревогу в восточноевропейских столицах. В Польше и Чехословакии, непосредственно затронутых этими соглашениями, не скрывали глубокой озабоченности принятыми в Локарно решениями. Здесь требовали от держав-победительниц дополнительных гарантий своей безопасности. Польша даже предприняла попытку добиться наряду с Германией места постоянного члена Совета Лиги, однако все усилия ее дипломатии оказались безуспешными. Западные державы заняли в этом споре сторону немцев, активно возражавших против польской инициативы.

В сентябре 1926 г. Германия вступила в Лигу Наций и заняла место пятого постоянного члена Совета Лиги. Польше же было предоставлено место непостоянного члена Совета.

Франция всеми силами старалась развеять тревоги и опасения, возникшие в государствах Восточной Европы после Локарнской конференции, и укрепить здесь свое пошатнувшееся влияние. В дополнение к уже существующим союзным договорам с Польшей (1921 г.) и Чехословакией (1924 г.) она заключила договоры о дружбе с Румынией (июнь 1926 г.) и Югославией (ноябрь 1927 г.). Одновременно при ее активном участии Польша и Румыния подписали в марте 1926 г. в Бухаресте новый договор о взаимопомощи, заменивший союзный договор 1921 г.[1] Таким способом Франции удалось связать государства Малой Антанты с Польшей. Укрепляя свою систему «тыловых союзов» в Центральной и Восточной Европе, Франция тем самым демонстрировала, что и после подписания Локарнских соглашений она вовсе не собирается отказываться от политики силового сдерживания Германии и ее возможных союзников.

Вместе с тем французский министр иностранных дел А. Бриан понимал, что стабильный европейский порядок не может быть установлен без нормализации франко-германских отношений. Поэтому в сентябре 1926 г., сразу же после принятия Германии в Лигу Наций, в местечке Туари под Женевой была организована его секретная встреча со Штреземаном, на которой обсуждались дальнейшие шаги на пути к франко-германскому урегулированию. В ходе этой встречи Бриан предложил Штреземану в обмен на тесное двустороннее экономическое и финансовое сотрудничество постепенное решение таких важнейших для Германии вопросов, как дальнейшая судьба Саарской области, находившейся под управлением Лиги Наций, вывод оккупационных войск из Рейнской зоны, снятие с Германии военного контроля союзников. Он также поднял вопрос о проведении обеими державами согласованного политического курса в отношении СССР. Ранее, в апреле 1926 г., Бриан уже предлагал немцам наладить двустороннее сотрудничество в целях развития экономических отношений с Москвой, что, по его мнению, позволило бы обеим странам разрешить с наименьшими трудностями проблемы как немецких репараций, так и русских долгов. Он даже выдвинул идею заключения трехстороннего договора с участием Советского Союза. Штреземан в целом соглашался с французскими предложениями, но настаивал при этом на быстрой (уже к октябрю 1927 г.) эвакуации войск союзников из Рейнской зоны, а также освобождении Германии от военного контроля. За Саарскую область он предложил французам выкуп в размере 300 млн золотых марок.

В результате состоявшегося обмена мнениями были очерчены контуры возможного франко-германского соглашения и намечена программа дальнейших переговоров. Правительства обоих государств одобрили итоги встречи, назначив даже специальных уполномоченных для продолжения диалога и подготовки двустороннего соглашения. Однако французская общественность оказалась не готова к столь радикальному повороту в отношениях между двумя страна-

[1] В нем наряду с прежним обязательством о помощи друг другу в оборонительной войне против СССР Румыния обязалась помогать Польше в случае нападения на нее Германии, а Польша — Румынии в случае нападения Болгарии или Венгрии.

ми. Как только информация о встрече в Туари стала достоянием гласности, она вызвала бурю возмущения в Национальном собрании Франции, после чего дальнейшее продолжение переговоров стало невозможным. Тем не менее франко-германский диалог помог немцам добиться от Лиги Наций решений о прекращении в 1927 г. деятельности Межсоюзнической комиссии по военному контролю и о досрочном выводе французских войск из Саарской области.

И все же активные действия французской дипломатии уже не могли вернуть Франции ее лидерство в европейской политике. Стало очевидным, что после Локарнской конференции эта роль перешла к Великобритании. А в Лондоне имелся собственный, отличный от французского, взгляд на проблему европейской безопасности. О. Чемберлен был убежден, что французская политика создания военно-политических союзов только закрепляет раскол континента на победителей и побежденных и вовсе не служит делу укрепления европейской стабильности. С тем чтобы консолидировать европейский порядок, он предлагал заменить ее системой взаимных гарантий безопасности государств и международного арбитража по образцу Локарнских соглашений. Перед британской дипломатией была поставлена задача «распространения Локарно» на другие, прежде всего конфликтные регионы Европы, такие как Балтийский, Балканский, Центрально-Европейский. Расположенные здесь страны предполагалось связать гарантийными соглашениями, создав в результате единую систему мирного правового урегулирования конфликтов между европейскими государствами.

Этим планам не суждено было осуществиться. Так, в частности, закончилась неудачей предпринятая британской дипломатией попытка связать гарантийным договором Венгрию и государства Малой Антанты. Не удалось ей добиться заключения и регионального Балканского пакта, призванного объединить взаимными гарантиями Румынию, Югославию, Грецию, Болгарию и Венгрию. Только Греция и Югославия подписали в августе 1926 г. договор о дружбе и сотрудничестве. Остальные Балканские государства их примеру не последовали.

Немалые усилия были потрачены Лондоном на создание «Прибалтийского Локарно». Его целью было смягчить острые политические противоречия в Прибалтике. Борьбу за влияние здесь вели Польша и Финляндия. Крайне напряженными оставались и польско-литовские отношения. Этот проект, как и первые два, осуществлен также не был.

Потерпел провал и план создания так называемого «Восточного Локарно», направленный на объединение системой гарантий Германии, Польши и государств Прибалтики.

В итоге удалось реализовать лишь проект «Среднеевропейского Локарно». В ноябре 1927 г. Чехословакия, Румыния, Югославия, Польша, Венгрия и Австрия согласились принять процедуру мирного урегулирования возникающих между ними споров путем применения арбитража. Однако этого было явно недостаточно для преодоления глубоких внутренних противоречий Версальской системы.

Неудача, постигшая Великобританию, не в последнюю очередь объяснялась острыми, а зачастую и непримиримыми противоречиями между государствами Центральной и Восточной Европы, их неготовностью во имя европейской стабильности подняться над узконациональным эгоизмом во внешней политике. Вместе с тем негативное влияние на переговорный процесс оказало и непрекращающееся англо-французское соперничество на континенте. Особенно остро оно проявлялось в районе Средиземноморья, где в борьбу за влияние наряду с Францией и Великобританией активно включилась фашистская Италия.

Однако не только противоречия в лагере победителей были уязвимым местом британского плана европейского урегулирования. Кардинальной политической проблемой в межвоенный период оставалась сама возможность укрепления стабильности в Европе «без России и, может быть, против России».

4.2. СССР и Локарнский процесс

Новый политический курс западных держав, направленный на консолидацию Европы, вызвал серьезное беспокойство советского руководства. Саму идею преодоления раскола европейских государств на основе компромисса с Германией в Москве расценили как еще одну попытку империалистов добиться изоляции Советского Союза и создать единый фронт в целях подготовки к новой интервенции. Подобная оценка вполне соответствовала господствовавшим в СССР идеологическим представлениям о непримиримости классовой борьбы в международных отношениях.

> «Локарнские соглашения — ...враждебные, направленные своим острием против СССР... представляющие собой расстановку сил для новой войны».
>
> *Из резолюции XIV съезда ВКП(б), декабрь 1925 г.*

Перед советской внешней политикой была поставлена задача сорвать планы империалистов и «вести политику мира», которая должна была определять все действия СССР на международной арене. На деле это означало стремление Москвы всеми силами противодействовать процессу политического объединения Европы, с тем чтобы нейтрализовать его антисоветскую направленность.

Одной из важнейших составных частей этой стратегической задачи, поставленной руководством страны перед советской дипломатией, было недопущение полной переориентации Германии на Запад и сохранение рапалльской линии в советско-германских отношениях. В июле 1925 г., в разгар подготовки к Локарнской конференции, Чичерин посетил Берлин, где провел переговоры со Штреземаном по всему комплексу вопросов двусторонних отношений. Здесь он получил твердые заверения в том, что Германия по-прежнему выступает за сохранение дружественных отношений с Советским Союзом. Заверения эти были вполне искренними и соответствовали действительности. Штреземан был убежденным сторонником сбалансированной политики в отношении западных

держав и СССР как наиболее отвечающей интересам его страны. Германо-советское сотрудничество он искусно использовал как эффективное средство в политической борьбе с державами-победительницами за отмену Версальского договора. Кроме того, тяжелое экономическое положение Германии делало ее кровно заинтересованной не только в займах на Западе, но и в советском сырье и рынках. Важное значение для Берлина имело и сотрудничество двух стран в военной области, которое в середине 1920-х годов значительно активизировалось[1].

Вместе с тем немцы попытались использовать свои переговоры с западными державами и в качестве средства давления на Москву с целью получить от нее существенные уступки по экономическим вопросам. Германские представители добивались отмены или по крайней мере смягчения монополии Советского государства на внешнюю торговлю. Однако к осени 1925 г. их нажим ослаб, так как Штреземан в преддверии Локарнской конференции принял решение о скорейшем подписании торгово-экономического договора с СССР. Этот договор он рассматривал и как важный политический фактор, укреплявший позиции Германии на переговорах с западными державами.

30 сентября 1925 г., накануне Локарнской конференции, Чичерин вновь прибыл в Берлин. В ходе переговоров он предостерег немцев о том, что Великобритания пытается втянуть Германию в орбиту своего антисоветского курса. Штреземан в свою очередь вновь убеждал советского наркома в абсолютной беспочвенности подозрений относительно полной переориентации немецкой политики на Запад.

> «Германия не хочет и не будет континентальной шпагой Англии, направленной против России».
>
> *Из заявления Г. Штреземана в ходе переговоров с Г. В. Чичериным, сентябрь 1925 г.*

По вопросу о предстоящем вступлении Германии в Лигу Наций, который особенно волновал советскую сторону, опасавшуюся вовлечения немцев в возможные коллективные санкции, направленные против СССР, Штреземан заявил, что Германия ни при каких обстоятельствах не вступит в Лигу Наций безоговорочно и непременно обусловит свое вступление неучастием в санкциях, предусмотренных статьей 16 Устава Лиги. Это обещание было впоследствии выполнено. В Локарно Германия, ссылаясь на свою экономическую слабость

[1] В середине 1920-х годов в Липецке была открыта совместная авиашкола, в Казани — танковая школа, а в Саратовской области — школа химической войны. По заказу и с помощью немецких фирм в СССР производилось стрелковое оружие, самолеты и отравляющие вещества. Немецким конструкторам было предоставлено несколько полигонов для испытаний военной техники. Высшее командование РККА регулярно посещало Германию, а командование рейхсвера — Советский Союз с целью обмена опытом. Военное сотрудничество двух стран велось в обход Версальского договора и продолжалось до прихода нацистов к власти в 1933 г. Как для СССР, так и для Германии оно носило взаимовыгодный характер. См.: *Горлов С. А.* Совершенно секретно: Альянс Москва—Берлин, 1920–1933 гг.: (Военно-политические отношения между СССР и Германией). М., 2001.

и разоружение, добилась согласия западных держав и на это условие. В завершение переговоров немцы выразили готовность не только подписать в короткие сроки торговый договор с СССР, но и заключить с ним политическое соглашение, включающее положение о взаимном нейтралитете, как на том настаивала советская сторона.

4.3. Советско-германский договор о ненападении и нейтралитете

12 октября 1925 г. в Москве был подписан советско-германский торговый договор. Его положения подтверждали принцип наибольшего благоприятствования в двусторонних экономических отношениях. Договор охватывал различные стороны торгово-экономических связей Советского Союза и Германии и стал основой их сотрудничества в этих областях.

Весной 1926 г., еще до вступления Германии в Лигу Наций, завершились переговоры по вопросу о заключении политического соглашения. 24 апреля 1926 г. в Берлине был подписан советско-германский договор о ненападении и нейтралитете. Он состоял из четырех статей. Статья 1 предусматривала продолжение дружественных контактов для согласования политических и экономических вопросов. Согласно ст. 2 стороны обязывались соблюдать нейтралитет в случае, если одна из них, «несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав». Статья 3 содержала обязательство не примыкать к коалициям третьих держав, образованным с целью подвергнуть одну из договаривающихся сторон экономическому или финансовому бойкоту. Срок действия договора, согласно статье 4, составлял пять лет.

В соответствии с прилагавшейся к договору нотой Германия заявляла, что в случае ее вступления в Лигу Наций она не будет считать для себя обязательным участие в коллективных санкциях Лиги согласно статье 16, если они будут направлены против СССР.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Заключение Берлинского договора в условиях наметившегося компромисса между державами-победительницами и Германией явилось демонстративным подтверждением продолжения рапалльской линии в советско-германских отношениях, основой которой оставалась антиверсальская позиция обеих стран. Германия ясно давала понять своим западным партнерам, что вовсе не собирается довольствоваться достигнутым в Локарно и намерена продолжать самостоятельную политическую игру. Со своей стороны у Москвы были все основания рассматривать Берлинский договор как свою крупную победу, «притупившую», по выражению Чичерина, «антисоветское острие» Локарнских соглашений и, безусловно, укрепившую международные позиции СССР.

4.4. Курс СССР на заключение двусторонних договоров о нейтралитете и ненападении

Берлинский договор от 24 апреля 1926 г. рассматривался в Москве как важное звено в политическом курсе Советского Союза, направленном на подрыв создаваемой державами-победительницами системы международной безопасности. В противовес принципу коллективной безопасности под эгидой Лиги Наций советская сторона еще в 1924 г. выдвинула идею ликвидации всех многосторонних политических союзов и замены их двусторонними договорами о ненападении и нейтралитете. Такие договоры должны были предусматривать взаимные обязательства сторон не нападать друг на друга, сохранять нейтралитет в случае конфликта с третьей державой и не участвовать во враждебных коалициях. Переход держав-победительниц к политике объединения Европы подтолкнул советскую сторону к еще более активным действиям в этом направлении. Подписать подобные договоры в Москве планировали в первую очередь с соседними государствами, что должно было послужить и делу укрепления безопасности советских границ.

В сентябре 1924 г. СССР предложил заключить договоры о нейтралитете и ненападении Турции и Италии — государствам, с которыми у него сложились дружественные отношения. Договор с Турцией был подписан в декабре 1925 г., тогда как в Италии сочли советское предложение «несвоевременным».

В январе 1925 г. аналогичные предложения были направлены Польше, а затем Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии, отношения с которыми у СССР были крайне напряженными. В этих странах всерьез опасались советской интервенции под флагом мировой революции. В свою очередь в Советском Союзе были убеждены в том, что на его западных границах складывается враждебный блок из соседних с ним государств, за спиной которых стоят Франция и Великобритания.

Локарнские соглашения, негативно встреченные в Восточной Европе, казалось, открывали перед СССР новые возможности для нормализации его отношений с западными соседями. В сентябре 1925 г. Чичерин посетил Варшаву, где заявил, что целью его визита является «прочное сближение между Советским Союзом и Польшей». Однако поляки не спешили принимать советское предложение о заключении договора о нейтралитете и ненападении. Вместо него в Варшаве выдвинули идею подписания многостороннего соглашения с участием Польши, Прибалтийских государств и СССР. Москва отвергла это предложение, усмотрев в нем очередную попытку создать на западных границах недружественный ей политический блок. Хотя впоследствии поляки и начали смягчать свою позицию, дальнейшее развитие событий не способствовало успешному завершению двусторонних переговоров. В мае 1926 г. в результате государственного переворота к власти в Польше вернулся Ю. Пилсудский. Не испытывая ни малейшего доверия к СССР, он оставался сторонником создания регионального союза Польши и стран Прибалтики. Поэтому, хотя

советско-польские переговоры и были продолжены, прийти к разумному компромиссу сторонам так и не удалось.

В 1926 г. советская дипломатия не смогла добиться успеха и на переговорах с тремя Прибалтийскими государствами — Литвой, Латвией и Эстонией, отклонившими советский план заключения Четверного договора о нейтралитете и ненападении. В ответ они выдвинули собственные условия подписания двусторонних договоров с СССР, согласованные с Варшавой и включавшие такие положения, как арбитражное разбирательство споров, согласование договоров с Уставом Лиги Наций, одновременность их подписания всеми сторонами. Все эти предложения были в Москве отклонены. В результате договор о дружбе и нейтралитете с Советским Союзом подписала в сентябре 1926 г. только Литва. Она не имела с ним общей границы и, кроме того, нуждалась в советской дипломатической поддержке ввиду непрекращавшегося конфликта с Польшей из-за аннексированной последней в ходе советско-польской войны 1920 г. Виленской области. Договор о нейтралитете с Латвией, подписанный в марте 1927 г. благодаря важным экономическим уступкам советской стороны и ее согласию на процедуру арбитража, в силу не вступил, поскольку не был ратифицирован латвийским парламентом. С Эстонией в августе 1927 г. Советскому Союзу удалось подписать лишь договор о мирном разрешении пограничных споров.

Самую непримиримую позицию в отношении советских предложений заняла Финляндия. Она не только решительно отказалась вести переговоры о гарантийном договоре с СССР, но и выступила в Лиге Наций с инициативой об автоматическом признании жертвой агрессии любого государства — члена Лиги в случае его военного столкновения с государством, не входившим в эту организацию (имелся в виду прежде всего Советский Союз).

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Таким образом, несмотря на активные усилия советской дипломатии в 1926–1927 гг., ей не удалось развить свой успех и подписать с европейскими соседями договоры о нейтралитете и ненападении, подобные советско-германскому договору от 24 апреля 1926 г.

4.5. Советско-французские отношения

Локарнские соглашения дали импульс к развитию советско-французских отношений, улучшение которых могло бы сыграть важную роль в деле европейской стабилизации и укрепления международной безопасности. В налаживании политического диалога были заинтересованы обе стороны. Интересам Франции отвечали нормализация ее отношений с Советским Союзом и недопущение его дальнейшего сближения с Германией на антиверсальской основе. Со своей стороны в Москве стремились помешать созданию единого антисоветского блока западных держав с участием Франции. С ее помощью СССР

надеялся решить и проблему безопасности своих западных границ. В ноябре и декабре 1925 г. Чичерин по приглашению французских властей дважды посетил Париж. Проведенные им там переговоры в целом носили ознакомительный характер и помогли прояснить позицию обеих стран в свете новой политической обстановки, сложившейся в Европе после Локарнской конференции. Бриан попытался развеять опасения Москвы относительно антисоветской направленности Локарнских соглашений и дал понять Чичерину, что он и сам от них не в восторге. Заверив советского наркома в том, что Франция не примет участия во враждебных Советскому Союзу акциях, он предложил СССР самому вступить в Лигу Наций. Чичерин отклонил это предложение. Отстаивая советский план заключения двусторонних договоров о нейтралитете и ненападении, он заявил Бриану о возможности заключения Советским Союзом двустороннего соглашения с Польшей, гарантирующего ее восточную границу. Бриан в свою очередь поддержал идею нормализации отношений между СССР и восточноевропейскими государствами, особенно Польшей, предложив свое политическое содействие в этом направлении. Он также обещал Советскому Союзу помощь в деле установления дипломатических отношений с союзниками Франции — Чехословакией и Югославией.

Относительно двусторонних советско-французских отношений было решено приступить в начале 1926 г. к переговорам по конкретным экономическим, юридическим и политическим вопросам, приоритетным из которых оставался дореволюционный российский долг Франции. Французская сторона считала эту проблему главной и ставила в прямую зависимость от ее успешного решения саму возможность политического сближения двух стран.

Начавшиеся в феврале 1926 г. советско-французские переговоры о долгах и кредитах проходили с большими трудностями. Позиции сторон сближались очень медленно. Принципиальный для СССР вопрос о получении французских кредитов решен не был. Не способствовало успеху переговоров и известие о подготовке советско-германского договора о нейтралитете и ненападении, вызвавшее в Париже резкое недовольство. Хотя Бриан и дал понять, что Франция вовсе не отказывается от продолжения политического диалога с Москвой, советское предложение заключить договор, аналогичный советско-германскому, и оказать давление в этом направлении на союзную Франции Польшу в Париже отклонили. Французская сторона вновь напомнила о том, что без решения проблемы долгов о политическом соглашении между двумя государствами говорить преждевременно. При этом она подчеркнула, что внешнеполитическая линия СССР, «столь откровенно стремящегося подорвать принципы и авторитет Лиги Наций», не может встретить ее поддержки.

В июле 1926 г. по инициативе Парижа советско-французские переговоры по экономическим вопросам были прерваны. Они возобновились только весной 1927 г. К этому времени во Франции произошла смена кабинета министров. Во главе нового правительства вновь встал Р. Пуанкаре, известный своей непримиримой позицией в отношении СССР. Он выразил резкое не-

довольство ходом переговоров, потребовав от французской дипломатии занять более твердую и бескомпромиссную позицию, особенно по вопросам национализированной в Советском Союзе собственности французских граждан, а также возвращения российских военных долгов. Такой подход к переговорам не оставлял возможностей для их быстрого и успешного завершения. В итоге прийти к соглашению сторонам так и не удалось, что привело к серьезному охлаждению советско-французских отношений.

4.6. Разрыв советско-английских отношений

Успешное завершение Локарнской конференции и преодоление политического кризиса в Европе создавало, по мнению консервативных кругов Великобритании, благоприятные условия для проведения более жесткой политики в отношении Советского Союза. Пришедшее в конце 1924 г. на смену лейбористскому кабинету консервативное правительство Ст. Болдуина поставило непременным условием улучшения советско-английских отношений безусловный отказ СССР от «подрывной деятельности» и антибританской пропаганды в странах Востока и в колониях, в том числе по линии Коминтерна. Условия подобного рода для советской стороны были абсолютно неприемлемы, прежде всего по идеологическим соображениям. По тонкому замечанию Чичерина, выполнение таких требований коммунистами по существу означало бы для них перестать быть коммунистами[1].

Британский курс на усиление политического давления на СССР и его международную изоляцию окончательно определился к середине 1925 г. Новым импульсом к дальнейшему обострению англо-советских отношений послужила китайская революция 1925–1927 гг. Революционные события в Китае рассматривались консерваторами как прямой результат большевистской агитации и подрывной антибританской политики Москвы. Поэтому уже в 1925 г. влиятельная группировка консерваторов в палате общин поставила вопрос о немедленном разрыве дипломатических отношений с СССР. Однако Болдуин и министр иностранных дел О. Чемберлен заняли выжидательную позицию, полагая, что в разгар переговоров с Германией и подготовки Локарнской конференции этот шаг был бы несвоевременным. Со своей стороны и Москва прилагала все усилия к тому, чтобы преодолеть кризис в отношениях между двумя странами, выражая готовность начать переговоры по любому спорному вопросу. При этом она обещала разместить в Великобритании крупные заказы на станки и оборудование в надежде заручиться поддержкой тред-юнионов.

Хотя кризис лета 1925 г. в отношениях Великобритании и СССР был преодолен, характер двусторонних отношений не претерпел изменений. Весной 1926 г. вновь последовало их резкое обострение. Оно было вызвано активной поддержкой Москвы британской общенациональной забастовки, проходив-

[1] Документы внешней политики СССР. Т. 8. С. 296–297.

шей с мая по ноябрь 1926 г. Советские профсоюзы направили в пользу бастовавших шахтеров 1250 тыс. фунтов стерлингов, несмотря на официальный отказ руководства тред-юнионов принять от них денежную помощь. Эта акция, а также обращения различных советских организаций к английским рабочим с призывом «крепить единство в борьбе с капиталом» были расценены в Великобритании как грубое вмешательство в ее внутренние дела и вызвали протесты даже со стороны английской компартии. К обвинениям в непризнании долгов, антибританских интригах в колониях и третьих странах теперь добавилось обвинение в подрывной деятельности уже внутри самой Великобритании. В такой обстановке Болдуину и О. Чемберлену становилось все труднее сдерживать сторонников немедленного разрыва дипломатических отношений с СССР и закрытия всех советских учреждений.

С целью замять скандал и не допустить окончательного разрыва отношений в Москве приняли решение назначить послом в Великобританию хорошо известного и пользовавшегося там уважением Л. Б. Красина. Прибыв в Лондон в сентябре 1926 г., он развернул активную деятельность, направленную на нормализацию советско-английских отношений, пытаясь в очередной раз заинтересовать финансово-промышленные круги Великобритании перспективами расширения торговли с СССР и размещения крупных советских заказов. Смерть Красина в ноябре 1926 г. стала тяжелой потерей для советской дипломатии. Равнозначной ему замены у НКИД не было. Между тем отношения между двумя странами стремительно ухудшались. В феврале 1927 г. Лондон официально предупредил Москву, что в случае продолжения ею антибританской пропаганды он пойдет на разрыв дипломатических отношений.

Очередные разоблачения политики СССР и Коминтерна в Китае, последовавшие в апреле 1927 г. вслед за налетом пекинской полиции на советское полпредство и захватом там компрометирующих Советский Союз материалов, подтолкнули британские власти к аналогичным действиям в отношении советских учреждений в Великобритании. После захвата лондонской полицией 12 мая 1927 г. документов торгового представительства СССР и советско-британского акционерного общества «АРКОС» ей удалось обнаружить дополнительные свидетельства антибританской деятельности советских граждан. В обстановке разразившегося громкого политического скандала правительство Великобритании 23 мая 1927 г. приняло решение о разрыве дипломатических отношений с СССР, которое подавляющим большинством голосов было поддержано парламентом.

4.7. «Европейская разрядка» и советская внешняя политика

Разрыв советско-английских отношений вызвал обострение международной ситуации, но процесса политической стабилизации в Европе не подорвал. В большинстве европейских столиц демарш Великобритании не встретил ак-

тивной поддержки и солидарных действий. В Париже и Берлине Чичерину ясно дали понять, что ни Франция, ни тем более Германия не последуют ее примеру.

«Франция ничем не связана и имеет собственную русскую политику».

Из заявления А. Бриана в ходе переговоров с Г. В. Чичериным, 1927 г.

Штреземан, в свою очередь, вновь заверил Чичерина, что его страна ни при каких условиях не присоединится к антисоветским акциям и не допустит свободного прохода иностранных войск через свою территорию. Вместе с тем в Париже и Берлине Чичерину прямо указали на самое негативное влияние деятельности Коминтерна, которую здесь не отделяли от политики советского руководства, на отношения между государствами Европы и СССР. Хотя на основании бесед с европейскими лидерами советский нарком и пришел к выводу о том, что со стороны западных держав реальной военной угрозы на тот момент не существовало, было очевидно, что международное положение СССР значительно осложнилось. В Москве всерьез заговорили о «военной тревоге».

Еще одним предупреждением Советскому Союзу стал разразившийся в августе 1927 г. громкий политический скандал, связанный с именем ее полномочного представителя в Париже Х. Г. Раковского. Поводом к нему послужило подписанное советским полпредом заявление группы сторонников Троцкого в ЦК ВКП(б) с призывом к солдатам государств мира в случае нападения на СССР дезертировать и переходить на сторону Красной армии. Замять этот инцидент не удалось, и Раковский по требованию Парижа в конце концов был вынужден покинуть Францию.

Ухудшение внешнеполитического положения СССР совпало с новым витком острой борьбы за власть в высшем партийном руководстве. В ходе этой борьбы вопросы международных отношений и советской внешней политики стали предметом жаркой полемики. Троцкий и другие представители оппозиционной сталинскому руководству группы, решительно выступавшие против тезиса Сталина о «возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране», теперь, казалось, получили новые доказательства своей правоты. Оппозиционеры продолжали утверждать, что без победы мировой революции построение социализма в СССР невозможно, так как империалисты любой ценой не позволят Советскому Союзу осуществить эту задачу. Предрекая в ближайшее время новую интервенцию, они требовали проведения более активной и наступательной внешнеполитической линии, нацеленной на подъем мирового революционного движения. Именно в революционной внешней политике Троцкий и его сторонники видели не только историческую миссию Советского государства, но и единственную гарантию самого его существования.

Противоположную позицию занимал Сталин, исходивший из иных оценок реального соотношения сил в мире во второй половине 1920-х годов.

«Войну можно и нужно оттянуть... либо до момента вызревания революции на Западе, либо до момента, пока империализм получит более мощные удары со стороны колониальных стран (Китая, Индии), то есть до тех пор, пока не возникнет более благоприятная международная обстановка».

И. В. Сталин, 1927 г.

При этом он отнюдь не оспаривал тезиса о неизбежности в будущем решающей схватки между Советским Союзом и империалистическими державами. Необходимым и важнейшим условием подготовки к ней Сталин считал быстрое проведение в Советском Союзе социалистических преобразований и окончательное уничтожение всех внутренних врагов социализма. Только успешное выполнение этих задач должно было, по его мнению, обеспечить усиление военной мощи СССР и в конечном счете его победу над противником.

Весомым подтверждением внешнеполитических установок оппозиции явились события в Китае. Надежды на углубление и расширение китайской революции 1925–1927 гг. не оправдались. Она завершилась утверждением у власти прозападного и антикоммунистического режима Чан Кайши.

Одержав окончательную победу над оппозицией и взяв курс на форсированное строительство социализма, сталинское руководство предприняло определенную корректировку советской внешнеполитической линии. Вступая в период глубоких социально-экономических преобразований, СССР нуждался не только в ослаблении противостояния с более мощными западными державами, но и в экономическом сотрудничестве с ними. В докладе Сталина на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. важнейшей задачей советской внешней политики вновь провозглашалась борьба за мир. Вместе с тем мир по-прежнему понимался в Кремле не иначе как временная передышка перед неизбежным столкновением между СССР и капиталистической системой. Подобный подход к оценке перспектив международного развития оставлял не слишком большие резервы для активного включения СССР в политический процесс европейской стабилизации. Тем не менее наметившиеся после Локарнских соглашений позитивные тенденции в международной политике оказывали свое влияние и на характер отношений Советского Союза с европейскими государствами. Советские лидеры были вынуждены считаться с новыми политическими реальностями и приспосабливаться к ним.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Во второй половине 1920-х годов во внешней политике Советского государства на первый план выдвинулась задача обеспечения его безопасности путем ослабления конфронтации с Западом и тактики так называемого политического маневрирования, в то время как борьба за мировую революцию, как это уже было в период Брест-Литовских переговоров, отходила на второй план.

4.8. Проблемы разоружения во второй половине 1920-х годов

Идеи ограничения вооружений и всеобщего разоружения как важнейшего условия обеспечения международной безопасности и стабильности послевоенного мирового порядка содержались еще в «14 пунктах» президента США Вильсона. Позже они были заложены в Устав Лиги Наций, статья 8 которого обязывала Совет Лиги подготовить конкретные планы ограничения вооружений и представить их на рассмотрение отдельных государств.

Положение о всеобщем разоружении послужило также обоснованием для ограничительных военных статей пяти мирных договоров, подготовленных державами-победительницами на Парижской конференции. Однако, несмотря на создание в рамках Лиги Наций специальных комиссий для изучения разоруженческих вопросов, никаких серьезных шагов в этом направлении в первой половине 1920-х годов по причине политической нестабильности в Европе сделано не было. В условиях преодоления кризиса Версальской системы после заключения Локарнских соглашений и начала периода стабилизации в международных отношениях для решения проблем разоружения открывались новые возможности.

В июне 1925 г. представители 37 государств подписали в Женеве бессрочный Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств. Призванный помешать повторению ужасов Первой мировой войны, в ходе которой широко применялись боевые отравляющие вещества, этот документ стал первым в истории соглашением, ограничивающим применение оружия массового уничтожения. В 1927 г. к Женевскому протоколу присоединился и Советский Союз.

В декабре 1925 г. Совет Лиги Наций принял решение о созыве международной конференции по разоружению. Для участия в Комиссии по подготовке конференции (она заседала в Женеве до конца 1930 г.) были приглашены и представители государств, не входивших в Лигу Наций, — США, Турции и СССР. Однако советская делегация смогла включиться в работу комиссии только в 1927 г., после урегулирования дипломатического конфликта со Швейцарией, вызванного убийством на ее территории в 1923 г. видного советского дипломата, представителя РСФСР в Италии В. В. Воровского. По прибытии в Женеву советская делегация представила на рассмотрение Подготовительной комиссии свой проект конвенции о немедленном всеобщем и полном разоружении. Этот проект, рассчитанный на четыре года, предусматривал сокращение вооруженных сил всех государств на 50% уже в течение первого года. В дальнейшем предлагались полный роспуск армий, уничтожение всех видов вооружений, отмена законов об обязательной военной службе, замораживание военных кредитов и т. д. Эти предложения СССР, как и представленный в 1928 г. второй, смягченный их вариант, были отвергнуты комиссией как нереалистичные и носившие чисто пропагандистский характер.

Главная дискуссия в ходе работы Подготовительной комиссии развернулась вокруг требования Германии признать принцип равноправия государств в вопросах вооружений. Берлин добивался отмены военных статей Версальского договора, настаивая в противном случае на разоружении других государств до уровня Германии. Глубокие разногласия возникли также при обсуждении проблемы организации международного контроля за выполнением принимаемых решений.

Деятельность Подготовительной комиссии оказалась в целом малорезультативной. Даже после подписания «пакта Бриана—Келлога», призванного укрепить основы международной безопасности и создать дополнительные возможности для начала процесса разоружения, к каким-либо конкретным договоренностям, ведущим к сокращению уже накопленных вооружений, прийти так и не удалось (не считая решений Лондонской морской конференции 1930 г., о которых речь пойдет ниже). Тем не менее в декабре 1930 г. Лига Наций на основании отчета комиссии приняла решение о созыве конференции по разоружению.

В рамках Лиги удалось также договориться о принятии конвенций об обращении с военнопленными и улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Под этими конвенциями, подписанными в июле 1929 г. в Женеве, впоследствии поставили подписи представители более 40 государств. Советский Союз в августе 1931 г. присоединился к Женевской конвенции о раненых и больных, но отказался от подписания конвенции о военнопленных.

4.9. «Пакт Бриана—Келлога»

Важнейшим политическим событием 1928 г., наиболее ярко отразившим тенденции к стабилизации в международных отношениях, явилось подписание многостороннего соглашения об отказе от войны как средства решения международных споров, получившего впоследствии название «пакт Бриана—Келлога». Идея заключения этого соглашения родилась в ходе франко-американских переговоров, начавшихся весной 1927 г. по инициативе Бриана. В преддверии 150-й годовщины первого в истории отношений двух стран союзного договора он выступил с предложением подписать новый франко-американский договор о «вечной дружбе» и включить в него положение, запрещающее «обращение к войне как к средству национальной политики». Таким способом Бриан рассчитывал компенсировать отсутствие так и не вступившего в силу франко-американского гарантийного договора 1919 г., а также заручиться политической и моральной поддержкой США на случай германской агрессии против Франции. Однако предложения Бриана противоречили изоляционистским внешнеполитическим установкам республиканской администрации, не желавшей связывать США политическими обязательствами подобного рода с европейскими государствами. Поэтому президент США К. Кулидж и государственный секре-

тарь Ф. Келлог выдвинули встречную инициативу — о заключении многостороннего соглашения о неприменении силы в международных отношениях. Хотя американское предложение по существу означало вежливый отказ и не отвечало первоначальным замыслам Бриана, оно было принято. В Париже рассчитывали использовать инициативу США, горячо поддержанную пацифистски настроенной мировой общественностью, для укрепления системы коллективной безопасности под эгидой Лиги Наций. Поддержали американское предложение и в Берлине. Штреземан надеялся с помощью подобного многостороннего соглашения ослабить французскую систему союзов в Европе.

Переговоры о заключении «пакта Бриана—Келлога» продолжались в течение года. В них приняли участие все державы — постоянные члены Совета Лиги. Они согласились подписать предложенный договор на условиях нераспространения его положений на войны оборонительного характера и его соответствия Уставу Лиги Наций. Такое единодушие объяснялось довольно просто. Согласованный проект договора представлял собой не что иное, как декларацию о намерениях, и не предусматривал никаких санкций против возможного агрессора.

27 августа 1928 г. в Париже, в канун 10-й годовщины окончания Первой мировой войны, «пакт Бриана—Келлога» был торжественно подписан — первоначально пятнадцатью государствами, в том числе всеми постоянными членами Совета Лиги. Первая статья договора содержала в себе осуждение войны в качестве орудия национальной политики и как средства решения международных споров. Статья вторая предусматривала обязательства договаривающихся сторон разрешать конфликтные ситуации исключительно мирным путем.

Несмотря на декларативный характер «пакта Бриана—Келлога», сам факт его подписания, в том числе ведущими государствами мира, имел важное морально-политическое значение. Заключенный под давлением пацифистски настроенной мировой общественности, он создавал международно-правовую основу для борьбы с военно-силовыми методами в мировой политике. «Пакт Бриана—Келлога» вступил в силу 25 июля 1929 г. До начала Второй мировой войны под текстом этого договора поставили подписи представители 63 государств мира.

В Советском Союзе к переговорам о заключении договора об отказе от войны вначале отнеслись с привычным подозрением и весьма скептически. Поскольку советские представители не были приглашены принять участие в обсуждении его проекта, переговоры о «пакте Бриана—Келлога» в Москве расценили как очередную попытку «буржуазного мира скрыть свои планы подготовки к войне с СССР». Однако впоследствии позиция советской стороны изменилась. Чичерин заявил, что ее отношение к пакту будет определяться желанием или нежеланием государств — инициаторов его заключения привлечь к нему СССР. Получив от Франции специальное приглашение присоединиться к пакту, советская сторона его приняла. Демонстративно указав на все его несовершенства, в Москве вместе с тем заявили, что надеются воспользоваться им для решения вопросов разоружения. 31 августа 1928 г. СССР официально при-

соединился к «пакту Бриана—Келлога». Это был первый многосторонний международный договор, в котором он согласился принять участие.

Вместе с тем в Москве стремились использовать пакт для дальнейшего продвижения своего плана заключения двусторонних договоров о нейтралитете и ненападении. В декабре 1928 г. Советский Союз предложил своим соседям ввести пакт в действие досрочно, еще до его ратификации остальными государствами. Советское предложение имело целью прежде всего разрядить кризисную политическую ситуацию, сложившуюся на западных границах СССР, где в тот момент чрезвычайно обострились польско-литовские отношения. На этот раз советская инициатива получила поддержку, и 9 февраля 1929 г. в Москве был подписан соответствующий протокол. Под ним поставили подписи представители СССР, Польши, Румынии, Эстонии и Латвии. Позже к нему присоединились Литва, Турция и Иран.

Московский протокол получил впоследствии название «протокол Литвинова» — по имени заместителя наркома по иностранным делам, который с осени 1928 г. ввиду болезни Чичерина и его отъезда на длительное лечение в Германию стал фактическим руководителем наркомата. М. М. Литвинов, официально занявший пост наркома в июле 1930 г., был сторонником курса на ослабление конфронтации между СССР с Западом путем дипломатического маневрирования. Он не верил в реальную возможность в ближайшее время новой интервенции со стороны «империалистически пресыщенной» и «разочарованной результатами последней войны» Великобритании. Кроме того, Литвинов был убежден, что пацифистские настроения, господствовавшие в британском общественном мнении, сильны настолько, «чтобы в зачатке парализовать новые военные походы»[1]. Его прогноз вскоре оправдался. В октябре 1929 г., после смены в Великобритании кабинета консерваторов на лейбористский — вновь во главе с Р. Макдональдом, советско-английские дипломатические отношения были восстановлены.

4.10. «План Юнга». Проект панъевропейского объединения

Углубление процесса политической стабилизации в международных отношениях открывало перед Германией благоприятную возможность вновь поставить на обсуждение репарационную проблему. По мере восстановления ее экономики, последовавшего после введения в жизнь «плана Дауэса», ежегодные репарационные платежи Германии возросли к концу 1920-х годов с 1 млрд до 2,5 млрд марок. Немцы добивались увеличения сроков и снижения суммы выплат. Западные державы согласились пойти навстречу этим требованиям.

[1] *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (Конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. I. Декабрь 1928 — июнь 1934 г. СПб., 2000. С. 89.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Вновь созданная комиссия экспертов под руководством американского финансиста О. Юнга к июню 1929 г. подготовила новый репарационный план, получивший название «плана Юнга». В соответствии с ним общая сумма германских репараций определялась в 113,9 млрд марок и была разложена на 59 лет (до 1988 г.), что позволяло снизить ежегодные платежи Германии на 20%. Вместе с тем упразднялись все виды международного экономического и финансового контроля над ней. Репарационная комиссия распускалась. Западные державы также согласились провести досрочный вывод оккупационных войск из Рейнской зоны, на чем твердо настаивали немцы, отказывавшиеся в противном случае принять «план Юнга».

В результате всех согласований дважды собиравшаяся в Гааге — в августе 1929 г. и в январе 1930 г. — международная конференция окончательно утвердила «план Юнга». В соответствии с принятыми в Гааге решениями Франция обязывалась вывести свои войска из Рейнской зоны к 30 июня 1930 г., или на пять лет раньше срока, установленного Версальским договором.

Урегулирование одной из самых сложных послевоенных международных проблем — репарационной — было встречено европейской общественностью с большим энтузиазмом и расценивалось как важный шаг на пути к окончательному примирению Европы. В такой благоприятной обстановке министр иностранных дел Франции А. Бриан, вновь занявший в июле 1929 г. и пост премьер-министра, решил выступить с важной политической инициативой, направленной не только на укрепление стабилизационных процессов в международных отношениях, но и на создание принципиально новых основ европейского порядка. Выступая в сентябре 1929 г. на заседании Ассамблеи Лиги Наций в Женеве, Бриан выдвинул идею объединения европейских государств в федеративный союз — «Соединенные Штаты Европы», или «Пан-Европу». Конкретные предложения, развивавшие эту идею, содержались в официальном французском меморандуме, представленном на рассмотрение Лиги Наций в мае 1930 г. В нем, в частности, предлагалось образовать из представителей всех государств Европы (за исключением Великобритании и СССР) регулярно созываемую Европейскую конференцию, которая по существу представляла бы собой общеевропейский парламент. В ее задачу входило бы принятие согласованных решений по важнейшим экономическим, финансовым и политическим проблемам. Исполнительным органом Европейской конференции должна была стать Европейская комиссия.

Для изучения французских предложений в рамках Лиги Наций была создана специальная комиссия. Однако ее работа, продолжавшаяся в течение года, не дала положительных результатов. Это объяснялось в первую очередь тем, что, несмотря на формальную поддержку самой идеи европейского объединения, «план Бриана» в столицах ведущих государств Европы в действительно-

сти был встречен отрицательно. В Лондоне инициативу французов расценили как покушение на британское влияние на континенте. В Берлине в предложениях Бриана усмотрели лишь замаскированную попытку Парижа закрепить сложившееся после войны соотношение сил и сохранить завоеванные Францией преимущества. В Советском Союзе, который также был приглашен к участию в обсуждении французского проекта, план создания «Пан-Европы» был встречен враждебно и определен как антисоветский и антигерманский. Такая позиция Москвы привела к некоторому улучшению советско-германских отношений, которые в конце 1920-х годов стали заметно обостряться.

Не способствовали планам европейской интеграции и франко-итальянские противоречия по вопросам о морских вооружениях, о чем свидетельствовали итоги Лондонской морской конференции (январь—апрель 1930 г.). На ней Франция решительно отвергла требования Италии об увеличении ее военно-морского флота до уровня французского и одновременно не согласилась с предложениями США и Великобритании по ограничению строительства средних, легких судов и подводных лодок. Разногласия оказались настолько острыми, что итальянская и французская делегации отказались подписывать Лондонский морской договор и демонстративно покинули конференцию, после чего Муссолини выступил с открытым призывом к пересмотру Версальского порядка[1].

Фактический провал «плана Бриана» ясно показал, что на рубеже 1920–1930-х годов в Европе еще не созрели необходимые предпосылки для начала процесса интеграции европейских государств, да он и вряд ли представлялся возможным в условиях сохранения Версальской системы, пусть и модифицированной.

4.11. Нарастание международной напряженности на рубеже 1920–1930-х годов

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

На рубеже 1920—1930-х годов в развитии международных отношений наметился опасный перелом. Над позитивными процессами начали брать верх прямо противоположные тенденции, угрожавшие разрушить кратковременный период политической стабилизации. Решающее влияние на нарастание этих тенденций оказал невиданный по своей остроте и глубине экономический кризис, начавшийся после краха 25 октября 1929 г. Нью-Йоркской фондовой биржи. США вступили в полосу глубокой депрессии, что самым тяжелым образом отразилось на состоянии всей западной экономики. К началу 1930-х годов все ведущие государства мира оказались в той или иной степени поражены кризисом.

[1] О Лондонской морской конференции см. также главу 10.

В результате мировое промышленное производство (без учета СССР) сократилось на 38% и упало ниже уровня 1913 г., а объем международной торговли уменьшился на две трети. Разорение тысяч предприятий, массовая безработица вели к падению уровня жизни, обострению социальных противоречий и, как следствие, росту радикализма в общественных настроениях. К наиболее тяжелым последствиям экономический кризис привел те страны, которые не располагали ни достаточными внутренними ресурсами для его самостоятельного и быстрого преодоления, ни сильными демократическими институтами и политическими традициями, способными противостоять усилению влияния ультранационалистических сил. Чрезвычайно опасным было и то, что в Европе к этим странам относились Германия и Италия, входившие в группу великих держав. Будучи постоянными членами Совета Лиги Наций, они были призваны нести главную ответственность за поддержание международной стабильности. Однако именно в них широкую общественную поддержку получили крайние националисты — сторонники утверждения тоталитарных режимов и политики «сильной руки».

В Италии фашисты во главе с Муссолини находились у власти уже около 10 лет и прочно удерживали свои позиции. В Германии национал-социалистическая рабочая партия во главе с Гитлером к началу 1930-х годов превратилась в одну из ведущих политических сил страны. После парламентских выборов в сентябре 1930 г. она неожиданно для многих стала второй партией в парламенте (рейхстаге) по числу депутатов[1], а на парламентских выборах в июле 1932 г. за нее голосовало уже наибольшее число избирателей — около 14 млн человек.

Благодатной почвой для роста агрессивных националистических настроений в Италии и Германии, на основе которых сформировались идеологии фашизма и его германской разновидности — нацизма, было широкое общественное недовольство послевоенным состоянием обоих государств и их местом в рамках Версальско-Вашингтонской системы. Остро критикуя существующее положение дел, германские и итальянские фашисты решительно выступали против как либерально-демократической, так и коммунистической идеологий. Они представляли себя так называемой третьей силой, способной быстро решить все насущные общественные проблемы. Их рецептами выхода из кризиса были установление тоталитарного режима, милитаризация экономики и внешняя экспансия.

Быстрый рост влияния идеологии фашизма в Европе был обусловлен не только трудностями послевоенного времени, но и безусловной недооценкой всей опасности этого явления демократической общественностью Запада. Оставаясь в плену непримиримого идейно-политического противостояния с коммунизмом, она долгое время не придавала должного значения вли-

[1] Если на предыдущих выборах в рейхстаг в 1928 г. нацистская партия получила всего 12 депутатских мест, то в новом парламенте она имела уже 107 мест.

янию фашизма на массовое сознание. Социал-демократы фактически ставили знак равенства между фашизмом и коммунизмом, перечеркивая тем самым саму возможность объединения левых сил на антифашистской основе. IV Конгресс Социалистического рабочего интернационала, проходивший в июле—августе 1931 г., уже в условиях превращения партии Гитлера во влиятельную политическую силу Германии, продолжал настаивать на теории «двух врагов» демократии. В свою очередь правоконсервативная часть либерального лагеря вполне серьезно рассматривала фашизм как альтернативу левому радикализму коммунистов. Лидеры западных держав, прежде всего Великобритании, не только весьма терпимо относились к деятельности фашистов, но и связывали с ней определенные политические расчеты. Они надеялись использовать эту «третью силу» в борьбе со своими главными противниками — СССР и Коминтерном.

Свою лепту в опасное развитие международного процесса внесла и Москва. Принятие в конце 1920-х годов в СССР курса «большого скачка» в социализм, свертывание НЭПа, насильственная коллективизация деревни, массовые репрессии против крестьянства, интеллигенции, духовенства, создание системы ГУЛАГа — все это вызвало резкие протесты со стороны мировой общественности и не могло не привести к обострению отношений Советского Союза с западными государствами. Новый виток конфронтации, сопровождавшийся взаимными оскорблениями и обвинениями, вел к еще большему росту недоверия и отчужденности между ними, все сильнее расшатывая хрупкое здание международного порядка. В СССР, так же как и на Западе, не сразу осознали, какую смертельную угрозу представляет собой фашизм. Рассматривая его как одно из проявлений всеобщего кризиса империализма, в Москве видели в фашизме силу, подрывающую империалистическую систему изнутри и тем самым способствующую ослаблению давления западных держав на Советский Союз. В конце 1920-х годов Коминтерн отказался от тактики «единого рабочего фронта»[1] и ужесточил нападки на социал-демократов, обвиняя их в окончательном переходе на сторону буржуазии. Состоявшийся в июле—сентябре 1928 г. VI конгресс Коминтерна констатировал повсеместное «перерождение буржуазной демократии в фашизм». Не проводя никаких различий между ультранационалистами, либералами и социал-демократами, он потребовал от компартий руководствоваться новой тактикой — «класс против класса», в соответствии с которой коммунисты как авангард пролетариата должны были вести бескомпромиссную борьбу против остальных политических партий, так как все они якобы выражали интересы буржуазии. В нача-

[1] В декабре 1921 г. Исполком Коминтерна одобрил тактику создания «единых рабочих фронтов», допускавшую возможность переговоров и временных соглашений между коммунистами и социал-демократами. В то же время социал-демократия — главный соперник коммунистов в борьбе за влияние на рабочий класс — продолжала подвергаться Коминтерном самой резкой критике как «агентура буржуазии» в рабочем движении. В 1920-е годы «единый фронт» ни в одной стране мира так и не был создан.

ле 1932 г. Исполком Коминтерна даже определил фашизм как «революционизирующий фактор», а социал-демократов и фашистов — как «близнецов», совместно противостоящих коммунистам[1].

Тем временем международная обстановка стремительно накалялась. По мере углубления экономического кризиса начала разрушаться и Версальско-Вашингтонская система. Первый удар по ней нанесла Япония. В сентябре 1931 г. она развернула боевые операции в Китае по захвату Маньчжурии, нарушив тем самым решения Вашингтонской конференции[2]. Не менее взрывоопасная ситуация складывалась и в Европе, где все громче звучали голоса германских и итальянских фашистов, призывавших сломать существующий международный порядок. К этому следует добавить и уход из жизни таких ключевых политических фигур, как Штреземан (умер в 1929 г.) и Бриан (умер в 1932 г.), олицетворявших собой курс на политическую стабилизацию международных отношений. Кратковременный постлокарнский период «европейской разрядки» подходил к концу.

Мировой экономический кризис заставил великие державы вновь вернуться к вопросу о германских репарациях. Президент США Г. Гувер по просьбе Германии в июне 1931 г. наложил мораторий на их выплату, как и на выплату военных долгов союзников, сроком на один год. Прошедшая в Лозанне в июне—июле 1932 г. международная конференция приняла решение об аннулировании репараций[3], причем без каких-либо политических гарантий со стороны Германии, как того требовала Франция. Таким образом, за период с 1919 по 1932 г. Германия выплатила победителям 36,1 млрд золотых марок — 27,3% первоначальной суммы репараций.

По истечении срока «моратория Гувера» европейские державы не стали возобновлять выплату своих долгов Соединенным Штатам. Они считали, что отмена германских репараций на Лозаннской конференции (хотя США в ней участия и не принимали) должна была повлечь за собой и аннулирование всех межсоюзнических военных долгов, поскольку они выплачивались за счет репараций.

Американцы были возмущены. Гувер выступил с заявлением о том, что финансовые обязательства следует выполнять при любых обстоятельствах и что никакой правовой связи между репарациями и военными долгами союзников не существует. Однако этот демарш не произвел на европейские державы никакого впечатления.

В декабре 1932 г. Франция, Бельгия и еще несколько стран официально объявили о прекращении в одностороннем порядке выплаты военных

[1] История Коммунистического Интернационала 1919–1943: Документальные очерки / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2002. С. 99.

[2] Об агрессии Японии в Маньчжурии в 1931 г. см. главу 11.

[3] От Германии требовалось лишь внести заключительный платеж в размере 3 млрд марок в течение 15 лет. Однако и эта сумма ею впоследствии не была выплачена.

долгов США. Остальные европейские должники во главе с Великобританией хотя и внесли ежегодный платеж за 1932 г., активно поддержали франко-бельгийский демарш. В 1933 г. Великобритания и Италия (а также Чехословакия, Румыния, Латвия и Литва) заплатили Соединенным Штатам последние символические суммы, после чего тоже прекратили выплату долгов. В целом же после Первой мировой войны европейские государства вернули Соединенным Штатам всего 1,4 млрд долл. их военного долга — 13,5% общей суммы в 10,3 млрд долл. Из европейских стран свой долг США (9 млн долл.) полностью уплатила только Финляндия.

4.12. Женевская конференция по сокращению и ограничению вооружений

2 февраля 1932 г. в Женеве начала работу Всеобщая конференция по сокращению и ограничению вооружений. В ней принимали участие представители более 60 государств, в том числе и не являвшихся членами Лиги Наций (среди них США и СССР). Председательствовал на конференции бывший министр иностранных дел Великобритании А. Гендерсон, а в рабочем президиуме были представлены все великие державы, включая Советский Союз. После дебатов, продолжавшихся в течение нескольких месяцев, на конференции были приняты резолюции о необходимости существенного сокращения вооружений, о запрещении воздушных бомбардировок, применения отравляющих газов, бактериологической войны. Конференция также высказалась за постепенное сокращение тяжелой артиллерии и против строительства военных кораблей большого тоннажа.

В то же время какой-либо широкой и всеобъемлющей программы по реализации задачи всеобщего разоружения принять так и не удалось. Причина неудачи крылась не только в неготовности отдельных государств приступить к решению разоруженческих проблем. Успешной работе конференции не способствовала и сама политическая атмосфера начала 1930-х годов, когда уже ясно обозначилось нарастание кризиса Версальско-Вашингтонской системы.

В центре обсуждения в Женеве вновь оказался германский вопрос. Стремясь освободиться от военных ограничений, немцы настойчиво добивались принятия принципа равенства всех государств в вопросах вооружений. Против этого решительно возражали Франция и ее европейские союзники (Бельгия, Польша и страны Малой Антанты), боровшиеся за сохранение Версальской системы. В сентябре 1932 г. германская делегация демонстративно покинула Женеву, заявив, что вернется на конференцию только после принятия ее требований. Под давлением Великобритании, Италии и США, склонявшихся к компромиссу с Германией, Франция была вынуждена в очередной раз пойти на уступки.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

В декабре 1932 г. на свет появилась декларация пяти держав — Великобритании, США, Италии, Франции и Германии, совместившая германские требования и французские условия. В ней признавалось право государств на равенство в вооружениях, но «в рамках системы, обеспечивающей безопасность всем народам при условии международного контроля», на чем настаивала Франция.

Сам Гендерсон назвал принятую декларацию «образцом темноты и неясности». Однако, несмотря на всю противоречивость ее формулировок, было очевидно, что Германия добилась новой уступки. Ее делегация вернулась в Женеву, после чего германский министр иностранных дел К. фон Нейрат поспешил заявить, что французская трактовка декларации, в которой упор делался на условия обеспечения гарантий безопасности, для его страны неприемлема, так как ограничивает ее право на вооружение.

Работа Женевской конференции продолжалась до июня 1934 г. и завершилась без каких-либо конкретных результатов уже в условиях, когда период политической стабилизации в Европе был пройден и международные отношения вступили в новый этап своего развития.

4.13. Заключение Советским Союзом договоров о ненападении с Францией и соседними государствами Европы

Нарастание международной напряженности совпало с ухудшением франко-советских отношений. В начале 1930 г. бурные протесты французской общественности вызвало исчезновение на территории Франции одного из лидеров белой эмиграции генерала А. П. Кутепова, в чем прямо обвинялись советские агенты. В условиях углубления экономического кризиса обострилась и неразрешенная проблема российских долгов. В октябре 1930 г. официальный Париж под давлением экономических кругов, озабоченных отрицательным балансом в торговле с СССР, ввел ограничения на ввоз советских товаров. Это решение сопровождалось шумной кампанией в прессе с обвинениями в адрес советского руководства в намеренном проведении политики демпинга на основе использования принудительного труда заключенных лагерей ГУЛАГа. В ответ на это в Москве немедленно объявили бойкот французским товарам, а печать стала именовать Францию главным антисоветским центром.

«Франция является самой агрессивной и милитаристской страной из всех агрессивных и милитаристских стран мира».

Из выступления И. В. Сталина на XVI съезде ВКП(б), июнь 1930 г.

Однако кризис во франко-советских отношениях продолжался недолго. Обе стороны были заинтересованы в его скорейшем преодолении. В Париже не хотели допустить, чтобы Германия, где стремительно нарастало влияние нацистов, смогла извлечь пользу из франко-советского противостояния. В Москве тоже желали избежать дальнейшей конфронтации и рассчитывали с помощью Франции добиться нормализации отношений с ее союзниками — Польшей и Румынией.

Дополнительным стимулом к сближению двух стран стало известие о подготовке Германией весной 1931 г. в обход Версальского договора проекта таможенного союза с Австрией. Только решительное сопротивление Франции и ее союзников при поддержке Италии и Великобритании предотвратило осуществление германского плана[1]. Этот инцидент привел к серьезному обострению отношений между Парижем и Берлином, а французская дипломатия начала спешно готовить почву для возобновления политического диалога с СССР.

После состоявшейся в мае 1931 г. в Женеве встречи Бриана и Литвинова между двумя странами вновь начались как торговые, так и политические переговоры, и уже к августу 1931 г. сторонам удалось согласовать проект советско-французского договора о ненападении. Однако в качестве непременного условия его заключения Париж настаивал на одновременном подписании Советским Союзом аналогичных договоров с Польшей и Румынией. В ходе последующих переговоров СССР с соседними европейскими государствами непреодолимые трудности возникли только с Румынией — из-за территориального спора о принадлежности Бессарабии. В результате в течение 1932 г. Советский Союз заключил договоры о ненападении с Финляндией (январь), Латвией (февраль), Эстонией (май), Польшей (июль) и, наконец, с Францией (ноябрь).

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Все эти договоры содержали обязательства сторон уважать суверенитет и территориальную целостность друг друга, не прибегать к войне как к средству разрешения споров и не участвовать во враждебных коалициях. В случае агрессии третьей державы стороны должны были сохранять нейтралитет и не оказывать никакой поддержки агрессору.

К советско-французскому договору прилагалось совместное заявление, которое обязывало СССР не прибегать к силе для урегулирования его разногласий с Румынией (в частности, по проблеме Бессарабии).

Заключение Советским Союзом договоров о ненападении с соседними государствами Европы, а также с Францией имело важное политическое значе-

[1] По инициативе Франции этот вопрос был передан на рассмотрение Международного суда в Гааге, который в сентябре 1931 г. аннулировал германо-австрийское соглашение о таможенном союзе как несовместимое с Версальским и Сен-Жерменским договорами.

ние. В условиях нарастания процессов дестабилизации в мире эти договоры приобретали новое звучание. Объективно отвечая задачам укрепления международной стабильности, они создавали необходимые предпосылки для начала перегруппировки европейских государств перед лицом надвигающегося кризиса Версальско-Вашингтонского порядка.

Литература

Основная

Документы международных отношений и внешней политики СССР (1917–1945 гг.) / Сост. И. А. Ахтамзян. М.: МГИМО, 1996. Док. № 13, 15.

Европа между миром и войной. 1918–1939 гг. / Редкол. А. О. Чубарьян (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1992. С. 6–19, 57–101.

Загладин Н. В. История успехов и неудач советской дипломатии. М. Международные отношения, 1990. С. 74–88.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том второй. Документы 1910–1940-х годов / Сост. А. В. Мальгин. М.: Моск. рабочий, 2000. Док. № 59, 61–66, 68–69.

Соколов В. В. Неизвестный Г. В. Чичерин. Из рассекреченных архивов МИД РФ // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 3–18.

Дополнительная

Никонова С. В. Очерки европейской политики Германии в 1924–1929 гг. (от плана Дауэса к плану Юнга). М.: Наука, 1977. Гл. 2–5.

Шишкин В. А. Цена признания. СССР и страны Запада в поисках компромисса (1924–1929 гг.). СПб.: Наука, 1991. Гл. 6–9.

ГЛАВА 5

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ В 1933–1935 гг. КРИЗИС ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ

5.1. Установление нацистской диктатуры в Германии. Внешнеполитическая программа национал-социалистов

Мировой экономический кризис привел к чрезвычайному обострению социально-политической обстановки в Германии. На внеочередных выборах в рейхстаг в ноябре 1932 г. за национал-социалистов отдали голоса 12 млн избирателей. И хотя это было на 2 млн меньше, чем на предыдущих выборах, состоявшихся в июле того же года, партия Гитлера вновь набрала наибольшее число голосов. Противостоящие ей две крупнейшие левые партии Германии — социал-демократическая (СДПГ) и коммунистическая (КПГ) — получили соответственно 7,2 млн и 6 млн голосов. Однако ввиду непримиримой идейной борьбы они не смогли объединиться для создания широкой антифашистской коалиции. Не последнюю роль в расколе левых сил сыграла позиция Коминтерна, запрещавшего коммунистам входить в какие-либо политические объединения или соглашения с другими партиями.

В январе 1933 г. престарелый президент Германии П. фон Гинденбург под нажимом военно-промышленных кругов поручил Гитлеру как лидеру самой крупной парламентской фракции сформировать правительство. Так канцлером пока еще коалиционного правого кабинета стал национал-социалист[1]. Но довольствоваться достигнутым Гитлер вовсе не собирался. Его целью была абсолютная власть в стране. В феврале 1933 г., использовав как повод поджог здания рейхстага и обвинив в этом преступлении коммунистов, Гитлер добился от президента Гинденбурга введения на территории Германии чрезвычайного положения. В соответствии с ним основные конституционные права и свободы граждан были отменены, рейхстаг распущен и назначены новые выборы. Они состоялись в марте 1933 г. и прошли в обстановке нарастающего нацист-

[1] Из 11 членов кабинета к нацистской партии принадлежали, кроме Гитлера, только министр внутренних дел В. Фрик и министр без портфеля Г. Геринг.

ского террора и репрессий. Избранные от КПГ депутаты вскоре были арестованы, в результате чего нацисты смогли наконец обеспечить себе парламентское большинство. Вслед за этим они провели через новый, послушный им парламент закон о предоставлении кабинету министров чрезвычайных полномочий. В соответствии с ним правительство во главе с Гитлером наделялось фактически неограниченными правами, в том числе правом принимать законы без одобрения рейхстага и не заботясь об их соответствии Веймарской конституции. В стране развернулась массовая чистка государственных учреждений по политическим и «расовым» мотивам. Начали создаваться концлагеря, куда помещались неугодные нацистскому режиму лица. В июле 1933 г. были ликвидированы или «самораспустились» все политические партии и профсоюзы. Право на легальное существование имела теперь только национал-социалистическая рабочая партия Германии, объявленная правительственной организацией.

После смерти в августе 1934 г. Гинденбурга Гитлер объединил посты канцлера и президента, став таким образом одновременно главой государства, правительства и правящей партии. Он был провозглашен «фюрером (вождем) германской нации». И хотя Веймарская конституция формально не отменялась, демократическое устройство Германии было полностью разрушено. В стране установился кровавый диктаторский режим.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Приход нацистов к власти в Германии явился переломным событием в развитии международных отношений и сделал вполне реальной угрозу новой войны. В великой европейской державе у власти утвердились политические силы, основой идеологии которых была пресловутая «расовая теория». Согласно этой теории немцы принадлежали к избранной арийской расе господ, призванной управлять миром. Из доктрины расового превосходства арийцев над остальными народами вытекали нацистские планы завоевания мирового господства, определявшие новую внешнеполитическую стратегию и тактику Германии.

В отличие от своих предшественников, боровшихся за восстановление международных позиций Германии путем постепенной реконструкции Версальского порядка в сторону довоенного равновесия, нацисты считали этот путь абсолютно бесперспективным, не ведущим к решению коренных проблем нации. Гитлер был убежден, что немцы должны были не ограничиваться притязаниями на этнические территории, а бороться за расширение своего «жизненного пространства» и установление полного господства на континенте.

«Германия — только начало. Нам нужна Европа и ее колонии».

А. Гитлер, 1933 г.

Решить эти задачи можно было, только разгромив Францию и завоевав обширные территории на востоке Европы, принадлежавшие СССР и другим расположенным там государствам. В дальнейшем, превратившись в могучую морскую державу и захватив английские и французские колонии, Германия, по его замыслам, смогла бы подчинить себе и Американский континент.

Поскольку реализовать эти грандиозные экспансионистские планы было возможно исключительно военным путем, нацисты развернули шумную кампанию по пропаганде войны. Они объявили ее «высшей» и «естественной» формой разрешения политических проблем, яростно обличая при этом западный пацифизм как орудие изощренной антигерманской политики.

Подготовка к войне становилась первоочередной задачей Германии[1]. Чтобы успешно решить ее, было необходимо, не провоцируя разрыва отношений с западными державами и нейтрализовав саму возможность силового давления с их стороны, освободиться от ограничений Версальского договора и приступить к восстановлению военной промышленности и армии. Для этого требовалось организовать мощное дипломатическое прикрытие с целью убедить западные державы в намерении нового германского руководства продолжить прежнюю политическую линию, направленную на сотрудничество с ними. На посту министра иностранных дел был временно оставлен представитель прежнего кабинета, не принадлежавший к нацистской партии, К. фон Нейрат. Он был призван олицетворять собой преемственность в германской внешней политике. Гитлер не исключал и возможности превентивной войны со стороны западных держав.

«Самое опасное время — в период строительства вооруженных сил. Здесь-то и выявится, имеет ли Франция государственных деятелей. Если да, она не даст нам времени, а нападет на нас (вероятно, с восточными сателлитами)».

Из закрытого выступления А. Гитлера перед генералами рейхсвера 3 февраля 1933 г.

Поэтому первая программная речь фюрера в рейхстаге, посвященная международным вопросам, была выдержана в подчеркнуто умеренной тональности. Наряду с острой критикой Версальского договора и призывами к его ревизии он заявил о необходимости решения этой проблемы мирным путем. Гитлер демонстративно высказывался за всеобщий мир, уважение прав всех народов и продолжение переговоров по проблемам вооружений.

«Только призывы к миру и никаких территориальных требований — пока не станем сильными».

Из выступления А. Гитлера в узком кругу нацистского руководства, 1933 г.

[1] В 1933–1939 гг. Германия истратила на военные нужды 90 млрд марок — в два с лишним раза больше, чем Великобритания, Франция и Италия, вместе взятые. Производство вооружений в Германии в 1939 г. по сравнению с 1933 г. возросло в 12,5 раза (Европа между миром и войной. М., 1992. С. 33).

В то же время во внешнеполитической линии нацистской Германии наметились и определенные коррективы. В первую очередь это относилось к советско-германским отношениям. Несмотря на то что в апреле 1933 г. германская сторона ратифицировала протокол о продлении срока действия договора о нейтралитете и ненападении с СССР от 24 апреля 1926 г., очень скоро обнаружилось, что «рапалльский период» в отношениях между двумя государствами завершается. Гитлер исходил из того, что демонстративный антисоветизм, а не шантаж Европы германо-советским сближением мог наилучшим образом обеспечить реализацию поставленных им политических задач. «Мне придется, — пояснял фюрер, — сдерживать версальские державы при помощи призрака большевизма, заставляя их верить, что Германия — это последний оплот против красного потопа». Демонстрируя твердое желание взять на себя роль «главного защитника Европы от коммунистической угрозы» и предлагая западным державам сплотиться на антисоветской основе, он рассчитывал добиться от них таким способом требуемых уступок.

5.2. Конвенция об определении агрессии

В условиях становления нацистского режима в Германии и нарастания военной угрозы в Европе и Азии особую актуальность приобретало советское предложение о заключении международной конвенции об определении агрессии. С этой инициативой нарком по иностранным делам Литвинов выступил на конференции по разоружению еще осенью 1932 г. Представленный им проект содержал четкое и развернутое определение акта агрессии, не допускавшее двойных толкований. Актом агрессии предлагалось признать следующие действия государства: если 1) оно объявит войну другому государству; 2) введет свои вооруженные силы, хотя бы и без объявления войны, на территорию другого государства; 3) нападет своими сухопутными, морскими и воздушными силами, хотя бы и без объявления войны, на территорию, на морские или воздушные суда другого государства; 4) предпримет морскую блокаду берегов или портов другого государства; 5) окажет поддержку вооруженным бандам, которые, будучи образованы на его территории, вторгнутся на территорию другого государства, или откажется, несмотря на требования государства, подвергшегося вторжению, принять все зависящие от него меры для лишения этих банд всякой помощи или покровительства.

Поскольку советское предложение не только отвечало задачам обеспечения безопасности СССР, но и имело более широкий политический смысл, оно вызвало у участников конференции по разоружению большой интерес. Принятие подобной конвенции делало бы возможным быстро и эффективно приводить в действие механизм санкций, предусмотренный Уставом Лиги Наций в отношении государства-агрессора, что служило бы делу укрепления основ коллективной безопасности в рамках Версальско-Вашингтонской системы.

Важным было и то, что проект конвенции, исходивший из признания принципа нерушимости послевоенных границ, свидетельствовал о произошедших сдвигах в ранее непримиримой антиверсальской позиции СССР.

Будучи поддержан представителями ряда государств, проект конвенции после рассмотрения его в специальной комиссии был с небольшими изменениями внесен в мае 1933 г. на обсуждение пленарного заседания конференции по разоружению. Однако главные гаранты Версальской системы — Великобритания и Франция — не желали осложнять своих отношений с Италией и Германией, выступившими решительно против советской инициативы, и тоже отнеслись к ней весьма сдержанно. Негативная позиция четырех ведущих европейских держав в конечном счете и предопределила итог обсуждения проекта конвенции в Женеве. Не получив поддержки большинства, он был отклонен.

Тем не менее, несмотря на неудачу, постигшую проект конвенции об определении агрессии на конференции по разоружению, СССР, соседние с ним государства и их союзники — всего 11 стран — все же решили принять этот документ. 3–5 июля 1933 г. под ним поставили подписи представители Советского Союза, Афганистана, Ирана, Турции, Румынии, Польши, Латвии и Эстонии. 22 июля 1933 г. к ним присоединилась Финляндия. С союзниками Румынии по Малой Антанте — Чехословакией и Югославией, а также с Литвой — союзницей Латвии и Эстонии — конвенция об определении агрессии была подписана отдельно. Такая сложная процедура была избрана по требованию Польши, имевшей территориальные споры с Чехословакией и Литвой и поэтому не желавшей подписывать общий документ с участием этих государств.

Иную позицию при заключении конвенции занял Советский Союз. Несмотря на неурегулированный конфликт с Румынией из-за Бессарабии, он пошел ей на серьезную уступку, приняв румынскую формулировку, согласно которой под территорией государства понималась «территория, на которой государство фактически осуществляет власть». Тем самым в Москве фактически подтверждали данное ранее Франции обязательство не решать бессарабскую проблему при помощи силы.

Подписание Советским Союзом и большинством восточноевропейских государств конвенции об определении агрессии, безусловно, явилось позитивным событием международной жизни в начале 1930-х годов. В условиях нарастания политического кризиса Версальского порядка оно не только служило делу укрепления международной стабильности на востоке Европы, но и открывало новые возможности для укрепления основ коллективной безопасности на континенте с участием Советского государства. Однако этот процесс не был завершен и распространен на остальную часть Европы.

5.3. «Пакт четырех»

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Приход нацистов к власти в Германии не вызвал существенных перемен в европейской политике западных держав. Великобритания, а вслед за ней и Франция продолжали придерживаться прежнего, намеченного еще в Локарно курса. Несмотря на произошедший в Германии политический переворот, они демонстрировали готовность и дальше идти по пути поиска компромиссов с ней в расчете сохранить таким способом континентальную стабильность.

В марте 1933 г. на конференции по разоружению британский премьер-министр Макдональд внес предложение согласиться на увеличение германской армии вдвое — до 200 тыс. человек — при параллельном сокращении вооруженных сил Франции и других европейских государств. Одновременно он поддержал и предложение Муссолини начать переговоры между Великобританией, Францией, Италией и Германией с целью подготовки четырехстороннего договора «о согласии и сотрудничестве» в решении крупных международных проблем, получившего впоследствии название «пакт четырех». При помощи этого пакта консервативные круги Великобритании рассчитывали, в частности, укрепить франко-итальянское сотрудничество и тем самым ограничить политические возможности Гитлера по подрыву европейского порядка.

Идею заключения «пакта четырех» Муссолини выдвинул еще в 1932 г. С ее помощью итальянский лидер рассчитывал укрепить международные позиции своей страны, добившись для нее равного с Великобританией и Францией положения в группе великих держав, и расчистить путь собственным экспансионистским планам. Призывая к реконструкции Версальского порядка и резко критикуя Лигу Наций, громоздкий механизм которой не позволял ей действовать в деле урегулирования международных проблем быстро и эффективно, Муссолини предлагал создать в Европе более простой и совершенный политический инструмент для поддержания мира и обеспечения безопасности. Таким инструментом должна была стать директория четырех ведущих европейских держав — Великобритании, Франции, Италии и Германии. Представленный итальянским лидером проект договора предусматривал признание принципов возможной ревизии мирных договоров, равенства в области вооружений для Германии, Австрии, Венгрии и Болгарии, сотрудничество четырех держав в колониальных вопросах. В проекте договора содержалось также положение о том, что в случае необходимости «четверка» может оказывать давление на другие государства с целью заставить их подчиниться согласованным внутри нее решениям.

Принятие предложений Муссолини, безусловно, должно было повлечь за собой далекоидущие международные последствия. Признание четырьмя дер-

жавами принципиальной возможности пересмотра мирных договоров и создание вне рамок Лиги Наций и альтернативного ей руководящего политического органа подрывали бы сами основы Версальской системы. Поэтому поддержанная Германией и Великобританией идея «пакта четырех» вызвала негативную реакцию большинства европейских государств, опасавшихся ущемления своих суверенных прав. Особенно резко против нее протестовали восточноевропейские союзники Франции — Польша и страны Малой Антанты, справедливо усматривавшие в итальянских предложениях прямую угрозу своему суверенитету и территориальной целостности. В Париже тоже прекрасно понимали всю опасность плана Муссолини. Однако, стремясь избежать политической изоляции и раскола в европейской «четверке», а также не желая допустить возможного итало-германского сближения в случае своего прямого отказа от предложений Муссолини, Франция согласилась принять участие в их обсуждении.

Переговоры о «пакте четырех» проходили с марта по июль 1933 г. Французская сторона приложила все усилия к тому, чтобы нейтрализовать его разрушительную силу. В результате проект договора претерпел существенные изменения, смягчившие его антиверсальскую направленность. Так, в частности, в новой французской редакции, поддержанной англичанами, были сняты положения об обязательности решений «четверки» для третьих стран и о согласованных действиях в колониальных вопросах.

15 июля 1933 г. в Риме в торжественной обстановке договор о согласии и сотрудничестве четырех держав был подписан. Каждая из сторон осталась не удовлетворенной достигнутым компромиссом. Это и предопределило дальнейшую судьбу договора, который, не будучи ратифицирован ни Германией, ни Францией, так и не вступил в силу. Тем не менее переговоры о его заключении, как и сам факт его подписания, оказали самое негативное влияние на дальнейшее развитие политической ситуации в Европе. Болезненный удар был нанесен по отношениям Франции с ее восточноевропейскими союзниками, прежде всего Польшей, в то время как нацистская Германия, избежав угрозы изоляции, смогла значительно упрочить свои международные позиции и начать за спинами западных держав собственную политическую игру.

Подписанный без участия СССР «пакт четырех» нанес удар и по советско-французским отношениям, породив в Москве обоснованные подозрения в его антисоветской направленности. Литвинов прямо заявил по этому поводу французам: «Без нас — следовательно, против нас».

В свою очередь Гитлер, убедившись, что западные лидеры к борьбе с ним не готовы, счел возможным приступить к решительным действиям. В октябре 1933 г. Германия демонстративно покинула конференцию по разоружению и объявила о своем выходе из Лиги Наций. В ответ на предостережения об опасности возможных военных санкций со стороны западных лидеров фюрер лишь пренебрежительно отмахнулся.

«Эти деятели хотят войны? Да они о ней и не думают... Там [в Лиге Наций] собралась всякая шваль. Они не действуют. Они только протестуют. Они всегда будут опаздывать. Эти люди не остановят возвышения Германии».

А. Гитлер, октябрь 1933 г.

5.4. Советско-итальянский договор о дружбе, ненападении и нейтралитете

В июне 1933 г., в разгар переговоров о «пакте четырех», Муссолини выразил согласие принять предложение Москвы о заключении советско-итальянского договора о ненападении, отвергнутое им ранее как «несвоевременное». Итальянский лидер решил последовать примеру Гитлера, который в апреле 1933 г. подписал протокол о продлении срока действия советско-германского договора о ненападении и нейтралитете 1926 г. Муссолини, как и фюрер, рассчитывал использовать «советский фактор» для укрепления политических позиций Италии в торге с западными державами, отношения с которыми, особенно с Францией, были у нее весьма напряженными. Он также желал «создать впечатление, что “русская карта”, утраченная Германией, находится в руках у Италии». В Москве итальянское предложение встретило положительный отклик. Подписание договора с Италией в условиях опасной для Советского Союза перегруппировки политических сил в Европе позволило бы усилить его позиции перед лицом как Великобритании и Франции, так и нацистской Германии. Понимая, что «рапалльская линия» в советско-германских отношениях может оборваться в любой момент и не желая допустить создания антисоветского альянса западных держав с нацистской Германией на базе «пакта четырех», в Москве сочли выгодным подыграть Муссолини.

Советско-итальянский пакт был подписан в сентябре 1933 г. Первоначально названный договором о ненападении, он по инициативе Муссолини был переименован в договор о дружбе, ненападении и нейтралитете. В основном этот документ был идентичен советско-французскому пакту 1932 г. и включал в себя статьи о взаимном ненападении, нейтралитете в случае агрессии третьей державы против одной из договаривающихся сторон, об отказе от участия в международных соглашениях, запрещавших продажу товаров или предоставление кредитов одной из сторон, а также о согласительной процедуре.

Договор позволил преодолеть определенное охлаждение двусторонних отношений, возникшее после начала переговоров о «пакте четырех». Он также укрепил международное положение обоих государств в непростой политической обстановке 1933 г. Выступая на XVII съезде ВКП(б) в январе 1934 г., Сталин даже охарактеризовал советско-итальянские отношения как «наилучшие», приведя их в качестве примера успешного сотрудничества между СССР и капиталистическими странами.

5.5. Советско-французское сближение

Завершение периода политической стабилизации в Европе и нарастание кризиса Версальско-Вашингтонской системы вызывало растущее беспокойство в Москве. И хотя поддержание стабильности в рамках послевоенного порядка вовсе не отвечало стратегической линии советской внешней политики, нацеленной на борьбу с мировым капиталом, направление развития международного процесса в начале 1930-х годов расценивалось советским руководством как чрезвычайно опасное. Новизна сложившейся ситуации заключалась в том, что Германия в борьбе за новый международный порядок уже не пыталась опереться на СССР, как это было раньше, а, напротив, выступала с подчеркнуто антисоветских позиций, в роли бескомпромиссного борца с коммунистической угрозой. Из главного политического партнера Советского Союза она стремительно превращалась в его опаснейшего противника. В то же время главные гаранты Версальской системы — Великобритания и Франция — своей политикой явно демонстрировали готовность идти навстречу требованиям агрессивных государств — Германии в Европе и Японии на Дальнем Востоке, что не могло не укреплять в Москве вполне обоснованных подозрений о подготовке сговора великих держав на антисоветской основе. В условиях быстро накаляющейся международной обстановки советское руководство должно было выработать новые тактические подходы и способы решения стоявших перед ним сложных политических задач.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

В Москве понимали, что прежняя антиверсальская линия внешней политики СССР исчерпала себя и перестала быть действенным способом «раскола империалистов» и обеспечения безопасности страны. Теперь здесь пришли к выводу, что в новых политических условиях достижение этих целей становилось возможным лишь в случае перехода Советского Союза на позиции защитника всеобщего мира и существующего международного порядка. В этом случае он смог бы не только избежать угрозы международной изоляции, но и приобрести естественных союзников в лице политических сил и государств, готовых к сопротивлению агрессорам.

Перемены во внешнеполитической ориентации Советского Союза могли оказать позитивное влияние и на политику западных держав. Перед ними открывались более благоприятные возможности для выработки альтернативы курсу на компромисс с агрессорами, в значительной мере обусловленному прежней, по сути подрывной линией СССР по отношению к Версальско-Вашингтонской системе. В первую очередь это касалось Франции. В Париже с удовлетворением отмечали позитивные изменения в советской внешней политике. Нарастание германской угрозы являлось главным стимулом для продолжения начавшегося в 1931 г. процесса советско-французского сближения.

Интересы безопасности обоих государств, как это уже не раз бывало в прошлом, вновь требовали их тесного политического взаимодействия. Однако в Париже было слишком велико влияние сторонников достижения компромисса с Германией, вследствие чего сделанные в июле 1933 г. советские предложения о присоединении Франции к конвенции об определении агрессии, а также о подписании соглашения о взаимном обмене информацией были Парижем отклонены. Поворот во французской внешней политике в сторону сотрудничества с СССР произошел лишь после ухода Германии с конференции по разоружению и ее выхода из Лиги Наций. Эти решения Гитлера перечеркнули декларацию пяти держав по вооружениям и «пакт четырех». В создавшихся условиях руки у Франции оказались развязаны, и она могла и должна была теперь действовать более самостоятельно и решительно.

31 октября 1933 г. французский министр иностранных дел Ж. Поль Бонкур в беседе с Литвиновым предложил ему «вместе подумать» о дополнении советско-французского пакта о ненападении договором о взаимопомощи, а также о вступлении СССР в Лигу Наций. На состоявшихся в ноябре 1933 г. в Париже переговорах между советским полпредом В. С. Довгалевским и Полем Бонкуром выяснилось, что французская сторона стремится не к заключению с СССР двустороннего договора о взаимной помощи на случай агрессии со стороны Германии, а имеет в виду многостороннее соглашение с участием в нем государств Восточной Европы — союзников Франции. Таким образом, Советскому Союзу предлагалось включиться в европейскую систему коллективной безопасности под эгидой Лиги Наций и во французскую систему «тыловых союзов».

Полученный в декабре 1933 г. ответ из Москвы был в целом положительным. СССР, хотя и с оговорками, давал согласие на вступление в Лигу Наций. Так, в частности, советская сторона возражала против распространения процедуры арбитража на споры Советского Союза с другими странами, которые возникли до его вступления в Лигу. Она также настаивала на международно-правовом признании Советского государства всеми членами этой организации. Кроме того, предлагалось внести в Устав Лиги такие положения, как безусловное запрещение войны, упразднение мандатной системы, признание расового и национального равноправия.

Советский Союз соглашался и на подписание многостороннего договора о взаимопомощи, предложив вместе с тем расширить состав его участников за счет Бельгии и Прибалтийских государств — Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии. Румыния, с которой у СССР не была урегулирована бессарабская проблема, в представленном перечне не упоминалась. В то же время в Москве выражали готовность подписать договор и в более узком составе, но при обязательном участии в нем Франции и Польши. Кроме того, советская сторона предлагала расширить сферу действия договора о взаимопомощи, распространив его на случаи агрессии со стороны не только Германии, но и других государств (имелась в виду Япония).

Советские предложения вызвали в Париже живой интерес. Однако ввиду очередного правительственного кризиса во Франции дальнейшее продвижение двусторонних переговоров на некоторое время застопорилось и было возобновлено только весной 1934 г., после смены французского кабинета министров.

5.6. Германо-польская декларация

К началу 1930-х годов германо-польские отношения оставались чрезвычайно напряженными. В Берлине не снимали притязаний на западные земли Польши, отказываясь признать окончательными свои послевоенные восточные границы. Экономические связи двух государств были практически свернуты; между ними разгорелась настоящая таможенная война. Значительно ухудшил геополитическое положение Польши и досрочный вывод оккупационных войск союзников из Рейнской зоны. Все попытки польской дипломатии получить взамен от Франции дополнительные гарантии безопасности успеха не имели. Тем временем кризис в польско-германских отношениях достиг наивысшей отметки. Положение обострилось настолько, что в конце 1932 г. Польша даже была вынуждена прибегнуть к демонстрации силы, после чего по Европе поползли слухи о ее стремлении к превентивной войне против Германии.

В этой напряженной обстановке известие о начале переговоров о «пакте четырех» явилось для поляков тяжелым ударом. Окончательно разочаровавшись в своей союзнице — Франции и не желая, чтобы Польша стала заложницей и «разменной монетой» политики западных держав, глава Польского государства Ю. Пилсудский принял решение о внесении существенных корректив в ее внешнюю политику. Он взял курс на проведение самостоятельной линии в отношении Германии без оглядки на Париж.

Охлаждением между Варшавой и Парижем не преминул воспользоваться Гитлер. Он отдал приказ инсценировать нормализацию германо-польских отношений, рассчитывая с ее помощью ослабить польско-французский союз, а также не допустить создания опасного для Германии франко-польско-советского политического «треугольника», наметившегося после подписания Советским Союзом в 1932 г. договоров о ненападении с Польшей и Францией. В апреле 1933 г. в Женеве состоялась встреча Й. Геббельса и польского министра иностранных дел Ю. Бека, в ходе которой нацистский министр пропаганды убеждал Бека в необходимости сотрудничества двух стран.

> «Интересы Германии и Польши совпадают. Они смогут удовлетворить все свои нужды за счет России и государств Прибалтики».
>
> *Из заявления Й. Геббельса в беседе с Ю. Беком*

Польше предлагались Литва и выход к Черному морю с Одессой, в то время как Германия претендовала на Латвию с Эстонией. В этом случае, по словам Геббельса, вопрос о «польском коридоре» утрачивал бы для обеих стран всякое значение. Гитлеровский эмиссар обещал больше не ссориться и из-за проблемы немецкого меньшинства в Польше. Второй задачей Германии на востоке, по Геббельсу, являлось создание независимой Украины с Крымом и Кавказом и заселение 40% этой территории немецкими переселенцами. При такой комбинации, убеждал он польского министра, Россия будет отброшена в северные леса, из которых она выберется не раньше чем через добрых 200 лет, и в течение этого времени Германия и Польша смогут жить спокойно.

Вслед за женевской встречей и сам Гитлер в мае 1933 г. принял польского посла и заверил его в своей готовности строго соблюдать существующие двусторонние договоры. Германо-польские отношения стали быстро улучшаться. Оживились экономические связи, разрядилась обстановка вокруг Данцига, где противостояние двух государств было особенно острым. Уход Германии с конференции по разоружению и ее демонстративный выход из Лиги Наций не только не приостановил процесса польско-германского сближения, но, напротив, активизировал его. В результате Польша приняла предложение Берлина о подписании совместной декларации о ненападении.

Польско-германская декларация о необращении к силе была подписана 16 января 1934 г. Она предусматривала разрешение всех спорных проблем в отношениях между двумя странами исключительно мирными средствами. И хотя по настоянию Варшавы в текст декларации включили положение о том, что она не противоречит ранее принятым сторонами международным обязательствам, стало очевидно, что французская система союзов дала очень опасную трещину.

Весьма показательным было и то, что польско-германские переговоры проходили в обстановке строгой секретности. Поляки не информировали о них ни союзников, ни соседей. Подписание декларации явилось для Франции и стран Малой Антанты полной неожиданностью. Реакция Парижа, Бухареста и Праги была резко отрицательной. Вместо того чтобы содействовать объединению государств Восточной Европы, заинтересованных в сдерживании нацистской Германии, Варшава своей политикой по существу лишь усиливала их разобщенность. В принципиально новой политической ситуации, сложившейся в Европе после прихода Гитлера к власти, провозглашенная польским руководством так называемая политика «равновесия» (или «равноудаленности») в отношении Берлина и Москвы объективно подрывала сложившуюся в рамках Версальского порядка систему сдержек и противовесов Германии, укрепляла международные позиции нацистского режима и предоставляла ему дополнительные возможности для реализации своих планов. Подписание декларации стало крупным внешнеполитическим провалом Франции, вызвавшим в этой стране политический кризис и отставку кабинета министров.

Поскольку под германо-польской декларацией явно просматривалась антисоветская основа, ее заключение вызвало беспокойство и в Москве. Вме-

сте с тем здесь решили воспользоваться случаем и в марте 1934 г. предложили немцам заключить совместную Балтийскую декларацию, в которой Германия и СССР гарантировали бы безопасность и суверенитет Литвы, Латвии и Эстонии. В Берлине это предложение было отвергнуто, после чего все усилия советской дипломатии сосредоточились на переговорах о Восточном пакте.

5.7. Советско-французские переговоры о Восточном пакте

После смены кабинета в Париже в феврале 1934 г. во главе французского министерства иностранных дел встал Луи Барту — убежденный сторонник решительного противодействия агрессивному курсу нацистской Германии. О Барту говорили, что он был единственным человеком во французском правительстве, который прочитал «Майн кампф», ни на минуту не усомнившись при этом в истинных намерениях нацистского лидера. Гитлеровский режим он оценивал как «смертельную угрозу для Французской республики». С момента назначения Барту советско-французские переговоры получили мощный импульс.

В апреле 1934 г. французский МИД представил советской стороне новый, скорректированный проект Восточно-Европейского договора безопасности, получившего название Восточного пакта, или Восточного Локарно. Он отличался от предложенного ранее Полем Бонкуром проекта двумя пунктами: во-первых, к участию в Восточном пакте приглашалась и Германия, и, во-вторых, Франция не должна была становиться непосредственным участником этого регионального договора, а только предоставила бы ему свою гарантию. В мае 1934 г. в Париже состоялись переговоры глав внешнеполитических ведомств двух стран. На них Барту разъяснял Литвинову, что предложенная им схема позволила бы соединить «намеченную восточноевропейскую систему безопасности с западной системой, вытекающей из актов, принятых в Локарно». Она должна была помочь Франции избежать опасности выступления Великобритании и Италии на стороне Германии, как это предусматривалось Локарнскими соглашениями в случае, если бы Франция во исполнение своих обязательств по Восточному пакту начала против Германии войну.

В ходе переговоров Барту также подчеркнул, что считает очень важным участие в пакте Германии, хотя Литвинов и выразил по этому поводу серьезные сомнения.

> «Если Германия откажется, мы будем вправе заключить договор и без нее, но мы не должны проявлять поспешность и вообще не должны предпринимать ничего, что могло бы показаться направленным против нее. Если она войдет в систему безопасности — тем лучше. Если она в нее не войдет — это будет ее ошибкой».
>
> *Из заявления Л. Барту в беседе с М. М. Литвиновым в Париже*

Такая позиция Барту объяснялась его оглядкой на Лондон и пониманием того, что именно там, а не в Париже находились в то время ключи от европейской безопасности. С целью получить одобрение своих планов укрепления политической стабильности в Европе со стороны англичан Барту в июле 1934 г. отправился с визитом в Великобританию. Здесь не очень верили в возможность создания подлинного советско-французского союза и опасались, что из нового раскола Европы извлекут выгоду только коммунисты. В то же время британская сторона согласилась с аргументами Барту, который считал, что западные державы обязаны попытаться «вывести СССР исключительно из русско-германских комбинаций, из которых он не выходил вплоть до прихода гитлеризма»[1]. Определенное значение имело и изменение настроений британской общественности. Советский посол в Лондоне И. М. Майский отмечал, что с начала 1934 г. в Великобритании возросло понимание того, что нацистская Германия представляет собой «более непосредственную опасность для европейского мира, чем СССР». Да и среди находившихся у власти консерваторов уже сложилась группа сторонников ужесточения курса в отношении Германии, в которую, в частности, вошли У. Черчилль, А. Иден, О. Чемберлен. Однако большинство членов кабинета министров во главе с Болдуином по-прежнему выступали за политику компромиссов с Берлином. Поэтому, поддержав в целом идею заключения Восточного пакта с участием СССР, Великобритания вместе с тем настоятельно потребовала привлечения к нему Германии и заключения с ней гарантийного договора, аналогичного советско-французскому, с тем чтобы ни в коем случае не изолировать ее. Барту был вынужден согласиться с этой схемой, которую, однако, еще предстояло согласовать с СССР.

И в Париже, и в Москве не питали иллюзий относительно подлинной позиции нацистской Германии по вопросу о Восточном пакте; смысл же предпринимаемого ими политического маневрирования заключался в том, чтобы разоблачить демагогию Гитлера, громко кричавшего, будто бы Франция «проводит линию на окружение» его страны и сама провоцирует войну в Европе. Именно поэтому советская сторона в июле 1934 г. согласилась участвовать не в двустороннем советско-французском гарантийном пакте, как это планировалось с самого начала, а в трехстороннем договоре с участием Германии, гарантирующем Восточный пакт, на чем настаивала Великобритания. Новому советскому послу в Берлине Я. З. Сурицу были даны указания действовать таким образом, чтобы у немцев не сложилось впечатление, будто бы «мы не хотим участия Германии в пакте и предпочли бы заключение пакта без Германии, рассматривая его как антигерманское соглашение». Между тем отношение в Берлине к идее Восточного пакта было вполне прогнозируемым. Нацисты вовсе не желали участвовать в соглашении, направленном на укрепление Версальского порядка, и тем самым содействовать советско-французскому сближению.

[1] СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы: Сборник научных статей. М., 2003. С. 19.

В июне 1934 г. германский министр иностранных дел Нейрат заявил в одной приватной беседе, что его правительство, «конечно, не примет его [Восточный пакт], так как это согласие свелось бы к тому, что Германия явилась бы игрушкой в руках Парижа и Москвы»[1].

В июне 1934 г. СССР и Франция окончательно согласовали проект Восточного пакта, после чего он был направлен в Прагу и Варшаву, а также доведен до сведения Лондона, Рима и Берлина. Полное одобрение идея пакта получила в Чехословакии, которая выразила согласие подписать его независимо от позиции Германии.

«Обстановка в Европе, несомненно, абсолютно изменится, если Россия окончательно включится в европейскую политику, и особенно после того, как она вступит в Лигу Наций. Возникнет новое соотношение сил. Франция в каждом своем конфликте с Германией не будет постоянно находиться перед двумя арбитрами — Великобританией и Италией, которые всегда заставляют ее идти на компромисс. Кроме Малой Антанты и самостоятельных Балкан у нее будет еще и Россия, с которой она сможет договариваться и маневрировать, особенно учитывая нынешнюю политику Польши».

Э. Бенеш, министр иностранных дел Чехословакии, июнь 1934 г.

Польское руководство заняло совершенно иную позицию. Поэтому визит Барту в Варшаву, чьи отношения с Парижем после подписания польско-германской декларации налаживались с большим трудом, имел для дела заключения Восточного пакта принципиальное значение. Французский министр убеждал упиравшихся поляков в необходимости использовать благоприятный момент, когда СССР, обеспокоенный японской агрессией на Дальнем Востоке и угрозой со стороны нацистской Германии, стал проявлять интерес к сотрудничеству с западными державами, и именно сейчас было бы очень полезно связать Москву договорными обязательствами. Барту доказывал, что в случае конфликта Польши либо с Германией, либо с СССР эти договоры позволили бы Франции оказать ей гораздо более эффективную помощь. Однако добиться своего ему так и не удалось. Поляки обусловили свое участие в Восточном пакте непременным участием в нем и Германии, что на деле было равносильно отказу.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

В августе 1934 г. Германия сформулировала собственные условия участия в Восточном пакте, главными из которых были признание ее равноправия в вооружениях, а также отказ Франции от роли гаранта одновременно За-

[1] Чему свидетели мы были. Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940: Сборник документов. Кн. 1. С. 176.

падного и Восточного Локарно. Эти заведомо неприемлемые условия фактически означали отрицательный ответ Берлина.

Вслед за немцами от участия в Восточном пакте официально отказалась и Польша. В Варшаве также уклонились от обсуждения вопроса о предоставлении гарантий ненападения Чехословакии и Литве, с которыми у нее имелись нерешенные территориальные проблемы. Из государств Восточной Европы об участии в Восточном Локарно заявила лишь Чехословакия. Литва, Латвия и Эстония, не желавшие идти на военное сотрудничество с Москвой, обставили свое предварительное согласие многочисленными оговорками, а Финляндия, не дав определенного ответа, по существу заняла отрицательную позицию.

5.8. Вторая «полоса признаний» Советского государства. Вступление СССР в Лигу Наций

Нарастание военной угрозы и сближение Советского Союза с Францией и Италией способствовали нормализации его отношений с рядом стран Восточной Европы. В июне 1934 г. СССР установил дипломатические отношения с союзными Парижу государствами Малой Антанты — Чехословакией и Румынией. Непреодолимым препятствием для урегулирования отношений с последней долгое время оставалась бессарабская проблема. Однако советское руководство сочло возможным пойти навстречу Бухаресту и «умолчать о спорных вопросах», отложив их разрешение до лучших времен. При содействии Муссолини Москва в феврале 1934 г. установила дипломатические отношения с Венгрией, а в сентябре того же года — с Албанией. Кроме того, Советский Союз в июле 1934 г. при активной поддержке Парижа установил дипломатические отношения с Болгарией, а в июле 1935 г. — с французской союзницей Бельгией. Теперь он был признан подавляющим большинством государств Европы (за исключением Голландии, Португалии, Швейцарии и Югославии).

Хотя в ходе переговоров о Восточном пакте в Москве и дали принципиальное согласие на вступление в Лигу Наций, советская сторона вначале настаивала на предварительном заключении договоров о взаимопомощи. Однако ввиду того, что переговоры о них явно затягивались, Сталин согласился с предложением Литвинова снять это условие, оставив вместе с тем ряд обязательных требований, призванных обеспечить великодержавный статус СССР в этой организации. Так, в частности, Советский Союз должен был получить официальное приглашение вступить в Лигу; ему предоставлялось бы место постоянного члена Совета Лиги; советский представитель становился бы одним из заместителей Генерального секретаря.

Приему Советского Союза в Лигу всячески содействовали Франция и Чехословакия. Всю необходимую подготовительную работу взяли на себя Барту и Бенеш, занимавший в то время пост председателя Совета Лиги. 15 сентября 1934 г. 30 членов Лиги Наций по инициативе Франции обратились к СССР

с приглашением о его вступлении в эту организацию. Москва сразу же дала свое согласие. 18 сентября 1934 г. Ассамблея Лиги Наций большинством голосов постановила принять Советский Союз и предоставить ему как великой державе постоянное место в Совете. Против голосовали только Португалия, Голландия и Швейцария. Одним из заместителей Генерального секретаря Лиги был назначен советский дипломат М. И. Розенберг.

При вступлении в Лигу СССР отметил свое несогласие с некоторыми аспектами ее деятельности, в частности с мандатной системой. Он также заявил, что не может взять на себя ответственность за все предыдущие решения и договоры, принятые и заключенные членами Лиги без его участия. Наконец, он сделал оговорку о том, что считает арбитражные процедуры, предусмотренные статьями 12 и 13 Устава, обязательными для себя лишь по спорам, возникшим после его вступления в Лигу.

В Москве не скрывали своего скептицизма относительно реальных возможностей Лиги Наций влиять на политический процесс. Тем не менее здесь надеялись, что в условиях кризиса Версальского порядка и выхода из Лиги агрессивных государств эта организация сможет внести конструктивный вклад в укрепление международной безопасности. Она получила возможность, по выражению Сталина, «хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело мира».

В СССР также рассчитывали использовать трибуну Лиги для пропаганды своей внешней политики, антивоенных и антифашистских идей. Выступая в январе 1935 г. в Женеве, Литвинов провозгласил ставший широко известным тезис о неделимости мира.

«Пора признать, что нет безопасности лишь в собственном мире и спокойствии, если не обеспечен мир соседей — ближних и дальних... Мир не может быть обеспечен лишь субъективными высказываниями и декларациями... Он может быть лишь результатом коллективных усилий и коллективных материальных гарантий».

Из выступления М. М. Литвинова в Женеве на сессии Ассамблеи Лиги Наций, январь 1935 г.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Вступив в Лигу Наций, Советский Союз перешел на позиции защитника Версальского порядка и стал по существу одним из его гарантов.

5.9. Продолжение советско-французских переговоров после убийства Барту. Женевский протокол

Отказ Германии от участия в Восточном пакте не остановил Барту; напротив, он стал еще активнее работать над его созданием. Пугая поляков угрозой

изоляции и перспективой заключения двустороннего советско-французского договора в случае провала проекта Восточного Локарно, он не прекращал контакты и с немцами. Переговоры с Польшей и Германией с целью их вовлечения в Восточный пакт продолжались до октября 1934 г., но положительных результатов не дали. 9 октября 1934 в Марселе в результате покушения хорватских националистов на прибывшего во Францию с официальным визитом короля Югославии Александра I находившийся рядом с королем Барту был смертельно ранен. Трагическая гибель Барту, доказавшего своей деятельностью искреннюю приверженность курсу на сотрудничество с СССР в борьбе с нацистской угрозой и сумевшего установить доверительные отношения с Литвиновым, стала тяжелой потерей для дела укрепления европейской безопасности и развития советско-французского политического сотрудничества. Занявший в ноябре 1934 г. пост министра иностранных дел в новом правительстве Франции П. Лаваль, в отличие от Барту, прохладно относился к идее Восточного пакта. Он верил в возможность сохранения европейского единства на основе компромисса с гитлеровской Германией. Сложившаяся ситуация осложнялась еще и тем, что общественность Франции была настроена в отношении договора с СССР весьма критически; против него выступала и значительная часть ее политической элиты.

В Москве чутко уловили перемену настроений в Париже. Было решено взять инициативу в свои руки и добиться от нового руководства Франции большей определенности в вопросах двусторонних отношений и Восточного пакта. Все точки над «i» были расставлены в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «Об отношениях с Францией», где была определена позиция СССР в дальнейших советско-французских переговорах.

«а) Признать возможным заключение Восточного пакта без Германии и Польши (на чем СССР настаивал ранее) в случае согласия на это Франции и Чехословакии или одной Франции. б) Никаких предложений о легализации вооружений Германии по нашей инициативе не делать... в) Предложить Франции соглашение об обоюдном обязательстве СССР и Франции не заключать никаких политических соглашений с Германией без предварительного взаимного извещения, а также о взаимном информировании о всякого рода политических переговорах с Германией».

Из постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об отношениях с Францией», ноябрь 1934 г.

В результате решительного демарша советской стороны Лаваль согласился заключить предложенное ею промежуточное соглашение. Оно было подписано 5 декабря 1934 г. в Женеве и получило название Протокола по вопросам, касающимся переговоров о Восточном пакте. В нем стороны обязались не вести с другими державами какие-либо переговоры, наносящие ущерб подготовке и заключению Восточного пакта, а также договорились информировать друг

друга по данному вопросу. Два дня спустя к этому документу присоединилась и Чехословакия. Женевский протокол, по существу, открывал путь к заключению двустороннего советско-французского договора о взаимопомощи.

5.10. Первая попытка аншлюса Австрии. Франко-итальянское сближение

Советско-французское сближение и переговоры о Восточном пакте не испугали Гитлера. Он вовсе не собирался сворачивать с избранного им пути. Одной из приоритетных внешнеполитических задач, которую фюрер собирался решить в самые короткие сроки, было присоединение к Германии Австрии. Выступая в рейхстаге 30 января 1934 г., он открыто предъявил свои притязания на эту страну, прямо назвав ее «составной частью Германской империи».

В самой Австрии, утратившей после Первой мировой войны имперский статус, объективно существовала почва для настроений в пользу объединения с Германией. И хотя нацистскую идеологию разделяла лишь небольшая часть австрийского общества, пангерманские настроения в межвоенный период получили здесь широкое распространение. Все политические партии страны, за исключением коммунистов, считали австрийцев частью единого немецкого народа, а Австрию — вторым германским государством. Выдвинутый компартией с целью предотвратить аншлюс тезис о существовании самостоятельной австрийской нации не получил широкой общественной поддержки.

Канцлер Э. Дольфус, не раз говоривший об австрийцах: «Мы немцы и чувствуем себя как немцы», в то же время отнюдь не являлся сторонником объединения с нацистской Германией и стремился отстоять суверенитет своей страны. В 1933 г. он распустил парламент и запретил деятельность как левых партий (коммунистов и социал-демократов), так и субсидируемых из Берлина австрийских национал-социалистов. Во внешней политике Дольфус ориентировался на Италию, которая выступала главным гарантом и защитником суверенитета Австрии.

Муссолини вовсе не хотел получить на своих границах вместо маленького буферного Австрийского государства сильную и опасную Германию. Кроме того, он резонно опасался, что фюрер может впоследствии предъявить претензии и на отошедшие к Италии, согласно решениям Парижской конференции, бывшие австрийские территории (Южный Тироль), где проживало немецкое меньшинство. Поэтому итало-германские отношения, несмотря на схожесть господствовавших в обеих странах идеологий, в первые два года пребывания нацистов у власти в Германии оставались весьма натянутыми.

Январское выступление Гитлера не осталось незамеченным. В ответ на него Великобритания, Франция и Италия опубликовали совместное коммюнике, в котором заявили о необходимости сохранения независимости и территориальной целостности Австрийского государства в соответствии с действующими договорами. Тем не менее уже в июле 1934 г. была предпринята первая

попытка аншлюса Австрии. С благословления Берлина австрийские нацисты попытались совершить государственный переворот. Группа вооруженных боевиков ворвалась в венскую резиденцию главы правительства, взяла в заложники несколько министров и смертельно ранила канцлера Дольфуса. Однако заговорщики, рассчитывавшие на поддержку Германии, явно переоценили свои возможности. Австрийским властям удалось быстро восстановить контроль над столицей, а участники путча были арестованы.

Не последнюю роль в этих событиях сыграли решительные действия Муссолини. Обеспокоенный происходящим в Вене, он немедленно двинул итальянские войска к австрийской границе.

«Мы защищаем и впредь будем защищать независимость Австрийской республики».

Б. Муссолини, июль 1934 г.

Его слова прекрасно расслышали в Берлине. В последний момент Гитлер дрогнул и не решился оказать заговорщикам ожидаемой поддержки, а после провала переворота Германия даже была вынуждена осудить убийство Дольфуса.

Предпринятая нацистами первая попытка аншлюса способствовала улучшению отношений между Францией и Италией. Пришедший на смену Барту П. Лаваль взял курс на установление тесного франко-итальянского сотрудничества, рассчитывая с его помощью ограничить подрывную деятельность нацистской Германии в Европе. Ради создания желанного альянса с Италией Лаваль был готов как можно быстрее разобраться с наследием прошлого и добиться разрешения противоречий между двумя державами даже ценой серьезных уступок Италии, в первую очередь в колониальных вопросах.

В ноябре 1934 г. начались франко-итальянские переговоры, завершившиеся в январе 1934 г. встречей Лаваля и Муссолини в Риме. Руководители двух государств подписали декларацию о дружбе и так называемые Римские протоколы, в их числе — конвенцию о взаимном уважении территориальной целостности стран Центральной Европы и проведении консультаций в случае угрозы независимости Австрии. Стороны достигли также секретной договоренности о совместных военных мероприятиях двух стран в случае действий Германии против Австрии или в Рейнской демилитаризованной зоне. Кроме того, был подписан документ об исправлении границы между их колониями в Африке, предусматривавший довольно существенные французские территориальные уступки. Италии передавались более 110 тыс. кв. км Французской Сахары на границе с Ливией. В ее пользу была также исправлена граница между Французским и Итальянским Сомали. Итальянцы получили и принадлежавший ранее французам контрольный пакет акций единственной в Восточной Африке железной дороги Джибути—Аддис-Абеба. Со своей стороны Италия отказалась от притязаний на Тунис, получив взамен статус наибольшего благоприятствования в этом французском протекторате.

В ходе переговоров Лаваль также признал предпочтительные интересы Италии в Эфиопии, неофициально дав понять Муссолини, что с пониманием относится к его аннексионистским планам в отношении этого африканского государства. Таким образом, пытаясь направить экспансию Италии за пределы Европейского континента, Франция одновременно стремилась наладить с ней тесное сотрудничество в деле сохранения статус-кво в Центральной Европе и на Балканах.

Римские соглашения были ратифицированы парламентами двух стран и получили одобрение в Лондоне. Вскоре после их подписания состоялись итало-французские военные переговоры, в результате которых были заключены две двусторонние конвенции о военном сотрудничестве. В июне 1935 г. они были дополнены секретным соглашением о демилитаризации итало-французской границы, что позволило Франции высвободить дополнительно 10 дивизий, перебросив их в район ее границы с Германией.

Тем не менее, несмотря на многообещающее начало, франко-итальянское сближение все же не стало основой для создания прочного политического альянса. Между двумя державами сохранялись серьезные противоречия в Африке, районе Средиземноморья и на Балканах. Хотя Париж и был заинтересован в Италии как политическом партнере, он не мог предоставить ей полную свободу рук в этих регионах, как того желал Муссолини.

5.11. Курс Гитлера на окончательный отказ от Версальского договора и реакция западных держав. Конференция в Стрезе

С первых дней прихода к власти нацисты взяли курс на скорейшее перевооружение и милитаризацию Германии. Ее военные приготовления с каждым месяцем становились все более интенсивными и явными. К началу 1935 г. численность германских вооруженных сил достигла уже почти 500 тыс. человек, что в пять раз превышало пределы, установленные Версальским договором.

Заметной вехой на пути укрепления международных позиций Германии стало решение в ее пользу судьбы Саарской области, 15-летний срок пребывания которой под управлением Лиги Наций истекал. Для Гитлера присоединение Саара было «делом чести». Накануне референдума по вопросу о статусе этой области нацисты развернули шумную кампанию за ее воссоединение с Германией. Попытки французов противодействовать нацистской пропаганде в Сааре после гибели Барту были свернуты. Незадолго до голосования Лаваль публично заявил о том, что «Франция не заинтересована в его исходе» и не намерена оказывать на жителей Саара никакого давления.

В итоге плебисцит превратился в политический триумф Гитлера. 13 января 1935 г. за присоединение к Германии высказалось более 90% населения Саар-

ской области (за присоединение к Франции — всего 4% и еще 6% — за сохранение статус-кво, управление Лигой Наций). 1 марта 1935 г. это решение было утверждено Советом Лиги.

Легко присоединив Саар, Гитлер решил, что пришло время «легализовать» уже фактически воссозданную германскую армию. 13 марта 1935 г. председатель рейхстага Г. Геринг официально объявил о существовании германской военной авиации, создание которой было запрещено Версальским договором. Поскольку со стороны Великобритании и Франции никакого протеста не последовало, Гитлер решился на еще более радикальный шаг. 16 марта 1935 г. в нарушение статьи 173 Версальского договора он подписал декрет о введении в Германии всеобщей воинской повинности и создании «вермахта мирного времени» в составе 36 дивизий численностью 550 тыс. человек.

Прекрасно понимая всю рискованность этого решения, фюрер в очередной раз попытался прибегнуть к миролюбивой риторике, а также сыграть на антисоветских настроениях правящих кругов западных стран. Он публично заявил, что готов гарантировать границы всех соседних с Германией государств, но никогда не предоставит подобных гарантий СССР.

Одностороннее аннулирование Берлином военных статей Версаля не могло не вызвать ответной реакции в западных столицах. Франция объявила об увеличении срока службы в ее вооруженных силах с одного до двух лет, а затем совместно с Великобританией направила Германии ноту протеста, к которой вскоре присоединилась и Италия. 24 марта 1935 г. Берлин посетили британский министр иностранных дел Д. Саймон и лорд-хранитель печати А. Иден. В ходе состоявшихся переговоров Гитлер, стараясь снять озабоченность британских представителей, убеждал их, что единственной причиной наращивания германских военных приготовлений якобы является угроза со стороны СССР. К предложению Лондона подумать о вхождении Германии в систему коллективной безопасности Гитлер отнесся отрицательно. Со своей стороны он предложил всем участникам Локарнских соглашений подписать воздушный пакт на основе принципа равенства сил английской, французской и германской авиации, а также выразил готовность заключить с Великобританией и Францией двусторонние пакты о ненападении и арбитражные соглашения о мирном урегулировании споров.

Разъяснения и предложения фюрера не удовлетворили британскую сторону. Из Берлина Иден прибыл в Москву, став таким образом первым британским министром, посетившим Советское государство после 1917 г. 28 марта 1935 г. он был принят в Кремле. В ходе состоявшейся продолжительной беседы Сталин заявил ему, что Советский Союз не стремится к изоляции Германии и хочет поддерживать с ней дружественные отношения. В то же время СССР не удовлетворится заключением с ней одного лишь пакта о ненападении, если вдруг получит подобное приглашение, поскольку после прихода нацистов к власти эта держава перестала соблюдать свои международные обязательства.

«Германцы — великий и храбрый народ... Этот народ нельзя было надолго удержать в цепях Версальского договора... Однако формы и обстоятельства этого освобождения от Версаля таковы, что способны вызвать у нас серьезную тревогу, и для того, чтобы предупредить возможность каких-либо неприятных осложнений, сейчас нужна известная страховка. Такой страховкой и является Восточный пакт».

И. В. Сталин в беседе с А. Иденом, 28 марта 1935 г.

Из Москвы Иден направился в Варшаву, где попытался убедить польское руководство изменить свое негативное отношение к идее коллективной безопасности. На это ему было заявлено, что, несмотря на нарушение Гитлером военных статей Версаля, Польша не будет поддерживать «каких-либо антигерманских комбинаций» в Центральной и Восточной Европе и намерена продолжать взятый в 1934 г. курс на развитие дружественных отношений с Германией. В Чехословакии — последней стране европейского турне Идена — к нацистской угрозе относились гораздо серьезнее. Бенеш подтвердил твердую приверженность Праги идее Восточного пакта и выразил надежду на ее скорое практическое воплощение.

Поездка Идена, носившая преимущественно ознакомительный характер, не привела к корректировке внешнеполитической линии Великобритании в Европе. В Лондоне убедились, что ни Германия, ни Польша не станут участвовать в Восточном пакте; без них же для британских консерваторов, оставшихся на позициях поддержания европейского единства любой ценой, этот проект интереса не представлял.

Вместе с тем западные державы — гаранты Версальского и Локарнского договоров — попытались выработать единую позицию в отношении спровоцированного Гитлером международного кризиса. С этой целью 11–14 апреля 1935 г. в итальянском городке Стреза собралась международная конференция с участием премьер-министров Великобритании, Франции и Италии. На ней Великобритания и Италия поддержали меморандум, направленный Францией в адрес Совета Лиги Наций и осуждающий односторонние действия Германии по отмене военных статей Версальского договора. В совместной декларации три державы в очередной раз осудили практику нарушения международных договоров, предложив Берлину впредь не прибегать к «методу их одностороннего аннулирования» и решать подобного рода вопросы путем «добровольно ведущихся переговоров». По инициативе итальянской стороны на конференции было принято трехстороннее заявление в защиту независимости и территориальной целостности Австрии. Участники конференции подтвердили свою верность Локарнским соглашениям, а также выразили готовность заключить с Германией воздушный пакт. В то же время предложение Франции о применении тремя державами совместных санкций в отношении Германии в случае новых нарушений ею своих международных обязательств по требованию британской стороны было отклонено.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Конференция в Стрезе стала единственной попыткой трех ведущих держав — гарантов Версальского порядка — выступить с согласованной позицией в отношении агрессивных действий Германии. В европейской прессе даже заговорили о «фронте Стрезы» — «фронте мира, способном предотвратить войну». Однако по главному вопросу конференции — о формах и способах противодействия нацистской Германии — никаких решений принято не было. Обсуждение этого вопроса по существу свелось лишь к очередному обмену мнениями.

Вернувшись из Стрезы, Муссолини с горечью заметил: «Консультации — последнее прибежище нерешительности перед лицом реальности».

17 апреля 1935 г. действия Берлина были рассмотрены на заседании Совета Лиги Наций, который постановил создать комитет для разработки экономических и финансовых санкций против Германии в случае нового нарушения ею послевоенных договоров. Однако никаких практических последствий это решение не имело.

5.12. Заключение советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи

События 16 марта 1935 г. резко изменили политическую атмосферу во Франции. В ответ на вызов немцев на волне всеобщего возмущения Лаваль был вынужден принять решение и подписать договор о взаимопомощи с СССР, о чем было публично объявлено накануне конференции в Стрезе. Однако это решение вовсе не означало принципиальной перемены во внешней политике Парижа. Проходившие в течение апреля 1935 г. советско-французские переговоры по согласованию текста договора оказались весьма нелегкими. Французская сторона настаивала на том, чтобы договор о взаимопомощи с Советским Союзом был жестко привязан к Уставу Лиги Наций и мог вступить в действие только с одобрения ее Совета. Это означало, что Лаваль не желает заключать с СССР подлинный оборонительный союз, а стремится получить лишь средство политического давления на Германию с целью принудить ее считаться с Францией.

«Не следует возлагать на пакт серьезных надежд в смысле действительной военной помощи в случае войны. Наша безопасность по-прежнему остается исключительно в руках Красной Армии. Пакт для нас имеет преимущественно политическое значение, уменьшая шансы войны как со стороны Германии, так и Польши с Японией... Если встать на эту точку зрения, то те или иные формулировки статей... значительно теряют в своем значении».

Из письма М. М. Литвинова в Политбюро ЦК ВКП(б), апрель 1935 г.

Однако в Кремле не хотели идти на уступки французам и настаивали на автоматическом вступлении договора в действие в случае агрессии. Когда советско-французские споры достигли наибольшего накала, Лаваль ясно дал понять, что не примет советский проект договора.

> «Моей целью является предотвратить войну, а не провоцировать ее. Это такой пакт, который должен стать частью необходимой организации коллективной безопасности в Европе, но который не должен быть направлен против какой-либо страны».
>
> *Из заявления П. Лаваля М. М. Литвинову, апрель 1935 г.*

Заявление Лаваля ясно свидетельствовало о том, что французское руководство недооценивало всей глубины произошедших в Европе перемен и было не готово к радикальному повороту в своей политике, надеясь старыми методами удержать ситуацию в рамках существующего международного порядка. Тем не менее и в Париже, и в Москве заключение двустороннего договора считали политически выгодным. В итоге сторонам все же удалось прийти к согласию и выработать взаимоприемлемый документ.

Договор о взаимной помощи между Советским Союзом и Францией был подписан в Париже 2 мая 1935 г. Статья 1 договора предусматривала проведение консультаций между двумя странами в случае, если для одной из них возникала бы угроза нападения со стороны какой-либо европейской державы. В статье 2 говорилось, что если «СССР или Франция явились бы... предметом невызванного нападения со стороны какого-либо европейского государства, Франция и взаимно СССР окажут друг другу немедленно помощь и поддержку». Вместе с тем помощь должна была оказываться только после того, как Совет Лиги Наций квалифицировал акцию третьей державы как агрессию; иными словами, обязательство о взаимопомощи не вступало в силу автоматически. Советской стороне удалось настоять лишь на включении в протокол подписания положения, согласно которому в случае, «если... Совет не вынесет по той или иной причине никакой рекомендации, и если он не достигнет единогласия, то обязательство помощи тем не менее будет выполнено».

Действие пакта ограничивалось пределами Европы, поскольку французская сторона не желала быть втянутой в возможный советско-японский конфликт.

В протоколе подписания подчеркивалось, что договор явился результатом переговоров, начатых с целью заключения многостороннего соглашения о безопасности с участием ряда европейских стран, в том числе и Германии. И хотя такое соглашение не было достигнуто, СССР и Франция по-прежнему считали его крайне желательным.

13–15 мая 1935 г. Лаваль посетил с официальным визитом Москву. В ходе его переговоров с советскими руководителями стороны вновь под-

твердили приверженность курсу на коллективную безопасность. В этой связи была отмечена необходимость разработки и подписания военной конвенции, которая конкретизировала бы формы предоставления и объемы военной помощи.

16 мая 1935 г. в Праге был подписан договор о взаимопомощи между Советским Союзом и Чехословакией. Он был идентичен советско-французскому, за исключением статьи 2 протокола подписания, предусматривавшей, что СССР сможет оказать помощь Чехословакии только в том случае, если помощь ей окажет и Франция. Данное положение было включено в протокол по инициативе советской стороны. «Я сделал это, — вспоминал впоследствии Литвинов, — ибо считал невыгодным для СССР брать на себя столь тяжелое обязательство, если он будет вынужден один на один воевать с Германией лишь при незначительной помощи, которую способна оказать Чехословакия. Бенеш не возражал против моей оговорки»[1]. В то же время предоставление Советским Союзом военной помощи Чехословакии было затруднено ввиду отсутствия общей границы между двумя странами. Красная армия могла попасть в союзное государство, только пройдя через территорию Польши или Румынии, а их согласие на проход советских войск еще предстояло получить. Что касается помощи Франции, Чехословакия могла рассчитывать на нее в соответствии с двусторонним договором о взаимопомощи, заключенным в 1925 г. в Локарно.

Характеризуя подписанный договор, Литвинов отмечал: «Хотя действительная помощь по пакту проблематична с французской стороны — вследствие подчинения ее Локарно и решениям Совета Лиги Наций, а с нашей — вследствие отсутствия [общих] границ, пакт будет иметь большое политическое значение в качестве фактора, уменьшающего соблазн нападения со стороны Германии»2.

После заключения договоров о взаимопомощи советское руководство продолжило линию на сближение с Францией. Политбюро ЦК ВКП(б) поддержало демарш Парижа, нацеленный на продолжение переговоров о Восточном пакте.

> «Предоставить инициативу возобновления переговоров о Восточном региональном пакте Франции. Предложить ей выяснить при этом состав участников пакта».
>
> *Из постановления Политбюро ЦК ВКП(б), июнь 1935 г.*

Данное решение свидетельствовало о том, что в Москве не теряли надежды совместно с Францией бороться за укрепление международной безопасности и противостоять угрозе войны в Европе.

[1] АВП РФ. Ф. 03. Оп. 24. П. 176. Д. 2. Л. 84.

[2] Документы внешней политики СССР. Т. 18. С. 292.

5.13. VII конгресс Коминтерна

Углубление кризиса Версальско-Вашингтонской системы и связанные с этим перемены во внешней политике СССР не могли не отразиться и на политической линии Коминтерна. Установление нацистской диктатуры в Германии означало полный провал его прежней тактики. В Исполкоме Коминтерна началась разработка новой программы действий, которая отвечала бы изменившимся международным реальностям. Значительную роль в этом процессе сыграл видный болгарский коммунист, герой антинацистского сопротивления Г. Димитров. Находясь в 1933 г. в Германии, он был арестован и обвинен в организации поджога Рейхстага. Однако на открытом суде в Лейпциге Димитров и несколько его товарищей, умело и мужественно защищаясь, сумели доказать несостоятельность выдвинутых против них обвинений и были оправданы. Приехав в СССР в 1934 г., Димитров в ходе встреч со Сталиным убеждал его в необходимости заключения тактических союзов между коммунистами и другими левыми силами.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

В июле—августе 1935 г. в Москве состоялся VII конгресс Коминтерна. Г. Димитров, избранный на пост Генерального секретаря Исполкома этой организации, выступил на конгрессе с программным докладом. В нем первоочередной задачей мирового коммунистического движения признавалась борьба с фашизмом. Прежний тезис о социал-демократии как разновидности фашизма был снят с повестки дня. Компартиям рекомендовалось создавать широкие политические коалиции — Народные фронты — с участием других левых партий, включая и социал-демократические. Они были призваны бороться против установления фашистских диктатур, выступать в защиту мира, за сохранение демократических свобод[1].

Решения VII конгресса Коминтерна способствовали росту популярности и влияния ряда европейских компартий[2]. Отодвинув на второй план установку на мировую социалистическую революцию, коммунисты заявили о себе как бескомпромиссные идейные противники фашизма и сила, готовая ему противостоять. Эта позиция выгодно отличала их от партий либерально-демократического лагеря, по-прежнему не исключавших возможность компромисса с Гитлером. В то же время, исходя из того, что деятельность Комин-

[1] В 1936–1939 гг. правительства Народного фронта с участием или при поддержке коммунистов пришли к власти во Франции, Испании, Чили. В Китае коммунисты в 1937 г. образовали единый антияпонский фронт с Гоминьданом.

[2] Наибольших успехов добилась компартия Франции, которая, действуя под лозунгами Народного фронта, превратилась в середине 1930-х годов во влиятельную политическую силу. Ее численность в 1934–1937 гг. выросла с 30 тыс. до 330 тыс. человек, а число мест, полученных ею в парламенте, увеличилось с 12 до 72.

терна находилась под жестким контролем советского руководства, решения, принятые конгрессом, явились и дополнительным подтверждением серьезности намерений СССР сотрудничать с западными державами на антифашистской основе.

Литература

Основная

Документы внешней политики СССР. Т. 16. Док. № 332, 337; Т. 17. Док. № 138, 151, 154, 218, 397, 398, 417, 418; Т. 18. Док. № 205, 209, 220, 223, 224.

Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939 / Редкол. Г. Адибеков и др. М.: РОССПЭН, 2001. Док. № 207, 215, 219.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том первый. События. 1918–1945. М.: Моск. рабочий, 2000. Гл. 10.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том второй. Документы 1910–1940-х годов / Сост. А. В. Мальгин. М.: Моск. рабочий, 2000. Док. № 70–79, 81.

СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. Сборник научных статей / Редкол. М. М. Наринский (отв. ред.) и др. М.: МГИМО, 2003.

Дополнительная

Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность. 1929–1939. М.: Наука, 1976. Гл. 1–3.

Демидов С. В. Международные отношения в Европе в 1919–1939 гг. М.: Изд-во «Прометей» МПГУ, 2001. Гл. 5, 6.

Фест Й. Гитлер. Биография / Пер. с нем.: В 3 т. Пермь: Культурный центр «Альтейа», 1993. Т. 3. Гл. 1.

Haslam Jonathan. The Soviet Union and the struggle for collective security in Europe, 1933–39. N.Y.: St. Martin's Press, 1984. Ch. 1–3.

ГЛАВА 6

НАРАСТАНИЕ ВОЕННОЙ УГРОЗЫ В ЕВРОПЕ В 1935–1937 гг. ПОЛИТИКА УМИРОТВОРЕНИЯ

6.1. Англо-германское морское соглашение

Подписание Францией и Чехословакией договоров о взаимопомощи с СССР не стало поворотным событием, способным остановить развитие международного кризиса в Европе, и не привело к изменению политической линии западных держав. Их курс на поиск компромиссов с Германией оставался неизменным. Убедительным свидетельством этому стало подписание в июне 1935 г. англо-германского морского соглашения. Оно разрешало Германии построить надводный флот, равный 35% «общей морской мощи Британской империи», а также иметь подводный флот, равный британскому. Германия при этом соглашалась временно не превышать 45% тоннажа британского подводного флота, а также обещала не применять подводные лодки против торговых судов.

Приняв эти условия, Великобритания не только нарушала договоренности, достигнутые в Стрезе, но и фактически отказывалась от роли гаранта Версальского договора, санкционировав ревизию Гитлером его последней еще действовавшей военной статьи. (Теперь нетронутыми оставались только территориальные статьи Версаля.) Ее решение стало тяжелым ударом по всему послевоенному европейскому порядку. Оно было принято без консультаций с Лигой Наций и другим гарантом Версальского урегулирования — Францией, которая заявила по этому поводу официальный протест. Увеличение германского ВМФ до 35% британского означало, что его тоннаж возрастет в 5,5 раза и достигнет размеров французского флота. Франция, таким образом, оказывалась перед необходимостью коренной реконструкции своих военно-морских сил. Соглашение противоречило и интересам СССР, поскольку после его реализации германский флот мог бы претендовать на господство в Балтийском море. Нарком по иностранным делам Литвинов назвал этот документ «крупной победой Гитлера» и предположил, что тот будет придерживаться его условий «до тех пор, пока налагаемые ограничения не станет возможным превзойти».

На Даунинг-стрит[1] надеялись, что, подписав соглашение, Гитлер откажется от морского соперничества с Британской империей. Еще в 1934 г. здесь пришли к выводу о неспособности страны вести на море одновременно две войны — против Германии и против Японии, которая бросила вызов Великобритании, заявив в конце 1934 г. о своей решимости добиваться морского паритета с ней и США и выйдя из Вашингтонского договора пяти держав. В условиях обострившегося морского соперничества в Лондоне были очень довольны закрепленным в англо-германском соглашении соотношением флотов двух государств — 100:35 (накануне Первой мировой войны оно составляло 100:55). Однако при ближайшем рассмотрении это преимущество оказывалось иллюзорным. Для того чтобы увеличить военный флот в 5,5 раза, Германии пришлось бы до предела загрузить свои верфи как минимум на десять лет вперед. Неудивительно, что к началу Второй мировой войны ее флот был все еще в два раза меньше разрешенных лимитов. Кроме того, соглашение, в отличие от Вашингтонского и Лондонского морских договоров, не устанавливало никаких качественных ограничений — в первую очередь ограничения тоннажа линкоров в 35 тыс. т. Это позволило Германии немедленно приступить к строительству гигантских линкоров «Бисмарк» и «Тирпиц» водоизмещением в 45 тыс. т, которые после спуска на воду в 1939 г. стали самыми мощными военными кораблями в мире.

Таким образом, подписанное морское соглашение лишь подводило легальную базу под германские военные приготовления, никак не стесняя их на практике. Оно, по существу, явилось односторонней политической уступкой британской стороны, укрепившей уверенность фюрера в том, что с западными державами следует разговаривать с позиции силы.

6.2. Нападение Италии на Эфиопию. Кризис Лиги Наций

Нарастанием напряженности в Европе попыталась воспользоваться в собственных интересах фашистская Италия. Муссолини решил, что пришло время действовать и расширить ее колониальные владения, пусть даже силой оружия. Главным объектом итальянских аннексионистских устремлений была Эфиопия — на тот момент одно из двух, наряду с Либерией, независимых государств Африки, член Лиги Наций[2]. Занимая выгодное стратегическое положение в восточной части Африканского континента, она граничила с итальянскими колониями Эритреей и Сомали, что облегчало ее захват. Муссолини считал, что в условиях усиливающегося кризиса Версальской системы Великобритания и Франция более, чем когда-либо, заинтересованы в укреплении

[1] *Даунинг-стрит, 10* — резиденция британского премьер-министра в Лондоне.

[2] Эта страна до ее аннексии Италией официально называлась Абиссинией и была переименована колонизаторами в Эфиопию в мае 1936 г.

партнерских отношений с Римом и поэтому не станут препятствовать завоеванию Эфиопии.

В декабре 1934 г. на границе с Итальянским Сомали, в районе оазиса Уал-Уал произошел первый вооруженный инцидент. Эфиопия немедленно обратилась с жалобой на Италию в Лигу Наций, но ее рассмотрение ввиду противодействия западных держав утонуло в бюрократических процедурах: только в сентябре 1935 г. на заседании Совета Лиги был образован комитет, которому поручили подготовить свое заключение. Тем временем Италия развернула в Восточной Африке масштабные военные приготовления. Ее активность стала все больше беспокоить Великобританию, имевшую в этом регионе значительные колониальные интересы. В июне 1935 г. Иден на переговорах с Муссолини в Риме предложил компромисс: Эфиопия уступит Италии свою восточную провинцию Огаден, а Великобритания взамен предоставит ей выход к Красному морю, передав небольшую часть территории Британского Сомали. Дуче[1] отверг это предложение и ясно дал понять, что меньше чем на всю Эфиопию он не согласится. Пытаясь предотвратить надвигающуюся войну, эфиопский император (негус) Хайле Селассие I обратился за помощью к Соединенным Штатам, призвав их оказать давление на Рим и обеспечить выполнение пакта Бриана—Келлога. Однако эта просьба была ими отклонена, а в августе 1935 г. американский конгресс принял закон о нейтралитете, запрещающий поставки оружия и военных материалов всем воюющим государствам, что, по существу, ставило агрессора и его жертву в одинаковое положение[2].

3 октября 1935 г. 100-тысячная итальянская армия вторглась в Эфиопию. Эта открытая и неспровоцированная агрессия вызвала всеобщее международное осуждение. Уже 7 октября 1935 г. Совет Лиги Наций единодушно признал Италию агрессором и рекомендовал всем членам Лиги ввести против нее экономические санкции. 10 октября Ассамблея Лиги подавляющим большинством голосов поддержала это решение (за проголосовали 50 государств, против — одна Италия, а тесно связанные с ней Албания, Австрия и Венгрия воздержались). Первый и единственный раз в своей истории Лига Наций ввела в действие статью 16 Устава, причем против великой державы, являвшейся постоянным членом ее Совета. Был образован Координационный комитет («комитет 18-ти»), которому было поручено разработать конкретный набор санкций и определить методы их применения. В соответствии с его рекомендациями Совет Лиги ввел эмбарго на продажу Италии оружия, запретил предоставление ей займов, а также утвердил списки товаров, которыми было запрещено с ней торговать. Тем не менее система санкций оказалась далеко не всеобъемлющей. Вопрос о военных санкциях даже не ставился на обсуждение, а в список товаров, запрещенных к экспорту в Италию, не были включены важнейшие виды стратегического сырья — нефть, уголь, металлы. Без нефти же Италия, не имевшая ее собственных месторождений,

[1] *Дуче* (*ит.*: вождь, полководец) — официальный титул Муссолини.

[2] О законах США о нейтралитете подробнее см. главу 11.

просто не смогла бы продолжать боевые действия. Введенные Лигой санкции хотя и создавали для агрессора очевидные трудности (итальянская внешняя торговля за период их действия сократилась более чем в два раза), работали все же слишком медленно и не могли оказать решающего влияния на ход войны.

Ограниченный характер санкций был обусловлен позицией, занятой западными державами. Главным инициатором их введения стала Великобритания, что привело к серьезному ухудшению англо-итальянских отношений. И хотя официальный Лондон подверг действия режима Муссолини острой критике, прибегнуть к жестким мерам он все же не рискнул. Еще накануне конфликта кабинет Болдуина твердо решил, что не станет воевать с Италией из-за Эфиопии ни при каких обстоятельствах. Муссолини в свою очередь довел до сведения британской стороны, что любые ее попытки инициировать введение нефтяных санкций или закрыть для итальянских судов Суэцкий канал, через который осуществлялось снабжение экспедиционного корпуса, неминуемо приведут к вооруженному столкновению между двумя державами. Дуче был возмущен британской позицией, считая ее лицемерной и основанной на «двойных стандартах», — крупнейшая в истории колониальная империя читала ему моральные проповеди и отказывала в «праве» приобретать колонии. Франция со своей стороны уведомила англичан, что она не только не станет участвовать в нефтяных санкциях, но и воспротивится их принятию. В Париже очень не хотели ссориться с Италией, так как совсем недавно наладили с ней почти союзнические отношения, и присоединились к международным санкциям с большой неохотой. В результате «комитет 18-ти» так и не решился запретить продажу Италии нефти, упустив наиболее реальный шанс остановить боевые действия.

> «Если бы каналы нефтяного снабжения были перекрыты, мне пришлось бы прекратить войну в Восточной Африке в течение недели».
>
> *Б. Муссолини*

Советский Союз занял в эфиопском конфликте весьма осторожную позицию. В отличие от западных держав он не имел на востоке Африки никаких геополитических интересов, а с Эфиопией даже не поддерживал дипломатических отношений. С Италией у него, напротив, было налажено довольно тесное экономическое и политическое сотрудничество. Вместе с тем в Москве не могли закрыть глаза на совершенную режимом Муссолини агрессию.

> «Как бы ни хотелось нам не портить отношений с Италией, мы не можем не выступить против... затеваемой ею империалистической войны».
>
> *Из письма М. М. Литвинова И. В. Сталину, 5 октября 1935 г.*

Проголосовав в Совете Лиги за признание Италии агрессором, Советский Союз присоединился ко всем введенным против нее экономическим санкциям. Однако за их пределы он выходить не собирался, действуя с оглядкой на

позицию своего нового союзника — Франции и полагая, что инициатива в вопросе об ужесточении санкций должна исходить от западных держав, чьи интересы итальянская агрессия затрагивала в первую очередь. Представителю СССР в Лиге Наций было дано указание «не проявлять большей ретивости в санкциях, чем другие страны» и самому нефтяных санкций не предлагать[1]. Советские поставки нефти в Италию были продолжены. В декабре 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) отклонило просьбу Эфиопии о помощи оружием и военными специалистами (с мотивировкой: «Нам самим не хватает»). Все эти шаги были направлены на то, чтобы «не обострять отношений с Италией сверх абсолютно необходимого» и прежде всего удержать ее от сближения с нацистской Германией. До сведения Рима было доведено, что СССР поддержит любой вариант урегулирования конфликта, подготовленный как с участием Лиги Наций, так и без нее, если он устроит обе воюющих стороны.

Государства, не входившие в Лигу Наций, в том числе Германия, Япония, а также США, не принимали участия в санкциях. Соединенные Штаты в соответствии с законом о нейтралитете ввели эмбарго на поставки оружия обеим сторонам конфликта, что задевало главным образом интересы Эфиопии, поскольку она, в отличие от Италии, сама оружия не производила. Во время войны появились и первые признаки германо-итальянского сближения. В начале 1936 г. Муссолини заверил Гитлера в том, что «дух Стрезы» мертв и ни в каких антигерманских акциях он впредь участвовать не намерен.

6.3. Провал «плана Лаваля—Хора»

Западные державы в свою очередь были озабочены разработкой такого плана урегулирования конфликта, который позволил бы защитить, пусть и ценой значительных территориальных уступок, независимость Эфиопии и в то же время дать возможность итальянской стороне «сохранить лицо» и частично удовлетворить свои колониальные аппетиты. В декабре 1935 г. британский министр иностранных дел С. Хор и глава французского правительства Лаваль подписали в Париже два секретных соглашения: «Обмен территорий» и «Зона экономической экспансии и колонизации». Первый документ предусматривал возможность прекращения войны в Африке на условиях аннексии Италией уже завоеванной ею примерно одной трети эфиопской территории; Эфиопии же в качестве компенсации предлагалась узкая полоса земли с выходом к побережью Красного моря, выкроенная из состава Британского Сомали. Во втором соглашении предлагалось признать значительную часть независимой Эфиопии к югу от Аддис-Абебы сферой экономического преобладания Италии и расселения ее граждан. Англо-французский проект, во многом совпадавший с планом, предложенным Иденом еще на-

[1] Москва — Рим: Политика и дипломатия Кремля, 1920–1939: Сборник документов / Отв. ред. Г. Н. Севастьянов. М., 2003. С. 369.

кануне войны, был направлен Муссолини и Хайле Селассие и, безусловно, имел некоторые шансы на успех. Дела на фронтах у итальянцев складывались на тот момент не лучшим образом, да и внешнеполитические издержки войны в Африке оказались гораздо выше, чем предполагалось. Успешной реализации «плана Лаваля—Хора» помешала непредвиденная утечка сведений о нем в прессу. Возмущенная итальянской агрессией английская и французская общественность оказалась явно не готовой к подобным дипломатическим кульбитам. Ввиду разразившегося грандиозного скандала Хор был вынужден уйти в отставку, а кабинет Лаваля едва удержался у власти при голосовании вотума недоверия в Национальном собрании. Западные державы были вынуждены отказаться от дальнейших попыток поиска «прагматичных вариантов» урегулирования кризиса.

Рассекреченный план был отвергнут и эфиопской стороной. Однако в феврале 1936 г. негус, сознавая всю трагичность складывающегося положения, обратился к Великобритании с секретным посланием, в котором предлагал превратить Эфиопию в британский протекторат или же подмандатную территорию под эгидой Лиги Наций. Эти варианты, тоже сопряженные с утратой независимости, он считал меньшим злом, чем итальянская оккупация. Однако ввиду того, что эта инициатива могла спровоцировать англо-итальянский конфликт, она была отклонена Лондоном.

Муссолини очень спешил: он должен был во что бы то ни стало одержать победу до начала в мае 1936 г. очередного сезона дождей в Эфиопии — в противном случае война приобрела бы затяжной характер с неопределенным исходом. Численность армии вторжения, которую возглавил маршал П. Бадольо, была доведена до 300 тыс. человек. Итальянцы применяли варварские бомбардировки мирных населенных пунктов и неоднократно использовали химическое оружие (иприт). Эфиопская армия, не имевшая танков и авиации, вооруженная допотопными кремниевыми ружьями XIX в., не могла оказывать противнику длительное сопротивление. В апреле 1936 г. ее наиболее боеспособные дивизии были разбиты в сражении при Май Чоу, после чего исход войны был предрешен. Хайле Селассие покинул страну и на британском крейсере был вывезен в Лондон, где получил политическое убежище. В мае 1936 г. итальянские войска вступили в Аддис-Абебу, а Муссолини издал декрет об аннексии Эфиопии и принятии итальянским королем Виктором Эммануилом III титула эфиопского императора. Завоеванная страна была объединена с Эритреей и Сомали в единую колонию — Итальянскую Восточную Африку.

Итальянская агрессия против Эфиопии была классической и очень кровавой колониальной войной — за полгода боевых действий погибли около 300 тыс., а за последующие шесть лет оккупации — еще около 500 тыс. жителей Эфиопии.

В июле 1936 г. Совет Лиги отменил введенные против Италии экономические санкции, расписавшись тем самым в своем поражении.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

В результате войны расстановка сил в Европе существенно изменилась. Принцип коллективной безопасности, как и механизм санкций, заложенный в статье 16 Устава Лиги, вновь доказал свою неэффективность. Лига Наций была окончательно дискредитирована. Главные гаранты Версальской системы — Великобритания и Франция, занявшие во время конфликта двойственную позицию, не смогли ни защитить Эфиопию, ни сохранить дружественные отношения с режимом Муссолини. Политическое партнерство между западными державами и Италией было подорвано, и она стала постепенно дрейфовать в сторону нацистской Германии.

6.4. Австро-германское соглашение 1936 г.

Война в Эфиопии и начало политического сближения с Берлином не могли не сказаться на позиции Италии в австрийском вопросе. В начале 1936 г. Муссолини заявил германскому послу, что «стадия 1934 г.» прошла и в Риме готовы признать германское преобладание в Австрии и ее «немецкий характер» в обмен на гарантии нерушимости итальянской границы. Новому австрийскому канцлеру Шушнигу дуче посоветовал поскорее урегулировать отношения с Гитлером.

Лишившись главной внешнеполитической опоры, Австрия была вынуждена пойти на уступки. В июле 1936 г. было подписано германо-австрийское политическое соглашение. Австрия официально признавала себя «немецким государством», обязалась согласовывать с Берлином свою внешнюю политику и не препятствовать нацистской пропаганде на своей территории. Стороны высказались за развитие «особо близких» политических, экономических и гуманитарных связей. И хотя Германия в свою очередь согласилась не вмешиваться во внутренние дела южного соседа, к которым был отнесен и вопрос об австрийском нацизме, подобного рода декларация никого не могла ввести в заблуждение. Австрия переходила в орбиту политического влияния Третьего рейха, что явилось важной вехой на пути к ее последующему аншлюсу.

6.5. Ремилитаризация Рейнской зоны

Провалом политики западных держав в эфиопском кризисе поспешил воспользоваться Гитлер, решивший, что наступил подходящий момент для нового удара по послевоенному порядку. 7 марта 1936 г. Германия денонсировала Локарнские соглашения и ввела войска в Рейнскую демилитаризованную зону, спровоцировав острый международный кризис.

Формальным поводом для занятия вермахтом Рейнской области стала состоявшаяся 27 февраля 1936 г. ратификация нижней палатой французско-

го парламента договора о взаимопомощи с СССР, который, по утверждению Берлина, якобы был «несовместим» с Локарнскими соглашениями. Гитлер решил закамуфлировать давно задуманную акцию под ответные действия. Отдавая войскам приказ пересечь Рейн, он шел на серьезный, но заранее просчитанный риск. В военном отношении предпринятая им операция была полной авантюрой: Франция, располагавшая сильной 500-тысячной армией, в 1936 г. была все еще значительно сильнее Германии, которая только разворачивала военные приготовления. Поэтому 35-тысячный немецкий корпус, вступивший в демилитаризованную зону, имел приказ немедленно вернуться на исходные позиции в случае появления там французских войск.

> «Если бы французы двинулись в Рейнскую область, нам пришлось бы с позором отступить, поскольку силы, которыми мы располагали, были недостаточны даже для слабого сопротивления».
>
> *А. Гитлер*

В правовом отношении действия Германии представляли собой грубейшее нарушение как Версальского, так и Локарнского договора. В соответствии со статьей 2 Рейнского пакта они могли быть квалифицированы как «явная агрессия», что развязывало руки Франции в применении военной силы, а также обязывало гарантов Локарно — Великобританию и Италию — оказать ей немедленную помощь, включая военную.

Однако как Италия, так и Великобритания уклонились от выполнения обязательств по Рейнскому гарантийному пакту. Муссолини заявил, что Франции не следует рассчитывать на его помощь до тех пор, пока не будут отменены санкции, введенные Лигой Наций против Италии в связи с ее вторжением в Эфиопию. В Лондоне же не увидели «явной агрессии» в действиях Германии, поскольку она «не оккупировала чужих земель», а лишь «восстанавливала суверенные права» в отношении собственной государственной территории. Рейнскую зону англичане рассматривали как один из элементов устаревшего послевоенного порядка, выражая недовольство лишь формой, в которую была облечена германская акция, — внезапная, проведенная без предварительных консультаций, но отнюдь не ее существом. Французское предложение о введении международных экономических санкций против рейха («план Леже», названный по имени генерального секретаря французского МИДа) было ими отклонено. В конце концов западные державы решили ограничиться обращением в Лигу Наций с просьбой дать оценку германской акции.

Расчет Гитлера на бездействие гарантов Локарно оказался верным. Без их поддержки Франция, несмотря на наличие у нее договора о взаимопомощи с СССР, применить силу не решилась, ограничившись громкими протестами и дипломатическими демаршами. Начальник ее Генерального штаба генерал М. Гамелен, исходивший из завышенных оценок германской военной

мощи[1], убедил руководство страны в том, что Франция сможет предпринять против Германии какие-либо контрмеры, только проведя всеобщую мобилизацию, к чему в Париже оказались не готовы. Во французском обществе, глубоко травмированном Первой мировой войной, господствовали пацифистские настроения. В преддверии намеченных на май 1936 г. очередных парламентских выборов ни одна из основных политических партий не осмелилась выступить с непопулярным лозунгом силового отпора Германии. Особенности политического режима Третьей республики (сосредоточение основных властных рычагов в руках парламента, формируемого по «партийному принципу», узость полномочий главы государства, постоянные правительственные кризисы — в 1930-е годы здесь сменилось 19 кабинетов министров) крайне затрудняли проведение Парижем твердой и последовательной внешнеполитической линии.

Фюрер со своей стороны сделал ловкий дипломатический ход, предложив Франции и Бельгии вместо аннулированных им Локарнских соглашений заключить пакт о ненападении сроком на 25 лет под гарантии Великобритании и Италии, а также воздушный пакт о неприменении авиации против мирных целей. При этом он дал понять, что после полной ревизии Версаля, перевооружения армии и возвращения колоний Германия могла бы вновь вернуться в Лигу Наций. Эти инициативы не воспринимались всерьез самим нацистским руководством и нужны были ему лишь для выигрыша времени, что и было достигнуто. Великобритания тут же подыграла Гитлеру, рекомендовав Парижу вступить с ним в переговоры о заключении нового гарантийного пакта взамен Локарно. Совет Лиги Наций, осудив нарушение Германией международных договоров, тем не менее констатировал наличие у нее «доброй воли к сотрудничеству» и уклонился от введения против нее каких-либо санкций. Совет рекомендовал передать спор о «совместимости Локарнских соглашений и франко-советского договора» в Международный суд в Гааге, где тот и был в дальнейшем благополучно похоронен.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Рейнский кризис имел далекоидущие политические и военно-стратегические последствия. Он привел к серьезному ослаблению международных позиций Франции, подрыву доверия к ней со стороны восточноевропейских союзников и СССР, выявил упадок Франции как ведущей континентальной державы. После ликвидации демилитаризованной зоны — наиболее существенной геополитической гарантии против нацистской агрессии — она не только не получила ничего взамен, но и не рискнула предпринять против Германии каких-либо репрессивных действий, призванных хотя бы поддержать национальный престиж.

[1] По утверждению Гамелена, Германия якобы уже имела больше военной техники, чем Франция, а ее обученные военные резервы сравнялись с французскими.

В результате германские войска впервые после 1918 г. вышли на французскую границу, где сразу же было развернуто строительство мощной, широко разрекламированной полосы укреплений (линии Зигфрида). И если раньше демилитаризованная зона, делая Германию уязвимой перед наступлением с запада, сдерживала ее экспансионистские устремления на востоке, то теперь Франции было бы гораздо сложнее прийти на помощь своим союзникам — Польше и странам Малой Антанты. Они получили еще одно веское доказательство ненадежности профранцузской ориентации и неэффективности «тыловых союзов». «Если вы не в состоянии защитить себя, как вы сможете защитить нас?» — заявил своему французскому коллеге румынский министр иностранных дел Н. Титулеску, выразив в этом вопросе сомнения, охватившие Восточную Европу[1]. Они имели под собой основания: после ремилитаризации Рейнской области во Франции окончательно утвердилась оборонительная концепция, делавшая ставку на затяжную позиционную войну под прикрытием линии Мажино вне зависимости от развития обстановки на Восточном фронте. Еще один союзник Франции — Бельгия — 14 октября 1936 г. расторгла заключенный с ней в 1920 г. договор о взаимопомощи и провозгласила нейтралитет.

Исход Рейнского кризиса был во многом предопределен позицией Великобритании. Вместе с тем англичане вовсе не хотели терять Францию как одну из опор постверсальского равновесия и главный противовес Германии в Европе. Поэтому уже в марте 1936 г. они предложили ей договориться об оказании взаимной военной помощи по отражению агрессии. 1 апреля 1936 г. между двумя державами состоялся обмен официальными письмами, согласно которым Великобритания и Франция обязались предоставить друг другу помощь в случае неспровоцированного германского нападения. В апреле 1936 г. в Лондоне состоялись секретные двусторонние штабные переговоры, в ходе которых англичане пообещали начать высадку своего экспедиционного корпуса во Франции на 15-й день после начала боевых действий. Таким образом, впервые после Первой мировой войны обозначились контуры англо-французского оборонительного союза. Франция занимала в нем по существу подчиненное положение, уступив лидерство британской стороне.

6.6. Конференция в Монтрё

Еще одним проявлением углубляющегося кризиса Версальской системы стало обострение обстановки в Восточном Средиземноморье, где в районе Додеканезских островов, в непосредственной близости от турецкого побережья, Италия сосредоточила крупные военные силы. Муссолини, давно мечтавший об установлении господства на Средиземном море, готовился предъявить Турции свои территориальные претензии; превращение же Додеканезского архи-

[1] Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / Отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М.: Индрик, 1999. С. 338.

пелага в итальянскую военно-морскую базу создавало угрозу как для Суэцкого канала и британских морских коммуникаций, так и для зоны Черноморских проливов, которые, согласно Лозаннской конвенции 1923 г., не были укреплены. Сама конвенция в должной мере не обеспечивала безопасности Турции и других черноморских государств, поскольку оставляла незащищенные проливы открытыми для прохода военных кораблей любых других держав. Начиная с 1933 г. Турция неоднократно ставила вопрос о пересмотре Лозаннской конвенции и восстановлении своего суверенитета в зоне проливов. После ремилитаризации Рейнской зоны из Анкары прозвучали угрозы последовать примеру немцев и изменить статус проливов в одностороннем порядке.

В Лондоне долгое время возражали против пересмотра Лозаннской конвенции, опасаясь, что Турция, добившись своего, может впоследствии уступить давлению Москвы и закрыть проход в Черное море флотам западных держав в случае обострения их отношений с СССР. Однако ввиду резкого ухудшения своих отношений с Римом в период итало-эфиопского конфликта Великобритания была вынуждена искать поддержки у средиземноморских государств. В конце 1935 — начале 1936 г. она заключила «джентльменские соглашения» с Турцией, Грецией и Югославией, согласно которым стороны обязались прийти на помощь друг другу в случае их вооруженного конфликта с Италией, а британский военный флот получил разрешение пользоваться прибрежной инфраструктурой этих стран1. После этого англичане дали наконец согласие и на пересмотр конвенции о проливах.

В апреле 1936 г. Турция направила ноту всем государствам, участвовавшим в разработке Лозаннской конвенции, с предложением начать процесс ее пересмотра. Она обосновывала его необходимостью укрепления зоны проливов ввиду развернувшейся в мире гонки морских вооружений, а также уже очевидной ненадежности и неэффективности механизмов обеспечения коллективной безопасности, заложенных в Уставе Лиги Наций. Турецкую инициативу поддержали все заинтересованные стороны, за исключением Италии.

Конференция по определению нового режима Черноморских проливов проходила с 22 июня по 21 июля 1936 г. в Монтрё (Швейцария). В ней приняли участие все черноморские государства — Турция, СССР, Болгария и Румыния, а также Великобритания, Франция, Греция, Югославия, Япония и Австралия. Германия, не участвовавшая в подготовке Лозаннской конвенции 1923 г., не была приглашена в Монтрё, а Италия отказалась участвовать в конференции, потребовав предварительной отмены введенных против нее санкций Лиги Наций.

Работа конференции проходила в весьма напряженной обстановке. Вопрос о ремилитаризации проливов, представлявший наибольший интерес для Турции, был предрешен еще до ее открытия и ни у кого возражений не вызывал. Условия торгового судоходства также не были предметом серьезных разногла-

[1] Действие соглашений впоследствии было прекращено по инициативе британской стороны, после того как Лига Наций отменила санкции против Италии.

сий. Камнем же преткновения стала проблема определения новых правил прохода через проливы военных кораблей, затрагивавшая не в последнюю очередь интересы СССР.

Основная борьба на переговорах развернулась между советской и английской делегациями. Великобритания отстаивала открытый статус Черного моря, доступ в которое должны были иметь военные суда всех государств без каких-либо ограничений. Советская сторона, напротив, считала Черное море закрытым, «не могущим быть использованным для транзита», и добивалась отмены тех статей Лозаннской конвенции, которые допускали свободу судоходства через проливы для военных кораблей нечерноморских государств. Для Советского Союза — самой сильной региональной державы, как и прежде для России, был наиболее выгодным вариант, предусматривавший ничем не ограниченный проход через проливы военных кораблей черноморских государств и их закрытие для военных судов всех остальных стран. Однако, поскольку принятие такого решения не имело шансов на успех, советская сторона была согласна искать компромиссные варианты, связанные с частичным открытием проливов для военных кораблей нечерноморских стран «для определенной цели и при известных ограничениях».

В свою очередь Турция не была заинтересована в закрытии проливов для военных флотов нечерноморских государств, опасаясь, что в таком случае Советский Союз получал бы полное господство на Черном море. Представленный ею проект соглашения, так же как и британский проект, предусматривал ограничения по тоннажу военных судов черноморских государств, которым разрешался проход через проливы. Это положение, означавшее, что все советские линкоры и крейсеры оказались бы блокированы в Черном море, вызвало резкие протесты советской делегации. Возглавлявший ее Литвинов даже пригрозил покинуть Монтрё. В разгоревшейся дискуссии СССР поддержали Франция, а также Румыния, Болгария и Югославия. Глава французской делегации Поль Бонкур заявил, что новая конвенция о проливах не должна помешать Франции и СССР оказывать помощь друг другу, в том числе и военно-морскими силами, в соответствии с подписанным в 1935 г. договором о взаимопомощи. Английский проект поддержали лишь Япония и Австралия, чье мнение ввиду их географической удаленности от Черного моря не имело решающего значения. Оказавшись в меньшинстве и столкнувшись с реальной угрозой срыва конференции, британская сторона была вынуждена пойти на существенные уступки, которые сделали возможным достижение компромисса.

20 июля 1936 г. новая конвенция о режиме Черноморских проливов была подписана всеми участниками переговоров, а в 1938 г. к ней присоединилась и Италия. Согласно ее условиям Турция восстанавливала свой суверенитет над зоной Босфора и Дарданелл, получив право возводить на их берегах укрепления и размещать артиллерию. Это давало ей возможность закрытия проливов, ширина которых местами составляет всего 700 м, для прохода любых военных судов. Международная комиссия по проливам, созданная на Лозаннской кон-

ференции, распускалась, и ее функции передавались турецкому правительству. Военные суда всех черноморских государств получали полную свободу прохода через проливы в мирное время без ограничения тоннажа. Возможности прохода военных флотов нечерноморских держав, напротив, были значительно ограничены: общее водоизмещение их военных кораблей, одновременно находящихся в Черном море, не должно было превышать 30 тыс. т, а сроки пребывания не могли быть дольше 21 дня. Кроме того, нечерноморским странам разрешалось проводить через проливы только легкие и вспомогательные суда. Все эти ограничения отвечали интересам Турции, а также Советского Союза и других черноморских государств.

В случае своего участия в войне Турция получала право регулировать режим проливов по собственному усмотрению. В случае же войны, в которой она не участвовала, запрещался проход через проливы кораблей всех воюющих государств, если речь не шла об оказании помощи жертвам агрессии в соответствии с Уставом Лиги Наций или же основанными на нем пактами о взаимопомощи[1].

В целом Советский Союз мог быть доволен результатами конференции. Опираясь на поддержку Франции, он сумел добиться признания особого статуса Черного моря как закрытого и особых прав черноморских государств. Вместе с тем этот успех был достигнут не благодаря, а скорее вопреки позиции Турции, которая на конференции взаимодействовала в первую очередь с англичанами. Размолвка в Монтрё привела к заметному охлаждению советско-турецких отношений.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Конференция в Монтрё стала в 1930-е годы одним из немногих примеров конструктивного, правового пересмотра послевоенных договоров, к числу которых относилась и Лозаннская конвенция. В новом соглашении удалось соблюсти баланс интересов, приемлемый для всех заинтересованных сторон. Поэтому конвенция Монтрё действует и по сегодняшний день, определяя современный режим Черноморских проливов.

6.7. Проблемы заключения Советским Союзом договора о взаимопомощи с Румынией и военной конвенции с Францией

В условиях нарастания военной угрозы в Европе Советский Союз стремился укрепить отношения с Францией и Чехословакией, а также приобрести новых союзников. С этой целью в июне 1935 г. он вступил в переговоры о заключении договора о взаимопомощи с Румынией. Инициатива их проведения при-

[1] Имелся в виду прежде всего советско-французский договор о взаимопомощи 1935 г., условия которого были напрямую увязаны с Уставом Лиги.

надлежала румынскому министру иностранных дел Н. Титулеску, который являлся последовательным сторонником сближения двух государств. Отстаивая профранцузскую ориентацию во внешней политике, Титулеску хотел, чтобы советско-румынский договор о взаимопомощи не отличался по содержанию от аналогичных договоров СССР с Францией и Чехословакией. В то же время он настойчиво добивался, чтобы в пакте было зафиксировано такое определение территории Румынии, которое означало бы фактический отказ СССР от Бессарабии. Для советской стороны данное требование было, безусловно, неприемлемым. Отказываясь уплатить за пакт столь высокую цену, в Москве вместе с тем не собирались форсировать решение этой территориальной проблемы. В январе 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б), отклонив предложение Титулеску о «каком бы то ни было определении в пакте территории Румынии», предложило подписать отдельный протокол, который обязывал бы каждую из сторон в случае войны допустить на свою территорию войска другой стороны при условии, что они «по миновании надобности» будут выведены обратно[1].

После Рейнского кризиса Румыния активизировала переговоры с СССР, доведя до его сведения, что «вопрос о Бессарабии больше не будет служить препятствием к заключению соглашения». В ходе нескольких встреч Литвинова и Титулеску, состоявшихся летом 1936 г. во время конференции в Монтрё, министры смогли наконец прийти к компромиссу и парафировали проект пакта. Он предусматривал, что в случае войны советским войскам будет разрешено войти на территорию Румынии с согласия ее правительства, однако, выполнив свою миссию, они должны будут без промедления вернуться обратно на левый берег Днестра. Румыния соглашалась пропустить Красную армию через свою территорию для оказания помощи Чехословакии. Бессарабский вопрос в проекте не затрагивался.

Поскольку ни одна из статей договора еще не была полностью согласована, его подписание было отложено до осени 1936 г. В Бухаресте вокруг этого вопроса разгорелась острая борьба, и в августе 1936 г. Титулеску был неожиданно отправлен в отставку под предлогом того, что он превысил свои полномочия, санкционировав поставки оружия республиканскому правительству Испании. В результате подписание советско-румынского пакта о взаимопомощи было сорвано.

Не оправдались надежды СССР и на дальнейшее развитие отношений с Францией. После подписания в мае 1935 г. договора о взаимопомощи главным вопросом советско-французских отношений стало заключение военной конвенции, без которой полноценный военно-политический союз был невозможен. В мае 1935 г. во время визита в Москву французского премьер-министра Лаваля стороны условились начать переговоры по этому вопросу на уровне Генеральных штабов, однако Лаваль всячески затягивал их начало вплоть до своей отставки в январе 1936 г.

[1] Политбюро ЦК РКП(б)—РКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001. С. 334.

В июне 1936 г. на парламентских выборах во Франции победили левые партии, объединившиеся в Народный фронт. Было сформировано коалиционное правительство во главе с Л. Блюмом. Впервые во французской истории премьер-министром стал лидер социалистов. В Москве надеялись, что сближение двух стран получит теперь новый импульс. По прямому указанию Сталина Французская компартия поддержала правительство Народного фронта, хотя и не стала делегировать в него своих представителей. В сентябре 1936 г. Литвинов предложил Блюму подумать о реанимации идеи Восточного пакта и даже о создании более широкой антигерманской коалиции с участием СССР, Франции и государств Малой и Балканской Антанты, однако в Париже сочли постановку этих вопросов «несвоевременной». Тем не менее осенью 1936 г. между двумя странами начался наконец конфиденциальный обмен мнениями по поводу заключения военной конвенции. В январе 1937 г. французский Генеральный штаб впервые официально запросил Москву, на какую помощь он мог бы рассчитывать в случае германского нападения. В ответ Советский Союз заявил, что готов поставить Франции военные материалы, направить войска в Польшу и Румынию, а также принять участие в сражениях на море и в воздухе. При этом он впервые поинтересовался, разрешат ли Красной армии пройти через союзные Франции государства Восточной Европы, отделявшие его от Германии, однако определенного ответа на этот вопрос не получил. Весной 1937 г. советско-французские военные контакты стали затухать.

В целом же приход к власти в Париже левых сил не стал переломным событием в двусторонних отношениях. В Москве были разочарованы внешнеполитическим курсом, проводимым правительством Народного фронта, которое, вместо того чтобы активизировать сотрудничество с СССР, сделало ставку на дальнейшее сближение с Великобританией, видя в ней более надежного и ценного союзника.

Огромный ущерб авторитету Советского Союза на международной арене нанес развернувшийся по всей стране с осени 1936 г. «большой террор». Он не только скомпрометировал советский строй в глазах широких кругов левой и либеральной общественности Запада, но и убедил ведущие европейские державы в том, что Красная армия, обескровленная репрессиями, утратила боеспособность и в лучшем случае сможет вести лишь оборонительную войну. После раскрытия в РККА так называемого «военного заговора» и расстрела в июне 1937 г. группы высших военачальников во главе с маршалом М. Н. Тухачевским Франция перестала учитывать фактор предполагаемой помощи Красной армии в своем военном планировании. Вопрос о заключении военной конвенции был фактически снят с повестки дня. Анализируя итоги устроенной Сталиным беспрецедентной кровавой чистки, Гитлер с удовлетворением заметил: «Теперь Советский Союз нейтрализован как минимум на десять лет. А через десять лет весь мир будет в наших руках»[1].

[1] Цит. по: *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998. С. 512.

6.8. Гражданская война в Испании. Политика невмешательства в испанские дела

Политическая напряженность в Европе еще более усилилась в связи с началом летом 1936 г. гражданской войны в Испании. После свержения в 1931 г. монархии внутриполитическая обстановка в этой стране оставалась крайне нестабильной: за пять лет здесь сменилось 29 правительств. В феврале 1936 г. на выборах в испанский парламент (кортесы) победили объединившиеся в Народный фронт левые партии — социалисты, анархисты и коммунисты. Не смирившиеся с поражением правые силы и армейское командование встали на путь подготовки государственного переворота.

Военный мятеж начался 17 июля 1936 г. в Испанском Марокко, на Канарских и Балеарских островах, а на следующий день распространился и на северные провинции страны. Условным сигналом к нему послужила кодовая фраза, переданная радиостанцией города Сеута: «Над всей Испанией безоблачное небо». Восставшим (они называли себя националистами) удалось привлечь на свою сторону 80% личного состава сухопутных сил, а также части Иностранного легиона, где служили главным образом арабы-марокканцы, тогда как военно-морской флот и авиация в целом сохранили верность законному правительству. Выступление должен был возглавить генерал Х. Санхурхо, который в 1932 г. уже пытался организовать подобный переворот, однако на третий день мятежа он погиб в авиационной катастрофе, и его место занял военный губернатор Канарских островов и бывший начальник Главного штаба сухопутных войск генерал Ф. Франко. В августе 1936 г. мятежники создали в Бургосе Национальное правительство. Франко принял звание генералиссимуса и провозгласил себя главой Испанского государства.

В первые недели конфликта дела у франкистов шли неважно: кроме Марокко и Балеарских островов им удалось захватить лишь небольшие области на севере и юге Испании. Республиканское правительство сохраняло контроль над 70% ее территории и всеми крупными городами. Оно пользовалось поддержкой значительной части населения, располагало превосходящими людскими и материальными ресурсами и имело все шансы подавить мятеж. Сознавая шаткость своего положения, Франко немедленно обратился за помощью к идейно близким ему Гитлеру и Муссолини. Хотя фашистские лидеры и не были заранее осведомлены о подготовке мятежа, они сразу же откликнулись на его просьбу. 28 июля 1936 г. в Испанском Марокко приземлились первые германские и итальянские транспортные самолеты. Они организовали «воздушный мост» через Гибралтарский пролив для переброски на юг Пиренейского полуострова перешедших на сторону мятежников колониальных войск, благодаря которым франкисты уже в августе 1936 г. сумели взять инициативу в свои руки.

В свою очередь республиканское правительство уже на третий день мятежа обратилось за помощью к Франции, где у власти находилось идейно близ-

кое ему левое правительство Народного фронта; кроме того, между двумя странами было заключено соглашение о военных поставках. Первая реакция французских властей была положительной.

> «Законное правительство дружественной страны, рожденное законными выборами, просит помощи, и наш моральный долг состоит в том, чтобы предоставить ему оружие. Это совпадает и с интересами Франции, состоящими... в том, чтобы не допустить установления какой-либо формы фашизма на своих юго-западных границах».
>
> *Премьер-министр Франции Л. Блюм, 20 июля 1936 г.*

Однако уже через неделю, после экстренного визита в Лондон, Блюм взял назад свое обещание и даже отказался передавать испанцам уже оплаченное ими оружие. Кардинальный пересмотр его позиции произошел под мощным прессингом консервативного руководства Великобритании, которому очень не нравилось левое испанское правительство. В Лондоне ясно дали понять, что прямое вовлечение Франции в испанские события на стороне республиканцев крайне нежелательно и может нанести непоправимый ущерб англо-французским отношениям.

2 августа 1936 г. Блюм озвучил новую, компромиссную позицию, согласованную с англичанами. Он предложил всем европейским государствам и США договориться о невмешательстве в испанские дела. 15 августа 1936 г. было подписано двустороннее англо-французское соглашение, предусматривавшее запрет на экспорт и транзит оружия и военных материалов в Испанию, а спустя два дня заключено аналогичное многостороннее соглашение о невмешательстве. Его подписали 27 государств — все страны Европы, за исключением Швейцарии «ввиду ее постоянного нейтралитета», а также республиканской Испании как участницы конфликта. Для контроля за соблюдением соглашения в Лондоне был создан Комитет по невмешательству в испанские дела под председательством англичанина лорда Плимута.

Принцип невмешательства не противоречил действовавшим в то время нормам международного права, хотя и был не вполне корректен, поскольку, по существу, уравнивал в правах законное правительство и мятежников. Однако в начальный период гражданской войны, когда ее перспективы оставались неясными, строгое его соблюдение всеми государствами могло бы сыграть позитивную роль и не допустить интернационализации конфликта. Вместе с тем ведущие европейские державы понимали этот принцип по-разному. Италия и Германия присоединились к соглашению о невмешательстве только для того, чтобы попытаться заблокировать оказание помощи республиканцам другими странами, прежде всего Советским Союзом. При этом сами они и не думали его соблюдать, неуклонно наращивая поставки оружия режиму Франко, который в ноябре 1936 г. признали

де-юре[1]. Великобритания закрывала глаза на их действия, опасаясь, что испанский вопрос может окончательно поссорить ее с Германией и Италией и еще сильнее дестабилизировать ситуацию в Европе. Не желая втягиваться в разгорающийся конфликт, она требовала того же и от Франции. В Париже в свою очередь не теряли надежды, что принцип невмешательства может дать шанс на победу республиканцам.

Все ведущие европейские державы в качестве обязательного условия подписания соглашения о невмешательстве потребовали участия в нем и Советского Союза, который они подозревали в стремлении использовать гражданскую войну в Испании для разжигания там социалистической революции. Идя навстречу пожеланиям союзной Франции, в Москве решили присоединиться к соглашению. В то время СССР не имел значительных интересов на Пиренейском полуострове, а его дипломатические отношения с Испанией были установлены только в 1933 г., причем до обмена посольствами дело так и не дошло[2]. В первые недели войны, рассчитывая на скорую победу республиканцев собственными силами, советское руководство заняло осторожную, выжидательную позицию и отклонило просьбу испанского правительства о продаже ему оружия.

Соединенные Штаты не подписали соглашение о невмешательстве, но фактически его придерживались. Поскольку под действие закона о нейтралитете 1935 г. подпадали только войны между государствами, президент США Рузвельт наложил на экспорт оружия в Испанию так называемое «моральное эмбарго», а в январе 1937 г. конгресс распространил закон о нейтралитете и на гражданские войны вне Американского континента. Франко был очень доволен американской позицией, лишившей его противников возможности закупать оружие за океаном.

> «Законодательство о нейтралитете — это жест, которого мы, националисты, никогда не забудем».
>
> *Ф. Франко, 1937 г.*

Таким образом, в сложившейся международной ситуации политика невмешательства отвечала в большей степени интересам режима Франко, поскольку республиканское правительство, в отличие от него, не получало оружия из-за рубежа. Осенью 1936 г. мятежникам удалось одержать несколько крупных побед. Стало очевидно, что без иностранной военной помощи, способной компенсировать итало-германские поставки франкистам, Испанская республика

[1] Значительная часть итало-германской помощи шла через Португалию, где правил правый диктаторский режим Салазара. Португалия активно поддерживала мятежников и первой в мире признала правительство Франко де-юре.

[2] Полпред СССР в Мадриде М. И. Розенберг и генеральный консул в Барселоне В. И. Антонов-Овсеенко приступили к исполнению своих обязанностей уже после начала мятежа.

обречена на поражение. Ее правительство обратилось в Лигу Наций с просьбой дать оценку многочисленным фактам нарушения принципа невмешательства и отменить эмбарго на продажу оружия. Однако Совет Лиги под нажимом англичан отказался рассматривать испанский вопрос по существу и постановил передать его в Лондонский комитет.

Гражданская война привела к резкой идейно-политической поляризации испанского общества. 4 сентября 1936 г. было сформировано новое, гораздо более радикальное по взглядам республиканское правительство во главе с социалистом Ф. Ларго Кабальеро, в состав которого впервые вошли и коммунисты. 29 сентября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об оказании военной помощи Испании. Этот шаг дался советскому руководству с большим трудом. Вовлечение СССР в испанские события было чревато обострением его отношений не только с Германией и Италией, но также с Великобританией и Францией, настойчиво рекомендовавшими ему придерживаться принципа невмешательства. Однако дальнейшая поддержка Советским Союзом позиции западных держав в этом вопросе не только подрывала бы идеологические основы его внешнеполитического курса, но и противоречила бы главной цели его сотрудничества с Парижем и Лондоном — совместной борьбе с фашистской угрозой.

7 октября 1936 г. Москва предупредила, что перестанет соблюдать соглашение о невмешательстве, если не прекратятся его нарушения со стороны Германии и Италии. Спустя несколько дней Сталин публично объявил о том, что СССР окажет помощь республиканскому правительству.

> «Освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества».
>
> *И. В. Сталин, октябрь 1936 г.*

23 октября 1936 г. полпред в Лондоне и представитель СССР в Комитете по невмешательству И. М. Майский направил его председателю письмо, в котором говорилось: «Соглашение превратилось в пустую бумажку... и перестало фактически существовать... Советское правительство, не желая больше нести ответственность за создавшееся положение... не может считать себя связанным им в большей мере, чем любой из остальных участников»[1]. Тем не менее Советский Союз не собирался выходить из Лондонского комитета, так как принятый в этом органе принцип единогласия давал ему возможность не допустить принятия решений, противоречащих его интересам.

В октябре 1936 г. националисты начали генеральное наступление на Мадрид. Руководивший операцией генерал Мола заявил, что столица будет взята четырьмя наступающими колоннами при содействии «пятой колонны»,

[1] Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 513–514.

укрывшейся в самом городе. На улицах Мадрида развернулись ожесточенные бои. Многим казалось, что республика доживает последние дни. Однако в Испанию уже прибыли несколько советских транспортов с оружием и специалистами. Советская помощь сыграла огромную роль в обороне испанской столицы. В конце 1936 г. франкисты потерпели поражение у стен Мадрида, после чего обстановка на фронтах стабилизировалась и война приняла затяжной характер.

6.9. Становление блока агрессивных государств

Сотрудничество в деле помощи испанским мятежникам привело к дальнейшему сближению двух фашистских держав. 25 октября 1936 г. в Берлине было подписано соглашение между Германией и Италией. Стороны договорились о разграничении сфер экономических интересов в Дунайском бассейне и на Балканах и тем самым урегулировали существовавшие между ними геополитические противоречия. Германия признала аннексию Италией Эфиопии. Италия одобрила австро-германское соглашение от 11 июля 1936 г., признав германское преобладание в Австрии. В секретном протоколе был намечен план совместных действий в испанском вопросе и согласована единая линия поведения в Комитете по невмешательству.

1 ноября 1936 г., выступая в Милане, Муссолини провозгласил создание «“оси Берлин—Рим”... вокруг которой смогут вращаться все европейские страны, желающие сотрудничества и мира». Создание «оси» означало установление тесного военно-политического и экономического партнерства между Германией и Италией, которое, однако, не включало обязательств о взаимопомощи и не переросло еще в военный союз. Их сближение проходило под лозунгами борьбы против СССР и «угрозы большевизма в Испании»; при этом подчеркивалась общность господствовавших в этих странах фашистских идеологий. Такая пропагандистская риторика была призвана закамуфлировать антиверсальскую основу создаваемого альянса и его потенциальную опасность прежде всего для Франции и Великобритании.

Следующим шагом на пути формирования блока агрессивных держав стало заключение в ноябре 1936 г. Антикоминтерновского пакта между Германией и Японией[1]. В декабре 1936 г. был подписан итало-японский договор. Италия признала захват Японией Маньчжурии и установила дипломатические отношения с Маньчжоу-Го, а Япония в свою очередь признала де-юре правительство Франко в Испании, а также захват Италией Эфиопии.

В 1937 г. германо-итальянское сближение продолжилось: Гитлер посетил Рим, а Муссолини побывал с ответным визитом в Берлине. Во время этих встреч были достигнуты новые договоренности о согласовании взаимных интересов на Балканах и о расширении помощи Франко. Германия официально

[1] Об Антикоминтерновском пакте см. главу 11.

признала преобладание в Испании интересов Италии как средиземноморской державы. Дуче со своей стороны согласился «уступить» Германии Австрию и дал принципиальное согласие на аншлюс; при этом Гитлер гарантировал неприкосновенность австро-итальянской границы, установленной еще Сен-Жерменским мирным договором, и пообещал отселить немецкое меньшинство из итальянского Южного Тироля.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

В ноябре 1937 г. Италия присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, а в декабре 1937 г. вышла из Лиги Наций, завершив переход из группы государств-победителей в лагерь их противников. Согласовав свои цели и интересы, три агрессивные державы — Германия, Италия и Япония — сформировали единый блок, целью которого было окончательное разрушение Версальско-Вашингтонского порядка, а в перспективе — завоевание мирового господства.

6.10. Международные последствия и итоги войны в Испании

Открытое военное вмешательство держав «оси» на стороне мятежников и последовавшее за этим решение СССР об оказании военной помощи республиканцам привели к интернационализации гражданской войны в Испании, фактически сделав эту страну заложницей большой европейской политики. В день подписания Антикоминтерновского пакта Муссолини заявил германскому послу: государства «оси» уже сказали «а», теперь им нужно сказать «б», направив в помощь Франко свои дивизии. В конце 1936 г. в Испанию под видом добровольцев стали прибывать первые регулярные части из Италии и Германии. Весной 1937 г. на стороне мятежников уже воевали 4 итальянские дивизии численностью 60 тыс. человек, а также германский легион «Кондор», насчитывавший 5 тыс. человек, и более 100 боевых самолетов; всего же за годы войны через Испанию прошли 250 тыс. итальянских и 50 тыс. германских солдат и офицеров. Италия предоставила франкистам военной техники и снаряжения на 800 млн долл., а Германия — на 200 млн долл. В деле военных поставок Гитлер сознательно уступил первенство итальянскому союзнику; он также не стал посылать в Испанию значительные воинские контингенты. В узком кругу фюрер говорил, что заинтересован не в скорейшей победе Франко, а в затягивании войны и сохранении напряженности в районе Средиземноморья, что позволило бы ему прочнее привязать к себе Муссолини и получить выгоды в торге с западными державами.

Масштабы советской военной помощи республиканскому правительству также были весьма значительными. СССР поставил ему около 650 самолетов, 350 танков, 1200 орудий и много другой техники на общую сумму более

200 млн долл. На протяжении всей войны он оставался практически единственным источником зарубежной помощи для Испанской республики, которая сама вооружений почти не производила (небольшое количество оружия было также поставлено Мексикой). Советская техника доставлялась либо по южному пути — через проливы и Средиземное море, либо по северному — из Ленинграда и Мурманска до портов Франции с последующим транзитом через ее территорию. В июле 1937 г. в Париже в ответ на прямое военное вмешательство держав «оси» на стороне мятежников приняли решение открыть границу с Испанией, разрешив провоз через нее советского оружия. Открытый режим границы, противоречивший принципу невмешательства, действовал с перерывами до июля 1938 г. и был отменен вскоре после прихода к власти во Франции правительства Э. Даладье. Всего в Испанию за годы войны было доставлено на 66 транспортах около 500 тыс. т военных материалов из СССР. И все же советская помощь по большинству показателей была примерно в три раза меньше германо-итальянских поставок армии Франко. Не была она и безвозмездной. В октябре 1936 г., в самый драматический момент битвы за Мадрид, правительство Ларго Кабальеро обратилось к Москве с просьбой принять на хранение испанский золотой запас (510 т золота). Он был тайно переправлен в СССР и впоследствии полностью израсходован в счет оплаты советских поставок.

Вместе с тем следует отметить, что Советский Союз не направлял в Испанию регулярных воинских частей, а командировал лишь группы «добровольцев». За период войны там побывали 600 советских военных советников, более 1000 летчиков и танкистов, около 4 тыс. других специалистов. Благодаря советской помощи дни Испанской республики были существенно продлены, а ее армия сумела одержать ряд важных побед. Поначалу Советский Союз старался воздерживаться от прямого вмешательства во внутреннюю политику республиканских властей с тем, чтобы не дать повода для обвинений в наличии у него планов «советизации» Испании. В декабре 1936 г. Сталин, Молотов и Ворошилов направили в Мадрид письмо, в котором отвергли идею «перехода Испании на путь Октябрьской революции» и высказались за сохранение в ней парламентского строя. В директивах Коминтерна Испанской компартии подчеркивалось, что она должна работать над укреплением Народного фронта и не выдвигать лозунга социалистической революции.

Драматические события на Пиренеях раскололи европейскую общественность. Как в Европе, так и за ее пределами возникло мощное движение солидарности с Испанской республикой, объединившее многие левые партии и движения. По инициативе французских коммунистов и при активном участии Коминтерна были сформированы шесть интернациональных бригад, ставших наиболее боеспособной силой республиканской армии. За период войны через интербригады прошли более 40 тыс. добровольцев из 54 стран мира[1].

[1] В составе интербригад сражались 8,5 тыс. французов, 5 тыс. немцев, 5 тыс. итальянцев, 5 тыс. поляков, свыше 3 тыс. американцев, 2 тыс. англичан, 2 тыс. бельгийцев, 2 тыс. чехов и словаков и т.д.

По мере интернационализации испанского конфликта все более явно обозначался кризис политики невмешательства. Лондонский комитет так и не стал настоящим контрольным органом и лишь выполнял роль пропагандистской трибуны для входивших в него государств. В феврале 1937 г. комитет принял наконец первые конкретные решения: о запрете допуска в Испанию любых добровольцев и о введении контроля над соблюдением режима невмешательства на суше и на море. Однако реализовать их так и не удалось. В мае 1937 г. во время налета на занятый мятежниками остров Ибица республиканская авиация повредила находившийся там германский крейсер «Дойчланд», после чего Германия и Италия отозвали на полгода своих представителей из Лондонского комитета и отказались участвовать в морском контроле испанского побережья. В дальнейшем он осуществлялся только английскими и французскими кораблями, а осенью 1937 г. был прекращен.

Летом 1937 г. итальянские подводные лодки начали регулярные пиратские нападения на торговые суда разных стран, направлявшиеся в Испанию. Атакам подверглись корабли Великобритании, Франции, СССР, Греции, Скандинавских государств; за короткий срок было потоплено 43 судна, в том числе 24 британских и 3 советских. Не желая портить и без того плохие отношения с Италией, в Лондоне и Париже поначалу делали вид, будто не имеют точных сведений о происхождении подводных лодок. Однако, после того как был торпедирован британский эсминец «Хэвок», терпение англичан лопнуло. По их инициативе в сентябре 1937 г. в Нионе (Швейцария) состоялась международная конференция девяти государств, включая СССР (но без участия Италии и Германии), на которой было подписано соглашение о борьбе с пиратством в Средиземном море. Оно предусматривало создание англо-французских военных патрулей, которые должны были топить все подводные лодки, отказавшиеся показать свой флаг. Этот решительный настрой возымел действие: разбойные нападения «неизвестных подлодок» тотчас прекратились.

Между тем на испанских фронтах франкисты медленно, но верно теснили республиканцев. После успешной Гвадалахарской операции (март 1937 г.), в ходе которой республиканская армия разгромила итальянский экспедиционный корпус, военная удача от нее отвернулась. К концу 1937 г. мятежники контролировали уже 60% территории страны. Кроме того, в 1937 г. обозначился внутренний кризис республиканского режима. Между партиями и группировками, входившими в Народный фронт, нарастали острые идейно-политические противоречия. Пытаясь преодолеть их и повлиять на развитие внутриполитической ситуации в Испанской республике, представители Коминтерна, советские советники и эмиссары спецслужб все глубже вовлекались в ее внутренние дела.

В апреле 1938 г. франкисты вышли к побережью Средиземного моря, перерезав республиканскую зону на две части, после чего судьба республики была фактически предрешена. В июле 1938 г. состоялось последнее заседание Комитета по невмешательству (формально он был распущен только в апреле 1939 г.).

Осенью 1938 г. из Испании были эвакуированы все интербригады, а также часть итальянских войск, однако это уже не могло повлиять на исход войны.

Сталин болезненно воспринял неудачи в Испании. По его указанию были репрессированы сотни прошедших через нее специалистов, в том числе полпреды Розенберг и Антонов-Овсеенко, главный военный советник Я. К. Берзин и многие другие.

Тем временем правительство мятежников развило бурную деятельность по обеспечению своего дипломатического признания. Еще до окончания войны 9 стран (в том числе Германия, Италия, Япония, Португалия, Венгрия и Ватикан) признали его де-юре и еще 16 стран — де-факто. Франко умело играл сразу «на двух досках»: заверяя Берлин и Рим в своей полной лояльности, он одновременно налаживал тайные контакты с Великобританией и Францией, убеждая их в том, что Испания под его руководством будет принимать во внимание их интересы и не станет послушной марионеткой Гитлера и Муссолини. Он также объявил о намерении реставрировать монархию. И если во французских правящих кругах мнения в отношении Франко разделились, то вся консервативная британская верхушка, безусловно, ему симпатизировала. В ноябре 1937 г. Великобритания признала правительство мятежников де-факто, обменявшись с ним официальными агентами, и предложила Комитету по невмешательству признать режим Франко «воюющей стороной». Получив отказ, Лондон сделал этот шаг в одностороннем порядке. С приходом к власти правительств Чемберлена и Даладье Великобритания и Франция взяли курс на скорейшее завершение испанской войны, видя в ней одно из главных препятствий на пути к компромиссу с державами «оси». В феврале 1939 г. они признали правительство мятежников де-юре. Франция согласилась передать ему все ценности, отданные ей на хранение республиканцами, а также открыть границу и восстановить транспортное сообщение между двумя странами.

4–5 марта 1939 г. в испанской столице произошел переворот, организованный социалистами и анархистами, после чего компартия была отстранена от власти. 28 марта Мадрид был занят войсками Франко. Республика пала; у власти утвердился правый авторитарный режим. В апреле 1939 г. франкистская Испания присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, а в мае 1939 г. вышла из Лиги Наций[1]. В апреле 1939 г. новую власть в Мадриде де-юре признали США. Советский Союз, напротив, никогда не признавал режим Франко и восстановил дипломатические отношения с Испанией только в 1976 г., после смерти диктатора.

Война в Испании стоила жизни около 800 тыс. ее граждан и явилась одной из самых трагических страниц европейской истории XX в. Граждан-

[1] Впоследствии Франко не оправдал надежд Гитлера и Муссолини. После захвата власти он дистанцировался от недавних покровителей и спонсоров, искусно балансируя между ними и западными державами. Во время Второй мировой войны Испания сохраняла нейтралитет. В 1941 г. Гитлер был вынужден признать, что эта страна «страшно его разочаровала».

ская по своим истокам, она переросла в острый международный кризис и привела к первому открытому столкновению между фашистскими державами и СССР.

6.11. Политика умиротворения нацистской Германии

К 1937 г. Германия в одностороннем порядке отменила все военные ограничения, налагаемые на нее Версальским договором. 30 января 1937 г. Гитлер, выступая в рейхстаге по случаю 4-й годовщины прихода нацистов к власти, официально объявил об отказе от его соблюдения. Он призвал бывшие державы-победительницы отбросить «двойные стандарты» и признать «право на самоопределение» и за германским народом, что предполагало присоединение к рейху земель, где большинство населения составляли этнические немцы (Австрия, Судетская область Чехословакии, Данциг). Перед Великобританией и Францией остро встал вопрос о том, как дальше строить отношения с новой Германией, стремительно превращавшейся в могучую военную силу, и в первую очередь как реагировать на ее территориальные притязания, выходящие за рамки Версаля.

В мае 1937 г. к власти в Лондоне пришло новое правительство, которое возглавил лидер правого крыла консерваторов Н. Чемберлен — убежденный сторонник курса на умиротворение1. В своей политике он исходил из того, что Версальская система, изначально созданная как неравновесная и несовершенная, уже отжила свой век. На смену ей должен был прийти новый европейский порядок, в котором самой сильной континентальной державой становилась бы Германия. После устранения искусственных Версальских ограничений она, по мнению британского премьер-министра, должна была вполне удовлетвориться восстановлением своих ведущих международных позиций в Европе. Возвышение Германии, означавшее кардинальный пересмотр итогов Первой мировой войны, представлялось Чемберлену закономерным и неизбежным процессом, обусловленным прежде всего ее геополитическим положением, а также экономическим и человеческим потенциалом. Политическая роль Великобритании в этой ситуации заключалась в том, чтобы обеспечить мирный и контролируемый переход Европы к новой международной системе. В этой связи Чемберлен считал целесообразным пойти навстречу целому ряду требований гитлеровской Германии, которые, с его точки зрения, отражали не столько идейные установки нацистов, сколько подлинные чаяния всего немецкого народа. Они касались не только отмены еще остававшихся в силе Версальских ограничений, но и удовлетворения ее территориальных устремлений, проистекавших из «права наций на самоопределение», которое сами державы-

[1] Невилл Чемберлен, занимавший пост премьер-министра Великобритании в 1937–1940 гг., был сводным братом Остина Чемберлена — британского министра иностранных дел в 1924–1929 гг.

победительницы после войны признали одним из фундаментальных принципов международных отношений. С помощью сильной и умиротворенной Германии удалось бы наконец восстановить разрушенное после Первой мировой войны континентальное равновесие и укрепить европейский порядок. Это позволило бы Великобритании значительно уменьшить степень ее вовлеченности в европейские дела и сосредоточиться на укреплении своих позиций в других регионах мира, а также на реформировании огромной колониальной империи, сохранение которой требовало от метрополии все больше сил и ресурсов.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Будучи, на первый взгляд, продолжением прежнего, намеченного еще в Локарно, курса, политика умиротворения вместе с тем наполняла его совершенно новым содержанием. Принципиально иным прежде всего был объем уступок Германии, выходивший далеко за рамки Версаля и превращавший ее в сильнейшее европейское государство. Поскольку ни Австрия, ни Судеты, на которые претендовал Гитлер, до Первой мировой войны никогда не были частью Германской империи, речь шла уже не о модификации, а о полном разрушении Версальской системы международных отношений.

Приход Гитлера к власти не был воспринят в Лондоне как коренной поворот в германской внешней политике. Практически вся британская правящая элита, за исключением Черчилля, считала его обычным германским националистом, только более экзальтированным, чем другие, а «Майн кампф» воспринимала лишь как политическую демагогию, рассчитанную на привлечение голосов избирателей, а не как практическую программу действий.

Не испытывая симпатий к нацистам, Чемберлен тем не менее полагал, что с Гитлером (в отличие от Сталина) вполне можно иметь дело, и рассчитывал впоследствии связать его политическими соглашениями, которые тот подпишет. Он не раз доброжелательно высказывался в адрес фюрера, характеризуя его как «благоразумного человека», «на слово которого можно положиться». Вместе с тем британский премьер был очень недоволен нахрапистой гитлеровской тактикой «свершившихся фактов». Он считал, что все политические изменения в Европе впредь должны происходить только посредством переговоров и выработки компромиссов между рейхом и западными державами.

Великобритания шла на уступки Гитлеру вполне расчетливо. Ей казалось, что они не затрагивают ее жизненно важных интересов, поскольку касаются главным образом государств Восточной Европы. В Лондоне всегда негативно относились к «тыловым союзам» Франции и ее договору о взаимопомощи с СССР, опасаясь, что в случае образования англо-французского военного альянса эти обязательства могут втянуть Великобританию вслед за Францией в войну на востоке континента.

«Основой нашей политики должно быть признание невозможности оказания помощи Восточной Европе».

Из резолюции правительства Великобритании, июль 1936 г.

В Лондоне были уверены, что этот регион в будущем неизбежно превратится из сферы преимущественно французского в сферу германского влияния. Такая перегруппировка сил сделала бы нацистскую Германию геополитическим противовесом Советскому Союзу и привела бы к политической изоляции последнего, что вполне соответствовало установкам британских консерваторов. Чемберлен считал, что политическое влияние СССР в постверсальской Европе должно быть сведено к минимуму. Такого же мнения придерживался и его предшественник С. Болдуин.

«Нам всем известно желание Германии, изложенное Гитлером в его книге, двинуться на восток. Если бы он двинулся на восток, мое сердце не разорвалось бы... Если бы в Европе дело дошло до драки, то я хотел бы, чтобы это была драка между большевиками и нацистами».

С. Болдуин, премьер-министр Великобритании (1923–1924, 1924–1929, 1935–1937 гг.)

Таким образом, важной особенностью доктрины умиротворения была ее антисоветская направленность.

Политика умиротворения в ее британской версии противоречила интересам другого гаранта Версальской системы — Франции. Однако правящая элита Третьей республики фактически была готова смириться с утратой завоеванных в результате Первой мировой войны международных позиций, лишь бы избежать нового военного конфликта. В Париже сознавали, что времена, когда с Германией можно было разговаривать с позиции силы, безвозвратно ушли, а французские союзники в Восточной Европе слишком слабы, чтобы в случае войны создать второй фронт против немцев. Неспособная противостоять Германии в одиночку и не готовая к полноценному сотрудничеству с СССР, Франция была обречена следовать в фарватере британской политики.

«Франция... в Европе не может действовать без Англии».

Л. Блюм, премьер-министр Франции (1936–1938 гг.)

Важным фактором формирования курса западных держав на умиротворение агрессоров стала изоляционистская внешняя политика Соединенных Штатов, не готовых к активному вмешательству в европейские дела. Великобритания и Франция понимали, что в случае вооруженного конфликта на помощь из-за океана им рассчитывать не приходится, что явилось для них дополнительным стимулом к поиску компромисса с Гитлером.

Политика умиротворения опиралась в Европе на широкую общественную поддержку. Главной ее опорой был господствовавший в общественном мнении пацифизм, вера в возможность мирного решения всех международных проблем, желание любой ценой избежать повторения ужасов войны.

Гитлер в свою очередь играл на политических расчетах умиротворителей, тщательно скрывая свои истинные планы. Он много рассуждал о «миролюбии» рейха, о намерении заключить союз с Великобританией (о чем ранее писал еще в книге «Майн кампф»), клялся в отсутствии территориальных претензий к Франции, намекал на возможность возвращения Германии в Лигу Наций и, наконец, всячески демонстрировал свой антикоммунизм.

«Как только Германия осуществит свое право на суверенитет и национальное самоопределение, она станет бастионом мира и стабильности в Центральной Европе, оплотом борьбы с коммунистической Россией».

А. Гитлер, 1937 г.

Фюреру прощалось многое за его антисоветизм, значительно притупивший подозрения правящей элиты Запада относительно преследуемых им целей. В ее глазах нацизм выглядел «меньшим злом» по сравнению с большевизмом.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Таким образом, политические лидеры Великобритании и Франции не смогли адекватно оценить германский национал-социализм как новое, чрезвычайно опасное явление в международных отношениях, не разглядели принципиальной разницы между веймарской и нацистской Германиями. Они не сумели понять, что лозунг расширения рейха «до этнических границ» являлся отнюдь не конечной целью Гитлера, а лишь прикрытием, маскирующим его подлинную стратегическую задачу — завоевание мирового господства. Будучи «рационально мыслящими» политиками, Чемберлен и его единомышленники считали, что Гитлер в конечном счете тоже руководствуется исключительно прагматическими соображениями и с ним поэтому всегда можно будет договориться. Фюрер же оказался лидером совершенно иного типа — всецело преданным нацистской догме фанатиком-идеалистом.

Политика умиротворения была ошибочной и контрпродуктивной уже потому, что удовлетворить безграничные аппетиты нацистов было невозможно. В дальнейшем она вылилась в принятие требований рейха по существу без получения от него реальных ответных уступок и гарантий. Фюреру удалось переиграть своих оппонентов. Искусно маневрируя, он успешно провел Германию через «зону риска», когда она была еще слишком слаба, чтобы дать военный отпор западным державам, добился ее перевооружения и завершил

мирный пересмотр Версальского договора. Делая все новые уступки Гитлеру, Великобритания и Франция действовали в конечном счете вразрез с собственными долгосрочными интересами. Под властью нацистов Германия не могла быть фактором международной стабильности и играть конструктивную роль в мировой политике; поэтому любое ее усиление подрывало международную безопасность и приближало новую войну.

6.12. Переговоры Э. Галифакса с Гитлером

К 1938 г. Гитлер уже был готов развязать войну в Европе. 5 ноября 1937 г. он выступил с большой программной речью на совещании политических и военных руководителей рейха, в которой вновь заявил, что «будущее германского народа зависит... исключительно от решения проблемы жизненного пространства», на приобретение которого он «имеет большее право, чем другие народы»[1]. Напомнив, что для достижения этой задачи «возможен только один путь — путь насилия», Гитлер подчеркнул, что медлить больше нельзя, и в качестве ближайшей цели назвал «разгром Чехии и одновременно Австрии». Он исходил из того, что Великобритания уже «втихомолку списала их со счетов», а без ее поддержки выступление Франции является маловероятным. Вскоре этот прогноз полностью подтвердился.

19 ноября 1937 г. доверенное лицо Чемберлена, министр без портфеля Э. Галифакс, прибывший в Германию с частным визитом, встретился с Гитлером в его резиденции в Берхтесгадене.

«В Великобритании целиком и полностью признаются великие заслуги фюрера в деле восстановления Германии... Уничтожив коммунизм в своей стране, он преградил путь последнему в Западную Европу, поэтому Германия может по праву считаться бастионом Запада против большевизма».

Из заявления Галифакса в беседе с Гитлером, 19 ноября 1937 г.

Галифакс подчеркнул, что его правительство «смотрит на Германию как на великую и суверенную державу» и считает, что «ошибки Версальского диктата должны быть исправлены». Он, в частности, отметил, что в Лондоне готовы рассмотреть вопрос о возвращении ей колоний, однако он «не может обсуждаться изолированно» и должен быть разрешен в контексте общеевропейского урегулирования. К числу «изменений европейского порядка, которые, вероятно, рано или поздно произойдут», Галифакс отнес вопросы о будущем Данцига, Австрии и Чехословакии, добавив, что Великобритания

[1] Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 24–25.

«заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции».

Теперь у Гитлера не оставалось сомнений, что в Лондоне готовы смириться с расширением рейха до «этнических границ». Фюрер со своей стороны не преминул заверить британского министра в своих миролюбивых намерениях.

> «Единственной катастрофой для Европы является большевизм; все остальное поддается урегулированию».
>
> *Из заявления Гитлера в беседе с Галифаксом, 19 ноября 1937 г.*

Чемберлен расценил миссию Галифакса как «величайший успех», поскольку она «достигла своей цели, создав атмосферу, позволяющую обсуждать с Германией практические вопросы европейского урегулирования». В феврале 1938 г. Галифакс сменил на посту министра иностранных дел Идена, не одобрявшего политики умиротворения. Напутствуя своего протеже, премьер-министр предложил ему вновь сообщить германской стороне: «Дайте нам обязательство, что вы не будете использовать силу для решения споров с Австрией и Чехословакией, и мы дадим... обязательство, что не применим силу, для того, чтобы помешать изменениям, которых вы желаете, если вы сумеете достичь их мирным путем»[1]. Таким образом, путь к реализации намеченных Гитлером целей был открыт.

Литература

Основная

Белоусова З. С. Европейская политика Великобритании и Франции: противоречия и сотрудничество // Европа между миром и войной. 1918–1939. М.: Наука, 1992. С. 102–129.

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939: В 2 т. М.: Политиздат, 1981. Т. 1. Док. № 1, 3.

Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. М.: Ладомир, 1997. Гл. 12.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том первый. События. 1918–1945. М.: Моск. рабочий, 2000. Гл. 10.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том второй. Документы 1910–1940-х годов / Сост. А. В. Мальгин. М.: Моск. рабочий, 2000. Док. № 80, 82–86.

Ульдрикс Тедди Дж. Политика безопасности СССР в 1930-е годы // Советская внешняя политика в ретроспективе, 1917–1991. М.: Наука, 1993. С. 70–79.

Хрестоматия по Новейшей истории. Документы и материалы / Сост. М. С. Альперович, В. И. Антюхина-Московченко и др. Т. 1. 1917–1939. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 240–253.

[1] Цит. по: *Демидов С. В.* Международные отношения в Европе в 1919–1939 гг. М., 2001. С. 158.

Дополнительная

Пожарская С. П. Гражданская война в Испании в контексте международных отношений в канун Второй мировой войны // Европа между миром и войной. 1918–1939. М.: Наука, 1992. С. 152–172.

Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / Отв. ред. А. В. Игнатьев, Л. Н. Нежинский. М.: Международные отношения, 1999. Гл. 9.

Севостьянов Г. Н. Москва, Вашингтон и итало-эфиопская война. По новым документам // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 162–180; № 4. С. 140–152.

Taylor A. J. P. The origins of the Second World War. N.Y.: Ateneum, 1962. Ch. 5, 6.

ГЛАВА 7

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ В 1938 г. МЮНХЕНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

7.1. Аншлюс Австрии

Заручившись предварительным согласием Великобритании на расширение рейха до «этнических границ», фюрер начал подготовку к территориальным захватам. Первой жертвой он выбрал Австрию, приняв после встречи с Галифаксом окончательное решение о ее скором аншлюсе. Готовясь к первой в своей карьере аннексионистской акции, Гитлер отправил в отставку военного министра Бломберга и назначил самого себя главнокомандующим вооруженными силами. Министра иностранных дел фон Нейрата сменил нацист Риббентроп, ранее занимавший посты посла в Лондоне и руководителя международного отдела национал-социалистической партии. Был разработан и план военного вторжения в Австрию (операция «Отто»).

12 февраля 1938 г. Гитлер встретился в своей альпийской резиденции Берхтесгадене с австрийским канцлером К. Шушнигом. Обвинив его в проведении «антинемецкой политики», фюрер потребовал отменить запрет на деятельность партии австрийских нацистов и назначить ее лидера А. Зейсс-Инкварта министром внутренних дел и шефом полиции, а также амнистировать участников неудавшегося путча 1934 г. Все эти требования были Шушнигом выполнены. Однако по возвращении домой австрийский канцлер, являвшийся решительным противником аншлюса, попытался оказать сопротивление. Он объявил, что никаких новых уступок Берлину больше не будет, и назначил на 13 марта 1938 г. плебисцит по вопросу о сохранении независимости Австрии. Гитлер, неоднократно утверждавший, что его поддерживает подавляющее большинство австрийского народа, не мог допустить проведения этого голосования, поскольку вовсе не был уверен в победе сторонников аншлюса. В ультимативной форме, угрожая применением военной силы, он потребовал от Шушнига ухода с поста канцлера и отсрочки плебисцита. Все попытки последнего получить поддержку западных держав были тщетны. Убедившись, что он остался в одиночестве, Шушниг подал в отставку. Объясняя мотивы своего решения, он заявил, что уступает грубой силе с тем, чтобы не допустить гражданской войны

и «пролития немецкой крови». Занявший пост канцлера Зейсс-Инкварт немедленно обратился в Берлин с «просьбой» о вводе войск. Австрийская армия получила от него приказ не оказывать сопротивления.

12 марта 1938 г. части вермахта без единого выстрела заняли Австрию, после чего Гитлер подписал закон об аншлюсе, по которому это государство теряло независимость и превращалось в одну из областей рейха. Спустя месяц в обстановке развязанного нацистами террора состоялся плебисцит, назначенный, а затем отложенный Шушнигом (сам бывший канцлер впоследствии был арестован и отправлен в концлагерь Дахау). Результаты этого «голосования» были заранее предсказуемы — на вопрос «признаете ли вы Адольфа Гитлера своим фюрером и воссоединение Австрии с Германией?» «да» ответили 99,75% его участников. После аншлюса в словаре международной политики появилось новое понятие — «косвенная агрессия», то есть захват государством чужой территории без ведения военных действий, с помощью угрозы применения силы.

Как и рассчитывали в Берлине, Великобритания фактически поддержала аншлюс. Еще накануне германского вторжения Галифакс заявил Риббентропу, что Лондон «признает реальность австрийской проблемы» и не станет препятствовать ее решению, «если оно будет достигнуто мирными средствами». Франция, переживавшая очередной правительственный кризис, ограничилась формальной нотой протеста. «Звонят из Вены, — жаловались чиновники канцелярии премьер-министра, — а у нас некому подойти к телефону». Принципиальное значение для Гитлера имела позиция Италии, выступавшей после Первой мировой войны в роли главного гаранта австрийской независимости. Однако и Муссолини, который к 1938 г. уже переориентировался на Германию, воспринял аншлюс спокойно. Фюрер со своей стороны гарантировал ему неприкосновенность новой германо-итальянской границы и заверил дуче, что интересы Италии ни в чем не будут ущемлены.

Единственной великой державой, решительно осудившей захват Австрии, стал Советский Союз. Нарком Литвинов выступил с резким заявлением, в котором квалифицировал аншлюс как «насильственное лишение австрийского народа независимости» и высказал предложение о проведении общеевропейской конференции по противодействию агрессии, которое, как и следовало ожидать, было отклонено западными державами. Британский премьер-министр Н. Чемберлен усмотрел в нем лишь стремление Москвы к «созданию замкнутых группировок стран, что было бы вредно для дела мира в Европе».

Австрийский вопрос, казалось, должен был быть немедленно вынесен на обсуждение Лиги Наций. Однако, несмотря на грубейшее нарушение Германией Сен-Жерменского и Версальского договоров, он даже не был поставлен в стенах Лиги вследствие обструкционистской позиции Лондона и Парижа. Не желая привлекать к его рассмотрению Советский Союз, который наряду с Великобританией и Францией входил в то время в «тройку» постоянных членов Совета Лиги, западные державы сознательно жертвовали остатками авторитета этой международной организации во имя достижения компромисса

с Гитлером. Уже в австрийском кризисе отчетливо проявилось их стремление решать все европейские проблемы напрямую с Берлином, без консультаций с Лигой Наций и за спиной СССР.

Присоединив Австрию — государство с 7-миллионным населением и сильной экономикой, — нацистская Германия заметно укрепила свои геополитические и военно-стратегические позиции в центре Европы. Она приобрела общие границы как с дружественными ей Италией и Венгрией, так и с французскими союзниками — Югославией и Чехословакией. Последняя теперь была окружена рейхом с севера, запада и юга, что создавало прямую угрозу ее безопасности. Воодушевленный легким успехом, Гитлер не хотел терять времени. Чехословакия, где в пограничной с Германией Судетской области компактно проживала 3-миллионная немецкая община, и стала его следующей мишенью.

7.2. Чехословацкий кризис

Проблема Чехословакии представлялась Гитлеру более сложной, нежели австрийская. Это соседнее государство с большинством славянского населения было для Германии гораздо более серьезным противником, чем этнически близкая Австрия. В случае войны в Праге могли рассчитывать на помощь союзников — Франции и СССР, а также на поддержку стран Малой Антанты — Румынии и Югославии. Чехословакия была значительно сильнее Австрии и в военном отношении. Она располагала хорошо вооруженной и обученной армией в составе 45 дивизий (600 тыс. человек), способной дать достойный отпор любому агрессору. После распада в 1918 г. империи Габсбургов Чехословакия унаследовала около 80% австро-венгерской промышленности, в том числе и огромные оборонные заводы, производившие все виды вооружений, что позволило ей стать одним из ведущих мировых экспортеров оружия. Вдоль границы с Германией, в Судетских горах, была сооружена мощная линия укреплений, не уступавшая знаменитой французской линии Мажино[1].

Готовясь к расчленению Чехословакии, Гитлер решил вновь разыграть национальную карту, воспользовавшись тем, что около трети ее населения составляли национальные меньшинства. Они проживали в основном в приграничных районах, примыкавших к этнически родственным государствам, что создавало благоприятную почву для развития сепаратистских настроений. Из 15 млн жителей этой страны примерно 10 млн человек составляли чехи и словаки, 3,5 млн человек — судетские немцы, 700 тыс. человек — венгры, 600 тыс. человек — русины (закарпатские украинцы), 100 тыс. человек — поляки. Все перечисленные этнические группы могли свободно говорить на родных языках, пользовались равными гражданскими правами и не испытывали национальных притеснений.

[1] *Линия Мажино* — система французских укреплений на границе с Германией протяженностью около 400 км и глубиной до 20 км, построенная под руководством военного министра А. Мажино в 1929–1934 гг.

Вскоре после установления гитлеровского режима в Германии в Судетской области была создана пронацистская судето-немецкая партия во главе с бывшим школьным учителем физкультуры К. Генлейном. Выступая под флагом защиты «права немцев на самоопределение», она являлась по существу «пятой колонной», действовавшей по указке из Берлина. На муниципальных выборах весной 1938 г. эта партия собрала около 70% голосов судетских немцев. Сразу же после аншлюса генлейновцы развернули активную пропагандистскую кампанию, направленную против якобы имевших место преследований судетских немцев чехословацкими властями. Одновременно геббельсовская пропаганда начала настоящую «информационную войну» против соседнего государства, призванную запугать его население, а также склонить на сторону Берлина европейское общественное мнение. На встрече с Генлейном Гитлер напутствовал его словами «С завтрашнего дня вы — мой наместник» и велел ему постоянно повышать планку требований к чехословацкому правительству, выдвигая заведомо неприемлемые условия, которые оно было бы не в состоянии удовлетворить. В апреле 1938 г. на очередном съезде судето-немецкой партии в Карловых Варах (Карлсбаде) была принята программа, включавшая в себя требования «широкой автономии» Судетской области, свободной пропаганды нацизма («немецкого мировоззрения») и разрыва договора о взаимопомощи с СССР. Чехословацкое правительство было вынуждено вступить в официальные переговоры с генлейновцами.

Тем временем атмосфера германо-чехословацких отношений накалялась с каждым днем. В ответ на концентрацию частей вермахта в приграничных районах, приуроченную к проводимым в Судетах муниципальным выборам, Чехословакия 21 мая 1938 г. объявила о частичной мобилизации резервистов, которая была проведена очень организованно, в обстановке патриотического подъема. В ответ на обращение Праги за помощью в случае германской агрессии Франция и Советский Союз недвусмысленно подтвердили, что готовы выполнить союзнические обязательства. В Европе запахло порохом. Осознав, что «майский кризис» может перерасти в войну, к которой рейх еще не был подготовлен, Гитлер был вынужден отвести войска от границы. Однако он намеревался рискнуть позже, после соответствующих дипломатических и военных приготовлений, будучи при этом уверен, что ни Франция, ни Великобритания в конечном счете не станут вмешиваться в конфликт. Собрав в конце мая 1938 г. высший генералитет, фюрер впервые заявил о намерении решить «судетскую проблему» военным путем. По его приказу Генеральный штаб разработал оперативный план вторжения в Чехословакию («план Грюн»), предусматривавший ее разгром и оккупацию в ходе молниеносной (не более четырех дней) войны в период не позднее 1 октября 1938 г. Против нее предполагалось бросить основные силы вермахта, оставив на границе с Францией минимальное количество войск в качестве тылового прикрытия. В Германии началась подготовка к боевым действиям.

Уверенность Гитлера относительно невмешательства западных держав в Судетский кризис была не случайной. С первых его дней Великобритания и Франция заняли весьма неоднозначную позицию. Сделав вид, будто бы разговоры о гонениях против судетских немцев имеют под собой определенные основания, они настойчиво рекомендовали Праге проявлять максимальную сдержанность и уступчивость. Под их давлением чехословацкие власти были вынуждены признать партию Генлейна «единственным законным представителем» судетских немцев. Первую скрипку в определении этой политической линии играла Великобритания. Ее премьер-министр Н. Чемберлен, стремившийся к «всеобъемлющему урегулированию» англо-германских отношений, рассматривал судетскую проблему как помеху на пути к этой цели. По его убеждению, Лондон не мог позволить втянуть себя в общеевропейскую войну «только из-за того, что три миллиона немцев не хотят больше жить вместе с чехами». В частных разговорах глава британского кабинета весьма пренебрежительно отзывался о Чехословацком государстве, именуя его «лоскутным одеялом», «далекой страной... где спорят люди, о которых мы ничего не знаем». Он полагал, что у Берлина имелись определенные «моральные основания» для вмешательства во внутренние дела своего соседа, поскольку оно вытекало из права наций на самоопределение. Не будучи, в отличие от Франции, союзником Чехословакии, Великобритания еще в 1937 г. конфиденциально уведомила Париж, что не намерена воевать из-за нее с Германией ни при каких условиях.

Франция в первые месяцы кризиса колебалась между своим союзническим долгом и страстным желанием избежать войны. Однако вскоре после прихода к власти в апреле 1938 г. правительства Э. Даладье, поддерживавшего британские идеи умиротворения, в Париже решили добиваться сохранения европейского мира любой ценой.

Принципиально иную позицию занимал Советский Союз. В Москве расценивали все жалобы судетских немцев как лицемерие и демагогию. Литвинов говорил своему французскому коллеге, министру иностранных дел Ж. Боннэ: западные державы «делают большую ошибку, когда принимают германские мотивировки в... чехословацком вопросе за чистую монету»[1]. В дни «майского кризиса» нарком предложил Франции и Чехословакии провести переговоры представителей Генеральных штабов с целью налаживания практического взаимодействия армий трех союзных государств, что могло бы в какой-то степени компенсировать отсутствие военной конвенции. Однако инициатива Москвы осталась без ответа.

Согласно условиям двустороннего союзного договора 1935 г. СССР был обязан оказать помощь Чехословакии только одновременно с Францией; в случае же отказа последней от помощи своему союзнику он мог сделать это только в порядке добровольного решения, сверх договорных обязательств. В пери-

[1] Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979. С. 122.

од «майского кризиса» М. И. Калинин заявил от имени руководства СССР, что в Москве не исключают и такую возможность.

> «Советско-чехословацкий договор... разумеется, не запрещает каждой из стран прийти на помощь, не дожидаясь Франции».
>
> *Член Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Верховного Совета СССР М. И. Калинин*

Летом 1938 г. Киевский и Белорусский военные округа были преобразованы в особые округа со структурой, приближенной для ведения боевых действий. Красная армия начала практическую подготовку к возможному военному конфликту в Европе.

Политика, проводимая Великобританией и Францией, привела к резкому обострению противоречий между восточноевропейскими государствами. Откровенно враждебную позицию в отношении Чехословакии заняла Польша, рассчитывавшая использовать разгорающийся конфликт для отторжения от нее Тешинской Силезии. Министр иностранных дел Польши Бек официально уведомил Париж о том, что, поскольку франко-польский союз 1921 г. носит оборонительный характер, он не вступит в силу, если Франция начнет против Германии наступательную войну, придя на помощь Чехословакии. Вслед за Польшей территориальные претензии к Праге предъявила и Венгрия — она претендовала на пограничные области Словакии, где проживали венгры, а также на населенное русинами Закарпатье. В то же время союзники Чехословакии по Малой Антанте — Румыния и Югославия — официально подтвердили, что их военные обязательства ограничены лишь случаем неспровоцированной венгерской агрессии и не распространяются на возможный конфликт с Германией. В мае 1938 г. на сессии Совета Малой Антанты в Бледе (Югославия) проекты договоров о взаимной помощи в войне против любого агрессора, длительное время обсуждавшиеся в рамках этой организации, были окончательно отвергнуты.

Фактический разрыв Германией Версальского и Сен-Жерменского договоров вызвал цепную реакцию пересмотра двух других еще действовавших мирных договоров с Болгарией и Венгрией. В июле 1938 г. в Салониках было заключено соглашение между странами Балканского пакта[1] и Болгарией. В нем стороны признавали равноправие Болгарии в области вооружений,

[1] Балканский пакт был подписан в феврале 1934 г. Турцией, Грецией, Румынией и Югославией (Албания и Болгария отказались к нему присоединяться). Основной целью этого договора, получившего также название Балканской Антанты, было сохранение территориального статус-кво на Балканах, угроза которому исходила со стороны Италии и Болгарии. Его участники гарантировали друг другу безопасность их балканских границ и неучастие во враждебных политических акциях. Дополнительный секретный протокол к пакту предусматривал, что стороны окажут друг другу военную помощь в случае агрессии (это положение не действовало бы, если нападению подверглись бы азиатские границы Турции). В дальнейшем Балканская Антанта, однако, так и не стала влиятельным фактором европейской политики. Греция в 1936 г. дезавуировала секретный протокол, а Румыния и Югославия в 1939 г. пошли на сближение с державами «оси». В 1940 г. деятельность Балканской Антанты была прекращена.

отказывались от военных положений Нейиского договора и от сохранения демилитаризованных зон во Фракии. В августе того же года в Бледе было подписано аналогичное соглашение между странами Малой Антанты и Венгрией. Оно предусматривало признание равноправия Венгрии в области вооружений и пересмотр соответствующих статей Трианонского договора.

Между тем переговоры пражских властей с партией Генлейна, продолжавшиеся все лето 1938 г., как и ожидалось, не принесли никаких результатов. В этой ситуации Великобритания предложила назначить «независимого международного посредника», который мог бы беспристрастно разобраться в претензиях судетских немцев и выявить мирные пути разрешения кризиса. С согласия Парижа и Берлина эту должность занял британский политик лорд У. Ренсимен. В августе 1938 г. он прибыл в Прагу. Сам Ренсимен, впрочем, видел главную цель своей миссии в том, чтобы как можно быстрее склонить чехословацкую сторону к принятию требований генлейновцев.

> «Я поддерживаю с правительством Чехословакии любопытные, единственные в своем роде отношения. Я немного меньше, чем диктатор, и больше, чем советник».
>
> *Лорд У. Ренсимен*

Британский эмиссар откровенно предупредил Бенеша: в случае, если Чехословакия отвергнет «карлсбадскую программу» и это приведет к ее войне с Германией, на помощь Лондона ей рассчитывать не следует.

Уступая сильнейшему давлению западных держав, в начале сентября 1938 г. Прага в конце концов согласилась принять основные пункты «карлсбадской программы» и предоставить автономию Судетской области. Однако мирное урегулирование кризиса отнюдь не входило в планы фюрера. Он уже серьезно настроился на войну, в ходе которой рассчитывал захватить всю Чехословакию. 12 сентября 1938 г., выступая на партийном съезде в Нюрнберге, Гитлер произнес исключительно агрессивную речь, в которой открыто призвал судетских немцев к мятежу, пообещав им всестороннюю поддержку Берлина. На следующий день по всей Судетской области начались вооруженные выступления местных нацистов, которые, однако, были быстро подавлены полицией. Терпение чехословацкого правительства лопнуло. Оно ввело в Судетах чрезвычайное положение, запретило нацистскую партию и арестовало почти всю ее верхушку. Лидер сепаратистов Генлейн бежал в Германию. Выступая по берлинскому радио, он заявил, что, поскольку «немцы и чехи отныне не смогут жить вместе», требование автономии более не актуально и Судетская область должна быть немедленно присоединена к рейху. В такой обстановке Ренсимен счел свою миссию выполненной. Вернувшись в Лондон, он огласил окончательный вердикт, по существу совпавший с позицией нацистов: Судеты следует передать Германии. Чехословацкий кризис вступил в свою завершающую и трагическую фазу.

7.3. Переговоры Чемберлена с Гитлером в Берхтесгадене и Бад-Годесберге

В сложившейся чрезвычайной ситуации роль посредника взял на себя британский премьер-министр. Он объявил, что готов встретиться с Гитлером «в любом месте и в любое время» с целью обсуждения чехословацкой проблемы. 15 сентября 1938 г. состоялась первая встреча руководителей Великобритании и Германии в Берхтесгадене. Для того чтобы поскорее добраться до этой отдаленной альпийской резиденции фюрера, 70-летний Чемберлен впервые в жизни сел на самолет. В ходе состоявшихся переговоров Гитлер в категоричной форме потребовал передачи Судет, подчеркнув, что во имя достижения этой цели готов пойти на риск общеевропейской войны. При этом он апеллировал к праву наций на самоопределение, которое-де «было придумано не им в 1938 г. специально для решения чехословацкого вопроса, а союзниками в 1918 г. — для создания "моральной основы" изменений по Версальскому договору». Чемберлен «с пониманием» отнесся к аргументам фюрера и заявил, что лично он готов поддержать «принцип отделения Судетской области», который представляется ему «единственным выходом из создавшегося положения». Было решено, что Чемберлен обсудит германские требования со своим кабинетом министров и французским руководством, а Гитлер пока не будет предпринимать никаких силовых действий.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

18 сентября 1938 г. Великобритания и Франция согласились принять основные требования Гитлера. Они обратились к Чехословакии с нотой, в которой в ультимативной форме предложили ей отдать Судетскую область Германии. Этот демарш не имел прецедента в международной практике: по существу, от Праги требовали таких уступок, которых вправе было ожидать только от государства, проигравшего войну. Франция — главный союзник Чехословакии — совершила прямое предательство, хотя ранее неоднократно заявляла, что придет ей на помощь.

По определению Черчилля, произошла «полная капитуляция западных демократий перед нацистской угрозой применения силы».

В Праге поначалу отвергли англо-французские требования и предложили прибегнуть к процедуре арбитража, которая предусматривалась Уставом Лиги Наций и германо-чехословацким соглашением 1925 г., заключенным на Локарнской конференции. 19 сентября 1938 г. президент Чехословакии Э. Бенеш впервые за время кризиса запросил Москву о ее готовности выполнить обязательства по договору о взаимопомощи и получил утвердительный ответ. Однако спустя два дня, убедившись, что Великобритания и Франция действительно намерены бросить Чехословакию на произвол судьбы, ее правительство все-таки дрогнуло. «С горечью и прискорбием», «уступая непреодолимому давле-

нию», оно согласилось принять ультиматум Запада, отказавшись от вооруженного сопротивления.

22 сентября 1938 г. Чемберлен прилетел в Бад-Годесберг на вторую встречу с Гитлером. Он сообщил ему, что западные державы сумели добиться от Праги согласия на передачу Судетской области. Эта новость крайне озадачила фюрера. По свидетельству очевидцев, пораженный Гитлер даже переспросил, действительно ли его предложение одобрено чехословацким правительством. Когда Чемберлен с удовлетворением ответил «да», возникла короткая пауза замешательства, а затем фюрер спокойно произнес: «Сожалею, но с этими вещами я теперь согласиться не могу. После событий последних дней такие решения неприемлемы». Он выдвинул дополнительные притязания уже и на те районы, где немцы составляли меньшинство населения. Кроме того, Гитлер отверг предложенную британской стороной процедуру постепенной передачи Судет, рассчитанную на несколько недель, и потребовал покончить со всеми формальностями в течение нескольких дней; иначе, грозил он, «Чехословакия будет сокрушена силой оружия». Фюрер также настаивал на удовлетворении территориальных притязаний Польши и Венгрии. «Но ведь это ультиматум», — воскликнул обескураженный Чемберлен, ознакомившись на следующий день с письменным изложением германских требований. «Нет, это меморандум», — издевательски возразил Гитлер, указывая на заголовок документа. Казалось, что «челночная дипломатия» британского премьера потерпела провал и западные державы не примут очередного ультиматума Гитлера. Возмущенный Чемберлен покинул Бад-Годесберг, так ни о чем и не договорившись. После его возвращения в Лондоне состоялась еще одна англо-французская встреча в верхах. На ней было решено отвергнуть «годесбергский меморандум» и оказать давление на Гитлера, предложив чехословацкому правительству действовать «по собственному усмотрению». Великобритания даже официально объявила, что окажет Франции вооруженную помощь в случае войны с Германией, возникшей из-за судетской проблемы.

25 сентября 1938 г. Гитлер произнес в берлинском Дворце спорта очередную истеричную речь, в которой вновь угрожал стереть Чехословакию с европейской карты. Одновременно фюрер пустился в демагогические рассуждения по поводу «права германского народа на самоопределение».

> «Судеты — это мое последнее территориальное требование в Европе... Нам, немцам, не нужны чехи».
>
> *А. Гитлер, 25 сентября 1938 г.*

В тот же день Германия, Польша и Венгрия блокировали железнодорожное, шоссейное и телеграфно-телефонное сообщение с Чехословакией. Единственной ее связью с внешним миром оставалась железнодорожная ветка через Румынию.

Общеевропейская война казалась неизбежной. Части вермахта концентрировались вдоль границы, готовясь к вторжению, назначенному на 1 октября.

В Чехословакии была проведена всеобщая мобилизация; в армию был призван 1 млн резервистов. Франция провела частичную мобилизацию в сухопутных силах, а Великобритания — мобилизацию во флоте. В Лондоне готовили укрытия от воздушных налетов и раздавали населению противогазы, а жители Парижа спешно покидали французскую столицу. Однако в самый последний момент, когда до начала боевых действий, казалось, оставались считаные часы, Гитлер внезапно согласился принять предложенный ему мирный компромисс. Он обменялся с Чемберленом примирительными посланиями. «Я убежден, — писал в ответном письме фюреру британский премьер-министр, — что Вы сможете получить все, что требуете, без войны и незамедлительно». На этот раз роль посредника взял на себя Муссолини, предложивший пригласить на уже запланированную германо-итальянскую встречу в Мюнхене руководителей Великобритании и Франции и превратить ее в конференцию четырех держав, посвященную чехословацкому вопросу. Эта инициатива была с энтузиазмом встречена в Лондоне и Париже и одобрена Гитлером.

7.4. Мюнхенская конференция и ее решения

29–30 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялась международная конференция, в которой приняли участие Германия, Италия, Великобритания и Франция. В здании городской штаб-квартиры нацистской партии собрались руководители четырех ведущих европейских держав — фашистские «вожди» Гитлер и Муссолини, британский и французский премьер-министры Чемберлен и Даладье. Переговоры проходили довольно сумбурно: не было ни председательствующего, ни официально утвержденной процедуры и повестки дня. Исход конференции был предрешен заранее, и ей предстояло лишь оформить уже принятые решения и согласовать некоторые детали. Делегацию Чехословакии в зал заседаний не допустили, и она дожидалась решения своей судьбы в соседней комнате.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Главным результатом Мюнхенской конференции стало соглашение четырех держав о передаче Германии Судетской области. Оно предусматривало, что части вермахта займут большую часть Судет — «территории с преобладающим немецким населением» — в период с 1 по 10 октября 1938 г.; при этом чехословацкими властями «не будет произведено никаких разрушений имеющихся сооружений». Германия получала в целости и сохранности все военные укрепления, промышленные предприятия, пути сообщения и средства связи. Для наблюдения за ходом «эвакуации» создавалась международная комиссия с участием представителей четырех держав и Чехословакии. Она также должна была обеспечить проведение плебисцитов в спорных районах со смешанным национальным составом и окончательно определить прохождение новой германо-чехословацкой границы. Все судетские немцы, осужденные за нацистскую деятельность, подлежали немедленной амнистии.

Мюнхенское соглашение представляло собой грубый и неприкрытый диктат по отношению к Чехословакии. Лишь после того, как оно было подписано и зал заседаний покинули Гитлер и Муссолини, для ознакомления с ним были приглашены чехословацкие представители. «Нам было объявлено в довольно грубой форме, — вспоминал один из них, — что это приговор без права апелляции и без возможности внести в него исправления».

1 октября 1938 г. германская армия вступила в Судетскую область. Президент Бенеш подал в отставку и выехал в эмиграцию. В октябре—ноябре 1938 г. международная комиссия, руководившая передачей Судет, без лишнего шума удовлетворила все требования Гитлера, в отношении которых в Мюнхене не было принято окончательного решения. Плебисциты в спорных районах были отменены, и почти все они переданы рейху.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Согласно окончательным условиям от 20 ноября 1938 г. Чехословакия уступала Германии около 20% своей территории, где проживало 25% населения — 2,8 млн судетских немцев и 800 тыс. чехов. В этих областях осталось больше половины тяжелой промышленности страны и почти вся ее оборонительная инфраструктура, а новая граница прошла всего в 40 км от Праги. Чехословакия была фактически разоружена и утратила всякую ценность в военном отношении, поскольку в случае германской агрессии уже не смогла бы оказать ей организованного сопротивления. Ее дальнейшее государственное существование теперь целиком зависело от воли нацистского рейха. Чехословакии, по существу, был вынесен смертный приговор.

Четыре великие державы обещали гарантировать независимость Чехословацкого государства в его новых границах, но лишь после того, как будет урегулирован вопрос о территориальных претензиях Польши и Венгрии. Эти «международные гарантии» должны были заменить франко-чехословацкий и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи, которые после Мюнхена фактически перестали действовать. Однако их реальная ценность была ничтожной, поскольку Великобритания и Франция были не в состоянии помешать Гитлеру в любой момент оккупировать ставшую беззащитной соседнюю страну. Впоследствии гарантии, обещанные Праге, так и не были оформлены в надлежащем международно-правовом порядке.

После Мюнхена были в полном объеме удовлетворены польские и венгерские территориальные притязания. 2 октября 1938 г. Чехословакия подписала соглашение о передаче Польше Тешинской области. 2 ноября 1938 г. состоялся так называемый Первый Венский арбитраж, по условиям которого к Венгрии отходили районы Южной Словакии с преимущественно венгерским населением, где проживало около 1 млн человек. «Арбитрами» в данном споре выступили Германия и Италия. Великобритания и Франция в его урегулировании не

участвовали, что свидетельствовало о полной утрате ими политического влияния в Восточной Европе. Арбитраж также постановил образовать в составе Чехословакии «Карпатскую Украинскую республику» со своим автономным правительством. Геббельсовская пропаганда принялась раздувать миф о «новом украинском государстве в Карпатах», которому якобы суждено стать центром «украинского освободительного движения». Эта политическая акция была непосредственно направлена против СССР.

7.5. Советский Союз и чехословацкий кризис

Советский Союз был намеренно отстранен западными державами от решения судьбы Чехословакии и не приглашен на Мюнхенскую конференцию. Он фактически оказался в опасной изоляции на международной арене, а радикальные геополитические изменения на востоке Европы, в непосредственной близости от советских границ, создавали очевидную угрозу его безопасности. В Москве подвергли Мюнхенские соглашения самой острой критике. Литвинов однозначно охарактеризовал их как империалистический сговор, направленный против интересов СССР, и катастрофу для всего мира.

В период Судетского кризиса Советский Союз не раз заявлял, что готов прийти на помощь Чехословакии. 19 сентября 1938 г., отвечая на официальный запрос президента Бенеша о том, окажет ли СССР ей «немедленную и действительную помощь» как совместно с Францией, так и без нее, как член Лиги Наций, советская сторона подтвердила, что, безусловно, выполнит свой союзнический долг вместе с Францией, а также готова помочь Чехословакии и без Франции, но только после того, как Прага обратится в Лигу Наций с просьбой о применении статей 16 и 17 Устава, а Совет Лиги признает Германию агрессором.

Условия, выдвинутые Москвой, были вполне обоснованными. Поскольку Чехословакия и СССР не имели общей границы, для того чтобы помочь своему союзнику, Красной армии пришлось бы пройти через территорию Польши и/или Румынии. Если бы советские войска вступили в пределы этих государств без санкции Лиги Наций, то они сами оказались бы в положении агрессора; в случае же признания Чехословакии жертвой германского нападения Польша и Румыния, напротив, были обязаны как участники Лиги Наций беспрепятственно пропустить Красную армию через свою территорию. Статья 16 Устава Лиги гласила, что государства — члены Лиги должны принимать «необходимые меры для разрешения прохода через их территорию сил всякого члена Лиги», идущего на помощь жертве агрессии.

Вопрос о транзите советских войск не был новым. Он неоднократно обсуждался на разных уровнях после образования в 1935 г. советско-франко-чехословацкого союза. Так, в частности, Бенеш в ходе визита в Москву в июне 1935 г. получил от Ворошилова и Литвинова заверения, что Красная армия придет на помощь Чехословакии вне зависимости от того, получит ли она разрешение на транзит от западных соседей.

В период Судетского кризиса Польша и Румыния заняли совершенно разные позиции. Польша, заявлявшая о стремлении к «равноудаленности» от Москвы и Берлина, фактически выступила в унисон с Германией. В Варшаве и слышать не хотели о пропуске советских войск, отказываясь даже обсуждать такую возможность по дипломатическим каналам. 23 сентября 1938 г. Советский Союз официально предупредил Польшу, что в случае ее нападения на Чехословакию он расторгнет советско-польский пакт о ненападении 1932 г. — то есть фактически пригрозил ей войной.

С Румынией дело обстояло иначе. Будучи участницей Малой Антанты и придерживаясь во внешней политике франко-британской ориентации, она была кровно заинтересована в сохранении независимости соседнего союзного государства и при определенных условиях вполне могла бы согласиться пропустить части Красной армии через свою территорию. И хотя официальная позиция Бухареста на сей счет всегда была скорее негативной, она в любой момент могла измениться — в конфиденциальных беседах румынские руководители не раз давали понять, что они просто не хотели бы раньше времени портить отношения с Берлином. Еще в 1937 г. король Румынии Кароль II во время визита в Париж в секретном порядке заверил Францию в том, что советским войскам в случае войны будет разрешен транзит через Северную Буковину. После начала Судетского кризиса Румыния вновь подтвердила, что готова дать согласие на проход войск, но лишь в том случае, «если Франция будет на стороне Чехословакии, а Лига Наций осудит агрессию Германии»[1]. Более того, ее правительство довело до сведения Москвы, что готово «закрыть глаза» на возможный несанкционированный пролет советских военных самолетов над своей территорией («они летят высоко, их видно не будет»). Резолюция Совета Лиги, принятия которой добивался СССР, явилась бы правовой базой для оказания международным сообществом военной помощи Чехословакии и развязала бы руки Румынии. «Сопротивление Румынии немедленно исчезнет, — докладывал в Берлин германский посланник в Бухаресте, — как только Лига Наций объявит Германию агрессором, а западные державы выступят против нее»[2].

О том, что Советский Союз в 1938 г. не исключал своего вовлечения в большую войну в Европе, свидетельствовали и предпринятые им внушительные военные приготовления, размах которых превосходил все, что делалось в этой области Великобританией и Францией. К концу сентября 1938 г. на западных советских границах были сосредоточены и приведены в боевую готовность 40 дивизий и 20 бригад Красной армии. 730 самолетов ждали приказа о вылете на чехословацкие аэродромы. Из запаса были призваны 330 тыс. резервистов.

Вместе с тем для Москвы было крайне важно, чтобы и сама Чехословакия тоже проявила волю к сопротивлению. Однако развязанная Гитлером «война нервов» дала свои результаты: влиятельные круги в Праге выступили за при-

[1] Мюнхен — преддверие войны: (Исторические очерки) / Отв. ред. В. К. Волков. М., 1988. С. 72.

[2] Там же. С. 79.

нятие ультиматума западных держав, полагая, что без их помощи война с Германией бессмысленна, и Чехословакия в ней заранее обречена на поражение. В конце концов к этой точке зрения склонился и президент Бенеш. Его терзали сомнения в эффективности и реальности советской военной помощи. Будучи идейным противником сталинского режима и не веря в его «добрые намерения», он рассматривал СССР как «нежелательного союзника», обращаться к которому следует только с согласия Франции. Как и многие другие европейские лидеры, чехословацкий президент полагал, что Красная армия настолько ослаблена массовыми репрессиями командного состава, что практически утратила боеспособность и перестала быть значительной военной силой.

«Отношения Чехословакии с Россией всегда были и останутся второстепенным вопросом, зависящим от позиции Франции и Великобритании. Нынешние связи Чехословакии с Россией целиком вытекают из франко-русского договора, и если Западная Европа потеряет интерес к России, то и Чехословакия его тоже потеряет... Чехословакия всегда будет следовать за Западной Европой и... воспротивится тому, чтобы превратиться в инструмент русской политики».

Из беседы Э. Бенеша с английским послом в Праге, май 1938 г.

В свою очередь Великобритания и Франция, пытаясь найти оправдание избранной ими капитулянтской линии, убеждали Прагу, что Советский Союз в решающий момент откажется ей помогать, ссылаясь при этом на «невозможность транзитного прохода» Красной армии. По словам Литвинова, западные державы «хотели бы получить от нас уклончивые или негативные ответы» на просьбы чехословацкого руководства о помощи, «чтобы на нас свалить затем ответственность». Однако, отмечал нарком, Москва «не ищет предлогов, чтобы уклониться от исполнения своих обязательств».

Вместе с тем Советский Союз никогда не брал на себя одностороннего обязательства помогать Чехословакии без участия Франции; он лишь не исключал такой возможности при определенных условиях, сохраняя за собой полную свободу рук. Москва имела все основания рассматривать курс западных держав на умиротворение как антисоветский и провокационный, нацеленный на то, чтобы втянуть СССР в войну с Германией один на один, а самим остаться в стороне. Подобного развития событий советское руководство стремилось ни в коем случае не допустить.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Мюнхенские соглашения означали, что курс на сотрудничество с западными державами и коллективную безопасность в Европе, проводимый Советским Союзом после прихода к власти Гитлера, потерпел неудачу. В Москве начали поиск новых путей обеспечения безопасности Советского государства, не исключавший и компромиссов с Германией.

7.6. Международные последствия Мюнхенского соглашения. Крах Версальской системы

На следующий день после закрытия Мюнхенской конференции Чемберлен встретился с Гитлером с глазу на глаз. Отметив, что «мирное решение» чехословацкого вопроса создает предпосылки для «длительного периода европейского мира», он предложил фюреру подписать декларацию о ненападении, которая определила бы новый характер взаимоотношений двух держав. Гитлер не возражал. Прочитав предложенный Чемберленом проект, он, ни слова не говоря, поставил под ним свою подпись.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Англо-германская декларация провозглашала «желание... обоих народов никогда более не воевать друг с другом», а также намерение их руководителей решать все спорные вопросы «методом консультаций» и таким образом «содействовать обеспечению мира в Европе».

Британский премьер-министр не понимал, что любое международное соглашение само по себе ни к чему не обязывало Гитлера, который, будучи идейным борцом, руководствовался исключительно соображениями идеологической и политической целесообразности, как он их понимал. Чемберлен же, веривший в силу международных договоров, рассматривал англо-германскую декларацию как документ огромной важности и считал ее подписание выдающейся дипломатической победой, ради которой стоило лететь в Мюнхен и приносить в жертву Чехословакию. В лондонском аэропорту Хитроу он заявил встречавшим его журналистам, размахивая оригиналом декларации: «Это мир для нынешнего поколения». Между тем до начала Второй мировой войны оставалось меньше года.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Мюнхенское соглашение коренным образом изменило международную ситуацию в Европе. Оно знаменовало собой окончательный крах Версальской системы международных отношений, созданной державами-победительницами после Первой мировой войны. Проводя политику умиротворения, они позволили некогда слабой и разоруженной, а теперь усилившейся и агрессивно настроенной Германии безнаказанно разрушить послевоенный порядок. В результате произошла глубокая перестройка всей международно-политической системы в Европе. Капитуляция Великобритании и Франции перед Гитлером, сознательная сдача ими своих политических позиций привели к кардинальному изменению баланса сил на континенте в пользу Германии, которая вновь превратилась в сильнейшую европейскую державу.

В декабре 1938 г. была подписана аналогичная франко-германская декларация. В ней констатировалось желание французского и германского народов жить в мире, отсутствие в отношениях между двумя странами территориальных споров и нерушимость их общей границы. Германия тем самым подтверждала свой «отказ» от Эльзаса и Лотарингии. По возвращении из Парижа Риббентроп с удовлетворением заявил, что декларация окончательно «отколола Францию от СССР и устраняет последние остатки опасности русско-французского сотрудничества». Однако практическое значение этого документа было равно нулю, поскольку Гитлер считал предстоящую войну с Францией делом решенным.

Мюнхенские договоренности грубейшим образом нарушали все основополагающие послевоенные международные соглашения: Версальский мирный договор, а также Устав Лиги Наций и «пакт Бриана—Келлога». Как и при аншлюсе Австрии, Лондон и Париж полностью отстранили Лигу Наций от урегулирования чехословацкого кризиса. Эта международная организация, с которой в свое время связывалось столько надежд, после Мюнхена перестала играть сколько-нибудь заметную роль в мировой политике.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Мюнхенская конференция явилась апогеем курса на умиротворение, а Чехословакия — разменной картой в затеянной западными державами крупной политической игре, направленной на достижение широкого компромисса с Германией. Стремясь урегулировать противоречия с ней за счет интересов государств Восточной Европы и СССР, Великобритания и Франция пошли на недопустимые и аморальные уступки Гитлеру, ставшие их крупнейшим стратегическим просчетом, в том числе и с точки зрения собственных национально-государственных интересов. Мюнхен стал символом капитуляции западных демократий перед нацистским тоталитаризмом, а политика умиротворения — одним из главных факторов разрушения Версальской системы международных отношений, приблизившим начало Второй мировой войны.

Вместе с тем следует отметить, что линия на умиротворение проводилась в полном согласии с общественным мнением стран Запада. Поначалу оно с энтузиазмом поддержало Мюнхенскую сделку — ведь надвигающаяся война была предотвращена, и неважно, какой ценой! Эти настроения выразил британский министр иностранных дел Галифакс, заметивший: «Было бы неразумно идти на безусловную войну сейчас ради предупреждения возможной войны в будущем». Когда Чемберлен и Даладье вернулись домой, их встречали ликующие толпы сторонников, которые вели себя так, будто бы «праздновали великую победу над врагом, а не предательство малого союзника». Президент США Рузвельт приветствовал Чемберлена лаконичной телеграммой: «Молодец». Когда Черчилль — единственный из ведущих британских

политиков, выступивший против соглашения с нацистами, — начал свою речь в палате общин словами: «Мы потерпели полное и всеобъемлющее поражение», поднялась буря протеста. Мюнхен высветил глубокий морально-политический кризис западных демократических институтов, а также отсутствие у значительной части населения и правящей элиты Великобритании и Франции понимания истинной сущности национал-социализма. Пацифизм, глубоко укоренившийся в их общественном мнении после Первой мировой войны, выродился в «болезнь воли благополучных людей»[1], желавших сохранить мир любой ценой и на любых условиях.

Особенно тяжелыми были последствия чехословацкого кризиса для Франции. Предав самого верного союзника, она нанесла непоправимый ущерб не только своему международному авторитету, но и собственной безопасности. Как никогда ранее, проявился глубокий упадок режима Третьей республики. Лишенная твердой политической воли, Франция после Мюнхена, по существу, перестала играть роль великой державы и превратилась в государство второго ряда, следовавшее в фарватере британской политики.

Важным следствием Мюнхенского соглашения стал полный развал французской системы «тыловых союзов» в Восточной Европе. Надежда на союзническую верность западных держав была подорвана здесь непоправимо и повсеместно. Участь Чехословакии наглядно показала восточноевропейским государствам, что в случае конфликта с державами «оси» на помощь Франции или Великобритании им рассчитывать не приходится. Вынужденные приспосабливаться на руинах Версальской системы к новой политической ситуации, они принялись на свой страх и риск искать компромисса с Германией, все сильнее вовлекаясь в орбиту ее политики. В октябре 1938 г. Малая Антанта была распущена. Румыния и Югославия уведомили Чехословакию, что из-за «изменения ее международного статуса» этот военно-политический союз прекратил свое существование. Превращение Восточной Европы в зону монопольного германского влияния стало делом времени.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Для нацистской Германии Мюнхенское соглашение было равнозначно победе в войне, выигранной без единого выстрела. Оно стало и личным дипломатическим триумфом Гитлера, сделав его политической фигурой номер один в Европе. В Германии его популярность взлетела до небес: ведь он сумел мирным путем покончить с ненавистным Версальским договором и за один только 1938 год присоединил к рейху 10 млн немцев. Проводимая западными лидерами близорукая политика умиротворения внесла весомый вклад в укрепление нацистского режима и создание мифа о «гениальности фюрера».

[1] *Солженицын А. Ю.* Нобелевская лекция // Новый мир. 1989. № 7. С. 141.

Интересно, однако, что сам Гитлер был не вполне доволен итогами Мюнхена. Беспрецедентные уступки, на которые пошли его оппоненты, спутали сокровенные планы фюрера, нацеленные на развязывание «маленькой победоносной войны» и захват всей Чехословакии уже в 1938 г. «Этот тип, Чемберлен, сорвал мне вступление в Прагу», — раздраженно говорил он своим приближенным. «Вы думаете, я сам полгода назад считал возможным, что Чехословакия будет выдана на блюде ее друзьями? — заявил Гитлер в январе 1939 г. в беседе с венгерским министром иностранных дел. — То, что произошло, может произойти лишь раз в истории». Он отказался принимать поздравления по поводу Мюнхенской конференции, заявив, что она была первой и последней международной конференцией, в которой он участвовал.

Упорное стремление Гитлера к войне находилось в явном противоречии с реальным соотношением сил. В 1938 г. Германия еще была слабее коалиции своих потенциальных противников. Отсутствовало и непременное условие успеха блицкрига — фактор внезапности нападения. Объединенные силы Чехословакии, Франции и СССР значительно превосходили германскую армию, не подготовленную к крупномасштабной и затяжной войне.

> «Было полностью исключено, чтобы пять германских кадровых дивизий и семь танковых дивизий могли устоять на линии укреплений, которая еще только строилась[1], перед натиском ста французских дивизий. С военной точки зрения это было невозможно».
>
> *Из показаний бывшего начальника Главного оперативного штаба вермахта генерала А. Йодля на Нюрнбергском процессе, 1946 г.*

Однако Гитлер в своих расчетах ставил во главу угла не военные, а политические факторы. Он был убежден, что всеобщей войны не будет, так как Великобритания с самого начала «списала Чехословакию со счетов», а выступление Франции без английской поддержки практически исключалось. Фюрер не без оснований полагал, что западные демократии деморализованы, развращены пацифистскими настроениями и не способны принести необходимые для победы материальные и человеческие жертвы. Вопреки расчетам умиротворителей, уступка Судетской области лишь разожгла его аппетиты. «У Великобритании и Франции, — рассуждал Гитлер в узком кругу, — нет выдающихся личностей. Мы имеем дело с посредственностями... Люди, которых я видел в Мюнхене, не способны начать мировую войну». Накануне открытия конференции он заявил Муссолини: «Настанет день, когда мы будем вместе сражаться против Франции и Великобритании». Спустя три недели после ее окончания фюрер приказал вермахту начать подготовку операции по захвату оставшейся части Чехословакии. Одновременно в Берлине активизировали

[1] Имелась в виду так называемая линия Зигфрида, возведение которой началось в 1936 г. после занятия германскими войсками Рейнской демилитаризованной зоны.

контакты со словацкими националистами в расчете, что они возьмут на себя роль «пятой колонны», которую раньше играли судетские немцы, и подготовят окончательный распад Чехословакии изнутри.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Таким образом, хотя Мюнхенские соглашения по существу и означали реализацию известного «пакта четырех», Великобритании и Франции не удалось создать новой устойчивой международной системы, способной заменить распавшийся Версальский порядок. Наоборот, Гитлер получил более благоприятную базу для развязывания Второй мировой войны. В Мюнхене Запад упустил последнюю возможность остановить его собственными силами. Нацистская Германия стала сильнее Великобритании и Франции, которые могли теперь помешать установлению ее гегемонии в Европе, только обратившись за помощью к СССР. По меткому замечанию Черчилля, в Мюнхене бывшие гаранты Версаля «должны были выбирать между войной и позором... Они выбрали позор, чтобы затем получить войну».

Литература

Основная

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939: В 2 т. М.: Политиздат, 1981. Т. 1. Док. № 102, 117.

Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1939. М.: Политиздат, 1979. Док. № 46, 108, 138, 140, 150, 154, 158, 172, 186, 216.

Мюнхен — преддверие войны: (Исторические очерки) / АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики; Отв. ред. В. К. Волков. М.: Наука, 1988.

Фест Й. Гитлер. Биография / Пер. с нем.: В 3 т. Пермь: Культурный центр «Альтейа», 1993. Т. 3. Гл. 3.

Дополнительная

Демидов С. В. Международные отношения в Европе в 1919–1939 гг. М.: Изд-во «Прометей» МПГУ, 2001. Гл. 8, 9.

The Munich Crisis, 1938. Prelude to World War II / Ed. by Igor Lukes and Erik Goldstein. L.: Portland, OR: Frank Cass, 1999.

ГЛАВА 8

ПРЕДВОЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1939 г.

8.1. Захват Германией Чехословакии

Политическое затишье в Европе после Мюнхена было недолгим. К весне 1939 г. в Берлине был подготовлен план окончательной ликвидации Чехословацкого государства, для чего предполагалось использовать словацкое сепаратистское движение. 14 марта 1939 г. лидер сепаратистов Й. Тисо на митинге в Братиславе провозгласил независимость Словакии и обратился за помощью к Германии. Чехословацкий президент Э. Гаха и министр иностранных дел Ф. Хвалковский были немедленно вызваны в Берлин, где Гитлер и Геринг, угрожая военным вторжением и бомбардировками Праги, заставили их подписать документ о «передаче судеб Чехии в руки фюрера». 15 марта 1939 г. германские войска вступили на ее территорию. Следуя приказу Гахи, чешская армия не оказала агрессору сопротивления. Чехия была оккупирована и превращена в германский протекторат, Словакия же провозглашена «независимым государством под охраной рейха». В ней был установлен марионеточный фашистский режим и размещены части вермахта.

Уничтожив независимую Чехословакию, нацистская Германия обеспечила себе господствующие позиции в центре Европы. В ее распоряжении оказался внушительный экономический и оборонный потенциал этого государства, в том числе мощные военные заводы «Шкода» и вооружение 40 дивизий чешской армии. Захваченная территория могла быть использована Гитлером как плацдарм для нападения на Польшу и продвижения на Балканы.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Ликвидация Чехословакии, как и аншлюс Австрии, произошла очень быстро и фактически бескровно. Вместе с тем эта агрессивная акция имела и одну принципиально важную особенность — Третий рейх впервые аннексировал земли, где проживало в основном славянское, а не немецкое население. Гитлер, таким образом, отбросил выдвинутую им после прихода к власти в 1933 г. пропагандистскую установку, провозглашавшую «осуществление права немецкого народа на самоопределение» конечной целью его внеш-

неполитического курса. Пафосные слова фюрера о Судетах как «последнем территориальном требовании в Европе», произнесенные накануне Мюнхена, были забыты. Германия вышла за пределы своих этнических границ.

Захват Чехословакии означал разрыв Берлином Мюнхенских соглашений. Англо-французская политика умиротворения была дискредитирована. Однако, как и рассчитывал Гитлер, западные державы, на словах осудив германскую агрессию, не стали предпринимать ответных военных действий. Поставленный перед свершившимся фактом, Чемберлен поспешил заявить в палате общин, что после отделения Словакии он не считает себя связанным обещаниями о защите чехословацкой независимости, которые были даны им в Мюнхене. Вялая реакция Лондона и Парижа была воспринята державами «оси» как очередное проявление их слабости: по замечанию Муссолини, «западные демократии... были осуждены проглатывать оскорбления». Вслед за Италией на прогерманские позиции перешла Венгрия: в феврале 1939 г. она присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, а в апреле 1939 г. вышла из Лиги Наций. За это она получила в качестве вознаграждения в марте 1939 г. отторгнутую от Чехословакии Закарпатскую Украину.

Вскоре последовали новые акты агрессии в Европе. 22 марта 1939 г. Германия, угрожая применением военной силы, заставила Литву подписать соглашение о возвращении ей Клайпедской области с портом Клайпеда (Мемель). 7 апреля 1939 г. Италия вторглась в Албанию и в течение недели оккупировала эту маленькую страну. Муссолини, старавшийся ни в чем не уступать Гитлеру, рассматривал аннексию Албании как первый шаг к осуществлению согласованной с Берлином собственной программы завоеваний на Балканах.

Оккупация Чехословакии позволила Германии усилить военно-политическое давление на Румынию и 22 марта 1939 г. навязать ей под угрозой применения силы кабальное экономическое соглашение: отныне немцы могли получать по низким ценам до 100% румынского нефтяного экспорта.

Важнейшее место в дальнейших планах Гитлера отводилось Польше. Еще в октябре 1938 г., вскоре после Мюнхенской конференции, Риббентроп в ходе встречи с Беком выдвинул план «генерального урегулирования» германо-польских отношений, потребовав от Варшавы согласия на присоединение к рейху Данцига, строительство экстерриториальной железной дороги и автострады через «польский коридор», а также проведение «совместной политики в отношении России на базе Антикоминтерновского пакта». В случае принятия этих условий Риббентроп обещал продлить срок действия двусторонней декларации о ненападении 1934 г. еще на 10 лет. Однако польская сторона отклонила эти требования. Косвенным ответом на них явилось опубликованное 26 ноября 1938 г. советско-польское коммюнике, подтверждавшее, что договор о ненападении, заключенный СССР и Польшей в 1932 г., остается в силе. В январе 1939 г. Варшава официально отказалась от присоединения к Анти-

коминтерновскому пакту, пояснив, что не желает жертвовать «тем мирным соседством с Россией, в котором она нуждается для своего спокойствия». Позиция, занятая поляками, вызвала негодование нацистской верхушки. 23 марта 1939 г. Риббентроп вновь, на этот раз в ультимативной форме, потребовал от Бека незамедлительного принятия германских требований. Бек отклонил их, после чего переговоры были прерваны. Отношения между двумя странами резко обострились, а геббельсовская пропаганда развернула шумную антипольскую кампанию. Гитлер, ранее не исключавший возможности совместного с Польшей выступления против СССР, убедился в неосуществимости этого замысла и нежелании Варшавы добровольно становиться германским сателлитом. Поэтому после ликвидации Чехословакии, прошедшей, по его мнению, очень легко и успешно, фюрер окончательно утвердился в мысли о том, что именно Польше предстоит стать его следующей жертвой. По его приказу командование вермахта разработало план военного вторжения в эту страну («план Вайс»). Он предусматривал разгром польской армии в течение нескольких недель в результате молниеносной военной операции (блицкрига). Польша как суверенное государство должна была быть уничтожена. Большую часть ее населения нацисты планировали истребить к 1950 г., заполучив тем самым «жизненное пространство» для германских колонистов.

«Мы добьемся, чтобы стерлось навеки само понятие “Польша”»[1].

Г. Франк, генерал-губернатор Польши в годы нацистской оккупации (1939–1945)

11 апреля 1939 г. «план Вайс» был утвержден Гитлером. Вторжение было намечено на конец августа — 1 сентября 1939 г., а весна и лето отводились для его военной и дипломатической подготовки. С этого момента война в Европе становилась неизбежной, а польский вопрос выдвинулся в центр международной политики.

8.2. Англо-французская политика гарантий

Разрыв Германией Мюнхенских соглашений поставил западные державы перед необходимостью пересмотра провалившегося курса на умиротворение. Сдав без боя Чехословакию, они не могли и дальше пассивно наблюдать, как соотношение сил на континенте необратимо меняется в пользу нацистской Германии. Галифакс предупредил немецкого посла в Лондоне, что «понимает вкус Гитлера к некровавым триумфам, но в следующий раз фюреру придется пролить кровь». 22 марта 1939 г. Великобритания и Франция объявили о предоставлении гарантий военной помощи западным соседям рейха — Бельгии, Голландии и Швейцарии. 31 марта 1939 г. Великобритания предоставила та-

[1] *Парсаданова В. С.* Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 года // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 14.

кую же гарантию Польше. Выступая в парламенте, Чемберлен заявил, что его правительство готово «в случае какой-либо акции, явно угрожающей независимости этой страны... оказать ей всю имеющуюся в распоряжении помощь». Это решение, казалось, свидетельствовало о серьезном сдвиге в британской политике. После Первой мировой войны Великобритания неоднократно отказывалась брать на себя военные обязательства перед странами Восточной Европы. Теперь же в Варшаве могли рассчитывать на ее помощь в случае войны с Германией. Выданная Лондоном гарантия была обусловлена прежде всего стремлением заставить Гитлера отказаться от одностороннего применения силы и впредь решать все европейские проблемы только путем переговоров с Западом. Вместе с тем Великобритания была готова гарантировать только независимость Польши, но не ее территориальную целостность, допуская тем самым возможность исправления польской границы в пользу Германии «мирным путем».

6 апреля 1939 г. в Лондоне состоялась встреча Чемберлена и Бека, в ходе которой Польша пообещала англичанам военную помощь на случай войны. В совместном коммюнике стороны заявили о намерении заключить в скором будущем договор о военно-политическом союзе. 13 апреля 1939 г. гарантии Польше предоставила Франция, подтвердив при этом, что остается в силе и двусторонний договор о взаимопомощи 1921 г., а в мае 1939 г. была подписана франко-польская военная конвенция.

Западные гарантии Польше не смутили Гитлера. Выступая 28 апреля 1939 г. с большой программной речью в рейхстаге, он заявил, что Мюнхенские соглашения не решили всех вопросов, связанных с перекройкой европейских границ. Обвинив Лондон и Варшаву в проведении «антигерманской политики окружения», фюрер объявил о разрыве англо-германского морского соглашения 1935 г. и германо-польской декларации о ненападении 1934 г.

В свою очередь западные державы распространили гарантии военной помощи на ряд других государств. В апреле 1939 г. в ответ на захват Италией Албании они предоставили их Греции и Румынии. 12 мая 1939 г. была опубликована англо-турецкая декларация о взаимопомощи в случае новых актов агрессии в районе Средиземного моря, а 23 июня того же года была подписана аналогичная франко-турецкая декларация. Кроме того, западные державы форсировали оборонные приготовления. 27 апреля 1939 г. в Великобритании впервые в мирное время была введена всеобщая воинская повинность.

«Политика гарантий», проводимая Великобританией и Францией, имела очевидные слабости. В случае войны они были не в состоянии помешать Гитлеру захватить Восточную Европу. В Лондоне и Париже прекрасно понимали, что остановить его агрессию в восточном направлении они могли бы только совместно с Советским Союзом, без помощи которого их гарантии восточноевропейским странам являлись не более чем политическими декларациями.

8.3. Изменения во внешней политике и внешнеполитическом ведомстве СССР

Советская внешняя политика после Мюнхена была подчинена сложной логике — страна готовилась к войне и вместе с тем старалась оттянуть непосредственное вовлечение в большой конфликт, предпринимая при этом меры упредительного и даже экспансионистского характера, если это не вело к столкновению с Германией. Именно так можно трактовать советские действия в отношении Польши, Прибалтийских государств, а позднее – Бессарабии. В отличие от Великобритании и Франции, «умиротворивших» А. Гитлера Рейнской зоной, Австрией и Судетами, то есть мерами, разрушившими Версальские установления, СССР пошел на тактический сговор с Германией в ситуации гораздо более высокой военной угрозы собственной территории, в период лучшей подготовленности Германии к войне. Другими словами, мотивация ничуть не менее циничных, по сравнению с поведением Лондона и Парижа, действий Москвы, объективно была более серьезной. Официально задачи СССР в области внешней политики ставились следующим образом: «1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами мира (в том числе с Германией); 2. Соблюдать осторожность и не дать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками...». Это говорилось 10 марта 1939 г. Но уже к лету того же года Германия на деле была поставлена в число приоритетных контрагентов в Европе, а неудовлетворенность поведением «миролюбивых» западных демократий отлита в обвинительную формулу о том, что «Англия и Франция... стоят за продолжение войны и против заключения мира»[1].

Замена М. М. Литвинова на В. М. Молотова на посту руководителя НКИД — символ перехода к другой внешнеполитической тактике, которая в итоге обернулась стратегической ошибкой.

Предыдущая ставка на создание системы коллективной безопасности в Европе слишком долго не приносила ярких, видимых результатов, что и неудивительно, так как любое кропотливое дело не может сопровождаться постоянными и громкими триумфами. Более того, когда Мюнхенским сговором был сломан один из немногих уже созданных, реальных механизмов системы коллективной безопасности — договорная «связка» Париж—Прага—Москва, — политическому руководству СССР не хватило выдержки продолжить и в новых усилиях формировать систему коллективной безопасности с опорой на западные демократии. Вместе с тем стоит отметить, что был период попыток (с марта по август 1939 г.) совместить «две линии игры» — взаимодействие с Великобританией и Францией и наращивание контактов с Германией.

[1] «О внешней политики Советского Союза». Речь В. М. Молотова на внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. // Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910–1940-х годов. М.: МГИМО, 1997. С. 221.

Лондон и Париж не поняли, что Москва фактически стояла перед выбором и на фоне контактов СССР и Германии сбавили обороты в нахождении компромисса с Москвой. И.Сталин после этого берет курс на взаимодействие с Берлином, тем более что контакты с гитлеровским режимом и даже сговоры с ним — это сценарий, который первыми опробовали западные демократии. Рассуждения о моральных соображениях сталинского руководства, впрочем, как и руководства любой другой европейской страны в тот период, вряд ли уместны — слишком малую роль играли эти соображения для самих вождей той эпохи.

То, что привело В. М. Молотова на пост наркоминдел, кажется достаточно полно исследованным и аргументированным. Однако не только смена внешнеполитического сценария, отказ от коллективной безопасности и переход к сближению с Германией могут служить объяснением этого кадрового решения И. В. Сталина. Очевидно, что М. М. Литвинов был психологически менее приемлем для Германии, но так же очевидно, что и он вполне мог быть исполнителем новой внешнеполитической линии. Более того, при этом Литвинов бы не забывал напоминать Сталину о существовании Великобритании, Франции, США, как это делали в 1940–1941 гг. полпреды его школы — И. М. Майский, К. А. Уманский и в несколько меньшей степени Я. З. Суриц.

Дополнительным объяснением смены руководства НКИД могут быть внутренние аппаратные мотивы. Положение В. М. Молотова в органах высшей государственной власти к 1939 г. оказалось странным. Он был номинальным председателем СНК, а реальным руководителем правительства являлся И. В. Сталин. В то же время равные Молотову по авторитету и партийному стажу деятели руководили отдельными сферами экономики: Л. М. Каганович, возглавляя НКПС, а фактически кооординировал всю транспортную сферу; А. И. Микоян руководил не только НКВТ, он также курировал внутреннюю торговлю, пищевую промышленность и, отчасти, сельское хозяйство; вопросы госбезопасности находились в руках Л. П. Берия; на идеологическом и организационном направлениях партийной работы сосредоточились Г. М. Маленков и А. А. Жданов. При этом во все усложнявшемся экономическом блоке возникали новые импонирующие Сталину фигуры — И. В. Тевосян, Н. А. Вознесенский, М. Г. Первухин и другие. Разумеется, Молотов понимал, что, оставаясь на высшем посту без реальных полномочий, он может превратиться в своего рода второго «всесоюзного старосту», роль которого успешно исполнял М. И. Калинин.

Возглавив НКИД, он нашел для себя жизненно важную функциональную нишу.

Известно, что одним из последних поводов к снятию М. М. Литвинова оказалась поставленная ему в вину обнародованная беседа И. М. Майского с министром иностранных дел Финляндии. Разбор данного случая состоялся у Сталина 21 апреля 1939 г. Воспоминания И. М. Майского об этом заседании дают дополнительный штрих к характеристике роли Молотова в снятии Лит-

винова: «...Молотов буйствовал, непрерывно наскакивал на Литвинова, обвинял его во всех смертных грехах»[1].

3 мая 1939 г. наркомом иностранных дел официально был назначен В. М. Молотов. Показателен состав «комиссии», с которой новый нарком прибыл принимать дела в НКИД — Л. П. Берия, Г. М. Маленков, зам. наркома НКВД В. Г. Деканозов, который впоследствии был переведен на пост заместителя наркома иностранных дел. На «усиление» наркомата в феврале 1940 г. была брошена и такая одиозная личность, как бывший генеральный прокурор СССР и государственный обвинитель на «больших процессах» А. Я. Вышинский, ставший первым заместителем Молотова вместо известного дипломата В. П. Потемкина.

Вместе с тем, в этот период прослеживается и некоторая неуверенность И. В. Сталина в окончательности решения о назначении В. М. Молотова наркомом иностранных дел. Это иллюстрируют факт и текст телеграммы Сталина руководящим сотрудникам НКИД: «Сообщается для сведения. Ввиду серьезного конфликта между председателем СНК т. Молотовым и наркоминделом т. Литвиновым, возникшим на почве нелояльного отношения т. Литвинова к Совнаркому Союза ССР, т. Литвинов обратился в ЦК с просьбой освободить его от обязанностей наркоминдела. ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу т. Литвинова и освободил его от обязанностей наркома. Наркоминделом назначен по совместительству Председатель СНК Союза ССР т. Молотов»[2]. Как представляется, И. В. Сталин сознательно выбирал формулировки этой телеграммы. Он не считает нужным называть содержательные претензии к М. М. Литвинову, а указывает на причины аппаратного характера, приведшие к его отставке, — что нехарактерно для общения политического руководства с подчиненными. Очевидно, что рассылка подобной телеграммы имела своей целью не только информирование конкретных дипломатов, но и формирование установки для комментирования данного кадрового решения в их беседах с зарубежными представителями. Не указывая на ставшую общим местом впоследствии формулировку относительно литвиновской увлеченности «англо-французским направлением», Сталин, с одной стороны, как можно предположить, стремился заранее публично не демонстрировать намечавшееся расширение контактов с Германией. С другой стороны, вина за происшедшее косвенно возлагалась и на В. М. Молотова, который не сработался со своим наркомом и оказался одной из сторон конфликта. То есть создавалась возможность в нужной ситуации «отыграть назад». При этом арбитром вновь явилось бы Политбюро ЦК ВКП(б).

[1] Цит. по: *Шейнис З.* С Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Политиздат, 1989. С. 362.

[2] Телеграмма генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина Я. З. Сурицу, И. М. Майскому, К. А. Уманскому, А. Ф. Мерекалову, Л. Б. Гельфанду, К. А. Сметанину, В. К. Деревянскому, К. Н. Никитину, И. С. Зотову, П. П. Листопаду, В. П. Потемкину, О. И. Никитниковой от 3 мая 1939 г. // АВП РФ. ф. 059. Оп.1. П. 313, Д. 2154. Л. 45.

Сам же В. М. Молотов не был столь осторожным — он объяснял свое назначение более серьезными — не тактическими, а идеологическими — ошибками М. М. Литвинова. Как свидетельствует в своих воспоминаниях А. А. Рощин, бывший тогда заведующий третьим западным отделом, на собрании в НКИД в июле 1939 г. Молотов говорил следующее: «Товарищ Литвинов не обеспечил проведение партийной линии ЦК ВКП(б) в наркомате. Неверно определять прежний НКИД как небольшевистский наркомат... но в вопросе о подборе и воспитании кадров НКИД не был вполне большевистским, так как товарищ Литвинов держался за ряд чуждых и враждебных партии и Советскому государству людей и проявил непартийное отношение к новым людям, пришедшим в НКИД»[1]. Часто звучит тезис, согласно которому, начиная с 1939 г. это — сталинская внешняя политика. Но это не совсем так. Внешняя политика, так же как и внутренняя, была сталинской начиная с середины 1930-х годов. Другое дело, что личные свойства Литвинова, а также широкие профессиональные горизонты позволяли ему делать достаточно гибкой тактику советской дипломатии в рамках общего внешнеполитического курса. Что же касается Молотова, то первый год его работы в НКИД совпадает с периодом чрезвычайной внешнеполитической напряженности, что в отсутствие внешнеполитического опыта не могло не сковывать его действий.

В. М. Молотов фактически выступает в роли творчески слабого транслятора указаний политического руководства вниз по инстанции и информации от полпредств к политическому руководству. Эта скованность выражается в том, что директивы полпредам становятся максимально сухими, слабовариативными и сам Молотов в беседах с зарубежными представителями следовал заранее заготовленному и утвержденному сценарию. И это тем более странно, что его полномочия предсовнаркома теоретически давали больше свободы, чем было у М. М. Литвинова[2]. Образ Молотова как «мистера “нет”» стал формироваться именно в этот период. Непосредственное вмешательство И. В. Сталина во внешнюю политику на фоне подобного поведения наркоминдел становится положительным фактором, вносящим элемент настоящего, а не отложенного во времени дипломатического диалога. Другими словами, решив назначить в НКИД более верного (в тактическом плане, так как вряд ли М. М. Литвинова можно заподозрить в нелояльности), а точнее — приближенного, человека, Сталин сам стал больше заниматься внешней политикой. Не стоит также сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что обязанности по СНК и участие в Политбюро занимали у Молотова определенную часть времени и он объективно должен был дозировать время, отводимое наркомату. В сочетании же со стремлением контролировать все, не делегируя полномочий, это вело к реаль-

[1] Цит. по: Российская дипломатия в свете мирового и исторического опыта. Ученые записки / Под ред. В. М. Матвеева, И. Г. Усачева; МГИМО МИД России. М., 1996. С. 62–63.

[2] Если верить книге Ф. Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым» (М., 1991), сам В. М. Молотов говорил, что «у нас централизованная дипломатия... Дипломатия у нас была неплохая. Но в ней решающую роль сыграл Сталин, а не какой-нибудь дипломат» (С. 99).

ному торможению работы НКИД. Такой стиль работы стал передаваться и вниз по инстанции. Полпреды в своих сообщениях в центр все меньше предлагают инициативных шагов, полпредства начинают запрашивать у Москвы разрешения даже по рутинным вопросам.

В результате репрессий в НКИД сложилась катастрофическая кадровая ситуация.

Ситуацию, сложившуюся в НКИД с кадрами, М. М. Литвинов подробно изложил в записке адресованной И. В. Сталину 3 января 1939 г.: «До сих пор вакантны места полпредов в 9 столицах, а именно: в Вашингтоне, Токио, Варшаве, Бухаресте, Барселоне, Ковно, Копенгагене, Будапеште и Софии. Если не вернется в Тегеран находящийся сейчас в СССР т. Черных, то получится 10-я вакансия. В некоторых из перечисленных столиц не имеется полпредов уже свыше года. Оставление на продолжительные сроки поверенных в делах во главе посольств и миссий приобретает политическое значение и истолковывается как результат неудовлетворительных дипломатических отношений... Благодаря отсутствию полпреда в Бухаресте мы не имеем решительно никакой информации о том, что происходит в Румынии... С Японией нам приходится вести все переговоры через японского посла, ибо наш поверенный в делах доступа к министру иностранных дел почти не имеет... Не лучше обстоит дело с советниками и секретарями полпредств. Имеется свободных вакансий: советников — 9, секретарей — 22, консулов и вице-консулов — 30 и других политических работников полпредств (заведующих отделами печати, атташе и секретарей консульств) — 46.

Некоторых полпредов мы не можем вызывать в Москву во исполнение решения ЦК, ввиду отсутствия у них работников (в Афинах у полпреда нет ни одного человека) или таких, которым можно было бы поручить хотя бы временное заведование полпредством. Я уже не говорю о свободных вакансиях ответственных работников в центральном аппарате НКИД. Достаточно сказать, что из 8 отделов только 1 имеет утвержденного заведующего, а во главе остальных 7 находятся врио заведующих. Нет в НКИД, и в особенности в полпредствах, необходимого технического персонала... Со вчерашнего дня пришлось приостановить курьерскую службу, так как 12 курьерам не разрешают выезд за границу до рассмотрения их личных дел.

Такое положение создалось не только вследствие изъятия некоторого количества сотрудников НКИД органами НКВД. Дело в том, что, как правило, почти все приезжающие в Союз в отпуск или по нашему вызову заграничные работники не получают разрешения на обратный выезд. Не получают разрешения на выезд за границу также большинство работников центрального аппарата НКИД. Немалое количество работников исключено парткомом из партии в порядке бдительности. Другие устраняются от секретной работы

(«рассекречиваются»), а следовательно, теряют для НКИД всякую ценность по распоряжению 7-го Отдела НКВД. Подготовленная нами на курсах за последние годы смена также не получает возможности работать за границей. Новых подходящих работников мы за последнее время от ЦК не получаем. Набранные на курсы новые работники смогут стать на работу по окончании курсов лишь через полтора-два года...

Можно было бы свернуть полпредскую сеть... Но это даст не очень большую экономию, ибо придется иметь во всех столицах, по крайней мере, консульства. Да и политически вряд ли это удобно, ибо усилились бы толки о нашей самоизоляции и т.п.».

По разным оценкам, в 1936–1940 гг. репрессиям подверглись приблизительно 2–2,5 тыс. сотрудников центрального аппарата и полпредств. Только в высшем звене были репрессированы: семь заместителей наркома, более 40 полпредов, сменилось практически все руководство оперативных отделов и управлений. Учитывая, что такое же катастрофическое положение было и во внешней разведке, можно только удивляться, как столь скудный информационный и аналитический «паек» позволял осуществлять внешнюю политику.

Приход нового наркоминдел ознаменовался так называемым «молотовским набором» дипломатов. Впрочем, его характеристики никак не связаны с личностью самого В. М. Молотова. 1939 год — последний год предвоенных массовых репрессий в НКИД. Кадровые потери начинают восполняться, прежде всего, из партийно-комсомольского актива передовых отраслей промышленности. В отличие от первых послереволюционных наборов здесь была и своя специфика — у советской власти уже появился небольшой резерв молодых ученых, преподавателей. Ярким примером выходцев из этой среды стал А. А. Громыко, пришедший в НКИД из Академии наук. 19 августа 1939 г. для ускоренной подготовки внешнеполитических кадров учреждается Высшая дипломатическая школа.

При В. М. Молотове продолжаются внутренние реформы НКИД. 21 июня 1939 г. принимается решение коллегии, направленное на упорядочение организации региональных отделов. Складывается следующая структура. 1-й Западный отдел — к его ведению отнесены Франция, Бельгия, Люксембург, Испания, Португалия, Швейцария. 2-й Западный отдел — Великобритания с доминионами и протекторатами. 3-й Западный отдел — Италия, Югославия, Албания. Отдел Центральной Европы — Германия, Чехословакия, Венгрия. Отдел Восточной Европы — Польша, Румыния. Отдел Прибалтийских стран — Финляндия, Латвия, Литва, Эстония. Отдел Скандинавских стран — Норвегия, Швеция, Дания, Нидерланды. Отдел Америки — США, Центральная и Южная Америка. Ближневосточный отдел — Турция, Болгария, Греция, Аравия. Средневосточный отдел — Иран, Афганистан. 1-й Дальневосточный отдел —

Китай. 2-й Дальневосточный отдел — Япония, Манчжурия. 3-й Дальневосточный отдел — Синьцзян, МНР, ТНР.

Важным для функционирования системы НКИД стало создание в 1939 г. генерального секретариата, руководитель которого — генеральный секретарь НКИД — являлся по должности заместителем наркоминдел. При М. М. Литвинове были заложены первичные функции Генсекретариата, которые концентрировались в руках помощника наркома — главного секретаря НКИД Э. Гершельмана (репрессирован) и «помощников помощника».

В целом, можно констатировать, что к концу 1930-х годов в НКИД и советской дипломатической практике существовало значительное число пережитков первых послереволюционных лет, которые были или изначально неуместными или явно устарели по прошествии двух десятилетий.

Приход В. М. Молотова в какой-то степени повысил роль НКИД в системе органов власти Союза ССР. Это, прежде всего, связано с тем, что впервые после краткосрочного пребывания Л. Д. Троцкого на посту наркоминдел оказался представитель руководства коммунистической партии, более того, глава правительства. Так, Г. В. Чичерин никогда не входил в состав политбюро, а в ЦК избирался уже в конце своей карьеры — в 1925 и 1927 гг. М. М. Литвинов членом ЦК стал только в 1934 г.

Стоит отметить и такой факт, что НКИД при В. М. Молотове уже не имел функционального и политического соперника в лице Коминтерна и его Исполкома, что осложняло жизнь предыдущих наркомов. ИККИ оказался физически разгромлен в 1936–1939 гг., а поворот в сторону налаживания контактов с Берлином не оставлял Коминтерну самостоятельного места в советской внешней политике. В то же время в партийно-государственной системе СССР отсутствовала структура, функционально напоминающая Международный отдел ЦК хрущевско-брежневского периода, и у Молотова на внешнеполитическом поле не было конкурентов.

В целом можно констатировать, что НКИД с приходом В. М. Молотова и далее, под его руководством, превращался во внешнеполитическое ведомство того типа, который в значительной степени был для него характерен на протяжении последующих пятидесяти лет. Из сравнительно небольшого учреждения, костяк которого составляли яркие и талантливые личности, зачастую знакомые друг с другом с дореволюционных времен, он становился большой государственной машиной.

Меняется стиль общения в самом НКИДе. Вместо привычного при Литвинове демократичного обращения «Дорогой Максим Максимович!» появляется «Многоуважаемый Вячеслав Михайлович!». Пропадает привычное «С тов. приветом», которое зачастую заменяется безликим «Полпред», без указания фамилии.

Машиной, где в силу ее значительных масштабов функция играла большую роль, чем ее конкретный исполнитель. Речь идет не о пресловутых сталинских винтиках. Дело в другом. Начало «молотовского периода» в дипломатии совпадает с мировыми тенденциями развития дипломатической службы. Ведомства иностранных дел «де-аристократизируются» во всех странах Западной Европы, они растут численно, причем, за счет кадров центрального аппарата, куда с развитием средств коммуникации стекается все больше информации. Роль посольств и их автономность в такой ситуации начинает снижаться. Воздушный транспорт делает более доступными визиты руководителей внешнеполитического ведомства непосредственно в интересующую страну. Расширяются прямые контакты по линии специализированных ведомств — НКО, НКВТ, НКВД/ НКГБ, которые идут независимо от посольских контактов и согласуются с центральным аппаратом НКИД. Для большинства стран Европы период новой дипломатии наступает после Второй мировой войны, когда довоенные устои оказываются сломанными мировой трагедией. В Советском Союзе этот процесс, как ни парадоксально, начинается с репрессий и прихода В. М. Молотова в НКИД, когда только отлаженная машина внешнеполитического ведомства могла частично компенсировать людские потери. Другое дело, что сохранение старых кадров и их организация в соответствии с новыми задачами могли бы дать несравнимо большую эффективность внешней политики.

8.4. Начало англо-франко-советских переговоров

В послемюнхенский период Советский Союз фактически оказался в политической изоляции, а его отношения как с Германией, так и с западными державами оставались напряженными и враждебными. 10 марта 1939 г. Сталин, выступая с докладом ЦК на XVIII съезде ВКП(б), дал развернутую характеристику международного положения и внешнеполитического курса СССР. Отметив, что «новая империалистическая война стала фактом», он разделил капиталистические державы на агрессивные (Германия, Италия, Япония) и неагрессивные (Великобритания, Франция, США), подчеркнув заинтересованность Москвы в сотрудничестве с неагрессивными государствами. При этом Сталин вновь осудил англо-французскую политику умиротворения и заявил, что «провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками» не удастся столкнуть Советский Союз с Германией. Из его выступления следовало, что СССР не собирается принимать чью-либо сторону в разгорающемся конфликте и намерен сохранять за собой свободу действий, проводя «политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами» без каких-либо исключений.

Немецкое вторжение в Чехословакию, последовавшее спустя пять дней после речи Сталина, серьезно изменило расстановку сил в Европе. Ввиду обострения отношений между западными державами и Германией полити-

ческие акции СССР резко пошли в гору. В условиях очевидного провала курса на умиротворение Великобритания и Франция были вынуждены повернуться в сторону Москвы, от позиции которой теперь зависело очень многое. Осудив захват Чехословакии как «насильственные и агрессивные действия», Советский Союз со своей стороны подтвердил стремление к сотрудничеству с Западом.

Между Москвой, Лондоном и Парижем начался обмен мнениями по поводу сложившейся ситуации. 17 марта 1939 г. Великобритания обратилась к СССР и некоторым другим европейским странам с запросом о том, какова была бы их реакция на возможное германское вторжение в Румынию. В ответ Литвинов высказал предложение о созыве международной конференции с участием всех государств, которым была адресована британская нота. Однако оно не получило поддержки Румынии, которая предпочла пойти на уступки рейху, заключив с ним уже упоминавшееся экономическое соглашение. 21 марта 1939 г. Чемберлен выступил с инициативой в защиту Польши. Он предложил, чтобы Великобритания, Франция, СССР и Польша опубликовали четырехстороннюю декларацию, в которой заявили бы о намерении консультироваться о возможных совместных действиях в случае возникновения угрозы их независимости. Эту идею советская сторона поддержала, однако она была отклонена в Варшаве, где не желали допускать вмешательства Советского Союза в польско-германские отношения.

Ввиду отказа Польши и Румынии от международных гарантий с участием СССР Великобритания призвала Москву последовать ее примеру и предоставить этим государствам односторонние гарантии военной помощи. В Париже были готовы пойти несколько дальше и подписать франко-советский договор о совместной защите Польши и Румынии, не испрашивая на то их согласия. Однако для советской стороны все эти предложения были абсолютно неприемлемы. В случае их принятия СССР мог быть втянут в войну с Германией один на один, без союзников. Неудивительно, что Сталин «отказался совать голову в петлю»[1] и отклонил инициативы Запада.

В то же время в Москве были готовы к созданию полноценного военно-политического союза с западными державами. 17 апреля 1939 г. СССР выступил с предложением о заключении трехстороннего договора о взаимопомощи, согласно которому Великобритания, Франция и Советский Союз должны были немедленно оказать друг другу военную помощь в случае германской агрессии, направленной либо непосредственно против них, либо против некоторых стран Восточной Европы, в число которых помимо Польши и Румынии предполагалось также включить и прибалтийских соседей СССР — Латвию, Эстонию и Финляндию. Наряду с политическим договором должна была быть подписана и военная конвенция, которая определяла бы конкретные условия предоставления военной помощи.

[1] *Киссинджер Г.* Дипломатия / Пер. с англ. М., 1997. С. 297.

Предложение, выдвинутое советской стороной, явилось ее реакцией на новую политическую ситуацию в Европе, сложившуюся в результате ликвидации Чехословакии. После сговора в Мюнхене у Москвы имелись все основания опасаться того, что западные державы пожертвуют Польшей так же легко, как и Чехословакией, выводя Германию к советским границам. Однако британские и французские гарантии Варшаве, казалось, не оправдывали этих опасений, создавая определенные предпосылки для англо-франко-советского сближения. Вместе с тем Советский Союз был согласен оказать помощь западным державам только в том случае, если бы и они взяли на себя обязательство о помощи ему во время войны, возникшей в результате как вторжения Германии в Польшу или Румынию, так и ее нападения на СССР через страны Прибалтики. Англо-французские гарантии Латвии, Эстонии и Финляндии должны были стать доказательством того, что Лондон и Париж отказались от планов столкнуть СССР с Германией, оставляя последней прибалтийский «коридор» для агрессии на восток.

На этот раз советская инициатива встретила поддержку в широких общественных кругах западных стран, где после захвата Гитлером Чехословакии произошел явный сдвиг в сторону осознания всей серьезности нацистской угрозы. Во Франции за союз с СССР выступала уже подавляющая часть населения. В Великобритании идея трехсторонней коалиции также приобрела беспрецедентную для этой страны популярность: по данным опросов общественного мнения, ее поддерживали 84% англичан. Однако в настроениях правящих кругов западных держав подобного сдвига не произошло. Французское правительство, возглавляемое Даладье, продолжало следовать в фарватере британской политики, а консервативный кабинет Чемберлена по-прежнему был настроен явно антисоветски. Британский премьер-министр так и не смог подняться над своими идеологическими предубеждениями.

«Вынужден признаться в предельном недоверии к России. У меня нет ни малейшей уверенности, что она способна развернуть успешные наступательные действия, даже если захочет. И я не доверяю ее мотивам, которые бесконечно далеки от наших идеалов свободы».

Из частной переписки премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена, май 1939 г.

Чемберлен был убежден, что обескровленная репрессиями Красная армия фактически небоеспособна и не сможет оказать реальной помощи Западу. На одном из заседаний кабинета он даже заявил, что «скорее подаст в отставку, нежели заключит союз с Советами». В Лондоне развернулась острая борьба между противниками и сторонниками сближения с Москвой (к последним относились руководители оппозиционной Лейбористской партии, командование вооруженных сил, а также группа консерваторов во главе с Черчиллем).

В результате англо-франко-советские переговоры были фактически приостановлены до конца мая 1939 г.

8.5. Ослабление напряженности в германо-советских отношениях

Наведение мостов между западными державами и Советским Союзом вызвало явное беспокойство в Берлине. В преддверии германо-польской войны Гитлер считал своей главной политической задачей изолировать Польшу и не допустить выступления на ее стороне коалиции европейских государств. При этом он был убежден, что Великобритания и Франция не станут воевать из-за Польши, ограничившись дипломатическими и экономическими санкциями. 8 марта 1939 г. на совещании в имперской канцелярии фюрер впервые заявил своим приближенным, что после победы над Польшей он намерен нанести следующий удар на западе. Согласно его расчетам, Германия должна была в 1940 г. стереть с европейской карты вначале Францию, а затем Великобританию — «хилую и старую страну, ослабленную демократией» — и взять под контроль всю Западную Европу.

На востоке планы Гитлера были иными. Ясно сознавая, что вторжение в Польшу противоречит коренным интересам безопасности СССР и таит в себе огромный риск германо-советского конфликта, он считал такой конфликт крайне нежелательным и несвоевременным. Поэтому фюрер стремился сделать все для того, чтобы добиться нейтралитета СССР и не допустить его выступления на стороне Польши совместно с Великобританией и Францией.

Новая тактическая линия Германии в отношении Советского Союза обозначилась вскоре после Мюнхенской конференции. С января 1939 г. из Берлина стали поступать сигналы, свидетельствующие о его стремлении к улучшению двусторонних отношений. Первым шагом такого рода явилась подчеркнуто дружественная беседа Гитлера с советским послом А. Ф. Мерекаловым на новогоднем приеме в имперской канцелярии, которая, впрочем, носила сугубо протокольный характер. Германские средства массовой информации приглушили антисоветскую пропаганду; традиционные антикоммунистические выпады исчезли из выступлений Гитлера и других нацистских главарей. Оккупационные власти в Чехии не препятствовали заводам «Шкода» выполнять советские военные заказы. После присоединения Закарпатской Руси к Венгрии ведомство Геббельса свернуло пропагандистскую кампанию за создание «Великой Украины».

В Москве были недовольны медленным ходом переговоров с Великобританией и Францией, явно не служивших восстановлению взаимного доверия. Чутко улавливая поступающие из Берлина сигналы, Сталин тоже дал понять Германии, что готов вступить с ней в диалог. 3 мая 1939 г. был отправлен в отставку нарком иностранных дел Литвинов, олицетворявшей антифашист-

скую внешнюю политику СССР и активно выступавший за создание военно-политического союза с западными державами[1]. Вместо него на эту должность был назначен член Политбюро ЦК ВКП(б) В. М. Молотов, сохранивший за собой и пост председателя советского правительства. Являясь вторым лицом в государстве и наиболее доверенным приближенным Сталина, Молотов вместе с тем был более нейтральной политической фигурой, чем Литвинов. Его назначение на пост наркома являлось серьезным предупреждением западным державам о возможной смене советского внешнеполитического курса и одновременно создавало предпосылки для начала диалога с Германией.

Реакция западных держав на отставку Литвинова была вялой. В то же время в Берлине она, как и следовало ожидать, сразу же встретила положительный отклик. 12 мая 1939 г. Гитлер заявил Риббентропу, что намерен «инсценировать в отношениях с Советским Союзом новый рапалльский этап», поручив ему позондировать почву для сближения двух государств. 20 мая 1939 г. германский посол в Москве В. фон Шуленбург предложил Молотову возобновить прерванные в январе того же года двусторонние торгово-экономические переговоры, однако нарком ответил отказом, отметив, что для их успеха отсутствует «соответствующая политическая база». Советская сторона вела себя очень осторожно. Опасаясь, что авансы Германии — не более чем игра с целью срыва тройственных переговоров, она терпеливо ожидала, когда же в Берлине выскажутся о своих намерениях более определенно. Однако и фюрер полагал, что время для откровенного разговора с Москвой еще не пришло. Не теряя надежды на достижение нового компромисса с Лондоном, он рассчитывал, что англо-франко-советские переговоры в конце концов закончатся провалом, а это в свою очередь облегчит ему достижение договоренности со Сталиным накануне планируемого нападения на Польшу.

8.6. Германо-итальянский союз («Стальной пакт»)

С осени 1938 г. переговоры о создании военной коалиции начались и в лагере агрессоров. Они проходили очень непросто, поскольку Германия, Италия и Япония по-разному понимали цели и задачи предполагаемого союза. Планируя крупную военную провокацию против СССР на Халхин-Голе, Япония в апреле 1939 г. известила Берлин о том, что не поддерживает выдвинутую им идею заключения тройственного пакта, направленного против Великобритании, Франции и США, и согласна подписать договор, направленный толь-

[1] Смещение Литвинова явилось кульминацией жестокой чистки аппарата Наркоминдела, предпринятой Сталиным в 1937–1939 гг. В этот период были репрессированы и погибли четыре из пяти бывших заместителей наркома (Л. М. Карахан, Н. Н. Крестинский, Г. Я. Сокольников, Б. С. Стомоняков), почти все полпреды и большинство других кадровых дипломатов. Сам Литвинов был обвинен в заступничестве за «враждебных партии людей», а также в «нелояльном отношении к Совнаркому» и вплоть до 1941 г. оставался не у дел.

ко против Советского Союза. Гитлер ответил отказом, после чего германо-японские переговоры были приостановлены.

6–7 мая 1939 г. в Милане состоялась встреча министров иностранных дел Германии и Италии Риббентропа и Г. Чиано. На ней Чиано заявил, что Италия в ближайшие годы не готова к большой войне и не желает ее. Риббентроп поспешил успокоить своего итальянского коллегу, сообщив ему, что будто бы фюрер стремится урегулировать польский кризис мирным путем и не начнет войны в Европе раньше 1943 г. Германский министр сознательно обманывал партнера по «оси». Однако Муссолини, следивший за ходом переговоров из Рима, был вполне удовлетворен этими разъяснениями и предложил Германии заключить договор о взаимопомощи. Долгое время осторожный итальянский лидер уклонялся от настойчивых предложений Гитлера превратить «ось» в полномасштабный военный союз. На этот раз, разозленный англо-французскими гарантиями Греции и Румынии, призванными помешать итальянской агрессии на Балканах, он захотел сделать эффектный ответный ход, не просчитав, однако, всех его долговременных последствий.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

22 мая 1939 г. в Берлине был подписан германо-итальянский договор о дружбе и союзе, который фашистская пропаганда сразу же окрестила «Стальным пактом». Этот документ не проводил различий между обороной и нападением, обязывая стороны автоматически оказывать друг другу помощь «всеми военными силами на суше, море и в воздухе», даже если бы одна из них совершила неспровоцированную агрессию.

Познакомившись с его проектом, Чиано в ужасе воскликнул: «Я никогда не читал подобных договоров. Это настоящий динамит». Однако Муссолини это нисколько не смутило. Он, как и фюрер, вовсе не верил в святость договоров и был озабочен не буквой, а пропагандистским эффектом «Стального пакта», еще не сознавая, что, подписывая его, он прочно связывает судьбу своей страны с нацистской Германией.

8.7. Англо-франко-советские политические переговоры

Тем временем трехсторонний переговорный процесс продвигался вперед очень медленно. Только 28 мая 1939 г. западные державы дали наконец положительный ответ на советское предложение от 17 апреля 1939 г. о заключении пакта о взаимопомощи. Обменявшись проектами этого соглашения, стороны договорились перейти к их непосредственному обсуждению.

Консервативное правительство Великобритании рассматривало продолжение диалога с Москвой как вынужденный шаг, продиктованный дальнейшим ухудшением международной обстановки, а также растущим давлением со стороны общественного мнения. В ходе дебатов в парламенте в мае 1939 г. по-

литика кабинета Чемберлена подверглась острой критике, а большинство депутатов палаты общин высказались за скорейшее заключение союзного договора с СССР. Наряду с этим в западные столицы поступало все больше информации о подготовке германского вторжения в Польшу и попытках Гитлера зондировать позицию Москвы. Открытым вызовом Западу явился и германо-итальянский «Стальной пакт». В этой напряженной ситуации Чемберлен, оставаясь противником создания трехстороннего союза, тем не менее был вынужден признать, что переговоры с СССР полезны, так как позволяют подкрепить англо-французские гарантии странам Восточной Европы, а также не допустить германо-советского сближения. Последнее, впрочем, представлялось ему маловероятным. Со своей стороны Чемберлен не делал ничего, чтобы развеять недоверие Москвы к проводимой им политике. Убежденный в непреодолимости идеологического антагонизма между нацизмом и коммунизмом, он «не мог заставить себя поверить» в реальность советско-германского компромисса и рассчитывал, что одного факта ведения тройственных переговоров будет достаточно для того, чтобы нейтрализовать саму возможность достижения договоренности между Германией и СССР.

Англо-франко-советские политические переговоры были продолжены в Москве с 15 июня по 2 августа 1939 г. Советский Союз на них представлял Молотов, западные державы — послы Великобритании и Франции У. Сидс и П. Наджиар, а также специально прибывший в Москву директор восточноевропейского департамента британского Форин офис У. Стрэнг. Дискуссии проходили очень тяжело, в обстановке взаимного недоверия. Советская сторона требовала от западных партнеров убедительных доказательств их окончательного разрыва с курсом на умиротворение и готовности в полной мере считаться с ее интересами.

Стороны довольно быстро согласовали ключевые положения проекта союзного договора, которые предусматривали, что Великобритания, Франция и Советский Союз окажут друг другу «всяческую немедленную и эффективную помощь» в случае агрессии против них или же против тех стран, чью независимость они бы гарантировали. СССР соглашался дать гарантии пяти европейским государствам (Польше, Румынии, Бельгии, Греции и Турции), которые уже получили их от западных держав, но в свою очередь потребовал, чтобы Великобритания и Франция предоставили совместно с ним гарантии трем странам Прибалтики — Латвии, Эстонии и Финляндии. (Вопрос о гарантиях Литве, не имевшей общей границы с СССР, не ставился ни советской, ни англо-французской стороной.) Молотов твердо заявил, что сохранение независимости и нейтралитета сопредельных Прибалтийских государств относится к числу важнейших внешнеполитических приоритетов Москвы и от положительного решения этого вопроса зависит исход переговоров. Однако западные державы отклонили советское предложение. Советская сторона восприняла их отказ очень болезненно, усмотрев в нем стремление использовать Прибалтику как разменную монету для возможного компромисса с Гитлером

и предоставить ему «коридор» для агрессии на восток. Переговоры оказались на грани провала.

Положение осложнялось еще и тем, что Прибалтийские государства боялись СССР больше, чем Германию, и категорически отказывались принимать любую его помощь. 7 июня 1939 г., т.е. еще до начала московских переговоров, Латвия и Эстония подписали с Германией пакты о ненападении, давая понять Москве, что не нуждаются в ее защите.

Не желая допустить срыва переговоров, Великобритания и Франция 1 июля 1939 г. все же согласились дать гарантии странам Прибалтики, что явилось с их стороны важным шагом навстречу требованиям СССР. По предложению Франции было решено перечислить все восемь стран, подлежащих гарантиям, в специальном секретном протоколе и тем самым преодолеть затруднения, связанные с отказом многих из них принимать советскую помощь.

Камнем преткновения на переговорах стал вопрос об определении понятия «косвенная агрессия». Отметив, что до сих пор Германии удавалось захватывать другие государства без применения военной силы (аншлюс Австрии, расчленение Чехословакии), Молотов предложил, чтобы гарантии трех держав распространялись и на подобного рода случаи. Реальная угроза косвенной агрессии, по мнению советской стороны, нависла прежде всего над малыми странами Прибалтики, неспособными самостоятельно защитить свою независимость. Кроме того, в этих государствах проживали многочисленные немецкие общины и были сильны пронацистские настроения, а их правительства установили тесные контакты с Берлином, в том числе и по военной линии, что не могло не задевать интересов СССР.

Признав правомерность самой постановки вопроса о косвенной агрессии, Великобритания и Франция предложили определить ее как «утрату тем или иным государством независимости и нейтралитета вследствие угрозы применения силы со стороны агрессора». Однако советская сторона не была удовлетворена этой формулировкой и предложила ее расширить, сославшись на то, что косвенная агрессия может произойти и без прямой угрозы применения военной силы и выразиться в «использовании территории или сил» того или иного государства в интересах агрессора. Поскольку такое широкое определение открывало простор для произвольных толкований, западные державы сразу же заподозрили Советский Союз в стремлении под предлогом борьбы с германской угрозой прибрать к рукам государства Прибалтики. Молотов отверг это предположение, но заметил при этом, что Лондону и Парижу следовало бы с большим пониманием отнестись к интересам и чаяниям СССР, так как в случае германской агрессии на востоке Европы именно ему придется нести основную тяжесть войны, за что он должен быть соответствующим образом вознагражден. Однако западные державы упорно отказывались признавать за Москвой свободу рук в Прибалтике. Советские руководители были возмущены этой неуступчивой позицией.

«Англичане и французы хотели иметь нас в батраках и притом ничего не платить! Мы, конечно, не пошли бы в батраки и еще меньше, ничего не получая».

И. В. Сталин в беседе с Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Г. Димитровым, 7 сентября 1939 г.

Еще одним пунктом разногласий стал вопрос о взаимосвязи политического договора и военной конвенции. Советская сторона в соответствии с общепринятой практикой потребовала, чтобы одновременно с политическим договором была подписана и военная конвенция, в которой определялись бы конкретные методы, формы и размеры взаимной помощи. Без нее трехсторонний договор остался бы, по словам Молотова, «пустой декларацией», подобно советско-французскому договору о взаимопомощи 1935 г. Однако западные державы хотели вначале подписать политическое соглашение и тем самым связать Москву определенными обязательствами и только после этого перейти к штабным переговорам, предполагавшим раскрытие военных секретов.

В конце концов компромисс все же был найден. 23 июля 1939 г. английский и французский послы сообщили Молотову о согласии с тем, чтобы политическое и военное соглашения вступали в силу одновременно. Молотов в свою очередь смягчил позицию в отношении формулировки косвенной агрессии, заявив, что вопрос этот является «второстепенным» и в случае подписания военной конвенции будет легко разрешен. Стороны условились начать в ближайшее время в Москве переговоры военных миссий.

Таким образом, хотя политические переговоры и не привели к подписанию трехстороннего соглашения, на них был достигнут определенный прогресс. Казалось, открывается реальная возможность для заключения англо-франко-советского союза с целью противодействия германской агрессии в Европе.

8.8. Тайные англо-германские переговоры

Великобритания, однако, не спешила воспользоваться этим шансом. Чемберлен не оставлял надежд на новый компромисс с Германией, полагая, что фюрер в последний момент одумается и предпочтет договориться с ним, вместо того чтобы ввязываться в большую войну. Переговоры с СССР премьер-министр рассматривал главным образом как инструмент давления на немцев. Встречаясь в июне 1939 г. с одним из гитлеровских эмиссаров, он вновь заявил: «Европейская проблема может быть решена только по линии Берлин—Лондон».

В июне 1939 г. начались тайные англо-германские переговоры, которые проходили параллельно с тройственными переговорами в Москве и продолжались вплоть до Второй мировой войны. Они носили нерегулярный, полуофициальный характер и велись в основном через доверенных лиц — дипломатов и чиновников среднего звена, а также посредников из нейтральных

стран (шведский коммерсант Б. Далерус и др.). В отличие от времен Мюнхена, когда Чемберлен опирался на мощную поддержку общественного мнения, на этот раз ему приходилось действовать тайно. Антигитлеровские настроения среди англичан достигли такого размаха, что любая его попытка вступить в официальные переговоры с Берлином привела бы к отставке британского кабинета.

Центральным событием на переговорах стали встречи чиновника по особым поручениям при Геринге Г. Вольтата с советником британского премьер-министра Г. Вильсоном и министром внешней торговли Р. Хадсоном, проходившие 18–21 июля 1939 г. в Лондоне. В ходе этих встреч Вильсон от имени Чемберлена предложил германской стороне проект «широчайшей англо-германской договоренности по всем важным вопросам» международной политики. Согласно этому плану Великобритания соглашалась на уступки по целому ряду требований Германии: признать Восточную Европу сферой ее особых экономических и политических интересов, согласиться с присоединением к рейху Данцига и строительством экстерриториальной магистрали через «польский коридор», постепенно вернуть немцам их бывшие колонии. Предполагалось также наладить тесное финансово-экономическое сотрудничество между двумя державами (в частности, предоставить Берлину заем в 1 млрд фунтов стерлингов). В обмен на эти уступки Германия должна была заключить с Великобританией договор о ненападении, который содержал бы обязательство о неприменении силы не только друг против друга, но и против третьих стран, «отказ от принципа агрессии как такового». В этом случае Лондон был согласен отказаться от гарантий, предоставленных им Польше и другим государствам, а также прекратить переговоры с СССР. Для обсуждения всего комплекса европейских проблем предполагалось созвать новое совещание четырех держав — участниц Мюнхенской конференции.

Ожидая ответа немцев, Чемберлен притормозил начало трехсторонних военных переговоров — британская и французская военные миссии отправились в Советский Союз на тихоходном пассажирском судне, затратив на поездку до Москвы целую неделю. Но Берлин молчал. Уступки, предложенные англичанами, могли бы удовлетворить умеренных германских политиков времен Веймарской республики, однако для Гитлера их было совершенно недостаточно. Фюрер добивался от Великобритании, чтобы она отдала ему на откуп всю континентальную Европу. В обмен на это он обещал гарантировать неприкосновенность ее колониальной империи. Однако Чемберлен не мог согласиться с требованиями Гитлера. Их принятие означало бы полную капитуляцию Великобритании перед рейхом и создавало бы смертельную угрозу ее собственной безопасности. Переговоры зашли в тупик. Не удалось сохранить в тайне и сам факт их проведения. В Москве были хорошо информированы о ходе переговоров по разведывательным каналам, а сведения о встречах Вольтата с Вильсоном даже просочились в британскую прессу, после чего были перепечатаны в советских газетах.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Летом 1939 г. Чемберлен, по существу, предложил Гитлеру «второй Мюнхен». Однако его инициатива была отвергнута. Она лишь укрепила уверенность фюрера в том, что Великобритания не готова воевать и не является достойным противником.

8.9. Инициатива Германии по урегулированию отношений с СССР

Вместе с тем появившееся 24 июля 1939 г. известие о предстоящей поездке в Москву английской и французской военных миссий всерьез обеспокоило Гитлера. Неприятным сюрпризом для него стало и заключенное в тот же день англо-японское «соглашение Арита—Крейги», перечеркивавшее его планы создания германо-японского союза, направленного против Запада[1]. Отвергнув условия, выдвинутые британской стороной на тайных переговорах в Лондоне, и убедившись, что медлить дальше нельзя, Гитлер перешел к решительным действиям.

26 июля 1939 г. ответственный сотрудник германского МИДа К. Шнурре в ходе встречи с временным поверенным СССР в Берлине Г. А. Астаховым заявил о желании Германии восстановить дружественные отношения с Советским Союзом, существовавшие в рапалльский период, и ее готовности «договориться по любым вопросам и дать любые гарантии». Шнурре отметил, что главным врагом рейха является Великобритания, а его отношения с Польшей «расстроились непоправимо». При этом он подчеркнул, что говорит не просто от своего имени, но и от имени Риббентропа, который в свою очередь «в точности знает мысли фюрера». Это был серьезный сигнал, свидетельствующий о начале поворота в германской политике.

2 августа 1939 г. на встрече с Астаховым высказывания Шнурре повторил сам Риббентроп. Министр заявил, что, по его мнению, между двумя державами «нет противоречий на протяжении всего пространства от Черного до Балтийского моря», и ясно дал понять, что Германия хотела бы договориться с СССР по всем вопросам, связанным с дальнейшей судьбой стран Восточной Европы. На следующий день Шуленбург на встрече с Молотовым высказался за кардинальное улучшение германо-советских отношений путем подтверждения действующих или подписания новых двусторонних договоров.

10 августа 1939 г. Шнурре открыто объявил Астахову о скором начале германо-польской войны и желании Берлина в ее преддверии «сделать все, чтобы не угрожать СССР и не задевать его интересы».

[1] О «соглашении Арита—Крейги» подробнее см. главу 11.

«Германия хотела бы знать, к чему наши интересы сводятся. Отказ от Прибалтики, Бессарабии, Восточной Польши... — это в данный момент минимум, на который немцы пошли бы без долгих разговоров, лишь бы получить от нас обещание невмешательства в конфликт с Польшей».

Из телеграммы Г. А. Астахова в Наркоминдел 10 августа 1939 г.

Убедившись в возможности компромисса с Германией и ввиду неопределенности намерений западных держав Политбюро ЦК ВКП(б) 11 августа 1939 г., т.е. накануне начала англо-франко-советских военных переговоров, приняло решение «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин»[1].

8.10. Англо-франко-советские военные переговоры

На следующий день в Москве открылись переговоры военных миссий. Подход Великобритании и Франции к их проведению давал советской стороне новые основания подозревать своих западных партнеров в неготовности договариваться. Их делегации, возглавляемые отставным британским адмиралом П. Драксом и французским генералом Ж. Думенком, состояли из второстепенных лиц и были недостаточно представительными для столь ответственного дела. Французская делегация была наделена полномочиями только на ведение переговоров, но не на подписание военной конвенции, а британская делегация вообще не имела письменного мандата от своего правительства. Такое неуважение к общепринятым дипломатическим нормам вызвало нескрываемое недовольство советской стороны, учитывая, что от Советского Союза на переговорах присутствовало все высшее руководство вооруженных сил во главе с наркомом обороны К. Е. Ворошиловым и его полномочия были в полном порядке.

Секретные директивы у адмирала Дракса конечно же были; они предписывали ему «вести переговоры как можно медленнее» и затягивать их до октября 1939 г., когда вследствие осенней распутицы германское нападение на Польшу стало бы невозможным. Придерживаясь такой тактики, англичане рассчитывали вынудить Гитлера отказаться от своих агрессивных планов и в то же время уклониться от принятия обязательств по оказанию военной помощи Советскому Союзу. На это же надеялись и во Франции.

Неудивительно, что секретные инструкции, полученные Ворошиловым от Сталина, были проникнуты глубоким недоверием к западным партнерам. Подозревая их в стремлении столкнуть СССР с Германией, Сталин ожидал от британских и французских представителей убедительных доказательств се-

[1] О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 года. Доклад А. Н. Яковлева на II съезде народных депутатов СССР // Дипломатический вестник. 1990. № 2. С. 11.

рьезности их намерений, способных развеять эти опасения. Таким доказательством, по мнению руководства СССР, должен был стать в первую очередь свободный пропуск Красной армии через территорию Польши и Румынии к театру военных действий с Германией; в противном случае тройственная коалиция признавалась «предприятием, заранее обреченным на провал», в котором Советский Союз участвовать отказывался.

Заседание военных миссий началось с изложения сторонами своих предложений о военном сотрудничестве. Ворошилов представил подробный план совместных действий против Германии, предусматривавший три варианта: на случай германской агрессии против Великобритании и Франции, против Польши и Румынии, а также против СССР через страны Прибалтики. Начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников заявил, что Красная армия готова выставить против агрессора мощную группировку в составе 136 дивизий, 9–10 тыс. танков, 5 тыс. тяжелых орудий и 5–5,5 тыс. самолетов. Однако ни английская, ни французская делегация не смогли дать внятного ответа на вопрос, каким образом Советский Союз, не имевший общей границы с Германией, мог бы принять участие в боевых действиях. После этого Ворошилов в соответствии с полученными инструкциями, поставил перед ними «кардинальный вопрос» о пропуске советских войск через Польшу (в районе Виленского коридора и Галиции) и Румынию. Он потребовал, чтобы западные державы добились от своих восточноевропейских союзников согласия на вступление Красной армии на их территорию в случае германского нападения.

С точки зрения заключения подлинного военного союза требование о допуске Красной армии в Польшу и Румынию было абсолютно правомерным и логичным. И хотя правительства этих стран ранее неоднократно давали понять, что не желают военного союза с СССР, в Москве рассчитывали, что в изменившихся условиях, когда над Польшей нависла смертельная угроза германского вторжения, ее позиция может быть пересмотрена. Однако польское руководство оставалось непреклонным, не желая проводить никаких различий между германской и советской политикой. Министр иностранных дел Бек на встрече с английскими и французскими дипломатами предположил, что «Ворошилов пытается добиться мирным путем того, чего он хотел добиться силой оружия в 1920 г.» (т.е. во время советско-польской войны), и заявил, что Польша не примет помощь Красной армии ни при каких обстоятельствах. Главнокомандующий Войском Польским Э. Рыдз-Смиглы видел в Германии даже «меньшее зло» по сравнению с СССР.

> «С немцами мы рискуем потерять нашу свободу, с русскими мы потеряем нашу душу».
>
> *Э. Рыдз-Смиглы, август 1939 г.*

Максимум, на что соглашались поляки, — это отложить на несколько дней публичное объявление своей позиции, чтобы дать британской и французской делегациям возможность еще немного потянуть время на московских переговорах. С Румынией же западные державы вообще не стали обсуждать вопрос о проходе советских войск.

17 августа 1939 г. Ворошилов предложил отложить очередное заседание до получения ответа из Варшавы. Переговоры зашли в тупик.

8.11. Договор о ненападении между СССР и Германией и секретный дополнительный протокол

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Как только советская сторона окончательно убедилась, что западные миссии приехали в Москву с пустыми руками и не готовы к подписанию военной конвенции, она активизировала параллельные переговоры с Германией.

15 и 17 августа 1939 г. Молотов дважды принимал ее посла Шуленбурга, который передал ему официальное германское предложение о визите в СССР «в самое ближайшее время» министра иностранных дел Риббентропа с тем, чтобы «восстановить дружбу между двумя странами» и «решить территориальные вопросы Восточной Европы». В свою очередь Молотов впервые высказал пожелание советской стороны заключить с Германией пакт о ненападении, а также «специальный протокол по вопросам внешней политики, который представлял бы органическую часть пакта», на что Берлин немедленно ответил согласием.

Гитлер очень спешил. Назначив вторжение в Польшу на 25 августа, он загнал себя в страшный цейтнот. Начинать войну ему следовало, не дожидаясь осенней распутицы, вследствие которой польские дороги могли стать непроходимыми для моторизованных частей вермахта, а это поставило бы под удар всю концепцию блицкрига. Однако в Москве медлили с определением точной даты визита, желая дождаться от западных держав ответа на свой запрос относительно пропуска Красной армии в Польшу и Румынию. 19 августа 1939 г. было подписано советско-германское кредитное соглашение, согласно которому Берлин предоставлял СССР льготный заем в 200 млн марок под 5% годовых для закупки товаров и оборудования. В тот же день Молотов предложил назначить визит Риббентропа на 26 августа — срок, для германской стороны абсолютно неприемлемый. Уговоры Шуленбурга и его обещания «пойти навстречу всем желаниям Советского Союза» ни к чему не привели. И тогда Гитлер решился сыграть ва-банк. 21 августа 1939 г. он обратился к Сталину с личным посланием, в котором просил его принять Риббентропа не позднее 23 августа.

«Кризис в германо-польских отношениях может разразиться со дня на день... Министр будет иметь всеобъемлющие и неограниченные полномочия, чтобы составить и подписать как пакт, так и протокол».

Из послания А. Гитлера И. В. Сталину 21 августа 1939 г.

Медлить и дальше становилось опасно. Не дождавшись от западных держав положительного ответа на советские предложения и получив убедительные доказательства готовности Германии идти на уступки и договариваться, Сталин ответил на просьбу фюрера согласием.

Известие о предстоящем приезде Риббентропа в Москву произвело в Европе ошеломляющий эффект. Лидеры западных держав, убежденные в непримиримости советско-германских противоречий, явно не ожидали такого развития событий и находились в замешательстве. Глава французской военной миссии генерал Думенк обратился к Ворошилову с предложением немедленно, не дожидаясь ответа из Лондона, заключить франко-советскую военную конвенцию, но оно, как и следовало ожидать, было отклонено. Вместе с тем советская сторона не спешила окончательно «сжигать мосты» в отношениях с Великобританией и Францией. Им было официально заявлено, что «переговоры с Германией не могут никаким образом прервать или замедлить англо-франко-советские переговоры», а 21 августа 1939 г. на очередном заседании военных миссий Ворошилов вновь говорил о желании СССР подписать трехстороннюю военную конвенцию. Советский проект пакта о ненападении, врученный Шуленбургу 19 августа 1939 г., был составлен по образцу договоров о ненападении, ранее заключенных СССР со странами Прибалтики, и предусматривал, что Советский Союз останется нейтральным только в том случае, если Германия станет жертвой агрессии; в случае же, если агрессия будет совершена самой Германией, договор автоматически расторгался. Для Гитлера, изготовившегося напасть на Польшу, такая редакция пакта была заведомо неприемлемой, но она давала Москве возможность сохранить пути к отступлению и продолжить переговоры с западными державами, если по каким-либо причинам миссия Риббентропа закончилась бы провалом. Как опытный политик, Сталин играл одновременно «на двух досках» и вовсе не собирался связывать себя безальтернативными решениями. Не доверяя ни Гитлеру, ни западным державам, он должен был перестраховываться и всегда иметь наготове запасной вариант действий.

23 августа 1939 г. германский министр иностранных дел прибыл в Москву и сразу же направился в Кремль. Визит готовился в невероятной спешке — один из самолетов германской делегации был даже обстрелян по ошибке в районе Великих Лук советскими средствами ПВО. Переговоры проходили очень успешно. В считаные часы стороны достигли соглашения по всем обсуждавшимся вопросам; при этом германский министр согласовывал все свои действия по телефону с Гитлером. В ночь с 23 на 24 августа Риббентроп и Мо-

лотов скрепили своими подписями советско-германский пакт о ненападении и секретный дополнительный протокол к нему.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Договор о ненападении, датированный 23 августа 1939 г., был заключен сроком на 10 лет и вступал в силу немедленно после подписания. Статья I этого документа провозглашала отказ договаривающихся сторон «от всякого насилия, всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами». Статьи III и V предусматривали проведение консультаций по вопросам, затрагивающим общие интересы двух государств, и мирное урегулирование споров. В остальном же первоначальный советский проект пакта подвергся кардинальным изменениям. Статья II получила принципиально новую редакцию и гарантировала теперь нейтралитет одной из сторон в случае, если другая сторона «окажется объектом военных действий со стороны третьей державы» — т.е. может не только стать жертвой агрессии, но и сама совершить агрессию. Именно такого обязательства и добивался от Москвы Гитлер.

Новой была и статья IV, согласно которой каждая из сторон обязалась «не участвовать в какой-либо группировке держав», направленной «прямо или косвенно против другой стороны», что делало невозможным продолжение англо-франко-советских переговоров, равно как и участие СССР в любой антигерманской коалиции. Однако и Германия, приняв эту формулировку, делала крупную уступку: она фактически выходила из Антикоминтерновского пакта. Это ее решение наносило болезненный удар по германо-японским отношениям, учитывая, что визит Риббентропа проходил в разгар советско-японского вооруженного конфликта у реки Халхин-Гол[1]. В Токио оно было встречено с возмущением, как явно недружественный акт.

Заключив договор о ненападении с Германией, Советский Союз гарантировал ей свой нейтралитет в ходе предстоящей нацистской агрессии против Польши. Уничтожение Польского государства означало не только дальнейшее усиление Третьего рейха, но и его территориальное расширение на восток с непосредственным выходом к границам СССР. Цена, уплаченная Берлином за советский нейтралитет, была скрыта в секретном протоколе. Этот примечательный документ был посвящен разграничению «сфер интересов» обеих держав в Восточной Европе. В нем говорилось, что «в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства» разграничение «сфер интересов» Германии и СССР пройдет по линии рек Нарева, Висла, Писса и Сана, а «в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств» разграничение «сфер интересов» двух держав пройдет по северной границе Литвы. В протоколе также подчеркивался интерес СССР к Бессарабии, в то время как германская сторона заявля-

[1] О событиях на Халхин-Голе см. главу 11.

ла о своей «полной политической незаинтересованности» в этой территории. (Румыния, в то время владевшая Бессарабией, не была включена в «сферу интересов» ни одной из сторон.) Обе державы соглашались также признать интересы Литвы относительно Виленской области[1].

Таким образом, согласно секретному протоколу, в советскую сферу интересов отходили Латвия, Эстония, Финляндия, Бессарабия и восточная часть Польского государства (западные украинские и белорусские земли, а также населенные преимущественно поляками Люблинское и часть Варшавского воеводств) — т.е. почти все европейские территории, которые до Первой мировой войны были частью Российской империи, но впоследствии не вошли в состав СССР. В германскую сферу интересов были включены западная часть Польши и Литва.

8.12. Международное значение и последствия советско-германских соглашений

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Секретный протокол подверг кардинальной ревизии послевоенное урегулирование в Восточной Европе. При этом договаривающиеся стороны использовали термины «территориально-политическое переустройство» и «сфера интересов», которые, как показали дальнейшие события, понимались ими как территориальные захваты[2]. Вследствие этого сам факт существования секретного протокола отрицался в Советском Союзе вплоть до горбачевской перестройки. Его оригинал был извлечен из архива только в 1992 г., уже после распада СССР[3].

[1] В отличие от Советского Союза, считавшего Виленскую область частью Литвы и осуждавшего ее оккупацию поляками как незаконную, Германия до подписания 23 августа 1939 г. секретного протокола рассматривала Виленскую область как часть Польши. Принадлежность Вильно Польше была признана в межвоенный период большинством стран мира и Лигой Наций.

[2] В период с сентября 1939 г. по август 1940 г. все территории, обозначенные в секретном протоколе как «сферы интересов», были включены в состав либо нацистской Германии, либо Советского Союза — за исключением Финляндии, которая отстояла свою независимость в кровопролитной войне с СССР (ноябрь 1939 г. — март 1940 г.).

[3] Нацистская Германия в свою очередь тоже никогда не признавала существования секретного протокола. Впервые его текст был опубликован в 1946 г. американцами, обнаружившими фотокопию протокола в трофейных архивах германского МИДа. В Москве эта публикация была тогда расценена как фальшивка. Острая политическая борьба вокруг пакта и протокола развернулась в СССР во второй половине 1980-х годов, с началом перестройки. Под давлением общественности советское руководство было вынуждено создать для изучения событий 1939–1940 гг. парламентскую комиссию во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС А. Н. Яковлевым. В декабре 1989 г. II съезд народных депутатов СССР принял специальное постановление, в котором признал, что секретный протокол существовал (хотя на тот момент его оригинал в архивах так и не был найден), и осудил его как «юридически несостоятельный» и «недействитель-

В отечественной и зарубежной исторической литературе советско-германский договор о ненападении («пакт Молотова—Риббентропа») и секретный протокол до сих пор остаются предметом острых идейно-политических споров. Расхождения во взглядах касаются прежде всего оценки действий СССР, которые либо признаются обоснованными, либо подвергаются суровой критике, вплоть до попыток возложить на него, наряду с нацистской Германией, всю политическую ответственность за развязывание Второй мировой войны. На наш взгляд, подобные обвинения являются несостоятельными.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

В августе 1939 г. Советский Союз и Германия преследовали принципиально разные цели. В то время как Гитлер готовил агрессивную войну против Польши, в Москве решали сугубо оборонительные задачи. Пакт о ненападении давал возможность Советскому Союзу остаться вне европейского конфликта на ближайшую перспективу, а секретный протокол обозначал пределы германской экспансии на востоке Европы, что также соответствовало интересам обеспечения безопасности СССР.

Сталин был доволен достигнутыми договоренностями. Они позволили ему расколоть империалистический лагерь, не допустив нового сговора западных держав с Гитлером по типу мюнхенского, и в последний момент отвести от СССР угрозу войны.

В то же время советский лидер ясно понимал, что верить нацистам нельзя и «сосуществование было бы возможно с немцами вообще, но с Гитлером это было невозможно». «Здесь ведется игра — кто кого перехитрит, кто кого обманет, — разъяснял он членам Политбюро. — Гитлер хочет ввести нас в заблуждение, перехитрить, но... перехитрили его мы»[1].

В августе 1939 г. общий тактический интерес СССР и Германии состоял в том, чтобы гитлеровская агрессия против Польши не переросла в германо-советскую войну, к радости западных умиротворителей. Нацистский рейх в то время еще не был готов к нападению на Советский Союз, а штабы вермахта даже не имели на этот случай соответствующих оперативных планов. Сталин тоже не желал войны с Германией, понимая, что страна еще не восстановила силы после организованного им «большого террора». Однако на этом совпадение интересов заканчивалось. Заключая пакт о ненападении, и Сталин, и Гитлер были уверены в том, что война между СССР и Германией неизбежна.

ный с момента подписания» документ. Эта оценка подрывала правовую и идеологическую легитимность присоединения к СССР летом 1940 г. государств Прибалтики, которые согласно официальной версии сделали этот шаг «добровольно», в результате «демократического волеизъявления» их народов. Решение, принятое высшим законодательным органом страны, значительно облегчило последующий выход Литвы, Латвии и Эстонии из состава Советского Союза.

[1] *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939 / Пер. с нем. М., 1990. С. 357.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Долгосрочным следствием пакта могло стать только дальнейшее обострение советско-германских противоречий. После разгрома и последующего территориального раздела Польши две державы становились непосредственными соседями, и между ними впервые после Первой мировой войны возникала протяженная общая граница. Эта новая геополитическая реальность многократно увеличивала риск германо-советского столкновения. В данной ситуации договор о ненападении обеспечивал Советскому Союзу некоторый выигрыш во времени для подготовки к решающей схватке с Гитлером, а секретный протокол — возможность вступить в нее с гораздо более выгодных рубежей, передвинув границу на запад.

Следует подчеркнуть, что после заключения советско-германских соглашений не уменьшились, а наоборот, значительно расширились масштабы и темпы военного строительства в СССР. 1 сентября 1939 г. Верховный Совет принял закон о всеобщей воинской обязанности, предусматривавший и возрастание сроков военной службы. В тот же день Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение увеличить Красную армию на 76 стрелковых дивизий, доведя их количество до 173. В период с августа 1939 г. по июнь 1941 г. численность советских вооруженных сил выросла с 1 до 5,5 млн человек.

В исторической литературе можно встретить утверждение, будто бы договор о ненападении стал причиной военной катастрофы начального периода Великой Отечественной войны. Нам оно представляется очень спорным. Думается, что тяжелейшие поражения Красной армии в 1941 г. были обусловлены прежде всего неправильной стратегией подготовки страны к войне, избранной советским руководством уже после подписания пакта (неподготовленность войск к обороне, ошибочная доктрина «войны малой кровью на чужой территории», просчет с определением сроков германского нападения и т.д.). В результате полученная Советским Союзом передышка была использована недостаточно эффективно.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Единственным способом предотвратить в 1939 г. Вторую мировую войну могло бы стать создание англо-франко-советского союза. Однако руководители западных держав были к этому абсолютно не готовы и не желали брать на себя каких-либо военных обязательств. В Москве имели достаточно оснований подозревать, что Великобритания и Франция не окажут Польше никакой реальной помощи, а после ее разгрома попытаются направить Германию дальше на восток.

В 1939 г., в преддверии войны на своих западных границах, Советский Союз, по существу, должен был выбирать между бесконечными и бесплодными переговорами, которые пытались навязать ему Великобритания и Франция, не

стремившиеся к созданию подлинного военно-политического союза, и тактическим соглашением с Германией. При этом в Москве резонно опасались, что Гитлер может напасть на Польшу, даже если ему не удастся договориться с СССР. Нацеленный на агрессию, фюрер вполне мог рискнуть в надежде, что ему в очередной раз все сойдет с рук. В отсутствии надежных союзников и реальных политических альтернатив решение руководства страны о заключении пакта с Германией представляется тактически объяснимым и обоснованным. Западные державы своей политикой, по существу, не оставили Советскому Союзу иного выбора. При этом Сталин не только не допустил, чтобы СССР стал объектом манипулирования со стороны Лондона, Парижа или же Берлина, но и сумел разыграть собственную продуманную политическую партию, найдя, пожалуй, единственно возможный выход из острейшего международного кризиса.

Вместе с тем и Гитлер в августе 1939 г. добился своих целей, получив гарантии невмешательства СССР в предстоящую войну на стороне западных держав. Узнав, что пакт подписан, он пришел в неописуемый восторг — стучал кулаками по стене, кричал: «Теперь весь мир у меня в кармане!» — и второй раз в жизни пил шампанское. Вернувшегося из Москвы Риббентропа фюрер в эйфории приветствовал как «второго Бисмарка». В то же время, выступая 22 августа 1939 г. перед военачальниками, он не преминул охарактеризовать готовившийся пакт о ненападении как «союз с сатаной, чтобы изгнать дьявола».

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Подписанные соглашения рассматривались в Берлине как сугубо тактический ход, который не устранял непримиримых идеологических и геополитических противоречий между двумя государствами. Конечная цель гитлеровской политики — захват и порабощение Советского Союза — оставалась неизменной.
Проигравшей стороной в предвоенном кризисе в конечном счете оказывалась вся Европа. Огромная доля вины за его трагический исход лежала на Великобритании и Франции, которые поддались на умелую мистификацию Гитлера о его «непримиримом антикоммунизме», якобы исключавшем любые компромиссы с Москвой. Это ложное представление, воспринятое узко мыслящими сторонниками доктрины умиротворения, привело западные державы в августе 1939 г. к сокрушительному политическому поражению. Их лидеры, зацикленные на антисоветизме, оказались не готовы к пересмотру своего внешнеполитического курса и принятию нестандартных решений.

После заключения советско-германского пакта Великобритания и Франция попали в фактически безвыходное положение. Их дальнейшие уступки Гитлеру уже ничего не решали и не смогли бы побудить его отказаться от раз-

вязывания войны. Поэтому в последние дни августа 1939 г. Чемберлен и Даладье обратились к фюреру с личными посланиями, в которых пытались продемонстрировать свою «твердость» и «готовность исполнить союзнический долг» перед Польшей.

> «Утверждают, что, если бы правительство Его Величества в 1914 г. более ясно заявило о своей позиции, можно было бы избежать страшной катастрофы. Независимо от того, справедливо или нет такое утверждение, правительство Его Величества полно решимости не допустить повторения такого трагически неправильного толкования и... если возникнет необходимость... готово применить без промедления все имеющиеся в его распоряжении силы».
>
> *Из послания Н. Чемберлена А. Гитлеру 24 августа 1939 г.*

25 августа 1939 г. был подписан англо-польский договор о взаимопомощи, призванный подкрепить гарантии, которые Лондон дал полякам в марте 1939 г. В тот же день Муссолини уведомил Берлин, что Италия не будет выполнять свои военные обязательства по «Стальному пакту». Эти новости явились неприятной неожиданностью для Гитлера и заставили его отложить вторжение в Польшу с 26 августа на 1 сентября 1939 г. Последовал новый раунд закулисных германо-английских переговоров, на этот раз при посредничестве шведского бизнесмена Далеруса. Великобритания вновь подтвердила готовность пойти на крупные уступки — в обмен на отказ от войны Германия могла бы получить Данциг, экстерриториальные коммуникации через «польский коридор», компромиссы по колониальному и некоторым другим вопросам.

Однако Гитлер, требовавший полной свободы действий, и слышать не хотел ни о каком компромиссном решении наподобие мюнхенского. Он был уверен, что Польша будет разбита очень быстро, а ее союзники и не успеют, и не захотят ничего предпринимать для ее спасения. Фюрер не сомневался в неизбежной политической и моральной капитуляции западных держав, расценив их демарши в защиту Польши как очередной блеф. «Чемберлен и Даладье — жалкие червяки, — заявил он 22 августа на совещании в Берхтесгадене, — я видел их в Мюнхене». По его словам, «мюнхенские глупцы» в последний момент обязательно струсят и не посмеют вмешаться в германо-польскую войну.

> «Я боюсь лишь одного — как бы Чемберлен или какая-нибудь другая грязная свинья не обратилась ко мне с предложениями о посредничестве. Его спустят с лестницы».
>
> *Из выступления А. Гитлера на совещании в Берхтесгадене 22 августа 1939 г.*

Фюрер велел передать британскому премьер-министру, что сделает ему «большое предложение» об урегулировании англо-германских отношений только после того, как «польский вопрос» будет разрешен военным путем.

31 августа 1939 г. Муссолини выступил с инициативой созыва четырехсторонней конференции, посвященной польским делам, в формате Мюнхенской, которая сразу же нашла поддержку в западных столицах. Однако уже ничто не могло удержать Гитлера от войны.

Литература

Основная

Война и политика, 1939–1941 / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 1999. С. 7–20, 65–105.

Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы: В 2 т. М.: Политиздат, 1990. Т. 1. Док. № 62, 175, 177, 245, 254, 276, 362, 371; Т. 2. Док. № 387, 467, 479, 489, 495, 499, 503, 523, 525.

Документы внешней политики СССР. Т. XXII. 1939 год: В 2 кн. Кн. 1. М.: Международные отношения, 1992. Док. № 236, 269, 370, 378, 445, 453, 506.

Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы / Сост. Ю. А. Никифоров. М.: Наука, 2002. Док. № 25, 43–45, 52, 58, 60, 62–64.

Наринский М. М., Филитов А. М. Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. Курс лекций по истории международных отношений (1939–1945 гг.) / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД РФ. М., 1999. Гл. 1.

Дополнительная

Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1938–1941 / Отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М.: Индрик, 1999. Гл. 1, 2.

Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939 / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.

РАЗДЕЛ II

ВАШИНГТОНСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АТР

ГЛАВА 9

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АТР. ФОРМИРОВАНИЕ ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ

9.1. Расстановка сил в АТР накануне и во время войны. Становление региональной системы международных отношений

Первая мировая война разрушила политическое равновесие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, сложившееся к началу XX в., и обострила противоречия между расположенными здесь государствами.

Центром международной политики в АТР, где сталкивались интересы всех великих держав, был Дальний Восток, включавший в себя Китай, Японию, Россию, Корею и Монголию. Другие субрегионы АТР — Юго-Восточная Азия и Океания — напротив, представляли собой колониальную периферию. Раздел колоний, завершившийся здесь к началу XX в., привел к следующим результатам. Великобритания захватила Бирму, Малайю, Сингапур, Гонконг, Северное Борнео, Папуа и некоторые острова (Соломоновы, Тонга, Фиджи и др.). На Тихом океане были расположены и три ее доминиона — Канада, Австралия и Новая Зеландия. К Франции отошел Индокитай (Вьетнам, Лаос и Камбоджа) и ряд тихоокеанских островов (Новая Каледония и Французская Полинезия). Соединенные Штаты владели Филиппинами, завоеванными в ходе войны 1898 г. с Испанией, а также Гавайскими островами, Восточным Самоа и стратегически важным островом Гуам. Германии достались Каролинские, Марианские и Маршалловы острова, Западное Самоа и восточная часть Новой Гвинеи (Папуа). Нидерландам принадлежали Индонезия и западная часть Новой Гвинеи, а Португалии — Аомынь (Макао) и Восточный Тимор. В сильную колониальную державу превратилась Япония, захватившая в конце XIX в. китайский остров Тайвань (Формозу) и архипелаг Рюкю. Единственным независимым государством Юго-Восточной Азии оставался Сиам (Таиланд), но и он в 1904 г. был поделен на английскую и французскую сферы влияния.

Из-за неразвитости транспортных коммуникаций Тихий океан не только объединял, но и разделял народы, живущие по его периметру. Вместе с тем

к началу Первой мировой войны отношения между странами АТР достигли уже достаточно высокого уровня развития, позволяющего говорить о начале формирования здесь самостоятельной системы международных отношений — второй по значимости в мировой политике после европейской. Особенности этой системы определялись местом и ролью в ней двух важнейших дальневосточных стран — Китая и Японии. Когда оба этих государства в середине XIX в. были вынуждены под давлением Запада отказаться от проводимого ими курса на самоизоляцию, они находились в примерно одинаковых стартовых условиях. Однако дальнейшее их развитие пошло разными путями: Китай, переживавший глубокий внутренний кризис, превратился по существу в полуколонию, а Япония, напротив, стала одним из наиболее динамично развивавшихся государств мира, проводившим активную внешнюю политику.

Находившийся под властью маньчжурской династии Цин, Китай в Новое время заметно отстал от Запада в социально-экономическом развитии и не смог противостоять колониальной экспансии превосходивших его в военно-техническом и экономическом отношении европейских государств. К началу XX в. Великобритания, Франция, Германия и Россия поделили значительную часть его территории на сферы влияния. Инициатором этого раздела выступила Великобритания, первой «открывшая» Китай для колониальной торговли и захватившая там наиболее выгодные позиции. Ее сферой влияния стала центральная часть страны — долина реки Янцзы. Сферой влияния Франции были южные провинции, граничившие с Французским Индокитаем, а сферой влияния Германии — провинция Шаньдун. Российской сферой влияния были Маньчжурия и Внешняя Монголия. Понятие «сфера влияния» включало такие формы колониализма, как «аренда» великими державами части территории Китая, получение ими концессий на эксплуатацию его природных ресурсов, управление его железными дорогами, иностранный контроль над таможенными тарифами и, наконец, режим экстерриториальности иностранных граждан, их неподотчетность китайскому законодательству и судам. На побережье Тихого океана великие державы «взяли в аренду» (а по существу захватили) ряд китайских торговых портов и военно-морских баз: Великобритания — Гонконг и Вэйхайвэй, Франция — Гуанчжоувань, Германия — Цзяочжоу с портом Циндао. К России отошел Ляодунский полуостров с военно-морской базой Порт-Артур и торговым портом Дальний. Права и привилегии великих держав в границах их сфер влияния существенно ограничивали китайский суверенитет и были закреплены в неравноправных договорах.

В 1900–1901 гг. в Китае произошло мощное восстание, организованное тайным обществом ихэтуаней («отряды справедливости и мира»). В Европе оно получило название восстания «боксеров», поскольку его участники, почти не имевшие огнестрельного оружия, широко применяли приемы восточных единоборств. От рук мятежников, протестовавших против колониаль-

ного закабаления страны и требовавших изгнания всех иностранцев, погибло немало иностранных граждан, в том числе несколько дипломатов. В ответ все восемь великих держав (Великобритания, Франция, Германия, Россия, Австро-Венгрия, Италия, Япония и США) предприняли вооруженную интервенцию в Китай, оккупировали его северо-восточные провинции и столицу Пекин. Заключительный протокол 1901 г., подписанный Цинским правительством с интервентами после подавления восстания, фактически представлял собой мирный договор с побежденной страной. Он предусматривал частичное разоружение Китая (при этом ему было запрещено покупать оружие за границей), унизительную процедуру извинений императорского двора за нанесенный ущерб, выплату огромной контрибуции в 450 млн юаней, рассчитанную на период до 1940 г. и т.д. В Пекине для защиты посольского квартала были размещены гарнизоны иностранных войск. Таким образом, оставаясь формально независимым государством, Китай окончательно превратился в полуколонию.

Единственной великой державой, не проводившей политики «сфер влияния», были Соединенные Штаты. Они претендовали на роль главного союзника Китая, с которым его связывали бы самые дружественные и доверительные отношения. В 1899 г. государственный секретарь США Дж. Хэй сформулировал доктрину «открытых дверей и равных возможностей», ставшую основой китайской политики Вашингтона на протяжении нескольких десятилетий. Эта концепция относилась не только к Китаю и отражала американский подход к проблеме колониализма в целом. Создав к началу XX в. самую мощную в мире экономику, Соединенные Штаты в то же время опоздали к разделу колониального пирога и имели немного колоний. В Вашингтоне рассматривали колониальную систему как явление, отживающее свой век, и призывали другие державы широко распахнуть двери своих колоний для международной торговли, предоставив всем странам равные возможности для их экономического освоения. Не имея в Китае собственной сферы влияния, арендованных портов и военных баз, Соединенные Штаты были заинтересованы в равных для всех стран условиях инвестиций и торговли с Китаем, что позволило бы им реализовать свои конкурентные преимущества. Другие государства формально поддержали «доктрину Хэя», однако на практике это означало скорее признание наличия в Китае американских интересов, нежели согласие с самой доктриной. Наоборот, США столкнулись с саботажем принципа «открытых дверей» со стороны других колониальных держав, предпочитавших привычные силовые методы сохранения сфер влияния.

В 1911–1912 гг. в Китае произошла революция, получившая название Синьхайской (Синьхай — название 1911 года в традиционном китайском календаре). Эта революция, носившая демократический, национально-освободительный характер, привела к падению монархии и переходу Китая к республиканской форме правления. Были избраны президент и парламент, провозглашены де-

мократические свободы, принята конституция. Первым президентом республики стал выдающийся китайский революционер-демократ Сунь Ятсен, но вскоре он во имя сохранения гражданского мира уступил этот пост видному деятелю старого режима генералу Юань Шикаю.

Однако надеждам китайского общества на мирное и стабильное развитие не суждено было осуществиться. Очень скоро республиканское правительство потеряло нити управления огромной страной, которая фактически распалась на десятки «удельных княжеств» и перешла к так называемой «милитаристской системе» правления. «Милитаристами» называли губернаторов провинций, которые располагали собственными армиями, издавали законы, печатали деньги и совершенно не подчинялись центральной власти.

Поскольку губернаторы, как правило, стремились заручиться поддержкой какой-либо иностранной державы, китайский милитаризм стал органичным дополнением политики «сфер влияния». Неудачная попытка Юань Шикая в 1916 г. самому стать императором и провозгласить конституционную монархию, а также непродолжительное восстановление на престоле в июле 1917 г. последнего цинского императора 11-летнего Пу И привели к расколу Китая на Север и Юг. В то время как центральное правительство оставалось в Пекине, парламент переехал в южный порт Гуанчжоу (Кантон). Там было создано еще одно правительство, которое сформировала Национальная партия Китая (Гоминьдан), основанная Сунь Ятсеном в 1912 г.

Анархия и междоусобные войны, охватившие самое многонаселенное государство мира, стали одним из главных факторов политической нестабильности на Дальнем Востоке. После Синьхайской революции политика «сфер влияния» превратилась в анахронизм, тормозивший дальнейшее развитие Китая. Однако в условиях начавшейся Первой мировой войны ее пересмотр откладывался на неопределенное время.

Развитие Японии пошло по иному пути. В отличие от Китая она еще в конце XIX в. добилась отмены навязанных ей неравноправных договоров и перестроила отношения с западными державами на основе признания ее суверенитета. Япония оказалась единственной азиатской страной, которая не только не стала колонией или полуколонией западных держав, но и самостоятельно начала капиталистическую модернизацию по европейскому типу. Реставрация Мэйдзи 1868 г., ликвидировав в Японии феодальную раздробленность, привела к передаче власти из рук удельных правителей — сёгунов — к императору Мэйдзи, выступавшему за проведение реформ. По его инициативе была принята конституция и избран парламент. Вместе с тем в японском государственном устройстве сохранялись и сильные феодальные пережитки, в первую очередь огромное влияние касты военных на общественно-политическую жизнь страны.

С конца XIX в. усилившаяся Япония начала проводить экспансионистскую внешнюю политику, стремясь заполучить в качестве сферы влияния часть Ки-

тая и Корею. В 1902 г. она заключила военно-политический союз с Великобританией, который был необходим обоим государствам в их борьбе вначале против России, а затем и против Германии. В Токио придавали огромное значение англо-японскому договору, рассматривая его как документ, сравнимый по важности с конституцией.

Одержав победу над Россией в войне 1904–1905 гг., Япония стала самой сильной державой на Дальнем Востоке. По Портсмутскому миру, заключенному в августе 1905 г. при посредничестве США, Россия уступила ей Южный Сахалин, а также Ляодунский полуостров, признала Южную Маньчжурию и Корею японской сферой влияния (в 1910 г. последняя стала японской колонией), а также ограничила свой Тихоокеанский флот. В 1907 г. Россия и Япония при посредничестве Великобритании подписали конвенцию о нормализации двусторонних отношений. В годы Первой мировой войны обе державы воевали в составе Антанты, а в 1916 г. заключили двусторонний договор о военно-политическом союзе.

Урегулировав отношения с Россией, Япония получила возможность проводить более активную политику на китайском направлении. Ее идеологической базой стала доктрина «особых японских интересов» в Китае, обусловленных как географической близостью, так и историко-культурной общностью двух народов. Эти интересы в Токио считали «особыми» в такой же мере, как интересы Великобритании в Индии или же США — в Центральной Америке. Европейские государства были вынуждены признать «особые интересы» Японии, однако трактовали их как ее право только на свою сферу влияния, но никак не на господство в Китае.

Начавшаяся в Европе Первая мировая война открыла новые возможности для реализации экспансионистских устремлений Японии. В этот период она значительно укрепила свои международные позиции в АТР за счет Германии, Китая, а после 1917 г. — и за счет России. В августе 1914 г. Япония присоединилась к Антанте, опередив поддержанный в Пекине совместный германо-американский демарш о нейтрализации Дальнего Востока. Она быстро захватила германские владения на Тихом океане, а также германскую арендованную территорию Цзяочжоу с военно-морской базой Циндао в Китае. Из Циндао японские войска продвинулись в глубь китайской территории и оккупировали провинцию Шаньдун. В дальнейшем боевые действия на Тихом океане почти не велись, и Япония пользовалась преимуществами как фактически нейтрального, так и воюющего государства, чей голос должен был учитываться в ходе предстоящего мирного урегулирования.

В годы Первой мировой войны Япония предприняла первую попытку установления своей гегемонии в Китае. В январе 1915 г. она предъявила пекинскому правительству ультиматум, вошедший в историю как «21 требование». Китай должен был признать расширение ее сферы влияния за счет сферы влияния Германии, предоставить японцам ряд новых прав и привилегий, а также (пятая

группа требований) позволить им контролировать свой государственный аппарат, финансы и дипломатическую службу. Когда в беседе с японским послом президент Юань Шикай попытался уклониться от ответа на ультиматум, посол порекомендовал ему посмотреть текст дипломатической ноты на свет: водяные знаки на бумаге изображали броненосцы. Китайская сторона была вынуждена принять большинство предъявленных ей условий (за исключением пятой группы).

«21 требование» противоречило принципу раздела сфер влияния, предполагавшему соблюдение определенного баланса интересов всех заинтересованных государств. Занятые войной европейские державы не могли помешать Японии, хотя и были очень недовольны ее действиями. Внешнеполитические амбиции Токио вызывали растущее недовольство и Соединенных Штатов. Они выступали в роли покровителя и защитника революционного Китая — первыми признали республиканский строй (май 1912 г.) и первыми установили дипломатические отношения с правительством Юань Шикая (октябрь 1913 г.). В сентябре 1914 г. был подписан американо-китайский договор о содействии всеобщему миру, предусматривавший разрешение всех двусторонних споров с помощью процедуры арбитража. Он стал первым в Новейшей истории равноправным договором, заключенным Китаем с иностранным государством. Вместе с тем нейтральные США были не в состоянии противодействовать японскому силовому давлению на Китай. Поэтому, вступив в апреле 1917 г. в Первую мировую войну, они убедили Пекин последовать их примеру, чтобы затем перенести обсуждение проблем японо-китайских отношений на уровень послевоенной мирной конференции.

В августе 1917 г. Китай присоединился к Антанте. Его участие в войне было скорее символическим — оно свелось к отправке во Францию 100 тыс. тыловых рабочих и подготовке 100-тысячного экспедиционного корпуса, который, впрочем, так и не принял участия в боевых действиях. В свою очередь Япония в 1917 г. заключила с Великобританией, Францией и Россией секретные соглашения о послевоенном урегулировании в АТР. Они предусматривали передачу ей всех германских прав в Китае и германских колоний на Тихом океане, а также продолжение оккупации Шаньдуна. США отказались удовлетворить японские требования, однако, не желая допустить дальнейшего обострения двусторонних отношений, все же признали японские «особые интересы» в Китае («соглашение Лансинг—Исии», ноябрь 1917 г.).

9.2. Дальневосточный вопрос на Парижской мирной конференции

Острые противоречия между державами-победительницами в полной мере проявились в ходе Парижской конференции при обсуждении вопросов, связанных с судьбой германских колоний на Тихом океане и принятием Китая

и Японии в Лигу Наций. Главной темой развернувшейся дискуссии стала оккупация японскими войсками китайской провинции Шаньдун — крупного аграрно-индустриального региона с населением 36 млн человек, имевшего для Пекина огромное экономическое и стратегическое значение. В качестве обязательного условия подписания Версальского мира и вступления в Лигу Наций Япония потребовала выполнения секретных договоренностей 1917 г. о разделе германских владений в АТР. В свою очередь Китай, представленный на конференции объединенной делегацией Пекинского и Кантонского правительств, настаивал на том, что «соглашения военного времени не могут иметь постоянного характера». Он добивался от великих держав отказа от политики «сфер влияния» и восстановления своего суверенитета над Шаньдуном.

Президент США Вильсон выступил на стороне Китая, в то время как Великобритания и Франция поддержали Японию. Не желая с ней ссориться, они демагогически ссылались на отстаиваемый Вильсоном и закрепленный в Уставе Лиги Наций принцип верховенства международного права, согласно которому этот спор в соответствии с уже имевшимися соглашениями должен был быть разрешен в пользу японской стороны. Для Вильсона позиция европейских союзников стала полной неожиданностью — до приезда в Париж он ничего не знал о секретных договоренностях по Дальнему Востоку. После упорной борьбы президент был вынужден уступить. Единственное, чего ему удалось добиться, — это устное обещание японского представителя вернуть Шаньдун Китаю в отдаленном будущем.

Возмущенная китайская делегация отказалась подписывать Версальский договор. В самом Китае он вызвал мощное движение протеста с участием широких кругов буржуазии, интеллигенции и студенчества, которое возглавила партия Гоминьдан (так называемое «Движение 4 мая» — в этот день в 1919 г. в Пекине прошел первый студенческий митинг). Вместе с тем ослабленный полуколониальный Китай не хотел оставаться вне Лиги Наций, которая могла быть использована им как трибуна для отстаивания своих интересов. Подписав в сентябре 1919 г. Сен-Жерменский договор с Австрией, в текст которого был включен Устав Лиги, Китай стал членом этой организации. В сентябре 1920 г. он заключил с Германией сепаратный мирный договор, отменивший ее экстерриториальные привилегии и выплату германской доли «боксерской» контрибуции.

При обсуждении Устава Лиги Наций японская делегация попыталась включить в него пункт о «равенстве рас», предполагавший равноправие иностранцев, проживавших в странах — участницах Лиги, независимо от их национальности. Тем самым она стремилась добиться отмены жестких ограничений на японскую иммиграцию, принятых в США и британских доминионах, а также заработать пропагандистские очки, выступив с позиций «защитника прав» азиатских народов. Однако американцы и англичане заблокировали эту инициативу, и положение о «равенстве рас» в Устав Лиги включено не было.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

В целом же на Парижской конференции Японии удалось одержать важную дипломатическую победу. Она стала одним из пяти постоянных членов Совета Лиги Наций, закрепив за собой статус великой державы, получила мандат Лиги на управление германскими тихоокеанскими колониями, а также продолжила оккупацию Шаньдуна. Однако японское преобладание в АТР, подтвержденное принятыми в Париже решениями, не могло быть устойчивым и долговременным, поскольку противоречило интересам других государств, в первую очередь США.

9.3. Обострение японо-американских противоречий

Решения Парижской конференции по дальневосточным вопросам вызвали волну критики в Соединенных Штатах. Оппозиционная республиканская партия обвиняла администрацию Вильсона в том, что она не сумела отстоять жизненно важные интересы США в АТР, зациклившись на второстепенных вопросах европейской политики. Отказ сената ратифицировать Версальский договор в значительной степени объяснялся недовольством законодателей его статьями, посвященными Шаньдуну.

В свою очередь Вильсон, вынужденный в ходе Парижской конференции пойти на слишком большие уступки Японии, не собирался и дальше мириться с ее опасным усилением. При этом президент полагал, что США смогут поставить на место зарвавшихся японцев лишь после того, как завершат строительство самого мощного в мире военно-морского флота, который будет господствовать на Тихом океане.

США приступили к наращиванию своего военно-морского потенциала, еще будучи нейтральным государством. Вследствие развязанной Германией неограниченной подводной войны и английской морской блокады американская торговля с Европой несла огромные убытки. В 1916 г. Вильсону удалось добиться принятия грандиозной программы военно-морского строительства, ставившей своей целью создать флот, способный «защитить интересы США от любых угроз». Морская программа Вильсона бросала вызов не только Германии и Японии, но и «владычице морей» Великобритании, которая исповедовала принцип «стандарт двух держав» и ревниво относилась к любым попыткам его пересмотра.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

«Стандарт двух держав» — принятый Великобританией в 1889 г. принцип, согласно которому ее военно-морской флот должен был превосходить объединенные флоты двух других сильнейших морских государств мира.

После вступления США в войну морская программа Вильсона была временно заморожена, но сразу же после ее окончания вновь возобновлена. После поражения Германии она приобрела явную антияпонскую направленность. В октябре 1918 г. основные силы ВМФ США были переведены из Атлантики в Тихий океан, который отныне рассматривался в Вашингтоне как главный потенциальный театр боевых действий. Позиции США в АТР заметно укрепились после окончательного ввода в эксплуатацию летом 1920 г. Панамского канала — теперь их военному флоту уже не требовалось на пути из Атлантического океана в Тихий огибать всю Латинскую Америку.

Соединенные Штаты рассчитывали, что Япония, экономика которой была на порядок слабее американской, не сможет угнаться за темпами строительства их флота. Однако в Токио приняли американский вызов и приступили к реализации амбициозной и дорогостоящей морской программы, предусматривавшей строительство 8 линкоров, 8 крейсеров и большого количества других военных кораблей. Развернувшаяся гонка морских вооружений могла привести к военному столкновению двух держав, и к 1920 г. угроза конфликта стала вполне реальной.

Японо-американское противоборство напрямую затрагивало интересы Великобритании — самой сильной морской державы мира и главного союзника Токио. За победу в Первой мировой войне ей пришлось заплатить немалую цену. Вследствие тяжелого экономического кризиса и большого внешнего долга Великобритания была вынуждена в 1918 г. приступить к сокращению своей морской армады, и ее не устраивала перспектива быть втянутой в новый виток военно-морского соперничества. Еще одной причиной для беспокойства Лондона стала судьба англо-японского союза, который потерял прежнее антироссийское и антигерманское значение и стал представлять угрозу для Соединенных Штатов — главного британского кредитора. И хотя обязательства сторон о взаимопомощи согласно условиям японо-американского соглашения 1908 г. («соглашение Рут—Такихара») формально не распространялись на конфликт одной из них с США, в случае японо-американской войны Великобритания могла оказаться в очень двусмысленном положении.

Срок действия договора истекал в 1923 г., но уже в 1921 г. Лондон должен был определить свое отношение к его продлению. Этому вопросу была посвящена состоявшаяся летом 1921 г. Имперская конференция с участием метрополии и доминионов — Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южно-Африканского Союза. На ней все тихоокеанские доминионы выступили против продления договора с Японией, в которой они видели не союзника, а потенциального противника. Австралия и Новая Зеландия были очень недовольны передачей под управление Токио германских колоний в Микронезии, а Канада — наиболее решительный противник договора — считала абсолютно абсурдной даже гипотетическую возможность своего вооруженного выступления против США на стороне Японии. В ходе конференции впервые обозначи-

лась тенденция к внешнеполитической переориентации некоторых доминионов, прежде всего Канады, с Великобритании на Соединенные Штаты.

> «Доминионы имеют более сильные связи с США, чем Великобритания. Существует общность воззрений, интересов и, быть может, конечных судеб между доминионами и США... Через доминионы британская политика, в конечном счете, связана с США самым тесным образом»[1].
>
> *У. Смэтс, премьер-министр Южно-Африканского Союза*

Выступив против продления англо-японского союза, доминионы подталкивали Великобританию к сближению с Вашингтоном, в котором видели своего будущего важнейшего союзника и гаранта безопасности.

Таким образом, к началу 1920-х годов международная ситуация в АТР определялась нарастанием внутреннего кризиса в Китае, обострением американо-японских противоречий, гонкой морских вооружений и фактическим распадом англо-японского союза. Кроме того, оставался открытым вопрос о месте и роли в регионе России, которая после прихода к власти большевиков радикально пересмотрела свой внешнеполитический курс.

9.4. Советская политика на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны. Создание Дальневосточной Республики

Гражданская война и иностранная интервенция в России привели к резкому ослаблению ее международных позиций на Дальнем Востоке. В конце 1917 г. китайские власти взяли под свой контроль принадлежавшую России Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). В Северную Маньчжурию, которая согласно Портсмутскому миру являлась российской сферой влияния, были введены японские войска.

В апреле 1918 г. небольшой японский отряд высадился во Владивостоке, а в августе 1918 г. Япония направила на Дальний Восток целую армию, которая в течение нескольких месяцев оккупировала Приамурье, Приморье и Забайкалье. Ее действия были поддержаны другими странами Антанты: Соединенные Штаты прислали 7-тысячный корпус, а Великобритания и Франция — небольшие военные миссии. Однако масштабы их вмешательства и интервенции Японии были несоизмеримы. Численность ее войск в России в период 1918–1922 гг. колебалась в пределах от 50 тыс. до 120 тыс. человек. Действуя формально под эгидой Антанты, Япония преследовала собственные далекоидущие цели, намереваясь создать в занятых ею россий-

[1] Цит. по: *Иванов Л. Н.* Морская политика и дипломатия империалистических держав (между Первой и Второй мировыми войнами). М., 1964. С. 247.

ских областях местную марионеточную администрацию и сохранить там оккупационный режим на неопределенно долгое время.

Поводом для вторжения держав Антанты в дальневосточные пределы России послужил мятеж Чехословацкого корпуса. Это военное соединение было создано в 1916 г. из числа пленных чехов и словаков, воевавших ранее в составе армии Австро-Венгрии, которые перешли на сторону Антанты и боролись за независимость Чехословакии. В 1917 г. корпус сражался на Юго-Западном фронте, где показал хорошие боевые качества. После заключения большевиками сепаратного Брестского мира, предусматривавшего, в частности, демобилизацию всей Российской армии, было решено, что Чехословацкий корпус как иностранное формирование не подлежит разоружению и его следует переправить из России во Францию, где он мог бы продолжить воевать против Германии. При этом был избран самый длинный из всех возможных маршрутов эвакуации — вначале через всю Сибирь до Владивостока по железной дороге, а затем морем — до Франции.

Когда корпус был уже в пути и эшелоны с солдатами растянулись на многие тысячи километров от Урала до Приморья, нарком по военным делам Троцкий в нарушение всех ранее достигнутых договоренностей издал приказ о его немедленном разоружении. Это распоряжение было не только вероломным, но и невыполнимым, поскольку чехословацкий легион на тот момент был самым сильным военным формированием в советском тылу. Неудивительно, что чехословаки отказались выполнить приказ Троцкого. В мае 1918 г. они подняли мятеж и свергли советскую власть в городах на всем протяжении Транссибирской магистрали.

Восстание Чехословацкого корпуса дало мощный импульс развитию Белого движения. С него в России фактически началась полномасштабная Гражданская война. Летом и осенью 1918 г. к востоку от Урала было создано около 20 областных антибольшевистских правительств. В ноябре 1918 г. они были объединены под властью Сибирского правительства со столицей в Омске. Его возглавил бывший командующий Черноморским флотом, герой Первой мировой войны адмирал А. В. Колчак, провозгласивший себя новым главой государства — Верховным правителем России.

В свою очередь страны Антанты в 1919 г. создали Межсоюзнический комитет во главе с представителем США для управления российскими железными дорогами — Транссибирской магистралью и КВЖД. Он должен был обеспечить завершение эвакуации Чехословацкого корпуса.

У союзников была и другая, не менее важная цель — поддержка Белого движения. Омскому правительству помогали в основном Соединенные Штаты. Отношения Колчака с Японией, напротив, были очень прохладными. Адмирал выступал под лозунгом сохранения «единой и неделимой России», в то время как японские военные поощряли сепаратистские устремления забайкальского казачества, возглавляемого атаманами Г. В. Семеновым

и И. П. Калмыковым, и строили планы отторжения от России дальневосточных областей.

У Колчака был ряд серьезных преимуществ: он имел в своем распоряжении наиболее сильную и к тому же единственную регулярную, а не добровольческую из всех белых армий и в качестве Верховного правителя был признан всеми руководителями Белого движения (Деникиным, Юденичем и др.). Наконец, в его руки попало около 500 т золота — большая часть золотого запаса Российской империи, который был частично использован для закупок оружия у союзников.

Страны Антанты на Парижской конференции рассматривали вопрос об официальном признании правительства Колчака. Совет четырех направил ему ноту с изложением возможных условий признания (созыв Учредительного собрания, выплата внешних долгов, вступление России в Лигу Наций и др.), которые были Колчаком приняты. Разногласия возникли лишь вокруг англо-французского требования о признании независимости государств Прибалтики, на которое адмирал уклончиво ответил, что оно может быть удовлетворено только Учредительным собранием. США не поддержали в этом вопросе своих европейских союзников, выступив за сохранение территориальной целостности России в ее дооктябрьских границах (кроме Финляндии и Польши).

Признание Омского правительства де-юре державами Антанты напрямую зависело от хода боевых действий на фронтах Гражданской войны. Весной 1919 г. армия Колчака перешла в наступление на Урале и в Поволжье, которое, однако, было организовано крайне неудачно. В кровопролитных сражениях основные силы белых были разбиты, после чего Красная армия перехватила инициативу, освободила всю Западную Сибирь и к началу 1920 г. дошла до Байкала. В Иркутске Колчак был выдан большевикам чехословаками, которые таким образом «покупали» себе разрешение на беспрепятственный выезд из России, и вскоре расстрелян. Разгром Белого движения в Сибири стал началом перелома в Гражданской войне в пользу большевиков.

К апрелю 1920 г. США, Великобритания и Франция вывели свои воинские части с Дальнего Востока. После гибели Колчака и эвакуации чехословацкого корпуса интервенция потеряла для них всякий смысл. Япония, напротив, не только не последовала примеру своих союзников, но и значительно увеличила свое военное присутствие. Поводом для этого стал так называемый «Николаевский инцидент». В марте 1920 г. в небольшом городке Николаевске-на-Амуре вооруженная банда, действовавшая под флагом Красной армии, разгромила японское консульство и расстреляла около 800 живших в городе японских подданных. Воспользовавшись этими трагическими событиями, Япония направила дополнительные войска в Приморье, а также оккупировала Северный Сахалин.

Весной 1920 г. части Красной армии, продвигавшиеся на восток, встретились в районе Байкала с японскими войсками. Наступление было при-

остановлено. Большевики, помня о печальном опыте войны 1904–1905 гг., стремились не допустить вооруженного конфликта с Японией. Кроме того, на западе назревала война с Польшей, и в Москве не хотели воевать на два фронта. Было решено вести борьбу с интервентами исключительно политико-дипломатическими методами и с этой целью создать на Дальнем Востоке «буферное» буржуазно-демократическое государство. Его существование должно было предотвратить военное столкновение между Советской Россией и Японией, способствовать мирному прекращению японской интервенции.

6 апреля 1920 г. была провозглашена Дальневосточная Республика. В ее состав вошли Забайкалье, Приамурье и Приморье. В 1921 г. в столице ДВР Чите было созвано Учредительное собрание, которое приняло конституцию нового государства. Его внутренний строй существенно отличался от социалистического строя Советской России. Хотя силовые структуры республики и находились под контролем большевиков, ДВР не была «советизирована», а в ее правительство наряду с представителями РКП(б) вошли также меньшевики и эсеры. На территории ДВР легально действовали различные политические партии, были разрешены частная собственность и частная торговля, а в качестве валюты использовался царский золотой рубль. Дальневосточная окраина России во многом избежала эксцессов «военного коммунизма», а широкие слои местного населения видели в большевиках национальную силу, способную противостоять японцам. В то же время в Москве создание «буферного» государства рассматривали как временный тактический ход и предполагали ликвидировать его сразу по завершении иностранной интервенции.

Образование Дальневосточной Республики встретило поддержку со стороны США и Японии. Оба государства установили с ней неофициальные контакты, а также открыли в Чите консульские миссии. В 1920 г. власти ДВР и представители японского командования подписали соглашение о перемирии, в котором говорилось, что «буферное» государство будет поддерживать с Японией отношения самого тесного сотрудничества, обязуется «не вводить коммунистический режим» и не допускать на свою территорию части Красной армии. Японская сторона в свою очередь признала де-факто власти ДВР в занятых ею областях, прекратила поддержку воевавшего против них атамана Семенова и отвела свои войска из Забайкалья и Приамурья. Под ее контролем оставались только Приморье и Северный Сахалин. В Токио надеялись со временем поставить ДВР под свой протекторат, однако довольно скоро убедились в том, что Дальневосточная Республика вовсе не является суверенным государством, а фактически управляется из Москвы. Разочаровавшись в этом проекте, японская армия весной 1921 г. свергла власть ДВР в Приморье, создав во Владивостоке марионеточное правительство во главе с крупным предпринимателем С. Д. Меркуловым. Вывод японских войск из России был приостановлен.

Создание ДВР позволило большевикам использовать в своих интересах противоречия между Японией и США. Вашингтон был против японского военного присутствия на российской территории.

«Соединенные Штаты не могут согласиться с нарушением Японией суверенитета и территориальной целостности России. Они надеются, что Япония найдет возможность в ближайшем будущем положить конец Сибирской экспедиции и вернуть Сахалин русскому народу».

Из ноты Государственного департамента США правительству Японии, май 1921 г.

Вместе с тем США заняли позицию непризнания большевистской власти как режима, нарушающего фундаментальные ценности демократии и морали. В лице ДВР они нашли удобного партнера, которого можно было использовать против японцев, не поступаясь принципом непризнания Советской России.

9.5. Советская политика в Монголии

Заметную роль в международных отношениях на Дальнем Востоке играла Монголия. Эта малонаселенная и неразвитая в социально-экономическом отношении, но богатая природными ресурсами страна всегда имела для России большое стратегическое значение, прикрывая несколько тысяч километров ее границы с Китаем. С XVII в. Монголия входила в состав Цинской империи, однако в начале XX в. в ней усиливается российское влияние. В 1915 г. в городе Кяхте было подписано трехстороннее русско-китайско-монгольское соглашение, предоставлявшее Внешней Монголии широкую автономию. Китай и Россия обязались не размещать на ее территории своих войск и не вмешиваться в ее внутреннее управление. При этом Внутренняя Монголия оставалась обычной китайской провинцией без каких-либо автономных прав. Россия признавала сюзеренитет Китая в отношении Внешней Монголии, однако любые затрагивавшие ее политические и территориальные вопросы должны были решаться с участием всех трех сторон.

Заключенное по инициативе Петрограда Кяхтинское соглашение, по существу, превращало Внешнюю Монголию в российскую сферу интересов. Оно стало возможным благодаря ослаблению Китая после Синьхайской революции. В 1919 г., воспользовавшись внутриполитическим кризисом в России, Китай ликвидировал автономию Внешней Монголии, направил в эту страну свои войска и отстранил от власти ее теократического правителя богдо-гэгэна, который почитался ламаистской церковью как живая реинкарнация Будды. Все эти действия не могли не вызвать среди местного населения роста антикитайских настроений.

В 1920 г. Внешняя Монголия втягивается в орбиту российской Гражданской войны. Из Забайкалья в ее пределы вторгся крупный вооруженный отряд белых под командованием барона Р. Ф. Унгерна, который с боем взял монгольскую столицу Ургу. В феврале 1921 г. под давлением Унгерна богдо-гэгэн провозгласил независимость Внешней Монголии. Сам Унгерн, прекрасно знавший Восток, был фанатичным приверженцем панмонгольской идеи и строил

далекоидущие планы создания под своим руководством «Великого Монгольского государства», в которое должны были войти Средняя Азия, Синьцзян и Тибет.

Успехи Унгерна вызвали серьезное беспокойство в Москве. Для борьбы с ним было решено направить в Монголию части Красной армии. Под руководством представителей Коминтерна в Иркутске были созданы Монгольская народно-революционная партия (МНРП) и Временное революционное правительство. Летом 1921 г. отряд Унгерна был уничтожен, и Красная армия вступила в Ургу. Новая власть, пришедшая вместе с советскими войсками, подтвердила, что Внешняя Монголия остается независимым государством, и призвала все страны мира установить с ней дипломатические отношения. Этот призыв, однако, был услышан только в Москве. В ноябре 1921 г. правительства Советской России и Монголии подписали соглашение об установлении дружественных отношений. Оно предусматривало отмену всех двусторонних дореволюционных договоров и обмен дипломатическими миссиями. Было также решено, что части Красной армии будут размещены в Монголии на постоянной основе для защиты обретенной ею фактической независимости. Вместе с тем в соглашении обходился вопрос о международно-правовом статусе Внешней Монголии. Советская сторона не спешила признавать ее независимость де-юре, как того требовали монгольские революционеры, поскольку такой шаг мог еще больше осложнить советско-китайские отношения. В Пекине решительно осудили ввод советских частей на территорию Внешней Монголии и категорически отказались признавать ее независимость. Впоследствии Китай неизменно отказывался иметь дело с новой монгольской властью, однако, не имея возможности сместить ее вооруженным путем, был вынужден мириться с ее существованием. Формально оставаясь автономной частью Китайской республики, Внешняя Монголия после революции 1921 г. превращается в советскую сферу влияния и становится на путь «некапиталистического» развития. Вплоть до 1945 г. она являлась самопровозглашенным государством, не признанным международным сообществом[1].

По сходному сценарию развивались события и в находившемся по соседству с Монголией Урянхайском крае, который с 1914 г. также фактически был под российским протекторатом. В 1921 г. он провозгласил себя независимым государством, принявшим название Танну-Тувинской (с 1926 г. — Тувинской) Народной Республики. Согласно принятой конституции Тува на международной арене «выступала под покровительством Советской России». На ее территории разместился отряд Красной армии, а новое правительство было сформировано из представителей Тувинской народно-революционной партии, созданной по примеру МНРП.

[1] Только в 1945 г., после референдума о независимости, проведенного в соответствии с решениями Ялтинской конференции, Монголия была признана гоминьдановским Китаем, а затем и другими странами мира в качестве независимого государства.

Советская Россия и МНР стали единственными государствами, признавшими независимость Тувы. Появление этого малонаселенного (всего 70 тыс. человек), но занимавшего обширную территорию государственного образования, провозгласившего, как и МНР, переход на «некапиталистический» путь развития, осталось в мире незамеченным. В 1920-е годы Монголия добивалась от СССР присоединения Тувы, но в Москве на это не согласились[1]. В августе 1944 г. Тувинская республика была включена в состав Советского Союза в качестве автономной области РСФСР.

9.6. Вашингтонская конференция и ее решения. Договоры четырех, пяти и девяти держав

После прихода в Белый дом весной 1921 г. президента — республиканца У. Гардинга во внешней политике США произошел поворот от глобализма Вильсона к неоизоляционизму. Новая администрация, вновь взявшая на вооружение «доктрину Монро», полагала, что главные национальные интересы США сосредоточены не в Европе, а в АТР и Латинской Америке, где они могут быть защищены и без Лиги Наций. Кроме того, республиканцы считали военно-морскую программу Вильсона слишком дорогостоящей и стремились к компромиссу с другими великими державами по вопросам морских вооружений. Расценивая итоги Парижской конференции как личное поражение Вильсона, они хотели противопоставить ему крупный успех на тихоокеанском направлении внешней политики США.

В июле 1921 г. Гардинг выступил с инициативой проведения в Вашингтоне международной конференции по ограничению морских вооружений. На ней также предполагалось обсудить послевоенную ситуацию в АТР в целом, в том числе китайский и русский вопросы. Американское предложение с энтузиазмом поддержали Китай и британские доминионы; одобрили его и европейские державы. Япония приветствовала стремление американцев достичь компромисса по морским вооружениям, однако не хотела обсуждать на конференции другие международные проблемы, прежде всего присутствие ее войск в России и в Китае. И хотя добиться этого ей не удалось, Япония, опасаясь остаться в изоляции, все же поддержала американскую инициативу.

На конференцию не была приглашена Германия, которая по Версальскому договору лишилась всех владений на Тихом океане. На ней не была представлена и Россия — по официальной мотивировке, «ввиду отсутствия единого правительства». Ни один из участников конференции на тот момент еще не признал власть большевиков и не установил дипломатических отношений с Москвой. Опасаясь, что в Вашингтоне может быть создан направленный против нее «единый империалистический фронт», Советская Россия заявила, что не признает решений конференции, поскольку они будут приняты без ее участия.

[1] АВП РФ. Ф. 9. Оп. 9. П. 78. Д. 129. Л. 25–26.

Вашингтонская конференция по ограничению вооружений, тихоокеанскому и дальневосточному вопросам проходила с 12 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г. Она стала первой в истории многосторонней международной встречей на высшем уровне, проводимой на территории США. В работе конференции приняли участие Соединенные Штаты, Великобритания и ее доминионы — Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз, а также Индия — Франция, Италия, Япония, Китай и малые европейские страны, имевшие колониальные интересы в АТР, — Бельгия, Голландия и Португалия. Повестка дня, как и предполагалось, вышла за рамки разоруженческой тематики и включала проблемы безопасности тихоокеанских владений, а также китайский и русский вопросы.

На первом заседании конференции с программной речью выступил государственный секретарь США Ч. Юз. Он предложил план ограничения и сокращения морских вооружений, состоявший из нескольких пунктов: 1) прекращение строительства сверхмощных линейных кораблей (линкоров) как наиболее опасного класса морских вооружений; 2) установление предельного тоннажа линейного флота для США и Великобритании в 500 тыс. т и для Японии в 300 тыс. т, т.е. в пропорции 10:10:6; 3) установление всеми державами предельного тоннажа одного линейного корабля в 35 000 т — не больше пропускной способности принадлежавшего американцам Панамского канала.

«План Юза» исходил из того, что Великобритания, испытывавшая после Первой мировой войны большие экономические трудности, будет вынуждена отказаться от «стандарта двух держав», который превратился для нее в непосильное бремя. США в свою очередь претендовали на роль второй сильнейшей морской державы мира, не уступающей по своей мощи Великобритании. Американский план предусматривал достаточно высокую долю Японии в мировой пропорции флотов (третье место в мире и 60% тоннажа британского или американского линейного флота), что в целом соответствовало ее экономическим возможностям и внешнеполитическим амбициям. После краткой дискуссии Великобритания и Япония одобрили американские предложения.

Затем великие державы обсудили вопросы укрепления международной безопасности в АТР. 13 декабря 1921 г. США, Япония, Великобритания и Франция подписали договор о взаимной гарантии неприкосновенности островных территорий на Тихом океане (договор четырех держав). Он предусматривал ненападение на тихоокеанские владения друг друга и урегулирование всех споров мирным путем, при помощи процедуры арбитража. Соединенные Штаты признали права Японии на бывшие германские колонии на Тихом океане (Каролинские, Марианские и Маршалловы острова) — ранее республиканская администрация отказывалась считать законным мандат на управление ими, полученный Токио от Лиги Наций. Главное же значение договора четырех держав заключалось в отмене военно-политического союза Великобритании

и Японии. Статья 4 устанавливала, что после его ратификации англо-японский договор 1911 г. теряет силу[1].

Лондону пришлось отказаться от продления договора под давлением США и доминионов. В Японии, всегда добросовестно соблюдавшей союзнические обязательства, это решение вызвало разочарование и обиду. Англичане традиционно воспринимались в японском обществе как близкие друзья и союзники, познакомившие Страну восходящего солнца с западной культурой. О разрыве союза сожалели и многие британские государственные деятели, опасавшиеся, что отказ от такого могучего инструмента влияния на Японию может привести к усилению агрессивных тенденций в ее внешней политике. Однако архитекторы Вашингтонской системы рассматривали договор прежде всего как пережиток блоковой политики, угрожавшей их безопасности и скомпрометированной Первой мировой войной.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Договор четырех держав закрепил принципы коллективной безопасности и партнерства США, Великобритании, Франции и Японии в АТР как альтернативу военным блокам. В то же время в нем не предусматривалось никаких политических или военных санкций против государства, нарушившего предусмотренные договором обязательства. На этом настояли Соединенные Штаты, которые в рамках своей неоизоляционистской политики стремились избежать вовлечения в конфликты за рубежом без крайней необходимости. Впоследствии при его ратификации сенат США даже сделал специальное разъяснение о том, что «ни преамбула, ни условия этого договора не предусматривают использования вооруженных сил, не являются союзом, не предусматривают обязательства выступить в чью-либо защиту»[2]. Эта поправка, равно как и отсутствие в договоре положения о санкциях, значительно снижала его эффективность.

Принцип коллективной безопасности необходимо было подкрепить определенными военно-политическими гарантиями его соблюдения. Они были зафиксированы в подписанном 6 февраля 1922 г. договоре пяти держав (США, Великобритании, Японии, Франции и Италии) об ограничении морских вооружений. Договор, в основу которого был положен «план Юза», устанавливал предельный тоннаж линейных флотов в виде примерного соотношения

[1] В 1902 г. был подписан первый англо-японский договор, предусматривавший оказание военной помощи в случае войны одной из сторон против двух или более государств. В 1905 г. был заключен второй союзный договор, по которому оказание военной помощи предусматривалось и в случае войны против какой-либо одной державы. И, наконец, в 1911 г. был подписан третий англо-японский договор, продливший с небольшими изменениями действие второго договора до 1923 г.

[2] Цит. по: *Киссинджер Г.* Дипломатия. С. 336.

5 (США) : 5 (Великобритания) : 3 (Япония): 1,75 (Франция) : 1,75 (Италия), а в абсолютном выражении определил следующий тоннаж флотов: для США и Великобритании — по 525 тыс. т, для Японии — 315 тыс. т, для Франции и Италии — по 175 тыс. т. Он ограничивал предельный тоннаж одного линкора (35 тыс. т) и предельный калибр корабельной артиллерии. Вместе с тем договор не налагал ограничений на другие классы военных кораблей: крейсеры, подводные лодки, легкие и вспомогательные суда.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Договор пяти держав стал первым в истории соглашением об ограничении и сокращении морских вооружений. Его значение выходило за региональные рамки, поскольку он распространялся на мировые, а не только на тихоокеанские флоты держав. В то же время применительно к АТР как району наиболее острого морского соперничества его роль была особенно велика. Договор остановил гонку морских вооружений, развернувшуюся на Тихом океане после Первой мировой войны.

Были определены такие «потолки» предельного тоннажа линейного флота сильнейших морских государств мира, которые предполагали его существенное (примерно в два раза) сокращение: британского флота — на 600 тыс. т, американского — на 500 тыс. т, японского — на 300 тыс. т. При этом если Великобритания отправляла на слом в основном устаревшие, отслужившие свой срок корабли, то США и Японии пришлось пожертвовать и несколькими новейшими линкорами.

Договор пяти держав обеспечил глобальное военно-морское равновесие сил, отвечавшее интересам его участников. Все они были в основном удовлетворены общемировой пропорцией флотов (5:5:3:1,75:1,75) и добились учета своих интересов по другим аспектам договора.

США утвердились как ведущая морская держава мира, равнозначная Великобритании. Настояв на ограничении тоннажа линкоров 35 тыс. т, они сохранили стратегическое значение Панамского канала, который не мог принимать корабли большего водоизмещения. В Лондоне и Токио признали бесперспективность неограниченного морского соперничества с Америкой.

Великобритания отказалась от «стандарта двух держав» в части, касавшейся линейных кораблей. Однако, поскольку договор ограничивал только линкоры, она сохранила заметное превосходство в других классах морских вооружений, что в сочетании с глобальной сетью английских военных баз обеспечивало сохранение ее позиций как самой сильной морской державы мира.

Франция и Италия с их более скромными морскими возможностями избежали сокращения линейного флота. Они настояли на том, чтобы за рамками ограничений остались подводные лодки, выступая при этом от имени средних и малых стран, которые считали подводный флот оборонительным оружием и наиболее эффективным гарантом своей безопасности.

В свою очередь Японии удалось настоять на том, чтобы в договор была включена статья, запрещающая строительство новых и укрепление старых военно-морских баз на Тихом океане. Соединенные Штаты согласились не укреплять свои владения в западной части Тихого океана (Филиппинский архипелаг и остров Гуам), а также Алеутские острова, а Великобритания — Гонконг. Исключение было сделано для британских доминионов, зоны Панамского канала, а также Гавайских островов и Сингапура, где США и Великобритания могли расширять и модернизировать имевшиеся у них военные базы. Япония в свою очередь отказалась от укрепления Курильских, Пескадорских островов и острова Тайвань.

Одного взгляда на карту достаточно, чтобы оценить преимущества, полученные Японией в АТР. Теперь США и Великобритания не могли создавать крупных военно-морских баз на расстоянии нескольких тысяч миль от ее границ. Следует учесть и то, что американский флот базировался в двух океанах, а английский был разбросан по всему миру. Таким образом, Япония не только сохранила свое военно-морское господство в западной части Тихого океана, поставленное было под угрозу морской программой Вильсона, но и добилась признания этого факта другими великими державами. Для того чтобы понять причины, побудившие их пойти на эту уступку Токио, следует рассмотреть решения, принятые конференцией по китайскому и русскому вопросам.

Проблема Китая была включена в повестку дня в первую очередь ввиду озабоченности западных держав складывающейся в этой стране революционной ситуацией. Республика, созданная после Синьхайской революции, оказалась нежизнеспособной. Из Советской России в Китай активно проникали коммунистические идеи, находившие там благоприятную почву для дальнейшего распространения. В этих условиях колониальная политика «сфер влияния» способствовала дальнейшей дестабилизации Китая, усиливала его политическую раздробленность и дискредитировала центральное правительство. Участники конференции видели реальную угрозу национально-освободительной революции в Китае и опасались прихода к власти там враждебных им политических сил.

В отличие от Парижской конференции в Вашингтоне Китай был представлен не объединенной делегацией Севера и Юга, а только Пекинским правительством. Южное правительство Гоминьдана, возглавляемое Сунь Ятсеном, отказалось участвовать в Вашингтонской конференции и признавать ее решения. Китайская делегация потребовала от великих держав ликвидации сфер влияния, отмены неравноправных договоров и перестройки отношений с Пекином в соответствии с принципом «открытых дверей и равных возможностей», т.е. на основе американской «доктрины Хэя». В этих вопросах она получила полную поддержку со стороны США, которые убеждали другие государства подняться над своими колониальными интересами с тем, чтобы нейтрализовать опасность новой китайской революции. После напряженной дискуссии все участники конференции, в том числе Великобритания и Япония,

согласились пересмотреть свою политику и содействовать укреплению китайского суверенитета.

6 февраля 1922 г. девять держав (Китай, США, Великобритания, Япония, Франция, Италия, Бельгия, Голландия и Португалия) подписали договор о принципах и политике в отношении Китая. Стороны согласились уважать суверенитет, административную и территориальную целостность Китая и строить отношения с ним в соответствии с принципом «открытых дверей и равных возможностей», а также отказывались от «взаимного предоставления исключительных возможностей преобладания в определенных частях китайской территории» — т.е. от политики «сфер влияния». Они также согласились уважать статус Китая как нейтрального государства.

В свою очередь Пекин обязался следовать принципу равенства по отношению ко всем иностранным державам, предоставляя им одинаковые права, и пообещал не передавать в будущем ни одному государству в аренду какой-либо части своей территории.

В то же время договор девяти держав только декларировал общие принципы, которые еще предстояло наполнить конкретным содержанием. В ходе конференции было подписано несколько двусторонних соглашений о восстановлении суверенных прав Китая. Наиболее важным из них стало соглашение между Китаем и Японией об урегулировании вопроса о Шаньдуне, разработанное при англо-американском посредничестве. Оно предусматривало эвакуацию японских войск из этой китайской провинции, а также выкуп китайцами по умеренной цене японской собственности в Шаньдуне. На схожих условиях Китай подписал соглашение с Великобританией о возвращении ему арендованной территории Вэйхайвэй.

Кроме того, восемь держав, подписавших договор с Китаем, достигли соглашения об увеличении его таможенного тарифа, который являлся главным источником доходов Пекинского правительства. Они заявили о намерении постепенно отказаться от прав экстерриториальности своих граждан и вывести из арендованных портов и сеттльментов свои воинские части.

Однако решения Вашингтонской конференции отменили далеко не все ограничения китайского суверенитета. Был сделан только первый шаг на трудном пути освобождения Китая от полуколониальной зависимости. Великие державы считали, что полное восстановление суверенитета Китая — это длительный процесс, который должен соотноситься с ходом его внутреннего развития и зависеть в первую очередь от того, будет ли там наконец создана сильная центральная власть, способная покончить с анархией и вновь объединить страну. Вместе с тем на конференции наметился переход великих держав от классического колониализма, основанного на разделе сфер влияния, к политике «открытых дверей и равных возможностей», в которой ключевое значение придавалось стабилизации внутреннего развития Китая.

Заметное место на конференции заняло обсуждение русского вопроса. Соединенные Штаты, заинтересованные в том, чтобы сохранить Россию как

противовес Японии на Дальнем Востоке, заявили, что конференция «должна защитить законные российские интересы» и добиться вывода японских войск. В Вашингтон прибыла делегация ДВР, которой был оказан дружественный прием. Делегация была принята государственным секретарем Юзом, выступила на слушаниях в конгрессе, получила возможность вести активную пропагандистскую кампанию в прессе. В Вашингтон приехали представители и других политических сил российского Дальнего Востока — атаман Семенов, глава прояпонского Приморского правительства Меркулов. Однако никто из них не был принят американскими официальными лицами и не был допущен на заседания конференции.

Дискуссия по русскому вопросу показала, что ни одна из держав не поддерживает затянувшееся пребывание японских войск на российском Дальнем Востоке. Оказавшись в изоляции, японская делегация была вынуждена пойти на уступки. Она официально заявила, что Япония скоро выведет войска из Приморья, хотя и уклонилась от указания конкретных сроков эвакуации.

Кроме того, конференция приняла резолюцию по вопросу о Китайско-Восточной железной дороге. Она подтвердила полномочия созданного в 1919 г. Межсоюзнического комитета по управлению дорогой и определила конечную цель его деятельности — возвращение КВЖД России как ее единственному законному владельцу, а также признала недопустимым присвоение прав собственности на дорогу другими государствами (имея в виду Японию и Китай).

9.7. Вашингтонская система

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Решения Вашингтонской конференции имели большое международное значение. Ее главным итогом стало восстановление политического равновесия и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Установив новое соотношение сил между великими державами, закрепленное в ряде договоров и соглашений, конференция завершила формирование Вашингтонской системы международных отношений в АТР, которая пришла на смену прежнему балансу сил, подорванному Первой мировой войной и революциями в Китае и России.

Вашингтонская система была более равновесной, нежели Версальская. Отражая соотношение сил великих держав, она в гораздо большей степени, чем Версальская, соответствовала балансу их национальных интересов. Азиатско-Тихоокеанский регион не был расколот, подобно Европе, на победителей и побежденных. Участникам конференции удалось прийти к компромиссу по вопросам ограничения военно-морских вооружений и неприкосновенности их тихоокеанских владений, а также согласовать свою политику в отношении Китая. Вместе с тем сложившееся равновесие было непрочным, что объяснялось в первую очередь той ролью, которую в новой международной системе играли Япония, Китай и Советская Россия.

Япония получила от западных держав гарантии безопасности — третье место японского военно-морского флота в мировой пропорции флотов, неприкосновенность своих колониальных владений и господство в западной части Тихого океана, где другие великие державы обязались не укреплять своих военно-морских баз. Она обрела обширную международно признанную морскую «зону безопасности», что исключало возможность не только нападения на Японские острова, но и эффективной блокады ее морских торговых путей. Приостановилась гонка морских вооружений, разорявшая японскую экономику. Однако за все это Японии пришлось заплатить высокую цену. Пообещав эвакуировать войска из России и Китая, она была вынуждена во многом отказаться от плодов своей военно-политической экспансии на Азиатском континенте.

Политическая элита Японии раскололась. В то время как ее умеренное крыло поддержало Вашингтонские соглашения, правонационалистические круги и командование вооруженных сил были ими крайне недовольны, считая, что правительство пошло на неоправданные уступки западным державам. Национальные интересы страны они трактовали не как интересы укрепления ее безопасности, а как колониальные, экспансионистские цели, связанные с завоеванием господства в Азии и на Тихом океане. В то же время новая расстановка сил в АТР была такова, что, если бы Япония захотела развязать большую войну, США и Великобритания имели бы весьма ограниченные возможности ей в этом помешать. Слабая защищенность ряда их тихоокеанских владений (таких, например, как Филиппины и Гонконг), обусловленная положениями договора пяти держав, давала японцам в случае военного столкновения с западными державами важное преимущество первых успехов (этот сценарий впоследствии был реализован на начальном этапе войны на Тихом океане, после нападения японского флота в декабре 1941 г. на Пёрл-Харбор).

Конечно, в Вашингтоне и Лондоне видели опасности, которыми грозила такая расстановка сил, однако считали, что противостоять японской экспансии должны в первую очередь дальневосточные государства — Китай и Россия. Договор девяти создавал более благоприятные внешнеполитические условия для стабилизации внутреннего развития Китая. Будущее новой международной системы во многом зависело от того, будет ли азиатский гигант сотрудничать с Западом или же окажется в конфронтации с ним в случае прихода к власти в Пекине революционных, антиимпериалистических сил. В то же время договор девяти при всей своей значимости не мог стать фактором, способным предотвратить китайскую революцию. Даже если бы Китай сумел преодолеть тяжелый кризис и начал стабильно развиваться, потребовалось бы еще много лет, прежде чем он превратился бы в реальный противовес Японии. В этой ситуации очень многое зависело от позиции Москвы.

Хотя Советская Россия и не участвовала в Вашингтонской конференции, ее интересы в рамках создаваемой системы вследствие благоприятной международной конъюнктуры не были ущемлены. Добившись от Японии обещания

вывести войска из Приморья, приняв резолюцию о КВЖД, предусматривавшую сохранение российского присутствия в Маньчжурии, западные державы, в первую очередь США, продемонстрировали свою заинтересованность в том, чтобы сохранить Россию в качестве противовеса Японии на Дальнем Востоке. Вопреки опасениям Москвы, конференция не только не привела к образованию «единого империалистического фронта», но и объективно улучшила ее международное положение в АТР.

Интересам Советской России отвечал договор четырех, отменивший военно-политический союз Великобритании и Японии — государств, которых она рассматривала как своих главных потенциальных противников. Этот договор не признавал японских притязаний на Северный Сахалин, который не был включен в список территорий, неприкосновенность которых гарантировалась четырьмя державами. Договор пяти, предусматривавший значительное сокращение крупнейших военно-морских флотов мира, также был выгоден Советской России, потерявшей огромную часть своего флота во время Первой мировой и Гражданской войн. Кроме того, он предусматривал отказ Японии от строительства военно-морских баз и укреплений на Курильских островах, что также соответствовало советским интересам. Наконец, резолюция по вопросу о КВЖД признавала эту железнодорожную магистраль собственностью Российского государства, что создавало некоторые гарантии против возможных попыток ее захвата Китаем или Японией.

Договор девяти, напротив, подвергли в Москве резкой критике, поставив под сомнение искренность намерений империалистических держав содействовать укреплению суверенитета Китая. Их политический курс, направленный на поддержку Пекинского правительства, явно противоречил советской установке на мировую революцию.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Обе важнейшие региональные державы — Китай и Советская Россия (впоследствии СССР) — не могли стать факторами международной стабильности в АТР: Китай — из-за внутренней слабости, а Советское государство — из-за влияния на его внешнюю политику коммунистической идеологии, делавшей ставку на развитие революционных процессов в государствах Дальнего Востока. Это обстоятельство не позволяло создавать универсальный международный порядок и подрывало его устойчивость.

Гарантами Вашингтонской системы стали Соединенные Штаты, Великобритания, Франция и Япония. Однако, в то время как внешнеполитические возможности Великобритании и Франции в АТР были ограниченны, Япония и США справлялись с ролью гарантов не вполне удовлетворительно. Умеренный курс японского правительства, нацеленный на поддержание регионального равновесия и соблюдение Вашингтонских договоренностей, постоянно подвергался ожесточенным нападкам со стороны правых, милитаристских

кругов в Токио. Американская же внешняя политика формировалась под влиянием доктрины изоляционизма и связанного с этим нежелания Вашингтона принимать на себя какие-либо международные обязательства сверх самого необходимого минимума. Ее изоляционистская направленность ставила под сомнение способность и желание Соединенных Штатов защищать созданный при их активном участии и отвечавший их интересам новый международный порядок в АТР. При такой расстановке сил Вашингтонская система, несмотря на определенные достоинства, оказывалась весьма непрочной и неустойчивой.

Литература

Основная

Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1960. Т. IV. Док. № 291.

История Китая: Учебник / Под ред. А. В. Меликсетова. М.: Изд-во МГУ, 1998. Гл. XII–XIII.

История Японии: Учебное пособие / РАН. Ин-т востоковедения; Отв. ред. А. Е. Жуков: В 2 т. Т. II. 1868–1998. М., 1998. С. 259–270, 298–313.

Клейменова Н. Е., Сидоров А. Ю. Версальско-Вашингтонская система международных отношений: Проблемы становления и развития: Курс лекций по истории международных отношений (1918–1939 гг.). М.: Информполиграф, 1995. Ч. I. Гл. 4.

Сидоров А. Ю. Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). М.: Изд-во МГИМО, 1997. Гл. 1–3.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том второй. Документы 1910–1940-х годов / Сост. А. В. Мальгин. М.: Моск. рабочий, 2000. Док. № 38–41.

Дополнительная

Кошкин А. А. Первая мировая война и Восток // Новая и новейшая история. 1998. № 5. С. 40–50.

Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Изд-во «Огни», 2003. Гл. 3.

The Washington Conference, 1921–1922: Naval rivalry, East Asian stability and the road to Pearl Harbor / Ed. by Erik Goldstein and John Maurer. Ilford, Essex, UK; Portland, Or.: Frank Cass, 1994.

ГЛАВА **10**

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АТР В 1922–1930 гг.

10.1. Окончание японской интервенции и включение ДВР в состав Советской России

После завершения Вашингтонской конференции и в соответствии с ее решениями Япония начала готовиться к выводу войск с территории российского Дальнего Востока. Однако в обмен на свой «добровольный» уход из России она рассчитывала добиться от Дальневосточной Республики значительных политических и экономических уступок. С августа 1921 г. по апрель 1922 г. в Дайрене[1] проходила конференция ДВР и Японии по вопросам урегулирования двусторонних отношений. На ней японская сторона потребовала предоставления ей на льготных условиях концессий на разработку полезных ископаемых, права свободного судоходства по Амуру, сохранения за японскими подданными их собственности, приобретенной в период оккупации, разрушения военных укреплений Владивостока и т.д. Российская сторона в свою очередь считала, что время работает на нее и сторонники продолжения интервенции в Токио в конце концов будут вынуждены пойти на уступки. Поэтому делегация ДВР поначалу затягивала переговоры, а затем отклонила наиболее одиозные из предъявленных ей требований, после чего Дайренская конференция была прервана.

В июне 1922 г. Япония неожиданно объявила о выводе своих войск из Приморья до конца года без всяких предварительных условий. Это решение явилось победой умеренного крыла ее правящей элиты над агрессивно настроенными военными. Пытаясь добиться гарантий сохранения ДВР как суверенного буржуазно-демократического государства, официальный Токио предложил провести новые переговоры. В сентябре 1922 г. в Чаньчуне (Маньчжурия) состоялась конференция с участием представителей Японии, ДВР и Советской России. Однако и на этот раз стороны не смогли прийти к соглашению.

[1] *Дайрен* — японское название бывшего русского порта Дальний (китайское название — Далянь).

25 октября 1922 г. завершился вывод японских войск из Владивостока. «Буферное» государство успешно выполнило свою миссию — предотвратило вооруженный конфликт между Советской Россией и Японией. 13 ноября 1922 г. Народное собрание ДВР проголосовало за ликвидацию Дальневосточной Республики и ее воссоединение с РСФСР. Территориальная целостность Российского государства на Дальнем Востоке была восстановлена, хотя и не полностью — японские войска еще оставались на Северном Сахалине. Расчеты интервентов на то, что после революции 1917 г. Россия обречена на десятилетия хаоса и безвластия, что позволило бы им превратить Приамурье и Приморье в свою вотчину, оказались несостоятельными. За четыре года оккупации они так и не смогли заручиться поддержкой местного российского населения и превратить ДВР в инструмент своего влияния. События Гражданской войны вновь показали, что районы Дальнего Востока представляют собой не колониальную окраину распавшейся империи, а неотъемлемую часть самой России, которая не может быть от нее безболезненно отторгнута. «Сибирская экспедиция», стоившая Японии огромных расходов, закончилась полным провалом.

10.2. Урегулирование советско-китайских отношений. Сотрудничество СССР с Гоминьданом

Огромное внимание в своей внешнеполитической стратегии большевики уделяли Китаю. Советская политика в его отношении была впервые сформулирована в Обращении Совнаркома к китайскому народу и правительствам Северного и Южного Китая 1919 г., а также в Обращении Совнаркома к правительству Китайской республики 1920 г. Эти документы, известные также как «декларации Карахана» (по фамилии подписавшего их заместителя наркома по иностранным делам), были пронизаны «революционной романтикой». Не требуя ничего взамен, Советское государство объявляло о своем отказе от империалистических прав и привилегий царской России в Китае (таких, как концессии, консульская юрисдикция, экстерриториальность граждан, доля в «боксерской» контрибуции и т.д.). Столь радикальный подход определялся стремлением большевиков подчеркнуть принципиальную разницу между своей революционной политикой и империалистическим курсом западных держав в надежде приблизить начало китайской революции. В одной из версий Обращения 1919 г., получившей широкое хождение в Китае, даже содержалось обещание передать КВЖД китайскому народу без всякого выкупа, хотя в Москве впоследствии и отрицали ее подлинность.

Между тем отношение Китая к Советской России вовсе нельзя было назвать дружественным. После подписания большевиками Брестского мира он, как и другие страны Антанты, отозвал посольство из Петрограда, а также прекратил выплату российской доли «боксерской» контрибуции. Воспользовавшись беспрецедентными уступками, заявленными в «декларациях Карахана», китайские власти в 1920 г. в одностороннем порядке лишили всех российских граждан прав экстерриториальности и ликвидировали российские концес-

сии. Они, однако, не решились национализировать КВЖД, поскольку против этого высказались западные державы, опасавшиеся создания прецедента произвольного захвата иностранной собственности. Официальный Пекин не торопился с дипломатическим признанием большевистского правительства, ожидая, когда на такой шаг пойдут европейские государства.

После ухода японских войск с Дальнего Востока и ликвидации ДВР советское руководство заняло в отношении Китая более прагматичную позицию. Летом 1922 г. в Пекин был направлен один из ведущих советских дипломатов полпред А. А. Иоффе. В ходе переговоров с китайскими официальными лицами он фактически дезавуировал декларации 1919–1920 гг., подчеркнув, что они не являются «документами прямого действия» и могут вступить в силу лишь после восстановления дипломатических отношений. Иоффе отверг требования китайской стороны о немедленном выводе Красной армии из Внешней Монголии. Он также заявил, что КВЖД является собственностью Советского государства и вопрос о передаче ее Китаю требует специального обсуждения.

Вместе с тем советская сторона вовсе не рассматривала Пекинское правительство, официально представлявшее Китай на международной арене, как своего единственного партнера по переговорам, поскольку оно контролировало лишь малую часть Китая и во многом зависело от западных держав. Иоффе стал первым советским эмиссаром, установившим прямые контакты с гоминьдановским правительством Южного Китая, возглавляемым Сунь Ятсеном. В начале 1923 г. в Шанхае прошли переговоры между Сунь Ятсеном и Иоффе, увенчавшиеся полным успехом. По их итогам было опубликовано совместное коммюнике о принципах взаимоотношений. Этот документ констатировал, что все заключенные до революции двусторонние договоры утратили силу; признавал Внешнюю Монголию частью Китая и даже содержал тезис о том, что в Китае «не могут быть введены коммунистический строй и советская система». Подписывая коммюнике, Иоффе руководствовался установками III конгресса Коминтерна (1921 г.), который счел преждевременным провозглашение лозунга социалистической революции в Китае и выдвинул на первый план национально-освободительные, антиимпериалистические задачи. Со своей стороны лидер Гоминьдана после встречи с Иоффе утвердился во мнении о необходимости использовать в деле объединения Китая советский опыт. Успехи большевиков, сумевших в кратчайшие сроки вновь собрать воедино распавшуюся на куски огромную многонациональную страну, произвели на него колоссальное впечатление. Сунь Ятсен решил, в частности, реорганизовать Гоминьдан по образцу РКП(б) и превратить его из аморфного общественного движения в организацию с железной дисциплиной, располагавшую собственной армией. Кроме того, Сунь Ятсен полагал, что Китай сможет встать на ноги, лишь опираясь на всестороннюю помощь и поддержку одной из великих держав. В начале своей политической карьеры он считал, что таким государством могли бы стать Соединенные Штаты, но затем пересмотрел свои взгляды и сделал ставку на СССР.

Отношения между СССР и Гоминьданом развивались очень динамично. Осенью 1923 г. в Москве побывала делегация во главе с одним из руководителей Гоминьдана генералом Чан Кайши. Она встретилась с Троцким, Зиновьевым, Чичериным, ознакомилась с советским опытом государственного строительства и провела переговоры о получении военной помощи. Примерно в это же время в Гуанчжоу (Кантон), где располагалось правительство Сунь Ятсена, приехал представитель Коминтерна М. М. Бородин (Грузенберг), назначенный главным политическим советником при Гоминьдане. Под его руководством были составлены устав и программа партии китайских националистов. В 1924 г. в Кантоне появились советские военные советники во главе с героем Гражданской войны В. К. Блюхером. Они сыграли ключевую роль в создании гоминьдановской армии: разработали воинские уставы, организовали подготовку офицерских кадров в военной школе Вампу. Следуя рекомендациям Коминтерна, Гоминьдан и Компартия Китая создали политическую коалицию — «единый фронт». Коммунисты получили право входить в Гоминьдан в индивидуальном порядке.

Состоявшийся в 1924 г. I Национальный конгресс Гоминьдана одобрил проведенную реорганизацию партии и курс на сближение с СССР и Коминтерном. Выступая на конгрессе, Сунь Ятсен дал высокую оценку большевистской политике и идеологии и указал на советскую модель государственного устройства как на образец для Китая. Китайские коммунисты были избраны в руководящие органы Гоминьдана и заняли важные посты в его аппарате, хотя между двумя партиями и сохранялись значительные идейно-политические разногласия.

Взяв курс на тесное сотрудничество с Гоминьданом, Советский Союз не оставлял попыток урегулировать отношения с официальным Пекином. В 1923 г. в китайскую столицу приехал новый полпред Л. М. Карахан. Он сразу же заявил, что подписанные им Обращения советского правительства 1919–1920 гг. «еще не создали для Китая никаких прав» и Пекин должен вначале признать СССР де-юре и только потом начинать разговор о ликвидации наследия царского режима. Советско-китайские переговоры значительно ускорились после того, как в феврале 1924 г. Советский Союз признали Великобритания и Италия. Ввиду создания этого прецедента пекинские власти уже могли действовать без оглядки на западные державы.

31 мая 1924 г. было подписано советско-китайское соглашение об установлении дипломатических отношений. Советский Союз отказался от дореволюционных российских концессий в Китае и прав экстерриториальности своих граждан. Стороны обязались не вмешиваться во внутренние дела друг друга и не вести враждебной пропаганды. Китайское правительство согласилось уволить из армии и полиции белоэмигрантов, враждебных советской власти. СССР отказался от российской доли «боксерской» контрибуции при условии, что она образует фонд улучшения просвещения китайского народа, управляемый совместно двумя странами (так же в 1912 г. поступили со своей долей контрибуции Соединенные Штаты). Советская сторона подтвердила денонса-

цию договоров о разделе сфер влияния в Китае, заключенных царской Россией с другими великими державами. Судьбу двусторонних российско-китайских соглашений, заключенных до революции, предполагалось решить на специальной советско-китайской конференции.

Китайско-Восточная железная дорога была признана совместной собственностью двух стран и «чисто коммерческим предприятием». Ликвидировались все политические функции администрации КВЖД, распускались ее воинские части («железнодорожная стража»). Восстанавливался суверенитет Китая над «полосой отчуждения» (территорией вдоль железнодорожного полотна), где до 1917 г. действовали российские власти и российские законы. Управление дорогой и подбор персонала должны были осуществляться на основе равного представительства сторон. Советский Союз пообещал продать (но не подарить) КВЖД Китаю в будущем при условии, что этот вопрос будет разрешен без вмешательства третьих стран. В 1919–1924 гг. КВЖД находилась под управлением Межсоюзнического комитета держав Антанты и русских эмигрантов. Теперь железная дорога перешла под совместное управление Советского Союза и Китая. Все белоэмигранты, работавшие в штате железной дороги, были уволены и заменены гражданами СССР.

Правитель Маньчжурии маршал Чжан Цзолинь, не подчинявшийся центральному китайскому правительству, поначалу отказался соблюдать договоренности, достигнутые между двумя странами, в части, касающейся КВЖД. Поэтому в сентябре 1924 г. СССР заключил с правительством Маньчжурии отдельное соглашение, идентичное тому, которое было подписано им с пекинскими властями.

Что касается Внешней Монголии, СССР согласился признать ее составной частью Китая и пообещал в скором времени вывести с ее территории свои войска. Впрочем, это признание было сугубо формальным. На практике и после подписания Пекинского соглашения Москва по-прежнему помогала Внешней Монголии укреплять свою пока еще никем не признанную независимость, являясь ее единственным международным гарантом и защитником. В 1924 г. умер монгольский монарх и глава национальной ламаистской церкви богдогэгэн Джебцзун-Дамба-хутухта, после чего теократический строй в этой стране был ликвидирован и она была переименована в Монгольскую Народную Республику.

«Мы признаем МНР частью Китайской республики, но признаем и ее автономию, настолько широкую, что Монголия не только не допускает никакого вмешательства со стороны Китая в свою внутреннюю жизнь, но и ведет независимо свою внешнюю политику»[1].

Из выступления наркома по иностранным делам СССР Г. В. Чичерина на сессии ВЦИК, 1925 г.

[1] Цит. по: *Галенович Ю. М.* «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. Т. 1. От октября 1917 г. до октября 1949 г. М., 1992. С. 64.

В марте 1925 г. Красная армия покинула пределы МНР. К этому времени у власти в Улан-Баторе уже прочно утвердились силы, выступавшие за союз с большевиками.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Советско-китайское соглашение 1924 г. в целом учитывало интересы обоих государств. Советский Союз восстановил свои имущественные права на КВЖД и политическое влияние в Северной Маньчжурии, а Китай впервые добился от одной из великих держав добровольного отказа от нарушавших его суверенитет империалистических прав и привилегий. Это соглашение явилось одним из первых равноправных договоров, заключенных Китаем с иностранными государствами.

10.3. Нормализация отношений между СССР и Японией

Вскоре после вывода своих войск из Приморья Япония предложила Советскому Союзу начать переговоры о дипломатическом признании. Умеренные политические силы, пришедшие к власти в Токио в 1924 г., считали необходимым как можно скорее восстановить между двумя государствами нормальные отношения. В 1924 г. в Пекине начались советско-японские переговоры. От имени Москвы их вел полпред Карахан. В январе 1925 г. СССР и Япония подписали Пекинскую конвенцию об основных принципах взаимоотношений. Стороны признавали друг друга де-юре, а также обязались не вмешиваться во внутренние дела друг друга и не вести враждебной пропаганды. Портсмутский мирный договор, заключенный после Русско-японской войны 1904–1905 гг., «оставался в полной силе», хотя советская сторона и подчеркнула при этом, что не несет за него «моральную и политическую ответственность». Такая формулировка отвечала ее интересам, поскольку договор содержал ряд положений, выгодных для СССР: запрет на ввод японских войск в Маньчжурию и признание Северной Маньчжурии российской сферой влияния, демилитаризация российско-корейской границы, острова Сахалин, проливов Татарского и Лаперуза. Судьбу других дореволюционных соглашений, а также проблему выплаты небольшого российского долга предполагалось обсудить позже на совместной конференции.

Япония обязалась вывести войска с Северного Сахалина в течение трех месяцев, а Советский Союз — предоставить ей нефтяные и угольные концессии на острове на срок от 40 до 50 лет. Л. М. Карахан от имени СССР выразил «искреннее сожаление» по поводу «Николаевского инцидента» 1920 г.[1], который был использован в Токио как повод для оккупации Северного Сахалина.

Установление Советским Союзом дипломатических отношений с Китаем и Японией объективно способствовало стабилизации Вашингтонской системы.

[1] О «Николаевском инциденте» см. главу 9.

Однако СССР вовсе не собирался становиться ее участником и гарантом. Главной задачей его политики на Дальнем Востоке было не сохранение послевоенного международного порядка, а разжигание в Китае и других государствах региона революционных процессов, подрывающих Вашингтонскую систему.

10.4. Национальная революция в Китае и ее влияние на международные отношения. Роль СССР и Коминтерна в китайской революции

Одним из важнейших условий устойчивости Вашингтонского порядка была политическая стабилизация Китая. Однако социально-экономическая ситуация в этом крупнейшем государстве АТР оставалась очень сложной. Центральному республиканскому правительству не удавалось объединить фактически распавшуюся страну, а после нескольких государственных переворотов в Пекине оно потеряло остатки своей власти. Огромная часть Китая находилась в руках так называемых милитаристов — военных губернаторов провинций, располагавших собственными армиями. Наиболее влиятельными из них были правитель Маньчжурии маршал Чжан Цзолинь, генерал У Пэйфу, контролировавший центральные районы страны, и маршал Фэн Юйсян, управлявший северо-западными провинциями. Милитаристы вели между собой бесконечные войны за контроль над республиканским правительством. В конце концов его подчинил себе маньчжурский «удельный князь» Чжан Цзолинь. В этих условиях единственной общенациональной силой, способной покончить с анархией и восстановить единство Китая, оказался Гоминьдан.

Поводом к началу революции послужили события мая 1925 г. в Шанхае, где британская полиция международного сеттльмента расстреляла студенческую демонстрацию. По всей стране прокатилась волна возмущения действиями англичан; в Шанхае, Гонконге и других городах произошли массовые волнения. На волне этого патриотического подъема Гоминьдан сформировал Национальное правительство, объявившее себя единственной законной властью в Китае. Его главой стал Ван Цзинвэй — лидер левого крыла Гоминьдана и близкий сподвижник Сунь Ятсена, скончавшегося в 1925 г. незадолго до начала революции. С помощью советских советников Гоминьдан сформировал Народно-революционную армию, во главе которой был поставлен молодой генерал Чан Кайши. В 1926 г. она выступила в Северный поход против войск Чжан Цзолина и к весне 1927 г. после тяжелых боев установила контроль над большей частью Китая. Революционное правительство переехало из Кантона в Ухань.

После начала революции в Гоминьдане значительно усилилось его левое крыло, выступавшее за тесное сотрудничество с Компартией Китая и Советским Союзом. В 1926 г. Гоминьдан даже обратился с официальной просьбой о приеме в Коминтерн, но его заявка была отклонена, поскольку он представлял собой хотя и революционную, но непролетарскую партию, что противоре-

чило строгим критериям членства в Коминтерне. Левые гоминьдановцы установили контроль над Уханьским правительством, а в начале 1927 г. в его состав вошли несколько коммунистов.

Западные державы были не на шутку встревожены революционным подъемом в Китае, однако ни одна из них не была готова к прямому вмешательству в его внутренние дела. Япония еще в 1924 г. провозгласила в отношении Китая так называемую «негативную политику», т.е. политику невмешательства, и придерживалась ее на протяжении всего периода революции. Соединенные Штаты, вернувшиеся к изоляционизму, хотя и пытались завязать контакты с Гоминьданом, в целом заняли позицию стороннего наблюдателя. Наиболее активно повела себя Великобритания. Ее консервативное правительство пыталось противодействовать политике Коминтерна, а в апреле 1927 г. во многом под влиянием китайских событий приняло решение о разрыве дипломатических отношений с Москвой.

Советский Союз вел в Китае большую политическую игру. Рассматривая китайскую революцию как важнейшую составную часть мирового революционного процесса, большевики считали неизбежным ее переход на определенном этапе в социалистическую стадию и установление власти Советов. СССР активно снабжал оружием армию Гоминьдана (оно доставлялось морем до Кантона), будучи при этом единственным источником военной помощи для китайских революционеров. Советские военные советники руководили планированием операций Народно-революционной армии — к примеру, Блюхером был разработан план Северного похода. Наряду с этим Советский Союз активно играл на противоречиях между милитаристами. Значительная помощь оказывалась им генералу Фэн Юйсяну, который заключил союз с Гоминьданом, направленный против Чжан Цзолиня, и стал опорой СССР на севере Китая. В 1926 г. Фэн Юйсян побывал с визитом в Москве, где провел переговоры с большевистским руководством. К его штабу также была прикомандирована группа военных советников во главе с В. М. Примаковым и В. К. Путной.

Активно помогая китайским революционерам, Советский Союз в то же время продолжал поддерживать официальные контакты с Пекинским правительством с тем, чтобы не осложнять своих и без того непростых отношений с западными державами и Японией.

Главным инструментом советской политики в Китае был не Наркоминдел, а Коминтерн, который разрабатывал революционную тактику, проводимую в жизнь через аппарат советников при Гоминьдане, а также непосредственно руководил своей секцией — Компартией Китая. Огромное значение китайского вопроса для судеб грядущей мировой революции превратило его во второй половине 1920-х годов в один из ключевых пунктов внутрипартийной борьбы в ВКП(б) между Сталиным и «объединенной левой оппозицией» во главе с Троцким и Зиновьевым. Председатель Исполкома Коминтерна Зиновьев еще в начале 1926 г. призвал Компартию Китая порвать с Гоминьда-

ном. Сталин и его сторонники, напротив, считали, что момент перехода революции в социалистическую фазу пока не наступил. Разногласия в руководстве СССР, за которыми стояла ожесточенная борьба за власть, по сути своей носили тактический характер. Осторожный Сталин призывал китайских коммунистов к большей сдержанности не в делах, а в публичных высказываниях. После того как осенью 1926 г. Зиновьев был снят с поста руководителя Коминтерна и вместе с Троцким выведен из состава Политбюро, Коминтерн по указанию Сталина сразу же призвал Компартию Китая вступить в борьбу с Гоминьданом за лидерство в «едином фронте» и возглавить революцию.

Эта ошибочная политическая установка повлекла за собой самые пагубные последствия. Китайская компартия была еще слишком неопытной и малочисленной организацией, и задача взятия власти оказалась для нее непосильной. В Гоминьдане произошел раскол между его левым крылом, блокировавшимся с коммунистами, и правыми, националистическими силами, которые объединились вокруг командующего Народно-революционной армией Чан Кайши. Весной 1927 г. лидер левого крыла партии Ван Цзинвэй, вернувшись из поездки в СССР, по совету Бородина отдал приказ об аресте Чан Кайши, однако он не был выполнен.

Разногласиями в революционном лагере ловко воспользовался главный враг Гоминьдана — Чжан Цзолинь. 6 апреля 1927 г. его солдаты совершили налет на полпредство СССР в Пекине и захватили там компрометирующие документы, раскрывавшие планы устранения Чан Кайши и захвата власти коммунистами. Советские дипломаты, работавшие в представительстве, были брошены в тюрьму и около года провели в заключении, а скрывавшиеся в помещениях полпредства китайские коммунисты, в том числе и основатель КПК Ли Дачжао, расстреляны. Копии захваченных бумаг были по приказу Чжан Цзолина немедленно переданы командующему армией Гоминьдана.

Чан Кайши сумел опередить своих противников. 12 апреля 1927 г. он совершил в Шанхае контрреволюционный переворот и начал репрессии против коммунистов. В Нанкине им было создано новое правительство. На сторону Чан Кайши перешел правитель северо-западных провинций Фэн Юйсян. В июле 1927 г. левое Уханьское правительство также объявило о разрыве отношений с КПК и поддержке Чан Кайши, а через несколько месяцев самораспустилось. Чан Кайши, таким образом, захватил всю власть в Гоминьдане. Советские советники во главе с Бородиным были вынуждены покинуть Китай. «Единый фронт» прекратил существование, а КПК перешла на нелегальное положение.

Летом и осенью 1927 г. компартия подняла в южных провинциях Китая серию восстаний, которые были безжалостно подавлены. В результате развязанного Гоминьданом террора погибли десятки тысяч коммунистов. В декабре 1927 г. КПК предприняла последнюю отчаянную попытку разжечь социалистическую революцию и захватила власть на родине Гоминьдана — в городе Гуанчжоу (Кантоне). «Кантонская коммуна» продержалась всего три дня

и была уничтожена правительственными войсками. Семь тысяч коммунаров были казнены. Советское генеральное консульство в Кантоне было разгромлено, а пять работавших в нем дипломатов погибли.

Обвинив Советский Союз в причастности к подготовке Кантонского восстания, правительство Чан Кайши предложило всем сотрудникам советских консульств и торговых организаций в недельный срок покинуть Китай. Представительства СССР на территории, контролируемой Гоминьданом, были закрыты. В то же время 14 советских консульств в Маньчжурии и Синьцзяне продолжали работать, так как эти провинции не подчинялись центральным китайским властям.

В 1928 г. Народно-революционная армия вошла в Пекин и разогнала республиканское правительство, при котором были аккредитованы все иностранные дипломатические миссии, в том числе и советская. С этого времени советско-китайские отношения на уровне посольств были прекращены. Столица Китая была перенесена в Нанкин, где разместилось новое национальное правительство. Китайская революция завершилась полной победой Чан Кайши. В истории Китая началось «Нанкинское десятилетие» — период становления гоминьдановской государственности, прерванный в 1937 г. с началом японо-китайской войны.

Советская политика в Китае потерпела провал. СССР отказался признавать Нанкинское правительство, а Коминтерн заявил, что Гоминьдан превратился в «контрреволюционную силу». VI съезд Компартии Китая, прошедший летом 1928 г. в Москве, провозгласил курс на развязывание гражданской войны против режима Чан Кайши с целью последующей советизации Китая. Деятельность КПК переместилась из городов в сельскую глубинку. В начале 1930-х годов ей удалось создать боеспособную Красную армию и обширные «советские районы», представлявшие серьезную угрозу для Гоминьдана. СССР в свою очередь оказывал помощь китайским коммунистам в организации вооруженной борьбы. «Только Советы могут спасти Китай от полного развала и обнищания», — заявил Сталин в 1930 г., выступая на XVI съезде ВКП(б).

Поражение КПК и Коминтерна воспринималось в Москве как поражение китайской революции. Вместе с тем нельзя не признать, что в деле решения общенациональных, а не классовых задач, и в первую очередь восстановления единства страны, революция, безусловно, одержала убедительную победу. Китай сделал большой шаг вперед на пути преодоления полуколониальной зависимости и политической раздробленности. Произошло его объединение, хотя и неполное, на основе предложенной Гоминьданом новой модели государственного устройства.

В 1928 г. Чан Кайши признал решения, принятые на Вашингтонской конференции, а западные державы в свою очередь приветствовали его приход к власти. Во внешней политике Нанкин ориентировался в первую очередь на США и Великобританию.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Несмотря на то что китайская революция начиналась в 1925 г. под радикальными антиимпериалистическими лозунгами, ее конечный результат — приход к власти правого крыла Гоминьдана, разорвавшего отношения с СССР и Коминтерном, — в международном плане способствовал укреплению Вашингтонской системы. Стабилизация внутреннего развития Китая вела и к стабилизации послевоенного международного порядка в АТР. В перспективе гоминьдановский Китай мог бы стать противовесом как экспансионистским тенденциям во внешней политике Японии, так и революционному курсу СССР.

10.5. Стабилизация Вашингтонской системы во второй половине 1920-х годов

Во второй половине 1920-х годов в международных отношениях в АТР в целом преобладали позитивные тенденции, способствовавшие укреплению Вашингтонского порядка. Основными факторами региональной стабильности стали упрочение международных позиций Китая после революции 1925–1927 гг., решения Лондонской конференции 1930 г. о дальнейшем ограничении и сокращении морских вооружений, а также конструктивная внешняя политика Японии, в целом соблюдавшей в этот период Вашингтонские договоренности.

В июле 1928 г. новое китайское правительство опубликовало декларацию об основах своей внешнеполитической доктрины. В ней говорилось об окончании военного периода революции, объединении страны и отказе от милитаристской системы правления. В 1928 г. правительство Гоминьдана официально признали США, Великобритания и ряд других государств, а в 1931 г. Китай получил место непостоянного члена Совета Лиги Наций.

Закрепившись у власти, Чан Кайши приступил к пересмотру неравноправных договоров с иностранными державами. В 1928 г. Китай подписал договор о тарифах с Соединенными Штатами, восстановивший его право вести суверенную тарифную политику. Затем было заключено 11 аналогичных договоров с европейскими странами. В 1930 г. тарифный договор был подписан даже с Японией, долгое время противившейся этому шагу. Таможенная автономия Китая была восстановлена, а таможенные поступления стали основной статьей доходов его государственного бюджета.

В 1929 г. правительство Чан Кайши выступило с программой отмены консульской юрисдикции и экстерриториальных прав иностранцев и вскоре сумело достичь соглашения по этому вопросу с рядом государств. К 1931 г. из 16 стран, пользовавшихся правами экстерриториальности, их сохранили за собой только США, Великобритания, Франция и Япония. Кроме того, в 1927–

1931 гг. Китай вернул себе 20 из 33 расположенных на его территории иностранных концессий.

Таким образом, на рубеже 1920–1930-х годов Китай сделал несколько важных шагов по пути избавления от полуколониальной зависимости. Этот процесс отвечал духу и букве договора девяти держав, подписанного на Вашингтонской конференции. В конце 1920-х годов этот договор получил более широкое международное признание: к нему присоединились Германия и ряд европейских и латиноамериканских стран1.

Укреплению международной безопасности в АТР способствовали и новые ограничения на строительство военно-морских флотов, одобренные на Лондонской морской конференции 1930 г. В ней приняли участие США, Великобритания, Япония, Франция и Италия — т.е. все пять держав, подписавших в 1922 г. Вашингтонский договор об ограничении и сокращении морских вооружений. В ходе конференции США, Великобритания и Япония заключили новый морской договор. Он предусматривал равенство английского и американского флотов не только по тяжелым (линкоры), но и по средним и легким кораблям (крейсеры, эсминцы, подводные лодки). Таким образом, Лондону пришлось окончательно отказаться от «стандарта двух держав». Что касается Японии, она согласилась иметь флот, равный по тоннажу 60% тяжелых крейсеров, 70% легких крейсеров и 100% подводных лодок от флотов США или Великобритании. Италия и Франция, будучи более слабыми в военно-морском отношении государствами, не захотели вводить дополнительных ограничений для своих флотов и покинули конференцию. Этот демарш не был связан с ситуацией в АТР и объяснялся главным образом франко-итальянским морским соперничеством в районе Средиземноморья[2].

Компромисс, достигнутый в Лондоне, свидетельствовал о стремлении великих держав не допустить новой гонки морских вооружений и сохранить сложившийся баланс сил в АТР. После Вашингтонской конференции они поддерживали дружественные, партнерские отношения, хотя между США и Японией по ряду вопросов и сохранялись острые противоречия. Так, в частности, в 1925 г. конгрессом был принят закон, по существу запретивший японскую иммиграцию в США (ее квота составляла всего 100 человек в год), что вызвало в Токио бурю протеста.

В 1922–1930 гг. международную стабильность в АТР удалось сохранить и благодаря Японии, которая в этот период в целом выполняла роль гаранта Вашингтонской системы. Автором этого внешнеполитического курса стал ее министр иностранных дел К. Сидэхара. Разработанная им доктрина предусматривала тесное сотрудничество Японии с западными державами и Лигой Наций, укрепление добрососедских отношений с СССР, невмешательство во

[1] После захвата Японией Маньчжурии в 1931 г. пересмотр неравноправных договоров был приостановлен и возобновлен только во время Второй мировой войны.

[2] О Лондонской морской конференции см. также главу 4.

внутренние дела Китая (так называемая «негативная политика»), отказ от новых колониальных захватов и приоритет интересов торгово-экономического развития. В самой Японии в 1920-е годы также проводился курс на либеральные реформы (сформировалась многопартийная система, было введено всеобщее избирательное право для мужчин и т.д.). Существенно сократились военные расходы, ранее съедавшие около половины государственного бюджета.

Внешнеполитический курс Сидэхара вызывал растущее недовольство правых, националистических кругов и командования вооруженных сил Японии. В 1926 г. на престол вступил император Сева (настоящее имя Хирохито), в лице которого военные обрели верного союзника. В июле 1927 г. генерал Г. Танака, назначенный премьер-министром и министром иностранных дел, представил императору меморандум, в котором излагался проект новой внешнеполитической доктрины, нацеленной на завоевание регионального, а в перспективе — и мирового господства.

> «Япония не сможет устранить затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политику "крови и железа". Но, проводя эту политику, мы окажемся лицом к лицу с Америкой, которая натравливает на нас Китай... Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить Соединенные Штаты, т.е. поступить с ними так, как мы поступили в Русско-японской войне... Овладев всеми ресурсами Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, стран Южных морей, а затем к завоеванию Малой Азии, Центральной Азии и, наконец, Европы»[1].
>
> *Из «меморандума Танака», 1927 г.*

Политику, направленную на захват Китая, Танака именовал «позитивной», т.е. активной, наступательной. Первоочередной задачей он считал завоевание Маньчжурии и Монголии, не исключая при этом «необходимости вновь скрестить мечи с Россией в целях овладения богатствами Северной Маньчжурии».

В то же время «меморандум Танака» формулировал скорее идеологию, нежели программу немедленных действий. Первые попытки его практической реализации закончились провалом. Весной 1928 г. японские войска под предлогом «защиты жизни и имущества японских граждан» вновь вторглись в китайскую провинцию Шаньдун, однако, столкнувшись с сопротивлением китайской армии и протестами как в самой Японии, так и за рубежом, были вынуждены вскоре ее покинуть. Наряду с этим кабинет Танака высказался против дипломатического признания правительства Чан Кайши и потребовал от маньчжурского диктатора Чжан Цзолиня, который вел борьбу с Гоминьданом, согласовывать с Токио свою внутреннюю и внешнюю политику. Однако Чжан

[1] Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том второй. Документы 1910–1940-х годов / Сост. А. В. Мальгин. М.: Моск. рабочий, 2000. С. 76–77.

Цзолинь не захотел превращаться в японскую марионетку. Он пригласил американских советников и попытался наладить отношения с СССР. Тогда группа офицеров Квантунской армии по собственной инициативе организовала в июле 1928 г. убийство Чжан Цзолиня, взорвав его поезд на пути из Пекина в Мукдэн (Шэньян). Заговорщики надеялись, что преемник покойного, его молодой сын маршал Чжан Сюэлян будет более податлив японскому влиянию, однако этот расчет оказался ошибочным. В декабре 1928 г. Чжан Сюэлян признал правительство Чан Кайши и провозгласил Маньчжурию частью гоминьдановского Китая. В 1929 г. Нанкинское правительство признал также духовный и светский руководитель Тибета далай-лама, отказавшись тем самым от независимости Тибета, провозглашенной в 1913 г.[1]. В итоге Чан Кайши удалось объединить под своей властью почти весь Китай. Император Хирохито был недоволен результатами Шаньдунской экспедиции, а также самовольными действиями Квантунской армии, которые привели к подрыву японских позиций в Маньчжурии. Танака был вынужден подать в отставку, а его меморандум был временно отправлен в архив. В 1929 г. Япония официально признала гоминьдановский Китай.

10.6. Советско-китайский конфликт на КВЖД

Наряду с опасными колебаниями во внешней политике Токио еще одним фактором, дестабилизировавшим обстановку на Дальнем Востоке, оставался курс СССР на поддержку революционного движения в Китае. В этих целях зачастую использовалась и КВЖД, хотя по условиям соглашения 1924 г. она должна была быть сугубо коммерческим предприятием. Три четверти сотрудников дороги составляли советские граждане, что нарушало принцип совместного управления. В «полосе отчуждения» велась революционная работа, находили убежище китайские коммунисты.

> «КВЖД призвана стать... главной стратегической жилой, нашим революционным пальцем, запущенным в Китай»[2].
>
> *Член Политбюро ЦК ВКП(б), член Исполкома Коминтерна Н. И. Бухарин*

Новый маньчжурский правитель Чжан Сюэлян со своей стороны начал проводить линию на вытеснение Советского Союза из Маньчжурии. В мае 1929 г. китайская полиция провела обыск в советском генеральном консульстве в Харбине под предлогом, будто в его помещении проходило «заседание Третьего интернационала». Изъятые в консульстве документы, по утвержде-

[1] После Синьхайской революции Тибет отделился от Китая, и вплоть до 1929 г. там существовало самопровозглашенное ламаистское государство. В 1920-е годы к Тибету проявлял заметный интерес Советский Союз. Его столицу Лхасу посетили три экспедиции НКИД, встречавшиеся с далай-ламой. Неофициальное тибетское представительство было открыто в Ленинграде.

[2] Цит. по: *Григорьев А. М.* Борьба в ВКП(б) и Коминтерне по вопросам политики в Китае (1926–1927 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 2. С. 112.

нию местных властей, свидетельствовали о том, что консульство ведет коммунистическую пропаганду и занимается контрабандой оружия. Советская сторона категорически отвергла эти обвинения.

В июле 1929 г. на встрече Чжан Сюэляна и Чан Кайши было принято решение захватить КВЖД и заставить всех советских граждан покинуть Маньчжурию. Эта авантюрная акция грубо нарушала советско-китайское соглашение 1924 г. и имущественные права СССР на КВЖД. При этом Чан Кайши рассматривал национализацию железной дороги как одно из звеньев проводимой им политики пересмотра всех неравноправных договоров с иностранными государствами (к их числу он относил и советско-китайское соглашение). Он считал, что в ходе предстоящего конфликта Советский Союз не получит поддержки Запада и, оказавшись в международной изоляции, не рискнет применять военную силу для защиты своих интересов.

10 июля 1929 г. власти Маньчжурии взяли под контроль КВЖД, отстранили от работы советских сотрудников дороги (при этом более 200 человек было арестовано) и заменили их на российских белоэмигрантов. Большинство советских учреждений в Харбине были закрыты. В свою очередь Чан Кайши выступил на заседании ЦИК Гоминьдана с программной речью, направленной против СССР.

> «Интересы Гоминьдана сталкиваются с интересами Третьего интернационала. Красный империализм является более опасным, чем белый, так как его труднее распознать».
>
> *Из речи Чан Кайши на заседании ЦИК Гоминьдана, июль 1929 г.*

Реакция Москвы на незаконные действия китайской стороны была жесткой. 17 июля 1929 г. советское правительство объявило об отзыве из Китая всех дипломатических, консульских и торговых представителей, а также работников администрации КВЖД. Китайской неофициальной миссии в Москве было предложено немедленно покинуть пределы СССР. Между двумя странами было прекращено железнодорожное сообщение. СССР и Китай оказались на грани войны.

В ноябре 1929 г. Особая Дальневосточная армия (ОДВА) под командованием Блюхера перешла границу в районе станции Маньчжурия и разбила противостоящую группировку китайских войск численностью 20 тыс. человек, взяв около половины из них в плен. Решительные силовые действия СССР явились полной неожиданностью для китайских властей и ускорили урегулирование конфликта. Не получив от центрального правительства обещанной военной помощи, Чжан Сюэлян решил пойти на уступки Москве. В декабре 1929 г. в Хабаровске был подписан советско-маньчжурский протокол. Он предусматривал восстановление статус-кво на КВЖД, освобождение арестованных советских граждан и высылку белоэмигрантских отрядов, активно участвовавших в боях

против Красной армии на стороне Чжан Сюэляна. Возобновили работу советские консульства в Маньчжурии и маньчжурские — на территории СССР.

Вместе с тем урегулирование конфликта вокруг КВЖД не привело к нормализации дипломатических отношений между Москвой и Нанкином. Хотя представители Чжан Сюэляна формально действовали и от имени Гоминьдана, Чан Кайши отказался признавать Хабаровский протокол, полагая, что советской стороне сделаны слишком большие уступки. В 1930 г. в Москве была проведена советско-китайская конференция с участием представителей Нанкинского правительства, но никаких результатов она не дала.

Советско-китайский конфликт вызвал неоднозначную международную реакцию. Западные державы были недовольны тем, что Советский Союз, недавно присоединившийся к пацифистскому «пакту Бриана—Келлога», применил военную силу для защиты своих интересов, однако они не одобряли и поведения маньчжурских властей, захвативших чужую собственность. Просьба Китая рассмотреть конфликт в Совете Лиги Наций была отклонена. Соединенные Штаты, поддержанные Великобританией и Францией, предложили передать претензии обеих сторон на третейское разбирательство. В Москве категорически отвергли эту инициативу, усмотрев в ней попытку поставить КВЖД под международный контроль. Япония и Германия, напротив, заняли более выгодную для Москвы позицию, высказавшись за проведение прямых советско-китайских переговоров без участия третьих стран. Германия, с 1927 г. представлявшая интересы СССР в Китае, согласилась выступить в роли неофициального посредника.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Конфликт на КВЖД нанес большой ущерб миру и безопасности на Дальнем Востоке. Он ослабил режим Чжан Сюэляна в Маньчжурии и обострил советско-китайские противоречия, что было выгодно агрессивным силам в Японии, начавшим готовить вторжение в Китай.

Литература

Основная

ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. II. 1926–1927 гг.: В 2 ч. М.: РОССПЭН, 1996. Док. № 24, 268.

Григорьев А. М. Борьба в ВКП(б) и Коминтерне по вопросам политики в Китае (1926–1927 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 2. С. 102–117; № 3. С. 109–128.

История Китая: Учебник / Под ред. А. В. Меликсетова. М.: Изд-во МГУ, 1998. Гл. 14–15.

Клейменова Н. Е., Сидоров А. Ю. Версальско-Вашингтонская система международных отношений: Проблемы становления и развития: Курс лекций по истории международных отношений (1918–1939 гг.). М.: Информполиграф, 1995. Ч. I. Гл. 5.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том второй. Документы 1910–1940-х годов / Сост. А. В. Мальгин. М.: Моск. рабочий, 2000. Док. № 41–45, 109.

Сидоров А. Ю. Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). М.: Изд-во МГИМО, 1997. Гл. 4.

Советско-китайские отношения. 1917–1957: Сборник документов / Отв. ред. И. Ф. Курдюков и др. М.: Изд-во. вост. лит., 1959. С. 64–65.

Дополнительная

Крюков М. В. Извилистый путь к альянсу: Советская Россия и Сунь Ятсен (1918–1923) // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 2. С. 108–117; № 3. С. 92–101.

Чжан Ю., Холидей Дж. Неизвестный Мао / Пер. с англ. И. А. Игоревского. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2007. Гл. 4–7.

Чубаров В. В. Военные конфликты в Китае и позиция СССР (1927–1933 гг.) // Советская внешняя политика 1917–1945 гг.: Поиски новых подходов. М., 1992.

Clubb O. Edmund. China and Russia: the “great game”. N.Y.: Columbia University Press, 1971.

ГЛАВА 11

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АТР В 1930-е годы. РАСПАД ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ

11.1. Переход Японии к агрессивной политике

На рубеже 1920–1930-х годов государства АТР были втянуты в орбиту мирового экономического кризиса, который привел к подрыву хрупкой политической стабильности в регионе, наметившейся во второй половине 1920-х годов.

Одним из государств, наиболее пострадавших от кризиса, стала Япония. Массовая безработица, инфляция, падение уровня жизни — все эти экономические неурядицы привели к росту влияния в японском обществе идеологии агрессивного национализма, видевшей выход из тупика во внешнеполитической экспансии с целью завоевания господства в Азии и на Тихом океане, а в более далекой перспективе — и мирового господства. Широкую популярность эти экстремистские идеи приобрели в вооруженных силах, что было крайне опасно, поскольку в японской политической системе военные занимали особо привилегированное положение. Подчиняясь напрямую императору, они не контролировались ни парламентом, ни правительством и могли втянуть страну в войну без ведома и согласия гражданских властей.

Первая, неудачная попытка толкнуть Японию на путь агрессии была предпринята в конце 1920-х годов премьер-министром Танака[1]. В начале 1930-х годов правые перешли к решительным действиям. Общество захлестнула волна политического терроризма. Был убит премьер-министр Ю. Хамагути, подписавший компромиссный Лондонский договор о морских вооружениях. В 1932 и 1936 гг. экстремистское крыло армии (так называемые молодые офицеры) предприняли неудачные попытки государственного переворота с целью установления открытой фашистской диктатуры. Еще несколько антиправительственных заговоров были раскрыты на стадии подготовки. В этой накаленной обстановке либеральные реформы, начатые в 1920-е годы, были прекращены.

[1] О «меморандуме Танака» см. главу 10.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Агрессивно настроенная верхушка японской армии в начале 1930-х годов, по существу, захватила основные рычаги власти в Токио. Подчинив своей воле императора Хирохито, она стала формировать правительство страны, определять ее внешнюю и внутреннюю политику. Под давлением военных Япония отказалась от роли гаранта Вашингтонской системы и встала на путь ее разрушения.

Милитаризация Японии, по существу, явилась аналогом нацистского переворота в Германии, приведшего к установлению там диктатуры Гитлера; однако в ее случае этот процесс протекал постепенно, в более скрытых формах, отразивших своеобразие японской политической традиции, и далеко не сразу был замечен и понят западными державами.

11.2. Агрессия Японии в Маньчжурии. Кризис Вашингтонской системы

18 сентября 1931 г. на принадлежавшей японцам Южно-Маньчжурской железной дороге (ЮМЖД) недалеко от селения Лутяогоу произошел взрыв, который не привел к человеческим жертвам и не нарушил движения поездов. Возложив вину за этот инцидент на местные маньчжурские власти, Япония использовала его как повод для развязывания агрессии в Китае. В тот же день Квантунская армия, дислоцированная на арендованном японцами Ляодунском полуострове[1], без объявления войны вторглась в Маньчжурию и в течение недели захватила две из трех ее провинций (Мукден и Гирин). 8 октября 1931 г. японская авиация совершила налет на Цзиньчжоу, ставший первым в мировой истории случаем воздушной бомбардировки мирного города. Следует подчеркнуть, что командование Квантунской армии, заранее спланировавшее и подготовившее вторжение, действовало по собственной инициативе, не имея приказа из Токио. Японское правительство безуспешно пыталось остановить вышедших из подчинения военных.

Правитель Маньчжурии маршал Чжан Сюэлян, располагавший 100-тысячной армией против 14-тысячной японской, приказал войскам отступать, не оказывая сопротивления. Он не рискнул начинать боевые действия против агрессора, не будучи уверенным в поддержке со стороны центрального китайского правительства. Поскольку основные силы армии Гоминьдана были брошены в тот момент на борьбу с «советскими районами», созданными коммунистами в Южном и Центральном Китае, глава Нанкинского правительства Чан Кайши не решился открыть новый фронт против японцев и поддержал решение Чжан Сюэляна оставить Маньчжурию без боя. Чан Кайши пони-

[1] Японское название полуострова — Квантунский.

мал, что его режим еще слишком слаб для того, чтобы втягиваться в вооруженный конфликт с Японией, и сможет противостоять ей только после того, как одержит победу в гражданской войне и уничтожит КПК. Выступая перед армейским командованием, лидер Гоминьдана откровенно заявил, что считает «красную опасность» более серьезной, чем угрозу со стороны Токио. Для подобной оценки у него были веские основания. В начале 1930-х годов гражданская война в Китае разгорелась с новой силой. К 1932 г. коммунисты контролировали уже примерно 300 уездов в 11 провинциях страны. В ноябре 1931 г. в провинции Цзянси прошел I Всекитайский съезд Советов, который провозгласил создание Китайской Советской Республики, принял ее конституцию и сформировал правительство во главе с Мао Цзэдуном. Конечно, Советская Республика была скорее виртуальным государством, состоявшим из разрозненных «советских районов», но и в таком виде она доставляла Чан Кайши немало хлопот.

В создавшихся условиях Китай решил не разрывать дипломатических отношений с Японией, не говоря уже об объявлении ей войны, и ограничился подачей жалобы в Лигу Наций, потребовав восстановления статус-кво и компенсации за причиненный ущерб. Правительство обратилось к армии и народу с призывом избегать столкновений с оккупационными войсками и ждать справедливого решения Лиги Наций.

Осенью 1931 г. Совет Лиги неоднократно рассматривал маньчжурский вопрос. Впервые в своей истории Лига Наций столкнулась со столь острым международным кризисом — возникла угроза разрушения всего послевоенного порядка в АТР. Между тем международная обстановка складывалась для агрессора весьма благоприятно, поскольку западные державы, поглощенные своими социально-экономическими проблемами, не желали активно вмешиваться в события на Дальнем Востоке. Поначалу они воздерживались от резкой критики в адрес Токио, рассматривая все происходящее как самовольные действия военных, и надеялись, что японское правительство сможет восстановить контроль над Квантунской армией, заставив ее вернуться на исходные позиции.

В декабре 1931 г. Совет Лиги Наций принял наконец первую резолюцию по маньчжурскому вопросу. Вопреки очевидности, он не признал Японию агрессором и не стал вводить против нее никаких санкций. Вместо этого было решено создать авторитетную международную комиссию для расследования событий в Маньчжурии. Она должна была посетить страны Дальнего Востока, после чего представить Лиге свои выводы и рекомендации. В комиссию вошли представители пяти великих держав — Великобритании, Франции, Германии, Италии и США, а ее руководителем был назначен англичанин, бывший вице-король Индии лорд В. Литтон. Таким образом, принятие окончательного решения откладывалось на неопределенное время, что было на руку агрессору.

Легкие военные успехи вызвали в Японии мощную волну националистических настроений. Министр иностранных дел Сидехара — главный сторонник

политики соблюдения Вашингтонских договоренностей 1922 г. — был вынужден уйти в отставку. В декабре 1931 г. правительство, противившееся военной авантюре в Маньчжурии, было заменено новым кабинетом, близким по взглядам к фашистским, милитаристским кругам.

Из государств — гарантов Вашингтонской системы наиболее определенную позицию осуждения агрессии заняли Соединенные Штаты. Не будучи членом Лиги Наций, они тем не менее согласились делегировать своего представителя в комиссию Литтона. В январе 1932 г. государственный секретарь Дж. Стимсон направил правительствам Японии и Китая ноты, в которых была сформулирована политика США в отношении японского вторжения, названная впоследствии «доктриной Стимсона». Соединенные Штаты заявили, что они отказываются признавать любые действия, нарушающие суверенитет и территориальную целостность Китая, принцип «открытых дверей и равных возможностей», и не будут считать законными международные соглашения, навязанные с помощью военной силы. Однако европейские государства не поддержали американский демарш, а Великобритания даже заявила, будто бы японская сторона «добросовестно соблюдает» в Маньчжурии принцип «открытых дверей».

«Доктрина Стимсона» не испугала Японию. В январе 1932 г. она распространила боевые действия за пределы Маньчжурии и попыталась захватить Шанхай — крупнейший порт, индустриальный и торгово-финансовый центр, где было сосредоточено до 60% всей китайской промышленности. Однако расчеты на молниеносный захват города не оправдались. В Шанхае агрессор впервые столкнулся с упорным сопротивлением китайской армии. Бои развернулись в непосредственной близости от огромного международного квартала (сеттльмента), где проживали десятки тысяч иностранцев из стран Запада. Реакция США и Великобритании последовала незамедлительно — в район Шанхая из баз в Пёрл-Харборе и Сингапуре были направлены их боевые корабли. Японии пришлось отступить. «Шанхайский инцидент» показал, что она ни в военном, ни в дипломатическом отношении еще не была готова к завоеванию всего Китая.

Отложив на время планы дальнейшей экспансии, японская военщина решила закрепиться в Маньчжурии. 1 марта 1932 г., накануне приезда комиссии Литтона, на ее территории было провозглашено марионеточное государство Маньчжоу-Го со столицей в городе Чанчунь. В его состав вошли три северо-восточные китайские провинции общей площадью более 1,2 млн кв. км и населением более 30 млн человек. Административный аппарат Маньчжоу-Го полностью контролировался Квантунской армией. Главой марионеточного режима японцы назначили Пу И — последнего представителя маньчжурской династии Цин, свергнутого в детстве с китайского престола Синьхайской революцией. В 1934 г. он был провозглашен императором.

Новые маньчжурские власти заявили об отказе от принципа «открытых дверей и равных возможностей», что вызвало протесты западных держав, адре-

сованные Токио. На это Япония отвечала, что «не несет никакой ответственности за действия правительства Пу И», которое со своей стороны обусловило соблюдение принципа «открытых дверей» признанием Маньчжоу-го де-юре другими государствами. Те из них, кто отказывался это сделать, лишГлись права инвестировать в Маньчжурии свои капиталы. Однако, несмотря на этот неприкрытый шантаж, ни одно государство мира не признало Маньчжоу-Го. Против его признания высказался даже японский премьер-министр Ц. Инукаи. В мае 1932 г. он был убит в Токио во время неудавшегося фашистского путча. В сентябре 1932 г. новое японское правительство установило дипломатические отношения с Маньчжоу-Го и подписало с ним протокол, предусматривавший размещение на его территории Квантунской армии. Ее командующий, по должности назначаемый послом в Чаньчуне, и стал фактическим правителем Маньчжурии.

11.3. События в Маньчжурии и позиция СССР

Японское вторжение создавало непосредственную угрозу безопасности Советского Союза. В ноябре 1931 г. Квантунская армия подошла к Китайско-Восточной железной дороге, а в феврале 1932 г. оккупировала административный центр КВЖД Харбин и вскоре вышла к советским границам. Тем самым Япония грубо нарушила Портсмутский договор 1905 г., запрещавший ей размещать на постоянной основе в Маньчжурии свои войска.

Осудив эти захватнические действия, советская сторона в то же время заняла осторожную позицию, заявив о своем нейтралитете и невмешательстве в конфликт. Внутриполитическое положение в Советском Союзе было в тот момент исключительно сложным — проводимые индустриализация и коллективизация требовали от народа огромных жертв и вызвали сильнейшее социальное напряжение. В этих условиях вооруженный конфликт с Японией был бы для СССР крайне опасным. Пассивную позицию, занятую западными державами и Лигой Наций, в Москве расценивали как сознательное попустительство агрессору с целью спровоцировать советско-японскую войну. Не будучи членом Лиги Наций, СССР дистанцировался от всех ее дипломатических демаршей по вопросам Дальнего Востока, отказался участвовать в работе комиссии Литтона и даже не допустил ее на свою территорию. Советские консульства в Маньчжурии получили указание не вступать в контакты с представителями Лиги и не делиться с ними информацией. Япония в свою очередь также не была готова к военному столкновению с СССР и обратилась к нему с просьбой соблюдать нейтралитет, напомнив о своем дружественном нейтралитете во время советско-китайского конфликта 1929 г. и пообещав уважать его права и интересы на КВЖД.

В декабре 1931 г. в Москве находился проездом новый японский министр иностранных дел К. Иосидзава. В беседе с ним Литвинов предложил заключить пакт о ненападении между двумя странами. В конце 1920-х годов Совет-

ский Союз уже делал такое предложение Японии, но тогда оно было отклонено. На этот раз ее правящие круги восприняли советскую инициативу с живым интересом. Правительство, политические партии и часть военных склонялись к тому, чтобы ее поддержать. Однако против заключения пакта выступили экстремистские силы в армии во главе с военным министром С. Араки. Ввиду развернувшейся внутриполитической борьбы официальный Токио взял долгую паузу для «изучения» советского предложения.

Отношения между СССР и Японией еще более осложнились после создания Маньчжоу-Го. На его территории проживало около 50 тыс. советских граждан, находились КВЖД и пять советских консульств, так что представителям СССР волей-неволей приходилось иметь дело с новыми маньчжурскими властями. В Москве было решено признать марионеточное государство де-факто. В 1932 г. консульства Маньчжоу-Го были открыты в Чите и Благовещенске, а китайские члены правления КВЖД, назначенные Чжан Сюэляном, были заменены на представителей режима Пу И. КВЖД было разрешено использовать для перевозок японских войск. Все эти шаги были предприняты с целью продемонстрировать японцам мирные намерения Москвы и склонить их к подписанию пакта о ненападении. Советский полпред в Токио А. А. Трояновский в неофициальном порядке сообщил японской стороне, что в случае, если она откажется от применения силы, СССР готов рассмотреть вопрос о признании де-юре Маньчжоу-Го и заключении с ним пакта о ненападении[1]. Однако эта инициатива также осталась без ответа.

11.4. Доклад комиссии Литтона. Выход Японии из Лиги Наций

Осенью 1932 г. завершила работу комиссия Литтона. Она представила Лиге обширный доклад, содержавший установленные ею факты, а также выводы и рекомендации. В докладе констатировалось, что Япония не действовала в целях самообороны, а совершила заранее спланированную агрессию, нарушив тем самым Устав Лиги Наций, пакт «Бриана—Келлога» и Вашингтонский договор девяти держав. Признав наличие «особых» японских прав и интересов в Маньчжурии, комиссия вместе с тем подчеркнула, что этот регион является неотъемлемой частью Китая. Она рекомендовала Лиге Наций не признавать Маньчжоу-Го, так как это государство было создано по воле Квантунской армии, а не в результате «движения за независимость народа Маньчжурии» и реализации «его права на самоопределение». Доклад, однако, не предлагал введения каких-либо санкций против Японии. Более того, в нем утверждалось, что конфликт не может быть разрешен простым восстановлением статус-кво и возвращением к власти свергнутого японцами Чжан Сюэляна. Вместо этого комиссия предлагала созвать международную конференцию, которая пре-

[1] АВП РФ. Ф. 08. Оп. 15. П. 151. Д. 216. Л. 9–10.

доставила бы Маньчжурии широкую автономию, а также помогла бы сформировать ее новое правительство. Японские войска должны были быть заменены жандармерией, руководимой иностранными (английскими и американскими) инструкторами. Такая программа урегулирования кризиса отвечала главным образом интересам США и Великобритании и была неприемлема для Японии, которая ее немедленно отвергла.

В декабре 1932 г. для обсуждения доклада комиссии Литтона была созвана чрезвычайная сессия Ассамблеи Лиги Наций. В принятой ею резолюции нашли отражение основные тезисы доклада комиссии, за исключением предложения о проведении международной конференции. Лига Наций признала Японию агрессором, потребовала вывода ее войск из Маньчжурии и призвала все государства мира не признавать Маньчжоу-Го де-юре и де-факто (т.е. не устанавливать с ним дипломатических отношений и вообще не вступать в любые контакты с ее властями). В то же время ни экономические, ни тем более военные санкции против Японии введены не были, хотя такого рода меры против агрессора прямо предусматривались Уставом Лиги Наций. Практические действия были подменены бесконечными словопрениями.

Япония отказалась признавать выводы комиссии Литтона и решения Ассамблеи Лиги. Убедившись в своей фактической безнаказанности, она в разгар работы Ассамблеи отторгла у Китая еще одну северо-восточную провинцию — Жахэ — и присоединила ее к Маньчжоу-Го.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

27 марта 1933 г. Япония вышла из Лиги Наций. Перестав быть гарантом Вашингтонской системы, она сделала окончательный выбор в пользу проведения агрессивной внешней политики и разрушения послевоенного международного порядка в АТР. На Дальнем Востоке возник первый очаг будущей мировой войны.

11.5. Нормализация советско-китайских отношений

Кризис Вашингтонского порядка заставил государства Дальнего Востока пересмотреть свои внешнеполитические установки. Одним из прямых последствий японской агрессии явилось урегулирование отношений между СССР и Китаем. Инициативу в этом вопросе взяло на себя Нанкинское правительство. В июне 1932 г. его представитель в Лиге Наций сделал Литвинову официальное предложение о восстановлении дипломатических отношений, обусловив его одновременным заключением двустороннего пакта о ненападении.

Пойти на сближение с Москвой Чан Кайши заставила позиция, занятая в период маньчжурского кризиса Лигой Наций и державами — гарантами Вашингтонской системы. Ему стало ясно, что реальной помощи от Запада ожи-

дать не приходится. С другой стороны, в лице милитаристской Японии у Китая и СССР теперь появился общий враг.

Главной проблемой во взаимоотношениях Москвы и Нанкина оставалась деятельность Китайской компартии, которая по линии Коминтерна получала из СССР руководящие указания и разнообразную помощь, включая военную. Однако в ходе переговоров представителям Гоминьдана не удалось добиться от советской стороны обещания пересмотреть отношения с китайскими коммунистами. Из-за ее возражений они были вынуждены отказаться и от требования немедленно заключить пакт о ненападении.

В декабре 1932 г. дипломатические отношения между СССР и Китаем были восстановлены — как и предлагала Москва, без всяких предварительных условий. В Токио встретили эту новость враждебно. В качестве ответного шага Япония официально отклонила советское предложение о заключении договора о ненападении. Этот демарш свидетельствовал о стремлении ее правящих кругов сохранить свободу рук, не исключая возможности совершить агрессию в любом направлении, в том числе и против СССР. Отношения между двумя государствами продолжали ухудшаться. Советский Союз больше не предлагал Японии подписать пакт о ненападении и отказался от признания де-юре Маньчжоу-Го.

11.6. Установление дипломатических отношений между СССР и США

К началу 1930-х годов единственной великой державой, все еще не признававшей Советский Союз, оставались Соединенные Штаты. В 1932 г. на президентских выборах в США после 12 лет республиканского правления победил кандидат от Демократической партии Франклин Делано Рузвельт. Новый президент был последователем Вильсона и считал своей главной внешнеполитической задачей постепенное преодоление изоляционизма и возвращение Америки на международную арену в качестве мирового лидера. Рассматривая Японию как наиболее опасного потенциального противника, Рузвельт считал необходимым принять решительные меры по противодействию ее экспансии в АТР и в этой связи выступил с инициативой о нормализации американо-советских отношений.

В ноябре 1933 г. в Вашингтон с официальным визитом прибыл нарком по иностранным делам Литвинов. В ходе его переговоров с американскими руководителями была достигнута договоренность об установлении дипломатических отношений между двумя государствами. В Москве надеялись, что это решение поможет удержать японцев от новых агрессивных действий, а также рассматривали его и как идеологическую победу: признание оплотом капиталистического мира — Соединенными Штатами — успехов и достижений СССР — первой страны социализма.

Во время бесед с Рузвельтом Литвинов предложил рассмотреть вопрос о создании в Азиатско-Тихоокеанском регионе системы коллективной безопасности и заключении Тихоокеанского пакта с участием СССР, США, Китая и Японии. Последней предлагалось присоединиться к договору главным образом из пропагандистских соображений — ожидалось, что ее неминуемый отказ продемонстрирует агрессивность намерений Токио и облегчит создание антияпонской коалиции. Допускалось участие в пакте и европейских держав, принимавших участие в Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. Предлагаемый договор о коллективной безопасности в АТР с участием Советского Союза мог бы предотвратить окончательный распад Вашингтонской системы и укрепить региональную стабильность.

Рузвельт пообещал Литвинову «полную моральную и политическую поддержку» против японцев, но к выдвинутой им инициативе отнесся прохладно, справедливо отметив, что в американском народе очень сильны изоляционистские настроения и США к войне на Тихом океане не готовы. В последующие годы СССР по дипломатическим каналам неоднократно обсуждал проект Тихоокеанского пакта с США, Китаем, а также Великобританией (во время визита в Москву в марте 1935 г. ее министра А. Идена), но никаких конкретных результатов эти переговоры не дали. Западные державы не желали брать на себя никаких обязательств, которые могли бы втянуть их в конфликт с Японией. План создания системы коллективной безопасности в АТР, предложенный Москвой, не был осуществлен.

11.7. Советско-японские отношения. Продажа КВЖД

После создания Маньчжоу-Го Япония развернула кампанию по вытеснению СССР из Маньчжурии. Квантунская армия и ее местные марионетки создали вокруг КВЖД атмосферу постоянных угроз и провокаций. Начались аресты советских граждан, захват имущества дороги. Ввиду опасности возникновения военного конфликта СССР принял решение уйти из Маньчжурии. В мае 1933 г. Литвинов предложил Японии и Маньчжоу-Го купить Китайско-Восточную железную дорогу.

В июне 1933 г. в Токио открылись переговоры между СССР и Маньчжоу-Го при посредничестве Японии по вопросу о продаже КВЖД. Советская сторона предложила выкупную цену за дорогу в размере 250 млн золотых руб. Маньчжурская делегация, ссылаясь на то, что КВЖД убыточна, оценила ее всего в 20 млн золотых руб. Потребовалось почти два года трудных переговоров, прежде чем был найден взаимоприемлемый компромисс. В марте 1935 г. соглашение между СССР и Маньчжоу-Го было подписано. КВЖД была продана за 56 млн золотых руб. (140 млн иен). Еще 12 млн золотых руб. (30 млн иен) выплачивались увольняемым советским служащим дороги. Маньчжурские власти обязались произвести все расчеты в течение четырех лет, заплатив $^1/_3$ суммы в денежной форме и $^2/_3$ — в форме поставок товаров. Япония высту-

пила гарантом полной и своевременной выплаты всех платежей. Хотя СССР и продал КВЖД по цене, значительно меньшей ее реальной стоимости, однако это соглашение устраняло важнейший источник напряженности в советско-японских отношениях и на некоторое время уменьшало риск вооруженного конфликта.

Делая тактические уступки японцам, Советский Союз в то же время продолжал наращивать оборонные приготовления. С 1931 г. в Москве рассматривали Японию как потенциального противника и считали войну с ней неизбежной, однако опасались спровоцировать столкновение до того момента, когда СССР будет к нему подготовлен. В малонаселенных Приамурье и Приморье сотни тысяч заключенных ГУЛАГа создавали мощную военную инфраструктуру. В Комсомольске-на-Амуре был построен крупнейший в мире авиационный завод. В 1931 г. Политбюро приняло решение о создании военно-морских сил Дальнего Востока, преобразованных в 1935 г. в Тихоокеанский флот. К концу 1930-х гг. на дальневосточных рубежах была развернута сильная военная группировка, способная обеспечить безопасность СССР.

11.8. Углубление кризиса Вашингтонской системы. Антикоминтерновский пакт

Выйдя из Лиги Наций, Япония, однако, еще не была готова к развязыванию большой войны с целью завоевания господства в АТР и нуждалась в передышке. В Токио рассчитывали использовать ее для освоения Маньчжурии, подготовки вторжения в Китай и поиска новых союзников.

Маньчжурская политика Японии была необычной и выходила за рамки классического колониализма. Вместо примитивной колониальной эксплуатации этого региона путем вывоза природных ресурсов приоритет был отдан развитию его промышленности и инфраструктуры за счет крупных инвестиций японского капитала. Экономика Маньчжоу-Го развивалась быстрыми темпами. Всячески поощрялась иммиграция в Маньчжурию японских граждан. Во много раз увеличилась боевая мощь Квантунской армии. За несколько лет японцам удалось превратить Маньчжоу-Го в плацдарм для дальнейшей экспансии на Азиатском континенте.

Проблема выбора между северным и южным направлениями нового военного удара была для Японии довольно сложной. В 1930-е годы ее руководство детально прорабатывало возможные сценарии боевых действий как против Китая, так и против Советского Союза. Так, например, в 1932 г. император Хирохито одобрил разработанный Генеральным штабом план войны против СССР, согласно которому оккупации подлежали обширные области к востоку от озера Байкал. В международном плане война с Советским Союзом не сулила Японии серьезных осложнений — западные державы были бы только рады такому развитию событий. Однако с военной точки зрения она выгляде-

ла сомнительной авантюрой. Если бы даже японским войскам удалось захватить часть советской территории, СССР не смирился бы с этим поражением, и боевые действия могли бы затянуться на долгое время. Кроме того, опыт неудачной интервенции в России в 1918–1922 гг. свидетельствовал о многочисленных трудностях, с которыми неизбежно пришлось бы столкнуться японцам в случае их новой попытки закрепиться на советском Дальнем Востоке.

Китай в военном отношении был намного слабее СССР и не рассматривался в Токио как серьезный противник; война против него, казалось, сулила уверенную победу. Однако в международном плане она была чревата для Японии опасными осложнениями: ухудшением ее отношений с США и Европой, введением против нее экономических и политических санкций. После захвата Маньчжурии Япония несколько лет не вела активных боевых действий в Китае, хотя и постоянно наращивала там свое военное присутствие. В мае 1933 г. в селении Тангу, недалеко от Пекина, было подписано японо-китайское соглашение о перемирии. Нанкинское правительство было вынуждено пойти на значительные уступки: оно признало сложившееся статус-кво в Маньчжурии и согласилось отвести свои войска, дислоцированные на севере страны, на рубежи, указанные японскими военными. Под их нажимом китайские войска в 1935 г. были выведены из еще двух северных провинций, и власть там перешла в руки так называемого Политического совета, который, хотя и был создан с согласия Чан Кайши, находился под сильным японским влиянием. В 1935 г. японский министр иностранных дел К. Хирота выдвинул «три принципа», на базе которых могли быть урегулированы японо-китайские отношения: 1) Китай должен был отказаться от ориентации на США и Европу и пойти на самое тесное сближение с Японией; 2) Китай должен был признать Маньчжоу-Го и присутствие на ее территории Квантунской армии; 3) Китай должен был вести борьбу с коммунистическим движением совместно с Японией. Принятие требований Хироты фактически означало бы полную капитуляцию Китая. Чан Кайши отверг их, что еще больше осложнило отношения между двумя государствами.

Для преодоления международной изоляции Япония нуждалась в сильном союзнике, которым могла бы стать нацистская Германия. Обе державы стремились к разрушению Версальско-Вашингтонской системы, однако в АТР между ними существовали и определенные противоречия. Германия, подписав в 1921 г. сепаратный мирный договор с Китаем на основе принципа равноправия (отказа от экстерриториальности и других империалистических привилегий), установила с ним тесные дружественные отношения, которые не изменились и после прихода к власти нацистов. Она оставалась основным поставщиком оружия армии Гоминьдана, а к штабу Чан Кайши была прикомандирована большая группа немецких военных советников во главе с бывшим командующим рейхсвером генералом Г. фон Сектом. Берлин отказался признать де-юре Маньчжоу-Го и был недоволен бесцеремонными попытками японцев установить свою гегемонию в Китае, не считаясь с его интересами. Еще одним источником противоречий была проблема бывших германских

колоний на Тихом океане (Каролинских, Марианских и Маршалловых островов), которые после Первой мировой войны были переданы Лигой Наций под управление Японии. После выхода последней из Лиги германская сторона потребовала возвращения своих бывших владений, однако Япония отказалась сделать это под тем предлогом, что ее права на острова были закреплены не только Версальским договором, но и тайными соглашениями, заключенными ею с Великобританией и Францией в ходе войны.

Поводом для начала процесса германо-японского сближения послужил состоявшийся в июле—августе 1935 г. VII конгресс Коминтерна, нацеливший коммунистов на борьбу с фашизмом. Осенью 1935 г. в Берлине начались секретные переговоры между японским военным атташе Х. Осимой и руководителем международного отдела нацистской партии Риббентропом. Они велись в обход министерств иностранных дел и ставили своей целью не только разрешение конкретных проблем в отношениях между двумя державами, но и установление между ними стратегического партнерства и взаимопонимания на базе идеологической общности правящих режимов.

Итогом переговоров стало подписание в ноябре 1936 г. Антикоминтерновского пакта. Согласно его условиям Германия и Япония брали на себя обязательство информировать друг друга о деятельности Коминтерна, совещаться о «необходимых мерах защиты» против него и проводить таковые в тесном сотрудничестве. Присоединиться к договору приглашались все страны, видевшие в Коминтерне угрозу своей безопасности. Секретное приложение обязывало стороны в случае войны «не предпринимать ничего, что облегчало бы положение СССР», и «без взаимного согласия не заключать с СССР никаких политических договоров, которые противоречили бы духу данного соглашения». В то же время пакт не содержал статей о взаимопомощи и не являлся военно-политическим союзом.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Антикоминтерновский пакт носил открыто антисоветский характер и подвергся в Москве самой резкой критике. В качестве ответной меры Советский Союз отказался подписывать уже парафированную новую рыболовную конвенцию с Японией. Вместе с тем альянс Германии и Японии, стремившихся к ревизии послевоенного международного порядка, угрожал и западным державам, которые являлись его гарантами. Поэтому политическое сближение двух агрессивных государств было специально закамуфлировано антикоммунистической риторикой с тем, чтобы не раздражать Великобританию и США.

В ноябре 1937 г. к Антикоминтерновскому пакту присоединилась Италия, а в 1939 г. — франкистская Испания, Венгрия и Маньчжоу-Го. Поставить подпись под договором настойчиво предлагали и гоминьдановскому правительству Китая, однако Чан Кайши отклонил это приглашение, заявив, что сумеет справиться с Китайской компартией собственными силами.

Формирование и расширение блока агрессивных государств явилось еще одним тяжелым ударом по Версальско-Вашингтонскому порядку. В АТР возобновилась гонка морских вооружений, инициатором которой выступила Япония. В 1933 г. ее флот достиг верхних потолков ограничений, установленных в Вашингтонском договоре пяти держав и Лондонском морском договоре, в то время как США и Великобритания своих квот по тоннажу военных судов еще не выбрали. Такое положение дел вызвало сильную обеспокоенность в Вашингтоне. В начале 1934 г. Рузвельт одобрил программу строительства более 100 боевых кораблей в течение последующих пяти лет, что означало возвращение к выдвинутой Вильсоном концепции превращения Соединенных Штатов в сильнейшую военно-морскую державу мира. Осуществление этой программы означало бы, что к 1939 г. США выйдут за пределы установленных лимитов. В свою очередь Япония в декабре 1934 г. объявила о своем намерении денонсировать Вашингтонский и Лондонский морские договоры.

В конце 1935 — начале 1936 г. в Лондоне состоялась новая конференция по военно-морским вооружениям. На ней США предложили сократить флот каждой из стран-участниц на 20%. Со своей стороны Япония, сославшись на англо-германское морское соглашение 1935 г., предусматривавшее беспрецедентные уступки Гитлеру, решительно потребовала от Великобритании и США признания принципа равенства в морских вооружениях. После того как это требование было отклонено, ее делегация покинула конференцию. Японскому примеру последовала фашистская Италия. Новый военно-морской договор, подписанный в марте 1936 г. США, Великобританией и Францией, сохранил прежнее соотношение флотов трех стран (5:5:1,75), но отменил любые количественные ограничения на строительство новых кораблей. Таким образом, западные державы вслед за фашистскими государствами приступили к наращиванию военно-морских вооружений.

11.9. Законы США о нейтралитете

Столкнувшись с растущей агрессивностью Японии, Соединенные Штаты заняли выжидательную позицию. Они не предпринимали никаких практических мер для того, чтобы помешать ей разрушать Вашингтонскую систему, ограничиваясь критикой в адрес Токио. Такая политика администрации Рузвельта объяснялась в первую очередь внутриполитическими факторами. Великая депрессия вызвала в США небывалый рост изоляционистских настроений. Специальная комиссия сената даже подготовила доклад, в котором утверждалось, будто бы участие страны в Первой мировой войне явилось грубой ошибкой и в будущем ей следует избегать вовлечения в любые вооруженные конфликты за пределами Американского континента.

31 августа 1935 г. конгресс США подавляющим большинством голосов одобрил закон (акт) о нейтралитете, ставший правовой базой неоизоляцио-

низма. Поводом к его принятию стала концентрация итальянских войск на границе с Эфиопией, где дело шло к неминуемой войне. Новый закон запрещал экспорт из США оружия и военных материалов воюющим государствам, независимо от причин войны. При этом не делалось никакого различия между агрессором и жертвой агрессии. Американским кораблям было запрещено перевозить оружие и материалы, предназначенные для воюющих стран, а суда этих государств не допускались в порты США. Факт войны устанавливал президент США, и он же вводил закон в действие.

В 1936 г. в акт о нейтралитете были внесены поправки, запрещавшие предоставление кредитов и финансовой помощи воюющим государствам. Тогда же из сферы его действия были выведены страны Латинской Америки — в том случае, если они подвергнутся нападению неамериканской державы. В 1937 г. закон был распространен на государства, в которых шла гражданская война. Наряду с этим в него было внесено дополнение, согласно которому воюющие страны получили право закупать в США сырье и другие материалы (кроме оружия) при условии, что они будут расплачиваться за покупки наличными и вывозить их на неамериканских судах (принцип «cash and carry» — «плати наличными и вывози сам»).

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Целью законодательства о нейтралитете было сохранение Соединенными Штатами свободы рук на международной арене и их неучастие в вооруженных конфликтах за рубежом при сохранении рычагов влияния на воюющие страны, заинтересованные в поставках американских товаров. Новые законы усилили изоляционистскую направленность американской внешней политики. С их принятием США фактически самоустранились от роли гаранта Вашингтонской системы, что облегчало Японии реализацию ее агрессивных замыслов.

11.10. Отношения СССР с Китаем и МНР

Нарастание военной угрозы на Дальнем Востоке требовало от Советского Союза принятия дополнительных мер по защите своих границ. Уйдя из Маньчжурии, он в то же время значительно укрепил свои политические позиции в других пограничных регионах — Монгольской Народной Республике и Синьцзяне. Формально являясь частью Китая, они не подчинялись правительству Чан Кайши и в своей политике полностью ориентировались на Москву.

В 1929 г. МНР, следуя директивам Коминтерна, провозгласила курс на строительство социализма. Начавшаяся здесь насильственная коллективизация сельского хозяйства вызвала массовое недовольство населения. Весной

1932 г. в западных районах Монголии вспыхнуло мощное восстание, на подавление которого была брошена регулярная армия. В мае 1932 г. постановлением ЦК ВКП(б) и Исполкома Коминтерна социалистическое строительство в МНР было временно приостановлено. Однако в конце 1930-х годов, в период «большого террора» в СССР, по Монголии прокатилась волна репрессий, проводимых при активном участии советских советников. В результате ламаистская церковь, на протяжении многих веков служившая основой монгольской государственности, была разгромлена, около тысячи монастырей закрыто, десятки тысяч монахов погибли. Духовенство как часть общества было фактически ликвидировано. В 1993 г. президенты РФ и Монголии в совместном заявлении осудили сталинские репрессии в МНР, отметив при этом, что постсоветская Россия не несет за них политической ответственности.

Формируя государственный строй Монголии по своему образу и подобию, Советский Союз в то же время оказывал этой стране большую безвозмездную финансово-экономическую помощь. Тысячи советских специалистов — рабочих, учителей, врачей — внесли значительный вклад в развитие монгольской экономики. СССР оставался единственным гарантом никем не признанной независимости МНР и сыграл огромную роль в ее становлении как суверенного государства.

В 1930-е годы Монгольская Народная Республика превратилась для СССР в передовой рубеж обороны против японской агрессии. После завоевания Маньчжурии в Токио начали разрабатывать планы захвата Внешней Монголии и ее последующего объединения с Внутренней Монголией в еще одно марионеточное государство — Монголо-Го (по образцу Маньчжоу-Го). В 1935 г. на монголо-маньчжурской границе произошли первые вооруженные столкновения. Переговоры между делегациями МНР и Маньчжоу-Го по пограничным вопросам, проходившие на станции Маньчжурия, закончились провалом, после чего монгольское правительство обратилось к СССР с просьбой об оказании военной помощи.

Еще в ноябре 1934 г. во время визита в Москву монгольского премьер-министра Гэндэна и его переговоров со Сталиным была достигнута конфиденциальная устная договоренность («джентльменское соглашение») о том, что Советский Союз окажет военную помощь МНР в случае агрессии. Оно держалось в тайне с тем, чтобы лишний раз не раздражать правительство Чан Кайши, которое очень ревниво относилось к развитию советско-монгольского сотрудничества. Теперь же, ввиду растущей угрозы безопасности МНР, было решено предать его огласке и облечь в соответствующую правовую форму.

В марте 1936 г. в Улан-Баторе был подписан советско-монгольский протокол о взаимопомощи. Стороны обязались в случае агрессии оказывать друг другу всестороннюю, в том числе военную, помощь. В Монголию были вновь введены части Красной армии, покинувшие ее в 1925 г. В протоколе отмечалось, что они будут «незамедлительно выведены по минованию в том надобно-

сти». Чтобы ни у кого в мире не осталось сомнений относительно решительных намерений Москвы, Сталин дал интервью иностранному корреспонденту (что случалось с ним крайне редко), в котором недвусмысленно заявил о том, что в случае нападения «СССР поможет МНР так же, как он сделал это в 1921 г.». Благодаря предпринятым советской стороной дипломатическим и военным мерам Япония была вынуждена отступить. Вооруженные провокации были прекращены, и на монголо-маньчжурской границе на некоторое время установилось относительное спокойствие.

Особое место в советской дальневосточной политике занимали отношения с Синьцзяном. Эта огромная малонаселенная (4 млн человек на территории в 1,5 млн кв. км) и слаборазвитая провинция Китая, имевшая протяженную общую границу с Советским Союзом, в 1920–1930-е годы фактически не подчинялась правительству Гоминьдана. В многонациональном Синьцзяне (в то время 60% его населения составляли уйгуры, 12% — китайцы, по 8% — монголы и казахи) постоянно тлели очаги межэтнических конфликтов, время от времени перераставшие в ожесточенные столкновения.

С 1933 г. провинцией управлял губернатор (дубань) Шэнь Шицай, проводивший курс на сближение и тесное сотрудничество с Москвой. В 1930-е годы Советский Союз предоставил Синьцзяну значительную финансово-экономическую и военную помощь. Здесь действовали восемь советских консульств, работали сотни советских советников и специалистов. Несколько раз в провинцию вводились части Красной армии, помогавшие местным властям подавлять мятежи.

Главной задачей политики СССР в Синьцзяне была борьба с японским и британским влиянием, недопущение создания на его территории второго Маньчжоу-Го. Оказывая огромное влияние на внутриполитическую ситуацию в Синьцзяне, СССР вместе с тем никогда не предпринимал попыток его «советизации» и не поддерживал местных мусульманских сепаратистов, поскольку такие действия могли бы нанести непоправимый вред его отношениям с режимом Чан Кайши. Советские руководители неоднократно подчеркивали, что рассматривают провинцию как неотъемлемую часть Китая.

В конце 1930-х годов по Синьцзяну прошелся каток массовых репрессий, жертвами которых стали десятки тысяч человек. Борьбу с «троцкистами», «японскими шпионами» и другими «врагами народа» возглавил сам Шэнь Шицай, сумевший таким способом расправиться с помощью Москвы со своими политическими противниками. Стремясь завоевать полное доверие большевистского руководства, чтобы затем использовать его в своих целях, дубань выдавал себя за приверженца марксизма-ленинизма и несколько раз просил о приеме в Китайскую, а затем и Советскую компартию. Осенью 1938 г. Шэн Шицай нанес тайный визит в Москву, где провел переговоры с советскими руководителями. По личной рекомендации Сталина дубань был принят в ряды ВКП(б).

Хотя правительство Чан Кайши и было недовольно активной политикой СССР в Синьцзяне и Внешней Монголии, это не помешало значительному улучшению советско-китайских отношений в середине 1930-х годов, что объяснялось как нарастанием военной угрозы обоим государствам со стороны Японии, так и временным отказом Советского Союза от курса на разжигание китайской революции. В 1933 г. в гражданской войне между Гоминьданом и КПК наступил перелом. Правительственные войска методично уничтожали разбросанные по всей стране многочисленные «советские районы». Стратегия вооруженной советизации Китая, разработанная Коминтерном в конце 1920-х годов, потерпела поражение. В 1934 г. Китайская Красная армия ценой огромных потерь прорвала кольцо окружения вокруг Центрального советского района и, ведя беспрерывные бои, совершила Великий поход — пеший переход протяженностью 10 тыс. км на северо-запад, в труднодоступную горную провинцию Шэньси. Там был создан так называемый Особый район — Яньань, ставший основной базой Компартии Китая в последующие десять лет (1935–1945 гг.). Великий поход вписал самую героическую страницу в историю китайского коммунистического движения, а его вожди во главе с Мао Цзэдуном стали впоследствии руководителями Китайской Народной Республики. Однако в 1935 г. казалось, что Чан Кайши практически выиграл гражданскую войну. Советское движение было разгромлено; погибла основная масса членов КПК.

В январе 1935 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в Цзуньи было избрано новое руководство Компартии Китая. Ее новым лидером, возглавившим Военный совет партии, стал Мао Цзэдун. «Коминтерновское крыло» в руководстве партии во главе с ее представителем в Москве Ван Мином было отодвинуто на вторые роли. Завершилась сложная внутренняя эволюция КПК — из секции Коминтерна, представлявшей собой небольшую группу китайских интеллигентов, она превратилась в самостоятельную национальную партию, пустившую глубокие корни в китайском обществе, и в первую очередь в крестьянской среде.

После поражения КПК Советский Союз стал склоняться к сотрудничеству с Гоминьданом как главной политической силой в Китае, способной оказать вооруженное сопротивление японской агрессии. Чан Кайши со своей стороны тоже стремился к сближению с СССР и в 1935 г. предложил ему заключить договор о дружбе и взаимопомощи. «В случае конфликта СССР и Японии, — заявил он советскому послу, — китайский народ будет на стороне русского»[1]. В середине 1930-х годов Нанкинское правительство заметно укрепило свою власть и провело ряд удачных экономических реформ. В стране наблюдался мощный патриотический подъем, усиливались антияпонские настроения и движение за бойкот японских товаров. В этих условиях VII конгресс Коминтерна рекомендовал китайским коммунистам прекратить борьбу с Гоминьда-

[1] АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 18. П. 179а. Д. 4. Л. 166.

ном и создать вместе с ним «единый антияпонский фронт». Хотя и не сразу, но руководство КПК согласилось выполнить эту установку Москвы.

Поворот к сотрудничеству КПК и Гоминьдана произошел в связи со знаменитым «Сианьским инцидентом». В декабре 1936 г. в городе Сиань Чан Кайши был арестован генералами Чжан Сюэляном и Ян Хучэном, которые потребовали от него включить коммунистов в правительство и занять более жесткую позицию в отношении Японии. Руководство компартии поначалу поддержало действия мятежников, однако в конфликт вмешался Советский Союз, потребовавший от КПК сделать все необходимое для спасения Чан Кайши. В Москве справедливо опасались, что его гибель вызовет острейший политический кризис, хаос и распад государства. При посредничестве приехавшего в Сиань одного из лидеров КПК Чжоу Эньлая руководитель Китая был освобожден из-под ареста.

11.11. Начало японо-китайской войны. Крах Вашингтонской системы

Углубление политического кризиса в Европе создавало благоприятные условия для продолжения экспансии Японии на Дальнем Востоке. В Токио с беспокойством наблюдали за укреплением гоминьдановского режима и его сближением с СССР. После некоторых колебаний японское руководство сделало выбор в пользу южного направления агрессии, приняв решение о вторжении в Центральный Китай.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

7 июля 1937 г. у старинного моста Лугоуцяо (мост Марко Поло) в окрестностях Пекина произошло вооруженное столкновение между китайскими и японскими солдатами. Воспользовавшись этим инцидентом, японские войска развернули наступление в глубь Китая. Так началась национально-освободительная война китайского народа против японских захватчиков, ставшая впоследствии составной частью Второй мировой войны. Она продолжалась до 2 сентября 1945 г. и стоила жизни более чем 20 млн жителей Китая.

В первые месяцы японской армии удалось добиться значительных военных успехов. В июле 1937 г. она захватила Пекин и Тяньцзинь, в ноябре — Шанхай, а в декабре — столицу страны Нанкин, после чего правительство Чан Кайши переехало в Ухань. В отличие от маньчжурских событий 1931 г. и вопреки ожиданиям Токио китайская армия оказала агрессору ожесточенное сопротивление. Однако военное превосходство было явно не на ее стороне. Японские войска повсеместно совершали военные преступления, в том числе массовые убийства гражданского населения. После взятия Нанкина ими была устроена страшная резня мирных жителей, во время которой погибли около 300 тыс.человек.

В сентябре 1937 г. Гоминьдан и Компартия Китая объявили о создании «единого антияпонского фронта», а вооруженные силы КПК были формально подчинены центральному правительству. Тем самым была создана основа для сотрудничества двух главных политических сил Китая в борьбе против японской агрессии. В то же время обе партии рассматривали «единый фронт» только как вынужденный тактический компромисс, неспособный устранить существующих между ними непримиримых идеологических противоречий, что делало этот союз временным и неустойчивым.

Япония формально не объявляла войну правительству Гоминьдана и именовала ее «китайским инцидентом» (так же как захват Маньчжурии в 1931 г. был официально назван «маньчжурским инцидентом»), стремясь тем самым принизить значение происходящих событий в глазах Запада и собственного общественного мнения. Япония утверждала, что не намерена завоевывать Китай и действует лишь «в порядке самозащиты». Она даже «признавала» суверенитет правительства Чан Кайши над оккупированными территориями, хотя и смещала там местную гоминьдановскую администрацию. Китай тоже воздерживался от официального объявления войны агрессору, оставляя себе возможности для политического маневрирования[1]. Оба государства продолжали поддерживать дипломатические отношения. Это была «странная война наоборот», если сравнивать ее с периодом «странной войны» в Европе в 1939–1940 гг.: она велась, но не была объявлена, в то время как в Европе война была объявлена, но не велась.

Великобритания и США, на словах осудив агрессора, предпочли занять позицию сторонних наблюдателей. В Лондоне не хотели осложнять отношений с японцами, опасаясь за безопасность британских колоний в АТР, в США же господствовали изоляционистские настроения, с которыми не могла не считаться администрация Рузвельта. 5 октября 1937 г. Рузвельт выступил в Чикаго с большой речью, в которой подверг Японию резкой критике и призвал к ее международной изоляции («карантину»). В то же время он заявил, что, по его оценке, Япония и Китай не находятся в состоянии войны и, следовательно, закон о нейтралитете не может быть распространен на Дальний Восток (согласно этому закону, факт войны устанавливал президент США). Соединенные Штаты продолжали продавать оружие и стратегические материалы обоим воюющим государствам, что было выгодно в первую очередь японцам, получавшим из-за океана намного больше, чем правительство Гоминьдана. У Китая в то время не было своего военно-морского флота, а после того как японские боевые корабли установили блокаду его тихоокеанского побережья, китайская торговля с США и Европой практически прекратилась. В первые, самые тяжелые годы войны Китай не получал от западных держав никакой реальной помощи.

[1] Китай официально объявил войну Японии только в декабре 1941 г., после нападения японского флота на американскую базу Пёрл-Харбор и вступления США во Вторую мировую войну.

После начала боевых действий правительство Гоминьдана обратилось в Лигу Наций с требованием ввести экономические и военные санкции против Японии. Рассмотрев это заявление, Совет Лиги постановил передать вопрос о применении статьи 16 Устава о санкциях на индивидуальное усмотрение каждого государства. Было также решено созвать в Брюсселе конференцию государств — участников договора о Китае. На нее был приглашен и Советский Союз. В Брюссельской конференции, проходившей в ноябре 1937 г., участвовали представители 18 стран, подписавших договор в 1922 г., а также присоединившихся к нему впоследствии. Германия и Япония бойкотировали конференцию. Интересы последней представляла Италия, примкнувшая в дни ее работы к Антикоминтерновскому пакту. От имени СССР нарком иностранных дел Литвинов предложил ввести против агрессора коллективные экономические санкции и в первую очередь запретить продажу нефти. Однако эта инициатива не нашла поддержки у западных держав, которые не желали всерьез ссориться с Японией и хотели бы ограничиться ее «моральным осуждением» и пацифистскими призывами. Они фактически взяли курс на умиротворение Японии, не исключая возможного компромисса с ней за счет Китая. В итоге конференция свелась к бесполезным и бесплодным дискуссиям. Приняв ни к чему не обязывающую резолюцию, в общей форме осуждающую агрессора, она прервала свою работу на неопределенный срок и больше уже не собиралась.

Провал Брюссельской конференции свидетельствовал о крахе Вашингтонской системы международных отношений. После того как Япония встала на путь ее разрушения, США, Великобритания и Франция не сделали практически ничего, чтобы ей в этом помешать. Сопротивление японской экспансии оказывали только Китай и СССР.

11.12. Советско-китайский договор о ненападении 1937 г. Военная помощь СССР Китаю

В Москве внимательно следили за происходившими в Китае событиями. Выбор Японией южного направления агрессии уменьшил вероятность ее скорого нападения на Советский Союз, однако, если бы ей удалось одержать в Китае легкую победу, взяв под контроль ресурсы этой огромной страны, угроза безопасности СССР на Дальнем Востоке возросла бы многократно. Поэтому Советский Союз больше, чем кто-либо другой, был заинтересован в том, чтобы Китай не капитулировал и продолжал сопротивление. В Москве было принято решение оказать финансово-экономическую и военную помощь правительству Чан Кайши, отчаянно в ней нуждавшемуся.

21 августа 1937 г. в Нанкине был подписан советско-китайский договор о ненападении сроком на пять лет. Стороны обязались «воздерживаться от нападения друг на друга как отдельно, так и совместно с другими державами».

В случае нападения на одну из них третьей державы другая сторона обязалась не оказывать агрессору ни прямо, ни косвенно никакой помощи.

В ходе церемонии подписания договора посол СССР в Китае Д. В. Богомолов от имени советского правительства зачитал устную декларацию, «никогда не подлежащую оглашению, ни официально, ни неофициально».

«Советский Союз не заключит какого-либо договора о ненападении с Японией до того времени, пока нормальные отношения Китайской республики и Японии не будут формально восстановлены»[1].

Устная секретная декларация правительства СССР от 21 августа 1937 г.

Министр иностранных дел Китая в свою очередь заявил, что его страна в период действия договора с СССР не присоединится к Антикоминтерновскому пакту.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Таким образом, советско-китайский договор о ненападении фактически являлся договором о взаимопомощи. Такой его формат был избран ввиду того, что СССР, помогая Китаю, вовсе не желал напрямую втягиваться в войну с Японией. В 1937–1939 гг. Москва несколько раз отклоняла предложения Чан Кайши о подписании двустороннего договора о полномасштабном военно-политическом союзе. Однако и без такого договора СССР оставался единственным фактически союзным Китаю государством в самый тяжелый для него начальный период войны.

С подписанием пакта о ненападении была создана правовая база для налаживания военного сотрудничества двух стран. С осени 1937 г. начались поставки правительству Гоминьдана советской боевой техники. Объем и условия оказания военной помощи были согласованы во время визита в Москву высокопоставленной китайской делегации во главе с маршалом Ян Цзэ.

«Мы поможем вам, не жалея ни денег, ни оружия. Все, что можно будет, — мы сделаем»[2].

И. В. Сталин в беседе с маршалом Ян Цзэ, сентябрь 1937 г.

Всего в 1937–1939 гг. Советский Союз поставил в Китай 904 самолета, 1600 артиллерийских орудий, 82 танка, 14 тыс. пулеметов, 50 тыс. винтовок и много другой техники и снаряжения. Для осуществления этих закупок Мо-

[1] Впервые устная декларация была опубликована только в 2000 г. См.: Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1 / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 2000. Форзац обложки.

[2] Там же. С. 157.

сква предоставила правительству Чан Кайши несколько льготных кредитов на общую сумму 450 млн долл. Значение советской помощи было огромным, так как СССР являлся единственной державой, поставлявшей Китаю вооружения, а своего оружия, кроме винтовок, он в то время не производил.

Весной 1938 г. в гоминьдановской армии появились первые советские военные советники — генералы и офицеры, число которых в разное время составляло от 50 до 150 человек. Среди них были видные советские военачальники: В. И. Чуйков, А. И. Черепанов, П. Ф. Батицкий, П. С. Рыбалко и др. Они помогали китайскому командованию разрабатывать планы боевых операций и готовить офицерские кадры. Благодаря советской помощи японская авиация лишилась безраздельного господства в воздухе. В боях против японских ВВС принимали участие около 2 тыс. советских летчиков, сбивших 986 самолетов противника. Более 200 из них погибли за свободу Китая.

Помогая правительству Чан Кайши, Советский Союз настойчиво рекомендовал КПК наладить более тесное взаимодействие с Гоминьданом. Под нажимом Коминтерна Мао Цзэдун был вынужден признать руководящую роль Гоминьдана в «едином фронте». Вся советская военная помощь направлялась центральному правительству, минуя коммунистов. Гражданская война в Китае была временно приостановлена во многом благодаря усилиям Москвы.

11.13. Продолжение японо-китайской войны в 1938–1939 гг. «Соглашение Арита—Крейги»

В 1938 г. бои на китайских фронтах приобрели еще больший размах. Расчеты японцев на то, что после падения Нанкина Чан Кайши капитулирует и подпишет кабальное мирное соглашение на продиктованных ими условиях (налаживание «тесного сотрудничества» двух стран, создание в некоторых китайских провинциях демилитаризованных зон, признание де-юре Маньчжоу-Го, выплата контрибуции и т.д.) не оправдались. Армия агрессора развернула наступление на временную столицу Китая Ухань. Ее осада, длившаяся несколько месяцев, стала наиболее драматичным эпизодом всей войны. Гоминьдановские войска отчаянно сражались против интервентов, которые смогли взять город лишь ценой больших потерь. Мировая печать сравнивала бои за Ухань с обороной Мадрида. Наряду с Испанией Китай оказался на переднем крае борьбы с фашистской экспансией.

После падения Уханя армия Чан Кайши отступила в труднодоступные горные районы провинции Сычуань, а правительство переехало в ее административный центр Чунцин, ставший новой временной столицей Китая вплоть до 1945 г. Японцам удалось также захватить главный порт на юге страны — Гуанчжоу (Кантон). На этом завершился первый этап войны. В руках агрессора оказались все главные города Китая, 90% его промышленности, крупнейшие порты и вся сеть железных дорог. Япония больше не предпринимала крупных на-

ступательных операций, и боевые действия приняли вялотекущий позиционный характер.

Несмотря на, казалось бы, безнадежное положение, Чан Кайши сдаваться не собирался. В тылу врага развернулось партизанское движение. Сельская местность, где проживала основная часть населения, практически не контролировалась оккупантами. Пытаясь закрепиться в захваченных провинциях, Япония сделала ставку на раскол в Гоминьдане, где имелись влиятельные сторонники достижения мира любой ценой. Целью ее оккупационной политики было провозглашено «распространение на весь Китай формы государственной власти, найденной в процессе создания Маньчжоу-Го», т.е. создание марионеточной китайской администрации. Некоторых успехов в этом деле японцам все же удалось добиться. В декабре 1938 г. второй человек в Гоминьдане, бывший премьер-министр и министр иностранных дел Ван Цзинвэй перешел на сторону врага и бежал в Токио, где объявил о своем согласии подписать соглашение о капитуляции. В марте 1940 г. он возглавил марионеточное «центральное правительство» в оккупированном японцами Нанкине. Однако его власть не имела поддержки в народе и держалась на японских штыках.

В ноябре 1938 г. премьер-министр Ф. Коноэ опубликовал официальное правительственное заявление, подписанное императором. В нем Япония впервые публично провозгласила своей главной внешнеполитической задачей «установление нового порядка в Восточной Азии», т.е. завоевание господства в АТР. Западные державы никак не отреагировали на это вызывающее заявление. Они по-прежнему избегали вмешательства в японо-китайский конфликт. Кроме того, Токио удалось добиться улучшения отношений с Берлином, где поначалу отнеслись к этой войне отрицательно, посчитав, что японцы выбрали не того противника — им надо было, по мнению гитлеровцев, идти против СССР. Однако вскоре Германия изменила свою политику. В мае 1938 г. она установила дипломатические отношения с Маньчжоу-Го, а затем прекратила военную помощь режиму Чан Кайши и отозвала из Китая военных советников. Немцы также выразили согласие подписать с Токио договор об отказе от притязаний на свои бывшие тихоокеанские владения при условии получения соответствующей финансовой компенсации. Таким образом, Германия фактически прекратила сотрудничество с гоминьдановским Китаем во имя укрепления альянса с Японией.

Осенью 1938 г. начались секретные переговоры между Риббентропом и японским послом Осимой о дальнейшем расширении германо-японского политического и военного сотрудничества. Однако в ходе обмена мнениями в позициях сторон выявились принципиальные расхождения. Германия настаивала на превращении Антикоминтерновского пакта в тройственный военный союз с участием Италии, направленный не только против СССР, но и против стран Запада. Такой союз, по замыслу Гитлера, должен был по-

мочь ему добиться нейтралитета Великобритании и Франции в предстоящей германо-польской войне. Япония, однако, вовсе не желала быть втянутой в вооруженный конфликт в Европе. Поэтому она была против участия в будущем союзе Италии и предлагала Германии заключить двусторонний пакт о взаимопомощи, направленный исключительно против СССР. Переговоры зашли в тупик.

Великобритания, с беспокойством следившая за японо-германским сближением, стремилась «умиротворить» Японию с тем, чтобы защитить свои колониальные интересы на Дальнем Востоке. В этом деле она рассчитывала на поддержку со стороны японского кабинета министров и МИДа, которые выступали за сохранение традиционно дружественных отношений с Лондоном — в отличие от военных, стремившихся к более тесному союзу с нацистской Германией.

В мае 1939 г. Квантунская армия установила блокаду британского сеттльмента в Тяньцзине и потребовала выдать укрывшихся там нескольких китайцев, обвиненных в убийстве японского служащего. Английский посол в Токио Р. Крейги и японский министр иностранных дел Х. Арита приступили к консультациям об урегулировании этого инцидента, в ходе которых были согласованы и условия широкого англо-японского политического компромисса.

24 июля 1939 г. было заключено «соглашение Арита—Крейги» (в форме обмена дипломатическими нотами). Великобритания признавала японскую гегемонию в Китае, обязалась «не мешать японской армии выполнять стоящие перед ней задачи» и не оказывать помощь правительству Гоминьдана. Япония в свою очередь согласилась уважать интересы Великобритании в Азиатско-Тихоокеанском регионе и не заключать направленных против нее соглашений с Германией. Блокада с английского квартала в Тяньцзине была снята.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

«Соглашение Арита—Крейги» вошло в историю как «дальневосточный Мюнхен». В Китае оно вызвало волну протестов. СССР также осудил его как новое проявление британского курса на умиротворение агрессоров. С острой критикой соглашения выступили и Соединенные Штаты. В качестве ответной меры Вашингтон в июле 1939 г. объявил о денонсации американо-японского торгового договора 1911 г. В американских общественно-политических кругах крепло убеждение в том, что агрессивный курс Японии представляет смертельную опасность для США.

Для Германии англо-японское соглашение явилось неожиданным и серьезным ударом. Оно шло вразрез с ее планами использовать союз с Токио против Великобритании. Возмущенный Гитлер посчитал себя свободным от каких-либо обязательств по Антикоминтерновскому пакту и даже не счел нужным проинформировать своего азиатского союзника о подготовке договора о ненападении с СССР.

11.14. Советско-японские конфликты у озера Хасан и реки Халхин-Гол

Японо-китайская война привела к дальнейшему обострению отношений между СССР и Японией. В Токио были очень недовольны помощью, которую Советский Союз оказывал Китаю, полагая, что без нее Чан Кайши был бы вынужден прекратить сопротивление. Поэтому было решено организовать вооруженную провокацию против СССР с тем, чтобы показать ему силу японского оружия и заставить Москву сократить объемы помощи Китаю. Поскольку советские и японские летчики уже вели в то время ожесточенные воздушные бои над Уханем, в Москве понимали, что пограничный конфликт может произойти в любой момент. 1 июля 1938 г. в Приамурье и Приморье был развернут Дальневосточный фронт под командованием маршала Блюхера.

28 июля 1938 г. японские войска нарушили советскую границу неподалеку от Владивостока и заняли сопки Безымянная и Заозерная, расположенные на западном берегу озера Хасан. В ходе развернувшихся упорных боев советские войска отбили захваченные противником высоты, после чего 12 августа было заключено соглашение о прекращении огня. Под Хасаном части Красной армии действовали не вполне удачно, потеряв более 4 тыс. человек убитыми и ранеными (против 1500 человек с японской стороны). Вина за эти потери была возложена на В. К. Блюхера, который был отправлен в отставку, а затем арестован и казнен.

Вскоре Япония предприняла еще одну, гораздо более крупную пробу сил. 11 мая 1939 г. ее войска вторглись в Монголию и захватили приграничный район на западном берегу реки Халхин-Гол. Японская сторона стремилась представить этот акт агрессии как пограничный инцидент между МНР и Маньчжоу-Го, вызванный «неопределенностью прохождения границы» между этими странами, которая никогда прежде не демаркировалась. Однако было очевидно, что речь идет, по существу, о необъявленной советско-японской войне.

> «Это была серьезная разведка боем — японцы хотели прощупать, в состоянии ли мы с ними воевать».
>
> *Г. К. Жуков о конфликте на Халхин-Голе*

Согласно протоколу о взаимопомощи 1936 г., СССР обязался защищать территорию МНР как свою собственную. К Халхин-Голу выдвинулись части Красной армии. Разгорелись кровопролитные бои. Обе стороны развернули в этом районе мощные группировки — 6-й японской армии (75 тыс. человек, 180 танков и 500 самолетов) противостояла 1-я армейская группа под командованием Жукова (57 тыс. человек, 500 танков, 515 самолетов). 20–31 августа

1939 г. Красная армия провела успешную операцию по окружению и разгрому основных сил противника. Потери японской стороны за весь период конфликта составили 61 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, советской — 18,5 тыс. человек. В ходе воздушных боев было сбито 660 японских и 200 советских самолетов. 16 сентября 1939 г. было подписано соглашение о прекращении огня и создании демаркационной комиссии. Командование Квантунской армии, взяв на себя всю ответственность за поражение, в полном составе ушло в отставку.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Победа на Халхин-Голе имела далекоидущие международные последствия. Она продемонстрировала убедительное превосходство Красной армии и впоследствии оказала большое влияние на решение Японии не нападать на Советский Союз.

В разгар боев на Халхин-Голе из Москвы пришло известие о заключении советско-германского договора о ненападении. Это сообщение вызвало шок в Токио. Договор открыто нарушал Антикоминтерновский пакт и шел вразрез с японскими расчетами получить помощь Берлина в борьбе против СССР. Японо-германские переговоры о создании военно-политического союза были прерваны. Правительство К. Хиранумы, проводившее политику сближения с Германией, ушло в отставку. 4 сентября 1939 г. новый кабинет министров во главе с Н. Абэ объявил о нейтралитете Японии в начавшейся Второй мировой войне.

Литература

Основная

История Китая: Учебник / Под ред. А. В. Меликсетова. М.: Изд-во МГУ, 1998. Гл. XV–XVI.

Клейменова Н. Е., Сидоров А. Ю. Версальско-Вашингтонская система международных отношений: проблемы становления и развития: Курс лекций по истории международных отношений (1918–1939 гг.). М.: Информполиграф, 1995. Ч. I. Гл. 6.

Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 4: Вторая мировая война. Документы и материалы / РАН. Ин-т всеобщ. истории; Отв. ред. М. Ю. Мягков; Сост. Ю. А. Никифоров. М.: Наука, 2002. Док. № 3, 6–7, 19–21, 38.

Сафронов В. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931–1945 гг. М.: ИРИ РАН, 2001. Гл. 1–2.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том второй. Документы 1910–1940-х годов / Сост. А. В. Мальгин. М.: Моск. рабочий, 2000. Док. № 85–92.

Дополнительная

Каткова З. Д. Китай и державы. 1927–1937. М.: ИВ РАН, 1995.

Кошкин А. А. Почему Япония не напала на СССР? // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 140–154.

Чжан Ю., Холлидей Дж. Неизвестный Мао / Пер. с англ. И. А. Игоревского. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2007. Гл. 8–19.

Garver John W. Chinese-Soviet relations, 1937–1945: The diplomacy of Chinese nationalism. N.Y.: Oxford University Press, 1988. Ch. 1–3.

РАЗДЕЛ III

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА БЛИЖНЕМ, СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ И В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

ГЛАВА **12**

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

12.1. Ближний Восток в годы Первой мировой войны. Проблема создания независимого арабского государства

К началу Первой мировой войны региональная система международных отношений на Ближнем Востоке еще не сложилась, так как арабские страны пока не освободились от колониальной зависимости. Многие из них (Сирия, Ливан, Месопотамия, Палестина, Трансиордания, Хиджаз) входили в состав Османской империи, остальные же были поделены между европейскими державами. Большинство княжеств Персидского залива (Бахрейн, Оман, Маскат, Договорной Оман — современные ОАЭ), а также расположенный на юге Аравии Аден (Южный Йемен) являлись протекторатами Великобритании. К их числу фактически принадлежал и Египет, считавшийся частью Османской империи, но с 1882 г. оккупированный британскими войсками, а также Англо-Египетский Судан. Британским владением являлось и важнейшее звено мировых коммуникаций — Суэцкий канал. Франция в свою очередь контролировала большую часть Северной Африки — ее колонией был Алжир, протекторатами — Тунис и Марокко. Италия в 1912 г. отвоевала у турок Ливию. Часть Марокко, а также Сеута и Мелилья принадлежали Испании. И лишь в центральной части Аравийского полуострова существовало несколько небольших независимых арабских государств.

> «Аравия была слишком бедной страной, чтобы какая-либо держава... ее оккупировала»[1].
>
> *Д. Ллойд Джордж, премьер-министр Великобритании (1916–1922 гг.)*

Первая мировая война привела к распаду Османской империи и кардинальному изменению расстановки сил на Ближнем Востоке в пользу держав-победительниц. Еще в ходе войны Великобритания ввела войска в вассальные

[1] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах / Пер. с англ.: В 2 т. М., 1960. Т. 2. С. 222.

княжества Восточной Аравии, а также установила протекторат над Кувейтом (сентябрь 1914 г.) и Катаром (1916 г.), что окончательно превратило Персидский залив в «британское озеро». В декабре 1914 г. Египет был официально объявлен британским протекторатом, а протурецки настроенный хедив заменен ставленником англичан. Все попытки турок поднять восстание в Египте и захватить Суэцкий канал закончились неудачей.

Вступление Османской империи в войну дало могучий импульс развитию арабского национально-освободительного движения. Оно впервые заявило о себе после младотурецкой революции 1908 г., провозгласившей неприемлемые для арабов лозунги пантюркизма, и сразу же получило активную поддержку со стороны западных держав.

В 1913 г. в Париже состоялся I арабский конгресс, который потребовал от Стамбула предоставления широкой автономии арабским вилайетам и участия арабов в центральном правительстве. Турция отреагировала на это публикацией в августе 1913 г. декрета о правах арабов, носившего, впрочем, сугубо декларативный характер, после чего группа арабских племенных вождей во главе с эмиром Мекки Хусейном развернула подготовку к вооруженной борьбе за независимость. С началом Первой мировой войны Хусейн отказался объявлять по примеру турецкого султана джихад странам Антанты и установил контакты с англичанами.

Великобритания, стремившаяся стать после войны доминирующей силой на Ближнем Востоке, рассчитывала поставить арабское освободительное движение на службу своим интересам. Эмир Хусейн в свою очередь надеялся, используя ее помощь, создать единое национальное арабское государство и стать королем всех арабов. Претензии Хусейна на роль общеарабского лидера подкреплялись его высоким статусом хранителя Святых мест ислама в Мекке и Медине, а также принадлежностью к древнему роду Аль Хашими, ведущему свое происхождение от самого пророка Мухаммеда. В мае 1915 г. сын Хусейна Фейсал и вожди некоторых бедуинских племен подписали в Дамаске протокол о целях вооруженной борьбы против Османской империи на стороне Антанты. Они предложили Великобритании выступить гарантом создания большого общеарабского государства, «естественные границы» которого охватывали бы весь Аравийский полуостров (кроме Британского Адена), Палестину, Сирию, Ливан и Месопотамию. Это государство должно было заключить с Великобританией политический и военный союз. В июне 1915 — марте 1916 г. состоялся обмен письмами между британским Верховным комиссаром в Египте Г. Мак-Магоном и Хусейном, в ходе которого Мак-Магон от имени официального Лондона дал согласие на создание арабского государства. Их переписка, впервые опубликованная в 1937 г., допускала в ряде пунктов возможность различных толкований. Тем не менее из нее ясно следовало, что британская сторона согласилась признать арабское государство в границах, указанных в Дамасском протоколе, за вычетом Западной Сирии, Ливана и британских протекторатов в Восточной Аравии. Хусейн приветствовал за-

явление Мак-Магона, хотя и оставлял за собой право настаивать на реализации протокола в полном объеме.

Впрочем, очень скоро выяснилось, что англичане рассматривают свою договоренность с арабскими лидерами как неокончательную, видя в ней не более чем способ подтолкнуть их к восстанию против турок. Уже в мае 1916 г. «соглашение Мак-Магона—Хусейна» было перечеркнуто «соглашением Сайкса—Пико» о разделе Азиатской Турции, по условиям которого обещанные арабам Палестина, Восточная Сирия и Месопотамия должны были быть поделены между Великобританией и Францией[1]. Этот документ был секретным, и арабской стороне о нем долгое время ничего не было известно.

Получив от англичан оружие и финансовую помощь, Хусейн еще целый год выжидал и колебался, понимая всю рискованность предприятия, в которое втягивали его союзники. Выступление эмира ускорила сама Турция, которая отказалась признавать его наследственным правителем Мекки и стала готовить отрешение его от власти. В сложившейся ситуации у Хусейна, по существу, не оставалось выбора, и он призвал арабские народы ко всеобщему антитурецкому восстанию, которое началось 8 июня 1916 г. Заметную роль в этих событиях сыграл британский офицер связи в Мекке, знаменитый полковник Т. Э. Лоуренс (Аравийский), которому удалось убедить эмира в «добрых намерениях» англичан. 21 июня 1916 г. Хусейн выступил с манифестом ко всем мусульманам мира, в котором провозгласил независимость Хиджаза (области на западе Аравийского полуострова, где находились Медина и Мекка), а в ноябре того же года объявил себя королем арабской нации. Державы Антанты признали Хусейна только в качестве короля Хиджаза и предложили ему отложить рассмотрение всех спорных вопросов на послевоенный период.

В 1917 г. арабские вооруженные отряды вытеснили турецкие войска с большей части Аравийского полуострова и из Трансиордании, а в январе 1918 г. взяли Дамаск. В момент наивысших военных успехов повстанцев их отношения с Антантой серьезно ухудшились. Причинами этого стали «декларация Бальфура» об образовании в Палестине «еврейского национального очага» (о ней речь пойдет ниже), а также публикация большевиками «соглашения Сайкса—Пико», текст которого турки не замедлили передать арабской стороне. Западные державы были вынуждены подтвердить подлинность рассекреченного документа.

Вероломство союзников вызвало бурю негодования арабских лидеров. Старший сын Хусейна, командующий повстанческой армией Фейсал начал переговоры о заключении сепаратного мира. Однако, хотя Османская империя и находилась на грани военного краха, она категорически отказалась признавать Дамасский протокол. Согласие Стамбула было получено лишь в октябре 1918 г., когда в нем уже не было необходимости — победа Антанты стала свершившимся фактом.

[1] О «соглашении Сайкса—Пико» подробнее см. главу 13.

Западные державы всеми силами пытались погасить кризис в отношениях с руководителями арабского освободительного движения. Их реакцией на публикацию «соглашения Сайкса—Пико» стало совместное заявление британского и французского правительств от 7 января 1918 г., в котором говорилось о намерении предоставить свободу арабскому населению Османской империи. Президент США Вильсон также заявил о том, что все ее народы имеют право на самоопределение. 7 ноября 1918 г., через неделю после подписания Мудросского перемирия, Великобритания и Франция опубликовали еще одно обращение к арабам, в котором вновь обещали предоставить им право «учреждать национальные правительства и управления» по своему выбору.

Повстанцы во главе с Хусейном, самостоятельно освободившие в годы войны большую часть арабских вилайетов Турции, внесли весомый вклад в победу Антанты на ближневосточных фронтах и ожидали выполнения данных им щедрых обещаний. В Дамаске было образовано общеарабское правительство во главе с эмиром Фейсалом. Однако его делегация, прибывшая на Парижскую мирную конференцию, была признана лишь как делегация Хиджаза. После того как на конференции было решено включить арабские территории Османской империи в список мандатов Лиги Наций — т.е. фактически сохранить их колониальный статус, Хиджаз в знак протеста отказался от ратификации Версальского договора и не вошел в Лигу.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Таким образом, при решении проблем ближневосточного урегулирования в лагере держав-победительниц возобладали традиционные имперские подходы. Арабским народам в праве на самоопределение, по существу, было отказано. Передача англичанам мандатов на Палестину, Трансиорданию и Месопотамию, а французам — на Сирию и Ливан была воспринята в арабском мире как вероломство и колониальный диктат.

Державы-мандатарии сразу же столкнулись в своих новых владениях с массовыми протестами местного населения. В сложившейся ситуации Франция сделала открытую ставку на военную силу. В 1920 г. она разогнала общеарабское правительство в Дамаске, выслала эмира Фейсала и установила в Сирии и Ливане репрессивный оккупационный режим. Великобритания, сознавая, что именно на ней в первую очередь лежит ответственность за невыполнение обещаний военного времени, заняла более гибкую позицию, пытаясь действовать по возможности политическими, а не силовыми методами. На конференции в Каире, прошедшей в 1921 г. под председательством министра колоний Черчилля, по предложению полковника Лоуренса было решено преобразовать подмандатные Ирак и Трансиорданию в королевства и поставить во главе новых монархий сыновей Хусейна — Фейсала и Абдаллаха — «в знак признания их заслуг в борьбе с Турцией». На конференции была одобрена политика, на-

правленная на установление «союзнических отношений» с Ираком, Трансиорданией и Египтом. Она предполагала предоставление этим странам широкого самоуправления, а затем и независимости, при условии, что они останутся в орбите британского влияния и подпишут с бывшим мандатарием договоры о военном и политическом союзе.

12.2. Провозглашение независимости Египта

Первой арабской страной, избавившейся от британской колониальной опеки, стал Египет. В годы Первой мировой войны англичане, пытаясь нейтрализовать здесь турецкое влияние, пообещали ему целый ряд уступок, включая принятие конституции и создание выборных органов власти. Как только война закончилась, местная элита предложила Лондону не ограничиваться полумерами, а вывести войска и отменить протекторат, в чем ей было категорически отказано. Апеллируя к праву наций на самоопределение, египетская делегация отстаивала эту программу и на Парижской конференции, однако режим протектората был вновь подтвержден Версальским договором. Реакцией на это решение стали мощные вооруженные восстания в Египте в 1919 и 1921 гг. под лозунгами независимости, которые колонизаторам удалось подавить с большим трудом. В Лондоне были весьма встревожены создавшейся ситуацией. Министерством колоний был подготовлен доклад, в котором признавалось невозможным дальнейшее сохранение протектората над Египтом и рекомендовалось предоставить ему независимость на выгодных для метрополии условиях. Эти предложения были поддержаны британским Верховным комиссаром в Каире и, несмотря на оппозицию консервативных кругов во главе с Керзоном и Черчиллем, получили одобрение правительства.

28 февраля 1922 г. Великобритания опубликовала декларацию о предоставлении независимости Египту. Однако эта независимость была во многом фиктивной, поскольку бывшая метрополия сохраняла за собой широчайшие права и привилегии: продолжала оккупировать зону Суэцкого канала, оставляла все военные базы, определяла внешнюю политику Каира и контролировала его силовые структуры. Был сохранен в неприкосновенности режим капитуляций. Из протектората Египет превращался в зависимое государство с ограниченным суверенитетом.

Тем не менее британское решение имело и положительные стороны. В 1923 г. египетский султан, принявший титул короля под именем Фуада I, утвердил конституцию, предусматривавшую создание парламента и введение политических свобод. На первых выборах в Законодательное собрание победила Вафд — партия египетских националистов, которой и было поручено сформировать правительство. Вафдисты добивались не только полного восстановления суверенитета страны и вывода британских войск, но и «единства долины Нила», т.е. объединения с соседним Суданом, который с 1899 г. являлся англо-египетским кондоминиумом (совместным владением). Такая

необычная форма колониальной зависимости позволяла англичанам переложить значительную часть расходов по управлению этим владением на египетскую сторону. Кроме того, контроль над Суданом давал им возможность регулировать сток Нила, что являлось мощным рычагом давления на Египет.

В ноябре 1924 г. британский генерал-губернатор Судана был убит в Каире террористами. В ответ Великобритания отстранила партию Вафд от власти и фактически отменила режим кондоминиума, удалив из Судана все египетские войска и гражданских чиновников. В англо-египетских отношениях начался затяжной кризис. Попыткой его преодоления стало подписание в 1929 г. двустороннего договора о военно-политическом союзе, а также соглашения о водах Нила, по которому британская сторона обещала учитывать интересы египтян в вопросах ирригации. Однако союзный договор не был ратифицирован египетским парламентом и не вступил в силу.

Нормализация англо-египетских отношений произошла только в середине 1930-х годов — прежде всего благодаря росту итальянской угрозы в Средиземноморье. В Каире ориентацию на Лондон считали меньшим злом, нежели перспективу итальянской оккупации. Правящая вафдистская партия отошла от бескомпромиссной антибританской позиции; англичане тоже согласились пойти на определенные уступки. В августе 1936 г. был подписан новый двусторонний договор о союзе, более приемлемый для египетской стороны. Он предусматривал вывод всех британских войск, за исключением 10-тысячного корпуса, охранявшего зону Суэцкого канала и военную базу в Александрии. В то же время Египту запрещалось вступать в политические и военные союзы с третьими странами. Он должен был консультироваться с Лондоном в вопросах внешней политики, а в случае войны или чрезвычайной ситуации предоставить в его распоряжение свою территорию и ресурсы. Восстанавливался кондоминиум над Суданом. Египет получил право вновь направить войска в Судан при условии, что их дислокацию и численность определит британский генерал-губернатор. Великобритания отказалась от капитуляций и призвала другие государства последовать ее примеру. В апреле—мае 1937 г. в Монтрё состоялась международная конференция, посвященная этому вопросу. На ней было подписано многостороннее соглашение об освобождении Египта от капитуляционного режима, довлевшего над ним в течение почти четырех веков. Устанавливался переходный период в 12 лет, за время которого все консульские суды должны были быть закрыты, а юрисдикция над иностранцами передана национальной судебной системе.

В мае 1937 г. по предложению британской стороны Египет был принят в Лигу Наций, после чего признан де-юре многими государствами мира.

Заключив союзный договор, Египет приблизился к обретению подлинного суверенитета, хотя его зависимость от Лондона оставалась все еще довольно сильной. Партия Вафд, согласившаяся на подписание и ратификацию договора, заплатила за этот компромисс высокую цену: в 1936 г. она раскололась и впервые проиграла парламентские выборы. Однако новое правительство,

пришедшее на смену вафдистам, как и известный своими прогерманскими симпатиями король Фарук I, вступивший в 1936 г. на престол вместо умершего Фуада I, продолжили политику «вынужденного сотрудничества» с Великобританией. У Египта фактически не оставалось выбора: в случае разрыва с ней он мог легко стать жертвой итальянской агрессии.

Как вафдисты, так и их противники сходились в том, что ориентация на Лондон носит временный и конъюнктурный характер, обусловленный наличием военной опасности, и подчеркивали свою решимость продолжить борьбу за полную независимость Египта, как только эта угроза исчезнет. В египетском обществе не существовало влиятельной пробританской группировки; в нем господствовали националистические, панарабские настроения, базировавшиеся на восприятии своей страны как «естественного лидера» всего арабского мира. И все же, несмотря на это, Великобритания сумела удержать Египет в орбите своего влияния.

12.3. Провозглашение независимости Ирака

Единственной британской подмандатной территорией, получившей независимость в межвоенный период, стал Ирак. Как и во многих других владениях, Великобритания установила в этой стране систему «непрямого управления». В 1921 г. она провела плебисцит в Ираке, по итогам которого он был провозглашен монархией, а на королевский престол вступил известный своими проанглийскими симпатиями Фейсал аль-Хашими — один из сыновей эмира Хусейна, годом ранее изгнанный французами из Сирии. В 1922 г. был заключен англо-иракский договор о мандатном управлении. Королевское правительство обязалось руководствоваться во внутренней и внешней политике «советами» британского Верховного комиссара и подчиненных ему чиновников, назначаемых во все государственные ведомства. Созванное в 1924 г. Учредительное собрание ратифицировало договор и одобрило подготовленную британскими экспертами конституцию, которая закрепила пребывание у власти Хашимитской династии. По замыслу англичан король должен был стать легитимным общенациональным лидером, приемлемым для всех этнических и религиозных общин — арабов суннитского и шиитского толка, а также курдов. Такая фигура была особенно нужна Ираку, учитывая, что после четырех веков пребывания в составе Османской империи собственная традиция государственности была им, по существу, утрачена и ее приходилось воссоздавать заново.

Требовали уточнения и границы нового королевства. Заинтересованная в сохранении Ирака под своей властью, Великобритания содействовала включению в его состав некоторых областей, на которые претендовали соседние государства. В 1926 г. к Ираку был присоединен богатый нефтью район Мосула, населенный в основном курдами. Под давлением англичан Турция была вынуждена отказаться от притязаний на Мосул. В период османского владычества не

были точно определены границы Месопотамии и с соседними аравийскими государствами. Разграничение между Ираком и Саудовским королевством проходило очень болезненно; в конце 1920-х годов на границе между ними не раз происходили вооруженные столкновения. Посредником в разрешении данного спора выступила Великобритания. При ее участии в феврале 1930 г. была организована встреча короля Фейсала и султана Ибн Сауда, положившая конец военному противостоянию, а в 1931 г. Ирак и Саудовское королевство подписали договор о дружбе и полностью нормализовали двусторонние отношения.

Наиболее сложным оказался территориальный спор между Ираком и Ираном, связанный с определением их границы в районе реки Шатт-Эль-Араб. Багдад, поддерживаемый англичанами, настаивал на том, чтобы ему в соответствии с договоренностями еще османского периода принадлежало все водное пространство реки, в то время как иранская сторона требовала, чтобы граница была проведена по ее тальвегу. В июле 1937 г. был подписан договор, оставивший границу почти без изменений (тальвежная система вводилась лишь на ее небольшом участке в районе города Абадан). Обе стороны не были удовлетворены достигнутым компромиссом, рассматривая его лишь как способ отложить решение проблемы до лучших времен. (Впоследствии они не раз возвращались к этому пограничному спору, а в 1980 г. он стал поводом для начала кровопролитной ирано-иракской войны.)

Большая часть иракского населения была недовольна режимом мандата, и английские войска несли значительные потери, отражая постоянные вооруженные нападения. К концу 1920-х годов в Лондоне убедились, что король Фейсал доказал свою преданность британской короне и ему можно доверить защиту ее интересов. В июне 1930 г. между двумя странами был заключен союзный договор, согласно которому Ирак с момента вступления в Лигу Наций объявлялся независимым государством, связанным с Великобританией «узами вечной дружбы». Передавая власть иракскому правительству, государство-мандатарий сохранило мощные рычаги влияния на его политику и экономику. На территории Ирака оставались британские войска и военные базы, а его власти должны были консультироваться с Лондоном по внешнеполитическим и оборонным вопросам.

В октябре 1932 г. Ирак был принят в Лигу Наций и с этого момента стал независимым государством. Тем не менее он, как и Египет, по-прежнему оставался в орбите британского военно-политического влияния.

12.4. Подмандатное управление Трансиорданией

В отношении Трансиордании Великобритания проводила политику, во многом схожую с иракской. Первоначально эта страна была включена в состав Палестины, но вскоре в Лондоне решили выделить ее в отдельную административную единицу и образовать там королевство во главе с младшим сыном Хусейна Аль-Хашими — Абдаллахом. В 1922 г. этот план получил одобрение Лиги Наций, и Абдаллах был возведен на иорданский престол. В 1928 г.

вступила в силу написанная англичанами конституция Трансиордании, которая провозгласила ее конституционной монархией. В том же году был заключен договор о мандатном управлении, регламентировавший отношения между местными и оккупационными властями. Последние сохранили за собой контроль над финансами, законодательством и армией Трансиордании, ее внешней и концессионной политикой. Впервые избранный в 1929 г. иорданский парламент ратифицировал этот договор.

Как и в случае с Ираком, ставка Лондона на династию Хашимитов полностью себя оправдала — король Абдаллах зарекомендовал себя как верный союзник британской короны, тесно сотрудничавший с ее колониальной администрацией. Подчинявшийся монарху Арабский легион, созданный еще в период антитурецкого восстания и финансируемый из Лондона, стал надежной вооруженной опорой британского правления. Учитывая важное геополитическое положение Трансиордании, англичане вкладывали значительные средства в ее инфраструктуру — строили дороги, нефтепроводы, проложили через ее территорию стратегическую магистраль, связавшую Багдад с палестинским портом Хайфа. При британском посредничестве Трансиордания в 1931 г. заключила договор о сотрудничестве с Ираком, а в 1933 г. — договор о добрососедских отношениях с Саудовской Аравией. В соответствии с последним король Ибн Сауд отказался от притязаний на некоторые иорданские земли, а Абдаллах от имени Хашимитов отрекся от династических прав на Хиджаз, где раньше правил его отец.

Из всех трех подмандатных территорий Трансиордания оказалась наиболее политически стабильной и лояльной британским властям. Хотя последние и не спешили предоставлять ей формальную независимость по иракской модели ввиду сложной ситуации в соседней Палестине, король Абдаллах обладал фактически таким же объемом полномочий, как и его родной брат в Багдаде, а британское присутствие не слишком его тяготило и воспринималось скорее как опора королевской власти. Независимость Трансиордания получила только в 1946 г.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Таким образом, в 1920—1930-е годы Великобритания проводила курс на подготовку некоторых подмандатных территорий (Ирак, Трансиордания) и протекторатов (Египет) к независимости, при этом, разумеется, ни на минуту не забывая о своих собственных интересах. Она сумела вовремя уйти из этих стран, передав там власть дружественным режимам и сохранив разветвленную сеть своего политического, экономического и военного присутствия.

Трансформация мандатного и колониального управления в «союзнические отношения» оказалась успешной и позволила англичанам укрепить свои позиции в арабском мире. Избранный ими курс в целом способствовал становлению независимых государств на Ближнем Востоке и началу формирования здесь региональной системы международных отношений.

12.5. Палестинская проблема в международных отношениях

Британская политика в Палестине, напротив, была недальновидной и непоследовательной. Во многом по ее вине здесь после Первой мировой войны завязался сложнейший узел международных противоречий, распутать который мировому сообществу не удается и по сей день.

«Соглашение Сайкса—Пико» предусматривало установление в Палестине, где находятся святыни трех мировых религий, особого международного режима управления, что никак не устраивало Великобританию. Она стремилась взять под контроль эту страну в первую очередь ввиду ее важного стратегического положения, определяемого близостью к Суэцкому каналу. Добиваясь ревизии соглашения в свою пользу, в Лондоне решили опереться на сионистское движение, которое тоже предъявило свои права на Палестину.

В 1897 г. в Базеле состоялся I международный еврейский конгресс, основавший Всемирную сионистскую организацию (ВСО). По замыслу ее идеологов первым шагом к воссозданию еврейской государственности должно было стать создание в Палестине посредством массовой иммиграции «еврейского национального очага», т.е. сильной еврейской общины. Иммиграция евреев в эту страну началась еще в 1872 г., когда на деньги банкира барона Э. Ротшильда близ порта Яффа ими было основано первое поселение, из которого впоследствии вырос город Тель-Авив. Однако до Первой мировой войны масштабы иммиграции были незначительны; к 1918 г. численность еврейской общины составляла всего 6% общего населения Палестины и не превышала 70 тыс. человек. В 1917 г. англичане провели переговоры с председателем Всемирной сионистской организации Х. Вейцманом, в ходе которых стороны достигли предварительной договоренности о сотрудничестве. Вейцман обещал, что еврейская община станет верным союзником англичан, а ВСО высказалась за передачу им мандата на управление Палестиной.

2 (15) ноября 1917 г. увидела свет знаменитая «декларация Бальфура». Она представляла собой письмо британского министра иностранных дел А. Дж. Бальфура одному из лидеров сионизма, лондонскому банкиру лорду Л. Ротшильду, посвященное британской политике в палестинском вопросе.

> «Правительство Его Величества... благожелательно относится к созданию в Палестине еврейского национального очага (*Jewish national home*) и приложит все усилия, чтобы содействовать достижению этой цели. Не должно быть предпринято ничего, что могло бы повредить гражданским и религиозным правам нееврейских общин Палестины или же правам и политическому статусу евреев в какой-либо другой стране».
>
> *«Декларация Бальфура», 1917 г.*

Этот документ еще до его опубликования был предварительно одобрен Францией, Италией и США. Президент Вильсон не только полностью поддержал декларацию, но и подчеркнул, что рассматривает ее как «фундамент будущего еврейского государства». Сионистские лидеры также горячо приветствовали заявление Бальфура, хотя и не были удовлетворены всеми его формулировками, настаивая, в частности, на термине «восстановление», а не «создание» национального очага, что подразумевало бы признание «исторических прав евреев» на Палестину. Руководство ВСО и сионистская делегация на Парижской мирной конференции не скрывали, что рассматривают «национальный очаг» как промежуточный этап на пути к конечной цели — созданию суверенного еврейского государства, в то время как Великобритания и другие западные державы были об этих планах прекрасно осведомлены.

Единственной заинтересованной стороной, с которой при подготовке декларации не только не посчитались, но даже не проконсультировались, стало коренное арабское население Палестины. В Лондоне, как и в других западных столицах, самонадеянно полагали, что оно не сможет сопротивляться решению, принятому великими державами, и будет вынуждено смириться со своей новой судьбой. Неудивительно, что в странах Ближнего Востока «декларация Бальфура» вызвала самую негативную реакцию и была справедливо расценена как прямое нарушение обязательств Антанты по созданию независимого арабского государства. Ее положение о соблюдении «гражданских и религиозных прав всех нееврейских общин» не могло удовлетворить палестинских арабов, поскольку не признавало их отдельным народом и отказывало им в праве на самоопределение.

Официальный Лондон демагогически мотивировал принятие «декларации Бальфура» стремлением заручиться поддержкой евреев всего мира в войне против Германии. На деле же декларация позволила ему не допустить передачи Палестины под международный контроль и не включать ее в арабское государство во главе с эмиром Хусейном.

В апреле 1920 г. на конференции в Сан-Ремо Великобритания получила мандат Лиги Наций на управление Палестиной. В его текст, а затем в Севрский и Лозаннский договоры с Турцией была включена «декларация Бальфура». Согласно условиям мандата британская администрация обязывалась содействовать еврейской иммиграции и сотрудничать с ВСО. Учреждалось Еврейское агентство с целью проведения «всех необходимых мероприятий» по созданию «национального очага». Оно основало Еврейский национальный фонд, который приступил к массовой скупке земель у коренного населения. Вместе с тем в мандате, как и в «декларации Бальфура», не признавались «исторические права евреев» на Палестину и указывалось лишь на их «историческую связь» с ней. Вопрос о создании еврейского государства также оставался открытым.

Условия мандата вызвали острую дискуссию в британской правящей элите. Ряд видных политиков во главе с министром иностранных дел Керзоном

выступили против признания за сионистским движением каких-либо прав в отношении Палестины. Палата лордов проголосовала против «декларации Бальфура», однако палата общин ее поддержала, после чего британское правительство взяло на себя ответственность за мандат.

В Палестине англичане сразу же столкнулись с непредвиденными трудностями. В отличие от других подмандатных арабских территорий, где они последовательно проводили курс на создание формально независимых союзных им государств, в данном случае сделать это было невозможно без кардинальной ревизии «декларации Бальфура». Великобритания явно не просчитала всех ее долговременных последствий, недооценив как силу и целеустремленность сионистского движения, так и размах ответного арабского сопротивления. В Лондоне долгое время относились к планам сионистов скептически, полагая, что для создания еврейского государства в Палестине нет ни природных, ни социальных условий, а иммиграция не примет по-настоящему массового характера. Колониальные власти надеялись, что еврейская община никогда не станет настолько сильной, чтобы обойтись без их поддержки, и отводили себе привычную и выигрышную роль арбитра в отношениях между противостоящими этноконфессиональными группами.

Великобритания отнюдь не собиралась делиться реальной властью в Палестине с сионистскими организациями; не желала она допустить и дальнейшего ухудшения отношений с арабским миром. Стремление Лондона соблюсти определенный баланс между еврейскими и арабскими интересами впервые нашло отражение в опубликованной в июле 1922 г. Белой книге по Палестине, или «меморандуме Черчилля». (Его автор в то время занимал пост министра колоний.) В этом документе давалась новая трактовка «декларации Бальфура», призванная смягчить недовольство арабов британской мандатной политикой. В нем, в частности, отмечалось, что условия декларации «предполагают не превращение всей Палестины в еврейский национальный очаг, а лишь создание такого очага на ее территории»[1]. Из этого делались выводы о том, что мандатарий не будет создавать «исключительно еврейскую Палестину», в которой арабское население оказалось бы на положении людей второго сорта, а еврейская иммиграция не должна превышать «экономической емкости» страны в пределах достаточных, «чтобы вместить всех вновь прибывших». Предполагалось формирование в Палестине выборного местного самоуправления, а в перспективе — и парламента, который представлял бы все национальные группы. Предложенный компромисс не удовлетворил ни сионистское движение, ни арабов, которые категорически отвергали саму концепцию «еврейского национального очага».

В 1922 г. по инициативе Черчилля произошло разделение Палестины и Трансиордании, первоначально входивших в единый мандат Лиги Наций. В результате земли к востоку от реки Иордан были исключены из состава «ев-

[1] История и истоки проблемы Палестины. 1917–1988 гг. Нью-Йорк, 1990. С. 40.

рейского национального очага», что вызвало острую критику со стороны сионистских лидеров, обвинивших Черчилля в том, что он неправомерно «расколол библейскую Палестину надвое».

В 1920-е годы в Палестину прибыло около 100 тыс. переселенцев, а Еврейским фондом было скуплено около трети всех сельскохозяйственных земель. Претворение в жизнь «декларации Бальфура» вызывало растущее сопротивление палестинских арабов. Отношения между ними и еврейскими поселенцами в этот период резко ухудшились и переросли в открытую вражду. В августе 1929 г. вспыхнуло первое массовое арабское восстание под лозунгами прекращения еврейской иммиграции, поводом к которому послужили межнациональные столкновения у Стены плача в Иерусалиме. Эти события принято считать началом вооруженного арабо-еврейского (впоследствии — арабо-израильского) конфликта.

Политика официального Лондона, провоцировавшая рост антибританских настроений на всем Ближнем Востоке, вызывала растущее недовольство влиятельных кругов английской правящей элиты. Первая попытка ее ревизии была предпринята вторым лейбористским правительством Макдональда, которое в октябре 1930 г. опубликовало вторую Белую книгу, или «меморандум Пассфилда» (названный по имени лейбористского министра колоний). В ней делался вывод о том, что свободных земель для еврейской колонизации в Палестине больше нет и размещение новых переселенцев должно идти лишь за счет земельных резервов, уже находящихся в руках сионистских организаций. Более того, в меморандуме подчеркивалось, что создание «еврейского национального очага» не является центральным пунктом мандата, а Великобритания имеет обязательства не только перед евреями, но и перед арабами и впредь должна учитывать их интересы в равной мере. В нем также указывалось, что Еврейское агентство, будучи органом управления еврейской общиной, не вправе претендовать на управление всей Палестиной.

ВСО не признала вторую Белую книгу. С ее осуждением выступили и многие видные британские политики, в том числе Ллойд Джордж, Черчилль и Болдуин. В феврале 1931 г. премьер-министр Макдональд направил Вейцману послание, в котором фактически дезавуировал основные положения «меморандума Пассфилда». По оценке председателя ВСО, «попытка взять назад обещания, данные еврейскому народу в “декларации Бальфура”... была успешно отражена».

Пытаясь разрядить ситуацию вокруг Палестины, XVII международный сионистский конгресс, состоявшийся в 1931 г., провозгласил курс на сотрудничество с британскими колониальными властями и мирное сосуществование еврейского и арабского народов, которые должны были «превратить их общую родину в процветающий край». Однако эта политика была отвергнута радикальным крылом сионистского движения во главе с В. Е. Жаботинским, который основал Союз сионистов-ревизионистов, порвавший в 1935 г. с ВСО. Союз ратовал за немедленное создание независимого еврейского государства,

включение в него Трансиордании и изгнание арабского населения с осваиваемых территорий.

Новый этап в истории палестинской проблемы начинается с приходом к власти в Германии национал-социалистов, исповедовавших агрессивный антисемитизм. После 1933 г. приток иммигрантов в Палестину резко увеличился, и к 1939 г. численность еврейской общины составила уже примерно 450 тыс. человек из 1,5 млн ее жителей, т.е. почти треть населения. Впервые появились реальные демографические предпосылки для создания переселенческого государства, что вызвало новую мощную волну арабского сопротивления. В 1930-е годы Палестина превратилась в арену массового насилия. В 1933 г. началось второе арабское восстание, направленное уже не только против евреев, но и против англичан. Оно было прекращено лишь после того, как колониальные власти пообещали ограничить иммиграцию и созвать палестинское Законодательное собрание, однако в марте 1936 г. соответствующий законопроект был провален британским парламентом. Реакцией на это решение стало еще одно восстание палестинских арабов, сопровождавшееся шестимесячной всеобщей забастовкой. В октябре 1936 г. монархи Ирака, Йемена, Саудовской Аравии и Трансиордании призвали к прекращению забастовки, гарантировав своим авторитетом «добрые намерения» англичан. Из Лондона в Палестину была направлена Королевская комиссия во главе с лордом Пилем, которой поручалась подготовка рекомендаций по урегулированию конфликта. Она пришла к неутешительному выводу о банкротстве системы мандатного управления.

> «В Палестине... существует неразрешимый конфликт между устремлениями евреев и арабов, и эти устремления не могут быть удовлетворены в соответствии с условиями британского мандата»[1].
>
> *Из доклада «комиссии Пиля» (третья Белая книга, 1937 г.)*

В докладе отмечалось также, что «еврейский национальный очаг» превратился в «государство в государстве», в то время как палестинские арабы, отвергнув «декларацию Бальфура», ясно продемонстрировали свое стремление к независимости. С целью примирения сторон был выдвинут компромиссный тезис о «равенстве моральных и исторических прав арабов и евреев на Палестину». Комиссия предложила прекратить действие мандата, разделив Палестину на арабское и еврейское государства при сохранении под британским контролем всех Святых мест, а также городов Иерусалима, Вифлеема и коридора, который связал бы их с портом Яффа. Проект вызвал бурю негодования в арабском мире. XX международный сионистский конгресс, состоявшийся в августе 1937 г. в Цюрихе, напротив, одобрил идею раздела Палестины, так как она означала, что вопрос о создании еврейского государства впервые по-

[1] История и истоки проблемы Палестины. 1917–1988 гг. С. 52.

ставлен официально. Вместе с тем конгресс отверг предложенный план раздела территорий и высказался за переговоры с Лондоном о более выгодной для евреев схеме раздела. Он подчеркнул необходимость скорейшего создания еврейского государства, мотивируя это репрессивной политикой нацистов и ростом антисемитизма по всей Европе. Великобритания, однако, уклонилась от переговоров с сионистским движением и попыталась найти иной путь к решению вопроса.

В феврале 1939 г. в Лондоне была созвана «конференция круглого стола», в которой приняли участие представители британского правительства, палестинских организаций, Еврейского агентства, а также арабских стран — Египта, Ирака, Йемена, Саудовской Аравии и Трансиордании. Поскольку все арабские делегаты категорически отказались признавать полномочия еврейской стороны, круглого стола не получилось, и англичанам пришлось вести переговоры с арабами и евреями порознь. Им был предложен план создания в течение десяти лет единого арабо-еврейского государства, которое состояло бы в военном союзе с Великобританией. Предполагалось, что в течение переходного периода власть будет постепенно передаваться представителям обеих общин. Иммиграция евреев, а также скупка ими земель должны были быть ограничены, а затем и полностью запрещены. Однако и этот компромиссный проект был отвергнут как еврейскими, так и арабскими представителями, позиции которых были диаметрально противоположны. Арабы настаивали на немедленной отмене мандата и провозглашении независимости Палестины без всяких предварительных условий. Сионисты, наоборот, требовали снятия всех ограничений на иммиграцию и скорейшего создания национального еврейского государства. Конференция закончилась безрезультатно, после чего Великобритания заявила, что впредь намерена проводить ту политику, которую сочтет нужной, без каких-либо консультаций с обеими сторонами.

Эта политика была сформулирована в очередной, четвертой по счету Белой книге («меморандуме Макдональда»), опубликованной в мае 1939 г. В ней ставилась задача создания независимого арабо-еврейского государства в Палестине к 1949 г. В его правительство должны были войти как палестинцы, так и евреи-переселенцы. Впервые устанавливалась квота для еврейской иммиграции — 75 тыс. человек в течение последующих пяти лет, что якобы соответствовало «экономической емкости» палестинских земель, а после 1944 г. она должна была быть полностью запрещена.

> «Неограниченная еврейская иммиграция не вытекает из мандата... и может привести к увековечиванию смертельной вражды между арабским и еврейским народами»[1].
>
> *Из «меморандума Макдональда» (1939 г.)*

[1] *Щевелев С. С.* Палестина под мандатом Великобритании. Симферополь, 1999. С. 235.

Белая книга 1939 г. свидетельствовала о существенной корректировке британской позиции с учетом арабских требований. В ней выдвигался тезис о том, что «еврейский национальный очаг» уже создан и его дальнейшее расширение станет нарушением обязательств мандатария перед коренным арабским населением. Независимая и единая Палестина мыслилась авторами этого документа преимущественно арабской: численность еврейской общины не должна была превышать одной трети ее населения.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

В 1939 г. Великобритания дала ясно понять, что в ее планы не входит «преобразование Палестины в еврейское государство». Арабский мир приветствовал «меморандум Макдональда», в то время как сионистское движение расценило его как разрыв с «декларацией Бальфура». Руководство еврейской общины Палестины решило начать вооруженную борьбу за независимость, направленную уже не только против арабов, но и против британских властей.

Осознав наконец всю сложность и масштабы проблемы арабо-еврейского противостояния, возникшего при ее непосредственном участии, Великобритания не захотела брать на себя ответственность за создание еврейского государства, понимая, что этот шаг может навсегда поссорить ее с арабским миром. Однако предложенный ею план создания преимущественно арабской Палестины был перечеркнут холокостом — геноцидом европейского еврейства, устроенным нацистской Германией в годы Второй мировой войны. После этой страшной катастрофы право еврейского народа на собственное государство получило новое обоснование, что впоследствии и привело к созданию в 1948 г. по решению ООН на части палестинской территории независимого Израиля.

12.6. Политика Франции на подмандатных территориях и в арабских колониях

Французская политика на Арабском Востоке значительно отличалась от британской. Она была гораздо менее последовательной из-за частой смены правительств в Париже. Кроме того, Франция шире использовала силовые методы, в том числе и на подмандатных территориях, и обычно управляла своими владениями напрямую, а не через посредников — местных монархов, как это делали англичане. Так, во главе Сирии был поставлен французский Верховный комиссар, Ливан же был выделен в отдельную административную единицу под управлением французского губернатора. Арабское освободительное движение не признало разделения Французского Леванта, считая Сирию и Ливан единым государством. До конца 1920-х годов эти подмандатные территории находились на военном положении. Их сотрясали постоянные вос-

стания, самое крупное из которых произошло в 1925–1927 гг. Тогда в результате варварских обстрелов был разрушен Дамаск; тяжелые бои велись на улицах Бейрута. Погибли десятки тысяч арабов; потери французских колониальных войск также исчислялись тысячами. Беспрецедентный размах восстания вынудил Париж пойти на некоторые уступки. С его согласия во второй половине 1920-х годов в Сирии и Ливане были приняты конституции, сформированы правительства и избраны парламенты. Однако оккупационная администрация не спешила делиться с ними реальной властью, оставив за собой право отмены любого их решения. Как только созванное в 1928 г. в Дамаске Учредительное собрание провозгласило Сирию независимым государством, оно было немедленно разогнано.

Создание местного управления не привело к умиротворению Французского Леванта. В 1932–1933 гг. сирийская и ливанская конституции были отменены, а парламенты распущены. Возвращение к силовым колониальным методам спровоцировало новый всплеск повстанческого движения. Очевидный кризис системы французского мандата вызвал острые споры в правящей элите Третьей республики. Левые партии предлагали использовать британский опыт и заключить с Сирией и Ливаном союзные договоры, которые позволили бы сохранить эти страны в орбите французского влияния в случае обретения ими независимости. После прихода к власти в 1936 г. правительства Народного фронта в политике Парижа, казалось, наметился поворот. В сентябре 1936 г. был заключен франко-сирийский договор о дружбе и взаимопомощи, который предусматривал отмену мандата и предоставление независимости Сирии через три года после его ратификации. При этом Франция оставляла на ее территории свои войска, а также сохраняла ряд экономических преференций. В ноябре того же года был заключен аналогичный договор и с Ливаном, предполагавший предоставление ему независимости в трехлетний срок. К концу 1936 г. в Сирии и Ливане были восстановлены прежние конституции, вновь избраны президенты и парламенты.

В Париже действия левого правительства Блюма вызвали острую критику со стороны правых партий, считавших отказ от мандатов Лиги Наций в условиях нарастания европейского кризиса совершенно недопустимым. В январе 1939 г. французское Национальное собрание, где правые после очередных выборов получили большинство, отказалось ратифицировать договоры 1936 г. и отложило отмену мандатного режима на неопределенный срок. Бурю возмущения в Сирии вызвало и принятие Францией в июне 1939 г. решения о передаче Турции Александрийского санджака. Летом 1939 г. сирийская и ливанская конституции были снова отменены, а их президенты и парламенты отправлены в отставку.

Непростая ситуация складывалась и в Северной Африке. Здесь самой крупной колонией Франции был Алжир. Он являлся главной базой подготовки колониальных войск и кадров местной администрации для всех ее африканских владений; через его территорию проходили коммуникации, связывавшие

метрополию с Западной и Экваториальной Африкой. Алжир, кроме того, был единственной переселенческой французской колонией. В результате массовой иммиграции здесь сформировалось привилегированное европейское меньшинство, ставшее главной опорой колониального режима. Накануне Второй мировой войны в стране проживало примерно 750 тыс. алжиро-европейцев, составлявших около 15% его населения. Все они являлись гражданами Франции, в то время как коренное арабское большинство было ущемлено в правах и находилось на положении людей второго сорта. И если в 1920-е годы ситуация в Алжире была еще довольно стабильной, то в 1930-е там стало набирать силу освободительное движение, выдвинувшее лозунг равноправия европейского и коренного населения. Пытаясь нейтрализовать эти тревожные тенденции, правительство Блюма в 1936 г. разработало законопроект о предоставлении прав французских граждан многим алжирским арабам, однако он был провален в Национальном собрании. Реакцией на это решение явилось создание в 1937 г. первой радикальной организации — Партии алжирского народа, которая выступала за полный разрыв с метрополией и борьбу за независимость Алжира, в том числе и вооруженным путем.

Во французских протекторатах — Тунисе и Марокко — сохранялась система непрямого управления. Тунисские беи и марокканские султаны, как правило, были лояльны колониальным властям, и освободительное движение развивалось помимо традиционных властных структур. В Марокко оно приняло форму партизанской войны, которая велась в труднодоступных горных районах. Здесь в 1921 г. было провозглашено новое государство — Республика Риф. На борьбу с ним была брошена 200-тысячная франко-испанская армия, и к 1926 г. Рифская республика была уничтожена. В Тунисе оппозицию колониальным властям возглавила партия Новый Дустур («Дустур» в переводе с арабского — конституция), лидером которой стал будущий пожизненный президент этой страны Х. Бургиба. Она выдвинула лозунги независимости и реформ, обещая вместе с тем сохранить союзнические отношения с метрополией. В 1936 г. левый кабинет Блюма пошел на существенные уступки оппозиции: ввел в Тунисе французское законодательство и начал переговоры с Бургибой. Однако после его ухода в отставку переговорный процесс был прерван, а реформы приостановлены. В 1938 г. в Тунисе было введено военное положение, а партия Новый Дустур запрещена.

Таким образом, во Вторую мировую войну Франция вступила в условиях острого кризиса своей колониальной и мандатной политики на Арабском Востоке.

12.7. Образование Саудовской Аравии

Единственным районом Ближнего Востока, не ставшим чьей-либо колонией, была центральная часть Аравийского полуострова. Здесь в межвоенный период происходило формирование новых арабских государств. Кроме Хид-

жаза, провозгласившего независимость в 1915 г., в Аравии еще в начале XX в. возникли четыре небольших самостоятельных княжества: Неджд, Джебель-Шамар, Асир, Эль-Хаса. Эти малонаселенные и очень бедные государства, жившие в глубоком средневековье, не представляли особого интереса для западных держав, поскольку нефть в аравийских песках еще не была найдена. Во время Первой мировой войны все они, за исключением Хиджаза, примкнувшего к Антанте, объявили нейтралитет и, несмотря на призывы англичан, не приняли участия в антитурецком восстании, поднятом эмиром Хусейном.

Роль собирателя аравийских земель взял на себя А. Ибн Сауд — правитель Неджда, выдающийся полководец и государственный деятель. Руководимые им племена принадлежали к секте ваххабитов, апеллировавшей к обычаям раннего, ортодоксального ислама. Ибн Сауд соперничал с Хиджазом за влияние в Аравии, стремясь при этом поддерживать добрососедские отношения как с турками, так и с англичанами. В декабре 1915 г. он подписал договор о союзе с Великобританией, по которому гарантировал неприкосновенность ее аравийских протекторатов и обязался согласовывать с ней свою внешнюю политику. Лондон со своей стороны признал Ибн Сауда легитимным правителем и начал выплачивать ему ежегодную денежную субсидию.

Будучи сильным, харизматическим лидером, Ибн Сауд сумел сплотить вокруг себя бедуинские племена и создать наиболее боеспособную армию на Аравийском полуострове, что позволило ему начать объединение расположенных здесь княжеств с помощью военной силы. В 1919–1920 гг. он присоединил эмираты Ассир, Джебель-Шамар и Эль-Хаса, а также попытался захватить Хиджаз, но натолкнулся на решительное противодействие англичан. Обеспокоенные нарушением «аравийского равновесия», они потребовали от Ибн Сауда ухода с завоеванных территорий, но он отказался. Тогда британская сторона денонсировала союзный договор с саудовским эмиром и прекратила выплату ему субсидий.

В результате послевоенного урегулирования на Ближнем Востоке геополитическое положение Неджда заметно ухудшилось: вокруг него сомкнулось кольцо владений его соперников — Хашимитов, правивших в Хиджазе, Трансиордании, Ираке и поддерживаемых англичанами. Однако Ибн Сауд не испугался противостояния с Великобританией. После того как она передала власть в Ираке и Трансиордании сыновьям Хусейна, конференция бедуинских улемов и вождей, собравшаяся в июле 1921 г. в Эр-Рияде, провозгласила Ибн Сауда «султаном Неджда и присоединенных территорий». Эта легитимизация территориальных приобретений развязывала ему руки для решающего раунда борьбы за власть в Аравии.

Главный соперник саудитов — король Хиджаза Хусейн — долгое время пользовался британским покровительством. Тем не менее он упорно отказывался признавать итоги послевоенного ближневосточного урегулирования и не без оснований считал себя обманутым англичанами, которые выполнили лишь малую часть обещаний военного времени. Провозгласив себя в 1916 г. королем

арабской нации, Хусейн не оставлял надежд возглавить общеарабское государство, требуя от Лондона согласия на объединение Хиджаза с Трансиорданией и Ираком, где правили его сыновья. Англичане все больше тяготились панарабскими амбициями своего строптивого союзника. Окончательный разрыв между ними произошел после того, как Хусейн, узнав о ликвидации халифата в кемалистской Турции, в марте 1924 г. объявил себя новым халифом — духовным главой всех мусульман мира. Это поспешное и неосмотрительное решение явилось его роковой ошибкой. Попытки Хусейна опереться на свой авторитет хранителя Святых мест ислама и героя освободительной борьбы против турок успеха не имели. Большинство мусульманских общин и организаций мира отказались признавать его халифом, а Халифатский комитет Индии даже призвал Ибн Сауда свергнуть его с престола. Саудовский правитель понял, что наступил удобный момент для завоевания Хиджаза. Он тоже отказался признать «халифа-самозванца», на что Хусейн запретил неджийским подданным совершать паломничество к Святым местам.

В июле 1924 г. вспыхнула война между Неджем и Хиджазом. Все иностранные государства, включая Великобританию, заявили о нейтралитете в войне, оставив Хусейна один на один с превосходящей армией Ибн Сауда. Сыновья Хусейна, правившие в Трансиордании и Ираке, под нажимом Лондона отказали отцу в военной помощи, после чего он был вынужден в октябре 1924 г. отречься от престола. Саудовские войска овладели Меккой и Мединой, после годовой осады взяли столицу королевства Джидду. В конце 1925 г. Хиджаз был присоединен к Неджу, а Ибн Сауд провозглашен его королем. Объединение аравийских земель было в основном завершено. В 1926 г. в Мекке состоялся международный мусульманский конгресс, на котором саудовская династия была признана хранительницей Святых мест ислама в Мекке и Медине, а Ибн Сауд заявил, что не имеет панарабских амбиций и не претендует на титул халифа.

Избавившись от претендента на общеарабский престол в лице короля Хиджаза, Великобритания была вынуждена теперь иметь дело с крупным саудовским государством, занимавшим большую часть Аравийского полуострова. Однако, поскольку обширное, но малонаселенное королевство было окружено ее протекторатами, в Лондоне полагали, что оно не представляет серьезной угрозы британским интересам. Ибн-Сауд в свою очередь пошел навстречу пожеланиям англичан при решении территориальных вопросов и во второй половине 1920-х годов подписал пограничные договоры с соседними британскими протекторатами, а также Трансиорданией и Ираком, уступив им целый ряд спорных районов. В пустыне на границе с Ираком и Кувейтом были созданы две большие нейтральные зоны. В 1927 г. был заключен англо-саудовский договор о дружбе и добрых намерениях, ставший первым равноправным договором между арабским государством и великой европейской державой. Великобритания признала «полную и абсолютную независимость Неджа, Хиджаза и присоединенных областей», а Ибн Сауд со своей стороны признал британский протекторат над другими аравийскими княжествами. На рубеже

1920–1930-х годов Эр-Рияд установил дипломатические отношения со многими странами мира.

Ибн Сауду потребовалось несколько лет для подавления сепаратизма и феодально-племенной анархии, после чего он в 1932 г. издал декрет о переименовании королевства в Саудовскую Аравию. Новое государство, не имевшее, в отличие от остальных стран Ближнего Востока, колониального прошлого, не восприняло европейских ценностей и институтов и было создано по канонам арабского Средневековья. Король являлся теократическим монархом, будучи одновременно улемом (духовным главой) ваххабитов, а все высшие должности занимали члены его многочисленной семьи. Конституцией страны был объявлен Коран, а основной источник доходов казны составляли поступления от хаджа.

В ноябре 1918 г. в результате распада Османской империи завоевало независимость еще одно аравийское государство — Йемен. Населявшие его племена принадлежали к секте зейдитов, глава которой имам Яхъя стал первым йеменским королем. Имея обширный выход к Красному морю и «нависая» над Британским Аденом, Йемен занимал важное геополитическое положение, что делало его объектом англо-итальянского соперничества. Правительство Муссолини стремилось превратить Йемен в свою опорную базу на Аравийском полуострове. В 1926 г. Италия первой из иностранных государств установила с ним дипломатические отношения, заключила договор о дружбе и торговле и стала оказывать ему разнообразную помощь, включая военную, что вызвало явное недовольство англичан. В 1928 г. было подписано англо-итальянское соглашение о взаимном невмешательстве в йеменские дела, однако оно фактически не соблюдалось обеими сторонами. Великобритания активно противилась становлению независимого Йемена, опасаясь, что рано или поздно он заявит о своих притязаниях на Аден — ее стратегически важную колонию, население которой тоже принадлежало к йеменскому этносу. В 1934 г., после нескольких лет англо-йеменских вооруженных столкновений, был наконец заключен двусторонний договор, по которому британская сторона признала независимость Йемена. Окончательную судьбу Адена предполагалось решить в течение 40 лет после его ратификации; до истечения же этого срока стороны обязались признавать границу, существовавшую на момент его подписания.

Граница Йемена с Саудовской Аравией также не была точно определена, что в 1934 г. привело к войне между этими государствами. Всего за несколько недель саудовские войска одержали полную победу. Стремясь избежать британского или итальянского вмешательства в конфликт и сохранить с Йеменом добрососедские отношения, Ибн Сауд заключил с ним мирный договор на довольно мягких условиях. В 1937 г. Йемен присоединился к подписанному годом ранее иракско-саудовскому договору о мусульманской дружбе и арабском братстве, известному также как Арабская Антанта. Его участники обязались консультироваться в случае возникновения угрозы войны и оказывать друг другу помощь в подавлении внутренних беспорядков.

Как Саудовская Аравия, так и Йемен, не желая подпасть под влияние западных держав, тяготели к изоляционизму и не проводили активной внешней политики, выходившей за пределы арабского мира. Не вошли они и в Лигу Наций.

12.8. Советский Союз и арабские страны

В 1920–1930-е годы Ближний Восток не входил в число советских внешнеполитических приоритетов. Позиции СССР в регионе были в то время очень слабы, поскольку после Первой мировой войны здесь господствовали Великобритания и Франция, а процессы деколонизации находились только в начальной стадии. Советская сторона весьма скептически относилась к революционным потенциям арабских национальных движений и не вела активной работы по линии Коминтерна в ближневосточных владениях Великобритании и Франции, не желая осложнять и без того непростые отношения с этими державами. Политика Москвы в регионе заключалась прежде всего в налаживании контактов с молодыми арабскими государствами, чему способствовало ее негативное отношение к колониализму и мандатной системе как его разновидности. При вступлении в 1934 г. в Лигу Наций СССР сделал специальную оговорку о несогласии со статьей 22 Устава о мандатах и отказался участвовать в работе Постоянной мандатной комиссии.

Западные державы в свою очередь стремились свести к минимуму советское присутствие в арабском мире. Египет и Ирак, получившие независимость на условиях, продиктованных Великобританией, и остававшиеся в орбите ее влияния, уклонились от дипломатического признания СССР. В то же время его отношения со странами Аравийского полуострова — Йеменом, Хиджазом, а затем и Саудовской Аравией, добившимися независимости самостоятельно, развивались довольно успешно.

В 1924 г. Советский Союз установил дипломатические отношения с Хиджазом и открыл в его столице Джидде агентство и генеральное консульство, которые долгое время являлись его единственными представительствами на Арабском Востоке. После завоевания Хиджаза войсками Ибн Сауда СССР в феврале 1926 г. первым в мире объявил о признании нового государства — Неджд, Хиджаз и присоединенные области. В то время как Москва стремилась расширить свое политическое присутствие в Аравии, саудовский король видел в ней определенный противовес британскому влиянию, что и обусловило взаимное стремление к сотрудничеству. В 1930 г. советские представительства в Джидде были объединены в полпредство, а в 1932 г. СССР первым в мире признал преобразование Неджда — Хиджаза в Саудовскую Аравию. В 1932 г. Москву с официальным визитом посетил ее министр иностранных дел и наследный принц Фейсал, ставший впоследствии саудовским королем. Для развития торговых связей с арабскими странами был основан «Ближневосгосторг», с помощью которого была налажена советско-саудовская торговля. В числе товаров,

поставляемых Советским Союзом в Саудовскую Аравию, была и нефть, которую сама она в то время не добывала.

С еще одним аравийским королевством — Йеменом — были установлены торговые отношения. В 1928 г. был заключен двусторонний договор о дружбе и торговле, ставший первым договором между СССР и независимым арабским государством. В 1929 г. в Йемене было открыто представительство «Ближневосгосторга», а в 1930-е годы там работала группа советских специалистов.

В 1938 г., в разгар «большого террора», все советские представительства на Аравийском полуострове были закрыты, а бывшие полпреды в Саудовской Аравии Н. Т. Тюрякулов и К. А. Хакимов репрессированы. Советско-саудовские дипломатические отношения, не будучи разорваны формально, прекратились более чем на полвека — повторный обмен посольствами произошел только в 1990 г.

12.9. Появление «нефтяного фактора» в ближневосточной политике

В 1930-е годы на Аравийском полуострове были найдены самые большие в мире месторождения нефти. Это открытие во многом определило основные тенденции дальнейшего экономического и политического развития всего Ближневосточного региона. Основное соперничество в области нефтедобычи развернулось между Великобританией и США; при этом американским корпорациям удалось перехватить инициативу и потеснить англичан даже в их собственных колониальных владениях.

Первые крупные месторождения были обнаружены в княжествах Персидского залива. В 1930 г. американская компания «Стандард ойл» выкупила у частной британской фирмы концессию на монопольную нефтедобычу в Бахрейне в течение 70 лет, и уже в 1934 г. из Бахрейна в США вышел первый танкер. В 1933 г. на паритетных началах была образована англо-американская нефтяная компания в Кувейте, получившая монополию на нефтедобычу сроком на 75 лет. Британской стороне удалось не пустить американский капитал в нефтяную отрасль только в Договорном Омане, Катаре, Омане и Маскате.

Непростая для англичан ситуация складывалась и в Ираке. Согласно условиям мандата они были обязаны обеспечить соблюдение на его территории принципа «открытых дверей и равных возможностей» не только для членов Лиги Наций, но и для США. Уже в 1920-е годы британским компаниям, имевшим монополию на нефтедобычу во всем Ираке, кроме района Басры, пришлось потесниться под напором американских конкурентов. Лондон убедился, что режим мандата перестал отвечать его экономическим интересам. Это обстоятельство значительно ускорило предоставление Ираку независимости. Получив ее, пробританское правительство короля Фейсала немедленно отказалось от принципа «открытых дверей» и вернуло все права на эксплуатацию нефтяных месторождений английским корпорациям.

Саудовское королевство поначалу отказывалось пускать к себе западные нефтяные гиганты. В 1926 г. на международном мусульманском конгрессе Ибн Сауд пообещал не давать концессий немусульманам.

> «Мы не допустим проникновения в эту чистую страну иностранцев, кем бы они ни были. Лучше быть бедными, чем пустить к себе европейский капитал».
>
> *Король Неджда Ибн Сауд, 1926 г.*

Однако в годы мирового экономического кризиса, приведшего к резкому уменьшению доходов от хаджа, Ибн Сауду пришлось поступиться принципами. Окруженная со всех сторон британскими протекторатами, Саудовская Аравия не хотела иметь дело с Лондоном и предпочла сотрудничество с США, которые не имели на Ближнем Востоке компрометировавшего их колониального прошлого и могли бы выступить в роли противовеса европейским державам. В 1933 г. Эр-Рияд предоставил первую концессию на разведку и добычу нефти американской «Стандард ойл оф Калифорниа», а к 1939 г. американские корпорации взяли в концессию сроком на 60 лет две трети саудовской территории. Результаты проведенной ими геологоразведки превзошли все ожидания. В 1936 г. в королевстве забил первый фонтан нефти, а в 1938 г. началась ее промышленная добыча. И хотя с началом Второй мировой войны эти работы были временно приостановлены, в Вашингтоне уже знали, что в их распоряжении оказались фантастические запасы «черного золота».

Соединенные Штаты пришли на Ближний Восток за большой нефтью. Обозначились и контуры их дальнейшей стратегии, нацеленной на вытеснение главного соперника — Великобритании, взаимодействие с Саудовской Аравией, а в перспективе — на завоевание лидирующих политических и экономических позиций в этом регионе.

12.10. Ближний Восток накануне войны. Политика фашистских государств

В 1930-е годы к Арабскому Востоку стали проявлять заметный интерес Германия и Италия. Последняя была очень недовольна тем, что в ходе послевоенного урегулирования не получила ни одного мандата Лиги Наций, и неоднократно ставила перед западными державами вопрос о пересмотре мандатной системы в свою пользу. Она также выдвинула требование о передаче контроля над христианскими Святыми местами в Палестине итальянской католической церкви. Для решения этой задачи Муссолини даже попытался заручиться поддержкой сионистского движения, высказавшись в 1934 г. за создание в Палестине суверенного еврейского государства.

Осенью 1933 г. Великобритания согласилась наконец вступить в переговоры с Римом по ближневосточным и колониальным вопросам. Единствен-

ным их результатом стало присоединение в 1934 г. к Ливии, бывшей в то время итальянской колонией, небольшой части Англо-Египетского Судана. Однако для Муссолини этой уступки было явно недостаточно, и он решил форсировать подготовку агрессии в Восточной Африке. После захвата Эфиопии Италия в 1936 г. вновь попыталась закрепиться в Йемене, что вызвало противодействие англичан. В апреле 1938 г. было подписано англо-итальянское соглашение о гарантиях независимости и целостности Йемена и Саудовской Аравии, а также нейтралитете в случае возникновения между ними военного конфликта.

Муссолини активно пытался установить контакты и с арабскими национально-освободительными движениями, имевшими главным образом антифранцузскую или антибританскую направленность. Однако репутация фашистской Италии на Арабском Востоке была подорвана ее жестокой репрессивной политикой в Ливии, где действовало военное положение, а сопротивление местного населения безжалостно подавлялось методами массового террора и депортаций в пустыню. Широко разрекламированные попытки Муссолини выступить в конце 1930-х годов в роли «друга и покровителя арабов» не дали заметного результата.

Ближневосточная политика нацистской Германии была менее активной. Вплоть до 1939 г. она поощряла еврейскую иммиграцию в Палестину и даже взаимодействовала по этому вопросу со Всемирной сионистской организацией. Руководство сионистского движения было вынуждено идти на эти контакты с целью спасения евреев Германии и других стран Европы от физического уничтожения. В сентябре 1938 г. по инициативе Эр-Рияда были установлены германо-саудовские дипломатические отношения, а в июле 1939 г. подготовлено соглашение о продаже Саудовской Аравии крупной партии оружия. Однако в последний момент фюрер отказался от его подписания, объяснив свое решение тем, что саудовцы все равно вряд ли станут германскими союзниками.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

До Второй мировой войны Гитлер не проявлял интереса к арабскому национализму, рассматривая его как разменную карту в политическом торге с англичанами. В нацистской геополитической стратегии завоевание Ближнего Востока планировалось на отдаленную перспективу и считалось целесообразным только после победы над СССР.

Начало Второй мировой войны показало, что политическая ситуация в регионе уверенно контролируется Великобританией. В сентябре 1939 г. по ее требованию Египет и Ирак разорвали дипломатические отношения с Германией и ввели военное положение, передав свои армии, ресурсы и коммуникации под контроль английского командования. Саудовская Аравия и Йемен объявили о своем нейтралитете.

Литература

Основная

Новейшая история стран Азии и Африки. XX век: Учебник для студентов высших учебных заведений / Под ред. А. М. Родригеса: В 2 ч. Ч. 1. 1900–1945. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. Гл. 5, 6.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том первый. События. 1918–1945. М.: Моск. рабочий, 2000. Гл. 8, 13.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том второй. Документы 1910–1940-х годов / Сост. А. В. Мальгин. М.: Моск. рабочий, 2000. Док. № 27.

Фомин А. М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1923 гг. М.: РФСОИ, 2010. Гл. 3–5.

Хрестоматия по истории международных отношений / Сост. С. Ю. Абрамова и др. Вып. 2. Азия и Африка. М.: Высш. школа, 1972. С. 241–243, 249–250.

Хрестоматия по Новейшей истории. Документы и материалы / Сост. М. С. Альперович, В. И. Антюхина-Московченко и др. Т. 1. 1917–1939. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 843–845, 849–854, 859–864, 869–870, 875–876.

Дополнительная

Истоки и история проблемы Палестины. Ч. I. 1917–1947. Нью-Йорк: ООН, 1978.

The Great powers in the Middle East, 1919–1939 / Ed. by Uriel Dann. N.Y., L.: Holmes & Meier Publishers, Inc., 1988.

ГЛАВА 13

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

13.1. Средний Восток и Первая мировая война. «Соглашение Сайкса—Пико»

Средний Восток включает в себя Турцию, Иран, Афганистан, а также Среднюю (Центральную) Азию, которая в начале XX в. была частью Российской империи (расположенные здесь Бухарский эмират и Хивинское ханство находились под ее протекторатом). К началу Первой мировой войны система международных отношений на Среднем Востоке еще не сложилась, поскольку большинство государств региона являлись полуколониями европейских держав и не были суверенны в своей внешней политике.

В годы войны Иран и Афганистан сохраняли нейтралитет, в то время как Османская империя воевала на стороне Четверного союза. Уже в 1914 г. между державами Антанты начались трудные переговоры о разделе османского наследства. Первым их результатом стали тайные соглашения, заключенные Россией с Великобританией и Францией в марте—апреле 1915 г. о передаче ей после войны Константинополя и Черноморских проливов. 16 мая 1916 г. союзники подписали секретное соглашение о разделе Азиатской Турции между Великобританией, Францией и Россией («соглашение Сайкса—Пико»). Согласно его условиям к Великобритании должны были отойти Южная Месопотамия и палестинские порты Хайфа и Акка, к Франции — Западная Сирия, Ливан, Киликия и часть Юго-Восточной Анатолии. К России, не претендовавшей на арабские земли, отходила Турецкая Армения. В Палестине, где были сосредоточены святыни христианства, ислама и иудаизма, предполагалось установить режим международного управления. Часть османских земель была поделена на сферы влияния: в британскую сферу влияния вошли Северная Месопотамия и Заиорданье, во французскую — Восточная Сирия и Мосул, в российскую — Северный Курдистан.

В августе 1917 г. к «соглашению Сайкса—Пико» присоединилась Италия. Ей была обещана Юго-Западная Анатолия (район Анталии), а часть Западной и Центральной Анатолии должна была стать ее сферой влияния. За Италией

оставались и Додеканезские острова, захваченные ею во время войны с Турцией в 1911–1912 гг.

Секретные соглашения 1915–1916 гг. отражали аннексионистские устремления великих держав и противоречили принципу права наций на самоопределение. В случае их реализации послевоенная Турция уменьшилась бы до Северной и Центральной Анатолии и фактически лишилась бы выхода к Средиземному морю, превратившись в маленькое и слабое «пастушеское государство». Однако после Первой мировой войны развитие международного процесса на Среднем Востоке пошло совсем не так, как предполагали державы-победительницы. В ходе национально-освободительной революции 1919–1923 гг. кемалистская Турция отстояла свой суверенитет и территорию в этнических границах, что привело к пересмотру подготовленного на базе «соглашения Сайкса—Пико» Севрского мирного договора[1]. В первые послевоенные годы освободились от полуколониальной зависимости Афганистан и Иран. Все эти события положили начало процессу формирования системы международных отношений на Среднем Востоке, протекавшему в условиях острого политического противостояния СССР и Великобритании. Позиции последней в регионе в межвоенный период были серьезно ослаблены; ее потеснил Советский Союз, наладивший со своими южными соседями тесное политическое и экономическое сотрудничество.

13.2. Концептуальные основы советской политики в странах Востока

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

С момента прихода к власти большевики в своей внешней политике уделяли большое внимание колониальным и зависимым странам, рассчитывая использовать их огромный антиимпериалистический потенциал для дела мировой революции. Роль, отводимая им в мировом революционном процессе, становилась первостепенной после того, как не оправдались надежды советского руководства на скорую революцию в Европе. В это же время в граничащих с Россией государствах Востока, напротив, начался подъем национально-освободительных движений. Согласно расчетам большевиков, пожар революции в колониальных и зависимых странах должен был в конце концов подтолкнуть к ней и капиталистический Запад, поскольку лишал его сырьевых ресурсов и подрывал его экономическую мощь.

Важнейшим преимуществом советской политики на Востоке стал ее открытый разрыв с колониализмом — безвозмездный отказ от концессий, экс-

[1] О мирном урегулировании с Турцией после Первой мировой войны см. главу 1.

территориальности, сфер влияния и других инструментов имперской политики. Эта ее особенность, отразившая глубинные объективные тенденции общемирового развития, впоследствии во многом обусловила успехи СССР в Азии, рост его популярности среди колониальных и зависимых народов.

Первым документом, в котором излагались основы советской политики на азиатском направлении, стало Обращение Ленина и Сталина ко всем трудящимся мусульманам России и Востока от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. В нем большевистские лидеры призывали всех российских мусульман поддержать советскую власть под гарантии соблюдения их национальных и религиозных прав; к мусульманам же зарубежных стран был адресован призыв к свержению колониализма и вооруженной борьбе против метрополий. Стремясь завоевать симпатии азиатских народов, советские руководители объявили о расторжении русско-английского соглашения 1907 г. о разделе сфер влияния на Среднем Востоке, а также тайных соглашений 1915–1916 гг. об аннексии Россией зоны Черноморских проливов и Турецкой Армении. «Константинополь, — подчеркивалось в воззвании, — должен остаться в руках мусульман».

В 1919 г. Совнарком выступил с обращениями к народам Афганистана, Ирана, Китая, Кореи, Монголии, призвав их к борьбе за национальную независимость. В августе того же года Троцкий направил в ЦК РКП(б) секретный доклад, в котором предложил начать подготовку переноса центра мировой революции на Восток и в первую очередь нанести «военный удар по Индии, на помощь индийской революции», сформировав для этой цели конный корпус в 30–40 тыс. человек.

> «Международная обстановка складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии»[1].
>
> *Троцкий Л. Д., член Политбюро ЦК РКП(б), председатель Реввоенсовета РСФСР*

В 1919–1920 гг. вопрос об интервенции в Индию несколько раз рассматривался на Пленумах ЦК РКП(б). В Коминтерне прорабатывались планы создания в Афганистане революционной базы, с которой Красная армия при поддержке пуштунских племен могла бы нанести удар по британским колониям. В августе 1920 г. в Советском Туркестане была создана Афганская миссия во главе с лидером индийских коммунистов М. Н. Роем, которую щедро снабдили оружием и золотом. Однако афганский эмир Аманулла-хан все же отказался пропустить на свою территорию группу индийских эмигрантов и 25-тысячный советский корпус. После подписания в марте 1921 г. советско-английского торгового соглашения, содержащего пункт об отказе от коммунистической пропаганды на Востоке, подготовка к военному походу на Индию была прекращена.

[1] Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927 гг. / Сост. Ю. Г. Фельштинский: В 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 183.

II конгресс Коминтерна, состоявшийся в июле—августе 1920 г. в Москве и Петрограде, на основе подготовленных Лениным тезисов принял программную резолюцию по национально-колониальному вопросу. Она требовала от коммунистических партий Азии сотрудничества с национальными движениями, возглавляемыми местной буржуазией. В то же время национальные лидеры рассматривались Коминтерном только как «временные попутчики», а освободительные движения в колониальных странах, согласно его прогнозам, обязательно должны были перерасти на определенном этапе в социалистическую фазу. В сентябре 1920 г. в Баку был созван I съезд народов Востока, в котором приняли участие более 2 тыс. делегатов, представлявшие 37 восточных народов. Выступая на этом форуме, глава Коминтерна Зиновьев прямо заявил о том, что классическая марксистская схема, согласно которой любая страна, прежде чем начать борьбу за социализм, непременно должна пройти капиталистическую стадию развития, устарела.

> «С той минуты, когда хотя бы одна страна вырвалась из цепей капитализма, как это сделала Россия... Китай, Индия, Турция, Персия... могут и должны начать борьбу прямо за советский строй».
>
> *Зиновьев Г. Е., член Политбюро ЦК РКП(б), председатель Исполкома Коминтерна*

Однако уже в начале 1920-х годов большевистское руководство пришло к выводу о невозможности победы социалистических революций в странах Востока без помощи извне. В Москве полагали, что ввиду социально-экономической отсталости этих стран национально-освободительные движения там не способны самостоятельно перейти на социалистический путь и для решения этой задачи необходим вооруженный экспорт революции.

> «Каждое пролетарское государство имеет право на красную интервенцию... Распространение Красной Армии является распространением социализма, пролетарской власти, революции»[1].
>
> *Бухарин Н. И., член Политбюро ЦК РКП(б).*
> *Из выступления на IV конгрессе Коминтерна, 1922 г.*

Сам Ленин из тактических соображений никогда открыто не поддерживал в публичных выступлениях идею «экспорта революции», однако на практике не раз выступал за ее осуществление. В 1920–1921 гг. с помощью Красной армии были советизированы российские протектораты Бухара и Хива, создана Гилянская республика в северных районах Ирана, установлена революционная власть во Внешней Монголии. В то же время эти военно-политические акции показали неготовность традиционных восточных обществ к восприя-

[1] Цит. по: *Персиц М. А.* Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. 2-е изд., расшир. и исправл. М., 1999. С. 33.

тию советской модели государственности. Поэтому, не отказываясь от стратегического курса на мировую революцию, Советская Россия стала налаживать сотрудничество с правящими монархическими и националистическими режимами ряда азиатских государств с тем, чтобы толкнуть их на путь сопротивления империализму. Они в свою очередь охотно шли на сближение с Москвой, рассматривая ее как противовес европейским державам. В 1920–1930-е годы Советский Союз установил тесные дружественные отношения и с государствами Среднего Востока.

13.3. Советизация Хивинского ханства и Бухарского эмирата

Первым значительным эпизодом революционной политики большевиков на Востоке стало присоединение к Советской России Хивинского ханства и Бухарского эмирата. Эти государства начиная с 1868 г. находились под протекторатом Российской империи, которая контролировала их международные связи, но не вмешивалась во внутреннее управление. Оставаясь средневековыми феодально-деспотическими монархиями, они пользовались широкой автономией, в частности, печатали собственную валюту и располагали небольшими армиями. Бухарскому эмирату было разрешено торговать и поддерживать династические связи с соседним Афганистаном. В 1917 г. население Бухары составляло примерно 2,2 млн человек, а Хивы — 800 тыс. человек, в основном узбеков, таджиков и туркмен; доля русского населения была незначительной (около 35 тыс. человек). Бухарский эмир из династии Мангыт являлся единственным, кроме турецкого султана, монархом, считавшимся прямым наследником пророка Мухаммеда, и в случае пресечения Османской династии должен был унаследовать халифат (т.е. стать главой мусульман-суннитов всего мира).

После Октябрьской революции Бухара и Хива провозгласили независимость, но она не была признана Москвой. Уже в 1918 г. туркестанские большевики предприняли первую, неудачную попытку советизации Бухары, следствием которой стало уничтожение практически всего русского населения эмирата. К концу 1919 г. Красная армия выиграла гражданскую войну в Туркестане, а разгромленные отряды белых отступили на территорию сопредельных государств. В январе 1920 г. части Туркестанского фронта оккупировали Хиву. Хивинский хан был вынужден отречься от престола, и в апреле 1920 г. было объявлено об образовании Хорезмской народной советской республики.

Крайне обеспокоенный этими событиями, бухарский эмир обратился за помощью к Афганистану и Великобритании, но этот его шаг только ускорил планируемую советизацию. 29 августа 1920 г. войска Туркестанского фронта под командованием М. В. Фрунзе вступили на территорию эмирата и осадили Старую Бухару. После жестокой бомбардировки город был взят штурмом; богатейшая сокровищница эмира была разграблена и вывезена в Ташкент. 8 сентября

1920 г. была провозглашена Бухарская народная советская республика. Военные перевороты в Бухаре и Хиве были представлены советской стороной как стихийные народные революции, а ввод туда Красной армии произошел якобы по приглашению местных «революционных правительств». Во время завоевания бывших российских протекторатов большевикам удалось избежать международных осложнений. Афганский монарх Аманулла-хан, стремившийся к сближению с Москвой и парафировавший с ней 20 августа 1920 г. договор об основах отношений, остался нейтральным и отклонил просьбу бухарского эмира о военной помощи. Приехавший в Ташкент Джемаль-паша — бывший морской министр Османской империи и участник правившего в Стамбуле в годы войны «младотурецкого триумвирата» — призвал к «немедленной ликвидации англофильской Бухары» и рекомендовал афганским властям не вмешиваться в конфликт. Этим демаршем Джемаль, пользовавшийся большой известностью и авторитетом в мусульманском мире, оказал ценную услугу большевикам.

Насильственная советизация Бухары и Хивы дала мощный толчок развитию в Средней Азии повстанческого басмаческого движения, выступавшего под исламистскими и пантюркистскими лозунгами. Бухарский эмир Сеид Алим-хан сумел вырваться из осажденной столицы и уйти в горные восточные области. Он объявил Советской России джихад и развернул против нее партизанскую войну.

В октябре 1921 г. в Бухару с группой турецких офицеров прибыл еще один участник «младотурецкого триумвирата», бывший военный министр османского правительства Энвер-паша. В Москве он обещал большевистскому руководству помощь в подавлении восстания в Средней Азии, однако, встретив восторженный прием местных жителей, сразу же пересмотрел свои планы и перешел на сторону басмачей. Назначенный бухарским эмиром командующим повстанческими силами, этот международный авантюрист уже видел себя во главе будущего пантюркистского государства в Средней Азии. Летом 1922 г., выбив советские части из Душанбе, возглавляемые им отряды подошли к Бухаре. Наступил самый опасный момент в борьбе с басмачеством. Однако Красной армии удалось переломить ситуацию. В августе 1922 г. основные силы повстанцев были разбиты, а сам Энвер-паша погиб в бою.

Столкнувшись с непрекращающимся вооруженным сопротивлением местного населения, противившегося революционным преобразованиям, Политбюро ЦК РКП(б) в 1924–1925 гг. произвело национально-территориальное размежевание Средней Азии по этническому принципу. В составе Советского Союза были образованы две новые союзные республики — Узбекская ССР и Туркменская ССР, между которыми и были поделены территории Бухары и Хивы. Кроме того, в них были включены Закаспийская область и часть Туркестанского края, которые до революции являлись губерниями Российской империи и имели гораздо более высокий процент русского населения. Такая перекройка карты Средней Азии была призвана помочь большевикам взять под контроль традиционные мусульманские общества, сыграв на националь-

ных противоречиях в регионе. Однако полностью подавить басмаческое движение удалось только в первой половине 1930-х годов.

13.4. Внешняя политика Афганистана. Советско-афганские отношения

На восточном фланге формирующейся на Среднем Востоке международной системы находился Афганистан. С 1893 г. эта страна была протекторатом Великобритании и могла поддерживать отношения с другими государствами только через вице-короля Индии.

В феврале 1919 г. афганский эмир Хабибулла, придерживавшийся пробританской ориентации, был убит. На престол вступил его сын Аманулла-хан — сторонник национальной независимости и реформ. В день коронации он обнародовал свой первый манифест, в котором говорилось о расторжении всех англо-афганских договоров и восстановлении независимости Афганистана. В ответ Великобритания в мае 1919 г. объявила ему войну — уже третью по счету в истории двусторонних отношений. Однако упорное сопротивление афганской армии, а также восстания пуштунских племен в приграничных мусульманских провинциях Индии заставили ее прекратить боевые действия и в августе 1919 г. подписать в Равалпинди прелиминарный мир, по которому Великобритания признавала афганский суверенитет де-факто.

Конфронтация с бывшей метрополией подталкивала Амануллу-хана к сближению с Советской Россией, которая со своей стороны немедленно откликнулась на его призыв к установлению отношений и 27 марта 1919 г. первой в мире признала афганскую независимость. В октябре 1919 г. Ленин принял прибывшую в Москву афганскую делегацию, пообещал ей помощь и поддержку, а также территориальные уступки. Затем делегация посетила ведущие государства Европы, однако здесь ее попытки добиться дипломатического признания оказались безуспешными.

В сентябре 1920 г. был парафирован, а в марте 1921 г. подписан советско-афганский договор об основах отношений. Стороны обязались «не вступать в военное и политическое соглашение с третьей державой» в ущерб их взаимным интересам. Советская Россия предоставила Афганистану право беспошлинного транзита грузов через свою территорию и пообещала оказывать безвозмездную помощь в размере 1 млн золотых рублей ежегодно. Она также согласились вернуть «принадлежавшие ему в прошлом столетии земли пограничного района», под которыми подразумевался Пенденский оазис с Кушкой. Эта статья договора впоследствии не была выполнена. Стороны согласились «уважать действительную независимость и свободу Бухары и Хивы, какая бы форма правления там ни существовала, согласно желаниям их народов». Тем самым афганские власти признали советизацию этих государств, но на условиях сохранения ими хотя бы формальной самостоятельности. Одновременно с договором был подписан и секретный протокол о поставках в Кабул советского оружия и военного снаряжения.

Большевики придавали важное значение Афганистану, рассматривая его как удобный плацдарм для борьбы с британским влиянием на Востоке и проникновения в Индию. Для этих целей они попытались использовать младотурок во главе с уже упоминавшимся Джемаль-пашой, которые также хотели вести антибританскую деятельность с афганской территории. С согласия Москвы Джемаль-паша приехал в Кабул, где был назначен Аманулой-ханом на пост генерального инспектора армии, ответственного за оборону афгано-индийской границы. Бывший турецкий лидер планировал поднять в Британской Индии восстание мусульман. «Поскольку все его помыслы направлены против Англии, — отмечал Чичерин в одном из докладов Ленину... он все свое влияние пускал в ход для поддержания ориентации Афганистана на нас. В настоящее время эмир Аманулла-хан совершенно определенно держится этой ориентации... чем мы в очень большой степени обязаны влиянию Джемаль-паши»[1]. В 1922 г. Джемаль выехал в Закавказье, где был убит в Тифлисе членом армянской партии Дашнакцутюн, мстившим ему за организацию геноцида армян в 1915 г.

Сближение Москвы и Кабула в конце концов вынудило Великобританию пойти на уступки. В ноябре 1921 г. она подписала договор об основах отношений с Афганистаном, по которому признавала де-юре его независимость. Ему был разрешен беспошлинный транзит любых товаров, в том числе и оружия, через Индию. Афганистан в свою очередь согласился признать границу, установленную при его переходе под британский протекторат (линию Дюранда, названную так по имени главы английской дипломатической миссии). Тем самым он отказался от прав на обширную пограничную область, населенную пуштунскими племенами, которая в 1893 г. была от него отторгнута и присоединена к Британской Индии. Кабульские власти согласились не открывать советских консульств в южных пограничных провинциях, как это было предусмотрено советско-афганским договором 1921 г., поскольку они рассматривались в Лондоне как центры коммунистической пропаганды. Три консульства РСФСР остались лишь на севере Афганистана.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Таким образом, Аманулла-хан смог, используя советско-британские противоречия, восстановить независимость своей страны. В 1920-е годы она была признана де-юре большинством государств мира. Заявив о приверженности политике нейтралитета, Афганистан по совету Москвы уклонился от вступления в Лигу Наций. В период правления Амануллы-хана британское влияние в Кабуле было сведено к минимуму, а СССР, напротив, стал его ключевым политическим партнером.

Дружественные отношения установились у Афганистана с сопредельными мусульманскими государствами. В 1920 г. он был признан де-юре Ираном, а в 1921 г. — Турцией. С последней в марте 1921 г. в Москве при посредничестве

[1] Цит. по: *Персиц М. А.* Указ. соч. С. 72–73.

советской дипломатии был подписан договор о дружбе. В том же году был подписан и аналогичный ирано-афганский договор.

Между Советским Союзом и Афганистаном в межвоенный период было налажено тесное экономическое и военно-политическое сотрудничество. СССР неоднократно предоставлял Кабулу безвозмездные финансовые субсидии, поставил крупные партии оружия, в том числе самолеты, принял на учебу группу афганских военных. Большевики поддерживали реформы Аманулы и его антибританскую политику. В 1924 г. СССР оказал ему военную помощь в подавлении мятежа в городе Хосте. В то же время в двусторонних отношениях имелось и немало острых проблем. После установления советской власти в Средней Азии на афганскую территорию перешли тысячи беженцев, а также вооруженные басмаческие формирования. Свергнутый бухарский эмир Саид Алим-хан получил политическое убежище в Кабуле и жил там до своей смерти в 1936 г. Хотя Аманулла-хан и симпатизировал лозунгу восстановления независимой Бухары, он не мог позволить себе открыто поддерживать басмаческое движение и был вынужден ввести некоторые ограничения на его деятельность. Красная армия не раз преследовала отступающих басмачей на афганской территории.

Следуя курсу на подписание договоров о ненападении и нейтралитете с соседними государствами, СССР в августе 1926 г. подписал договор о нейтралитете и взаимном ненападении с Афганистаном. Стороны согласились соблюдать нейтралитет в случае, если одна из них окажется вовлеченной в войну, и противодействовать враждебным происках третьих держав. Они также договорились пресекать деятельность враждебных им групп и отдельных лиц. Это положение, отсутствовавшее в договоре 1921 г., прямо обязывало Кабул сотрудничать с советской стороной в подавлении басмаческого движения.

Афганское руководство неоднократно ставило перед Москвой вопрос о передаче обещанного ему в 1919 г. Лениным пограничного района, а также настаивало на разделе вод Амударьи и Пянджа и исправлении границы на Памире, однако советская сторона неизменно уклонялась от переговоров по этим вопросам. Непросто складывались и двусторонние торгово-экономические отношения. Несмотря на то что СССР в межвоенный период являлся главным торговым партнером Афганистана, последний, не желая признавать принцип государственной монополии внешней торговли, так и не заключил с ним торговый договор.

В 1927–1928 гг. Аманулла-хан предпринял семимесячное путешествие за рубеж, посетив с официальными визитами СССР, Великобританию, Францию, Германию, Италию, Египет, Иран и Британскую Индию. Поездка активизировала его реформаторскую деятельность, вызывавшую в афганском обществе все большее недовольство.

В ноябре 1928 г. в северных и восточных провинциях страны вспыхнуло восстание таджикских и пуштунских племен во главе с Бачайи Сакао, которое привело к свержению Аманулы-хана. Повстанцы активно поддержали басма-

ческое движение, а бывший бухарский эмир начал подготовку вторжения на советскую территорию. В Москве эти события вызвали серьезное беспокойство. Политбюро ЦК ВКП(б) расценило их как «акцию англичан, направленную также и против СССР». Логика «классового подхода», казалось, должна была подтолкнуть советское руководство к поддержке мятежников: ведь против Аманулы-хана — «вождя афганских феодалов» — выступили широкие народные массы. Тем не менее исходя из прагматических расчетов в Москве было решено оказать военную помощь свергнутому королю, который не раз доказывал свою лояльность большевикам. В апреле 1929 г. крупный вооруженный отряд, сформированный из красноармейцев-мусульман, под командованием бывшего военного атташе в Кабуле В. М. Примакова вступил в Северный Афганистан и занял несколько городов, в том числе Мазари-Шариф. Правительство мятежников обратилось за помощью к Великобритании, которая потребовала вывода Красной армии, угрожая в противном случае военным вмешательством. Назревал острый международный конфликт, причем в тот самый момент, когда после прихода к власти в Лондоне второго лейбористского правительства Макдональда наконец-то обозначилась перспектива нормализации разорванных в 1927 г. советско-английских дипломатических отношений. Однако в мае 1929 г. Аманулла-хан неожиданно отказался от дальнейшей борьбы за власть и эмигрировал в Италию. После его отъезда советские войска были возвращены домой. В августе 1929 г. власть в Кабуле захватил родственник Аманулы и бывший военный министр М. Надир-хан, ставший новым афганским королем. Он сразу же заверил СССР, что считает его своим тылом и «единственной опорой». В Москве вступление на престол Надир-хана было воспринято как лучший выход из создавшегося трудного положения[1].

Восстание таджикских племен в северных афганских провинциях повлияло и на процессы национально-государственного размежевания в советской Средней Азии. В декабре 1929 г. была образована Таджикская ССР, выделенная из состава Узбекистана. Создание новой союзной республики было призвано погасить сепаратистские тенденции в районах, населенных таджиками, и укрепить южные рубежи СССР.

Правительство Надир-хана продолжило линию на тесное сотрудничество с Москвой. В 1931 г. был подписан еще один двусторонний договор о нейтралитете и взаимном ненападении, который не только подтвердил основные положения договора 1926 г., но и дополнил его статьей о неприменении силы и разрешении всех споров исключительно мирным путем, призванной не допустить повторного ввода советских войск. В 1931 г. Красная армия при содействии афганских властей уничтожила последнее крупное формирование басмачей, возглавляемое лидером этого движения Ибрагим-беком, после чего из двусторонних отношений был наконец устранен самый опасный раздражитель.

[1] Афганский кризис не помешал нормализации советско-английских отношений — они были восстановлены в октябре 1929 г.

В 1933 г. Надир-хан был убит, престол занял его сын М. Захир-шах, правивший целых 40 лет — до 1973 г. Молодой король стремился к поиску новой точки опоры на международной арене. В сентябре 1934 г. вместе с Советским Союзом Афганистан вступил в Лигу Наций. В то же время с приходом Захир-шаха наметилось сближение Афганистана с нацистской Германией, в которой он видел противовес как британскому, так и советскому влиянию. В 1938 г. Берлин предоставил ему крупный военный кредит; в Кабуле появились немецкие военные специалисты. Афганское правительство терпимо относилось к нацистской пропаганде, муссировавшей тезис об общности «арийского происхождения» немцев, пуштунов и таджиков. К концу 1930-х годов Третий рейх приобрел в этой стране довольно прочные позиции, которые планировал в дальнейшем использовать для прорыва в Индию.

Новые веяния в политике Надир-хана не могли не осложнить его отношений с Москвой. В 1938 г. начались двусторонние переговоры по пограничным вопросам, в ходе которых афганская сторона вновь потребовала пересмотра границы в свою пользу. Советский Союз согласился перенести ее с левого, афганского берега Амударьи и Пянджа на тальвег этих рек, но категорически отказался от передачи района Кушки, сославшись на мнение местного населения. Советско-афганские отношения обострились настолько, что в апреле 1939 г. Кабул потребовал ревизии двустороннего договора 1921 г., а также русско-английских соглашений 1885–1888 гг., определивших прохождение северной афганской границы. С началом Второй мировой войны пограничные переговоры были приостановлены, а по ее окончании вопрос афганских территориальных претензий был снят с повестки дня. В июне 1946 г. в Москве было заключено соглашение по пограничным вопросам, предусматривавшее перенос границы по Амударье с афганского берега на тальвег реки в ее судоходных местах или же на ее середину — в несудоходных. Одновременно был подписан протокол, признавший статьи 9 и 10 договора 1921 г. (о возможной передаче района Кушки и регулярных денежных субсидиях) утратившими силу.

Таким образом, балансируя между великими европейскими державами, Афганистан в условиях нараставшего в 1930-е годы международного кризиса в целом оставался на позициях нейтралитета.

13.5. Внешняя политика Ирана. Советско-иранские отношения

Второе по величине государство Среднего Востока — Иран — накануне Первой мировой войны был полуколонией России и Великобритании, разделивших его в 1907 г. на сферы влияния. В стране действовал режим капитуляций (экстерриториальности иностранцев), а ее природные богатства — нефть, рыбные ресурсы Южного Каспия — находились в руках иностранных компаний. Октябрьская революция изменила соотношение российского и британского влияния в Иране. В соответствии с условиями перемирия, заключенного большевиками

с Четверным союзом 2 (15) декабря 1917 г., российские войска в январе 1918 г. были выведены с его территории, чем не преминули воспользоваться англичане. Сразу же после окончания войны весь Иран был оккупирован британскими войсками, использовавшими его в качестве плацдарма для интервенции в российское Закавказье и Закаспийскую область. В августе 1919 г. Великобритания навязала Ирану соглашение, по которому он фактически переходил под ее протекторат. И хотя соглашение не было ратифицировано иранским парламентом (меджлисом), оно стало претворяться в жизнь без его одобрения.

В ином ключе развивались советско-иранские отношения. В декабре 1917 г. Тегеран, нуждавшийся в России как противовесе Великобритании, признал де-факто советское правительство, хотя и отказался принять его дипломатическую миссию. В свою очередь большевики после прихода к власти заявили о кардинальном пересмотре дореволюционной политики в отношении Ирана. В обращениях Совнаркома к персидскому народу и правительству (январь 1918 г. и июнь 1919 г.) говорилось о расторжении русско-английского соглашения 1907 г. и всех двусторонних договоров, которые «ограничивали или стесняли права персидского народа на свободное и независимое существование». В них также заявлялось о готовности простить Ирану весь его дореволюционный долг России и безвозмездно передать ему всю находящуюся на его территории многомиллионную российскую собственность.

После того как в апреле 1920 г. была установлена советская власть в Азербайджане и создана Азербайджанская ССР, шахское правительство установило дипломатические отношения с Москвой и заявило о признании Советского Азербайджана. Тем не менее большевики, выйдя к иранской границе, сразу же попытались открыть в соседней стране «восточный фронт мировой революции». В мае 1920 г. части Красной армии под командованием Ф. Ф. Раскольникова, преследуя отступающие отряды белых, вошли в Северный Иран и заняли каспийский порт Энзели. Заключив союз с вождем местного повстанческого движения Кучек-ханом, они вытеснили шахские и британские войска из провинции Гилян, населенной в основном азербайджанцами. В июне 1920 г. была провозглашена Персидская советская социалистическая республика со столицей в городе Решт. Началось формирование Персидской Красной армии, костяк которой составили отряды красноармейцев-мусульман, переброшенные в Гилян из Баку.

Поскольку исход Гилянской операции был неясен, в Москве отрицали присутствие советских войск в соседней стране и заявляли об уважении ее суверенитета и территориальной целостности. На деле же Советская Россия, не прекращая отношений с Тегеранским правительством, развернула против него боевые действия в надежде спровоцировать массовое народное восстание против шаха и англичан. Однако попытка вооруженной советизации Ирана оказалась неудачной. В результате тяжелых боев, длившихся несколько месяцев, шахским кавалерийским частям удалось к концу 1920 г. восстановить контроль над большей частью Гиляна. В самом революционном лагере вспых-

нули кровавые усобицы, которые привели к разрыву союза Кучек-хана с иранскими коммунистами. Убедившись в провале операции, большевистское руководство взяло курс на нормализацию отношений с шахским правительством.

В ноябре 1920 г. в Москве открылись советско-иранские переговоры. Тегеран был заинтересован прежде всего в выводе Красной армии из Гиляна, в то время как советская сторона обусловила ее эвакуацию одновременным уходом из Ирана британских войск. Это требование в принципе отвечало и иранским интересам. Тем временем в Тегеране в феврале 1921 г. произошел военный переворот, приведший к власти командира шахской казачьей бригады Реза-хана. Он стал военным министром, а впоследствии занял и пост премьер-министра. Правительство Реза-хана заявило об отказе от проанглийской ориентации и форсировало завершение Московских переговоров. 26 февраля 1921 г. был подписан советско-иранский договор. В нем подтверждались отказ Советской России от дореволюционных соглашений с Ираном и безвозмездная передача ему огромного имущества на общую сумму 600 млн золотых руб.: нескольких железных и шоссейных дорог, телеграфных и телефонных линий, Учетно-Ссудного банка, порта Энзели. Подтверждалось и аннулирование иранского государственного долга. Во изменение Туркманчайского мира 1828 г., лишившего Персию права иметь флот на Каспийском море, стороны согласились в равной степени пользоваться свободой мореплавания по Каспию. Советская Россия отказывалась от режима капитуляций и отдавала иранским властям все концессии, за исключением южнокаспийских рыбных промыслов. Предусматривалось также небольшое исправление в пользу Ирана его северной границы, в частности передача ему нескольких островов в Каспийском море.

В обмен на эти щедрые уступки шахское правительство обязалось запретить деятельность антибольшевистских сил, а также «не допускать всеми доступными способами» присутствие войск третьих государств, имея в виду в первую очередь Великобританию (статья 5 договора). Наряду с этим Советская Россия, согласно статье 6, получила право «в интересах самообороны» вводить Красную армию в Иран без консультаций с его правительством.

Советско-иранский договор является бессрочным. Он продолжает действовать по настоящее время, за исключением статей 5 и 6, которые в ноябре 1979 г., после прихода к власти в Тегеране исламистов во главе с аятоллой Хомейни, решением Исламского революционного совета были в одностороннем порядке отменены.

При подписании договора советская сторона пообещала вывести войска из Гиляна к маю 1921 г., однако их эвакуация затянулась до конца года. Уходу Красной армии препятствовало главным образом руководство Азербайджанской ССР во главе с Н. Нариманoвым, строившее планы присоединения к своей республике Иранского Азербайджана. Однако советская власть в Гиляне была в конце концов ликвидирована, и 9 ноября 1921 г. эта провинция была принята под юрисдикцию шахской администрации. В декабре 1921 г. меджлис ратифицировал Московский договор (ВЦИК РСФСР сделал это в марте 1921 г., через три недели после его подписания).

Несмотря на советскую интервенцию в Гиляне, иранское правительство пошло на сближение с Москвой, видя в ней главный противовес британскому влиянию. Оно по достоинству оценило и антиколониальную направленность политики большевиков на Востоке. В день подписания советско-иранского договора в Тегеране было объявлено о денонсации англо-иранского соглашения 1919 г. Британской армии и советникам было предложено покинуть страну, и к маю 1921 г. их вывод был завершен.

В 1925 г. в Тегеране произошел еще один государственный переворот. Династия Каджаров, правившая здесь с конца XVIII в., была низложена. Учредительное собрание провозгласило новым шахом Реза-хана (1925–1941 гг.), а новая династия получила фамилию Пехлеви. При ней Иран проводил политику балансирования между Великобританией и Советской Россией, одновременно подыскивая в качестве противовеса им третью, «нейтральную», великую державу. В роли «третьей силы» в Тегеране поначалу хотели видеть Соединенные Штаты. Однако верные взятому после ухода Вильсона изоляционистскому курсу американцы не проявили интереса к сближению с Ираном, после чего он в конце 1920-х годов переориентировался на Германию. Стремясь к расширению своих международных связей, Иран вступил в Лигу Наций и до начала 1930-х годов оставался единственной исламской страной в этой международной организации. На этом основании он в 1928 г. был избран непостоянным членом Совета Лиги.

Важнейшей внешнеполитической задачей Ирана являлось полное восстановление его суверенитета и отмена режима капитуляций. Поскольку главным обоснованием экстерриториальности иностранцев считались принципиальные различия между европейским законодательством и основанным на шариате персидским правом, правительство провело реформу судебной системы, после чего в 1927–1929 гг. отменило капитуляции и закрыло консульские суды для иностранцев, уравняв последних в правах с местными жителями. В 1928 г. Иран в одностороннем порядке ввел автономный таможенный тариф и лишил Великобританию права контроля над его финансами. Таким образом, процесс восстановления его суверенитета, начавшийся в 1921 г. с заключения советско-иранского договора, к концу 1920-х годов был в основном завершен.

В начале 1930-х годов Тегеран впервые попытался взять под контроль свои нефтяные месторождения, которые с 1901 г. находились в монопольной эксплуатации Англо-Иранской нефтяной компании (АИНК) (ныне «Бритиш петролеум»), и объявил о расторжении с ней концессионного договора. Однако под сильнейшим британским давлением это решение вскоре было пересмотрено. В 1933 г. шахское правительство заключило новое, компромиссное соглашение с АИНК, по которому площадь ее концессии уменьшилась в пять раз.

Отношения Ирана с Советским Союзом в 1920-е годы развивались успешно, и советское влияние в этой стране было очень велико. Консульства СССР работали в 17 иранских городах. В 1924 г. был подписан двусторонний торговый договор, предусматривавший переход на бартерную торговлю и создание нескольких совместных обществ, заменивших дореволюционные российские

концессии. Вскоре Советский Союз превратился в главного торгового партнера Тегерана, на долю которого приходилось более 40% иранского товарооборота. В 1931 г. Москва первой признала введенную шахским правительством государственную монополию внешней торговли; впоследствии она была признана и некоторыми другими странами.

Наиболее острой нерешенной проблемой в двусторонних отношениях оставались пограничные споры. В конце 1920-х годов они даже несколько раз приводили к вооруженным столкновениям. В межвоенный период договор о режиме границы разработать так и не удалось (он был подписан только в 1957 г.). Кроме того, советская сторона не спешила выполнять статью Московского договора о возвращении Энзели под юрисдикцию тегеранских властей, продолжая удерживать этот важный порт на Каспии.

В 1927 г. был заключен советско-иранский договор о ненападении и нейтралитете, подтвердивший обязательства сторон о неучастии во враждебных союзах и соглашениях. Пойдя навстречу пожеланиям Тегерана, СССР согласился включить в него пункт о взаимном отказе от вмешательства во внутренние дела и ведения враждебной пропаганды. Советская дипломатия приняла деятельное участие в налаживании отношений Ирана с Афганистаном и Турцией. При ее посредничестве в апреле 1926 г. был заключен ирано-турецкий пакт о дружбе и безопасности, а в ноябре 1927 г. — ирано-афганский договор о дружбе и безопасности. В 1929 г. СССР был приглашен на роль арбитра в урегулировании турецко-иранского пограничного спора.

Отношения Ирана с соседней Турцией также развивались весьма успешно. Стороны сотрудничали в подавлении курдского повстанческого движения, боровшегося за выход из состава обоих государств территорий, населенных курдами, и создание независимого Курдистана. В 1934 г. на арбитраж Анкары был передан вопрос о демаркации ирано-афганской границы; и хотя соглашение, достигнутое на его основе, не во всем устраивало Тегеран, оно было им подписано и ратифицировано. В 1934 г. состоялся визит Реза-шаха в Анкару — первый и единственный его выезд за рубеж. После этой поездки шахом был проведен ряд реформ, во многом копировавших реформы Ататюрка: в 1935 г. был издан декрет о ношении европейской одежды и снятии чадры, отменены феодальные титулы, введены фамилии и т.д.

Вместе с тем в середине 1930-х годов в политике Тегерана наметился явный прогерманский крен. Его отношения с Берлином стали быстро развиваться еще в конце 1920-х годов, когда на посту главы иранского Национального банка британского представителя заменил немецкий эксперт, а германские компании получили контракт на строительство трансиранской железной дороги. Новый импульс германо-иранскому сближению был придан после прихода к власти национал-социалистов. В 1935 г. Германия подписала торговый договор с Тегераном и вышла на второе место в его внешнеторговом обороте после СССР.

Нацисты развернули в Иране мощную пропагандистскую кампанию. Они рассматривали его как «расово близкую» страну и активно рекламировали

идеи общего этнического происхождения и духовного родства немцев и персов — «арийцев Севера» и «нации Зороастры». Шиитское направление в исламе, исповедуемое иранцами, было объявлено «истинно арийской религией», якобы противостоящей арабскому исламу «семитского суннитского толка»; распространялись сведения о родстве Аллаха и древнегерманских богов и слухи о принятии Гитлером ислама. Подчеркивалось, что Германия никогда не имела колоний в исламском мире и всегда стремилась быть «лучшим другом мусульман».

Нацистская политико-идеологическая экспансия встретила благожелательное отношение со стороны Реза-хана и его окружения. «Майн кампф» была переведена на фарси и пользовалась успехом среди местной элиты. 22 марта 1935 г. по рекомендации германской дипломатической миссии название государства «Персия» было официально изменено на «Иран», что должно было подчеркнуть его значение как «исторической родины арийской расы».

Сближение режима Реза-шаха с Третьим рейхом привело к резкому ухудшению его отношений как с Великобританией и Францией (с последней даже были разорваны дипломатические отношения), так и с Советским Союзом. В 1938 г. не был продлен срок действия торгового договора с СССР, что привело к ликвидации всех смешанных обществ и почти полному прекращению двусторонней торговли. Тогда же были закрыты советские консульства в Иране (кроме консульства в Энзели) и все иранские консульства в СССР.

Проходившие летом 1939 г. англо-франко-советские переговоры о заключении военно-политического союза вызвали нескрываемое беспокойство в Тегеране. Иран и Афганистан даже предприняли совместный демарш, потребовав, чтобы на них не распространялось обсуждавшееся в ходе переговоров понятие «косвенной агрессии», которое могло бы стать поводом для ввода на их территорию советских или британских войск. В августе 1939 г. Иран приветствовал заключение советско-германского пакта о ненападении.

Прогерманский крен в политике шахского правительства был преодолен только после вступления СССР во Вторую мировую войну. 17 сентября 1941 г. советские и английские войска по взаимной договоренности одновременно вступили в Иран и заняли его основные центры, включая Тегеран. В тот же день Реза-шах отрекся от престола в пользу сына. Все немецкие граждане были высланы из страны, а отношения с Германией разорваны.

13.6. Внешняя политика Турции после Лозаннской конференции. Советско-турецкие отношения

Еще одним государством Среднего Востока была Турция, которая после победы кемалистской революции и подписания Лозаннского мирного договора приступила к проведению глубоких реформ. В октябре 1923 г. Турция была провозглашена республикой, а ее столица перенесена из Стамбула в Анкару. В марте 1924 г. был ликвидирован халифат. Все члены Османской династии,

правившей страной с XV в., были лишены турецкого гражданства и высланы за границу, а их имущество конфисковано. Первым президентом республики был избран Мустафа Кемаль, бессменно занимавший этот пост до своей смерти в ноябре 1938 г.

«Наша политика, наши устремления направлены на то, чтобы Турция стала европейским государством»[1].

Мустафа Кемаль, основатель и первый президент Турецкой республики

Ее историческая миссия заключалась, по его убеждению, прежде всего в том, чтобы служить связующим звеном между европейской и исламской цивилизациями, «мостом» между Востоком и Западом.

Турецкая внешняя политика в 1920–1930 гг. формировалась в контексте проводимых Кемалем радикальных преобразований, направленных на создание европеизированной, светской государственности[2]. Их масштабы и глубина были уникальными не только для исламского мира, но и для всего Востока. Турция стала второй после Японии азиатской страной, вступившей на путь модернизации по западному образцу.

Сосредоточив основные усилия на реформах, кемалистское руководство проводило осторожную внешнюю политику. Уставшее от войны турецкое общество, пережившее в 1911–1923 гг. шесть войн подряд[3], решительно поддержало Ататюрка, заявившего об отказе от реваншистских амбиций, панисламизма и пантюркизма. Лозаннский договор, будучи относительно мягким по сравнению с другими мирными договорами, заключенными победителями с государствами Четверного союза, тем не менее не решил всех проблем, доставшихся Турции в наследство от османского периода. Полной нормализации ее отношений с Великобританией и Францией мешали прежде всего территориальные споры вокруг Мосула и Александретты, которые, хотя

[1] Цит. по: Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001. С. 70.

[2] В результате реформ ислам перестал быть государственной религией, а церковь была отделена от государства. В 1924 г. была принята конституция. Парламент утвердил новые кодексы, гражданский и уголовный, скопированные с итальянского и швейцарского образцов. Было отменено шариатское законодательство и закрыты шариатские суды. Мусульманский календарь заменялся на европейский, а турецкая письменность переводилась с арабского на латинский алфавит. Население было обязано носить только европейскую одежду. В 1934 г. был издан закон о введении фамилий (ранее у жителей страны были одни имена); самому Кемалю парламент дал фамилию Ататюрк («отец всех турок»). Вместе с тем в Турции сохранялся авторитарный режим. Легально действовала только правящая кемалистская партия; остальные партии были запрещены. Конституция 1924 г. объявила всех живших в стране мусульман этническими турками, отрицая тем самым существование ряда национальных меньшинств (прежде всего курдов, которых официально именовали «горными турками») и санкционируя их ассимиляцию.

[3] Итало-турецкая война 1911–1912 гг.; Первая Балканская война 1912–1913 гг.; Вторая Балканская война 1913 г.; Первая мировая война; греко-турецкая война 1919–1922 гг.; армяно-турецкая война 1920 г.

и считались в Анкаре этническими турецкими территориями, были включены по решению Лиги Наций в состав подмандатных Ирака и Сирии. В июне 1926 г. после трудных переговоров было подписано англо-турецкое соглашение о Мосуле. Оно предусматривало лишь небольшое исправление границы в пользу Турции; при этом весь нефтеносный район остался у Ирака. Предложение о проведении в Мосуле плебисцита было отвергнуто англичанами под предлогом, будто бы местное население не в состоянии понять его сути в силу своей поголовной неграмотности. И все же турецкая сторона предпочла уступить в весьма болезненном для национального самолюбия мосульском вопросе во имя примирения с Лондоном.

На Лозаннской конференции не был также решен вопрос об Оттоманском банке и оттоманском долге. Банк, созданный европейскими державами в 1881 г. после объявления Портой банкротства, перешел в наследство к Турецкой республике и оставался ее государственным банком до 1930 г., выполняя функции казначейства, эмиссионного и кредитного учреждения. В 1930 г. срок действия очередного концессионного договора между банком и турецким правительством истек и не был продлен. Турция учредила собственный Национальный банк и начала самостоятельно печатать национальную валюту. Восстановление ее финансового суверенитета стало возможным после заключения Анкарой в 1928 г. соглашения с бывшими османскими кредиторами. Была согласована сумма Оттоманского долга, которая падала на Турцию, — 86 млн золотых лир (остальную его часть должны были заплатить другие государства — правопреемники распавшейся Османской империи). Однако уже в 1929 г. ввиду начавшегося мирового экономического кризиса эти выплаты были прекращены. В 1932 г. было подписано новое соглашение, снижавшее размер долга до 7 млн золотых лир. Турция погасила его товарными поставками к 1944 г.

В 1920-е — начале 1930-х годов главной опорой турецкой внешней политики оставалось тесное сотрудничество с Советским Союзом, помогавшее обоим государствам отстаивать свои интересы в отношениях с державами-победительницами.

> «Сближение с национальной Турцией было и для нее, и для нас актом самосохранения»[1].
>
> *Г. В. Чичерин, нарком по иностранным делам СССР*

По совету Москвы Турция, как и Афганистан, долгое время уклонялась от вступления в Лигу Наций. В 1925 г. во время переговоров по мосульскому вопросу Великобритания предложила ей присоединиться к этой международной организации, тем более что накануне подобное приглашение уже было сде-

[1] Цит. по: *Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю.* Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999. С. 111.

лано Германии в Локарно. В ноябре 1925 г. в Одессе состоялась встреча Чичерина с турецким министром иностранных дел Т. Рюштю-беем, на которой вступление Турции в Лигу Наций было признано несвоевременным. Формой ее отказа явилось явно невыполнимое требование Анкары о предоставлении ей постоянного членства в Совете Лиги.

В декабре 1925 г. был заключен советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете. В нем стороны обязались соблюдать нейтралитет в случае военного выступления против них третьей державы и не принимать участия во враждебных им союзах или соглашениях. В 1931 г. был подписан протокол, обязывавший оба государства не увеличивать военно-морские силы на Черном море без взаимного предварительного уведомления не позднее чем за шесть месяцев. Успешно развивалось двустороннее сотрудничество в экономической и военной областях.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Уделяя основное внимание европейским делам, кемалистская Турция в межвоенный период дистанцировалась от решения ближневосточных проблем. Она отказалась от притязаний на бывшие арабские земли Османской империи, а после ликвидации халифата — и от религиозного лидерства в арабском мире.

Отсутствие реваншистских устремлений позволило Анкаре установить дружественные отношения с арабскими государствами. В 1926 г. был подписан англо-ирако-турецкий договор об ирако-турецкой границе и добрососедстве; в 1929 г. ею был заключен договор о дружбе с Йеменом, а в 1937 г. — с Египтом.

К началу 1930-х годов Турция нормализовала отношения с ведущими державами мира и разрешила большинство внешнеполитических проблем османского периода. Закономерным итогом этого процесса явилось ее вступление в июле 1932 г. в Лигу Наций. Видя главную угрозу своей безопасности в притязаниях фашистской Италии на господство в районе Средиземноморья, она в 1930-е годы взяла курс на сближение с Великобританией, которая рассматривалась Анкарой прежде всего как потенциальный союзник в борьбе против итальянской экспансии.

В марте 1934 г. Муссолини на заседании Большого фашистского совета объявил о намерении осуществить обширную программу колониальных захватов в Азии и Африке, которую турки сразу же отнесли на свой счет. Разъяснения итальянской дипломатии о том, что эти планы якобы «не имеют никакого отношения к Турции, поскольку та является европейской страной», не могли развеять ее опасений. В декабре 1934 г. турецкое руководство обратилось к СССР с предложением заключить пакт о взаимопомощи, которое, однако, было отклонено. В Москве не хотели осложнять отношений с Италией и считали подобный пакт «односторонним и предоставляющим выгоды одной

только Турции». Во второй половине 1930-х годов вопрос о пакте поднимался еще несколько раз, но так и не получил положительного решения, поскольку СССР не желал участвовать в войне против Италии на стороне Турции, а Турция — в войне против Германии на стороне СССР. В конце 1930-х годов пути двух государств окончательно разошлись: в Анкаре сделали выбор в пользу стратегического партнерства с Лондоном. В январе 1936 г. было заключено англо-турецкое «джентльменское соглашение» о военном сотрудничестве в случае итальянской агрессии в Восточном Средиземноморье. В 1937 г. премьер-министр И. Иненю во время визита в Лондон заявил, что Турция хотела бы заключить с Великобританией союзный договор.

Наряду с этим турецкая сторона стремилась по возможности не допустить ухудшения отношений и с державами «оси». Она одной из первых признала захват Италией Эфиопии и создание правительства Франко в Испании. Германо-турецкие отношения продолжали улучшаться и после прихода к власти нацистов. Гитлер настойчиво рекомендовал Муссолини урегулировать отношения с Турцией и даже передать ей часть Додеканезских островов, но дуче не прислушался к его советам. Турецкая сторона в свою очередь отклонила сделанное ей Германией в июле 1938 г. предложение о присоединении к «оси Берлин—Рим». Министр иностранных дел Менеменджиоглу в беседе с Риббентропом отметил, что его правительство не намерено возвращаться к захватнической политике времен Османской империи и предпочитает оставаться на позициях нейтралитета.

Нормализации отношений Турции с Францией долгое время препятствовал спор относительно принадлежности Александреттского санджака, большинство населения которого составляли этнические турки. В сентябре 1938 г. с согласия обеих сторон санджак был провозглашен Независимым государством Хатай. В мае 1939 г., вскоре после захвата Италией Албании, была подписана англо-турецкая декларация о взаимопомощи против итальянской агрессии в районе Средиземного моря, а 23 июня 1939 г. — такая же франко-турецкая декларация. В тот же день парламент Хатая единогласно проголосовал за его присоединение к Турции. В октябре 1939 г. англо-франко-турецкое сближение завершилось подписанием тройственного договора о военно-политическом союзе, направленного на сдерживание итальянской агрессии.

Искусно лавируя между СССР, западными державами и государствами «оси», Турция сумела добиться многого, оставаясь при этом в стороне от надвигающейся мировой войны.

13.7. Саадабадский пакт

В середине 1930-х годов турецкая дипломатия выступила инициатором заключения договора, призванного обеспечить мир и безопасность на Среднем Востоке в условиях нарастающего кризиса послевоенного международного

порядка. 2 октября 1935 г. представители Турции, Ирана и Ирака, прибывшие в Женеву на Чрезвычайную сессию Лиги Наций, посвященную итало-эфиопской войне, парафировали проект регионального пакта. В ноябре 1935 г. к нему присоединился и Афганистан. Однако подписание уже согласованного проекта было отложено почти на два года из-за ирано-иракского пограничного спора о разделе вод реки Шатт-эль-Араб. 3 июля 1937 г. соглашение по этому вопросу было наконец достигнуто, а 8 июля 1937 г. в Саадабадском дворце Реза-шаха в Тегеране был подписан Саадабадский пакт между Турцией, Ираном, Афганистаном и Ираком. Он предусматривал безусловный отказ сторон от агрессии друг против друга, неприкосновенность их общих границ, невмешательство во внутренние дела, проведение консультаций по международным вопросам, затрагивающим взаимные интересы. В пакте давалось определение агрессии, сформулированное в соответствии с Лондонской конвенцией 1933 г., заключенной по инициативе СССР, а обязательства сторон были увязаны с Уставом Лиги Наций.

Саадабадский пакт не был военным или политическим союзом и не предусматривал никаких коллективных акций его участников. Вместе с тем его заключение свидетельствовало о стремлении государств региона к сотрудничеству и координации действий перед лицом надвигающегося международного кризиса. По определению турецкого министра иностранных дел, участники этого договора, известного еще как Ближневосточная Антанта, образовали «группу нейтральных стран... от которых никакой агрессор никогда не встретит поддержки и симпатии»[1]. Пакт стал позитивным фактором стабильности и мира на Среднем Востоке накануне и в годы Второй мировой войны.

Литература

Основная

Бойко В. С. Советский Союз, Коминтерн и Афганистан в конце 1920-х — начале 1930-х гг. // Восток. 1998. № 4. С. 38–51.

Вдовиченко Д. И. Энвер-паша // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 42–56.

Генис В. Л. Разгром Бухарского эмирата в 1920 г. // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 39–53.

Документы внешней политики СССР. Т. III. М.: Госполитиздат, 1959. Док. № 305, 309, 342; Т. VIII. 1963. Док. № 418; Т. IX. 1964. Док. № 246; Т. XIV. 1968. Док. № 190.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том первый. События. 1918–1945. М.: Моск. рабочий, 2000. Гл. 8, 13.

Хрестоматия по истории международных отношений / Сост. С. Ю. Абрамова и др. Вып. 2. Азия и Африка. М.: Высш. школа, 1972. С. 244–249.

[1] Цит. по: *Кузьмин В. А.* Подготовка и заключение Саадабадского пакта 1937 г. Страницы истории международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке. Екатеринбург, 1992. С. 188.

Хрестоматия по Новейшей истории. Документы и материалы / Сост. М. С. Альперович, В. И. Антюхина-Московченко и др. Т. 1. 1917–1939. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 805–810, 814–816, 819–827, 830–838.

Дополнительная

Кузьмин В. А. Подготовка и заключение Саадабадского пакта. Страницы истории международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992.

Персиц М. А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. 2-е изд., расшир. и исправл. М.: ИД «Муравей-Гайд», 1999.

Поцхверия Б. М. Турция между двумя мировыми войнами. Очерки внешней политики / РАН. Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1992.

ГЛАВА **14**

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

14.1. Формирование региональной системы международных отношений в Латинской Америке в начале XX в.

Латинская Америка — это цивилизационная общность и геополитический регион, включающий в себя Южную и Центральную Америку, часть Северной Америки (Мексику) и ряд островов Карибского моря. Формирование международной системы в этой части света началось в первой четверти XIX в., после победы испанских колоний в войне за независимость (1810–1826 гг.) и провозглашения независимости Бразилии (1822 г.). К началу XX в. в ее состав входили уже 20 суверенных латиноамериканских государств: в Южной Америке — Аргентина, Бразилия, Боливия, Венесуэла, Колумбия, Парагвай, Перу, Уругвай, Чили, Эквадор, в Центральной Америке — Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа, Панама, Сальвадор, в Карибском бассейне — Гаити, Доминиканская республика, Куба, в Северной Америке — Мексика. Процессы деколонизации в регионе к этому времени в основном завершились, и колониальных владений здесь было уже очень мало (2,5% его территории и 4,5% населения)[1]; почти все они находились в Карибском море.

Конституции и государственное устройство латиноамериканских республик были во многом скопированы с США, однако в большинстве стран демократия являлась весьма условной, и у власти там находились авторитарные, диктаторские режимы. Внутриполитическая жизнь континента отличалась высоким уровнем насилия, частыми военными переворотами, революциями и гражданскими войнами. По уровню социально-экономического развития Латинская Америка заметно отставала от США и Европы. Наиболее экономи-

[1] Британская колониальная империя в Латинской Америке включала Багамские и Бермудские острова, Ямайку, Тринидад и Тобаго, Британскую Гвиану, Британский Гондурас (Белиз), а также Фолклендские острова, на которые претендовала Аргентина. Франции принадлежали Французская Гвиана, острова Гваделупа и Мартиника, Голландии — Суринам, Дании — Виргинские острова. Эти государства поделили между собой и ряд мелких островов Антильского архипелага.

чески развитыми были государства так называемого «Южного конуса» — Аргентина, Бразилия, Чили и Уругвай.

Особенностями системы международных отношений в Латинской Америке были ее значительная геополитическая изоляция от Европы и Азии, а также довольно слабое развитие политических и экономических взаимоотношений между входившими в нее государствами, которые не были объединены в военно-политические союзы или экономические группировки. Среди латиноамериканских республик еще не было ни одной державы, способной взять на себя организующую роль лидера.

В состав региональной системы входили и Соединенные Штаты. Не будучи частью Латинской Америки в цивилизационном смысле, они тем не менее благодаря своей военно-политической и экономической мощи оказывали огромное влияние на международные процессы и претендовали на роль лидера Американского континента. Поэтому можно говорить о становлении к началу XX в. системы международных отношений, охватывавшей не одну только Латинскую Америку, но и все Западное полушарие.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Идеологической базой внешней политики США являлась «доктрина Монро», сформулированная американским президентом Дж. Монро в 1823 г. Она провозглашала принцип взаимного невмешательства США во внутренние дела европейских стран, а государств Европы — во внутренние дела Американского континента. Любые попытки европейских держав «навязать свою политическую систему американским государствам», а также приобрести новые колонии в Западном полушарии рассматривались Соединенными Штатами как враждебные акции и покушение на их национальную безопасность.

В XIX в. эта доктрина сыграла определенную положительную роль в деле защиты независимости молодых латиноамериканских республик.

Центральная Америка, Карибский бассейн, а также Мексика рассматривались Вашингтоном как зона его жизненно важных геополитических интересов. В начале XX в. США переходят к проведению здесь интервенционистской политики, активно вмешиваясь во внутренние дела малых государств региона. Одержав победу в войне с Испанией за Филиппины в 1898 г., Соединенные Штаты захватили и ее колонию Пуэрто-Рико, а также оккупировали Кубу, которая вела в то время освободительную войну против испанских колонизаторов. В 1902 г., после четырех лет военного правления, США предоставили Кубе фиктивную независимость на условиях включения в ее конституцию одобренной американским конгрессом «поправки Платта» (названной так по фамилии сенатора, которому принадлежало ее авторство). Согласно этой поправке, Куба, по существу, была превращена в американский протекторат. Ей запрещалось заключать договоры с другими государствами и получать иностран-

ные займы без согласия американской администрации. США могли по своему усмотрению предпринимать вооруженные интервенции на Кубу с целью «поддержания порядка и подавления волнений». В кубинской глубоководной бухте Гуантанамо была сооружена крупная американская военно-морская база, существующая и поныне. В 1903 г. на основе «поправки Платта» был подписан двусторонний Постоянный договор сроком на 30 лет.

Закрепившись в Карибском море, США бросили все силы на решение важнейшей стратегической задачи сооружения канала, который соединил бы Атлантический и Тихий океаны. В 1901 г. Великобритания, ранее соперничавшая с США в этом вопросе, признала за ними монопольное право на строительство такого канала, а также на его последующую охрану и эксплуатацию. В 1902 г. Вашингтон приобрел концессию у прогоревшей французской акционерной компании, впервые взявшейся за его сооружение в конце XIX в., и подписал с Колумбией, владевшей в то время Панамским перешейком, договор об аренде «зоны канала» — полосы земли шириной 16 км, разделившей его пополам. Однако колумбийский сенат счел, что США предложили за нее слишком низкую цену, и отказался ратифицировать договор. Тогда американцы оказали мощную поддержку местному сепаратистскому движению, и 4 ноября 1902 г. была провозглашена независимость Панамской республики. Вашингтон немедленно признал самопровозглашенное государство и предупредил Колумбию, что воспрепятствует любой ее попытке восстановить контроль над мятежной провинцией. Уже 18 ноября 1902 г. был заключен американо-панамский договор, по которому Соединенные Штаты становились гарантом независимости Панамы, получали зону канала «в вечное пользование» и могли размещать там свои войска. В панамской конституции за ними было закреплено право применения силы для «поддержания порядка» в республике. «Зона канала» разделила Панаму на две не связанные между собой части, которые долгое время даже не имели сухопутного сообщения. Рентные платежи, выплачиваемые американцами за канал панамским властям (250 тыс. долл. в год), составляли всего около 1% прибыли, получаемой ими от его эксплуатации. 15 августа 1914 г. по каналу прошло первое судно, однако из-за необходимости устранения постоянных оползней и в условиях начавшейся Первой мировой войны его официальное открытие было отложено до 12 июня 1920 г.

Отделение Панамы привело к затяжному кризису в американо-колумбийских отношениях. Они были восстановлены лишь в 1922 г. США выразили «искреннее сожаление» Колумбии в связи с потерей Панамы и выплатили ей 25 млн долл. компенсации, а также предоставили право беспошлинного пользования каналом. Колумбийская сторона в свою очередь признала независимость своей бывшей провинции.

Экспансионистская политика США в Центральной Америке получила концептуальное обоснование в период президентства Теодора Рузвельта (1901–1909 гг.). В 1904 г. он изложил в послании конгрессу свое знаменитое дополнение к «доктрине Монро».

«США могут... в вопиющих случаях дурного ведения дел или бессилия местных властей взять на себя роль международной полицейской силы... в Центральной Америке и Карибском бассейне»[1].

Т. Рузвельт, президент США в 1901–1909 гг.

Этот регион был фактически исключен им из сферы действия доктрины «открытых дверей и равных возможностей», провозглашенной в 1899 г. государственным секретарем Хэем. Широкую известность получило заявление Т. Рузвельта о том, что в отношениях с соседями «нужно выражаться мягко, но держать в руках большую дубину», после чего за его доктриной закрепилось прозвище «политика большой дубинки».

Частое использование вооруженной силы в Центральной Америке характеризовало и политику президентов У. Тафта (1909–1913 гг.) и В. Вильсона (1913–1920 гг.). При Тафте силовые методы были дополнены «дипломатией доллара», предполагавшей, что государство во внешней политике должно учитывать и отстаивать интересы американского бизнеса. На практике ее реализация привела к тому, что внешняя политика США в регионе оказалась во многом подчинена обслуживанию интересов крупного частного капитала. Так, при активной поддержке американской администрации корпорация «Юнайтед фрут», специализировавшаяся на выращивании бананов, фактически взяла под контроль экономику некоторых малых государств — Гондураса, Гватемалы, Никарагуа и др. Она бесцеремонно вмешивалась в их внутренние дела и даже организовала несколько военных переворотов, в результате чего за этими странами прочно закрепилась репутация «банановых республик».

Список вооруженных интервенций США в Центральной Америке и Карибском бассейне в первой трети XX в. более чем внушителен. В 1904, 1914, 1916–1924 гг. американские войска размещались в Доминиканской республике, в 1906–1909, 1912, 1917–1922 гг. — на Кубе, в 1905, 1907, 1911–1912 гг. — в Гондурасе, в 1918–1922 гг. — в Гватемале и Панаме. В 1915–1934 гг. они фактически оккупировали Гаити, а в 1912–1924 и 1926–1933 гг. — Никарагуа. Таким образом, из малых стран региона американского силового вмешательства избежала только Коста-Рика. Целью интервенций обычно являлась смена политических режимов и привод к власти «стабильных демократических правительств», ориентированных на Вашингтон.

Более осторожного подхода США придерживались по отношению к Мексике, где в 1910–1917 гг. происходила буржуазно-демократическая революция. Начавшись со свержения 35-летней кровавой диктатуры Порфирио Диаса, она переросла в затяжную гражданскую войну и завершилась принятием новой, весьма прогрессивной конституции. Влиятельные республиканские

[1] *Гвоздарев Б. И.* Эволюция и кризис межамериканской системы. М., 1966. С. 61.

круги призывали Вильсона к масштабному военному вмешательству в дела южного соседа, но президент, предвидя неизбежное вступление США в Первую мировую войну, не спешил втягиваться в вооруженное противостояние еще и с Мексикой, предпочтя тактику «бдительного выжидания». Вильсон не раз заявлял, что мексиканский народ имеет право на самоопределение во внутренних делах. Тем не менее американские войска все-таки дважды вторгались на мексиканскую территорию: в 1914 г. они оккупировали порт Веракрус, где местными властями была арестована группа американских моряков, а в 1916–1917 гг. отряд генерала Дж. Першинга безуспешно пытался поймать на севере Мексики полевого командира Ф. Панчо Вилью, который устроил налет на американский штат Нью-Мексико, сопровождавшийся убийством большого числа мирных граждан. И хотя Вилья пойман не был, экспедиция Першинга помогла погасить страсти и предотвратить большую американо-мексиканскую войну. После свержения диктатуры Диаса США в течение нескольких лет отказывались признать революционную власть и восстановили дипломатические отношения с Мексикой только в 1923 г.

В Южной Америке влияние Соединенных Штатов было гораздо более скромным. Преобладающие экономические и политические позиции здесь с середины XIX в. удерживала Великобритания. Американские инвестиции на юге континента к началу Первой мировой войны составляли всего 200 млн долл. против 3,9 млрд долл. британских капиталовложений. Главным партнером Вашингтона в Южной Америке была Бразилия, проводившая политику «негласного союза» с США. Оппозицию американцам традиционно возглавляла Аргентина, которая наряду с Колумбией, Парагваем, Уругваем и Чили во внешней политике ориентировалась на Лондон.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

В конце XIX в. Соединенные Штаты дополнили «доктрину Монро» концепцией панамериканизма, которая декларировала общность коренных интересов и исторических судеб США, Канады и государств Латинской Америки.

В 1889–1890 гг. в Вашингтоне была созвана Первая панамериканская конференция с участием представителей США и всех латиноамериканских стран. В дальнейшем такого рода конференции стали проводиться регулярно раз в пять лет. На IV конференции в Буэнос-Айресе (1910 г.) был учрежден Панамериканский союз как постоянно действующий консультативный орган для обсуждения межамериканских дел под председательством госсекретаря США и со штаб-квартирой в Вашингтоне. Он стал первой многосторонней межгосударственной организацией не только в Западном полушарии, но и во всем мире. Вместе с тем латиноамериканские республики, опасаясь попасть в политическую зависимость от США, отклонили предложение Вашингтона о признании «доктрины Монро» в качестве составной части их внешней политики.

14.2. Страны Латинской Америки и Первая мировая война

С началом Первой мировой войны государства Латинской Америки вслед за США провозгласили нейтралитет. Боевые действия не затронули их напрямую, но дезорганизовали морское сообщение и торговлю с Европой, особенно после того, как Германия развязала неограниченную подводную войну. Как Антанта, так и Четверной союз стремились привлечь государства Западного полушария на свою сторону. В некоторых из них — Аргентине, Бразилии, Чили — имелись влиятельные немецкие колонии и были довольно сильны прогерманские настроения, однако потопление нескольких гражданских судов немецкими подводными лодками качнуло маятник симпатий в противоположную сторону. После вступления США в войну на стороне Антанты их примеру последовали все государства Центральной Америки и Карибского моря, кроме Доминиканской республики и Сальвадора. В апреле 1917 г. войну Германии объявили наиболее тесно связанные с Вашингтоном Куба и Панама, а весной и летом 1918 г. — Гаити, Гватемала, Гондурас, Коста-Рика и Никарагуа. После потопления крупного бразильского пассажирского судна «Парана» к Антанте в октябре 1917 г. присоединилась и Бразилия.

Малые страны не принимали участия в боевых действиях, а их символический вклад в победу заключался в снабжении США продовольствием и сырьем. Бразилия взяла на себя боевое патрулирование Южной Атлантики, а также участвовала в нескольких операциях британского флота. Еще пять государств — Боливия, Доминиканская республика, Перу, Уругвай и Эквадор — разорвали с Германией дипломатические отношения. В то же время семь стран континента — Аргентина, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Парагвай, Сальвадор и Чили — сохранили нейтралитет.

Участие, пусть и очень скромное, некоторых латиноамериканских стран в войне позволило США подключить их к обсуждению проблем послевоенного урегулирования. По предложению Вильсона государства, объявившие войну Германии или разорвавшие с ней дипломатические отношения, были приглашены на Парижскую конференцию. В то же время вопросы, непосредственно их интересовавшие, на конференции почти не затрагивались. В отличие от Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона Первая мировая война не привела к смене системы международных отношений в Латинской Америке. И в межвоенный период она сохранила свою высокую степень автономности, ввиду чего может рассматриваться в качестве составной части Версальско-Вашингтонской системы лишь очень условно. В свою очередь Соединенные Штаты после ухода Вильсона и возврата к изоляционизму стремились сохранить и увеличить политическую дистанцию, отделявшую Латинскую Америку от Европы, с тем чтобы региональная международная система существовала отдельно от Версальско-Вашингтонского порядка, а не в качестве его интегральной части. Тем не менее расстановка сил в Западном полушарии в резуль-

тате войны несколько изменилась: Германия утратила свои позиции, влияние Великобритании и Франции ослабло; одновременно увеличилась роль США.

14.3. Латинская Америка и Лига Наций

Государства Латинской Америки активно поддержали создание Лиги Наций, рассчитывая, что она поможет им выйти на арену мировой политики, а также станет инструментом защиты суверенитета и интересов малых стран от посягательств великих держав. В Лиге они усматривали определенный противовес и Соединенным Штатам, надеясь использовать ее трибуну для постановки вопросов, обсуждение которых блокировалось на панамериканских конференциях.

Десять государств континента, объявившие войну Германии или разорвавшие с ней дипломатические отношения — Боливия, Бразилия, Гаити, Гватемала, Гондурас, Куба, Никарагуа, Панама, Перу и Уругвай, — подписали Версальский договор и вошли в состав учредителей Лиги Наций. Еще шесть нейтральных стран — Аргентина, Венесуэла, Колумбия, Парагвай, Сальвадор и Чили — также выразили желание стать членами Лиги и, подписав в 1919 г. ее Устав, были включены в число основателей этой международной организации. В 1920 г. в Лигу была принята Коста-Рика, а в 1924 г. — Доминиканская республика. Вне Лиги Наций долгое время оставались только Эквадор и Мексика. Последняя вступила в нее лишь в 1931 г., высказав при этом официальный протест против ст. 21 Устава, где давалась трактовка «доктрины Монро». Данная статья была включена в него Вильсоном по настоянию республиканской оппозиции. Она определяла «доктрину Монро» как «региональное соглашение, которое обеспечивает сохранение мира в Западном полушарии» и «не противоречит Уставу Лиги Наций». При помощи данной формулировки президент США стремился не допустить обсуждения в рамках Лиги проблем межамериканских отношений и не позволить европейским государствам использовать эту международную организацию для усиления своего влияния в Латинской Америке. Официальный протест против ст. 21 заявила и Аргентина. На V Панамериканской конференции в Сантьяго (1923 г.) несколько государств во главе с Колумбией попросили американскую делегацию дать официальное разъяснение «доктрины Монро». США уклонились от ответа на вопрос о том, в каких пределах «доктрина Монро» допускает выполнение ими полицейских функций в Западном полушарии, но признали, что она является не «региональным соглашением», как это записано в Уставе Лиги, а их односторонним политическим заявлением, не накладывающим никаких обязательств на латиноамериканские государства.

Наиболее активное участие в работе Лиги Наций принимала Бразилия, занимавшая в 1920–1926 гг. место непостоянного члена ее Совета. После отказа США от вступления в эту организацию она претендовала на место постоянно-

го члена Совета как наиболее крупное и сильное из государств, представлявших в ней Американский континент. Эти амбициозные притязания не были поддержаны не только европейскими державами, но и многими латиноамериканскими странами, и в 1926 г. Бразилия в знак протеста вышла из Лиги Наций.

Поскольку в 1920-е годы Лига практически не занималась проблемами Латинской Америки, ее авторитет здесь стал падать. В 1921 г. Перу и Боливия перестали участвовать в работе Лиги из-за того, что она отказалась рассматривать существовавший между ними территориальный спор о принадлежности областей Такна и Арика. В 1920 г. Аргентина, известная своими пронемецкими симпатиями, выступила с предложением принять Германию в Лигу Наций, мотивировав его тем, что политический режим Веймарской республики не несет ответственности за развязывание Первой мировой войны. Однако Ассамблея Лиги отказалась даже внести этот вопрос в повестку дня, после чего Аргентина приостановила свое участие в этой организации вплоть до 1933 г. В 1925 г. из Лиги вышла Коста-Рика.

В 1930-е годы и без того скромная роль Лиги Наций в Новом свете продолжала падать. Ее посредничество в боливийско-парагвайской войне 1932–1935 гг. фактически закончилось провалом. В то же время ей удалось внести конструктивный вклад в урегулирование вооруженного конфликта 1932–1933 гг. между Перу и Колумбией, после чего в сентябре 1934 г. в Лигу Наций вступил Эквадор, имевший территориальные споры с обоими этими государствами и рассчитывавший на ее миротворческую помощь.

Неспособность Лиги противостоять распаду Версальско-Вашингтонского порядка во второй половине 1930-х годов окончательно убедила государства Латинской Америки в ее непригодности для решения проблем континента. В 1935 г. из Лиги Наций вышел Парагвай, в 1936 г. — Гватемала, Гондурас и Никарагуа, в 1937 г. — Сальвадор, в 1938 г. — Чили и Венесуэла, в 1939 г. — Перу. Остальные страны, формально оставаясь в ее составе, перестали участвовать в работе ее основных органов.

14.4. Панамериканский процесс в 1920-е годы

Вернувшись к «доктрине Монро», республиканская администрация США попыталась придать новый импульс развитию панамериканского процесса. В 1923 г. после длительного перерыва, вызванного Первой мировой войной, в Сантьяго состоялась V Панамериканская конференция (первоначально она намечалась на 1915 г.). В ней приняли участие 18 из 21 государства континента (Боливия и Перу бойкотировали встречу из-за нерешенности их территориального спора с Чили, а революционное левое правительство Мексики — в знак протеста против диктата США в Панамериканском союзе). На конференции по инициативе министра иностранных дел Парагвая М. Гондра был заключен договор о предотвращении конфликтов между американскими государствами.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

«Договор Гондра» устанавливал специальную арбитражную процедуру: любые споры, которые не удавалось разрешить путем прямых переговоров заинтересованных сторон, должны были передаваться на рассмотрение комиссии из пяти американских государств. Эта комиссия, состав которой определялся в каждом конкретном случае, принимала окончательное решение.

Международный арбитраж не был новым явлением для Латинской Америки. Еще в конце XIX в. с его помощью был урегулирован целый ряд территориальных споров, а в 1915 г. Аргентина, Бразилия и Чили подписали трехсторонний договор, который предусматривал разрешение любых конфликтов между этими странами посредством арбитража. США поддержали «договор Гондра», так как он ограничивал роль и влияние Лиги Наций, исключая возможность участия неамериканских государств в третейском разбирательстве. Договор был подписан пятнадцатью странами; впоследствии к нему присоединились еще пять государств. Четыре страны, в том числе Аргентина, впоследствии договор не ратифицировали, усмотрев в нем посягательство на свой суверенитет. Арбитражная процедура, установленная в «договоре Гондра», применялась в 1930-е годы в ходе мирного урегулирования двух войн: Боливии с Парагваем и Перу с Колумбией. В то же время чилийско-перуанский территориальный спор вокруг провинций Такна и Арика хотя и был разрешен с помощью арбитражной процедуры, но в обход «договора Гондра». В данном случае в роли арбитра выступил президент США К. Кулидж, предложивший организовать в спорных областях референдум. Чили уклонилась от его проведения и в 1929 г. заявила о своем согласии передать Такну Перу, оставив себе Арику, и даже выделить коридор к Тихому океану для Боливии. Перу в целом приняла этот план, после чего в 1929 г. дипломатические отношения между двумя странами были восстановлены. Вместе с тем из-за противодействия перуанской стороны Боливия выхода к океану так и не получила; ей лишь было предоставлено право эксплуатации ведущей к океану железной дороги.

На конференции в Сантьяго проявилась озабоченность ряда государств возвращением США к «доктрине Монро». В отказе Вашингтона от участия в Лиге Наций они не без оснований усматривали его стремление сохранить свободу рук для новых интервенций в Центральной Америке. Поэтому большой резонанс вызвало предложение Уругвая о преобразовании Панамериканского союза в континентальную Лигу Наций, которая основывалась бы на принципах равноправия и уважения суверенитета всех ее участников, ограждая их не только от агрессии извне, но и от «империалистических тенденций в собственной среде». Однако Соединенные Штаты, заручившись голосами

зависимых от них малых центральноамериканских государств, заблокировали этот проект. По их инициативе в 1923 г., вскоре после форума в Сантьяго, пять республик Центральной Америки подписали в Вашингтоне договор о мире и дружбе, в котором был зафиксирован принцип непризнания правительств, пришедших к власти революционным путем. США выступили в роли гаранта этого договора и были наделены правом вмешательства в дела подписавших его стран «во имя сохранения мира и порядка».

Проблема «права на интервенцию» и пределов допустимого вмешательства во внутренние дела заняла центральное место на VI конференции Панамериканского союза, состоявшейся в 1928 г. в Гаване. Она проходила на фоне американской вооруженной интервенции в Никарагуа, вызвавшей новый всплеск антиамериканских настроений. Вмешавшись в 1926 г. в идущую в этой стране гражданскую войну, Соединенные Штаты столкнулись с сильным повстанческим движением, возглавляемым популярным полевым командиром А. Сандино. Его отряды развернули против 12-тысячного американского корпуса настоящую партизанскую войну, длившуюся более шести лет. Несколько государств региона выступили с протестом против действий американцев, а Мексика предоставила сандинистам военную и финансовую помощь. На фоне этих драматических событий обещание прибывшего в Гавану Кулиджа уважать суверенитет малых стран было встречено с явным недоверием. Сальвадор предложил принять специальную резолюцию, запрещавшую американским государствам вмешиваться во внутренние дела друг друга. Его инициативу поддержали Аргентина, Мексика, Колумбия и некоторые другие страны, но она все же не набрала большинства голосов. Возражая против ее принятия, американский представитель Юз предложил «отличать простую интервенцию от дружественной».

> «Дружественная интервенция... предпринимается для защиты демократии, восстановления порядка и стабильности там, где они находятся под угрозой»[1].
>
> *Ч. Юз, американский дипломат, государственный секретарь США в 1921–1925 гг.*

С Юзом солидаризовались и некоторые латиноамериканские страны, посчитавшие, что иностранная интервенция допустима для подавления революций.

В Гаване был принят Устав Панамериканского союза. В нем была определена сфера компетенции этой организации: развитие экономического сотрудничества, проведение политических консультаций и обмен информацией. В Уставе не нашел отражения принцип невмешательства во внутренние дела. В развитие «договора Гондра» на конференции по инициативе США была так-

[1] История Латинской Америки, 1918–1945 гг. / Отв. ред. Н. П. Калмыков. М., 2001. С. 425.

же принята резолюция об обязательном характере арбитражного разбирательства межгосударственных споров. Она была призвана повысить значение Панамериканского союза как альтернативы Лиги Наций.

В 1920-е годы американцам удалось значительно укрепить свое экономическое влияние в Латинской Америке — их инвестиции в ее экономику выросли в 4,5 раза и сравнялись с британскими. В то же время политические позиции Вашингтона в регионе заметно пошатнулись: авторитет и доверие к Соединенным Штатам были подорваны их многочисленными вооруженными интервенциями. Новый президент Г. Гувер, совершавший в 1929 г. большую поездку по Латинской Америке, столкнулся с необычно холодным приемом (в Аргентине на него даже было совершено покушение). «Никогда еще у США не было так мало друзей в Западном полушарии, как сейчас», — констатировал в 1929 г. Ф. Рузвельт, претендент на президентский пост от Демократической партии.

14.5. Переход США к политике «доброго соседа»

Мировой экономический кризис, разразившийся на рубеже 1920–1930-х годов, больно ударил по латиноамериканским странам. Их валовой внутренний продукт уменьшился почти в два раза, а объем внешней торговли — в три раза. Бразилия, Боливия, Перу, Уругвай и Чили объявили дефолт (финансовое банкротство), а еще несколько государств ввели частичный мораторий на выплату иностранных долгов. Кризис нанес огромный ущерб и межамериканским связям. В 1930-е годы объем торговли США с Латинской Америкой уменьшился в четыре раза, а инвестиции сократились на 40%.

Пришедший в Белый дом на пике Великой депрессии новый президент США Ф. Рузвельт был убежден, что традиционная политика силового вмешательства, проводимая республиканцами в 1920-е годы, устарела и доказала свою неэффективность: попытки насаждения демократии в «банановых республиках» с помощью морской пехоты лишь провоцировали дальнейший рост антиамериканских настроений. В марте 1933 г. в своей инаугурационной речи Рузвельт провозгласил начало «новой эры» в отношениях с Латинской Америкой и переход США к политике «доброго соседа».

> «Добрый сосед... это такой сосед, который уважает права других и святость заключенных соглашений»[1].
>
> *Ф. Д. Рузвельт, президент США в 1933—1945 гг.*

Разъясняя позже этот тезис, он заявил, что США отказываются от практики произвольного вмешательства в дела других американских государств и их политика отныне «будет несовместима с интервенцией». Не отвергая полно-

[1] Латинская Америка в международных отношениях: В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 146.

стью силовые методы, Рузвельт подчеркнул, что любые интервенции должны иметь панамериканский мандат и носить коллективный характер: «руку помощи нужно протягивать от имени всей Америки».

Политика «доброго соседа» стала центральной темой обсуждения на VII Панамериканской конференции, состоявшейся в декабре 1933 г. в Монтевидео. За три месяца до ее открытия Аргентина, Бразилия, Мексика, Чили, Парагвай и Уругвай по инициативе аргентинского министра иностранных дел Сааведра Ламаса подписали Южноамериканский антивоенный договор («пакт Сааведра Ламаса»). Все его участники обязались «никогда не прибегать к вооруженной или дипломатической интервенции» друг против друга. На форуме в Монтевидео Соединенным Штатам было предложено присоединиться к этому договору. Глава американской делегации государственный секретарь К. Хэлл, подтвердив приверженность новой демократической администрации политике «доброго соседа», ответил согласием. «Пакт Сааведра Ламаса» был включен в Заключительный акт конференции, подписанный всеми ее участниками. К 1936 г. он был ратифицирован США и всеми странами Латинской Америки, после чего вступил в силу. Впоследствии к нему присоединился и ряд европейских стран.

По предложению Кубы и Гаити на конференции в Монтевидео была также подписана Конвенция о правах и обязанностях государств — своего рода панамериканский «кодекс поведения». В нее была включена статья 8 о невмешательстве американских государств во внутренние дела друг друга. Таким образом, принцип отказа от интервенций, выдвинутый Рузвельтом, превратился из односторонней политической декларации США в их международно-правовое обязательство в рамках латиноамериканской системы международных отношений.

Практическим следствием политики «доброго соседа» стал пересмотр отношений США с рядом соседних стран: Кубой, Гаити, Никарагуа, Панамой. На Кубе администрация Рузвельта отказалась от проводимого республиканцами курса на безусловную поддержку правившего здесь с 1925 г. диктатора Мачадо, который установил на острове один из самых жестоких режимов в истории Латинской Америки. Назначенный послом в Гавану друг Рузвельта С. Уэллес принялся настойчиво убеждать Мачадо подать в отставку. Поскольку диктатор упорствовал и даже потребовал высылки американского посла, Уэллес обратился за помощью к кубинской армии. В августе 1933 г. на острове вспыхнула революция; за всеобщей стачкой последовал военный переворот. Мачадо бежал из страны. Однако революция 1933–1935 гг. не внесла принципиальных изменений в жизнь Кубы. На смену режиму Мачадо пришло хотя и менее одиозное, но все же авторитарное и коррумпированное правительство. В мае 1934 г. новыми властями был подписан американо-кубинский договор, отменивший «поправку Платта». США отказались от «права на интервенцию» и признали, чтобы Куба может заключать договоры с другими странами без их согласия. Американский протекторат над Кубой был отменен.

В ноябре 1934 г. войска США были выведены с Гаити, который фактически был оккупирован ими с 1915 г. За это время американцам так и не удалось создать на этом острове стабильное демократическое правительство.

В январе 1933 г., несмотря на сохранявшуюся угрозу победы сандинистов, американский экспедиционный корпус по приказу Рузвельта покинул Никарагуа. В 1934 г., уже без прямого военного участия США, повстанческое движение было разгромлено правительственными силами, а Сандино убит. В 1936 г. к власти в Никарагуа пришел диктатор А. Сомоса, сделавший во внешней политике беспроигрышную ставку на Вашингтон, что не раз давало ему индульгенцию в беспощадной борьбе с политическими противниками.

«Сомоса, конечно, сукин сын. Но это все же наш сукин сын!»

Ф. Д. Рузвельт, президент США

Такая оценка, бесспорно, могла бы подойти и ко многим другим латиноамериканским правителям. Клан Сомосы оставался у власти в Никарагуа вплоть до 1979 г.

В рамках политики «доброго соседа» значительные сдвиги произошли в отношениях США и Панамы. В 1934 г. эту страну с официальным визитом посетил Рузвельт, а в 1936 г. после сложных переговоров был наконец подписан новый двусторонний договор, заменивший кабальное соглашение 1903 г. США формально отказались от роли «гаранта независимости и свободы Панамы» и вытекавшего из нее «права на интервенцию». Они увеличили ежегодные рентные платежи за использование «зоны канала», а также согласились на создание проходящего через нее сухопутного коридора, соединившего обе части Панамы. Новый договор подвергся резким нападкам со стороны республиканской оппозиции. Конгресс ратифицировал его только в 1939 г., сделав при этом оговорку, согласно которой США оставляли за собой право использовать войска «для защиты зоны канала при чрезвычайных обстоятельствах» без консультаций с панамским правительством.

Непростым испытанием для политики «доброго соседа» явился кризис 1938 г. в отношениях США и Мексики. Он разразился после того, как левое правительство президента Л. Карденаса, развернувшее борьбу с экономической олигархией, приняло решение о национализации собственности 14 американских и англо-голландских нефтяных компаний. Администрация Рузвельта проигнорировала призывы республиканцев к силовому вмешательству и признала право Мексики на национализацию при условии выплаты денежной компенсации бывшим собственникам. Это решение, больше, чем любое другое, помогло изменить к лучшему восприятие США в латиноамериканских обществах. Великобритания, напротив, отказалась последовать примеру Вашингтона, после чего Мексика разорвала с ней дипломатические отношения. Вслед за Мексикой целый ряд других государств — Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Перу, Чили — принял законы, ограничивающие

или запрещающие участие иностранного капитала в национальной нефтяной промышленности.

Подводя итоги перестройки отношений с американскими государствами на более равноправных началах, администрация Рузвельта официально отказалась от роли гаранта многостороннего договора 1923 г. о мире и дружбе со странами Центральной Америки, который предусматривал непризнание правительств, пришедших к власти революционным путем.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

В целом политика «доброго соседа» привела к заметным позитивным сдвигам в межамериканских отношениях. Она помогла восстановить доверие латиноамериканских стран к США и подготовила почву для их совместных действий в период Второй мировой войны.

14.6. Чакская война

Мировой экономический кризис привел к обострению политических и территориальных противоречий между латиноамериканскими государствами. Некоторые из них поддались соблазну попытаться преодолеть его на путях «маленьких победоносных войн». В 1932–1935 гг. произошла война между Боливией и Парагваем, ставшая самой тяжелой и кровопролитной в истории континента в XX в. Ее причиной явился территориальный спор вокруг труднодоступной и безлюдной области Чако. Граница в этом районе не была демаркирована со времен конкистадоров, однако долгое время ни Боливия, ни Парагвай не проявляли к Чако особого интереса, и пограничный спор между ними, тянувшийся с момента обретения независимости, был довольно вялым. Неожиданную остроту он приобрел лишь в конце 1920-х годов, когда на границе с боливийским Чако американской компанией «Стандард ойл» была найдена нефть. Экспортировать ее можно было только в восточном направлении — по рекам Парагвай и Ла-Плата к Атлантическому океану. Путь на запад преграждали вершины Анд; к тому же в 1929 г. при окончательном урегулировании уже упоминавшейся «проблемы Такны—Арики» Боливия так и не получила выхода к Тихому океану. Боливийское правительство, рассчитывавшее на крупные доходы от нефти, в ультимативной форме потребовало от Парагвая уступки всего Чако вплоть до парагвайской столицы Асунсьона. За этим последовал разрыв дипломатических отношений, а на границе между двумя странами начались вооруженные столкновения.

Для урегулирования конфликта в соответствии с «договором Гондра» была создана межамериканская арбитражная комиссия с участием представителей США, Колумбии, Мексики и Уругвая, однако все предложенные ею компромиссные проекты, хотя и получили поддержку Парагвая, были отвергнуты Боливией. В июне 1932 г. основные силы боливийской армии вторглись в Чако,

где развернулись ожесточенные бои. Превосходя Парагвай более чем в два раза по численности населения, экономическому и военному потенциалу, Боливия взяла курс на разрешение конфликта силой оружия, рассчитывая на скорую и легкую победу. Однако парагвайцы оказали противнику упорное сопротивление, и война приобрела затяжной характер. Интересно отметить, что в составе парагвайской армии сражалась большая группа русских офицеров-добровольцев во главе с генерал-майором И. Т. Беляевым, возглавившим ее Генеральный штаб.

Оба воюющих государства обратились с жалобами не в Панамериканский союз, а в Лигу Наций, требуя применения экономических и военных санкций друг против друга в соответствии со статьей 16 ее Устава (в Панамериканском союзе такого рода меры не предусматривались). Однако Совет Лиги после длительной дискуссии так и не смог установить агрессора. Направленная в район военных действий комиссия по установлению фактов (созданная по примеру комиссии Литтона, посетившей в 1932 г. Маньчжурию) тоже не добилась никаких результатов.

Во внешней политике Парагвай ориентировался на Великобританию и Аргентину, а Боливия — на Соединенные Штаты. У этих и некоторых других держав противоборствующие стороны имели возможность покупать оружие, что не могло не вести к разрастанию конфликта. В ноябре 1933 г. Чрезвычайная сессия Ассамблеи Лиги Наций по предложению Лондона ввела наконец эмбарго на поставки вооружений обоим воюющим государствам; ее примеру последовали США. Однако, поскольку эмбарго носило рекомендательный характер и к нему присоединилось лишь около половины государств — членов Лиги, оружие продолжало в больших количествах поступать в район конфликта. Ассамблея также предложила противоборствующим сторонам мирный план, основанный на возвращении к довоенному статус-кво. Он был принят Боливией, но отвергнут Парагваем, которому на том этапе удалось добиться крупных военных успехов. В результате эмбарго на поставки оружия Боливии было снято, после чего оскорбленный Парагвай в феврале 1935 г. вышел из Лиги Наций.

Ввиду очевидного провала миротворческих усилий Лиги инициатива в деле мирного урегулирования перешла к Панамериканскому союзу во главе с США, которые с самого начала не поддерживали обращение воюющих стран к Лиге за арбитражем. В апреле 1935 г. Боливия и Парагвай, до предела истощенные трехлетней войной, согласились наконец на посредничество комиссии из шести американских государств, в состав которой вошли США, Аргентина, Бразилия, Перу, Чили и Уругвай. Парагвай к этому времени взял под контроль большую часть Чако, однако, понеся громадные потери, был не в состоянии перенести боевые действия на территорию Боливии и одержать окончательную победу. В октябре 1935 г. было подписано перемирие, а в 1935–1938 гг. в Буэнос-Айресе прошла международная конференция, на которой был подготовлен и заключен мирный договор. Боливийско-парагвайская граница

была установлена арбитражным решением президентов государств, вошедших в «комиссию шести». Почти три четверти Чако отошли к Парагваю, но нефтеносный район остался за Боливией. Такое решение отражало итоги войны, закончившейся с заметным перевесом в пользу Парагвая. В кровавой бойне погибли 60 тыс. боливийцев и 50 тыс. парагвайцев — огромные потери для двух небольших государств, общая численность населения которых не превышала 4 млн человек. В Боливии военное поражение вызвало рост антиамериканских настроений, и в 1938 г. ее правительство, следуя примеру Мексики, национализировало собственность американской корпорации «Стандард ойл».

Чакская война нанесла ущерб престижу Лиги Наций и Великобритании в Латинской Америке и укрепила политические позиции США, выступивших в роли главного арбитра в мирном урегулировании этого конфликта.

14.7. Война в «трапеции Летисии»

В 1932 г. наряду с боливийско-парагвайским конфликтом в Южной Америке вспыхнула еще одна война — между Перу и Колумбией. Ее причиной стал территориальный спор вокруг так называемой «трапеции Летисии», где сходились границы Перу, Колумбии и Бразилии. Летисия — небольшой колумбийский порт на Амазонке, насчитывавший всего несколько сот жителей, — была единственным населенным пунктом в этом отдаленном и безлюдном районе.

1 сентября 1932 г. группа вооруженных перуанцев захватила Летисию и объявила о ее присоединении к Перу. Несмотря на то что между Колумбией и Перу еще в 1923 г. был подписан договор об окончательном установлении границ, перуанский диктатор Л. Санчес Серро поддержал действия боевиков и предъявил свои претензии на эту область. Он заявил, что пограничный договор 1923 г. является неправомочным, так как был навязан Перу американцами, которые стремились таким способом компенсировать Колумбии потерю Панамы. Поскольку Колумбия, лишившись Летисии, теряла бы единственный выход к Амазонке, уступать она не собиралась. В феврале 1933 г. между двумя государствами началась полномасштабная война, длившаяся девять месяцев. Колумбия подала жалобу в Лигу Наций, а ее армии удалось одержать несколько побед. В разгар боевых действий глава перуанской хунты Санчес Серро был убит, а новое гражданское правительство взяло курс на мирное урегулирование, согласившись принять посредничество Лиги Наций. В ноябре 1933 г. было заключено перемирие, а Летисия передана под управление Консультативной комиссии Лиги сроком на один год. В Рио-де-Жанейро при активном участии бразильской дипломатии и под эгидой Лиги Наций открылись переговоры, завершившиеся подписанием в мае 1934 г. мирного договора («протокола Рио»). Перу принесла извинения Колумбии и отказалась от притязаний на Летисию.

Соединенные Штаты поддержали в этом конфликте Колумбию, однако не стали вмешиваться в него напрямую и не возражали против миротворческих усилий Лиги Наций, которые на сей раз оказались весьма успешными.

14.8. Германская экспансия и рост фашистской угрозы в Латинской Америке в 1930–е годы

Еще одним фактором нестабильности на континенте в 1930-е годы стала политическая и экономическая экспансия нацистской Германии.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

В глобальной стратегии Гитлера Латинской Америке отводилось заметное место. Она рассматривалась как один из главных источников сырья, в котором нуждался рейх, «пока он еще лишен колоний», а в более отдаленном будущем — как плацдарм для войны против США.

В основе всех этих планов лежала концепция «мирного проникновения» в латиноамериканские страны путем создания в них мощной «пятой колонны». Из 1,3 млн немецких эмигрантов на континенте 800 тыс. проживало в Бразилии, около 300 тыс. — в Аргентине и около 100 тыс. — в Чили. Именно эти государства нацисты стремились превратить в свои опорные пункты в Западном полушарии. В 1935 г. германские миссии в них были преобразованы в посольства; была также создана разветвленная сеть немецких консульств (30 — в Бразилии, 17 — в Чили, 14 — в Аргентине). Германские колонии в государствах «Южного конуса» были повсеместно заражены нацистской идеологией; десятки тысяч местных «фольксдойче» вступили в заграничную организацию НСДАП и штурмовые отряды. Широкий размах приобрела нацистская пропаганда, умело игравшая как на антикоммунистических, так и на антиамериканских настроениях среди местного населения и правящей элиты. Практически во всех латиноамериканских странах появились экстремистские партии и группы, копировавшие программы и методы европейского фашизма. Значительные масштабы приняло и экономическое проникновение Германии в Южную Америку: к 1939 г. объем ее прямых инвестиций достиг 1 млрд долл. и почти сравнялся с американским.

Поначалу правые консервативные правительства Аргентины, Бразилии и Чили не испытывали особого беспокойства по поводу активизации Третьего рейха и стремились поддерживать с ним дружественные отношения. В 1937 г. они вели переговоры с Берлином о присоединении к Антикоминтерновскому пакту, а также поддержали интервенцию держав «оси» в Испании и одними из первых признали правительство Франко. В Центральной Америке базой германского влияния стал Сальвадор, который подписал Антикоминтерновский пакт, вторым в мире признал де-юре правительство Франко и вторым (после Японии) — Маньчжоу-Го. Единственным государством в Латинской Америке, решительно осудившим германо-итальянскую интервенцию в Испании, стала Мексика. Она поставляла оружие республиканцам, а после победы мятежников дала политическое убежище десяткам тысяч беженцев и республиканско-

му правительству в изгнании, отказываясь признавать режим Франко вплоть до смерти каудильо в 1975 г.

Перелом в восприятии Германии произошел на континенте после того, как в Бразилии в мае 1938 г. профашистская партия «Бразильское интегралистское действие», в которой состояли тысячи местных немцев, организовала мятеж, в ходе которого едва не погиб президент Варгас. Обвинив Берлин в причастности к неудавшемуся путчу, Бразилия объявила германского посла персоной нон-грата, распустила интегралистскую партию и запретила нацистскую пропаганду. В 1938 г. ряд мер по ограничению деятельности нацистов предприняла Аргентина, а также Чили, где к власти пришло правительство Народного фронта (1938–1941 гг.), объединившее все левые силы, включая коммунистов. В 1939 г. Риббентроп был вынужден признать, что германские позиции в Западном полушарии оказались серьезно подорваны.

14.9. Панамериканские конференции в Буэнос-Айресе и Лиме. Латинская Америка и начало Второй мировой войны

Нарастание политической нестабильности в Латинской Америке в середине 1930-х годов, происходившее на фоне кризиса и распада Версальско-Вашингтонского порядка, вызывало серьезную обеспокоенность Соединенных Штатов.

> «Рузвельт отчетливо видел, что, если разразится всеобщий мировой конфликт, межамериканские связи могут оказаться недостаточно прочными, чтобы выдержать напряжение новой мировой войны... и прилагал все усилия для укрепления межамериканских отношений».
>
> *С. Уэллес, заместитель государственного секретаря США*

По настоянию президента действие законов о нейтралитете 1935 г. не было распространено на случаи агрессии неамериканских государств против стран Латинской Америки. В январе 1936 г. Рузвельт обратился с посланием к руководителям всех стран континента, в котором предложил созвать специальную конференцию с целью рассмотрения «вопросов общей ответственности» американских республик по поддержанию мира. Эта инициатива получила повсеместное одобрение, что свидетельствовало о бесспорном улучшении межамериканских отношений и росте доверия к США в результате проведения ими политики «доброго соседа».

Чрезвычайная панамериканская конференция по поддержанию мира состоялась в Буэнос-Айресе в декабре 1936 г. Рузвельт лично прибыл в аргентинскую столицу, чтобы добиться принятия нужных США решений. В своей речи на открытии этого форума он предложил создать «систему коллективной

защиты Западного полушария» и с этой целью учредить Постоянный консультативный комитет по разрешению внутриамериканских конфликтов, а также создать механизм консультаций между США и Латинской Америкой на случай угрозы агрессии извне. Эти далекоидущие проекты ему удалось реализовать лишь частично. Американская сторона столкнулась с сопротивлением Аргентины, Боливии и Чили, которые не хотели слишком тесного сближения с Вашингтоном и разрыва отношений с державами оси. В результате в Буэнос-Айресе был принят компромиссный документ — конвенция «О сохранении, укреплении и восстановлении мира». Она предусматривала проведение консультаций как в случае вооруженного конфликта между американскими государствами, так и при возникновении за пределами континента крупной войны, которая угрожала бы миру в Западном полушарии. В последнем случае США и латиноамериканские страны должны были разрабатывать и осуществлять совместные действия в защиту мира. В конвенции подчеркивалось, что «угроза безопасности одного американского государства означает угрозу всем остальным американским государствам», а нападение на одну из республик со стороны какого-либо неамериканского государства «одинаково опасно для всех стран региона». Таким образом, Соединенным Штатам впервые удалось добиться утверждения в рамках Панамериканского союза принципа коллективной безопасности. Со своей стороны они согласились пойти навстречу требованиям некоторых латиноамериканских стран, опасавшихся за свой суверенитет, и подписали Протокол против интервенции, в котором вновь подтверждалось обязательство всех государств континента придерживаться принципа невмешательства во внутреннюю и внешнюю политику друг друга.

На очередной, VIII Панамериканской конференции, состоявшейся в декабре 1938 г. в Лиме, концепция коллективной безопасности в Западном полушарии приобрела более ясные очертания. По инициативе Бразилии на конференции была одобрена Декларация принципов американской солидарности. Отмечая «сходство республиканских институтов американских государств» и их «абсолютную суверенность», она подчеркивала общую приверженность принципу «континентальной солидарности», под которым понималось активное участие США в обеспечении международной безопасности в Латинской Америке. В случае возникновения угрозы суверенитету и территориальной целостности любого участника Панамериканского союза предусматривался созыв совещания министров иностранных дел, которое разработало бы адекватные меры противодействия такого рода угрозе. По оценке К. Хэлла, с этого момента «защита полушария стала обязанностью всех американских республик».

США выступили на Лимской конференции с инициативой заключения специального соглашения о совместных действиях против фашистской агрессии. Поддержанное Мексикой, Венесуэлой и Колумбией, это предложение

натолкнулось на сопротивление группы стран во главе с Аргентиной. Тем не менее в резолюциях «Об иностранных меньшинствах» и «О политической деятельности иностранцев» всем государствам Латинской Америки рекомендовалось принять законы, направленные на пресечение подрывной деятельности держав «оси».

В ходе конференции Куба внесла проект резолюции о необходимости посреднических усилий в деле прекращения гражданской войны в Испании, однако он не был принят, поскольку не набрал большинства голосов.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Таким образом, в конце 1930-х годов администрации Рузвельта удалось существенно укрепить Панамериканский союз, начав процесс его трансформации из аморфной консультативной структуры в политический альянс, основанный на лидерстве Соединенных Штатов. Эти перемены стали ответом американских государств на кризис Версальско-Вашингтонского порядка и усиление фашистской угрозы в мире, а также свидетельствовали о бесспорном росте авторитета США вследствие проведения ими политики «доброго соседа».

С началом Второй мировой войны все страны Латинской Америки, как и Соединенные Штаты, провозгласили нейтралитет. 23 сентября — 5 октября 1939 г. в соответствии с решениями Лимской встречи в Панаме прошло I консультативное совещание министров иностранных дел американских государств. На нем была принята Декларация о нейтралитете, предусматривавшая ряд мер по недопущению вмешательства держав «оси» в дела Западного полушария. Кроме того, на нем была одобрена Декларация о создании вокруг Американского континента зоны безопасности. Она объявляла 300-мильную морскую акваторию вокруг всего побережья Америки, исключая Канаду, «континентальным морем», которое должно было патрулироваться судами и самолетами американских государств с целью недопущения ведения боевых действий в его пределах. Появление военных кораблей и самолетов воюющих сторон в этом районе запрещалось.

С первых дней войны нейтралитет большинства американских государств носил отчетливо антигерманский характер. Решения Панамериканских конференций конца 1930-х годов во многом подготовили последующее вступление стран Латинской Америки во Вторую мировую войну на стороне антигитлеровской коалиции.

14.10. Советский Союз и государства Латинской Америки

Октябрьская революция 1917 г. встретила живой отклик в Латинской Америке. Коммунистическая идеология имела благоприятные перспективы для

распространения в латиноамериканских обществах, которые могли служить классической иллюстрацией марксистских схем, отличаясь огромной пропастью между богатыми и бедными, ожесточенной классовой борьбой, переворотами и гражданскими войнами. В 1920-е — начале 1930-х годов в 16 из 20 стран региона, в том числе Аргентине, Бразилии и Мексике, были созданы коммунистические партии. Почти все они были приняты в Коминтерн, который стал главным инструментом советского проникновения в Латинскую Америку. В то же время правые авторитарные режимы, стоявшие у власти в большинстве государств континента, рассматривали Коминтерн как опасный дестабилизирующий фактор и не желали устанавливать дипломатические отношения с Советским Союзом, стремясь ограничить до минимума его присутствие на своей территории. Местным компартиям, как правило, приходилось работать в глубоком подполье.

Влияние СССР в Латинской Америке в межвоенный период было невелико. В списке его внешнеполитических приоритетов этот далекий континент занимал одно из последних мест. После прихода к власти большевиков все американские государства разорвали дипломатические отношения с Советской Россией, и в 1918 г. дипломатические миссии и консульства Аргентины, Бразилии, Боливии, Мексики, Кубы, Коста-Рики, Панамы, Перу, Уругвая и Чили отбыли из Петрограда на родину.

Первой из латиноамериканских стран Советский Союз в 1924 г. признала де-юре Мексика, где у власти находилось левое революционное правительство. В 1926 г. СССР был признан Уругваем, но обмена дипломатическими миссиями не произошло, поэтому Мексика еще длительное время оставалась, по определению Чичерина, «единственной советской политической базой» на континенте. В 1921 г. были налажены торговые отношения между Советской Россией и Аргентиной, где власть в то время принадлежала леволиберальному правительству И. Иригойена. Вскоре Аргентина превратилась в главного советского торгового партнера в регионе, а в Буэнос-Айресе в 1925 г. открылось отделение «Амторга», преобразованное в 1927 г. в «Южамторг» — акционерное общество по развитию торговли с Южной Америкой. Его филиалы были созданы в Бразилии, Парагвае, Уругвае и Чили. Наряду с ведением коммерческих операций «Южамторг» служил базой и прикрытием для нелегальной работы Коминтерна.

В 1930-е годы позиции СССР в Латинской Америке были во многом утрачены. В 1930 г. Мексика разорвала дипломатические отношения с Москвой, обвинив ее во вмешательстве в свои внутренние дела. В августе 1931 г. аргентинская полиция совершила налет на штаб-квартиру «Южамторга» и арестовала 160 его служащих. Советская торговля с Аргентиной прекратилась. Лишившись главного опорного пункта на юге континента, СССР попытался перенести его в Уругвай, предложив последнему обменяться дипломатическими миссиями. Советское полпредство в Монтевидео было открыто в 1934 г.,

но уже в декабре 1935 г. Уругвай разорвал отношения с Советским Союзом. Причиной этого решения послужили драматические события в соседней Бразилии. В ноябре 1935 г. в городах Рио-де-Жанейро, Ресифи и Натале произошло вооруженное восстание, организованное Национально-освободительным альянсом, в котором ведущую роль играли бразильские коммунисты. Восставшие протестовали в первую очередь против терпимого отношения властей к местному движению «интегралистов», выступавших за создание в Бразилии фашистского «корпоративного государства» по итальянской модели. Коминтерн поддержал выступление бразильской компартии. После подавления восстания Бразилия обвинила советскую сторону в причастности к его подготовке и обратилась к Уругваю с требованием закрыть советское полпредство, которое было удовлетворено. В 1935 г. Аргентина, Бразилия и Уругвай заключили специальное соглашение о совместной борьбе против «коммунистической угрозы». В 1936 г. был закрыт «Южамторг».

В 1935 г. Колумбия после избрания ее президентом левого либерала А. Лопеса установила дипломатические отношения с Советским Союзом, однако отказалась обмениваться с ним посольствами. К середине 1930-х годов у СССР не осталось ни одного официального представительства в Латинской Америке. Серьезно осложнились и отношения между Коминтерном и некоторыми латиноамериканскими компартиями, где было сильно влияние леворадикального, «троцкистского» крыла (сам Троцкий в январе 1937 г. получил политическое убежище в Мексике). Таким образом, к началу Второй мировой войны влияние СССР в Латинской Америке было сведено к минимуму.

Литература

Основная

История Латинской Америки. 1918–1945 гг. / РАН. Ин-т всеобщ. истории; Редкол.: Н. П. Калмыков (отв. ред.) и др. М., 1999. Гл. 18.

История США: Хрестоматия / Сост. Э. А. Иванян. М.: Дрофа, 2005. С. 158–162, 173–179.

Латинская Америка в международных отношениях XX века: В 2 т. М.: Наука, 1988. Т. 1.

Мартынов Б. Ф. История международных отношений стран Латинской Америки (XX — начало XXI века). М.: Навона, 2008. Гл. 1–2.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том первый. События. 1918–1945. М.: Моск. рабочий, 2000. Гл. 8, 13.

Хрестоматия по истории международных отношений / Сост. В. И. Киселева, Л. Е. Кертман и др. Вып. 1. Европа и Америка. М.: Высш. школа, 1963. С. 119–120, 284–306.

Хрестоматия по Новейшей истории. Документы и материалы / Сост. М. С. Альперович, В. И. Антюхина-Московченко и др. Т. 1. 1917–1939. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 528–529, 562, 576–577.

Дополнительная

Мартынов Б. Ф. Парагвайский Миклухо-Маклай. Повесть о генерале Беляеве / РАН. Ин-т Лат. Америки. М., 1993.

Сизоненко А. И. Становление отношений СССР со странами Латинской Америки (1917–1945 гг.) М.: Наука, 1981.

Barclay Glen St. John. Struggle for a continent: The diplomatic history of South America, 1917–1945. N.Y.: New York University Press, 1972.

РАЗДЕЛ IV

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

ГЛАВА 15

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1 сентября 1929 г. — 21 июня 1941 г.)

15.1. Нападение Германии на Польшу. Начало Второй мировой войны. Позиции СССР и западных держав

1 сентября 1939 г. нацистская Германия совершила агрессивное вооруженное нападение на Польшу. 3 сентября, выполняя свои союзнические обязательства, Великобритания и Франция объявили войну Германии. В войну вступили британские доминионы (Канада, Австралия, Южно-Африканский Союз, Новая Зеландия), а также все колониальные владения Англии и Франции. Так началась Вторая мировая война.

Объявив Германии войну, Англия и Франция не повели сколь-нибудь активных боевых действий. Тем самым Польша, рассчитывавшая на помощь союзников, была обречена. Гитлеровцы сконцентрировали против Польши 1,8 млн солдат, почти 2800 танков, свыше 2 тыс. самолетов, свыше 10 тыс. артиллерийских орудий и гаубиц. Польские войска, насчитывавшие до 900 тыс. человек, оказывали врагу упорное сопротивление, но силы были слишком неравны. В целом за две недели боев действующая польская армия лишилась половины своего личного состава. 12 сентября моторизованные германские части действовали уже в районе Львова. К концу сентября поражение польских вооруженных сил стало свершившимся фактом. Декретами Гитлера от 8–12 октября Польское государство объявлялось ликвидированным, западная часть тогдашней Польши была присоединена к Германии, на оставшейся территории Польши создавалось «генерал-губернаторство польских областей». Основой политики гитлеровцев стало уничтожение польской государственности, геноцид польского и еврейского населения. И все же польским руководящим кругам удалось 30 сентября сформировать правительство в эмиграции.

Фашистская Италия, не успевшая завершить подготовку к войне, заняла позицию «невоюющего союзника» Германии. Япония заявила, что не будет вмешиваться «в нынешнюю войну в Европе». Кроме того, после поражения на Халхин-Голе она была вынуждена пойти на урегулирование отношений с СССР. 16 сентября 1939 г. был подписан советско-монголо-японский протокол о прекращении военных действий, а в октябре 1939 г. была создана совместная комиссия по уточнению границы.

С началом Второй мировой войны остро встал вопрос о внешнеполитической ориентации Турции. Анкара пыталась вести переговоры с Советским Союзом об ограниченном военно-политическом сотрудничестве в районе Балкан и Черного моря. Однако германское руководство, по сути дела, сорвало возможные советско-турецкие договоренности. Миссия министра иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу в Москву в октябре 1939 г. оказалась безрезультатной. В итоге дипломатических маневров 19 октября 1939 г. был подписан тройственный договор о взаимопомощи между Турцией, Великобританией и Францией. Договор имел в виду агрессию европейской державы против одного из участников договора в районе Средиземноморья и Балкан. Правда, по настоянию Анкары действие договора не распространялось на ситуации, способные вовлечь Турцию в вооруженный конфликт с СССР.

США оставались вне войны до декабря 1941 года, хотя и поддерживали англо-французскую коалицию.

Стремясь закрепить завоевания рейха в Европе и вывести Англию из войны, Гитлер в октябре 1939 года выступил со своими «мирными предложениями». Он заявил, что Польша, созданная Версальским мирным договором, не имеет никаких шансов возродиться. Германский фюрер заверял, что он не намерен выдвигать каких-либо требований в отношении Великобритании и Франции, за исключением более справедливого раздела колониальных владений. Нацистский лидер обвинял Англию и Францию в развязывании и затягивании войны. Однако британские и французские руководители отвергли эти попытки Гитлера добиться признания германской гегемонии в Европе.

В начальный период Второй мировой войны внешняя политика СССР основывалась на советско-германском пакте о ненападении, заключенном в августе 1939 года. Сталинское руководство Советского Союза стремилось извлечь для себя максимум выгод, формально оставаясь вне войны. Однако советский нейтралитет имел явный прогерманский крен. СССР осуществлял политическое, дипломатическое, экономическое и военное сотрудничество с Германией.

В беседе с генеральным секретарем Коминтерна Г. Димитровым 7 сентября 1939 года И. В. Сталин заявил, что война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т.д.) за передел мира, за господство над миром. «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга, — сказал Сталин. — Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран

(в особенности Англии). Гитлер, сам того не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему». Говоря о позиции Советского Союза в начавшейся войне, Сталин цинично заметил: «Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались». Признавая, что пакт о ненападении в какой-то степени помогал нацистской Германии, Сталин намеревался в последующем подталкивать и другую сторону. Он занял резко враждебную позицию в отношении Польши, охарактеризовав ее как фашистское государство, которое угнетает украинцев, белорусов и других. «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население»[1].

Изложенные Сталиным установки характеризовались роковой недооценкой той зловещей угрозы, которую несла гитлеровская агрессия силам демократии и прогресса, самому Советскому Союзу.

15.2. Военная кампания СССР против Польши. Советско-германский договор о дружбе и границе

В соответствии с положениями секретного протокола, приложенного к договору о ненападении между СССР и Германией, советское руководство готовило выступление против Польши. 17 сентября оно заявило, что начавшаяся война выявила внутреннюю несостоятельность Польского государства, что Польское государство и правительство фактически перестали существовать. (Эти утверждения не соответствовали действительности.) В сложившейся ситуации части Красной армии получили приказ вступить на территорию Польши и занять восточную часть страны (территории Западной Украины и Западной Белоруссии). Тем самым сталинское руководство нарушило целый ряд международных договоров и нанесло удар по Польскому государству с востока. Почти не встречая сопротивления польских войск, Красная армия за 12 дней продвинулась на запад на 250–350 км, заняла примерно половину территории Польши с населением около 13 млн человек. Началась советизация занятых территорий.

Советское государство получило территориальный выигрыш, но одновременно Польша перестала существовать в качестве буфера между СССР и Германией. Нацистский рейх укрепил свое положение в Европе и приобрел границу с Советским Союзом.

В ходе Польской кампании Красной армии в руки советских властей попали более 200 тыс. польских военнослужащих. Подавляющее большинство рядовых были распущены по домам. Однако около 15 тыс. офицеров были помещены в лагеря для интернированных лиц. В апреле 1940 г. они, а также жан-

[1] *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 181–182.

дармы, полицейские, служащие пограничной стражи — всего около 22 тыс. человек — были без суда и следствия расстреляны по решению Политбюро ЦК ВКП(б) в Катыни (под Смоленском), в Калинине (Тверь) с захоронениями около села Медное и в Харькове.

Завершение антипольских вооруженных действий и ликвидация независимой Польши породили целый ряд вопросов, требовавших разрешения советским и германским руководством. И. Сталин предложил передать Германии Люблинское воеводство и западную часть Варшавского воеводства (до Буга). За это немцы согласились бы включить Литву в сферу интересов СССР.

27 сентября начались переговоры вновь прибывшего в Москву министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа с главой советского правительства и наркомом иностранных дел В. М. Молотовым. В переговорах принял участие И. Сталин. В результате на следующий день, 28 сентября, был подписан договор о дружбе и границе между СССР и Германией.

«Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям...

Обе стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение».

Из германо-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией (28 сентября 1939 г.)

Подписанный в Москве германо-советский договор установил границу между государственными интересами обеих сторон на территории бывшего Польского государства по линии, нанесенной на прилагавшуюся карту (западнее Гродно, Белостока, чуть западнее Бреста, в основном по рекам Сан и Буг). Эта граница обоюдных государственных интересов была признана окончательной.

Подписанный при этом дополнительный секретный протокол во изменение договоренностей 23 августа включил территорию Литвы в сферу интересов СССР, а дополнительную часть территории Польши — в сферу интересов Германии. В другом секретном протоколе обе стороны обязались не допускать на своих территориях никакой польской агитации, враждебной в отношении другой стороны.

Ликвидация независимого Польского государства совместными действиями нацистской Германии и Советского Союза предвещала на будущее большие сложности в отношениях СССР с Польшей. К тому же Советский Союз получил очень опасного соседа в виде агрессивного нацистского рейха. Сталин заплатил за территориальные приобретения также ухудшением отношений

с Францией и Англией. Однако он рассчитывал на затяжную войну на Западе и стремился максимально использовать сложившуюся ситуацию для улучшения советских позиций в Восточной Европе и на Балтике.

15.3. Заключение Советским Союзом договоров о взаимопомощи с государствами Прибалтики. Советско-германское сотрудничество

По секретным советско-германским соглашениям от 23 августа и 28 сентября 1939 г. Эстония, Латвия и Литва, а также Финляндия входили в сферу интересов Советского Союза. В конце сентября — начале октября советское руководство оказало усиленный нажим на правительства трех Прибалтийских государств, добиваясь от них заключения двусторонних пактов о взаимопомощи с правом для СССР иметь на территории этих стран военные базы и размещать там свои воинские гарнизоны.

Советский нажим дал свои результаты. Пакт о взаимопомощи СССР с Эстонией был подписан 28 сентября, с Латвией — 5 октября, договор о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между СССР и Литвой — 10 октября. По этим договорам обе стороны обязывались оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае прямого нападения или угрозы нападения со стороны одной из великих европейских держав.

Эстония, Латвия и Литва предоставили СССР право иметь на их территории военные и военно-морские базы, а также размещать на этих базах гарнизоны численностью 20–25 тыс. человек. Договор с Литвой предусматривал передачу ей города Вильно и Виленской области, которые до сентября 1939 г. принадлежали Польше.

Пакты о взаимопомощи были целесообразной и оправданной мерой в условиях войны. Они обеспечивали государственные интересы СССР в Балтийском регионе.

Заключение СССР договоров о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой стало частью установления контроля Советского Союза над его сферой влияния. «Мы думаем, — говорил Сталин Димитрову 25 октября, — что в пактах о взаимопомощи (Эстония, Латвия, Литва) нашли ту форму, которая позволяет нам поставить в орбиту Советского Союза ряд стран. Но для этого нам надо выдержать — строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность. Мы не будем добиваться их советизирования». Некоторое время советское руководство действительно придерживалось этой установки. Однако коренное изменение военно-политической ситуации в Европе в мае—июне 1940 г. побудило Сталина и его соратников осуществить ускоренную советизацию трех Прибалтийских государств.

Советский Союз расширял всестороннее сотрудничество с нацистской Германией; его позиция была благоприятна для Берлина в политическом,

идеологическом и экономическом плане. Сразу после подписания договора о дружбе и границе советское и германское правительства выступили с совместным заявлением. Они утверждали, что урегулирование ими вопросов, возникших «в результате распада Польского государства», создало основу для прочного мира в Восточной Европе и скорейшего завершения войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой. Если бы добиться этого не удалось, то ответственность за продолжение войны возлагалась бы на Англию и Францию. Советское руководство поддержало демагогическую пропагандистскую кампанию Гитлера за окончание войны. Предложения Гитлера по сути означали установление и закрепление германской гегемонии в Европе. 30 ноября И. Сталин в ответе на вопрос редактора газеты «Правда» заявил: «Не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну». Он утверждал, что правящие круги Англии и Франции грубо отклонили мирные предложения Германии, которые были открыто поддержаны Советским Союзом. Тем самым советский вождь солидаризировался с нацистскими лидерами, поддержал агрессора, занял враждебную позицию в отношении англо-французской коалиции.

Параллельно с военно-политическим сотрудничеством Советского Союза и Германии развивались экономические связи двух стран.

Во время пребывания в Москве в конце сентября Риббентроп подчеркнул, что в условиях британской блокады экономические отношения с Советским Союзом приобрели для Германии особое значение. СССР, располагая богатыми запасами сырья, мог заметно поддержать Германию. В соответствии с заключенными соглашениями Советский Союз поставлял рейху нефть, хромовую и марганцевую руду, фосфаты, лес, а также кормовое зерно. Советская сторона тщательно выполняла взятые на себя обязательства — последний товарный поезд пересек германскую границу в ночь на 22 июня 1941 г., за несколько часов до нападения нацистского рейха на СССР. Германские поставки должны были включать промышленную технологию и оборудование, а также военные материалы. При этом германская сторона всячески стремилась оттянуть ответные поставки Советскому Союзу.

Сталинское руководство в начале Второй мировой войны пошло на развитие всестороннего сотрудничества с нацистской Германией и противодействие военным усилиям англо-французского блока.

15.4. Советско-финская война

По советско-германским соглашениям в сферу интересов СССР входила также и Финляндия.

Отношения между двумя соседними государствами были сложными, а порой и напряженными.

В условиях ухудшения международной обстановки советское руководство проявляло усиленное беспокойство о безопасности Ленинграда — граница

с Финляндией проходила в 32 км от этого важнейшего политического и экономического центра СССР.

Советско-финляндские переговоры об изменении прохождения границы, начатые весной 1939 г., возобновились в Москве в октябре. Сталин предложил Хельсинки заключить пакт о взаимопомощи по образцу договоров, заключенных с Эстонией, Латвией и Литвой, но руководство Финляндии отказалось. Все советские предложения об аренде, обмене или продаже территории были отклонены, достичь компромисса на переговорах не удалось.

13 ноября советско-финляндские переговоры были прерваны. Именно тогда Сталин произнес: «Нам придется воевать с Финляндией». Кремлевский диктатор выбрал войну. 28 ноября советское руководство денонсировало договор о ненападении с Финляндией, а на следующий день разорвало с ней дипломатические отношения.

30 ноября части Красной армии перешли границу с Финляндией и начали боевые действия на ее территории. Началась война, которую стали называть «зимней войной». Войной против Финляндии сталинское руководство стремилось так или иначе включить ее в сферу советского влияния и укрепить свою границу на северо-западе. Кремль делал ставку на скоротечную победоносную военную кампанию. По инициативе советского руководства после начала «зимней войны» было образовано Народное правительство так называемой Финляндской демократической республики (ФДР) во главе с видным деятелем Коминтерна О. Куусиненом. 2 декабря Молотов и Куусинен подписали в Москве договор о дружбе и взаимопомощи между СССР и ФДР. Думается, что при благоприятном для СССР развитии военных действий правительство Куусинена могло бы стать удобным инструментом для установления в Финляндии просоветского режима.

Однако с ходу прорвать мощную линию финских укреплений на Карельском перешейке части Красной армии не смогли, военные действия приняли затяжной характер. В ходе «зимней войны» выявился ряд серьезных недостатков в подготовке Красной армией к боевым действиям, особенно в суровых зимних условиях.

Действия сталинского руководства означали серьезное нарушение норм международного права и попадали под определение агрессии. 14 декабря 1939 г. Лига Наций осудила действия СССР против Финляндии и в тот же день исключила его из этой международной организации.

Соединенные Штаты Америки в январе 1940 г. ввели «моральное эмбарго» на торговлю с СССР, которое действовало до января 1941 г.

Воюющие стороны по-разному отнеслись к войне Советского Союза против Финляндии. Германия заняла позицию благожелательного нейтралитета в отношении СССР. Посол Германии в Москве Ф. Шуленбург заявил наркому В. Молотову, что «германское правительство и германская общественность не имеют оснований и не желают вмешиваться в конфликт между СССР

и Финляндией или тем более выражать симпатии по отношению к Финляндии и Скандинавии»[1].

Отношение Франции и Англии было откровенно враждебным в отношении СССР. Военное и политическое руководство Великобритании и Франции обсуждало возможность отправки на помощь Финляндии экспедиционного корпуса, а также бомбардировки советских нефтяных промыслов на Кавказе (Баку). Планировавшаяся акция была призвана нанести удар по советскому потенциалу, а также укрепить экономическую блокаду Германии. Однако выявились разногласия между французами и британцами. Лондон опасался последствий вовлечения Советского Союза в войну на стороне Германии.

Пока Франция и Великобритания пытались согласовать свои планы, война СССР с Финляндией подошла к концу. Силы Красной армии получили существенное преимущество в танках, авиации, артиллерии. В феврале 1940 г. они прорвали линию укреплений Финляндии и перешли в наступление по всему фронту.

Финляндия оказалась на грани поражения, ее руководство вынуждено было идти на уступки. Советское руководство опасалось осложнений международных отношений и также стремилось завершить затянувшуюся войну.

12 марта 1940 г. в Москве был подписан мирный договор между СССР и Финляндией. Военные действия между двумя странами прекращались немедленно. Устанавливалась новая линия государственной границы Советского Союза с Финляндией. В состав СССР вошел весь Карельский перешеек с городом Выборгом, западное и северное побережья Ладожского озера и некоторые другие территории, которые Финляндия уступила СССР. Финляндия также предоставила Советскому Союзу полуостров Ханко в Финском заливе в аренду сроком на 30 лет для создания там военно-морской базы.

Советское руководство добилось укрепления безопасности Ленинграда, но включить Финляндию в свою сферу влияния не смогло. Наоборот, «зимняя война» усилила в Финляндии враждебность к СССР, породила настроения реваншизма. К тому же эта война выявила серьезные просчеты и недостатки в подготовке Красной армии.

15.5. «Странная война» на Западе

Как уже говорилось, Англия и Франция 3 сентября 1939 г. объявили войну Германии, но активных боевых действий не предпринимали. Политические и военные руководители западных держав не использовали благоприятную ситуацию, когда значительная часть германских вооруженных сил была занята Польской кампанией. Позднее начальник штаба оперативного руководства Верховного главнокомандования вермахта (OKB) генерал А. Йодль признавал: «Если мы еще в 1939 г. не потерпели поражения, то только потому, что при-

[1] Документы внешней политики СССР. 1939. М., 1992. Т. XXII. Кн. 2. С. 387.

мерно 110 французских и английских дивизий, стоявших на западе во время нашей войны с Польшей против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездеятельными».

Высший англо-французский военный совет в Аббвилле 12 сентября пришел к выводу: «Не спешить начинать крупные наземные операции, подождать максимального наращивания наших средств». Что касается Польши, то союзники пришли к выводу: «Мы мало что можем сделать для нее, исход войны определится на Западном фронте».

Военные руководители Англии и Франции убеждали политических деятелей в неготовности своих вооруженных сил к наступательным военным действиям. К тому же в Лондоне и Париже существовали опасения чрезмерного усиления СССР и «влияния большевизма» в результате активных вооруженных действий западных держав против Германии. Отсюда — англо-французский курс на затяжную войну. При этом делалась ставка на максимальное наращивание сил и средств западных союзников при одновременном ослаблении Германии экономической блокадой.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

«Странная война» — ситуация, когда Франция и Великобритания объявили войну Германии, но активных боевых действий на суше воюющие стороны не вели. «Странная война» продолжалась с 3 сентября 1939 г. до 9 апреля 1940 г.

Англия и Франция отвергли мирные предложения Гитлера в октябре 1939 г., но так и не развернули активных наземных вооруженных действий. Это длительное затишье на Западном фронте получило название «странная война». 28 марта 1940 г. главы правительств Великобритании и Франции (Н. Чемберлен и П. Рейно) подписали совместную декларацию с обязательствами двух стран не заключать ни сепаратного перемирия, ни сепаратного мира с Германией. Последующие события показали, что в действительности эта декларация не имела реального значения.

Пока руководители Великобритании и Франции обсуждали химерические планы бомбардировки Баку, гитлеровское военное командование готовило удар на Западе.

15.6. Переход Германии к активным действиям на западе. Поражение Франции

В апреле 1940 г. «странная война» завершилась с активизацией германских вооруженных сил. 9 апреля Германия начала военные действия против Дании и Норвегии. Дания была быстро оккупирована и превращена в германский протекторат. В связи с поражением Дании Исландия, находившаяся с ней в персональной унии, 10 апреля взяла в свои руки ведение внешнеполитиче-

ских дел. Британские войска заняли этот остров 10 мая с согласия Вашингтона. Частью территории Датского королевства был и остров Гренландия. США воспрепятствовали занятию Гренландии канадскими войсками и, объявив остров частью Западного полушария, распространили на него действие «доктрины Монро».

Норвегия объявила войну Германии и обратилась за помощью к Англии и Франции. Англо-французские силы высадили десанты в некоторых норвежских портах, но противостоять германскому натиску они не смогли. Норвежская армия потерпела поражение, ее остатки вместе с англо-французскими частями эвакуировались в Англию. Туда же в июне перебралось норвежское правительство и король Норвегии. В оккупированной Норвегии Германия создала марионеточное правительство во главе с бывшим военным министром Норвегии В. Квислингом, имя которого стало нарицательным обозначением коллаборационистов.

10 мая 1940 г. германские вооруженные силы начали широкомасштабное наступление на Западе. Они вторглись в Бельгию, Голландию и Люксембург, обходя линию мощных французских укреплений (линию Мажино). 14 мая голландская армия капитулировала, 28 мая та же участь постигла бельгийскую армию.

15 мая германские войска прорвали фронт французских и английских войск под Седаном и начали развивать наступление на территории Франции, окружая группировку войск союзников в районе Дюнкерка, на севере Франции. Только приказ Гитлера приостановить наступление позволил англичанам эвакуировать морем из Дюнкерка британский экспедиционный корпус и часть французской армии — всего свыше 330 тыс. солдат и офицеров. Почти все оружие и снаряжение этой группировки попало в руки Германии.

5 июня германские танковые группировки возобновили наступление на территории Франции в южном и юго-западном направлениях. 10 июня в войну против Франции вступила фашистская Италия, несмотря на готовность французского руководства пойти на уступки в колониальных вопросах. В тот же день французское правительство покинуло Париж, после чего обосновалось в Бордо. Французская армия была дезорганизована и деморализована. Во французском руководстве все громче звучали голоса сторонников немедленного перемирия с Германией. 14 июня германские войска вступили в Париж, объявленный «открытым городом».

Британское правительство во главе с У. Черчиллем добивалось согласования с ним условий перемирия. Оно настаивало на том, чтобы французский флот ни в коем случае не попал в руки немцев. 16 июня в обстановке поражения Франции, Лондон предложил проект Франко-британского союза с общими органами в области обороны, внешней политики, финансов и экономики. Однако французские пораженцы не стали даже обсуждать это предложение. В тот же день было сформировано новое французское правительство во главе с маршалом Ф. Петэном.

Это правительство немедленно обратилось к Германии с просьбой о заключении мира. Гитлер отказался вести переговоры о мире, но согласился заключить перемирие. 22 июня 1940 г., в музейном штабном вагоне маршала Фоша, в котором было заключено Компьенское перемирие, завершившее Первую мировую войну, состоялось подписание нового перемирия между Германией и Францией. 25 июня в Риме было подписано перемирие между Италией и Францией. Военные действия Франции против Германии и Италии были прекращены. Франция в тот момент вышла из войны побежденным государством.

Гитлер торжествовал — традиционный соперник и враг Германии на Европейском континенте был повержен. На следующий день после сдачи Парижа Геббельс записал в своем дневнике: «Фюрер вне себя от счастья, вызванного великой победой». После подписания перемирия Франции с Германией и Италией Геббельс добавил: «Победа, которую не могла нарисовать никакая фантазия, достигнута! Благодарение фюреру! Звонок от фюрера. Он не скрывает своего ликования»[1]. По всей Германии в честь одержанной победы три дня звонили колокола.

По условиям перемирия французская территория была разделена на две части: оккупированную и неоккупированную. Оккупированная зона включала весь север, северо-запад и запад Франции (примерно две трети территории страны, включая Париж). Неоккупированным оставался юг страны. Правительство могло разместиться либо в неоккупированной зоне, либо в Париже. Петэн и его министры выбрали небольшой курортный городок Виши, поэтому появилось название — правительство Виши. Французская армия была разоружена, за исключением войск в колониях и вишистской «армии перемирия» в 100 тыс. человек. Французский флот продолжал выполнять свои задачи в колониях, остальная его часть концентрировалась в определенных портах под германским контролем. В оккупированной зоне Германия обладала всеми правами оккупационной державы. Все расходы на германскую оккупацию должны были оплачиваться французским правительством — отсюда огромные оккупационные платежи. Условия перемирия означали полную зависимость Франции от Германии.

Подавляющее большинство политических деятелей довоенной Франции поддержали заключение перемирия. Честь страны и ее перспективы в мировой политике спас генерал Ш. де Голль. В качестве заместителя военного министра он оказался в Лондоне. 18 июня генерал выступил по лондонскому радио с призывом ко всем французам продолжить борьбу против Германии. Он создал в Лондоне патриотическое движение «Свободная Франция» (с 1942 г. — «Сражающаяся Франция»). Де Голль ставил своей задачей восстановление независимости и величия Франции. На сторону де Голля перешел ряд французских колониальных владений.

[1] Цит. по: *Смирнов В. П.* Краткая история Второй мировой войны. М., 2005. С. 91.

Поражение Франции коренным образом изменило всю военно-политическую ситуацию. Германия приобрела доминирующее положение на Европейском континенте. Единственным воюющим противником Германии оставалась Великобритания со своими доминионами и колониями.

Тем не менее Великобритания была не намерена прекращать сопротивление нацистской Германии. В июле 1940 г. британское правительство отклонило очередные «мирные предложения» Гитлера. Тогда же англичане предприняли активные действия, чтобы не допустить перехода французского флота в руки Германии. Британские военно-морские силы потопили значительную часть французских кораблей на рейде алжирского порта Мерс-эль-Кебир близ Орана и в порту Дакар (Западная Африка). Остатки французского флота укрылись в порту Тулон на юге Франции. В ответ правительство Виши разорвало дипломатические отношения с Великобританией.

Британское руководство приступило к интенсивной реализации программы наращивания вооруженных сил. В то же время Лондон пытался укрепить свои внешнеполитические позиции. В Москву был направлен новый британский посол С. Криппс, призванный улучшить отношения с СССР. 1 июля он имел беседу с И. Сталиным. Еще до начала беседы посол передал личное послание У. Черчилля хозяину Кремля. Британское руководство предлагало обсудить вопрос о согласовании действий для сдерживания германской агрессии и «восстановления европейского баланса сил». Однако британский зондаж не встретил отклика в Москве. В ходе беседы Сталин отметил, что об опасности германского господства в Европе «еще рано говорить». Содержание беседы Сталина с Криппсом было сообщено германскому послу Шуленбургу.

15.7. Включение в состав СССР государств Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины

Поражение Франции нарушило расчеты сталинского руководства на затяжную войну на Западе. Участники событий утверждают, что, узнав 16 мая о прорыве германскими войсками западного фронта, Сталин воскликнул: «Что же нам теперь делать? Мы этого не ожидали».

В Кремле было принято решение использовать сложившуюся ситуацию для укрепления геополитических позиций СССР.

14–16 июня советское руководство предъявило ультиматумы аналогичного содержания правительствам Литвы, Латвии и Эстонии. Основные требования, выдвинутые Москвой: формирование нового дружественного Советскому Союзу правительства и пропуск сил Красной армии на территорию соответствующей страны. Правительства Литвы, Латвии и Эстонии вынуждены были принять советские требования.

15–17 июня советские войска вступили на территорию стран Прибалтики. Одновременно в них были направлены особые уполномоченные советского правительства. В. Молотов потребовал, чтобы с ними согласовывался состав

новых правительств Литвы, Латвии и Эстонии. Тогда же в городах Прибалтики были организованы коммунистические митинги и манифестации.

В июле в обстановке массированного давления на избирателей состоялись выборы в парламенты Прибалтийских государств. Они принесли полную победу блокам, сформированным коммунистами трех стран. 21–22 июля новые парламенты Литвы, Латвии и Эстонии объявили о восстановлении или установлении в государстве советской власти и обратились с просьбой принять каждую республику в состав СССР. 3–6 августа 1940 г. процесс включения республик Прибалтики в состав СССР был завершен. Он проходил в обстановке грубого политического и военного нажима со стороны Москвы.

26 июня 1940 г. советское правительство ультимативно потребовало от Румынии немедленно возвратить Бесарабию Советскому Союзу и передать ему северную часть Буковины. (Советское правительство никогда не признавало включение Бессарабии в состав Румынии в 1918 г.) Советское требование было согласовано с германским руководством. Румынское правительство вынуждено было согласиться с советским диктатом. 1 июля советские войска вышли на новую границу с Румынией и закрепились на ней.

Началась советизация присоединенных к СССР территорий, сопровождавшаяся репрессиями и депортациями.

Укрепление геополитических позиций СССР в 1939–1940 гг. увеличивало его роль в ходе Второй мировой войны.

15.8. «Битва за Англию». Изменение позиции США

Летом 1940 г. Германия стала доминирующей силой в Европе. В состав германского рейха в 1938 г. — апреле 1941 г. были включены Австрия, Судетская область, западная часть Польши, Данциг (Гданьск), Мемель (Клайпеда), Эльзас-Лотарингия и северная часть Словении. Некоторые территории стали германским протекторатом: Богемия и Моравия (территория Чехословакии) и часть Западной Польши. Непосредственными союзниками Германии или странами прогерманской ориентации были Италия, Испания, Венгрия, Болгария, Румыния, Словакия, Финляндия и Хорватия.

После поражения Франции гитлеровское руководство колебалось между двумя направлениями дальнейшей агрессии: подготовить высадку на Британские острова и сломить сопротивление англичан либо готовить нападение на СССР, о котором Гитлер заговорил летом 1940 г.

Поскольку высадка на Британские острова представляла большие трудности, Гитлер решил сломить сопротивление англичан массированными ударами с воздуха. Беспрецедентная по масштабам борьба между военно-воздушными силами Германии и Великобритании получила название «битва за Англию». Она продолжалась с августа 1940 по май 1941 г. Летом и осенью 1940 г. германские люфтваффе регулярно подвергали Лондон и другие британские города массированным бомбардировкам. 14 ноября германская

авиация нанесла мощные удары по одному из центров британской авиационной промышленности — городу Ковентри. Тем не менее сломить сопротивление британцев гитлеровцам не удалось. Британские летчики мужественно противостояли германской авиации, население Англии проявляло выдержку и стойкость. Англичане использовали технические достижения (радары), которых не было у немцев. К тому же англичанам удалось овладеть секретом шифровки германских радиограмм, что позволило им получать важную информацию о планах противника. За время этой борьбы в воздухе германские ВВС потеряли более 1700 самолетов, британские потери составили 900 самолетов. В целом «битва за Англию» завершилась успехом вооруженных сил и населения Великобритании.

В сопротивлении гитлеровской Германии Великобритания опиралась на свои доминионы и колонии. Правда, обстановка в них была непростой. Так, в Индии лидер Национального конгресса М. Ганди в октябре 1940 г. объявил кампанию «гражданского неповиновения» британским властям. Некоторые другие лидеры Национального конгресса ориентировались на Германию в надежде, что она поможет Индии добиться независимости. Британцы прибегали к репрессивным мерам против участников борьбы за независимость.

Великобритания пользовалась также растущей поддержкой со стороны США. В июле 1940 г. США и страны Латинской Америки по инициативе президента Ф. Рузвельта подписали Гаванскую декларацию. Она содержала обязательства подписавших ее государств не допустить перехода американских владений какой-либо европейской державы (имелась в виду в первую очередь Франция) в руки другой европейской державы, т.е. Германии. В сентябре 1940 г., когда Великобритания нуждалась в срочном укреплении своего военно-морского флота, США согласились передать ей 50 своих эсминцев в обмен на 8 военно-морских и военно-воздушных баз на островах в Атлантическом океане, входивших в состав Британской империи (аренда на 99 лет). Тогда же в США впервые в истории был принят закон об обязательной воинской повинности.

Поражение Франции повлияло и на положение в Азии и в Африке. В августе—сентябре 1940 г. японцы поставили под свой контроль Северный Индокитай. В Северной Африке итальянские силы начали с территории итальянской колонии Ливии наступление на Египет, но были остановлены британскими войсками, размещавшимися в Египте. Военные действия в Северной Африке велись ограниченными вооруженными силами на узкой полосе территории по берегу Средиземного моря. Южнее находилась непреодолимая для войск пустыня Сахара.

Великобритания ответила наступлением на Итальянское Сомали в Восточной Африке. Весной 1941 г. британские силы, получив подкрепления, освободили от итальянцев Эфиопию и заняли итальянскую колонию Эритрею. Тем самым вся Восточная Африка перешла под британский контроль.

После поражения Франции гитлеровская Германия стремилась закрепить свое господствующее положение в Европе. Пользуясь поддержкой Берлина, Болгария и Венгрия потребовали территориальных уступок со стороны Румынии. В августе было достигнуто болгаро-румынское соглашение об уступке Румынией Болгарии Южной Добруджи (области между нижним течением реки Дунай и Черным морем). Более сложно оказалось разрешить венгеро-румынский спор по поводу Трансильвании (пограничный район со смешанным населением). 30 августа под давлением Германии и Италии Румыния должна была подчиниться решениям так называемого второго «венского арбитража». Трансильвания была разделена на две части. Северная часть с 2 млн жителей отошла к Венгрии.

15.9. Заключение Тройственного пакта. Агрессия Италии на Балканах

Укрепляя отношения со своими союзниками, германское руководство инициировало подписание в Берлине 27 сентября 1940 г. Тройственного пакта. Его участниками стали Германия, Италия и Япония. Пакт стал договором о политическом, экономическом и военном союзе коалиции агрессоров. Он имел в виду взаимную поддержку участников пакта всеми средствами, включая военные, в случае нападения на одно из трех государств «со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в китайско-японском конфликте». Тем самым Тройственный пакт имел в виду США и СССР. Правда, камуфлируя свои агрессивные замыслы в отношении СССР, участники пакта сделали оговорку, что заключенный договор «никоим образом не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников соглашения и Советским Союзом». Однако в узком кругу своих сотрудников министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп после подписания Тройственного пакта говорил: «Эта палка будет иметь два конца — против России и против Америки». Япония признавала руководство Германии и Италии в создании «нового порядка» в Европе, а Германия и Италия признавали руководство Японии в формировании «нового порядка» в рамках «великого восточноазиатского пространства». Тройственный пакт стал стержнем формирования широкой коалиции агрессоров. В ноябре 1940 г. к нему присоединились Венгрия, Румыния и Словакия, в марте 1941 г. — Болгария, в июне 1941 г. — Хорватия.

Вдохновленная успехами своего германского союзника, фашистская Италия решила предпринять самостоятельную агрессивную акцию на Балканах. В конце октября 1940 г. итало-албанские войска с территории Албании вторглись в Грецию. В ответ Греция объявила войну Италии и обратилась за помощью к Англии. Британцы направили на помощь грекам свой экспедиционный корпус в составе двух дивизий и одной танковой бригады. Греческие войска упорно сопротивлялись. В октябре—декабре 1940 г. они нанесли ряд поражений итальянским войскам. Министр иностранных дел Италии Чиано записал

в своем дневнике в конце ноября: «Наши солдаты сражаются мало и плохо. Такова настоящая и основная причина всего происшедшего». Британцы со своей стороны совершили мощный авиационный налет на основную базу итальянского флота в порту Таранто и вывели из строя три из шести итальянских линкоров. В итоге к весне 1941 г. Муссолини вынужден был просить помощь у Гитлера. Тем самым Италия все больше и больше оттеснялась Берлином на второстепенную роль.

15.10. Охлаждение советско-германских отношений. Визит В. М. Молотова в Берлин

Став доминирующей силой в Европе, Германия все меньше считалась с интересами СССР. Москва выражала недовольство тем, что Берлин не консультировался с ней при осуществлении «венского арбитража» и при заключении Тройственного пакта. Между партнерами возник «кризис взаимопонимания». Сталинское руководство стремилось прощупать возможность новых договоренностей с германскими лидерами относительно разграничения сфер интересов в Европе и в Средиземноморье. Именно с этой целью состоялся визит главы советского правительства и наркома иностранных дел СССР В. Молотова в Берлин 12–14 ноября 1940 г. Он намеревался осуществить серьезный зондаж дальнейших намерений германских партнеров. Сталинское руководство стремилось закрепить и расширить советскую сферу влияния на основе дальнейшего развития сотрудничества с Германией. При этом наибольший интерес для Москвы представляли Финляндия (где дело считалось решенным не до конца), Балканы и зона Проливов, включая Турцию. Как отмечал сам Молотов: «Болгария — главный вопрос переговоров — должна быть по договоренности с Германией и Италией отнесена к сфере интересов СССР...»

В Берлине В. Молотов провел беседы с А. Гитлером и И. Риббентропом. Он настойчиво ставил вопросы о возможности новых советских акций против Финляндии, о включении Болгарии в сферу интересов СССР путем предоставления ей соответствующих гарантий, об учете советской заинтересованности в судьбе Румынии, Венгрии, Турции. Однако нацистские лидеры вовсе не собирались предоставлять Советскому Союзу ту сферу влияния, на которую он претендовал. В отношении Финляндии Гитлер раздраженно подчеркивал заинтересованность Германии в сохранении мира на Балтике. Что касается советских гарантий Болгарии, то фюрер ссылался на необходимость консультаций с Муссолини и согласия самой Болгарии.

Оценивая результаты своих заключительных бесед с Гитлером и Риббентропом, Молотов телеграфировал Сталину в Москву: «Обе беседы не дали желательных результатов... Похвастаться нечем, но по крайней мере выяснил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться».

Пытаясь отвлечь внимание советских руководителей от Юго-Восточной Европы, Гитлер и Риббентроп стремились склонить московских партнеров

к участию в дележе Британской империи и подталкивали их к борьбе за выход к Индийскому океану через Персидский залив. Кроме того, в заключительной беседе с Молотовым Риббентроп выдвинул идею соглашения между участниками Тройственного пакта и Советским Союзом о взаимном уважении сфер влияния четырех держав. Москва готова была рассмотреть это предложение, но на своих собственных условиях, созвучных изложенным Молотовым в Берлине. В итоге эта идея не получила развития.

Визит В. Молотова в Берлин выявил советско-германские противоречия. 25 ноября И. Сталин сказал Г. Димитрову: «Наши отношения с немцами внешне вежливые, но между нами есть серьезные трения».

Со своей стороны гитлеровское руководство использовало переговоры с Москвой для маскировки подготовки к нападению на СССР. В декабре 1940 г. Гитлер подписал окончательный вариант «плана Барбаросса» — плана нападения на СССР. По замыслу фюрера германские вооруженные силы должны были подготовиться к тому, чтобы разгромить Советский Союз в ходе быстрой и энергичной военной кампании. При этом германская армия должна была предотвратить отступление боеспособных советских войск на «широкие просторы русской территории». Гитлер рассчитывал на участие Румынии и Финляндии в войне против СССР.

> «Германские вооруженные силы должны быть готовы победить Советскую Россию в результате быстрой кампании даже до окончания войны против Англии («план Барбаросса»). Армия должна использовать для этой цели все находящиеся в ее распоряжении силы, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от неожиданностей. Главная задача воздушных сил заключается в том, чтобы использовать в Восточной кампании такие большие силы для помощи наземным войскам, чтобы было обеспечено быстрое развитие наземных операций».
>
> *Из секретной директивы ставки Гитлера № 21 от 18 декабря 1940 г. («план Барбаросса»)*

15.11. Борьба на Балканах

Зимой 1940 г. — весной 1941 г. великие европейские державы вели активную борьбу за контроль над Балканским регионом и Средиземноморьем.

Еще в начале сентября 1940 г. Болгария при поддержке Германии и Италии добилась возвращения ей Румынией Южной Добруджи, утраченной после Первой мировой войны. В конце сентября советское руководство предложило правительству Болгарии заключить пакт о взаимопомощи между двумя странами. Однако правительство Болгарии не считало возможным заключить с СССР какой-либо политический договор.

В конце ноября того же года Москва вновь предприняла инициативу в отношении двустороннего договора о взаимопомощи с Болгарией. При условии

заключения такого договора СССР готов был не только предоставить гарантии Болгарии, но и поддержать ее территориальные претензии на Балканах (в отношении Греции и Турции), а также оказать Софии экономическую помощь. Заключение советско-болгарского договора снимало бы возражения Москвы против подписания Болгарией Тройственного пакта. Однако болгарское правительство отклонило советские предложения и интенсифицировало переговоры о присоединении к Тройственному пакту.

1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к Тройственному пакту и дала согласие на ввод в страну германских войск. В тот же день германские войска начали размещаться в Болгарии. Эта акция заметно усилила позиции Германии на Балканах. Она вызвала явное недовольство советского руководства. Нарком Молотов выразил германскому послу Шуленбургу сожаление в связи с тем, что «германское правительство сочло возможным стать на путь нарушения интересов безопасности СССР и решило занять войсками Болгарию». Советско-германские противоречия становились все более явными.

25 марта 1941 г. о присоединении к Тройственному пакту заявило правительство Югославии. Но эта акция вызвала недовольство значительной части населения Югославии и армейских кругов. 27 марта группа офицеров военно-воздушных сил при поддержке сербской демократической оппозиции совершила проанглийский военный переворот. Произошла смена королевской власти, было сформировано новое правительство национального единства. Новое руководство Югославии ориентировалось на Великобританию и СССР. 5 апреля Югославия и Советский Союз заключили договор о дружбе и ненападении. При этом СССР выразил готовность оказать Югославии материально-техническую помощь, в частности поставками оружия.

Советско-югославский договор должен был стать предупреждением Германии о советской позиции. Однако гитлеровское руководство, готовившее нападение на СССР, не намеревалось считаться с недовольством Москвы. Германия с участием Италии и Венгрии быстро подготовила мощный удар по Югославии и Греции. Военные действия начались 6 апреля. Всего против двух балканских стран было брошено 80 дивизий. Ни Югославия, ни Греция не располагали танковыми и моторизованными дивизиями, их авиация по численности почти в пять раз уступала немецкой. Военный успех агрессоров был предрешен. 15 апреля 1941 г. король и правительство Югославии выехали в Грецию, затем они перебрались в Египет. 17 апреля представители Верховного командования югославской армии подписали акт о безоговорочной капитуляции.

Югославия перестала существовать как единое независимое государство. Территория страны была разделена на четыре оккупационные зоны: Германии, Италии, Венгрии и Болгарии. Черногория стала «губернаторством» Италии. Марионеточными государствами, полностью зависимыми от оккупантов, стали Хорватия и Сербия.

Советский Союз не смог оказать Югославии никакой реальной помощи, советская внешняя политика потерпела поражение. Тогдашний посол Вен-

грии в Москве так оценивал заключение советско-югославского договора: «Многие расценивают пакт как пощечину, данную Германии, но в действительности оказалось, что пощечину получил СССР от Германии, так как ответом на пакт явилось вторжение германских войск в Югославию и налет на Белград. СССР, как и всегда, сделал только жест и остается в стороне...»[1]

Греция также не смогла противостоять превосходящим силам агрессоров. Греческие вооруженные силы потерпели поражение, и 29 апреля 1941 г. представители их командования подписали акт о капитуляции. Основные силы британского экспедиционного корпуса были эвакуированы в Египет. Туда же англичане вывезли короля Греции и правительство страны. В начале июня вся территория Греции была оккупирована германскими, итальянскими и болгарскими войсками.

20 мая германское командование организовало высадку массированного воздушного десанта на греческий остров Крит. К 1 июня сопротивление базировавшихся на острове британских войск было сломлено. Балканский регион оказался полностью под контролем фашистских агрессоров и их ставленников. Ни Великобритания, ни Советский Союз не смогли этому помешать.

Военная кампания на Балканах вынудила гитлеровское руководство отсрочить нападение на Советский Союз, которое первоначально намечалось на середину мая 1941 г.

15.12. Заключение советско-японского договора о нейтралитете

Заключение Тройственного пакта усилило позиции Японии в Азии. Японское правительство еще летом 1940 г. в качестве своей основной задачи определило «установление нового порядка в Великой Восточной Азии». Развертывание экспансии в южном направлении сталкивало Японию с Великобританией и США. При этом требовалась стабилизация отношений с СССР. Еще в начале июля японский посол в Москве в беседе с Молотовым выдвинул предложение заключить соглашение о нейтралитете между СССР и Японией. Оно предусматривало поддержание мирных и дружественных отношений между двумя странами. Стороны обязывались соблюдать нейтралитет в случае, если одна из них подвергнется нападению какой-либо третьей державы.

Внешнеполитическая программа японского правительства Коноэ, сформированного в июле 1940 г., включала заключение с Советским Союзом соглашения о ненападении. 30 октября новый японский посол в Москве заявил, что его правительство прекращает переговоры с СССР о заключении соглашения о нейтралитете и выдвигает предложение заключить пакт о нападении, анало-

[1] Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР, март—июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России. М., 1995. С. 27.

гичный советско-германскому договору. Тем самым японская сторона предлагала заключить более обязывающее и далекоидущее соглашение.

Однако советское руководство не было готово пойти на такие договоренности с Японией, которые ухудшили бы отношения Советского Союза с США и Китаем. Официально Москва увязывала заключение договора о ненападении с Японией с возвращением Советскому Союзу Южного Сахалина и передачей ему Курильских островов, утраченных ранее Россией. Подобные условия были неприемлемы для Токио. Советское руководство держалось твердо и вместе с тем конструктивно.

12 марта 1941 г. министр иностранных дел Японии И. Мацуока отправился в поездку по Европе. Одной из его целей было урегулирование отношений Японии с СССР. 24 марта в Москве он вновь предложил советским руководителям подписать пакт о ненападении и продать Северный Сахалин Японии. В ответ Москва повторила предложение заключить договор о нейтралитете и ликвидировать японскую угольную и нефтяную концессию на Северном Сахалине. Переговоры застопорились.

Мацуока отправился в Берлин и Рим. Перед визитом японского министра Гитлер издал специальную директиву, в соответствии с которой целью германской политики было как можно быстрее вовлечь Японию в войну против Великобритании. Во время бесед в Берлине Гитлер убеждал Мацуока, что Япония получила чрезвычайно выгодный шанс для нападения на Сингапур. Таким образом, германские руководители подталкивали Японию к активному участию в борьбе против Британской империи и ничего не сообщили представителю Токио о подготовке к нападению на СССР. Фюрер не доверял своему союзнику и переоценивал свои силы. Не знал о планах Гитлера и Муссолини, с которым также встречался японский министр.

Очевидно, беседы в Берлине и Риме повлияли на позицию японского министра. Во время встречи с Молотовым 9 апреля, на обратном пути в Токио, Мацуока согласился на заключение договора о нейтралитете между Советским Союзом и Японией, хотя и продолжал возражать против обязательства о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. 12 апреля состоялась беседа И. Сталина с И. Мацуока при участии В. Молотова. В ходе беседы Мацуока подчеркнул, «что судьбу Азии решают две силы — Япония и СССР... Для того чтобы освободить Азию, нужно избавиться от англосаксов, а потому перед такой задачей нужно отказаться от мелких вопросов и сотрудничать в больших вопросах». Сталин поддержал мнение японского министра, «что если пакт о нейтралитете будет заключен, то это будет действительно поворотом от вражды к дружбе»[1]. Мацуока согласился решить вопрос о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине.

13 апреля в Кремле был подписан пакт о нейтралитете между СССР и Японией. Договор был заключен сроком на пять лет и предусматривал, что обе

[1] Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. 2 марта 1941 г. — 22 июня 1941 г. М., 1998. С. 561–562.

стороны обязуются поддерживать между собой мирные и дружественные отношения, взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны. В тексте соглашения говорилось, что если одна из сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, то другая сторона будет соблюдать нейтралитет в течение всего конфликта. Одновременно была подписана совместная декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и прояпонского государственного образования Маньчжоу-Го. Посредством секретного обмена письмами между Мацуока и Молотовым была оформлена договоренность о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине в течение полугода после подписания пакта о нейтралитете (впоследствии, после начала советско-германской войны, об этом японском обязательстве предпочитали не вспоминать).

На следующий день Сталин, вопреки советской практике и принятому протоколу, лично приехал на вокзал проводить Мацуока. На перроне он на глазах всех собравшихся подошел к германскому послу Шуленбургу и попросил его приложить максимум усилий, чтобы Германия и Советский Союз и дальше оставались друзьями. Этот публичный акт должен был подчеркнуть стремление Кремля развивать хорошие отношения с Германией и Японией.

Заключение пакта о нейтралитете с Японией стало несомненным успехом советской внешней политики. Оно снижало напряженность в советско-японских отношениях и служило сдерживающим фактором в наращивании японской военной мощи у советских границ. В то же время Токио обеспечил себе благоприятные условия для развития экспансии в направлении южных морей.

15.13. Формирование англо-американского союза. Закон США о ленд-лизе

Японская активность тревожила руководителей США. В конце января — начале февраля 1941 г. в Вашингтоне состоялось несколько совещаний представителей Генеральных штабов Великобритании, ее доминионов и Соединенных Штатов. Было решено, что в случае вступления США в войну их основные усилия будут сосредоточены в Атлантике и Европе, поскольку Германия являлась наиболее серьезным противником в блоке агрессоров.

В марте 1941 г. президент Рузвельт подписал закон о ленд-лизе. Этот закон предоставлял президенту США полномочия «передавать, сдавать в аренду, взаймы или поставлять иным способом военные материалы или военную информацию правительству любой страны, если ее оборона против агрессии жизненно важна для Соединенных Штатов». Тем самым США все более активно включались в усилия по противодействию блоку агрессоров. При этом Рузвельт подчеркивал, что ленд-лиз — это не акт благотворительности, а средство защиты Америки.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Ленд-лиз — программа передачи Соединенными Штатами Америки (взаймы или в аренду) вооружения, боеприпасов, стратегических материалов, транспортных средств, продовольствия и т.п. противникам блока агрессоров во Второй мировой войне. Действовала с марта 1941 г. по сентябрь 1945 г.

Поддержка Соединенных Штатов Америки была очень важна для Великобритании, оказавшейся в критической ситуации. Британские войска были изгнаны из Греции и Киренаики (часть современной Ливии). В начале мая 1941 г. британский премьер У. Черчилль писал президенту Рузвельту, что если Великобритания утратит Египет и Ближний Восток, то борьба против Германии и Италии превратится для нее в трудную и долгую проблему, даже при условии вступления США в войну. Но Гитлеру было уже не до Северной Африки и Ближнего Востока.

15.14. Завершение подготовки Германии к нападению на СССР. Внешнеполитические просчеты Сталина

Вся германская военная машина готовилась к началу войны против СССР.

Уточнялись отдельные аспекты «плана Барбаросса», вырабатывались общие политические директивы для командования вооруженными силами. 30 марта 1941 г. Гитлер собрал в рейхсканцелярии около 250 генералов и высших офицеров, которые должны были участвовать в ведении войны против СССР. Он заявил: «Предстоящую войну с Советским Союзом нельзя вести по обычным военным законам. Это будет война на уничтожение, борьба двух мировоззрений». Планировалось ликвидировать советский государственный и политический аппарат, территорию СССР колонизовать, а население превратить в послушную рабочую силу. Гитлеровское руководство ориентировало германские органы на проведение политики геноцида и расширения «жизненного пространства» рейха.

14 июня фюрер собрал еще одно «большое совещание» своих военачальников. Он вновь обосновал решение начать войну против Советского Союза в качестве важного шага для создания нацистской империи на востоке. По свидетельству одного из участников совещания, «у собравшихся господствовало уверенное настроение». Вся военная подготовка агрессии исходила из предпосылки, что основные силы Красной армии будут уничтожены в течение шести—восьми недель в масштабных сражениях на окружение. Не позднее наступления зимы войска агрессоров должны были выйти на линию Архангельск—Волга—Астрахань. С точки зрения международной политики реализация «плана Барбаросса» призвана была лишить Великобританию последнего потенциального союзника в Европе и расчистить гитлеровскому руководству путь к полному господству на континенте.

И. В. Сталин получал многочисленные предупреждения о подготовке гитлеровской Германии к нападению на СССР. Ему сообщали об этом Черчилль и Рузвельт, информировали деятели Коминтерна и агенты советской разведки в Германии. Кремлевский вождь никому не верил. Он упорно считал, что Германия не сможет вести войну на два фронта, а потому не нападет на СССР, пока не сломит сопротивление Англии. Необходимо учитывать и массированную кампанию по дезинформации, развернутую нацистскими спецслужбами. Они всячески создавали впечатление, что Германия готовится к высадке на Британские острова. К тому же кремлевский вождь полагал, что Гитлер предъявит ему какие-то дополнительные требования и они сумеют договориться. В надежде на подобное развитие событий 6 мая Сталин занял пост председателя Совнаркома (главы правительства) СССР. Один из видных деятелей советской разведки того времени впоследствии отмечал, что назначение Сталина главой правительства ясно показывало: «он возглавит переговоры с Гитлером и уверен, что сможет убедить того не начинать войну»[1].

Сталин опасался, что англичане достигнут соглашения с нацистским руководством на антисоветской основе. Эти его опасения усилились в связи с полетом в Англию заместителя Гитлера по нацистской партии Рудольфа Гесса 10 мая 1941 г. Психически неуравновешенный Гесс, бывший военный летчик, перелетел на одноместном истребителе в воздушное пространство Великобритании, а затем выбросился с парашютом и приземлился на территории Шотландии. Гесс предпринял эту авантюру по личной инициативе. Он надеялся договориться с прогермански настроенными деятелями Великобритании о заключении мира на условиях Берлина. Однако британские руководители не могли принять господство Германии в Европе. Миссия Гесса шокировала Гитлера и не привела к желаемому результату.

Сталин прилагал максимум усилий, чтобы не раздражать Гитлера. Еще в январе 1941 г. Москва безоговорочно приняла германские предложения относительно окончательного урегулирования линии границы между двумя странами (до Балтийского моря) в связи с включением Литвы в состав СССР. Тогда же было подписано новое соглашение СССР и Германии о взаимных товарных поставках. Советский Союз тщательно выполнял свои экономические обязательства в отношении Германии. В конце апреля германский посол в Советском Союзе граф фон Шуленбург убеждал Гитлера в Берлине, «что Сталин готов идти нам на дальнейшие уступки». В начале мая Сталин предпринял новые шаги для сохранения отношений партнерства с Гитлером. В Москве были закрыты посольства Бельгии, Норвегии, Греции, Югославии, а их дипломатические представители вынуждены были покинуть Советский Союз. Тогда же Москва официально признала пронацистское правительство Ирака. В середине мая 1941 г. Сталин решительно отказался одобрить план превентивного удара по германским вооруженным силам, разработанный советскими военными руководителями.

[1] *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 139.

В июне множились свидетельства об усиленной подготовке Германии к войне против СССР. Немецкие самолеты все чаще вторгались в советское воздушное пространство, члены семей немецких дипломатов и часть сотрудников посольства Германии срочно покидали Москву.

Тем не менее кремлевский вождь все еще рассчитывал на то, что ему удастся оттянуть начало войны. 14 июня в Москве было опубликовано сообщение официального органа советской информации (ТАСС).

> «По данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы... СССР соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными».
>
> *Из Заявления ТАСС от 14 июня 1941 г.*

Сталин ожидал какой-то реакции гитлеровского руководства: подтверждения, опровержения, предложения о начале переговоров. Однако Берлин попросту проигнорировал советское заявление.

Агрессоры сосредоточили для нападения на Советский Союз 190 дивизий, в том числе 153 немецких, включая 19 танковых и 14 моторизованных дивизий — две трети вооруженных сил Германии. Однако Сталин все еще оттягивал приведение советских войск в полную боевую готовность, рассчитывая уладить дело с Гитлером мирным путем. Вооруженные силы Германии получили приказ начать наступление на советскую территорию в 3 часа 30 минут утра 22 июня 1941 г., одновременно германские летчики должны были нанести мощные бомбовые удары по объектам в СССР.

Вечером 21 июня немецкий военнослужащий, коммунист, попавший в германские войска в Румынии, переправился через пограничную реку Прут и сообщил о начале агрессии против СССР рано утром 22 июня. Советские военачальники убедили Сталина, что перебежчик сообщил правду. В ночь на 22 июня в советские войска приграничных округов ушла осторожная директива о необходимости подготовиться к возможному нападению германских вооруженных сил. В то же время предписывалось не поддаваться на провокации.

Около четырех часов утра 22 июня Сталина разбудил телефонный звонок начальника советского Генерального штаба генерала армии Г. К. Жукова, который сообщил ему о масштабном нападении Германии на Советский Союз. Сталин распорядился собрать в Кремле всех членов Политбюро ЦК ВКП(б), туда же должны были приехать высшие военачальники. Сталин все еще думал о какой-то провокации немецких генералов, считая, что сам Гитлер не решится на агрессию. По поручению советского вождя нарком В. Молотов встретился с германским послом Шуленбургом. Посол сделал Молотову срочн-

ное заявление германского правительства о начале вооруженных действий сил рейха против СССР. Известный американский историк и журналист У. Ширер писал: «Это было уже знакомое заявление, полное всякого рода затасканных измышлений и лжи, в составлении которых Гитлер и Геббельс набили руку и к которым они прибегали каждый раз, чтобы оправдать очередной акт неспровоцированной агрессии. Однако данное заявление... превосходило все предыдущие по абсолютному бесстыдству и лживости»[1]. Нацистские руководители обвиняли советское правительство в проведении антигерманской политики и подготовке нападения на Германию. К сожалению, в наши дни эти измышления нацистской пропаганды повторяют некоторые российские и зарубежные историки.

Нападение Германии, ее союзников и сателлитов на Советский Союз было неспровоцированной агрессией. Началась Великая Отечественная война советского народа и его вооруженных сил. В истории Второй мировой войны наступил совершенно новый этап.

Литература

Основная

Наринский М. М., Филитов А. М. Советская внешняя политика в период Второй мировой войны: Курс лекций. М.: МГИМО, 1999.

Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М.: Высшая школа, 1992.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том первый. События. 1918–1945. М.: Моск. рабочий, 2000. Гл. 14.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том второй. Документы 1910–1940-х годов / Сост. А. В. Мальгин. М.: Моск. рабочий, 2000.

Смирнов В. П. Краткая история Второй мировой войны. М., 2005.

СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941. Дискуссии, комментарии, размышления. М.: Наука, 2007.

Чубарьян А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис: Сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М.: Наука, 2008.

Дополнительная

Международный кризис 1939–1941 гг. Материалы международной конференции. М., 2006.

Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу, 1939–1941. Документы, факты, суждения. М., 2000.

[1] *Ширер У.* Взлет и падение третьего рейха / Под ред. О. А. Ржешевского: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 236.

ГЛАВА **16**

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

16.1. Рождение антигитлеровской коалиции

Вступление Советского Союза во Вторую мировую войну в результате вероломного нападения на него гитлеровской Германии коренным образом изменило характер всей международной обстановки. Гитлер совершил роковой шаг. «Нападение на Россию было чистейшим безумием»[1], — свидетельствовал президент государственного банка Третьего рейха Я. Шахт.

Начавшаяся как схватка великих держав за очередной передел мира, война окончательно приобрела освободительную, антифашистскую направленность, стала борьбой народов против порабощения со стороны стран-агрессоров. По мере нарастания этой борьбы сложились объективные условия для формирования широкой антигитлеровской коалиции государств с различным общественным строем, ядром которой стали союзнические отношения СССР, США и Великобритании, объединенных общим стремлением нанести поражение державам «оси» и договориться об основах послевоенного мира.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Важно отметить, что, несмотря на крупные просчеты советской внешней политики в предвоенные годы и принципиальные ошибки в оценке международной ситуации лично Сталиным, Советскому Союзу все-таки удалось сохранить политические возможности для крутого поворота во внешней политике с началом Великой Отечественной войны в сторону налаживания сотрудничества с англосаксонскими державами и создания межсоюзнической коалиции. Как говорится, мосты не были сожжены, и по ним можно было открыть движение навстречу друг другу.

В дело вступили мощные долговременные факторы, на смену легковесным авантюристическим планам «молниеносной войны» приходило соотно-

[1] *Шахт Я.* Главный финансист Третьего рейха. Признания старого лиса. 1923–1948. М., 2001. С. 401.

шение военных и экономических потенциалов, подкрепленных внешнеполитическими и дипломатическими усилиями со стороны воюющих держав. Мировая перегруппировка сил складывалась не в пользу гитлеровской Германии и ее союзников.

Следует отдать должное и реализму, проявленному руководителями США и Великобритании — президентом Ф. Рузвельтом и премьер-министром У. Черчиллем, которые не дали увлечь себя довоенными антисоветскими фобиями и свойственными части правящего класса своих стран настроениями в духе «третьего радующегося» по известной формуле сенатора Г. Трумэна (мол, пусть русские и немцы «убивают друг друга как можно больше»), а предприняли шаги навстречу Советскому Союзу в трудный для всех час. Слишком большую опасность представлял фашизм для национальных интересов США и Великобритании, чтобы этой опасностью можно было пренебречь.

Тем самым, стратегические расчеты нацистов на изоляцию Советского Союза путем продолжения политики «умиротворения» агрессоров оказались построенными на песке. В Берлине не смогли понять, что после разгрома Франции и осады Англии постепенно произошло решающее изменение мировых противоречий не в пользу держав «оси».

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

В Лондоне и Вашингтоне советско-германскую войну не рассматривали как смертельную схватку «двух тоталитаризмов», а видели в ней борьбу сил демократии и прогресса с бредовыми гитлеровскими планами мирового господства, которой следовало оказать поддержку. Здравый смысл в конце концов возобладал над идеологическими предубеждениями.

Разумеется, указанные тенденции в ходе войны проявляли себя не всегда «в чистом виде», а с поправками на конкретные обстоятельства, разыгрывавшиеся «балансы сил», преследуемые политические выгоды и цели союзных держав и т.д.

В этой связи большое значение имели анонсированные с началом советско-германской войны основные цели СССР и его потенциальных западных союзников. Несмотря на существенные тактические разногласия, их все-таки отличала высокая степень единства в принципиальных вопросах ведения войны и послевоенного мира. Стоит подчеркнуть, что со стороны советского руководства даже в тот тяжелейший начальный период войны, когда Красная армия отступала по всему фронту и, казалось, ничто не могло сдержать блицкриг вермахта, поражение в войне не рассматривалось в качестве рабочей гипотезы.

С этим, разумеется, не следует путать имевшиеся резервные планы возможной сдачи Москвы и даже возможного отступления Красной армии за Волгу, тайные операции с использованием разведывательных каналов с целью выиграть время и ввести гитлеровцев в заблуждение в отношении готовности Кремля «к торгу» по типу Брест-Литовского мира, а возможно, и с целью ока-

зания определенного дипломатического воздействия на западные демократии кошмарным для них сценарием сепаратного мира. Так или иначе, война, особенно такая, какой была Вторая мировая, — слишком сложное предприятие, чтобы все в ней выглядело абсолютно логичным и укладывающимся в хрестоматийные схемы.

Уже 22 июня 1941 г. в 12 часов дня в Обращении к советскому народу от имени Правительства страны, с которым выступил заместитель его главы В. М. Молотов, содержался призыв к мобилизации всех сил и средств на отпор врагу и выражалась непоколебимая уверенность в конечном исходе войны: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Началась практическая работа по переводу всего хозяйства страны на военный лад, мобилизация экономики и всей общественной жизни с использованием преимуществ социалистической системы управления в чрезвычайных условиях с целью превращения страны в единый военный лагерь под лозунгом «Все для фронта, все для победы!». Нигде это не проявилось лучше, как в эвакуации в максимально сжатые сроки оборонных предприятий с запада страны на восток и в создании за Уралом новой индустриальной базы. Без преувеличения, речь шла о выживании советского народа, духовному и физическому существованию которого угрожали планы гитлеровского «нового порядка».

В целях централизации руководства страной в условиях военного времени уже 23 июня, т.е. на следующий день после начала войны, для стратегического руководства военными действиями была создана Ставка Верховного Главнокомандования (ВГК), а 30 июня был учрежден чрезвычайный орган — Государственный Комитет Обороны (ГКО) под председательством И. В. Сталина, наделенный всей полнотой власти в государстве по управлению экономикой, обеспечению политического единства власти и народа и укреплению боевой мощи Красной армии.

В Кремле извлекли уроки из поражения Франции, буржуазно-демократический строй которой не выдержал удара хорошо отлаженной тоталитарной машины нацистского государства и распался под влиянием внутренних противоречий, груза коллаборационизма и полной дезорганизации всей общественной жизни.

3 июля 1941 г. в Обращении Председателя ГКО И. В. Сталина к советскому народу были сформулированы долговременные цели Советского Союза в Великой Отечественной войне. В частности, в Обращении указывалось на всенародный характер начавшейся войны против фашистского порабощения и тесную связь Отечественной войны с миссией по освобождению всех народов Европы от ига фашизма. Также подчеркивалось, что в этой освободительной войне Советский Союз не будет одиноким и его борьба сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. «Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу, против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера», — указывалось в речи Сталина.

Обращают на себя внимание язык, стилистика и интонации документа, лишенного классовых акцентов и близкого по духу настроениям мировой антифашистской демократической общественности и народов оккупированных стран Европы. Вместе с тем советское руководство старательно избегало всяческих упоминаний о мировом характере войны, о державах «оси» в целом, делая упор на германской агрессии и стараясь не осложнить свое положение на Дальнем Востоке и избежать столкновения с Японией. С того момента и вплоть до окончания войны в Европе это станет отличительной чертой внешней политики Кремля, что будет вызывать раздражение в Лондоне и особенно в Вашингтоне.

Общеполитические цели Советского Союза в Великой Отечественной войне определяли и его ближайшие внешнеполитические и дипломатические задачи. Речь шла о создании максимально благоприятных международных условий для завоевания победы над врагом и облегчения усилий Красной армии на фронте прежде всего путем создания боеспособной антигитлеровской коалиции. В беседе с английским послом в Москве С. Криппсом 8 июля 1941 г. Сталин прямо заявил: «Коалиции надо противопоставить коалицию, а не изоляцию»[1]. Это ясно говорило о том, что в Москве рассматривали мировую войну как коалиционную и после разрыва Гитлером пакта о ненападении быстро вернулись к «варианту А» — налаживанию сотрудничества с западными демократиями, что в силу известных обстоятельств СССР не удалось сделать в предвоенные годы.

Этот повышенный динамизм как во внутренней, так и во внешней политике в первые дни войны, когда ситуация на фронте складывалась просто катастрофически для Советского государства, едва ли говорит о большом замешательстве, или даже панике в Кремле, или о «растерянности» лично Сталина, что стало модно утверждать позднее с привлечением весьма сомнительных свидетельств.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Государственный механизм принятия ответственных политических решений в основном работал без сбоев, хотя и с большим напряжением всех ресурсов и огромными человеческими издержками и в целом обеспечивал управление огромной страной в кризисных обстоятельствах. Ставка главарей Третьего рейха на внутреннюю дестабилизацию Советского государства и даже его распад («колосс на глиняных ногах»), межнациональную рознь и действия местных пособников врагу, как это произошло во Франции, оказалась несостоятельной.

[1] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1983. Т. 1. С. 70.

Что касается потенциальных союзников СССР — США и Великобритании, то весть о повороте Гитлера на восток, который давно ждали, судя по свидетельствам непосредственных участников этих событий, вызвала у них чувство глубокого облегчения («дар провидения», по словам военного министра Г. Стимсона). Первоначально большой уверенности в том, что Советский Союз выстоит, не было, политики находились под впечатлением побед вермахта в Европе и хода советско-финской «зимней войны» и расходились между собой лишь в сроках завершения «русской кампании» и «падения большевизма». Поэтому вторжение Гитлера в Россию рассматривалось как временная передышка, которую следовало максимально использовать для укрепления собственных позиций и наращивания военной мощи.

Вместе с тем с первых дней войны политические акценты публично были расставлены достаточно определенно. Тон задавал британский премьер-министр как руководитель страны, уже почти два года находившейся в войне с фашизмом. Выступая вечером 22 июня по радио, У. Черчилль напомнил слушателям о своей многолетней борьбе с коммунизмом в лице Советской России, но в создавшихся новых условиях был готов оказать ей английскую помощь, действуя по старинному принципу, который не раз в прошлом выручал Британскую империю: «враг моего врага — мой друг».

> «Опасность, угрожающая России, — это опасность, угрожающая нам и Соединенным Штатам».
>
> *Из выступления У. Черчилля по радио 22 июня 1941 г.*

Слова словами, но для Москвы в свете довоенной мюнхенской политики «коварного Альбиона» принципиальное значение имел следующий вопрос: был ли способен Лондон пойти на новый сговор с Гитлером за счет Советского Союза и потянуть за собой США? Или англо-германские противоречия к тому времени были уже непримиримы? Подозрения Москвы усиливал состоявшийся буквально накануне немецкого вторжения в Россию прилет в Англию заместителя Гитлера по партии Р. Гесса, окруженный плотной дымовой завесой, подлинные обстоятельства его до конца не раскрыты и до сих пор. Хорошо зная о склонности англичан вести «двойную игру», в Кремле допускали, что Гитлер попытался обезопасить на западе свои тылы перед началом войны с Россией, и не исключали возможность заключения им сепаратного мира с Англией.

Это говорило о большой нервозности кремлевского руководства в тот момент и о повышенной подозрительности самого Сталина, который в обстановке неопределенности в первые дни войны очень боялся нового объединения западных держав против Советского Союза. Между тем напрашивался вывод, что после «битвы за Англию» все мосты уже были сожжены и такие страхи, если они даже и были, не учитывали настроения английского народа, который никогда не принял бы возвращение к политике «умиротворения». Во вся-

ком случае в беседе с советским послом И. М. Майским, состоявшейся в один день с выступлением У. Черчилля, министр иностранных дел Великобритании А. Иден в ответ на советский зондаж вполне определенно ответил, что «ни о каком мире с Гитлером не может быть и речи».

Сложнее было сформулировать свое отношение к начавшейся советско-германской войне правительству Соединенных Штатов, формально сохранявших нейтралитет и единственными из всех великих держав остающихся невоюющей стороной. Роль «запасного игрока», как любил говорить президент Рузвельт, до поры до времени очень устраивала Вашингтон. Куда выгоднее было быть великим «арсеналом демократии», чем проливать кровь на полях сражений. Официальным объяснением были изоляционистские настроения американского народа, с которыми-де не мог не считаться Белый дом.

Поэтому первая реакция со стороны США на события 22 июня в России была достаточно сдержанной и не на слишком высоком уровне. США словно сознательно дистанцировались от энергичного заявления британского премьер-министра и не торопились форсировать события. У советского посольства в Вашингтоне даже сложилось впечатление, что, узнав о вторжении Гитлера в СССР, Рузвельт занял «молчаливую выжидательную позицию». Во всяком случае выступивший на следующий день заместитель государственного секретаря С. Уэллес, человек президента в Госдепартаменте, довольно скупо прокомментировал потрясшие мир события, делая упор на отрицательном отношении США к коммунизму и в то же время охарактеризовав действия Гитлера как «вероломные». При этом он подчеркнул, что «любая борьба против гитлеризма», откуда бы она ни исходила, отвечала интересам безопасности США.

Выступивший на пресс-конференции на следующий день, 24 июня, президент Рузвельт также уклонился от ответа на прямой вопрос — какую помощь Соединенные Штаты были готовы оказать Советскому Союзу? Причинами этой осторожности, если не сказать больше, являлись, с одной стороны, груз довоенных проблем в отношениях Москвы и Вашингтона, а с другой — ситуация, близкая к критической на Восточном фронте, о чем в панических тонах информировал Вашингтон американский посол в Москве Л. Штейнгардт.

В этой связи большое значение для активизации отношений и прояснения военно-политической ситуации имели две крупные акции, организованные Москвой и Вашингтоном приблизительно в одно и то же время в конце июля, — поездка советской военной делегации во главе с генералом Ф. И. Голиковым в Великобританию и США и визит Г. Гопкинса, ближайшего помощника президента Рузвельта и, как неофициально говорили, его «второго “я”», в Москву.

В задачи советских военных входили прежде всего обсуждение с американскими должностными лицами и лично президентом Рузвельтом вопросов организации поставок военных грузов в СССР и разъяснение ситуации на советско-германском фронте. И то и другое в среде американской бюрократии было встречено с большой настороженностью и ясно говорило о нежелании

Вашингтона строить долговременные отношения с Советским Союзом до прояснения обстановки на Восточном фронте, в том числе из-за боязни, что поставленные материалы попадут в руки немцев.

Более полезным для понимания в Вашингтоне положения дел в России оказался визит в Советский Союз Гопкинса, который в результате увиденного собственными глазами и в ходе бесед со Сталиным пришел к выводу о прочности Восточного фронта, высоком моральном духе населения и безусловной решимости России и ее руководителей победить. На него произвели впечатление слова, сказанные в Кремле, о том, что для немцев уже первые сражения в России не стали «прогулкой по бульварам Франции».

Все это президентский эмиссар со своим положительным комментарием об увиденном и услышанном старательно передал в Белый дом. И хотя он, следуя полученным инструкциям, остерегался брать на себя конкретные обязательства и больше слушал, все же была достигнута важная договоренность о проведении в Москве в конце сентября совещания представителей СССР, США и Великобритании о рассмотрении вопроса о военных поставках. Расчет американцев, хотя и с долей известного риска, строился на том, что если ко времени проведения трехсторонней встречи СССР выстоит под ударами гитлеровской военной машины, то, значит, немцы «застряли» в России надолго и ей следовало оказать необходимую помощь в своих же собственных интересах в духе классических канонов теории «баланса сил».

16.2. Атлантическая хартия

Логика большой войны, ее усиливающийся антифашистский характер, возросшее влияние на политику демократических сил ставили перед англо-американскими партнерами задачу определения коренных целей в войне, как ранее это уже сделал Советский Союз. Далеко не случайно к участию в созванной с этой целью двусторонней конференции, состоявшейся в середине августа в бухте Арджентия на Ньюфаундленде и вошедшей в историю как Атлантическая, не был приглашен Советский Союз. В глазах англичан и американцев на том этапе войны роль СССР казалась еще не вполне определенной, и его мнением, вероятно, можно было пренебречь.

Это была первая встреча из числа двусторонних встреч Рузвельта и Черчилля в годы войны, и она имела важное значение для установления «правильного» тона в англо-американских отношениях на будущее. Можно сказать, что именно тогда определились «особые отношения» между Вашингтоном и Лондоном, действующие и по сей день, в которых американская сторона, пользуясь ослаблением «владычицы морей», стала играть роль первой скрипки, а премьер-министр Черчилль смирился с ролью, как он говорил, «лейтенанта Рузвельта».

14 августа на конференции была принята историческая Атлантическая хартия, подготовленная в основном американцами и представляющая собой свод хорошо известных международно-правовых и общепацифистских норм

и принципов ведения войны и организации послевоенного мира, восходящих, по мнению некоторых наблюдателей, еще к Вестфальскому миру, эпохе Просвещения или более позднему «пакту Бриана—Келлога», который, как известно, оказался не способен предотвратить новую мировую войну.

В частности, в хартии говорилось, что Англия и США не ставят цели территориальных или иных приобретений и захватов и не согласятся на какие-либо территориальные изменения, не согласованные со свободно выраженной волей народов, что можно было рассматривать не только как неприятие территориальных захватов стран «оси», но и как прозрачный намек на советско-германский пакт о ненападении и его последствия для политической карты Европы. Также подчеркивалось, что стороны уважают право всех народов избирать свою форму правления и стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем, в чем легко угадывались аллюзии в отношении предвоенных советских действий в Прибалтике, тем более что американцы не признали так называемую «инкорпорацию» Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР.

Далее, также не без намека на экономические интересы авторов хартии, провозглашалось право как больших, так и малых народов иметь доступ на «равных основаниях» к торговле и мировым источникам сырья в духе взятой американцами на вооружение еще в конце XIX в. доктрины «равных возможностей», «свободы торговли» и «открытых дверей», обоснованной адмиралом А. Мэхэном — поборником использования американской военно-морской мощи в интересах внешней экспансии США, что в то время, о котором идет речь, вызвало чувство глубокого удовлетворения у его духовного преемника госсекретаря К. Хэлла. «Окончательное уничтожение нацистской тирании» рассматривалось в хартии как важное условие утверждения в послевоенном мире основных свобод, включая освобождение людей от страха и нужды. Это вызвало саркастические замечания Черчилля, так как допускало различные толкования в английском языке.

Вообще англичане довольно болезненно восприняли усилия США использовать подготовленный документ, чтобы потеснить Великобританию в зонах ее традиционного господства, прежде всего в английских колониях с их богатыми рынками сбыта и источниками сырья. Не случайно Черчилль так настойчиво отстаивал режим «имперских торговых преференций» и в конечном счете добился внесения в Хартию оговорки, что ее положения будут осуществляться «с соблюдением существующих обязательств». В работе «Франклин и Уинстон» современный американский автор Джон Мичэм пишет: «Англичане были больше заинтересованы в военных заявлениях и очень нервно реагировали на возможные последствия хартии для империи и ее системы закрытой торговли, но в тот момент Черчилль решил, что будет разумнее подчиниться желаниям Рузвельта»[1]. В Москве хорошо понимали, что авторам Атлантиче-

[1] *Meacham Jon*. Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship. N.Y., 2003. P. 120.

ской хартии при всех имевшихся между ними разногласиях послевоенный мир виделся англо-американским миром, а СССР, как говорилось в одном из закрытых документов НКИД, была уготовлена роль «бесплатного приложения к другим державам». Это не могло не вызывать чувства негодования, хотя, если оставаться исторически последовательным, объективно соответствовало сталинскому представлению о «соотношении сил» и «праве сильного».

В то же время демонстративное отстранение СССР от участия в конференции едва ли можно было назвать мудрым шагом и удачным началом консолидации коллективных сил для отпора агрессорам. Дело выглядело таким образом, что, пока одни сражались, другие думали о разделе трофеев задолго до победы. Правда, блюстители политической морали вполне могли сослаться на предвоенный опыт, когда Англия вела борьбу «не на жизнь, а на смерть», а СССР и Германия в это время занимались «переустройством» европейского пространства. Так или иначе, советское правительство отказалось от участия в Межсоюзнической конференции в Лондоне, намеченной на 27 августа, хотя и не возражало по существу против положений хартии. Скорее речь шла о том, чтобы с самого начала установить правильный тон в отношениях с союзниками и не допускать своей дискриминации, даже когда ситуация выглядела почти критической.

Руководствуясь коренными интересами борьбы с фашизмом, советское правительство дало согласие принять участие в перенесенной на конец сентября Межсоюзнической конференции, чтобы с рядом других стран, подвергнувшихся нацистской агрессии, поддержать Атлантическую хартию. Оглашенная на конференции советская декларация актуализировала положения хартии и выражала позицию СССР в отношении целей в войне и послевоенного демократического мироустройства. В декларации выражалось согласие с принципами Атлантической хартии, но при этом оговаривалось, что ее практическое воплощение в жизнь зависело от конкретных обстоятельств, нужд и исторических особенностей той или иной страны. В Москве не хотели связывать себе руки конкретными обязательствами, когда до победы было еще далеко, а дела на фронте оставляли желать лучшего.

16.3. Налаживание межсоюзнического сотрудничества

По сути дела, вся история антигитлеровской коалиции, если брать практическую сторону вопроса, — это, во-первых, история межсоюзнических переговоров в отношении открытия второго (Западного) фронта, во-вторых, организация военных поставок Советскому Союзу в рамках так называемого американского закона о ленд-лизе (займа-аренды) и, в-третьих, вопросы послевоенного мироустройства. Разумеется, успехи или неудачи на дипломатическом фронте определяла ситуация на основных театрах военных действий — Европейском, Ближневосточном, Азиатско-Тихоокеанском, среди которых решающую роль играл советско-германский фронт.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Как следует из переписки руководителей СССР, США и Великобритании, советское правительство уже в самом начале войны исходило из того принципиального положения, что различия в характере государственного строя СССР, с одной стороны, и США и Великобритании — с другой, не могли быть препятствием для налаживания между ними прочного военно-политического сотрудничества и обеспечения законных интересов.

Правовое начало было положено подписанием 12 июля в Москве Соглашения о совместных действиях СССР и Великобритании в войне против Германии, которое зафиксировало обязательства сторон оказывать друг другу помощь и поддержку в войне и не вести переговоров и тем более не заключать перемирия или мирного договора с Германией без обоюдного согласия. В развитие этого соглашения в августе было заключено советско-английское соглашение о товарообороте, кредите и клиринге, на основании которого Лондон предоставил СССР 3%-ный заем на 10 млн ф. ст. сроком на 5 лет.

В свою очередь Вашингтон после известных колебаний принял решение о разблокировании советских фондов в США и неприменении к СССР «закона о нейтралитете», что позволяло советским организациям приобретать за наличный расчет военные материалы в США, а американским судам давало право захода в советские порты. Однако на том этапе США отказались предоставить советскому правительству кредит в 500 млн долл. с оплатой в течение 5 лет после войны, явно тем самым демонстрируя свою неуверенность в судьбе СССР. Вместо этого они пошли 15 августа на заключение весьма скромного соглашения, по которому их новоявленный союзник получал кредит в 10 млн долл. под обеспечение золотом, доставленным в США на советских судах «Днепрострой» и «Азербайджан» в октябре—ноябре 1941 г. в количестве 903 тыс. тройских унций. Война войной, очевидно, рассуждали в Вашингтоне, а бизнес бизнесом.

С советской стороны дело не ограничивалось налаживанием сотрудничества только с ведущими антифашистскими державами. Частью усилий советского правительства по формированию широкого фронта борьбы с фашизмом стало восстановление отношений с эмигрантскими правительствами оккупированных стран Европы, нашедшими убежище в Лондоне. С одними из них это было сделать проще, с другими — труднее, в зависимости от уровня довоенных отношений. Например, бывший президент Чехословакии Э. Бенеш, если верить воспоминаниям одного из руководителей советской разведки генерала П. Судоплатова, негласно получил даже «на переезд» в Лондон после капитуляции Праги от советского правительства 10 тыс. долл. 18 июля было заключено соглашение с правительством Чехословакии в изгнании о взаимной помощи и поддержке в войне с Германией, включая согласие советского правительства на создание на территории СССР чехословацких воинских формирований с последующим их участием в боях на советско-германском фронте.

30 июля после трудных переговоров, в ходе которых польское правительство в изгнании во главе с генералом Сикорским тщетно попыталось поставить вопрос о Западной Украине и Западной Белоруссии, было подписано соглашение, признававшее советско-германские договоры 1939 г. касательно территориальных перемен в Польше «утратившими силу». Также советская сторона дала согласие на формирование на территории СССР польской армии с первоначальной численностью 30 тыс. человек. 4 декабря 1941 г. в Москве в результате переговоров главы советского правительства с генералом Сикорским была подписана Советско-польская декларация о дружбе и взаимопомощи, которая не только закрепляла высокий уровень отношений в военное время, но и закладывала их основы на послевоенный период. В историю международных отношений советско-польская декларация вошла как знаменательный документ, впервые затронувший вопрос о создании после войны международной организации безопасности, основанной, как указывалось, «на объединении демократических стран в прочный союз».

Итогом переговоров явилось согласие советской стороны довести численность польских частей, формируемых на советской территории, до 96 тыс. человек, имея в виду, как подчеркивалось, их совместную борьбу «рука об руку с советскими войсками» против фашистских захватчиков, и в этих целях обеспечить их всем необходимым вооружением и снаряжением. Как известно, в результате интриг в польских эмигрантских кругах армия генерала Андерса была выведена позднее за пределы СССР и не принимала участия в боях на советско-германском фронте.

Агрессия нацистской Германии разрушила традиционный порядок в Европе, создававшийся на протяжении столетий. Из числа великих держав выпала Франция, одна из опор этого порядка и сложившегося баланса сил. В то время как в Лондоне и особенно в Вашингтоне думали о том, как прибрать к рукам французское колониальное наследство, и откровенно третировали генерала Ш. де Голля, возглавившего в противовес капитулянтскому правительству Виши во главе с престарелым маршалом Ф. Петэном патриотическое движение «Свободная Франция», а позднее «Сражающаяся Франция», советское правительство проявило политическую дальновидность и уважение к традициям русско-французской дружбы и ответило согласием на предложение де Голля вскоре после начала советско-германской войны признать его движение и установить с ним отношения.

В Москве оценили официальное заявление генерала, объявившего, что, «поскольку русские ведут войну против немцев, мы безоговорочно вместе с ними». В поддержке СССР де Голль видел важную возможность возрождения величия Франции и возвращения ей после войны места в ряду великих держав. 26 сентября 1941 г. советский посол в Лондоне И. М. Майский вручил де Голлю письмо, в котором говорилось, что правительство СССР признает его «как руководителя всех свободных французов» и готово оказывать им «всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией», а также

обеспечить после победы «полное восстановление независимости и величия Франции». Это были слова, которые де Голль безуспешно ждал от англо-американских союзников, еще долгое время не принимавших его всерьез.

В ответном письме советскому послу де Голль, выражая благодарность за признание, писал: «Со своей стороны от имени свободных французов я обязуюсь бороться на стороне СССР и его союзников до достижения окончательной победы над общим врагом». По мнению известного историка, этот обмен письмами был равносилен заключению своего рода союзного договора между Правительством СССР и Французским национальным комитетом[1].

16.4. Ввод советских и британских войск в Иран

В коалиционной войне важное значение имела координация действий между союзниками как в больших вопросах, так и в малых. В этой связи удачным примером такой координации являлись совместные действия, предпринятые СССР и Великобританией в Иране в начале Великой Отечественной войны. Иран не только входил в зону их традиционных интересов чуть ли не с XIX в., но и имел большое значение в качестве одного из стратегических маршрутов доставки военных грузов в СССР через Персидский залив и Ближний Восток. Поэтому, когда там активизировала свои действия гитлеровская Германия, умело используя антибританские настроения, лозунги антиколониальной борьбы и пронацистские симпатии Реза-шаха из династии Пехлеви, возникла реальная угроза создания враждебного анклава у южных границ СССР и вблизи периметра британской Индии. Все попытки Москвы и Лондона в июле—августе дипломатическим путем воздействовать на правительство шаха и пресечь деятельность гитлеровской агентуры в стране успеха не принесли.

В создавшейся ситуации по инициативе английского правительства СССР и Великобритания приняли решение о временном вводе своих войск в Иран с целью обезопасить фланги и коммуникации и пресечь враждебную деятельность. 25 августа советское правительство в ноте иранскому правительству сообщило о своем решении временно ввести войска в соответствии со статьей 6 советско-иранского договора 1921 г. и в связи с опасностью подрывной деятельности немцев, а также о немедленном выводе войск, как только эта опасность будет устранена. Аналогичным образом поступило и британское правительство. В тот же день синхронно с севера и с юга советские и британские войска вступили на иранскую территорию.

8 сентября для уточнения технических вопросов СССР и Великобритания подписали с Ираном соглашение, которое определяло численность войск союзников на иранской территории и обязательства иранской стороны по содействию транзита военных грузов и обеспечению их безопасности. Скомпрометированный связями с нацистами шах Реза вынужден был отречься от

[1] *Молчанов Н. Н.* Неизвестный де Голль. Последний великий француз. М., 2011. С. 158.

престола в пользу своего сына Мохаммеда Реза Пехлеви. 29 января 1942 г. СССР, Великобритания и Иран заключили в Тегеране Договор о союзе, в соответствии с которым СССР и Великобритания обязались уважать территориальную целостность, суверенитет и независимость Ирана и защищать его от агрессии, а через шесть месяцев после окончания войны вывести свои войска из Ирана. Иранское правительство в свою очередь гарантировало беспрепятственный транзит военных грузов через свою территорию и надежность как автомобильных, так и железнодорожных коммуникаций.

Уже в наши дни британская газета «Таймс» решила освежить в памяти читателей события той поры и перепечатать некоторые репортажи своих военных корреспондентов. Так, в репортаже от 28 декабря 1941 г. говорилось: «Временная оккупация северных провинций Ирана советскими войсками открывает новую страницу в иранской истории... У советских солдат отменная дисциплина, за покупки в местных лавках они исправно платят, правда, были единичные случаи мародерства — но такое бывает и в любой другой армии мира, при этом мародеры были сурово наказаны. Рядовым запрещено покупать алкогольные напитки. К тому же советское командование получило по импорту все необходимое для того, чтобы пребывание советских войск не легло тяжким бременем на принявшую их страну. ...Прекрасная дисциплина и образцовое поведение Красной армии — вот самая лучшая реклама России в Иране».

16.5. Московская конференция о военных поставках

Вопрос о военных поставках в СССР превращался в важный критерий действенности межсоюзнических отношений в целом. Состоявшаяся 29 сентября — 1 октября в Москве конференция представителей СССР, США и Великобритании по вопросам оказания взаимной военно-экономической помощи стала первой трехсторонней встречей союзников в годы войны. Она состоялась, хотя положение на советско-германском фронте оставалось крайне тяжелым. К концу сентября немецкие войска захватили территорию, превышающую в два раза размеры Франции, и находились от Москвы в 300 км. Основная тяжесть поставок ложилась на Соединенные Штаты, англичанам самим приходилось выступать в роли просителей в Вашингтоне.

Поскольку речь шла о поставках, измеряемых сотнями миллионов долларов, главой американской делегации в Москве был назначен дилетант в дипломатии, зато опытный бизнесмен и финансист А. Гарриман, совладелец банкирского дома «Браун Бразерс, Гарриман энд К°», имевшего немалые экономические интересы в покоренных Гитлером европейских странах, особенно в Польше. Английскую делегацию возглавлял министр снабжения лорд Бивербрук, — говоря сегодняшним языком, медийный магнат и близкий друг Черчилля. В инструкциях главы английского правительства ему предписывалось добиваться, чтобы поставки СССР велись «почти исключительно за счет

американских ресурсов», а основной их объем предполагалось осуществить не раньше 1943 г.

О том, какими инструкциями должна была руководствоваться американская делегация на совещании в Москве, дает представление письмо Рузвельта военному министру Г. Стимсону.

> «Я считаю делом исключительной важности для спокойствия и безопасности Америки, чтобы все разумные поставки направлялись в Россию не только сейчас, но и до тех пор, пока она продолжает эффективно бороться с державами "оси". Я убежден, что существенные и всеобъемлющие обязательства такого характера должны быть предоставлены России на предстоящей конференции».
>
> *Из письма Ф. Рузвельта Г. Стимсону от 30 августа 1941 г.*

Переговоры, по существу, начались сразу же по прибытии американской и английской делегаций в Москву 28 сентября. В тот же вечер их руководителей принял в Кремле глава советского правительства. «Первая встреча была отмечена большим откровением со стороны Сталина, — отмечал Гарриман. — Он обрисовал в деталях военное положение, не скрывая, что оно было критическим. Сталин подчеркнул жизненную важность любой ценой удержать Москву».

А. Гарриман не хотел спешить с заявкой и считал, что следует узнать как можно больше из бесед с советскими руководителями. Эта тактика сразу же негативно сказалась на ходе переговоров. Неудивительно, что следующая встреча с главой советского правительства, состоявшаяся вечером 29 сентября, проходила совсем в иной атмосфере. «Второй вечер, — вспоминал Гарриман, — был очень бурным. Сталин не скрывал того, что он крайне не удовлетворен нашими предложениями. Казалось, он ставил под сомнение нашу добрую волю».

Этот жесткий разговор оказал отрезвляющее воздействие на представителей США и Великобритании, которые отказались от тактики затягивания переговоров и предприняли шаги навстречу Советскому Союзу. В результате были согласованы основные статьи протокола поставок Советскому Союзу, и 1 октября протокол был подписан участниками конференции. Как признавал позднее А. Гарриман, это решение было «всего-навсего осознанием американских эгоистических интересов».

В окончательном виде протокол включал в себя более 70 основных наименований поставок и свыше 80 наименований предметов медицинского снабжения и был рассчитан на срок до 30 июня 1942 г. Ежемесячно Советский Союз должен был получать 400 самолетов, 500 танков, 152 зенитных орудия, 1,3 тыс. противотанковых орудий, 2 тыс. т алюминия и других военных грузов — всего за девять месяцев 1,5 млн т. Для Советского Союза было сделано

важное исключение: в обмен на поставки от него не требовалась информация закрытого порядка, кроме той, которую было готово предоставить само советское правительство. Правда, справедливости ради следует отметить, что первый протокол был выполнен лишь на 40%.

16.6. Распространение ленд-лиза на Советский Союз

На повестку дня остро вставал вопрос о финансировании поставок Советскому Союзу. Этот вопрос не был решен на Московской конференции, хотя советские руководители располагали сведениями о том, что президент занимался им вплотную. Обстановка в США была напряженной. Круги, стоящие на изоляционистских позициях, выступали противниками финансирования советских заказов из государственной казны. В сентябре—октябре через конгресс проходил второй законопроект об ассигнованиях на ленд-лиз. 24 сентября правый конгрессмен Г. Фиш внес в палате представителей поправку, которая исключала Советский Союз из числа получателей помощи. Представитель администрации, подчеркнув значение «русского фронта», настаивал на сохранении «свободы рук» для президента. В итоге на заседании всей палаты представителей поправка была отвергнута 162 голосами против 21.

Рузвельт понимал, что дальше откладывать решение вопроса о финансировании советских заказов нельзя. 2 ноября 1941 г. советское правительство получило памятную записку посольства США, в которой сообщалось, что во избежание финансовых затруднений президент отдал распоряжение о немедленном проведении мероприятий, при которых поставки могут производиться согласно закону о ленд-лизе на сумму до 1 млрд долл.

В послании И. В. Сталина от 4 ноября говорилось, что советское правительство принимает решение президента «с искренней благодарностью как исключительно серьезную поддержку Советского Союза в его громадной и трудной борьбе с нашим общим врагом, с кровавым гитлеризмом». В послании далее подчеркивалось: «Правительство СССР готово сделать все необходимое, чтобы поставлять Соединенным Штатам Америки те товары и сырье, которые имеются в его распоряжении и в которых могут нуждаться Соединенные Штаты». Тем самым вопрос был решен не в плоскости односторонних поставок, а с учетом взаимных обязательств об оказании поддержки друг другу. 7 ноября 1941 г. конгресс США принял решение распространить на СССР программу ленд-лиза.

16.7. Провал блицкрига. Вступление США во Вторую мировую войну

Война таила в себе немалые неожиданности для всех ее участников. Одни ставили на «красное» и выигрывали, другие ставили на «черное» и оказывались в проигрыше. Тот, кто предрекал Гитлеру быструю победу на Востоке

и со дня на день осенью 1941 г. ожидали взятия Москвы, были посрамлены. Ценой колоссального перенапряжения всех сил и мобилизации имеющихся ресурсов Красная армия 5–6 декабря нанесла мощный контрудар по измотанным в ходе осенних сражений немецким войскам группы армий «Центр» и отбросила их на 100–250 км от Москвы. Были наголову разбиты 11 танковых, 4 моторизованные, 23 пехотные дивизии, а 12 дивизий были сильно обескровлены. «Битва под Москвой», как она вошла в историю Второй мировой войны, кроме очевидных военных последствий, развенчавших миф о непобедимости гитлеровской Германии и ее вооруженных сил и обозначавших начало решающего изменения в ходе Великой Отечественной и всей мировой войны, имела большое значение для укрепления антигитлеровской коалиции и повышения в ней роли Советского Союза.

Во время войны, само собой разумеется, военный фактор является решающим для дипломатических отношений и укрепления боевого духа участников вооруженной борьбы. На фоне военных неудач, выпавших в то время на долю англо-американских войск в Северной Африке, на Ближнем Востоке и Тихом океане, время, которое Черчилль образно называл «зимой тревоги нашей», события на Восточном фронте явились проблеском надежды на поворот военной фортуны в сторону союзников. В международном плане окончательный срыв планов «молниеносной войны», жирную точку в которых поставила битва под Москвой, вызвал напряжение в отношениях держав «оси», прежде всего между Германией и Японией.

Японцы в свое время расценили как «удар в спину» советско-германский пакт о ненападении, заключенный в разгар вооруженного конфликта между СССР и Японией на Дальнем Востоке, и ответили подписанием незадолго до германского вторжения в СССР советско-японского пакта о нейтралитете и, что особенно важно, удержались от соблазна его нарушить в разгар боев на Восточном фронте. Это имело колоссальные стратегические последствия для судьбы СССР, позволив ему сконцентрировать основные усилия в войне против гитлеровской Германии и избежать войны на два фронта, а тем самым и для исхода всей Второй мировой войны.

В числе проигравших оказались Соединенные Штаты, которые, несмотря на все свои многолетние дипломатические усилия подтолкнуть японскую агрессию в северном направлении, подверглись 7 декабря 1941 г. («день позора», как его окрестили в Америке), почти день в день с началом советского контрнаступления под Москвой, внезапному японскому удару на Тихом океане против своего флота в бухте Пёрл-Харбор на Гавайях. Потери были весьма чувствительными: на военно-морской базе в Пёрл-Харборе находился цвет тихоокеанского флота США. Всего США потеряли 18 крупных кораблей, много мелких судов и свыше 300 самолетов. Потери были, конечно, с учетом экономической мощи США со временем вполне восполнимы, но на тот момент Америка испытала страшный шок, а соотношение сил на Тихом океане заметно изменилось в пользу Японии.

Примечательно, что японская эскадра в составе 6 авианосцев при сопровождении линкоров и крейсеров 22 ноября перед нанесением коварного удара по Пёрл-Харбору скрытно сосредоточилась севернее Японии, на редко посещаемой якорной стоянке у Курильских островов (остров Итуруп), передачи которых себе после войны начнет требовать Япония, а США (вот ведь превратности истории!) будут поддерживать ее в этом требовании к России.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Японская агрессия на Тихом океане положила конец стратегии «затягивания» вступления США во Вторую мировую войну. По мнению многих историков, если бы не эти действия клики Тодзио, Вашингтон еще долго придерживался бы избранной тактики «запасного игрока» и вершил судьбы войны из-за кулис, полагаясь на свою экономическую мощь и дипломатическое маневрирование. 8 декабря, выступая в конгрессе, президент Рузвельт объявил войну Японии, но, что характерно, не стал объявлять войну Германии и Италии. За него это сделал Гитлер, объявив в выступлении в рейхстаге 11 декабря 1941 г. войну, как он презрительно говорил, государству «еврейской плутократии» — Соединенным Штатам. Гитлер рассчитывал, что этот его шаг, который некоторые историки склонны рассматривать как фатальный для него, поможет ему в отношениях с Японией, заставив ее разорвать пакт о ненападении с СССР. В один и тот же день с США войну Японии объявила Великобритания.

В Кремле тоже по понятным причинам напряженно ожидали развития ситуации на Дальнем Востоке. Как только стало известно об объявлении Германией войны Соединенным Штатам, нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов сообщил об этом Сталину, выразив сомнение в готовности японцев выступить одновременно и против СССР. «Немцы сейчас получили такой урок в Подмосковье, что в Токио трижды должны подумать, прежде чем решиться на действия против нас», — сказал он. В тот же день войну США объявили Италия и другие союзные Третьему рейху государства. На стороне США и Великобритании в войне против Японии выступила большая группа государств — от Австралии до Панамы и Гватемалы, а также эмигрантские правительства.

Война в полном смысле слова стала мировой, втянув в свою орбиту большинство государств и разделив их на противостоящие враждебные коалиции. 11 декабря 1941 г. Германия, Италия и Япония заключили новый военный пакт в дополнение к Тройственному пакту, который предусматривал совместное ведение войны против США и Великобритании всеми имеющимися средствами «до победного конца» и отказ от заключения сепаратного мира или перемирия. Из всех великих держав только СССР в результате гибких и последовательных дипломатических усилий удалось избежать войны на два фронта и тем самым сосредоточить все силы против главного врага. Факт, как представляется, недооцененный в отечественной и зарубежной литературе, если только не задумываться над тем, что могло бы быть, возобладай другой, менее благоприятный

для нас сценарий. Не стоит забывать, что в первые месяцы войны судьба Советского Союза и так висела на волоске.

16.8. Вопрос об открытии второго фронта в 1941 г.

С самого начала Великой Отечественной войны советские руководители связывали большие надежды на облегчение положения СССР со скорейшим открытием так называемого второго фронта на Западе за счет высадки англо-американских войск на побережье Франции и тем самым создания для Германии безвыходной ситуации двух фронтов. Недаром канцлера фон Бисмарка мучил «кошмар коалиций» и он настоятельно завещал своим преемникам всеми силами избегать такого сценария, учитывая геополитическое положение Германии в центре Европы. Итоги Первой мировой войны, завершившейся разгромом кайзеровской Германии, не выдержавшей тяжести войны на два фронта, явились лучшим тому подтверждением.

Определенная логика, конечно, была в том, чтобы повторить опыт войны 1914–1918 гг. применительно к новой, если руководствоваться известным правилом, что политики и генералы обычно готовятся к предыдущей войне. Но против таких ожиданий, которые вынашивали в Кремле отчасти в силу отчаянной ситуации на фронте в первые месяцы войны (надежда, как известно, умирает последней), отчасти ради создания понятных населению объяснений причин отступления Красной армии, действовали качественно новые факторы, каких не было в предыдущей войне.

Во-первых, в отличие от войны 1914–1918 гг. Франция была повержена и не могла служить плацдармом для высадки союзников, прежде всего экспедиционных сил Соединенных Штатов. Тем самым гитлеровцы плотно контролировали атлантическое побережье континентальной Европы. Что касается Англии, то ее способность вести войну была серьезно подорвана немецким воздушным «блицем», «позором Дюнкерка», а форсирование Ла-Манша с целью высадки на континенте представляло сложную инженерно-техническую задачу, которую не отважился решить Гитлер, сохранив в своем тылу бомбу замедленного действия.

Во-вторых, маховик военных приготовлений в США с учетом мобилизационных особенностей капиталистической экономики раскручивался крайне медленно и явно отставал от потребностей войны. Изоляционизм и невмешательство как стратегия, массовая идеология и официальное кредо сыграли злую шутку с американцами и ослабили их безопасность перед внешней угрозой. Достаточно сказать, что перед началом войны в Европе в кондитерской промышленности США работало больше рабочих, чем в авиационной. Отсюда и такое внимание, которое в Вашингтоне придавали «русскому фронту», пока Америка «собиралась с силами» для вступления в войну «в решающий момент» по примеру президента В. Вильсона четвертью века раньше. Преждевременное открытие второго фронта только потому, что это нужно было России, не укла-

дывалось в эти планы и оставалось за рамками циничной политической логики, которой достаточно единодушно при всех тактических разногласиях до поры до времени придерживались в Лондоне и в Вашингтоне, не понимая всю опасность этого курса.

В-третьих, особая острота мировых противоречий в первой половине XX столетия, переплетение в них идеологических, империалистических и геополитических мотивов, классовых и расистских теорий, влияние тяжелейшего экономического кризиса, забвение принципов общечеловеческого гуманизма, где тон задавали фашистские государства, привели к серьезной деградации политической морали и нравственности в международной жизни и выходу на первый план близорукой стратегии «выживания» и «каждый за себя». Было бы наивно считать, что с поворотом колеса Фортуны быстро и легко изменятся отношения вчерашних антагонистов — СССР, США и Великобритании и на смену подозрительности и недоверию довоенных лет придут абсолютное взаимопонимание и «чувство локтя».

В Москве, конечно, хорошо помнили антисоветские интриги «мюнхенской» политики западных держав и заигрывание их руководителей с нацистами, а в западных столицах не забыли довоенные маневры Сталина, круто изменившего курс советской внешней политики подписанием пакта с Гитлером. В свете такого довоенного наследия остается лишь удивляться, что вчерашние оппоненты смогли в кратчайшие сроки договориться о главном — союзе в войне, сохранив тактические разногласия и национальные интересы и недобрую память о недавнем прошлом.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Впервые вопрос о втором фронте был поставлен главой советского правительства перед У. Черчиллем вскоре после подписания советско-английского соглашения в июле 1941 г. В личном послании британскому премьеру, открывшему переписку между ними в годы войны, Сталин предлагал открыть фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика), аргументируя свое предложение тем, что силы немцев были отвлечены на Восток, и этим следовало воспользоваться. Мгновенно отреагировавший Черчилль с ходу назвал советское предложение «нереальным», обещая лишь, что «воздушные налеты на Германию будут продолжаться со все возрастающей мощью».

Как стало известно по дипломатическим каналам советскому правительству, второй фронт виделся Черчиллю скорее где-то на Ближнем Востоке, в зоне традиционных британских интересов, а не во Франции и не в ближайшее время. Так начались длительные переговоры, которые серьезно омрачали межсоюзнические отношения и в которых не принимал активного участия президент Рузвельт вплоть до вступления США в мировую войну.

Со свойственной ему подозрительностью, подогретой катастрофической ситуацией на фронте, Сталин в письме послу И. М. Майскому в конце августа обвинил англичан в потворствовании Гитлеру и в их желании ослабить Советский Союз и считал, что «нам надо быть осторожным в отношении англичан». Тем не менее в сентябре, когда военное положение СССР еще больше осложнилось, Сталин вновь вернулся к вопросу о втором фронте, попытавшись на этот раз «напугать» Черчилля силой германского наступления и перспективой выхода СССР из войны. В своем послании от 3 сентября 1941 г. он указывал на большие потери советской территории в результате того, что Гитлер отмобилизовал крупные силы, включая «46 дивизий своих союзников», и оказался у ворот Ленинграда. Упоминание о «союзниках» было далеко не случайным и должно было напомнить Черчиллю, что война предполагала коалиционные действия с обеих сторон. Оказавшись перед «смертельной опасностью», как следовало из послания, советское правительство видело только один выход из создавшегося положения — «создать уже в этом году второй фронт где-либо на Балканах или во Франции, могущий оттянуть с Восточного фронта 30–40 немецких дивизий».

Однако пафос сталинского послания не произвел должного впечатления на британского премьер-министра, руководствовавшегося, как и положено консервативному политику такого масштаба, собственной эгоистической логикой и, вероятно, в узком кругу не преминувшего вспомнить, как в недалеком прошлом вел себя Сталин, когда на Британские острова обрушилась воздушная мощь люфтваффе и началась в воздухе «битва за Англию». Интересно его свидетельство на этот счет в письме к С. Криппсу, английскому послу в Москве от 28 октября 1941 г.: «Они, несомненно, не имеют права упрекать нас. Они сами подписали свой приговор, когда, заключив пакт с Риббентропом, дали возможность Гитлеру наброситься на Польшу и этим развязали войну. Они лишили себя эффективного второго фронта, когда допустили уничтожение французской армии... До нападения на них Гитлера мы не знали, будут ли они сражаться, и если будут, то на чьей стороне. Мы оставались в одиночестве в течение целого года». В беседе с собственной супругой — Клементиной, горячо выступавшей в поддержку России, Черчилль был безапелляционен: «Я сказал ей, что о втором фронте не может быть и речи...»

В Кремле вынужденно сделали вывод, что рассчитывать пока приходится лишь в основном на собственные силы. Вопрос о доверии преследовал союзников всю войну и так до конца и не был полностью преодолен, постоянно напоминая о себе в различных политических ситуациях. Изменение военного положения в пользу Советского Союза убедило Черчилля в правильности его интуиции, что Красная армия «выстоит» и без поддержки своих союзников и англичанам, следовательно, сам Бог велел сосредоточиться на осуществлении своих оперативных планов в районе Ближнего и Среднего Востока и Средиземноморья, а также и на других театрах военных действий. Разбить Гитлера или серьезно подорвать его силы должен был Советский Союз в ходе кровопролитных сражений на Восточном фронте. Этой тактики США и Великобритания неукоснительно придерживались всю войну.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Так или иначе, но в течение полугода после вступления в войну СССР антигитлеровская коалиция была окончательно сформирована и официально провозглашена. К началу 1942 года державам «оси» противостояли 29 государств с населением 1 млрд 200 млн человек. Авантюристическим планам «молниеносной войны» и вероломных нападений противостояла мощь объединенных людских и материальных потенциалов крупнейших держав и последовательного наращивания ими своих военных ресурсов. В такой затяжной войне у гитлеровской Германии и ее союзников не было шансов на победу.

Как свидетельствовал Я. Шахт, знавший о положении Германии не понаслышке, «с экономической точки зрения мы не готовы для продолжительной войны».

16.9. Визит А. Идена в Москву

Вопрос о втором фронте был, несомненно, важным, но не единственным, волновавшим советское правительство. Не менее острым, хотя и несколько отодвинутым войной на второй план, оставался весь комплекс политических вопросов, прежде всего территориальных, обострившихся в связи с денонсацией советско-германского пакта о ненападении и секретных протоколов к нему. Даже в условиях германской оккупации большой части советской территории вопрос о международной легитимности довоенной западной границы СССР продолжал волновать советское правительство.

Как считали в Москве, после контрнаступления Красной армии созрел момент для осуществления дипломатического прорыва в отношениях с западными союзниками путем подписания с ними полноценных союзнических военно-политических договоров с целью определения целей войны и условий послевоенного мира. Определенный зондаж в этой связи был проведен во время визита А. Идена в Москву в середине декабря 1941 г., который выявил на тот момент нежелание Лондона и Вашингтона признать за Советским Союзом его границы по состоянию на 22 июня 1941 г. Причем особенно деструктивно в тот момент выступил Госдепартамент США и лично госсекретарь К. Хэлл, который призывал англичан «не идти на уступки русским» и предлагал сохранить этот «козырь» для оказания дипломатического давления на СССР в дальнейшем. Неудивительно, что Иден отказался подписать предложенный советской стороной протокол, предусматривавший признание Англией границ СССР 1941 г., прямо сославшись, как вспоминал И. М. Майский, на позицию Соединенных Штатов. Все попытки Сталина переубедить главу Форин офис закончились безрезультатно.

На самом деле это была, скорее всего, удобная отговорка, так как англичане, и прежде всего лично Черчилль, занимали в этом вопросе столь же недруже-

ственную позицию по отношению к СССР, как и американцы. Оценивая итоги визита Идена в Москву и двухдневные переговоры со Сталиным, Черчилль категорически заявлял, что «не может быть и речи об установлении границ до мирной конференции. Мне известно, что президент Рузвельт так же твердо придерживается этой точки зрения, как и я, и он несколько раз высказывал мне свое удовлетворение по поводу твердой позиции, которую мы заняли по отношению к Москве». Инерция довоенных настроений все еще давала о себе знать и мешала установлению новых доверительных отношений между союзниками.

А на практике получалось так, что, отказав Москве в открытии второго фронта, западные союзники отказывались пойти ей навстречу и в другом жизненно важном для нее вопросе. Возникла ситуация, по всем признакам близкая к дипломатическому тупику в тот ответственный момент, когда тесное взаимодействие всем участникам антигитлеровской коалиции было особенно необходимо. Американцы не теряли надежды, что они смогут убедить советское правительство объявить войну Японии, не понимая, что эта тема была табу в стратегическом планировании Кремля на том этапе войны, а советская дипломатия удваивала усилия, чтобы решить волновавшие ее непростые задачи по обеспечению своих интересов — как военные, так и политические. Развязать затянутые узлы можно было только с помощью взаимно приемлемых компромиссов.

16.10. Декларация Объединенных наций

Серьезным предостережением государствам-агрессорам стало подписание 1 января 1942 г. 26 государствами Декларации Объединенных наций, текст которой был предложен англо-американской стороной после консультаций с советским правительством и с учетом внесенных им замечаний и поправок. Отражением действительного положения дел, сложившегося между объединившимися против фашизма государствами, стал порядок подписания Декларации. На первое место среди участников антигитлеровской коалиции были поставлены СССР, США, Великобритания и Китай, а остальные страны были перечислены в порядке английского алфавита.

Китайское правительство Чан Кайши оказалось в привилегированном положении в большой степени благодаря личной протекции президента Рузвельта, который связывал большие надежды на будущее для интересов США с гоминьдановским Китаем, при противодействии этому со стороны Черчилля и сдержанном отношении советского правительства. Зато в Декларации, опять-таки под нажимом США, вовсе не была упомянута Франция под тем надуманным предлогом, что генерал де Голль представлял, мол, «движение», а не государство. На самом деле Вашингтон не мог простить «заносчивому» французу его самостоятельность и преданность делу возрождения Франции, что вылилось в открытый конфликт в декабре 1941 г. между ними по поводу французских островов Сан-Пьер и Микелон, на которые «положили глаз» Соединенные Штаты, пользуясь возникшим безвластием во французских владениях и не ожидая получить отпор со стороны «свободных французов».

Декларация, развивая положения Атлантической хартии, фиксировала обязательства подписавших ее государств и стран, присоединившихся к ней позднее, употребить все свои военные и экономические ресурсы в войне со странами Тройственного пакта и их сателлитами, а также активно взаимодействовать друг с другом и не заключать сепаратного мира или перемирия с врагами. После долгих поисков «яркого» названия и отклонения различных вариантов, как, например, «ассоциированные государства», по примеру Первой мировой войны, в конце концов по предложению президента Рузвельта остановились на воодушевляющих словах «Объединенные Нации», которым суждено было, как оказалось, не только консолидировать государства в борьбе с фашизмом, но и заложить основы их послевоенного сотрудничества в рамках международной организации безопасности.

16.11. I Вашингтонская конференция

С вступлением США во Вторую мировую войну и изменением расстановки сил на Тихом океане на передний план выходили вопросы большой стратегии, соотношения театров военных действий. Существовала опасность, что военное командование США может отдать приоритет военным операциям в Азии перед европейской войной. С целью обсуждения этих вопросов сразу же после японского нападения на американский флот в США отправился на борту линкора «Принц Уэльский» премьер-министр Черчилль, «бывший военный моряк», как он любил называть себя в переписке с президентом США, чтобы принять участие в англо-американской конференции в Вашингтоне, получившей кодовое название «Аркадия». Конференция, проходившая с 22 декабря 1941 г. по 14 января 1942 г. без участия представителей Советского Союза, открыла череду таких же закрытых двусторонних встреч руководителей США и Великобритании в годы войны, что давало Сталину основание подозревать союзников в сговоре за его спиной.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

На Вашингтонской конференции вопреки сопротивлению американских военных был согласован принципиальный стратегический вопрос, что «Германия — главный враг». Предполагалось в целях ее «изматывания» использование воздушных бомбардировок, усиление морской блокады, оказание содействия Советскому Союзу путем наращивания военных поставок, поддержка сил сопротивления в оккупированных странах и организация там диверсионно-подрывных операций. О вооруженных действиях на Европейском континенте в виде высадки союзных войск и создания второго фронта ни в 1942, ни в 1943 г. речь не шла. Вместо этого планировалось вторжение англо-американских войск в Северную Африку.

В качестве руководящего органа планирования и осуществления военных операций был создан Объединенный англо-американский комитет с местом пребывания в Вашингтоне, что, вероятно, должно было символизировать особый характер отношений США и Великобритании и их роль во Второй мировой войне. Советское правительство о принятых в Вашингтоне решениях проинформировано не было. «Русские не были представлены в объединенном штабе, — отмечал Черчилль. — У них был один, отдаленный от нас и самостоятельный фронт, и поэтому не было нужды или возможности увязывать работу наших штабов с ними».

Политикам свойственно обольщаться в отношении своих возможностей и ставить перед собой сверхзадачи. Судя по всему, в Москве до конца не понимали на тот момент, что западные союзники играли по собственным жестким правилам и твердо решили придерживаться стратегии «дозированного» участия в войне в соответствии со своими долговременными интересами. В этом отношении особенно непримиримо и негибко вел себя Черчилль в вопросах, прямо затрагивающих интересы СССР. Он исходил из того, как следует из его инструкций от 8 января 1942 г. английскому министру иностранных дел А. Идену, что Советский Союз будет серьезно ослаблен к концу войны и окажется зависим от англо-американского блока.

16.12. Советско-английский союзный договор (26 мая 1942 г.) и советско-американское соглашение (11 июня 1942 г.)

Дипломатия военного времени весьма чувствительна ко всем колебаниям вооруженной борьбы, победам и поражениям на фронте. После первого успешного опыта Красной армии в войне, нанесшей поражение вермахту под Москвой, к весне 1942 г. на Восточном фронте воцарилось временное затишье, которое оказалось всего лишь стратегической паузой перед новой пробой сил. Немецкое командование учло уроки кампании 1941 г. и отказалось от наступления по нескольким стратегическим направлениям, сосредоточив главные усилия на юге. Война принимала экономический характер. Предполагалось мощными ударами танковых армий отсечь советские войска от кавказских нефтепромыслов и Бакинского экономического района и выйти к Волге в районе Сталинграда и Астрахани. Последствия для «войны моторов», по выражению Сталина, легко было предвидеть.

Одновременно гитлеровцы ускорили мобилизацию ресурсов всей покоренной Европы для войны на Восточном фронте против вынужденного рассчитывать в основном на собственные силы СССР. Попытка советского командования развить успех зимней кампании, организовав в спешке плохо продуманное наступление под Харьковом, обернулась крупным провалом и большими людскими и материальными потерями и открыла вермахту дорогу к Волге.

И вновь в Лондоне и Вашингтоне, как и осенью минувшего года, усилились настроения, близкие к панике в отношении судьбы Восточного фронта. Как отмечал Черчилль, «тем не менее в этот момент мировой истории никто не мог быть уверен, что Германия не сломит Россию или не загонит ее за Урал, а затем не сумеет повернуть и вторгнуться в Англию либо, избрав другое направление — через Кавказ и Персию, не сомкнется с японскими авангардами в Индии». Необходимо было оказать хотя бы символические знаки поддержки СССР при всей ограниченности имевшихся возможностей в связи с готовящейся высадкой англо-американских войск в Северной Африке и расширением войны на Тихом океане.

Первым понял, что надо действовать, британский премьер. В своем послании Рузвельту от 7 марта 1942 г. он вразрез со своей недавней позицией пришел к выводу, что Атлантическую хартию не следовало трактовать «таким образом, чтобы лишить Россию границ, в которых она находилась, когда на нее напала Германия», выражал надежду, что президент США предоставит англичанам свободу рук для подписания договора, которого добивался Сталин. Черчилль хорошо знал, что без решения вопроса о границе договор не имел смысла для советского правительства.

Судя по интенсивной переписке между западными союзниками в этот период, англичане острее ощущали биение пульса войны на советско-германском фронте и настроения в Кремле, которые удалось почувствовать Идену в ходе многочасовых бесед со Сталиным, а поэтому вынуждены были оказать прямой нажим на американцев в поддержку интересов СССР. Более опытная и на протяжении веков поднаторевшая в европейских политических играх английская дипломатия постаралась убедить старшего партнера в необходимости заключения советско-английского договора «в качестве политической замены материальной и военной помощи», ссылаясь при этом и на настроения британской общественности. Но Вашингтон, формально не желая «поступиться принципами», продолжал категорически выступать против включения в советско-английский договор пункта о границе, рассматривая это как важную уступку СССР, требующую соответствующей «компенсации».

В такой обстановке неопределенности в Кремле все-таки было решено откликнуться на приглашение президента Рузвельта и направить с визитом в Лондон и в Вашингтон в мае—июне 1942 г. наркома иностранных дел В. М. Молотова. По соображениям безопасности нарком фигурировал в этой поездке как «господин Браун» и отправился в далекий путь на борту тяжелого советского бомбардировщика. Английская сторона в качестве компромисса предложила в проекте союзного договора признать границу СССР только в Прибалтике и воздержалась от полного признания советской границы, что было согласовано с американцами. Это не могло устроить советскую делегацию, а поэтому по обоюдному согласию было решено вообще устранить из текста проекта союзного договора пункт о границах. Тем самым, вопрос откладывался до более благоприятного момента в международном положении

СССР. Правда, английская сторона в одностороннем порядке официально заявила о признании вхождения Эстонии, Латвии и Литвы в состав Советского Союза, что имело большое значение на будущее в качестве важного прецедента при окончательном решении вопроса о советской границе.

26 мая 1942 г. Договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны был подписан в Лондоне В. М. Молотовым и А. Иденом. Договор состоял из двух частей и в первой части зафиксировал обязательства сторон оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе, а также не вступать ни в какие переговоры с гитлеровским правительством или любым другим правительством в Германии, которое явно не откажется от всех агрессивных намерений, и не вести переговоры или не заключать перемирия и мирного договора с Германией или любым другим государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе, иначе как по взаимному согласию.

Вторая часть договора со сроком действия в 20 лет определяла отношения СССР и Великобритании после войны и перечисляла взаимные обязательства сторон действовать в послевоенный период в союзе с другими государствами-единомышленниками в целях сохранения мира и сопротивления агрессии, а также принятия необходимых мер, «чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Германией или любым из государств, связанных с ней в актах агрессии в Европе». В этой части договора также указывалось, что, если одна из сторон вновь окажется вовлеченной в войну с Германией или связанным с ней в актах агрессии иным государством, другая сторона обязуется оказывать ей всякую военную и другую помощь.

Исключительно большое значение имело положение договора, предусматривавшее взаимный отказ сторон от участия в союзах или коалициях, направленных против одного из них, что, правда, не помешало Великобритании нарушить его своим вступлением в Североатлантический блок после войны. Однако на момент подписания договора стороны верили (кто и с какой степенью искренности — это другой вопрос), что «великий союз» удастся сохранить и после войны «в целях организации безопасности и экономического процветания в Европе».

Важным итогом переговоров в Вашингтоне явилось заключение соглашения (не договора!) между СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии. По соображениям безопасности соглашение было подписано только 11 июня послом СССР в США М. М. Литвиновым и госсекретарем К. Хэллом, когда Молотов уже был на пути домой. Соглашение, по сути дела, подытожило уже накопленный к этому времени опыт сотрудничества между СССР и США, закрепив принцип оказания американской помощи Советскому Союзу в качестве жизненно важного для безопасности США и подчеркивая взаимный характер этой помощи.

Соглашение регулировало порядок расчетов по ленд-лизу, предусматривая возвращение после войны определенной части тех из полученных военных материалов, которые не были бы израсходованы Советским Союзом и могли быть использованы США. При этом условия расчетов должны были не затруднять двустороннюю торговлю, а наоборот, ее стимулировать и способствовать улучшению мировых экономических отношений в целом путем «уничтожения всех форм дискриминации в мировой торговле», сокращения пошлин и других торговых барьеров. Соглашение закладывало хорошие основы для развития в послевоенное время советско-американских торгово-экономических связей и могло сыграть полезную роль в деле восстановления СССР и обеспечения рынка для американских товаров в период ожидаемой послевоенной депрессии в США.

16.13. Переговоры о втором фронте в 1942 г.

И все-таки основной целью визита Молотова в столицы союзных держав был вопрос открытия второго фронта. В Москве никак не могли поверить в то, что государственные деятели такого калибра, как Рузвельт и Черчилль, были способны вести двойную игру и успокаивать советское правительство заведомо ложными обещаниями или, как любили говорить французские дипломаты на Кэ д'Орсе, «смазывать губы» партнеру. Да и как было не поверить, когда 11 апреля 1942 г., вручив советнику посольства СССР А. А. Громыко свое личное послание Сталину, президент Рузвельт на словах добавил, что он, «как и Сталин, является реалистом и хочет предпринять конкретные шаги для того, чтобы оттянуть часть сил Гитлера с советского фронта» и что, по его мнению, «это можно сделать летом этого года, не откладывая». Причем когда по прямому поручению своего правительства Громыко через день уточнил лично у Рузвельта место намеченной высадки, то получил вполне определенный ответ — «во Франции», чего и добивалось от союзников советское правительство.

Во время переговоров с Молотовым в Лондоне Черчилль явно уходил от обсуждения этого вопроса или отделывался туманными фразами, давая понять, что мяч был на стороне американцев. К ним и отправился нарком после посещения Лондона. 29 мая, совершив утомительный перелет северными широтами над Исландией и Лабрадором, он прибыл в американскую столицу. В переговорах также принимал участие посол Литвинов, сменивший вскоре после начала войны Уманского и пользовавшийся популярностью в западных демократиях как последовательный сторонник довоенной политики коллективной безопасности. Несмотря на подчеркнуто радушный прием — наркома разместили в Белом доме в гостевых апартаментах недалеко от покоев самого президента, — переговоры с самого начала протекали трудно.

Обращало на себя внимание, что Госдепартамент в повестке дня переговоров даже не счел нужным упомянуть о втором фронте. Сам президент, словно не ведая, какая напряженная обстановка складывалась на Восточном фронте

к лету 1942 г., когда начиналась судьбоносная Сталинградская битва, вел себя подчеркнуто умиротворенно и не прочь был рассуждать о послевоенных проблемах, таких как разоружение, безопасность, деколонизация, международная опека и другие, как будто победа была уже «в кармане». Советскому представителю пришлось вернуть президента к суровым военным будням и без прикрас обрисовать обстановку на советско-германском фронте, подчеркнув важность отвлечения оттуда хотя бы 40 немецких дивизий. Молотов, что называется, ребром поставил перед президентом США жизненно важный для Советского Союза вопрос: «Могут ли США сделать что-либо для облегчения борьбы СССР против Гитлера или они еще не готовы к этому?»

В ответ Рузвельт пустился в длинные рассуждения о трудностях с транспортировкой войск через Атлантику, нехватке вооружений и прочее, а самое главное — старательно обходил вопрос о месте развертывания боевых действий против Германии. Молотов вынужден был телеграфировать в Москву, что «ничего конкретного» Рузвельт ему не сказал. Советское правительство сочло такую уклончивость неприемлемой и поручило передать американскому президенту, что считает «абсолютно необходимым» включить в текст как советско-американского, так и советско-английского коммюнике слова о том, что в ходе переговоров «был также упомянут вопрос о создании второго фронта в Европе и о том, что по этому вопросу имеется полная договоренность».

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Рузвельт понял, что переговоры могли закончиться дипломатическим скандалом и демонстрацией отсутствия единства среди союзников, к радости Берлина и Токио, а поэтому, несмотря на возражения начальника штаба армии генерала Дж. Маршалла и Госдепартамента, взял ответственность на себя по примеру президента Линкольна («все — против, я — за. Принято») и вынужденно одобрил советский проект. В коммюнике указывалось, что «в ходе переговоров была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.».

На обратном пути Молотов совершил остановку в Лондоне и получил согласие Черчилля на включение аналогичной формулировки в текст советско-английского коммюнике.

Советское правительство считало подписание двух идентичных коммюнике наиболее важным итогом переговоров в Лондоне и в Вашингтоне и своим большим дипломатическим успехом. Оставалось лишь удостовериться, будут ли выполнены взятые союзниками на себя обязательства. Много времени на это не потребовалось.

Не успели, как говорится, просохнуть чернила на принятых союзниками обязательствах, как с их стороны началась ревизия этих документов. За день до опубликования коммюнике Черчилль вручил Молотову туманный меморандум, в котором обуславливал выполнение принятых решений таким коли-

чеством «но» и «если», что возникали обоснованные сомнения в серьезности намерений союзников. «Невозможно сказать заранее, будет ли положение таково, чтобы сделать эту операцию осуществимой, когда наступит время», — говорилось в меморандуме.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

По настоянию Черчилля 18—25 июня в Вашингтоне состоялась II англо-американская конференция, в ходе которой было принято решение отказаться от вторжения в Западной Европе в 1942 г. английских и американских войск в силу «неподготовленности» операции и опасности ее проведения. Вместо этого союзники сепаратно договорились организовать высадку англо-американских войск в Северной Африке против итальянских и немецких войск. В июле этот вопрос был решен ими окончательно. Оставалось лишь *post factum* поставить в известность о принятом решении советское правительство. Получалось так, что в разгар боев под Сталинградом Красная армия могла рассчитывать только на собственные силы.

В истории межгосударственных отношений, пожалуй, не было такого откровенного случая политической недобросовестности, как в вопросе со вторым фронтом. Все ссылки некоторых авторов на «сталинское коварство» в предвоенные годы, которое якобы оправдывало такие действия и устанавливало определенный порог нравственности, не выдерживают критики. Шла война, в которой СССР, США и Великобритания выступали союзниками, и от решений, принятых ими, зависела жизнь миллионов людей. Не случайно президент США испытывал известную неловкость и предоставил Черчиллю объясняться со Сталиным. В августе вместе с британским премьером в Москву отправился А. Гарриман.

Первый прием в Кремле не оставил никаких сомнений у них, какие чувства испытывали советские руководители по поводу нелояльности западных союзников в ответственный для исхода всей Второй мировой войны момент. В переданном им с советской стороны меморандуме указывалось, что отказ Великобритании и США от своих обязательств значительно осложнил положение Красной армии и нанес ущерб планам советского командования. По сути дела, Советский Союз вновь был оставлен один на один с общим врагом. Черчилль в свойственной ему безапелляционной манере отверг эти обвинения и в ответном меморандуме официально уведомил об отказе открыть второй фронт в 1942 г., пообещав вторгнуться в Европу весной 1943 г. силами 27 американских и 21 английской дивизий.

По существу, советское правительство мало что могло сделать в тот момент, чтобы повлиять на решения западных союзников. Поэтому, судя по трем записям бесед в Кремле — от 12, 13 и 15 августа, — Сталин не стал нагнетать обстановку и, высказавшись начистоту, предпочел не заострять разногласия.

Приходилось делать хорошую мину, так как открытый разлад был бы только на руку Берлину. Осадок, и немалый, конечно, остался и лишний раз подтвердил хорошо известную истину, что здравый смысл в политике побеждал далеко не всегда. А вот в какой степени проявленная союзниками недобросовестность скажется на доверии к ним Сталина при решении других вопросов, тогда еще никто сказать не мог.

16.14. Международные последствия Сталинградской битвы. Начало коренного перелома в войне

В Кремле хорошо понимали, что решение дипломатических задач находилось в прямой зависимости от успехов Красной армии на фронте. Дипломатический фронт был важным, но все-таки второстепенным и, можно сказать, вспомогательным в течение всей войны. Поэтому летом и осенью 1942 г. основное внимание Ставки и ГКО было приковано к ситуации на фронте, где назревал коренной перелом в ходе войны. Почти половину всех соединений, действующих на советско-германском фронте, или 97 дивизий, гитлеровское командование сосредоточило на южном стратегическом направлении. 23 августа 6-я немецкая армия при поддержке 3-й и 4-й румынской и 8-й итальянской армий начала наступление на Сталинград. К концу сентября они овладели его центром и прижали защитников города к Волге. Разгорелась Сталинградская битва. Временами с двух сторон в ней участвовали свыше 2 млн человек и по 2 тыс. танков и самолетов.

Параллельно с отчаянной защитой города под лозунгом «За Волгой для нас земли нет!» советское командование в обстановке глубокой тайны готовило план контрнаступательной операции. Замысел Ставки заключался в том, чтобы мощными ударами клиньев осуществить окружение войск противника и ликвидировать их. 19 ноября 1942 г. операция советских войск силами Сталинградского и Юго-Западного фронтов под кодовым наименованием «Уран» началась. В котле, замкнутом в районе Калача, оказались 22 отборные немецкие дивизии. Все попытки гитлеровского командования деблокировать окруженные войска потерпели полную неудачу.

К началу февраля 1943 г. группировка немецких войск и их союзников была полностью разгромлена. Свыше 90 тыс. солдат и офицеров противника были взяты в плен, включая командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала Паулюса. Всего в ходе Сталинградской операции были разгромлены 5 армий Германии и их союзников общей численностью 1,5 млн человек. От этого удара Германия уже не могла оправиться всю оставшуюся часть войны, несмотря на объявленную тотальную мобилизацию. Стратегическая инициатива полностью перешла к Красной армии. А всего в результате зимней кампании 1942/43 г., включающей в себя также битву за Кавказ, были разгромлены 113 вражеских дивизий и освобождена территория почти в полмиллиона квадратных километров.

Победа советского оружия под Сталинградом оказала мощное воздействие на всю международную обстановку. Начался затяжной кризис фашистского блока. Моральный дух его участников резко пошел на спад. Союзники гитлеровской Германии начали терять уверенность в конечной победе. Колеблющиеся стали еще осторожнее, чтобы не проиграть в схватке гигантов. Нейтралы задумывались над тем, как не осложнить отношения с вероятными победителями. Начались сильные брожения в итальянской верхушке, которые скоро приведут к отставке Муссолини и выходу Италии из войны. Заметно осторожнее стала Япония в отношении СССР. Ее пугала перспектива оказаться в войне сразу с двумя крупнейшими мировыми державами.

Осмотрительнее в отношении Германии стала Швеция, снабжавшая ее долгое время под прикрытием своего нейтралитета стратегическим сырьем и допускавшая при определенных условиях свое участие в войне на ее стороне. Произошел перелом в позиции Турции, которая уже была готова напасть на СССР с южного направления в случае победы Германии под Сталинградом и в этих целях сосредоточила на советско-турецкой границе 27 дивизий. Турки начали активно зондировать англичан на предмет сближения, не порывая «на всякий случай» связей с Германией. Силы сопротивления всей оккупированной Европы получили мощный стимул активизировать борьбу против нацистской тирании и местных коллаборационистов. Словом, после Сталинградской битвы мир стал уже другим, и наиболее дальновидные политики понимали, что фортуна отвернулась от держав «оси».

16.15. Высадка англо-американских войск в Северной Африке. Конференция в Касабланке

Объективно поглощенность Германии войной с Россией создавала благоприятные условия для действий США и Великобритании на других фронтах, прежде всего в Северной Африке. Восточный фронт, словно огромная воронка, втягивал в себя колоссальные материальные и людские ресурсы Германии, особенно после Сталинграда, и пользовался безоговорочным приоритетом в ставке Гитлера при распределении этих ресурсов. Поэтому для Берлина Средиземноморский театр военных действий был второстепенным и снабжался «по остаточному принципу». Наоборот, для Великобритании Ближний и Средний Восток, Северная Африка, Балканы являлись зоной главных британских интересов, так как открывали доступ к «жемчужине британской короны» — Индии, а оттуда к английским азиатским владениям. Черчилль не так уж был далек от истины, когда представлял себе кошмарные картины соединения армий Германии и Японии где-нибудь на побережье Индийского океана. Надо было обладать мощью его интеллекта, подкупающей логикой и силой убеждения, чтобы внушить Рузвельту мысль о преимуществах высадки в Северной Африке и тем самым выдать британские интересы за общие англо-американские. Возможно, в глазах президента США так было спокойнее и без-

опаснее, но судьба войны и особенно послевоенного мира решалась все-таки не на Ближнем Востоке, а в Европе.

Имея большой перевес в силах и другие преимущества, англичане тем не менее не сумели их реализовать до подхода американцев. В июне 1942 г. немецкий генерал Э. Роммель, «лис пустыни», как его окрестили, заставил английскую армию капитулировать в крепости Тобрук, открывавшей прямую дорогу к Суэцкому каналу — важнейшей стратегической водной артерии между Европой и Азией. На пути в Египет оставался только Эль-Аламейн, к которому вплотную подошли немцы. Надломленное поражением во Франции и паническим отступлением из Дюнкерка английское командование готовило планы поспешной эвакуации своей 8-й армии из Египта. Однако в июле наступательный порыв немецко-итальянских войск внезапно иссяк в связи с переброской танковых дивизий, специально подготовленных для войны в пустыне, на советско-германский фронт. Это дало англичанам столь необходимую передышку и возможность стабилизировать ситуацию. Немецко-итальянское командование просто не успело консолидировать свои захваты в Африке и сосредоточить там крупные силы. Все резервы «пожирал» Восточный фронт.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Высадка союзников в Северной Африке, широковещательно приравненная ими к открытию второго фронта, на самом деле осложнила положение Советского Союза в самый напряженный момент Сталинградской битвы, так как ясно показала Гитлеру, что никакой высадки в Европе не будет, а значит, можно было оттуда безбоязненно перебрасывать войска на Восточный фронт. В итоге далеко не простым совпадением является то, что с декабря 1942 г. по февраль 1943 г. из Германии, Франции, Бельгии и Голландии туда было переброшено 27 полноценных дивизий. Оценивая создавшуюся ситуацию, Сталин писал Черчиллю: «Таким образом, вместо помощи Советскому Союзу путем отвлечения германских сил с советско-германского фронта получилось облегчение для Гитлера»[1].

8 ноября 1942 г. началась высадка англо-американских войск на атлантическом побережье Северной Африки вблизи Касабланки, Орана и Алжира (операция «Торч»), не встретившая сильного военного сопротивления. С находившимися здесь французскими войсками марионеточного режима Виши под командованием адмирала Дарлана американцам удалось мирно договориться, соблазнив адмирала перспективой возглавить местную администрацию. «Сделка с Дарланом — это единственный выход», — сообщил американский генерал Кларк генералу Эйзенхауэру. Этого деятеля Виши устраивала такая роль, чем были недовольны и англичане, будучи наслышаны о его антибританских настроениях, и особенно вождь «свободных французов» генерал де Голль.

[1] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 341.

Северная Африка превратилась в клубок межимпериалистических противоречий, в результате которых адмирал Дарлан при весьма загадочных обстоятельствах был вскоре убит, а Гитлер оккупировал всю Францию и ликвидировал марионеточный режим Виши.

Явно грешат против истины и попытки некоторых авторов представить победу английской 8-й армии под командованием генерала Б. Монтгомери над ослабленными войсками Роммеля под Эль-Аламейном, одержанную в начале ноября 1942 г., как чуть ли не аналог Сталинградской битвы, «поворот судьбы» по своему влиянию на ход войны. По мнению военных специалистов, эта операция носила локальный, оперативно-тактический характер и, кроме несомненного морального значения для подъема боевого духа английских войск, не избалованных победами, ничем не могла повлиять на исход войны. «До Эль-Аламейна мы не одержали ни одной победы. После Эль-Аламейна мы не потерпели ни одного поражения», — упивался Черчилль, обходя коренной вопрос о значении Восточного фронта.

Новая военно-политическая реальность, создавшаяся после высадки англо-американских войск в Северной Африке и поражения немцев под Сталинградом, поставила вопрос о согласовании стратегии руководителями США и Великобритании. С этой целью Рузвельт и Черчилль решили провести двустороннюю встречу в январе 1943 г. в Касабланке. Правда, выбор у них был невелик, так как решающий шаг уже был сделан и оставалось лишь поддерживать темп и направление заданного движения. Начали с устранения разногласий в отношении того, кому следовало доверить бразды правления во «французской Африке». Рузвельт поддерживал лояльного генерала Жиро, вывезенного американцами на подводной лодке из Франции, Черчилль предлагал кандидатуру «неудобного» де Голля, отдавая должное росту его популярности во главе патриотических сил. В итоге пошли на компромисс и договорились о создании своего рода «дуумвирата» при равноправном участии двух генералов и последующем создании под их председательством в июне 1943 г. в Алжире Французского комитета национального освобождения (ФКНО) — зародыша будущего правительства Франции. В августе 1942 г. ФКНО признали правительства СССР, США и Великобритании.

В своих воспоминаниях де Голль пишет много нелицеприятного о политике американцев и своей первой встрече с Рузвельтом в Касабланке. От него не ускользнул тайный смысл заигрывания американцев с вишистами, готовыми служить новым хозяевам. Он прозорливо говорил, что «Соединенные Штаты вносят в великие дела простые чувства и сложную политику». На поверхности вроде бы речь шла о том, чтобы обеспечить порядок и надежный тыл на освобожденных территориях, не важно, кто это будет делать, пусть даже вишисты, а на самом деле предполагалось создать новую федеральную систему управления Французской империей на основе ее фрагментации на отдельные куски во главе с лояльными США администраторами, разумеется, под лозунгами независимости и свободы для народов колоний.

Поэтому де Голль вполне обоснованно считал, что с момента вступления Америки в войну Рузвельт исходил из того, что послевоенный мир будет миром на американских условиях и что именно ему принадлежит право диктовать условия этого мира и выступить в роли вершителя судеб Франции. Но здесь, как говорится, коса нашла на камень. Генерал оказался «крепким орешком» и встал на пути американских планов. Во время их первой встречи, вспоминал де Голль, Рузвельт, «подобно кинозвезде, недовольно хмурился, видя, что другие тоже могут играть роль. Рузвельт не особенно благосклонно взирал на мою особу, хотя прятал свои чувства под галантным обхождением патриция»[1].

Конференция в Касабланке вошла в историю официально провозглашенным принципом «безоговорочной капитуляции» держав «оси». Это, однако, не означало, что США и Великобритания на тот момент были готовы отказаться от своей тактики затягивания открытия второго фронта. По предложению Черчилля был принят стратегический план осуществления в 1943 г. высадки англо-американских войск в Сицилии с последующим их вторжением на Апеннинский полуостров и продвижением на север по «итальянскому сапогу». Этот план отражал стремление Черчилля нанести удар в «мягкое подбрюшье» Европы, как он образно называл «балканский вариант» второго фронта, призванный создать заслон на пути наступления Красной армии в Восточной Европе. Черчилль надеялся, что командование германской армии рано или поздно свергнет Гитлера и откроет фронт союзникам на Западе.

Твердого решения о создании второго фронта в Западной Европе не последовало и на состоявшихся конференциях руководителей США и Великобритании в Вашингтоне (май 1943 г.) и Квебеке (август 1943 г.), если не считать повторения весьма расплывчатого обещания, сделанного в Касабланке, открыть его весной 1944 г. Вопрос о том, быть или не быть второму фронту, превратился в сильный «раздражитель» в межсоюзнических отношениях и выходил за рамки чисто военных вопросов. Отказ Сталина принять неоднократные предложения Рузвельта встретиться «с глазу на глаз» вдвоем или в составе «большой тройки» служил тому тревожным сигналом.

16.16. Курская битва. Завершение коренного перелома в войне

Между тем Вторая мировая война приближалась к своему апогею. На Восточном фронте летом 1943 г. назревали новые судьбоносные события, которые вошли в историю как Орловско-Курское сражение. В результате зимнего наступления Красной армии в районе Белгорода и Орла образовался так называемый Курский выступ. Его стратегическое значение для обеих воюющих сторон было исключительно велико, так как могло служить как плацдармом для наступления, так и ловушкой для сконцентрированных в нем сил в случае уда-

[1] *Голль Шарль де.* Военные мемуары. Единство. 1942–1944. М., 2003. С. 87–88.

ра по ним с флангов и их дальнейшего окружения. В военных штабах шла напряженная работа по поводу того, как лучше всего использовать создавшееся стратегическое положение.

К этому времени гитлеровская Германия уже не имела сил и средств, чтобы развернуть широкое наступление даже уже и по одному стратегическому направлению. Тем не менее в Берлине были уверены, что война не проиграна, а лишь приняла затяжной характер и что Германия все еще была способна нанести решающее поражение Советскому Союзу и добиться стратегического успеха. В этих целях приказом Гитлера от 13 января 1943 г. была объявлена «тотальная война» за счет мобилизации новых воинских контингентов, рабочей силы и материальных ресурсов со всей покоренной Европы. Несмотря на большие потери в живой силе, численность вермахта была доведена до 10 млн 300 тыс. солдат и офицеров.

Замысел германского командования, получивший название операции «Цитадель», заключался в том, чтобы зажать в клещи советские войска на Курском выступе и осуществить их последующий разгром. После этого предполагалось развить наступление на северо-восток, в обход Москвы и в тыл центральной группировки советских войск с последующим ее окружением. Этот план отдавал явным авантюризмом, свойственным Гитлеру, так как пытался повторить военные успехи 1941 г. и не учитывал, что стратегическая инициатива уже была не на стороне Германии. Политическая воля которую всегда идеализировал нацистский фюрер, была бессильна против реального соотношения сил. Всего с немецкой стороны в операции участвовало 50 дивизий при поддержке еще 20 дивизий на флангах общей численностью около 900 тыс. человек, а также 10 тыс. орудий и минометов, 2,7 тыс. танков и самоходных орудий, более 2 тыс. самолетов. Большие надежды на успех гитлеровцы связывали с применением новой боевой техники — танков «Пантера» и «Тигр», самоходных орудий «Фердинанд», новых моделей истребителей и самолетов-штурмовиков.

Стратегический план советского командования, одобренный Ставкой, заключался в том, чтобы по примеру предыдущих успешных боевых операций измотать врага в оборонительных боях и затем перейти в наступление с вводом в действие стратегических резервов. 5 июля началось наступление противника, которому предшествовал мощный контрудар советской артиллерии, ослабивший наступательный порыв гитлеровцев. Как отмечал в своих мемуарах маршал Г. К. Жуков, «началось величайшее сражение в районе Курской дуги». Временами в боях, как, например, в знаменитом танковом сражении под Прохоровкой, принимало участие до 1200 танков и самоходных орудий с обеих сторон. В небе вместе с советскими летчиками сражались пилоты французской эскадрильи «Нормандия». Курская битва продолжалась 50 дней. По своей продолжительности, концентрации военной мощи и интенсивности боев ей нет равных среди сухопутных сражений Второй мировой войны. Потери гитлеровской Германии были огромны и составили 30 дивизий, включая

7 танковых общей численностью полмиллиона человек. Тем самым был положен конец наступательным операциям вермахта на Восточном фронте.

Стратегическая инициатива прочно перешла к Красной армии, которая начала наступление по всему фронту в 1500 км. Были освобождены Орел, Белгород, Харьков, Донбасс, с ходу форсирован Днепр и начато освобождение Правобережной Украины. В итоге летне-осеннего наступления Красная армия продвинулась на 300–500 км. Как отмечал американский автор Дж. Джюкс, «после Курска гитлеровские армии были обращены в непрерывное бегство, которое началось за 11 месяцев до высадки союзников во Франции и закончилось в мае 1945 г. среди развалин Берлина». По его словам, Курская битва окончательно предопределила исход Второй мировой войны[1].

16.17. Капитуляция Италии

Победа советского оружия на Курской дуге завершила коренной перелом в Великой Отечественной войне и имела далекоидущие международные последствия, прежде всего в Европе. Учитывая, что летом 1943 г. немцы перебросили на Восточный фронт 14 дивизий, союзники использовали благоприятный момент и начали 10 июля высадку на Сицилии, а в сентябре, преодолев незначительное сопротивление противника, высадились на мысу «итальянского сапога» в Калабрии. Режим Муссолини был обречен. 25 июля по приказу короля фашистский диктатор был арестован. Формирование нового правительства было поручено маршалу Бадольо.

В свою очередь американцы и англичане больше всего боялись наступления «революционного хаоса» в Италии, а поэтому продолжали и здесь следовать тактике, оправдавшей себя в Северной Африке, и согласились вести переговоры с правительством Бадольо о выходе Италии из войны. В основу переговоров были положены разработанные западными союзниками условия капитуляции, которые делились на «краткие», состоявшие из 12 статей, и исчерпывающие, представленные 44 статьями. Первые касались в основном военных вопросов, вторые — политических, экономических и финансовых условий выхода Италии из войны.

Советское правительство не было поставлено в известность о начавшихся переговорах и, естественно, восприняло это крайне болезненно. Именно по этому поводу Сталин выскажется «не по протоколу», начистоту в послании Рузвельту и Черчиллю, что США и Великобритания «сговариваются», а СССР предназначают роль «третьего пассивного наблюдающего» и что «терпеть дальше такое положение невозможно». Получив с опозданием разработанные без его участия условия капитуляции, советское правительство тем не менее не стало против них возражать и поручило подписать их от своего име-

[1] *Jukes G.* The clash of Armour. N.Y., 1969. P. 10. См. также: *Lloyd Clark*. The Battle of the Tanks: Kursk, 1943 // Atlantic Monthly. N.Y., 2012. P. 56–70.

ни генералу Эйзенхауэру. Впереди предстояло подписание подобных условий капитуляции с другими европейскими союзниками Германии, и подобные недружественные действия англо-американцев устанавливали определенный прецедент, который в Москве не могли не взять на заметку.

3 сентября с Италией были подписаны «краткие», а затем, 29 сентября, и «исчерпывающие» условия капитуляции. Положительно был решен вопрос и о создании военно-политической комиссии с временным местом пребывания в Алжире для контроля за соблюдением условий капитуляции, в которую советским представителем был назначен замнаркома иностранных дел А. Я. Вышинский. Под давлением антифашистских сил правительство Бадольо объявило войну гитлеровской Германии. Это вызвало ярость Гитлера, и он отдал приказ о проведении спецоперации по освобождению Муссолини силами десантников во главе с известным эсэсовским головорезом полковником Отто Скорцени. Освобожденный Муссолини сформировал марионеточное правительство, которое открыло двери для ввода немецких войск в Северную и Центральную Италию. Наступление англо-американских войск было приостановлено, и фронт в Италии на некоторое время стабилизировался. Южнее Рима всей полнотой власти в Италии обладала англо-американская администрация, которая установила жесткий оккупационный режим.

16.18. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании

Коренной перелом в войне побуждал политиков стран антигитлеровской коалиции начинать вплотную заниматься послевоенными проблемами, организацией нового мироустройства. Раньше других эти вопросы стали волновать президента Рузвельта, руки которого были куда меньше связаны войной, чем у советского правительства. По тому или иному поводу Рузвельт неоднократно говорил, что война и вызванные ею колоссальные жертвы могли быть оправданы только в том случае, если они приведут к будущему переустройству мира. В Кремле, разумеется, тоже вели войну не ради абстрактных принципов, а преследуя конкретные интересы Советского государства. Однако, судя по многим косвенным признакам, там связывали начало переговоров с союзниками с решением двух принципиальных и взаимосвязанных задач: бесповоротным изменением в свою пользу стратегической ситуации на фронте и выполнением союзниками взятых на себя обязательств в отношении второго фронта. Первое давало несомненные дипломатические козыри СССР, второе могло установить доверие между союзниками и очистить атмосферу в их отношениях перед началом ответственных переговоров. Скорее всего, именно этим объяснялось нежелание Сталина раньше времени браться за трудные послевоенные вопросы в формате «большой тройки».

В такой ситуации решение о проведении Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, состоявшейся

19–30 октября 1943 г., с точки зрения и уровня ее представительства, и повестки дня можно рассматривать как определенный компромисс между ее участниками. Согласование военных вопросов тесно переплеталось с предварительным обсуждением послевоенных проблем, но окончательное их решение оставалось за первыми лицами. Второй фронт рассматривался как мощный рычаг давления на СССР при решении послевоенных вопросов.

Трудности начались еще в ходе согласования повестки дня конференции. В представленных 20 сентября предложениях правительства США, а днем раньше — Великобритании вопрос о втором фронте, в первую очередь волновавший Советский Союз, начисто отсутствовал. Американская дипломатия была всецело поглощена заботой о послевоенном мире и на передний план выдвигала свой проект Декларации четырех держав по вопросам всеобщей безопасности.

29 сентября советское правительство внесло необходимую ясность, предложив на предстоящем совещании, как было сказано, прежде всего «рассмотреть мероприятия по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе», не отказываясь в то же время от обсуждения вопросов, поставленных американской стороной.

4 октября Рузвельт поспешил сообщить в Москву, что он не имеет возражений против самого широкого обмена мнениями относительно организации второго фронта, хотя он и не считает, что предстоящая конференция должна планировать или рекомендовать военную стратегию. Назначенный главой американской делегации К. Хэлл отмечал в своих мемуарах: «Я предвидел осложнения, которые возникнут в связи с решимостью Сталина обсуждать на конференции вопросы военной стратегии. Ясно было, что для того, чтобы склонить Сталина к соглашению с нами о политических решениях, нам нужно сначала дать ему полное заверение в вопросе о военной стратегии». Это были здравые суждения.

И все же в Москву американская делегация отправлялась с изрядной долей сомнения в исходе предстоящих переговоров. Слишком многое хотелось получить от Советского Союза, и мало что можно было предложить ему взамен. Разрешив своим посланцам обсуждать военную стратегию с советскими представителями, президент строжайше запретил им принимать конкретные решения, приберегая это для себя в качестве едва ли не единственного «козыря» на ожидаемой встрече в верхах.

В целом конференцию отличал дух компромисса. Советская делегация в интересах дела была готова идти на значительные уступки своим партнерам по переговорам. Это сразу же выяснилось, когда 19 октября в 4 часа дня в особняке НКИД на Спиридоньевской улице открылась Московская конференция министров иностранных дел трех держав.

Советская делегация на первом же заседании поставила вопрос об осуществлении правительствами США и Великобритании еще в 1943 г. мероприятий, которые обеспечат высадку англо-американских армий в Северной

Франции. К. Хэлл и А. Иден встретили это предложение более чем сдержанно. Перед началом заседания они встретились в резиденции американского посла в Москве и договорились предоставить советской стороне информацию об англо-американских планах, но не вести переговоры по военным вопросам. Особенно уклончиво вел себя осторожный Хэлл, ссылаясь каждый раз на необходимость запросить мнение президента.

Итогом состоявшегося обсуждения явился «особо секретный протокол», подписанный 1 ноября 1943 г., в котором США и Великобритания подтвердили свои намерения осуществить наступление в Северной Франции весной 1944 г., но внесли обесценивающую свое очередное обязательство оговорку, что это будет зависеть от определенных условий к моменту начала операции. Хотя советское правительство приняло к сведению это заявление и выразило надежду, что операция «Оверлорд», как стала называться высадка войск во Франции, будет проведена в срок, это не означало, что оно было удовлетворено достигнутым решением. Опасность новой отсрочки второго фронта оставалась.

Тем не менее советская делегация не стала заострять разногласия и проявила готовность обсудить другие вопросы, непосредственно не связанные с ведением войны, в частности, положительно отнеслась к принципам, изложенным в американском проекте Декларации о всеобщей безопасности, предусматривавшем создание будущей Организации Объединенных Наций. Она пошла на серьезную уступку делегации США, согласившись, вопреки своему первоначальному мнению, с участием в подписании декларации представителя Китая, хотя в тот момент это могло осложнить советско-японские отношения.

Американская дипломатия использовала конференцию для выдвижения широкой программы международного экономического сотрудничества, в которой видное место отводилось Советскому Союзу. Многое из сказанного тогда звучало заманчиво и многообещающе, но в полной мере раскрылось лишь в последующее время. Американская программа была представлена в ряде документов, объединенных общей рубрикой в повестке дня «Экономические вопросы реконструкции». Формально в них шла речь об участии США в «“восстановлении” опустошенных войной стран, оказании им помощи» в послевоенном развитии продовольствием, промышленными товарами, оборудованием. Ключевой документ — «Основа нашей (т.е. американской. — *Авт.*) программы по вопросам международного экономического сотрудничества» — подразумевал принятие принципов «открытых дверей», «свободы торговли», «равных возможностей», которые должны были облегчить задачу американской экспансии в ослабленном войной мире. Особое место отводилось созданию «международного стабилизационного валютного фонда», призванного закрепить положение доллара в качестве основной резервной валюты в мировой финансовой системе.

На конференции была предпринята энергичная попытка привлечь к осуществлению американских планов Советский Союз обещаниями послево-

енного сотрудничества с ним. В американском предложении по пункту 15(а) повестки дня «Сотрудничество в возмещении нанесенного СССР военного ущерба» говорилось: «После того как обременительные требования войны к производственным мощностям Соединенных Штатов прекратятся, наша производственная мощность будет достаточно велика, чтобы позволить нам играть существенную роль в вопросах восстановления и реконструкции в СССР». Советская делегация согласилась начать предварительные переговоры по этому вопросу между НКИД и посольством США в Москве. Одновременно было указано на узость американских предложений и заявлено о необходимости включить в вопрос о возмещении ущерба, причиненного войной Советскому Союзу, репарации со стороны Германии и ее союзников. Так было положено начало обсуждению репарационной проблемы.

Надо признать, что увлеченная глобальными замыслами американская делегация вела себя на конференции достаточно осторожно в вопросах, непосредственно затрагивающих интересы безопасности СССР. Этого нельзя было сказать об англичанах, которые настойчиво вели дело на конференции к восстановлению в Европе довоенных порядков. Поэтому советская делегация решительно воспротивилась английским планам воссоздания былого «санитарного кордона» под видом «восточноевропейских федераций», отвергла настояния А. Идена «повременить» с заключением советско-чехословацкого договора, отказалась пойти «на мировую» с враждебно настроенным эмигрантским польским правительством, добивалась демократизации политической жизни в Италии, настаивала на поддержке союзниками национально-освободительного движения в Югославии во главе с И. Броз Тито и прекращении ими отношений с пронацистски настроенным генералом Михайловичем и т.д.

Избегая крайностей английской позиции и проявляя временами взвешенный подход, американская дипломатия в то же время не собиралась «уходить» от европейских дел и признать интересы Советского Союза. Она по-прежнему откладывала решение вопроса о признании советской западной границы до «всеобщего урегулирования», хотя хорошо знала о том, какое значение придавало этому советское правительство. Ее не оставляли безразличной перспективы развития европейских государств, их будущее политическое устройство. Рассуждая о важности установления демократических режимов в освобожденных странах, Хэлл в то же время понимал под этим возвращение некоторых эмигрантских правительств и даже допускал применение силы в их поддержку. Хотя в то время не принято было говорить о «двух стандартах», англо-американские действия в Италии или в Северной Африке ясно говорили о том, какого рода демократия имелась в виду.

Главное заключалось не в существовании различных интересов, неизбежных даже в условиях борьбы с общим врагом, а в умении согласовывать их и находить почву для взаимопонимания. Об этом шла речь в беседе Хэлла с Молотовым, состоявшаяся 23 октября перед началом очередного заседания кон-

ференции. Государственный секретарь заметил, что одна из причин его приезда в Москву заключалась в том, чтобы установить, по каким вопросам имеются расхождения между Советским Союзом и Соединенными Штатами, и обсудить, каким образом эти расхождения могли быть устранены. В ответ на это с советской стороны было указано на важность умения находить «равнодействующую различных точек зрения». Нарком прямо подчеркнул: «Не так страшно то, что имеются различные мнения. Тут важно основное направление руководящих кругов».

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании завершила свою работу принятием важных решений, способствовавших дальнейшему сплочению антигитлеровской коалиции. Среди подписанных в ходе ее документов значилась Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности, декларации об Италии и Австрии, об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства. Было принято важное решение о создании Европейской консультативной комиссии, призванной рассматривать вопросы, связанные с окончанием военных действий в Европе. Эти и другие решения, а также состоявшийся полезный обмен мнениями оказали значительное воздействие как на дальнейший ход войны, так и на создание основ послевоенного мира. Участники конференции подчеркнули важность «продолжить теперешнее тесное сотрудничество, установленное для ведения войны, на период, который последует за окончанием военных действий».

Московская конференция ускорила выдвижение советским правительством широкой программы послевоенного мироустройства. Эта программа бала изложена в докладе Сталина 6 ноября 1943 г. по случаю 26-й годовщины Октябрьской революции и предполагала реализацию следующих задач: освободить народы Европы от фашистских захватчиков и оказать им содействие в воссоздании своих национальных государств; предоставить освобожденным народам полное право и свободу самим решать вопрос о государственном устройстве; принять меры к тому, чтобы все фашистские преступники — виновники войны понесли суровое наказание за совершенные ими злодеяния; установить такой порядок, который полностью исключил бы возможность новой агрессии со стороны Германии; установить длительное экономическое, политическое и культурное сотрудничество народов, основанное на их взаимном доверии и взаимопомощи в целях восстановления разрушенного оккупантами хозяйства и культуры.

Едва ли даже самый придирчивый западный советолог мог разглядеть в этой программе «классовое острие» или планы по «советизации» Европы. Скорее это был общедемократический документ, под содержанием которого впол-

не мог бы подписаться любой буржуазный политик. Не случайно именно в это время в Кремле было принято решение о роспуске Коминтерна, что ясно говорило об определенной «смене вех» в советской внешней политике, уточнении ее приоритетов и об охлаждении интереса к «мировой коммунистической революции». Скорее всего, на том этапе советское правительство, возможно, несколько идеализируя будущее, исходило из того, что удастся найти некую магическую формулу, некий «модус операнди» в отношениях с западными союзниками, невзирая на идеологические и философские различия и нередко противоположные геополитические интересы. Разумеется, даже ближайшее будущее было в тумане и никто даже приблизительно не мог сказать, как далеко смогут зайти стороны в сближении друг с другом ценой отказа хотя бы от части своих классовых или национальных интересов во имя более широких целей. В конце концов, политик всегда был и есть заложник своей среды и обстоятельств и действует в строго определенных рамках. Тем более что далеко не все зависело от намерений и политики Кремля.

Характерно, что публично заявленные цели Советского Союза в принципе не расходились с внутренними закрытыми документами. Еще перед Московской конференцией в сентябре Постановлением СНК под эгидой НКИД был создан ряд специальных комиссий, которым была поручена разработка конкретных предложений по осуществлению перехода «от войны к миру». Вернувшийся к тому времени из США М. М. Литвинов возглавил Комиссию по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства, а К. Е. Ворошилов — комиссию по вопросам перемирия. Позднее созданную Комиссию по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу Германией и ее сателлитами, возглавил бывший посол в Лондоне И. М. Майский. Комиссиям предстояло обобщить и согласовать большой объем документов, разработанных НКИД и другими советскими ведомствами, и представить соответствующие рекомендации для политического руководства СССР. Эти рекомендации ориентировали на жесткое отстаивание интересов СССР на переговорах с западными союзниками по послевоенному урегулированию, но не на конфронтацию с ними или целенаправленное насаждение социалистических порядков в освобожденных странах. Из них определенно следовало, что Советское правительство исходило из важности сотрудничества с США и Великобританией после войны, потребностей послевоенного восстановления страны.

16.19. Тегеранская конференция

Московская конференция проложила дорогу давно обсуждавшейся встрече глав правительств трех союзных держав. С точки зрения военно-политической обстановки время для ее проведения окончательно назрело. Оставалось лишь договориться в отношении места встречи. Неожиданно этот, казалось бы, второстепенный вопрос вызвал значительные трения. Советская сторона, связанная каждодневными делами на фронте и боязнью Сталиным авиапереле-

тов, предложила остановиться в Тегеране, откуда легко было поддерживать устойчивый контакт с Москвой и где имелись представительства всех трех государств. В свою очередь Рузвельт настойчиво предлагал различные пункты в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке. Самолюбие не позволяло президенту принять советское предложение и проделать к месту встречи значительно большую часть пути, хотя он ссылался при этом на свои «конституционные обязанности». 21 октября он сообщил, что не сможет отправиться в Тегеран.

Сравнительно простой вопрос перерастал чуть ли не в принципиальный. Речь шла уже не столько о выборе места встречи, сколько о выяснении вклада каждого из союзников в войну, о признании неоспоримых заслуг Советского Союза в борьбе с фашизмом. 5 ноября глава советского правительства, принимая во внимание мнение президента, предложил в качестве компромисса направить на переговоры Молотова. В этом случае, как сообщал он, могли бы отпасть затруднения, связанные с выбором места встречи. Это окончательно решило исход дела. Рузвельт, возлагавший особые надежды на личную встречу со Сталиным, счел необходимым отбросить соображения престижного характера и согласился прибыть в Тегеран к концу ноября.

Советское правительство придавало большое значение предстоящей конференции — первой из встреч руководителей СССР, США и Великобритании в годы войны, вошедших в историю как совещания «большой тройки». Оно было настроено добиться от союзников окончательного решения вопроса о втором фронте. Генерал С. М. Штеменко, член советской делегации на Тегеранской конференции, вспоминал: «По разговорам, которые мне довелось слышать еще в поезде, я понял, что наша сторона намерена решительно поставить перед союзниками вопрос о втором фронте, с открытием которого последние явно тянули».

Отправляясь в Тегеран, Рузвельт хорошо знал о бескомпромиссном настроении в Москве в отношении второго фронта. Поэтому все попытки Черчилля его поколебать по дороге в Тегеран на англо-американской встрече в Каире и пробудить интерес к операции на Балканах успеха не имели. Во время совещания 19 ноября с американскими начальниками штабов на борту линкора «Айова» по пути в Каир президент говорил, что советские войска находятся всего лишь в 60 милях от польской границы и в 40 милях от Бессарабии. В случае форсирования реки Буг в течение ближайших двух недель они могут оказаться на пороге Румынии. Он указал на необходимость употребить все усилия, чтобы вместе с Англией оккупировать большую часть Европы и первыми вступить в Берлин. Английские интересы на том этапе разошлись с американскими.

Упрямство англичан, рассчитывающих «поспеть» и в Германии, и на Балканах, вызывало нескрываемое раздражение у членов американской делегации. Личный врач Черчилля Ч. Вильсон, позднее известный как лорд Моран, оставил примечательную запись в своем дневнике о переговорах в Каире.

«Наткнулся на Гарри Гопкинса, извергающего град насмешек. Он только что вышел с заседания Объединенного совета начальников штабов, где составлялся план кампании, который будет предложен Сталину в Тегеране. Из слов Гарри следовало, что Уинстон без умолку говорил и большинство сказанного им касалось "его проклятой итальянской войны". ...Гарри ясно дал понять, что, если премьер будет проводить эту линию в Тегеране и попробует вновь отложить "Оверлорд", американцы поддержат русских».

Из дневника Ч. Вильсона (лорда Морана)

В Тегеране Рузвельт по приглашению Сталина остановился в одном из особняков на территории советского посольства, расположенного поблизости от посольства Великобритании. Так было безопаснее: американское посольство находилось в другом конце иранской столицы, а в городе перед встречей «большой тройки» подняла голову гитлеровская агентура, имелись сведения о готовящихся диверсиях, покушениях и провокациях. Позднее Рузвельт рассказывал в близком кругу, что этим шагом он хотел продемонстрировать свое «абсолютное доверие» к русским и стремление с первой же встречи установить с ними дружеские отношения.

На Тегеранской конференции, проходившей с 28 ноября по 1 декабря 1943 г., развернулась острая дипломатическая дискуссия вокруг второго фронта, тон в которой попытался задать Черчилль. Все свое ораторское мастерство и парламентскую изворотливость он пустил в ход, чтобы навязать участникам конференции пресловутый «балканский вариант». К немалому удивлению членов американской делегации, позиция Рузвельта была поначалу колеблющейся, а кое в чем и сочувствующей планам Черчилля. Складывалось впечатление, что президент хотел «подороже продать» операцию «Оверлорд» и вел сложную дипломатическую игру. Глава советской делегации отвел все попытки подменить операцию «Оверлорд» действиями на Балканах. Он настойчиво добивался согласования точной даты высадки англо-американских войск во Франции и назначения главнокомандующего, призванного нести персональную ответственность за успех операции. «Мы, русские, ограничены сроком пребывания в Тегеране. Мы могли бы пробыть здесь в течение 1 декабря, но 2-го мы должны уехать», — многозначительно заявил Сталин в конце второго заседания конференции вечером 29 ноября.

На следующий день, судя по официальным протоколам заседаний, буря неожиданно улеглась. Черчилль скрепя сердце снял свои возражения в отношении операции «Оверлорд», сообщив Сталину, что он «принял предложение Рузвельта». Чувствовалось, что за минувшие часы произошли какие-то события, о которых советская делегация тогда не знала. Недостающее звено помогли восстановить спустя тридцать лет мемуары американского дипломата Ч. Болена.

«После ужина у русских, как я слышал позднее, Гопкинс встретился с Черчиллем в английском посольстве и сказал ему, что он вел бесполезную борьбу, стараясь отложить высадку во Франции. Мнение Соединенных Штатов относительно важности наступления через канал оставалось твердым вот уже многие месяцы, говорил Гопкинс, и советская точка зрения была столь же категоричной. Гопкинс подчеркнул, что, по существу, Черчилль мало что мог сделать, и посоветовал премьер-министру почетно капитулировать».

Из мемуаров Ч. Болена

В секретных военных решениях Тегеранской конференции было записано, что операция «Оверлорд» будет предпринята в течение мая 1944 г. вместе с операцией против Южной Франции и что советские войска начнут наступление примерно в это же время с целью предотвратить переброску германских сил с Восточного на Западный фронт.

Тегеранская конференция вошла в историю не только принятыми военными решениями, но и тем, что ее участники обменялись взглядами по ряду важных послевоенных проблем. Чувствовалось, что «вопросы о будущем устройстве мира», как говорил Рузвельт, занимали все его мысли. Ему большей частью и принадлежала инициатива в их постановке. Глава советской делегации, проявляя известную сдержанность на том этапе — война была еще в полном разгаре, тем не менее не отказывался обсуждать эти вопросы в предварительном порядке. Советская делегация в Тегеране получила достаточно полное представление о позиции Соединенных Штатов на ближайшее будущее.

Вырисовывалась значительная область советско-американского согласия. Именно после Тегерана Рузвельт стал все больше расходиться с Черчиллем, обеспокоенным судьбой Британской империи и восстановлением довоенного европейского «равновесия». По ряду ключевых политических проблем позиции СССР и США были близки или совпадали. Это касалось вопросов создания международной организации, деколонизации, учреждения механизма опеки или попечительства, разоружения побежденных государств, коллективной безопасности, предотвращения новой агрессии и др. В то же время стороны разошлись в отношении будущего Германии. Советская сторона не поддержала американских планов ее расчленения, выдвигавшихся Хэллом еще на Московской конференции министров иностранных дел, считая, что этот вопрос нуждается в более глубоком изучении.

Обозначились также реальные контуры развития делового сотрудничества между СССР и США в послевоенное время на взаимовыгодной основе. Американская сторона придавала этому вопросу большое значение в качестве рычага воздействия на СССР. Об участии США в восстановлении советской экономики шла речь между президентом, Гопкинсом и послом Гарриманом во время почти семичасового перелета из Каира в Тегеран. Рузвельт привлек внимание посла к важности этого вопроса и поручил не упускать его из виду.

Примечательно, что свою первую беседу с главой советского правительства в Тегеране 28 ноября президент начал именно с обсуждения этих перспективных вопросов, предложив передать Советскому Союзу после войны часть американского торгового флота. Его собеседник ответил, что «Россия будет представлять собою после войны большой рынок для Соединенных Штатов». Рузвельт на это заявил, что американцам потребуется большое количество сырья, поэтому он думает, что между двумя странами будут существовать тесные торговые связи. Сталин заметил, что «если американцы будут поставлять нам оборудование, то мы им сможем поставлять сырье».

Сложнее обстояло дело с вопросами, затрагивающими интересы безопасности СССР. Американская позиция при их обсуждении в Тегеране оставалась двусмысленной, если не сказать недружественной Советскому Союзу. Президент хорошо понимал, что США в конце концов будут вынуждены уступить, но, будучи политиком до мозга костей, рассчитывал как следует поторговаться. Похоже, что, выложив на стол конференции «козырь» второго фронта, он спешил обзавестись новым. Отсюда и попытки Рузвельта в беседе с главой советской делегации поставить под сомнение обоснованность советской западной границы, взять под защиту эмигрантские круги, враждебно настроенные к СССР, и т.д.

Несмотря на дипломатические споры, Тегеранская конференция закончилась на оптимистической ноте. Ее участники выразили решимость своих стран работать совместно как во время войны, так и в послевоенное время. Это была большая победа в деле борьбы с фашизмом, крупный успех антигитлеровской коалиции, вызвавший растерянность в столицах держав «оси».

Тегеранская конференция подвела черту под наиболее опасным и тяжелым периодом Второй мировой войны, преодолеть который антигитлеровской коалиции удалось в результате прежде всего сражений на советско-германском фронте, отличавшихся наибольшим размахом и напряженностью. С ноября 1942 г. по конец 1943 г. советские войска разгромили 218 дивизий Германии и ее союзников и прошли с боями путь от 500 до 1300 км. В результате была освобождена почти половина оккупированной советской территории. Если к зиме 1942 г. немецкие армии подошли к Волге и предгорьям Кавказа, то через год они были отброшены далеко на Запад и оборонялись на Правобережной Украине, в верховьях Днепра и Западной Двины. Враг был надломлен, но еще не разбит. Война вступила в свою последнюю, завершающую стадию.

16.20. Открытие второго фронта. Выход из войны союзников Германии

1944 год занимает особое место в истории Великой Отечественной войны. Он был до предела наполнен важными военно-политическими событиями, определившими основные контуры послевоенных международных отношений на десятилетия вперед. По мнению ряда историков, именно в событиях

1944 г. следует искать истоки холодной войны, распада «великой коалиции» и послевоенной конфронтации великих держав. Во всяком случае, в межсоюзнических отношениях тогда обозначились противоречивые тенденции и альтернативные пути развития, выбор которых во многом зависел от руководителей СССР, США и Великобритании.

К лету 1944 г. Красная армия завершила изгнание врага с советской территории и приступила к освобождению народов Европы от фашизма. Была полностью снята блокада с Ленинграда, разгромлена крупная группировка войск противника на Правобережной Украине, в мае освобожден Крым, летом очищены от врага Белоруссия и часть Литвы и разгромлена группа армий «Центр», выведены из борьбы группы гитлеровских армий «Северная Украина» и «Южная Украина». К августу советские войска в основном восстановили государственную границу СССР по состоянию на 22 июня 1941 г.

В то время никому не пришло бы в голову рассматривать начавшееся освобождение стран Восточной Европы как форму советской оккупации после гитлеровского «нового порядка». Если быть предельно исторически точным, то скорее существовали сильные (и столь же надуманные) страхи, что советские войска, завершив освобождение родной земли, на этом остановятся или сделают паузу, предоставив союзникам проливать кровь за освобождение Европы.

Между прочим, единственная вынужденная пауза, которую пришлось сделать обессиленной наступлением Красной армии у стен Варшавы, стоила большой крови героическим участникам «варшавского восстания», преждевременно поднятым на борьбу эмигрантским правительством в Лондоне.

Это лишь с течением времени, особенно после окончания холодной войны и распада СССР, те героические события будут поставлены с ног на голову, в частности, несоизмеримо большое значение станет придаваться начавшейся 6 июня 1944 г. в соответствии с тегеранскими договоренностями высадке англо-американских войск в Нормандии для освобождения народов Европы за счет приуменьшения вклада Советского Союза. А в то время ни у кого никаких иллюзий не было и все серьезные политики хорошо понимали, что скованность Гитлера войной на Восточном фронте помогла генералу Д. Эйзенхауэру пересечь Ла-Манш, закрепиться, развить наступление во Франции и 26 августа войти в Париж, накануне уже освобожденный силами французского Сопротивления.

Достаточно сказать, что высадке союзников противостояло со стороны гитлеровцев всего 38 дивизий неполного состава против 2,8 млн человек сил вторжения, «изготовившихся к прыжку» на Британских островах. Неприступный Атлантический вал, как его изображала пропаганда Геббельса, во многом оказался фикцией. Выполняя принятые на себя в Тегеране обязательства, советское командование приурочило к высадке союзников мощное наступление, которое не позволило Гитлеру перебросить войска с Восточного фронта на запад. Сбылись худшие опасения гитлеровских генералов. Германия, пусть и с большим опозданием, все-таки оказалась зажатой в тиски войны на

два фронта. Советское правительство отдало должное доблести войск союзников. 13 июня в газете «Правда» были опубликованы слова Сталина: «Это, несомненно, блестящий успех наших союзников... История отметит это дело как достижение высшего порядка». Победителей всегда украшало великодушие.

Итогом наступательных операций советских войск в 1944 г. явился окончательный развал блока агрессоров. Из войны была выведена Румыния. 31 августа был освобожден Бухарест. 9 сентября в Болгарии началось всенародное восстание, поддержанное наступавшими советскими войсками, освободившими 15 сентября Софию. Созданное правительство Отечественного фронта объявило войну гитлеровской Германии. В октябре советские войска приступили к освобождению Чехословакии и Югославии. В результате совместных действий советских и югославских соединений 20 октября был освобожден Белград. В ноябре силами албанских патриотов была освобождена Албания. Осенью 1944 г. начались почти трехмесячные кровопролитные сражения за освобождение Венгрии, завершившиеся освобождением Будапешта. В октябре было освобождено советское Заполярье и советские войска вступили в Северную Норвегию.

Если военные операции осуществлялись по законам военной стратегии, то в политическом плане было важно отделить оккупированные Гитлером страны от стран-сателлитов, добровольно или под немецким давлением вступивших на путь сотрудничества с врагом. Их ждала разная судьба. Еще 13 мая 1944 г. правительства трех союзных держав обратились со специальным заявлением к странам — союзникам гитлеровской Германии (Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии), в котором серьезно предупредили их, что путем выхода из войны и перехода в лагерь антинацистских сил эти страны смогут сократить сроки войны, содействовать победе союзников и тем самым облегчить свою участь.

Наряду с этим советское правительство в связи с вступлением частей Красной армии на территорию Румынии особо оговаривало, что «не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии». По завершении разгрома Красной армией в ходе Яссо-Кишиневской операции полумиллионной группировки немецких и румынских войск 12 сентября в Москве между СССР, США и Великобританией, с одной стороны, и Румынией — с другой, было подписано соглашение о перемирии.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

По условиям перемирия Румыния поворачивала оружие против Германии и Венгрии, признавала советско-румынскую границу 1940 г., а «венский арбитраж» объявлялся «ничтожным», и тем самым Румыния возвращала себе Северную Трансильванию, населенную большей частью венграми. Кроме того, Румыния должна была выплатить Советскому Союзу репарации на сумму 300 млн долл., что составляло лишь 20% причиненного СССР ущерба.

Сложным оказался путь к выходу из войны Финляндии. После первоначального дипломатического зондажа в Швеции в конце марта 1944 г. в Москву прибыла финская делегация, которая ознакомилась с условиями перемирия. Советские требования включали немедленный разрыв с гитлеровской Германией, интернирование немецких войск, признание советской границы 1940 г., возмещение ущерба, причиненного Финляндией военными действиями и оккупацией Советскому Союзу, а также возвращение ему ряда территорий (Петсамо/Печенга, полуостров Ханко). Финны отвергли эти требования под предлогом «технической невозможности» осуществить интернирование немецких войск, а на самом деле испугались неизбежной немецкой реакции.

Когда летом 1944 г. ситуация на фронте в Карелии стала для них безвыходной, финны обратились за помощью к немцам и даже согласились заключить с ними военный союз в ответ на военную помощь и свой отказ от сепаратного мира. Однако Германии, отступавшей по всему фронту, в то время было уже не до Финляндии, и после отступления из Прибалтики ее войскам пришлось ретироваться и из Финляндии. 25 августа Хельсинки через своего посланника в Стокгольме обратился к советскому правительству с просьбой возобновить переговоры о перемирии. В качестве жеста доброй воли советское правительство не стало требовать оккупации финской территории и согласовало предварительные условия перемирия с США и Великобританией.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Согласно подписанному 19 сентября в Москве соглашению о перемирии между СССР, Англией и Финляндией, устанавливалась советско-финская граница 1940 г., Финляндия возвращала СССР область Петсамо и обязалась компенсировать ущерб в размере 300 млн долл. товарными поставками в течение 6 лет. В свою очередь СССР отказывался от своих прав на аренду полуострова Ханко и взамен получал на правах аренды территорию в районе Порккала-Удд.

Крайне двусмысленно и непоследовательно вело себя правительство царя Бориса в Болгарии, совершившее гибельный для страны стратегический выбор и оказавшееся «между двух огней». Исторические традиции «славянской дружбы» и русско-болгарского «братства по оружию» были принесены в жертву интересам прогерманской клики. Формально сохранив дипломатические отношения с Советским Союзом, Болгария всю войну служила плацдармом гитлеровской агрессии на Балканах и на Черном море, принимала «на отдых» немецкие войска, а затем рассчитывала на приход на Балканы англо-американских войск раньше, чем советских, и оккупацию ими Болгарии. Как показали тайные переговоры болгарских эмиссаров в августе в Анкаре с англичанами и американцами, эти планы зашли весьма далеко и грозили Болгарии оккупацией не только англо-американских, но и греко-турецких войск. Советское наступление сорвало эти планы.

Несмотря на то что Болгария объявила «полный нейтралитет», она продолжала оказывать помощь Германии, в частности, пропускать через свою территорию немецкие войска. 5 сентября СССР объявил войну Болгарии. Пришедшее к власти правительство Отечественного фронта разорвало отношения с Германией и Венгрией и 28 октября подписало с СССР, США и Великобританией соглашение о перемирии. На Болгарию возлагались обязательства принять участие в войне на стороне антигитлеровской коалиции, уплатить репарации Греции и Югославии и вывести свои войска с их территории. Созданная правительством Отечественного фронта 100-тысячная болгарская армия внесла посильный вклад в окончательный разгром фашизма.

Яростно сопротивлялись наступлению Красной армии войска Венгрии, возглавляемой фашистским диктатором адмиралом Хорти, в ожидании прихода англо-американских войск. Но Гитлеру этого показалось мало, и 22 марта 1944 г. он приказал оккупировать Венгрию и сформировать новое, более лояльное ему правительство. Но было уже поздно. Венгры тайно за спиной немцев попытались начать переговоры о капитуляции со штабом союзников в Неаполе, но те резонно отказались и отправили их к советскому командованию. Первая попытка переговоров, предпринятая венгерской делегацией в начале октября в Москве, закончилась неудачей. Венгры повели себя так, как будто не они проиграли войну. Хорти, а после его отстранения Салаши отказывались окончательно порвать с немцами и продолжали проливать кровь.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Лишь после того, как в декабре в освобожденном Дебрецене было сформировано Временное Национальное правительство Венгрии, эта страна получила возможность объявить войну Германии и обратиться к советскому правительству с просьбой о перемирии. 20 января 1945 г. в Москве представители СССР, США и Великобритании подписали с Венгрией соглашение о перемирии, в котором указывалось, что она прекратила войну против СССР и объявила войну Германии. Венгрия обязалась вывести свой военный и административный персонал из оккупированных ею районов Чехословакии, Румынии и Югославии, а также возместить ущерб пострадавшим в результате ее агрессии странам в размере 300 млн долл.

Из этой суммы 200 млн долл. приходилось СССР, а по 100 млн долл. — Чехословакии и Югославии товарными поставками в течение 6 лет.

Так бесславно закончилась история фашистского блока. По условиям перемирия с его бывшими участниками и в связи с военной необходимостью в целом Восточную Европу заняли советские войска. Оказало ли их присутствие влияние на вектор дальнейшего развития освобожденных стран? Существует упрощенный, если не сказать циничный, взгляд: мол, чьи войска, тот и порядок. Примером служит, например, освобожденная англо-американскими

войсками Италия, где велико было влияние левых сил, а маятник все-таки качнулся в сторону буржуазной реставрации. Спору нет, присутствие иностранных войск всегда было важным ресурсом для родственных по природе и близких по духу внутренних сил. Достаточно вспомнить, кто вернул во Францию власть Бурбонов после Наполеоновских войн. Не была исключением и Восточная Европа на заключительном этапе Второй мировой войны.

Присутствие Красной армии — армии социалистического государства, бесспорно, сказалось на внутреннем раскладе сил. Но главное заключалось в том, что в Европе в целом еще накануне войны произошел глубокий раскол элит (режим Виши и де Голль, Чемберлен и Черчилль и т.д.) и возник непримиримый конфликт между властью и народом. Вся Европа, и прежде всего Восточная, была поражена страшной довоенной болезнью — коллаборационизмом, тягой правящих кругов к установлению фашистских порядков. Ответственность элит перед народом за роковой выбор, обернувшийся национальной катастрофой, была велика. И не важно, уступили ли они нацистам без борьбы (как Бенеш в Чехословакии) или по своей воле и в своих классовых интересах (как в Венгрии или в Румынии), — они пошли на сговор с ними и приняли на их стороне участие в проигранной войне.

Повсеместный рост левых сил был закономерной реакцией на глубокий общественно-политический кризис и провал довоенной политики правящих кругов. Никто не может сказать, как выглядела бы ситуация в «стерильном виде», без влияния внешних факторов с той и другой стороны. В истории так не бывает. Вопрос в другом: в какой степени действия Советского Союза носили сознательно-преобразовательный характер или в большей степени они были ответной реакцией на политику внешних сил?

16.21. Визит У. Черчилля в Москву (октябрь 1944 г.)

В столицах союзных государств понимали, что ситуация в освобожденной Восточной Европе носила кризисный, противоречивый и взрывоопасный характер и могла осложнить межсоюзнические отношения, а поэтому искали пути к сглаживанию противоречий. Какое-то время казалось, что ответ можно было найти в старой как мир и не раз осужденной как империалистическая концепции «сфер влияния». Рожденным в XIX в. политикам была близка классическая «реал-политик», хотя на словах они оперировали (особенно президент Рузвельт) лозунгами демократии и свободы выбора. Инициативу взял на себя прагматичный Черчилль, когда в октябре 1944 г. напросился на визит в Москву. Предполагая, о чем может идти речь, Рузвельт предусмотрительно дистанцировался от этого визита и расценил его как сугубо предварительный перед новой встречей «большой тройки». При этом по подсказке Гопкинса президент на всякий случай напомнил своим партнерам, что не было такого вопроса в этой войне, который не интересовал бы США как «глобальную державу».

Черчилль действительно привез в Москву, как он откровенно выразился, довольно «грязный» документ, который ни много ни мало являлся отчаянной попыткой британской дипломатии, выступавшей с позиций слабости, полюбовно договориться с советским правительством о «сферах влияния» в освобожденных странах Восточной и Юго-Восточной Европы. Правда, одному Богу известно, как можно было на практике соблюсти процентные соотношения «сфер влияния», предложенные Черчиллем в отношении Венгрии, Румынии, Болгарии и Греции, не говоря уже о воле самих народов.

Однако хранящиеся в советских архивах записи бесед Черчилля со Сталиным и Молотовым дают основание судить, что советские руководители, склонные мыслить конкретными категориями, как показал еще советско-германский «секретный протокол», в целом восприняли благосклонно неуклюжую арифметику британского премьера, вполне вероятно, видя в этом практическую возможность избежать конфликтов с союзниками. В конце концов, удалось же союзникам заранее договориться о зонах оккупации в Германии и тем самым не допустить неконтролируемого развития событий на завершающем этапе войны!

Записи советско-английских бесед в Москве дают возможность почувствовать щекотливость момента и выставляют Черчилля — страстного обличителя довоенного сговора Сталина и Гитлера — инициатором новой сделки за спиной народов. В то же время сам факт обсуждения такой сделки, какими бы резонами это ни мотивировалось, не красит советских руководителей. Может быть, поэтому реакция Сталина была в чем-то двусмысленной или, что называется, согласием «по умолчанию», что дало повод для прямо противоположных интерпретаций с той поры его позиции как зарубежными, так и отечественными историками.

Одни считали, что поставленная на английском документе «кремлевским горцем» синяя птичка свидетельствовала о его согласии с Черчиллем, другие столь же эмоционально это отрицали. Скорее всего, Сталин не верил, что можно было подменить искусственной «политической инженерией» реальный политический процесс, и уступал натиску Черчилля под давлением обстоятельств, памятуя в то же время об осторожной позиции, занятой Рузвельтом. В результате дискуссий между В. Молотовым и А. Иденом окончательное решение выглядело следующим образом: 80% на 20% для Румынии и Болгарии (в пользу СССР); 90% на 10% для Греции (в пользу Великобритании); 50% на 50% для Югославии и Венгрии.

16.22. СССР и государства Восточной Европы. Польский вопрос

Между тем события в Восточной Европе не стояли на месте и тесно переплетались с наступательными операциями Красной армии. Советское командование активно привлекало к боевым операциям созданные на советской территории иностранные воинские части: французскую эскадрилью «Норман-

дия—Неман», польскую дивизию имени Тадеуша Костюшко, 1-ю румынскую пехотную дивизию имени Тодора Владимиреску, чехословацкие части. Были полностью оснащены три албанские горно-пехотные дивизии. Всего армиям Албании, Польши, Югославии, Румынии, Болгарии и Венгрии было передано 670 тыс. винтовок и автоматов, 16,5 тыс. орудий и минометов, около 1000 танков, более 1,6 тыс. самолетов, свыше 12 тыс. грузовых машин, около 5 тыс. радиостанций.

Советское правительство старалось помочь консолидировать внутреннюю ситуацию в освобожденных странах на основе общенационального согласия и общественного сплочения. В этих целях, например, между Национальным комитетом освобождения Югославии во главе с И. Броз Тито и эмигрантским правительством Шубашича 1 ноября 1944 г. было заключено соглашение об образовании объединенного правительства, которое откладывало на послевоенное время решение вопроса о государственном устройстве путем свободного волеизъявления народа.

Острым политическим вопросом в отношениях с западными союзниками грозил стать вопрос о возвращении к власти лиц, скомпрометировавших себя сотрудничеством с нацистами или их приспешниками и настроенными откровенно антисоветски. Как показывал опыт обустройства послевоенной жизни в Северной Африке, Италии или во Франции, союзники не видели большого греха в том, чтобы привлечь к управлению бывших коллаборационистов, заинтересованных в восстановлении довоенных порядков, ссылаясь на нехватку «квалифицированных кадров». Это, естественно, не могло не вызывать протест левых и антифашистских сил, борцов Движения сопротивления, в том числе коммунистов. Советские власти не могли на это смотреть сквозь пальцы, поскольку это противоречило всей логике войны с фашизмом. В результате возникало объективное противоречие, которое вносило элементы раздора в межсоюзнические отношения.

Показательной была ситуация, сложившаяся в Польше к моменту ее освобождения. Слова Сталина о том, что «вопрос о Польше — это вопрос жизни и смерти для Советского государства», не были столь уж большим преувеличением в свете исторического опыта. К весне 1944 г. в Польше наряду с лондонским эмигрантским правительством образовалась Крайова Рада Народова, или Национальный совет Польши (подпольный парламент), возложивший на себя задачи руководства освободительной борьбой польского народа и полагавшийся на свой военный рычаг — Армию Людову. Тем самым монополия лондонских поляков, основательно испортивших отношения с Советским Союзом, на власть в послевоенной Польше была утеряна. В польском освободительном движении сложилось своеобразное двоевластие, создавшее серьезный узел противоречий в отношениях между союзниками.

Рузвельт и Черчилль попытались примирить лондонских поляков с советским правительством, но те жили прошлым и упрямо отказывались даже от признания линии Керзона в качестве советско-польской границы. Дело до-

шло до того, что 5 января 1944 г. эмигрантское правительство опубликовало заявление, в котором изложило свои претензии на земли Западной Украины и Западной Белоруссии, освобожденные советскими войсками. Легко представить себе возмущение в Кремле. Получается, что советские воины проливали кровь, чтобы все осталось по-старому. Все надежды лондонских поляков с этого момента строились на планах «опережения» захвата власти в Польше до прихода советских войск силами подпольной Армии Крайовой. Учитывая смертельную логику противоборства двух гигантских армий, это была абсолютно самоубийственная тактика.

В июле 1944 г. советские войска вместе с 1-й Польской армией форсировали Буг и приступили к освобождению польской территории. Как только был освобожден первый крупный город — Люблин, Крайова Рада Народова создала орган временной исполнительной власти — Польский комитет национального освобождения (ПКНО), который опубликовал 22 июля Манифест к польскому народу с программой деятельности. Манифест исходил из важности установления дружественных отношений с СССР, но при этом нес на себе известный отпечаток сложившейся ситуации во внутрипольских отношениях и отдавал, возможно, излишнюю дань антизападничеству в пользу «союза со славянскими народами».

В этой ситуации западные союзники предприняли разумный шаг, выступив с идеей объединения двух органов власти в Польше в новом качестве. Дьявол, как обычно, прятался в деталях, а в данном случае в пропорциях такого объединения. Хотя эта идея едва ли могла прийтись по вкусу в Кремле, но чего не сделаешь ради высших целей. Советское правительство дало согласие на приезд в Москву в конце июля премьера польского эмигрантского правительства Миколайчика и его переговоры с ПКНО, которые закончились ничем.

Трагедия «варшавского восстания», начавшегося 1 августа по сигналу из Лондона с целью захвата власти в польской столице до подхода советских войск и потопленного немцами в крови при якобы пассивном отношении со стороны советского командования, еще больше отравила отношения Москвы с эмигрантским правительством. Уже в наши дни польский историк Збигнев Семашко на основе архивов Армии Крайовой признавал: «7–8 сентября командование АК пришло к выводу, что целей восстания достичь уже не удастся. Я напомню, что речь шла о том, чтобы своими руками отвоевать Варшаву и поставить СССР перед свершившимся фактом».

Попытка Миколайчика «спасти положение» во время нового приезда в Москву в октябре 1944 г. и его переговоры с ПКНО при посредничестве Черчилля также ни к чему не привели. Польский вопрос становился серьезным раздражителем в межсоюзнических отношениях перед новой встречей в верхах. Преобразование ПКНО во Временное Национальное польское правительство и его признание в начале 1945 г. советским правительством ясно показало Лондону и Вашингтону, что оно не шутит в вопросах, затрагивающих интересы его безопасности.

Признательность народов Чехословакии СССР за попытки предотвратить Мюнхенский сговор и оказать помощь в борьбе против гитлеровской агрессии явились позитивной основой для налаживания советско-чехословацких отношений в годы войны. Летом 1944 г. отдельный Чехословацкий армейский корпус под командованием Л. Свободы активно действовал в составе войск 1-го Украинского фронта. Чувствуя общественные настроения, правительство Бенеша стремилось к укреплению союзнических отношений с СССР и было готово летом 1943 г. подписать соответствующий договор, но столкнулось с негативной реакцией англичан и было вынуждено подчиниться английскому нажиму. Лишь после Московской конференции английское «эмбарго» было снято. 12 декабря 1943 г. во время визита Бенеша в Москву был заключен Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословацкой Республикой, сыгравший важную роль в восстановлении независимости ЧСР.

Договор закреплял обязательства сторон оказывать друг другу военную и другую помощь в войне против Германии и не вступать с ней в сепаратные переговоры и соглашения, а также предусматривал взаимную военную помощь и поддержку в послевоенный период в случае повторения агрессии со стороны Германии или другого государства, объединившегося с ней. Договор предусматривал тесное сотрудничество двух стран после войны при полном уважении принципов независимости и суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга.

16.23. Договор о союзе между СССР и Францией

Советское правительство сделало важный шаг к укреплению отношений с освобожденной Францией, поддержав пожелание генерала де Голля посетить Советский Союз в конце 1944 г. — в то время как Лондон и Вашингтон продолжали игнорировать его в качестве равного партнера. Франция не была приглашена к участию в работе конференции в Думбартон-Оксе, где решалась судьба ООН. При этом в Москве исходили из важности восстановления роли Франции в качестве одной из традиционных опор европейского равновесия сил.

В ходе проходивших 2–9 декабря переговоров де Голль поставил вопрос о заключении советско-французского договора, что нашло полную поддержку со стороны Сталина. Правда, переговоры чуть было не зашли в тупик из-за нежелания французов признать по настоянию советской стороны Польский комитет национального освобождения (Люблинский комитет), хотя это и весьма напоминало недавнее затягивание признания комитета самого де Голля англичанами и американцами. В конце концов стороны договорились, что Париж и Люблин просто обменяются представителями, и в 4 часа утра 10 декабря 1944 г. Договор о союзе и взаимной помощи между СССР и Францией был подписан. Договор был восторженно встречен французской общественностью, которая видела в нем прежде всего возвращение Франции ранга великой державы.

16.24. Ялтинская конференция

К началу 1945 г. военно-политическая обстановка в Европе настоятельно требовала от главных союзников новой встречи в верхах. Советские войска вступили в пределы Германии, а начавшееся 16 декабря 1944 г. контрнаступление гитлеровцев на позиции англо-американских войск на Западном фронте в Арденнах, которое могло закончиться для последних крупной военной катастрофой, если бы не наступательные операции советских войск, придало готовящейся встрече особую срочность и необходимость.

Как следует из переписки Сталина с Рузвельтом, американская сторона впервые поставила вопрос о новой встрече руководителей СССР, США и Великобритании 19 июля 1944 г. Через три дня глава советского государства ответил согласием на предложение президента, но сообщил, что по известным причинам, связанным с необходимостью руководства делами на фронте, он не сможет выехать за пределы страны.

Как ясно следует из опубликованных еще МИД СССР архивных документов, место проведения конференции было предложено американской стороной, а не «навязано Москвой» больному Рузвельту, как по сей день утверждают некоторые западные авторы. 13 октября 1944 г. Г. Гопкинс в беседе с советским послом А. А. Громыко заявил, что, «по его мнению, Рузвельт для встречи мог бы прибыть на военном корабле в Черное море». Как сообщал в НКИД посол, «Гопкинс допускает, что встреча могла бы состояться где-либо на советском черноморском побережье». 27 декабря назначенный к тому времени американским послом в Москве А. Гарриман информировал советское правительство о согласии Рузвельта прибыть в Крым к началу февраля. С советской стороны было выражено удовлетворение в связи с этим решением.

Советское правительство придавало большое значение предстоящей конференции прежде всего с точки зрения дальнейшего укрепления сотрудничества трех держав как в вопросах завершения войны, так и в вопросах упрочения мира. Свою главную задачу оно видело в том, чтобы надежно гарантировать послевоенную безопасность, не допустить новой агрессии, найти справедливое решение германской проблемы. Наряду с этим было важно закрепить интересы безопасности Советского государства — как территориальные, так и политические, добиться решения репарационной проблемы. Наконец, речь шла и о том, чтобы помочь встать на ноги европейским народам, освобожденным от фашистской оккупации. Что в Москве понимали под этим?

Судя по имеющимся документам, на том этапе в Кремле оперировали формулой «дружественные правительства» освобожденных государств, что прежде всего должно было не допустить возрождения в Восточной Европе былого «санитарного кордона» и способствовать установлению добрососедских отношений со странами, волею трагических обстоятельств втянутыми в водоворот войны и оказавшимися в орбите гитлеровской Германии.

Не преуменьшая имеющиеся разногласия, в Москве в то же время были уверены, что их удастся преодолеть. 19 октября 1944 г. глава советского правительства сообщал в Вашингтон об итогах состоявшихся в Москве переговоров с Черчиллем: «В беседах выяснилось, что мы без больших трудностей можем согласовать нашу политику по всем вставшим перед нами важным вопросам, а если мы и не можем еще обеспечить немедленное нужное решение той или иной задачи, как, например, по польскому вопросу, то тем не менее и здесь открываются более благоприятные перспективы. Я надеюсь на то, что эти московские беседы принесут пользу и в том отношении, что при будущей встрече нас троих мы сможем принять определенные решения по всем неотложным вопросам, представляющим для нас общий интерес».

Что касается партнеров Советского Союза по переговорам, то их цели определялись сложным переплетением национальных интересов и достаточно трезвой оценкой собственных возможностей в сложившейся обстановке. В исследовании американского конгресса отмечается, что у Рузвельта были две крупные цели: окончательно добиться советских обязательств о вступлении в войну на Дальнем Востоке и получить от Сталина окончательное согласие на создание Организации Объединенных Наций. Среди главных задач Черчилля, подчеркивается в исследовании, было сохранение Британской империи «наряду с обеспечением устойчивого баланса сил на Европейском континенте путем возрождения Франции и Германии в качестве мощного противовеса Советскому Союзу»[1].

Следует отметить, что американская и английская делегации при наличии существенных разногласий между собой, особенно по колониальным делам, нередко координировали свои действия и часто выступали единым фронтом. При этом Рузвельт проявлял куда большую гибкость, чем его английский коллега, и в большей мере старался учитывать советские интересы. Поэтому президент весьма сдержанно отнесся к предложениям англичан наметить совместную тактику перед конференцией в Крыму в ходе двусторонней встречи на Мальте, так как явно не хотел заранее связывать себе руки. Дело ограничилось лишь обсуждением военных вопросов начальниками штабов.

Крымская (Ялтинская) конференция руководителей трех союзных держав проходила с 4 по 11 февраля 1945 г. в Ливадийском дворце в Крыму. Военные вопросы заняли сравнительно мало места в ее работе и были быстро согласованы уже на первом заседании после докладов начальников Генеральных штабов трех держав. В основном речь шла о более тесной координации боевых действий союзников в Европе в преддверии капитуляции Германии. Советскому правительству была выражена «глубокая благодарность» за организацию наступления в связи с прорывом гитлеровцев на Западном фронте. В ответ было подчеркнуто, что «советское правительство считало это

[1] US Congress. Soviet Diplomacy and Negotiating Behavior. Emerging New Context for US Diplomacy. Washington, 1979. Vol. 1. P. 179.

своим долгом, долгом союзника, хотя у него не было формальных обязательств на этот счет».

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Главное место на конференции, как и ожидалось, заняли политические вопросы послевоенного урегулирования. Поэтому второе заседание началось с обсуждения проблемы номер один — германской. Участники конференции подписались под заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира». На основе рекомендаций Европейской консультативной комиссии (ЕКК) был окончательно решен вопрос о зонах оккупации Германии. Франции была выделена зона из британской и американской частей, а также предоставлено право быть членом Контрольного совета по Германии.

В связи с окончательным решением Советского Союза вступить в войну с Японией «через два-три месяца» после капитуляции Германии и окончания войны в Европе участниками конференции было подписано соответствующее соглашение с перечнем ряда условий. Оно предусматривало восстановление принадлежащих СССР территориальных прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно: возвращение Советскому Союзу южной части острова Сахалин и всех прилегающих к ней островов, а также передачу ему Курильских островов и решение ряда других важных территориальных вопросов.

Американские руководители исключительно высоко оценивали это соглашение, считая его «малой ценой» за советское обязательство начать военные действия на Дальнем Востоке. Имея в виду подписанное соглашение, член американской делегации адмирал У. Леги говорил Гарриману: «Это делает поездку стоящей того». В окружении Рузвельта господствовало твердое убеждение, что без участия Советского Союза победа в войне с Японией была крайне затруднена, а то и невозможна.

Интересно свидетельство на этот счет сменившего Хэлла на посту госсекретаря США Э. Стеттиниуса.

«Я знал в Ялте, — писал он, — например, о том огромном давлении, оказанном на президента нашими военными деятелями, с тем чтобы добиться вступления России в войну на Дальнем Востоке. В то время атомная бомба была еще неизвестной величиной, а наше поражение в “Битве на выступе” (в Арденнах) было у всех свежо в памяти. Мы все еще не форсировали Рейн. Никто не знал ни того, как долго продлится европейская война, ни того, сколь великими окажутся потери».

Э. Стеттиниус

На Ялтинской конференции был окончательно согласован комплекс вопросов, открывших дорогу для создания Организации Объединенных Наций, прежде всего вопрос о процедуре голосования в Совете Безопасности. Учредительную конференцию было решено провести в конце апреля 1945 г. в Сан-Франциско. Были сняты некоторые другие препятствия, остававшиеся открытыми после переговоров представителей СССР, США и Великобритании на конференции в Думбартон-Оксе, проходившей с 21 августа по 28 сентября 1944 г. с целью разработки Устава ООН. Американская дипломатия вынуждена была отойти от своей позиции в вопросе о голосовании, подрывавшей принцип единогласия великих держав. Рузвельта удалось убедить, что отсутствие «права вето» в определенной ситуации могло обернуться против интересов Соединенных Штатов и вызвать возражения в конгрессе. События последующих десятилетий подтвердили правоту президента.

Однако предложенный Рузвельтом порядок голосования, предусматривавший разделение возникающих вопросов по их значимости, не встретил до конференции поддержки с советской стороны. 28 декабря Гарриман сообщал из Москвы в связи с этим вопросом: «Анализируя реакцию Советов, следует иметь в виду, что после революции другие государства относились враждебно или подозрительно к ним или их целям. Хотя русские понимают, что их признают ныне как могущественную мировую державу, они все еще с недоверием относятся к скрытым мотивам большинства государств по отношению к ним. Тем самым, у них нет уверенности, что члены Совета будут без предубеждения вести себя в спорах, которые могут затрагивать Советское правительство».

На Ялтинской конференции после продолжительной дискуссии был найден приемлемый компромисс. Советская делегация пошла навстречу американским предложениям, которые исходили из безусловного единогласния постоянных членов Совета Безопасности по всем важнейшим решениям, относящимся к сохранению мира, включая принятие экономических, политических и военных санкций, и допускали отступление от принципа единогласия при мирном урегулировании споров. Это была важная уступка с советской стороны. Советская делегация также сняла свое предложение об участии в ООН всех союзных республик и ограничилась двумя из них — Украиной и Белоруссией, что получило немедленную поддержку американской стороны.

Как и следовало ожидать, наибольшие споры в Ливадийском дворце разгорелись по вопросам политического устройства освобожденных европейских государств. Западные державы откровенно выступали за реставрацию довоенных режимов, СССР делал ставку на антифашистский подъем и настаивал на предоставлении европейским народам права самим решать свою судьбу, что в той конкретной ситуации могло означать только приход к власти левых сил. При обсуждении Декларации об освобожденной Европе советская сторона, стремясь наполнить этот важнейший документ конкретным содержанием и тем самым устранить почву для разногласий при его претворении в жизнь, предложила включить в него положение о том, что в процессе налаживания

мирной жизни освобожденных европейских народов «будет оказана поддержка политическим деятелям этих стран, принимавшим активное участие в борьбе против германской оккупации».

На первых порах эта поправка встретила поддержу президента Рузвельта, однако, обсудив этот вопрос с членами американской делегации, он отклонил советское предложение под тем предлогом, что оно якобы «не имело отношения к делу и являлось чуть ли не вмешательством» во внутренние дела европейских народов. С советской стороны в связи с этим было подчеркнуто, «что у союзников не может быть одинакового отношения к тем, кто поддерживал немцев и кто боролся против них». Все же в интересах успешной работы конференции было решено эту поправку с обсуждения снять.

И все-таки в Декларации об освобожденной Европе было зафиксировано принципиальное положение, гласившее: «Установление порядка в Европе и переустройство национальной экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору».

Большое место в работе Ялтинской конференции занял польский вопрос. Он затрагивался почти на всех пленарных заседаниях. При его обсуждении, по подсчетам Черчилля, было произнесено в общей сложности 18 тыс. слов (!), добавим — порой достаточно резких. Это и понятно, поскольку позиции сторон вначале были диаметрально противоположными. Инициатива в постановке польского вопроса целиком принадлежала западным союзникам, встревоженным ослаблением позиций своих сторонников. Их, разумеется, прежде всего волновал вопрос о власти. «Наиболее существенной частью польского вопроса, — подчеркнул Рузвельт на заседании 6 февраля, — является вопрос о создании постоянного правительства в Польше».

Вместе с Черчиллем Рузвельт попытался убедить советскую делегацию согласиться с такой «реорганизацией» Временного польского правительства, которая вернула бы к власти прозападных довоенных деятелей, подставивших Польшу под удар вермахта. В этих целях Рузвельт предлагал учредить президентский совет и поручить ему создание нового правительства. Он настаивал на осуществлении контроля за выборами в Польше со стороны послов трех держав, считал «малооправданным» перенесение польской границы на Западную Нейсе и т.д.

Эти попытки навязывать односторонние решения встретили протест советской стороны. Временами могло показаться, что речь идет не о соседнем Советскому Союзу государстве, а о какой-нибудь центральноамериканской республике. Глава советской делегации высказался (вопрос, насколько искренне) в пользу того, чтобы не мешать полякам самим решать свои внутренние дела, не навязывать им чужую волю. Он также настойчиво подчеркивал, что с Польшей связаны важнейшие стратегические интересы Советского государства, вопросы его безопасности. Хотя Сталин вел себя сдержанно, сила тем

не менее была на его стороне. Судя по всему, он хотел переиграть историю и думал о том, как сделать Польшу союзником в послевоенное время на случай новой германской угрозы. А это, конечно, зависело от внутреннего устройства Польши.

Обстановка на конференции в связи с польским вопросом заметно накалилась. Перспектива оказаться в тупике не прельщала Рузвельта. Он понимал необходимость компромисса. 6 февраля президент направил Сталину специальное послание по польскому вопросу: «Я исполнен решимости, — писал он, — не допустить раскола между нами и Советским Союзом. Наверняка имеется способ примирить наши разногласия»[1].

В результате длительной и терпеливой дипломатической работы такой «способ» был найден.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Достигнутая договоренность в отношении Польши гласила, что действующее Временное польское правительство должно быть реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы.

Остается сказать несколько слов о том, как решалась репарационная проблема. Советский Союз, понесший колоссальный ущерб от фашистской агрессии, имел полное право компенсировать за счет репараций хотя бы часть того, что было разрушено и уничтожено врагом. Одновременно СССР, выдвигая свои требования, стремился подчеркнуть, что агрессия не может пройти безнаказанно. Однако усилиями западных партнеров этот вопрос был превращен в предмет недостойного политического торга. Думая только о том, как бы не ослабить послевоенную Германию в качестве нового «оплота против большевизма», Черчилль под различными предлогами отказывался зафиксировать в протоколе точную сумму германских репараций, предложенную советской делегацией. Рузвельт вначале поддержал его в этом.

Дело в том, что президент явно преувеличивал значение германских репараций для послевоенного восстановления Советского Союза, в котором США намеревались принять участие и думали лишь о том, как сделать это повыгоднее для себя. Примечательно, что на самой конференции американская делегация не стала затрагивать вопрос о долгосрочном кредите на 6 млрд долл., поставленный советским правительством 3 января 1945 г., видимо, ожидая политических уступок с советской стороны.

Правда, во время одного из банкетов в Ливадийском дворце между Рузвельтом и Сталиным состоялся на первый взгляд шутливый и вместе с тем весьма

[1] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. 2-е изд. М., 1976. Т. 2. С. 199.

примечательный разговор. Президент, отдав должное высокому качеству советского шампанского, высказался в том духе, что ему следовало бы выписать из Москвы 500 бутылок. На это глава советского правительства иронически заметил, что он мог бы «отпустить» этот товар президенту на основе долгосрочного кредита с рассрочкой на 30 лет, как раз на тот срок, о котором шла речь в советском предложении от 3 января 1945 г. Намек, должно быть, не остался незамеченным, но дело с места особенно не сдвинулось.

В подписанном протоколе указывалось, что советская и американская делегации согласились передать вопрос в Московскую комиссию по репарациям, которая в качестве базы для обсуждения будет исходить из советского предложения об общей сумме репараций с Германии в 20 млрд долл. с правом получения Советским Союзом 50% этой суммы. Англичане отказались зафиксировать точную цифру репараций. Похоже, Черчилль уже тогда начал разыгрывать новый европейский «баланс сил», в котором послевоенной Германии предназначалось не последнее место.

Ялтинская конференция явилась пиком сотрудничества СССР, США и Великобритании в годы войны. Более того, она открывала реальные перспективы для продолжения этого сотрудничества в мирное время. Последний раздел подписанного в Крыму коммюнике так и назывался: «Единство в организации мира, как и в ведении войны».

Следует со всей определенностью подчеркнуть, что все шаги советских представителей на конференции, в том числе и готовность пойти навстречу союзникам в отдельных вопросах, сверялись с главной задачей, поставленной перед советской внешней политикой: добиться развития стабильных и устойчивых отношений в послевоенное время с главными капиталистическими державами — союзниками СССР по антигитлеровской коалиции и тем самым помочь решению внутренних задач послевоенного восстановления. Эти планы имели мало общего с приписываемым Советскому Союзу стремлением к разжиганию холодной войны.

16.25. Безоговорочная капитуляция Германии. Окончание войны в Европе

Последние месяцы Великой Отечественной войны вплоть до капитуляции гитлеровской Германии были отмечены историческими военными и политическими событиями. Главное — сохранялось сотрудничество между союзниками, а сравнительно частные разногласия удавалось сглаживать и приводить к единому знаменателю. Так, ничем закончились тайные попытки американских спецслужб нащупать почву для сговора с нацистской верхушкой весной 1945 г., оставив, правда, после себя неприятный осадок, судя по переписке Рузвельта со Сталиным. Отчаянные надежды Берлина на «раскол» между союзниками по мере их сближения на территории Германии оказались тщетными. Англо-американское командование удержалось от соблазна в ходе наступательных

операций нарушить договоренности о разделительных линиях и выиграть «гонку» за Берлин. Игра на страхе США и Великобритании перед «большевизацией» Европы не достигла цели. Второго издания «мюнхенской политики» после всех бедствий войны быть не могло.

В начале марта англо-американские войска начали форсирование Рейна, чтобы перенести наступление на территорию Германии. По словам очевидцев, после длительной артподготовки и концентрации сил впечатление было таково, будто «войска совершали прыжок в пустоту». Организованного сопротивления немцев уже не было. Почти все боеспособные войска были переброшены против наступавшей Красной армии. В середине апреля началась грандиозная Берлинская операция, которая подвела черту войне в Европе. Мир наблюдал за агонией «тысячелетнего» рейха. 21 апреля союзные войска вышли на Эльбу, а первые советские части ворвались в Берлин, одновременно продолжая обходное движение на запад. 25 апреля в районе Торгау произошла историческая «встреча на Эльбе» советских и американских войск. На рассвете 30 апреля советские войска начали штурм рейхстага и на следующий день водрузили над ним Знамя Победы. 2 мая в 3 часа дня остатки берлинского гарнизона капитулировали. К этому моменту Гитлер уже совершил самоубийство.

Война в Европе в основном закончилась. Оставались лишь отдельные очаги сопротивления гитлеровских войск. В Западной Чехословакии почти миллионная группировка во главе с генерал-фельдмаршалом Ф. Шернером и генералом Л. Рендуличем, состоявшая из частей группы армий «Центр» и остатков группы армий «Австрия», продолжала вести отчаянную борьбу с советскими войсками и была готова потопить в крови восстание чехословацких патриотов, начавшееся 5 мая в Праге. У командования группировки имелся приказ, в котором говорилось, что «борьба против западных держав потеряла смысл. На востоке, однако, борьба продолжается...». Лишь стремительный бросок через Рудные горы частей Красной армии, вступивших 9 мая в Прагу, спас пражских патриотов от неминуемого разгрома и удержал американские войска от захвата столицы Чехословакии, остановив их на ранее согласованной с советским командованием линии Плзень—Чешске-Будеевицы. Пражская операция явилась финальным аккордом действий советских вооруженных сил на заключительном этапе Второй мировой войны в Европе.

Осталось официально подвести черту войне в Европе. Перед своим самоубийством Гитлер назначил главой Третьего рейха адмирала К. Дёница, обосновавшегося во Фленсбурге. Цепляясь за соломинку, правительство Дёница 2 мая отдало приказ немецким войскам сложить оружие перед США и Великобританией и продолжать боевые действия против Красной армии. Это было запоздалое решение тех кругов германского генералитета («группа Герделера»), которые готовили провалившийся заговор против Гитлера от 20 июля 1944 г., чтобы открыть Западный фронт, и на успех которого одно время очень рассчитывал Черчилль. Сейчас это выглядело скорее как жалкий фарс, который тем не менее несколько омрачил общую победу.

Западные союзники явно поторопились, когда 7 мая в штабе главнокомандующего англо-американскими войсками генерала Д. Эйзенхауэра в Реймсе, в сотнях километров от Берлина и в нарушение военных традиций, подписали предварительный протокол о капитуляции вооруженных сил Германии перед США, Великобританией и СССР. В век информации весть распространилась мгновенно. Мир уже начал праздновать победу, когда советское правительство резонно настояло взамен предварительного протокола в торжественной обстановке подписать акт о безоговорочной капитуляции Германии в Берлине.

В ночь с 8 на 9 мая в пригороде Берлина Карлсхорсте акт о безоговорочной капитуляции был подписан со стороны германского командования фельдмаршалом Кейтелем и генералами Фридебургом и Штумпфом. Со стороны советского командования его подписал маршал Г. К. Жуков, со стороны американцев — генерал К. Спаатс, со стороны англичан — маршал авиации А. Теддер и со стороны французской армии — генерал Ж. Делаттр де Тассиньи. Рассказывают, что, когда Кейтель увидел за столом победителей Делаттра, он воскликнул: «Как? И французы тоже?» Акт о безоговорочной капитуляции Германии явился официальным завершением войны в Европе. Указом Президиума Верховного Совета СССР день 9 мая был объявлен всенародным праздником — Днем Победы.

Многое в это сложное переходное время на рубеже войны и мира зависело от государственных деятелей, их политической мудрости, чувства ответственности и реализма, дальновидности и дипломатического опыта. Этими качествами обладал такой дальновидный буржуазный политик, каким был президент США Рузвельт. Смерть Рузвельта 12 апреля 1945 г. и приход к власти его преемника — Г. Трумэна, недалекого и консервативного политического деятеля, ускорили поворот во внешней политике США в сторону конфронтации с Советским Союзом и отказа от сотрудничества с ним. Трумэн выражал политическую философию тех кругов в США, которые считали, что «Америка должна стать старшим собратом в сообществе наций». Это означало, что к концу войны в правящих кругах США все большее влияние приобретали идеи американского всемогущества и вседозволенности, происходила опасная переоценка собственных сил и недооценка возможностей других, открыто выдвигались претензии на мировое лидерство.

Новый президент попытался взять «решительный тон» в отношениях с Советским Союзом. Однако реальное соотношение сил не благоприятствовало замыслам Белого дома. СССР успешно завершил военные действия в Европе, а США все еще воевали с Японией, рассчитывая на помощь Советского Союза. Предстояло урегулирование сложных европейских проблем, где без взаимопонимания с СССР трудно было рассчитывать на успех с учетом того обстоятельства, что Красная армия стояла в центре Европы.

По неопытности Трумэн сразу же «наломал дров» в отношениях с советским правительством, «подмахнув» приказ о демонстративном прекращении

с 8 мая поставок СССР по ленд-лизу, чем очень обидел Москву. Пришлось дать отбой, направив в конце мая в Москву Г. Гопкинса для «выправления положения». Именно во время этого визита Гопкинса Сталин скажет запомнившиеся американцу слова: «Русские люди — простые люди, но их не надо считать дураками».

16.26. Подготовка новой конференции «большой тройки»

В ходе этого визита 26 мая и была достигнута окончательная договоренность о проведении новой конференции руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании. Согласование места ее проведения не вызвало больших осложнений. Естественно было подвести черту войне в столице поверженного Третьего рейха и договориться о сотрудничестве на будущее. Правда, Трумэн в близком кругу высказывал мысль о желательности приезда Сталина в США, но вовремя отказался от этой тщеславной затеи.

Поскольку Берлин был сильно разрушен в результате бессмысленного сопротивления нацистов в последние дни войны, то выбор пал на расположенный поблизости от него старинный Потсдам. Пока советские военные власти подготавливали для предстоящих переговоров хорошо сохранившийся на окраине Потсдама дворец Цецилиенхоф, в Москве, Вашингтоне и Лондоне развернулась активная подготовка к конференции.

После переговоров Гопкинса в Москве успешно завершилось формирование Временного польского правительства национального единства, с которым в начале июля 1945 г. США и Великобритания установили дипломатические отношения. Верх одержала компромиссная формула, учитывавшая интересы основных сторон расколотого войной польского общества. Между Москвой и Вашингтоном после известной напряженности, созданной давлением Черчилля, был согласован вопрос об отводе американских войск из Саксонии и Тюрингии, входивших в советскую зону оккупации.

26 июня, спустя два месяца после начала своей работы, подписанием Устава Организации Объединенных Наций закончилась конференция в Сан-Франциско. Советская дипломатия отстояла решения, принятые в Думбартон-Оксе и в Крыму, и не допустила ослабления ООН на последнем этапе ее создания.

А дипломатический горизонт заволакивали уже новые тучи. США перехватили эстафету у Великобритании и не желали примириться с переменами в странах Восточной Европы, повлекшими за собой потерю власти довоенными элитами. Американские представители в восточноевропейских странах (Барнс Берри, Робертсон, Шенфельд, Штейнгардт, Лейн и др.) в искаженном свете представляли события «на местах», поддерживали тесные связи с непопулярными лидерами, включая коллаборационистских деятелей, и настойчиво искали пути для реставрации старых порядков. В своих донесениях в Вашингтон

они утверждали, что Советский Союз якобы «порвал» с Ялтинскими соглашениями и встал на путь односторонних действий.

В Вашингтоне думали о том, как бы ущемить политические интересы восточноевропейских стран, чтобы развернуть их в свою сторону. Особенно сильному нажиму со стороны США подвергались бывшие союзники гитлеровской Германии — Болгария, Румыния и Венгрия. Американская дипломатия отказалась установить с ними дипломатические отношения, как предлагало советское правительство, и отложила решение этого вопроса до конференции. Со стороны США была также предпринята попытка ущемить права Югославии в отношении территории Истрия—Триест. В Вашингтоне весьма болезненно отреагировали на подписанный 11 апреля 1945 г. между СССР и Югославией Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве и аналогичный по содержанию договор, подписанный 21 апреля с Польшей. 29 июня в Москве был подписан советско-чехословацкий договор, в соответствии с которым Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) была включена в состав Советской Украины.

Одновременно в Вашингтоне изыскивались новые способы оказания давления на Советский Союз в восточноевропейских делах. На передний план выдвигалась проблема репараций. Не случайно президент Трумэн отказался передать до предстоящей конференции причитавшуюся Советскому Союзу часть германского военного и торгового флота. Из-за обструкционистской позиции американского представителя Э. Поули, крупного калифорнийского нефтепромышленника, в созданной ялтинскими решениями репарационной комиссии в Москве проблема репараций зашла в тупик: 37 заседаний комиссии закончились безрезультатно.

16.27. Потсдамская конференция

Эти и другие проблемы европейского урегулирования, в центре которых находился германский вопрос, и предстояло разрешить на Берлинской (Потсдамской) конференции, проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 г.

Конечно, встреча в Потсдаме отличалась от предшествующих встреч «большой тройки» в годы войны. Об атмосфере «одной большой семьи», используя слова Рузвельта, сказанные в Ялте, говорить не приходилось.

Причины кроются прежде всего в изменившемся характере международной обстановки после завершения европейской войны, а также в ряде субъективных факторов. Советской дипломатии пришлось иметь дело с новыми западными деятелями. Новый президент США вел переговоры по шпаргалке, подготовленной Госдепартаментом, и больше всего опасался, как бы «не уступить чего лишнего» Сталину. В середине переговоров конференцию покинул Черчилль, потерпевший поражение на выборах и оскорбленный «неблагодарностью» английского народа. Именно в этот момент он произнес в запальчивости ставшие знаменитыми слова: «После войны гигантов началась война

пигмеев». Имел ли он в виду одного Клемента Эттли, сменившего его на посту премьер-министра?

Делегация СССР в Потсдаме отстаивала широкие политические цели, связанные как с подведением итогов войны и прежде всего окончательным решением германской проблемы, так и с продолжением процесса создания прочного фундамента послевоенного мира, начатого в Ялте. Как отмечал маршал Г. К. Жуков, «советская делегация прибыла в Потсдам с твердым намерением достигнуть взаимно согласованной политики по урегулированию послевоенных проблем в интересах мира и безопасности народов и создания условий, при которых исключалось бы возрождение германского милитаризма и повторение его агрессии»[1].

Примером того, что Советский Союз продолжал выступать в духе сотрудничества, может служить внимание, проявленное с советской стороны к волнующим США проблемам, и прежде всего к вопросу вступления СССР в войну с Японией. Остается фактом, что летом 1945 г., даже после испытаний «большой бомбы», как именовали атомное оружие в Вашингтоне, американские руководители продолжали возлагать большие надежды на вступление СССР в войну на Дальнем Востоке.

> «Было много причин для моей поездки в Потсдам, но наиболее важная, на мой взгляд, заключалась в том, чтобы добиться от Сталина личного подтверждения вступления России в войну против Японии, чему придавали исключительное значение наши военные руководители».
>
> *Президент США Г. Трумэн*

При первой же встрече с главой советской делегации в Потсдаме Трумэн сказал, что «США ожидают помощи от Советского Союза» в этом вопросе. Получив от Сталина утвердительный ответ, Трумэн в тот же день записал в своем дневнике: «Конец япошкам, когда это произойдет».

Американская дипломатия тщательно готовилась к предстоящей конференции и намеревалась вести переговоры «с позиции силы», хотя выбор средств давления был ограничен. Главная ставка была сделана на приуроченное к открытию Потсдамской конференции испытание нового «сверхоружия» — атомного. Не случайно спустя пять лет после конференции Трумэн окрестил ее «встречей под сенью атомной бомбы».

Несмотря на рекомендации своих ближайших советников, а также предложения Черчилля провести встречу «большой тройки» как можно быстрее, пока англо-американские войска еще занимали в Европе выгодные позиции, президент сознательно тянул с созывом Потсдамской конференции, с нетерпением дожидаясь вестей с базы ВВС в Аламогордо в штате Нью-Мексико, где готовилось к испытанию первое атомное устройство. «Мой папа оттягивал нача-

[1] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 2. С. 412.

ло работы конференции, потому что он хотел провести ее после того, как будет испытана атомная бомба», — признавала дочь президента Маргарет.

Однако Потсдамская конференция, несмотря на все подготовительные усилия Белого дома и Госдепартамента, пошла по обоюдоприемлемому сценарию. Это проявилось уже в ходе первой встречи главы советского правительства с президентом США в день открытия конференции, 17 июля. Трумэн в ходе беседы подчеркнул, что «он очень рад встрече с генералиссимусом Сталиным, с которым хотел бы установить такие же дружественные отношения, какие у генералиссимуса Сталина были с президентом Рузвельтом». На это было сказано, что «со стороны советского правительства имеется полная готовность идти вместе с США». При этом реалистически подчеркивалось, что «без трудностей не обойтись и что важнее всего желание найти общий язык»[1].

Основная дипломатическая борьба на конференции развернулась вокруг будущего Германии и других европейских народов, в частности по вопросу заключения мирных договоров с Болгарией, Венгрией, Румынией и нормализации их международного положения, проблемы репараций, определения западной границы Польши и др.

Тон на переговорах попытался задать британский премьер, демонстрируя воинственность и непримиримость в расчете не в последнюю очередь на английских избирателей в ходе первых после войны выборов. В беседе с советским послом Ф. Т. Гусевым накануне конференции премьер-министр вел себя вызывающе и говорил в ультимативном тоне. «Одно из двух, — заявил Черчилль, — или мы сможем договориться о дальнейшем сотрудничестве между тремя странами, или англо-американский единый мир будет противостоять советскому миру, и сейчас трудно предвидеть возможные результаты, если события будут развиваться по второму пути»[2]. Это была программа, как оказалось, на ближайшие полвека, предвестник Фултонской речи.

Однако американская и английская делегации вынуждены были отойти от занятых «жестких» позиций и принять компромиссные решения по наиболее острым вопросам повестки дня. В свою очередь советская делегация в качестве приоритетной задачи отстояла интересы восточноевропейских стран ценой отдельных уступок западным партнерам в репарационной проблеме и других вопросах. Советский Союз, принесший народам Центральной и Юго-Восточной Европы освобождение от фашистского порабощения, помогал им занять достойное место в международном сообществе в качестве своих новых союзников, сопрягая это с интересами собственной безопасности. Тем самым был сделан важный шаг к выходу СССР из довоенной изоляции и созданию пояса дружественных государств.

---

[1] Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.): Сборник документов. М., 1980. С. 42.

[2] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Т. 2. С. 385–386.

Американская дипломатия, строившая свою тактику с учетом «особой заинтересованности» СССР в решении репарационной проблемы, допустила просчет в оценке советских внешнеполитических приоритетов. К тому времени Советский Союз отводил германским репарациям скромное место в деле восстановления советской экономики. «Мы потеряли очень много оборудования в этой войне, страшно много, — говорил на заседании 31 июля Сталин. — Надо хоть одну двадцатую часть возместить».

Напрасно ожидала на конференции американская делегация обращений с советской стороны за «экономической помощью» к США. Политическая цена ее оказалась слишком высокой. Безопасность, как в то время ее понимали в Кремле, перевесила преимущества экономической выгоды. В деле восстановления страны советскому народу пришлось полагаться на собственные силы.

Конференция в Потсдаме завершилась историческими решениями. Большое значение для судеб Европы и всего мира имела достигнутая участниками конференции договоренность о том, что «германский милитаризм и нацизм будут искоренены» и что в будущем будут приняты другие меры, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире Была согласована цель «окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе».

Что касается вопроса о германских репарациях, то из-за бескомпромиссной позиции, занятой американской и английской делегациями, советская сторона была вынуждена согласиться с получением их главным образом из своей зоны оккупации, хотя это и противоречило согласованной политике отношения к Германии как к единому целому.

ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Отстаивая экономические и территориальные интересы СССР, советская делегация добилась решения вопроса о передаче Советскому Союзу трети германского военного и торгового флота, который представители США и Великобритании первоначально пытались использовать для давления на советскую сторону на переговорах. Была достигнута также договоренность о присоединении к СССР части Восточной Пруссии с городом Кенигсбергом.

Советская делегация не поддержала планы «переустройства» восточноевропейских стран, в частности требования Трумэна о «немедленной реорганизации» правительств Болгарии и Румынии, об осуществлении контроля со стороны западных держав за выборами в этих странах и т.д. Было принято решение о создание Совета министров иностранных дел (СМИД) с целью подготовки мирных договоров с бывшими союзниками гитлеровской Германии, установления с ними в дальнейшем дипломатических отношений и принятии их в ООН. Это способствовало укреплению позиций новой власти в Болгарии, Румынии и Венгрии.

Важное значение имело окончательное решение на конференции вопроса о западной границе Польши, который западные державы пытались использовать для оказания давления на вновь сформированное польское правительство. Руководители США и Великобритании были вынуждены заявить о прекращении признания ими «эмигрантского правительства в Лондоне» и согласиться с тем, что оно «больше не существует». Так закончилась длительная дипломатическая борьба вокруг польского вопроса, открывшая историю послевоенной Польши.

На конференции не получили поддержки и некоторые другие планы США в отношении европейских государств, проявившиеся в настойчиво выдвигавшейся Трумэном идее «интернационализации» судоходства по Дунаю и Рейну. Советская делегация отказалась рассматривать этот вопрос, а тем более включать его в коммюнике конференции.

Выполняя свои союзнические обязательства, советское военное командование познакомило американских представителей с планами вступления СССР в войну против Японии. При этом советская делегация не принимала участия в обсуждении проблем окончания войны с Японией и подготовке Потсдамской декларации с требованием безоговорочной капитуляции Японии, обнародованной 26 июля 1945 г., так как в тот момент не находилась в состоянии войны с Японией.

К сожалению, не все решения Потсдамской конференции получили развитие в мирное время, а некоторые из них оказались невыполненными. Атмосфера в отношениях между победителями начала постепенно меняться в худшую сторону. Вашингтон настойчиво искал пути реализации своих послевоенных преимуществ и возлагал особые надежды на осуществление «атомной дипломатии». Поэтому, возвращаясь в США на борту крейсера «Огаста», Трумэн с воодушевлением встретил весть об атомных бомбардировках японских городов. В его дневнике появилась такая красноречивая запись: «Это, вероятно, самая ужасная штука, когда-либо изобретенная, но она может оказаться и самой полезной».

16.28. Вступление СССР в войну с Японией. Безоговорочная капитуляция Японии

В научных кругах до сих пор идут споры о том, что решило судьбу Японии: атомные бомбардировки силами ВВС США японских городов Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 г. или военные действия Красной армии, разгромившей миллионную Квантунскую армию. Более обоснованным выглядит довод, что исход войны на Дальнем Востоке и в Азии в целом решила победа союзников на основном театре военных действий — Европейском. После поражения гитлеровской Германии у Японии не оставалось шансов на сколько-нибудь длительное сопротивление, не говоря уже о победе в войне. Милитаристская Япония была обречена. Речь могла лишь идти о сроках ее капитуляции. А это

означало предотвращение новых больших людских потерь, которыми и так был отмечен путь американцев в тихоокеанской войне.

Как указывалось выше, Советский Союз всю войну проводил крайне осторожную политику в отношении Японии и делал все возможное, чтобы ее не спровоцировать. Не менее настороженно воспринимали в Москве и все попытки, особенно американцев, раньше времени подтолкнуть СССР к вступлению в войну на Дальнем Востоке. Вместе с тем у советского руководства не было никаких иллюзий в отношении агрессивных замыслов японской военщины в случае неблагоприятного поворота советско-германской войны. Лишь голый расчет подтолкнул Японию в южном направлении, на время отсрочив опасность войны против северного соседа. Кроме того, в коалиционной войне существовало строгое правило — в интересах общего дела руководствоваться не только собственными интересами, но и интересами своих союзников, в данном случае прежде всего США. СССР взял на себя обязательства вступить в войну против Японии «через 2–3 месяца» после окончания войны в Европе и собирался их неукоснительно выполнять.

Видимо, такие мотивы определили решение советского правительства пригласить 5 апреля 1945 г. в НКИД японского посла Н. Сато и официально сообщить ему о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. В Токио, конечно, хорошо знали о настроениях в Москве и как могли пытались нейтрализовать их предложениями к СССР, как к единственной находившейся вне тихоокеанской войны великой державе, взять на себя «посредничество» в урегулировании конфликта на Дальнем Востоке, но было уже поздно. Возможности для примирения были давно упущены в результате преступных действий милитаристской Японии в Китае и Корее, нападения на американский флот в Пёрл-Харборе, враждебных действий в отношении Советского Союза. Требования к Японии были четко сформулированы США, Великобританией и Китаем еще в Каирской декларации 1 декабря 1943 г., и никаких оснований для «торговли» не было. Речь могла идти, как подчеркивалось в Потсдамской декларации, к которой с объявлением Японии войны присоединился СССР, только о полной и безоговорочной капитуляции.

Для Советского Союза вступление в войну с Японией «под занавес» Второй мировой войны было важным шагом по закреплению отношений сотрудничества с западными союзниками на послевоенное время.

8 августа в 5 часов вечера народный комиссар иностранных дел СССР принял японского посла и от имени советского правительства сообщил ему, что со следующего дня, 9 августа, Советский Союз считал себя в состоянии войны с Японией. В заявлении для передачи японскому правительству говорилось, что после капитуляции Германии Япония оставалась единственной державой, стоящей на пути к миру. Отказ Японии принять Потсдамскую декларацию лишал смысла всякое посредничество.

Противостоящая советским войскам Квантунская армия представляла собой грозную военную силу. Она насчитывала более 1 млн человек, имела на вооружении 1200 танков, 5400 орудий и минометов, 1800 боевых самолетов. Она не участвовала в крупных сражениях, в основном вела карательные операции в Китае, создала за долгие годы мощные оборонительные сооружения и сохранила свой боевой потенциал и высокий моральный дух. Поэтому сразу же после окончания военных действий в Европе советское командование начало передислокацию войск на восток и подготовку оперативного плана боевых действий.

В кратчайшие сроки была создана мощная группировка войск в составе Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов при поддержке трех воздушных армий и при взаимодействии с Тихоокеанским флотом и Амурской военной флотилией общей численностью 1 млн 747 тыс. человек. Советская группировка имела над противником 5-кратное превосходство по орудиям и минометам, 4-кратное — по танкам и почти 3-кратное — по самолетам. Это был мощный «кулак», способный взломать самую неприступную оборону, не говоря уже о высоком боевом духе победителей над Германией.

Перед советскими войсками под командованием маршала А. М. Василевского была поставлена задача окружить, расчленить и уничтожить войска Квантунской армии и освободить территорию Северо-Восточного Китая и Кореи от японских захватчиков. Шесть дней потребовалось советским войскам, чтобы, действуя с трех направлений, взломать оборону противника и окружить вражескую группировку.

Разгром Квантунской армии лишил военное руководство Японии последних надежд на продолжение вооруженной борьбы. 15 августа император Хирохито объявил о капитуляции Японии. Отдельные подразделения Квантунской армии, верные традициям самураев, продолжали сопротивление вплоть до начала сентября. В изданном президентом Трумэном в тот же день приказе о капитуляции японских вооруженных сил по странной «забывчивости» в зону принятия капитуляции советскими войсками не были включены Курильские острова. На следующий день советское правительство потребовало в район сдачи японцев советским войскам включить «все Курильские острова, которые, согласно решению трех держав в Крыму, должны перейти во владение Советского Союза».

Наряду с этим Советский Союз планировал принять участие в оккупации японских островов, в частности северной половины острова Хоккайдо. Но американцы не собирались делиться плодами победы на Дальнем Востоке с СССР. Как признавал президент Трумэн, «опыт Потсдама придал мне решимость не допустить русских к контролю над Японией». Требование о включении Хоккайдо в зону принятия капитуляции советскими войсками было отклонено американским правительством. Словно не ведая о принципе quid pro quo (взаимности) в межгосударственных отношениях, США поставили перед

советским правительством вопрос о предоставлении им возможности создания авиационных баз на Курильских островах, словно речь шла о побежденном государстве. В ответ советское правительство, не заостряя вопрос, предложило США право коммерческих посадок для их гражданских самолетов на одном из аэродромов Курильских островов при условии предоставления аналогичных прав для посадок советских самолетов на Алеутских островах. Вопрос отпал сам собой.

2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» в Токийской бухте состоялась торжественная церемония полписания акта о капитуляции Японии. Выбор американцами именно этого судна был не случаен. Из штата Миссури был родом президент Трумэн. От имени главы государства императора Хирохито, японского правительства и Верховного командования Акт о безоговорочной капитуляции подписали министр иностранных дел Сигемицу и начальник Генерального штаба генерал Умэдзу. От имени союзных держав акт подписал командующий американскими вооруженными силами на Тихом океане генерал Дж. Макартур. От СССР акт скрепил своей подписью генерал-лейтенант К. Н. Деревянко. По условиям капитуляции Япония полностью лишалась своего суверенитета и все ее официальные лица были обязаны выполнять распоряжения оккупационных властей.

В тот же день глава советского правительства направил приветственную телеграмму президенту Трумэну. В ней говорилось: «В день подписания Японией акта капитуляции разрешите поздравить Вас, Правительство Соединенных Штатов Америки и американский народ с великой победой над Японией».

Так закончилась Вторая мировая война.

16.29. Итоги Второй мировой войны

Вторая мировая война явилась тяжелейшим испытанием в истории человечества, затронувшим в той или иной степени судьбы всех народов планеты. С высоты времени предельно ясно, что в середине прошлого столетия на протяжении 6 лет, с 1939 по 1945 г., решался вопрос, сохранится ли поступательное развитие мировой цивилизации, как оно определилось на протяжении столетий, или человечество будет отброшено далеко назад в пучину нового варварства, как это уже случилось после падения Римской империи.

Страшно даже представить себе, что ждало народы в случае торжества нацистского нового порядка. Переход к нему практически уже начался не только в связи с победами гитлеровской военной машины в Европе и успехами милитаристской Японии в Азии, но, что, может быть, еще важнее, с растущим влиянием идеологии фашизма и расизма и склонностью правящих элит европейских государств к коллаборационизму и переходу на сторону агрессоров. Мир, как никогда, оказался близок к вселенской катастрофе.

Трудно сказать, в силу каких причин — классовых, геополитических, исторических или духовных, если, разумеется, не настраиваться на мистический лад, основная тяжесть борьбы с фашизмом выпала на долю советского народа. Сформировавшееся после 1917 г. новое руководство страны делало все возможное, как ему казалось, чтобы остаться вне войны, когда ее уже поздно было предотвращать, нередко даже ценой отчаянных и нравственно небезупречных внешнеполитических акций. В этом плане оно оказалось не намного успешнее российских самодержцев и их вельмож, которые, оказываясь в водовороте международных событий, нередко поступали во вред интересам своей страны и народа.

Победа антифашистской коалиции во Второй мировой войне была одержана прежде всего благодаря героической борьбе советского народа и его Вооруженных сил, остановивших и повернувших вспять гитлеровскую Германию и ее союзников вплоть до их окончательного разгрома. Значительный вклад в победу внесли союзники СССР — США и Великобритания, объединившие усилия перед лицом смертельной опасности и отбросившие довоенные противоречия. Расчеты главарей Третьего рейха на раскол между союзниками по антигитлеровской коалиции в силу идеологических причин не оправдались. Прагматизм, здравый смысл, инстинкт самосохранения перевесили идеологические разногласия.

Для советского народа цена победы была запредельна. Война, длившаяся 1418 дней и ночей, нанесла колоссальный, невиданный в прошлом урон Советскому государству — наследнику Российской империи. Наряду с огромными материальными потерями и перенапряжением всего народного хозяйства жертвами войны как на фронте, так и среди мирного населения стали более 27 млн человек — цвет многонационального государства. Из них 11,3 млн человек пали на фронте, 4,5 млн партизан и миллионы мирных жителей погибли на оккупированной врагом территории, 6 млн советских граждан оказались в фашистском плену. Эти потери в совокупности с непреодоленными людскими потерями в ходе Первой мировой и Гражданской войн, революции, сталинских чисток 1930-х годов создали для нас демографическую и генетическую проблему на десятилетия вперед.

В силу объективных и субъективных причин в ходе войны кремлевскому руководству не удалось закрепить сотрудничество с главными союзными державами на послевоенные годы и тем самым облегчить народу задачи последующего восстановления. Вопрос вопросов: «А было ли это вообще возможно в тех конкретных исторических условиях?» По мере приближения долгожданного мира на поверхность выходили временно отложенные противоречия как идеологического, так и геополитического характера, связанные с плодами победы, переделом мира, послевоенным революционным подъемом, столкновением противоположных ценностей и интересов.

Формально в ходе основных дипломатических конференций военного времени союзникам удалось наметить и закрепить основы послевоенного мирно-

го урегулирования, получившего название Ялтинско-Потсдамской системы. Ее отличали взвешенный баланс интересов сторон, компромиссный характер, стремление обойти «острые углы», неизбежные в межгосударственных отношениях, тем более для государств с различным общественным строем, во имя более важных целей общей победы над врагом и прочного послевоенного мироустройства.

Советский Союз — государство-победитель — оказался перед нелегким выбором: закрепить итоги войны путем укрепления своей безопасности, в том числе территориальной, как это в то время понимали в Кремле, сохранения самостоятельности и суверенитета и расширения сферы идеологического и политического влияния или уступить внешнему нажиму и поступиться плодами победы, оплаченной кровью советских солдат. Во всяком случае, в истории войн не было такого, чтобы победитель удовлетворился восстановлением довоенного статус-кво. Разраставшийся конфликт между победителями предвосхищал новую реальность холодной войны и биполярного противостояния.

Война и ее последствия закрепили новую расстановку сил в мировой политике и экономике, выход на лидирующие позиции в мире Соединенных Штатов Америки, сумевших победить в войне «малой кровью» и воспользоваться ее итогами. В результате одни конкуренты были разгромлены (Германия, Япония), другие надолго, если не навсегда, ослаблены и низведены с пьедестала великих держав (Франция, Англия). Как считали в Вашингтоне, в мире возник «вакуум власти», которым грех было не воспользоваться.

С конца XIX в. США терпеливо ждали своего часа, чтобы реализовать заявку на мировое лидерство с учетом своего неуклонно растущего экономического и военного потенциала и постепенного ослабления позиций старых колониальных держав. Достижению этих целей служила перед Второй мировой войной и в ее ходе глубоко продуманная и целеустремленная внешняя политика администрации президента Рузвельта — мягкая по стилю и жесткая по содержанию. Не случайно про президента близко знавшие его люди говорили, что в нем как в политике уживались «лиса и лев».

Смена власти в Вашингтоне в конце войны при всей ее трагичной случайности и приход в Белый дом нового президента выражали потребности американской элиты в смене курса, отвечающего задачам силовой реализации преимуществ США в международных отношениях. Внешне это выглядело как новое издание мессианской программы защиты свободного мира от «коммунистической экспансии» и продвижения демократии с объединением всех враждебных СССР сил под эгидой США в тех или иных организационных формах. Противостоящая этому также по своей сути мессианская программа социального переустройства мира, выдвинутая Советским Союзом и поддержанная всем «миролюбивым лагерем», делала назревающий новый конфликт неизбежным.

Литература

Основная

Наринский М. М., Филитов А. М. Советская внешняя политика в период Второй мировой войны: Курс лекций по истории международных отношений (1939–1945 гг.). М.: МГИМО, 1999.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том первый. События. 1918–1945. М.: Моск. рабочий, 2000. Гл. 15–17.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том второй. Документы 1910–1940-х годов / Сост. А. В. Мальгин. М.: Моск. рабочий, 2000.

Смирнов В. П. Краткая история Второй мировой войны. М., 2005.

Дополнительная

Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: В 4 кн. М., 1998.

Великая Отечественная война: Происхождение, основные события, исход. Документальные очерки. М.: МГИМО-Университет, 2010.

Сиполс В. Я. Великая Победа и дипломатия. 1941–1945. М.: Новина, 2000.

Союзники в войне. 1941–1945 / Отв. ред. А. О. Чубарьян, У. Ф. Кимболл, Д. Рейнольдс. ., 1995.

Фалин В. М. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: Конфликт интересов. М.: Центрполиграф, 2000.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По окончании Первой мировой войны державы Антанты и присоединившиеся к ним США не смогли создать международный порядок, который сделал бы невозможным повторение мировой военной катастрофы. Версальско-Вашингтонская система международных отношений оказалась нестабильной и недолговечной. Просуществовав немногим более 10 лет, она начала быстро разрушаться — вначале на Дальнем Востоке, а затем и в Европе. Трагическим завершением этого процесса стала еще более жестокая и кровавая Вторая мировая война.

Версальско-Вашингтонский порядок не опирался на прочные политические основания. В его рамках державам-победительницам не удалось выстроить глобальное политическое равновесие, а возврат США на позиции изоляционизма окончательно похоронил эту возможность. В результате пять из семи великих держав были либо не удовлетворены послевоенным порядком, либо прямо враждебны ему.

Победители не смогли создать и фундаментальной правовой базы международного регулирования. Не оправдались надежды, возлагаемые ими на Лигу Наций. Этой организации не суждено было выступить в роли организующей и направляющей силы мирового политического процесса, а заложенные в ее Устав универсальные принципы так и не стали действующим кодексом поведения государств в международных делах. Государства — участники Лиги отказывались подчиняться положениям Устава всякий раз, когда они входили в противоречие с их интересами. Оказался нежизнеспособным, прежде всего, принцип коллективной безопасности, исходивший из ошибочного предположения о том, что члены Лиги станут участвовать в отпоре агрессии независимо от того, в какой степени она угрожает им самим. Поэтому в кризисных ситуациях Лига не смогла действовать эффективно.

Будучи первым в истории глобальным международным порядком, Версальско-Вашингтонская система по-прежнему оставалась европоцентричной. Региональные системы в АТР и Латинской Америке были еще недостаточно зрелыми, международная система на Ближнем Востоке только начинала формироваться, а страны Африки и большинство государств Азии были колониями и не могли играть самостоятельной политической роли. Однако именно Версальский порядок в Европе и оказался наиболее уязвимым звеном глобального послевоенного устройства. Колоссальные жертвы, понесенные державами Антанты в войне, их страх перед возрождением германской мощи явились непреодолимым препятствием на пути к окончательному примирению бывших противников и надолго раскололи Европу на победителей и побежденных. Мирные договоры с Германией и ее союзниками но-

сили репрессивный характер и были навязаны им силой, что предопределило неустойчивость Версальской системы. Серьезную проблему для держав Антанты представляла и выпавшая из коалиции Советская Россия. Она не принимала участия в организации послевоенного порядка, в рамках которого понесла существенные территориальные потери. Поставив во главу угла своей внешней политики борьбу за мировую революцию, Советское государство сделало ставку на подрыв Версальско-Вашингтонской системы. При враждебно настроенных Германии и СССР всерьез говорить о континентальном равновесии уже не приходилось.

Поскольку Версальская система изначально была очень уязвима, немцам удалось сравнительно легко и быстро ее расшатать. Искусно используя советский фактор в своей борьбе с ограничениями Версальского договора, они добивались от победителей все новых и новых уступок. Как только выяснилось, что западные державы не готовы остановить ревизию Версаля силовыми методами, окончательный демонтаж Версальского порядка и превращение Германии вновь во влиятельное государство Европы стали лишь вопросом времени.

Важнейшей отличительной чертой межвоенных десятилетий было появление двух новых массовых идеологий — коммунизма и фашизма. Их представители, сделав в международных делах ставку на силу, в то же время обвиняли западных либералов в двойной морали и несоблюдении провозглашаемых правовых и идейно-политических принципов. Крайне опасным было то, что этими идеологиями руководствовались в своей внешней политике четыре из семи великих держав — коммунистический Советский Союз, фашистские Германия и Италия, милитаристская Япония.

Влияние Советского Союза на международный процесс в межвоенные годы было весьма неоднозначным. Его противостояние с капиталистическими странами стало одним из главных факторов, подрывавших Версальско-Вашингтонский порядок. Однако распад этого порядка в том виде, в котором он происходил в 1930-е годы, т.е. в результате агрессии фашистских государств, а не вследствие развития мирового революционного процесса, как на то рассчитывали в Москве, представлял огромную угрозу безопасности Советского Союза и вынуждал его скорректировать свой внешнеполитический курс. В 1930-е годы СССР, в отличие от фашистских государств, не только не подрывал Версальско-Вашингтонскую систему, но и перешел на позиции ее защитника, проявляя готовность к сотрудничеству с западными державами на антифашистской основе. Однако Великобритания и Франция не захотели использовать позитивные перемены в политике Москвы для борьбы с фашистской агрессией. Напуганные всей предшествующей революционной активностью большевиков, западные державы упустили открывающиеся перед ними возможности, сделав в итоге выбор в пользу лицемерной политики умиротворения и компромисса с нацистами. Оказавшись в изоляции и столкнувшись с угрозой остаться один на один с Гитлером, Советский Союз был вынужден в конце концов отказаться от дальнейших попыток создания военно-политического союза с Великобританией и Францией и подписал с нацистской Германией договор о ненападении.

Еще одной особенностью межвоенного периода был подъем национальных движений. На политической карте мира появился ряд новых независимых государств. Обнаружились первые признаки кризиса колониальной системы. Право наций на самоопределение, никогда ранее не считавшееся общепризнанной правовой нормой, было провозглашено победителями в качестве одной из основ послевоенного устройства. Однако принцип национального самоопределения входил в явное противоречие с основополагающими международными принципами суверенитета и территориальной целостности государств. Сами державы-победительницы считались с ним на практике лишь постольку, поскольку он не противоречил их собственным интересам. Данной коллизией не преминул воспользоваться Гитлер. Обвинив победителей в ущемлении национальных прав немецкого народа, он с их фактического согласия аннексировал в 1938 г. Австрию и Судетскую область Чехословакии, чем окончательно разрушил Версальскую систему.

Послевоенный национальный подъем представлял собой весьма противоречивое явление. В ряде стран он переродился в агрессивный национализм, крайней формой которого был фашизм. Победивший в Германии, Италии и Японии фашизм стал «могильщиком» межвоенного международного порядка и главным виновником развязывания Второй мировой войны.

В свою очередь, гаранты Версальско-Вашингтонской системы оказались неспособными справиться ни с одной из стоявших перед мировым сообществом кардинальных международных проблем. Они не захотели защищать ими же созданный политический порядок с оружием в руках. Провозглашая верховенство права, победители сами не были готовы проводить в жизнь заложенные в Уставе Лиги правовые принципы. Перехода от силового к преимущественно правовому регулированию международных отношений после Первой мировой войны так и не произошло. Международную политику в межвоенный период по-прежнему определяли баланс сил, массовые идеологии и интересы суверенных государств.

Прямым следствием крушения Версальско-Вашингтонского порядка стало развязывание государствами-агрессорами, возглавляемыми нацистской Германией и милитаристской Японией, Второй мировой войны. Их стратегия, нацеленная на завоевание мирового господства и создание «нового порядка» в Европе и мире путем порабощения и истребления целых народов, поставило человечество на край гибели и заставила СССР, США и Великобританию объединиться перед лицом общего врага. Советский Союз и англосаксонские державы, отложив на время существовавшие между ними острые идеологические и геополитические противоречия, образовали военно-политический союз — «большую тройку», ставшую ядром широкой антигитлеровской коалиции, в состав которой к концу войны входило около 50 государств. Решающую роль в разгроме нацизма сыграл Советский Союз и его доблестная Красная армия — на Восточный фронт пришлось более 80% германских военных потерь. Свой вклад в победу внесли и западные союзники, открывшие в июне 1944 г. второй фронт в Нормандии и оказавшие СССР значительную помощь по ленд-лизу. На конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме руководители

«большой тройки» сумели не только согласовать военно-политическую стратегию ведения войны, но и принять важнейшие решения, во многом определившие облик послевоенного мира.

Ялтинско-Потсдамская система формировалась победителями во Второй мировой войне как многополярная. Наряду с СССР, США и Великобританией ее гарантами должны были выступить Франция и Китай. Три оставшиеся державы из группы великих — Германия, Япония и Италия, — проиграв войну, не только утратили свой великодержавный статус, но и были лишены победителями самостоятельной политической роли, что существенно ограничивало многополярность нового международного порядка. Однако и в пятерке держав-победительниц не было равновесия: в ней доминировали два гиганта — США и СССР, политический и военный вес которых был намного больше, чем трех остальных государств. Все эти обстоятельства и явились решающими предпосылками для быстрого преобразования Ялтинско-Потсдамской системы в биполярную и начала между двумя главными центрами силы глобального военно-политического, экономического и идеологического противоборства — холодной войны.

Хронологическая таблица

1918 год

11 ноября	Подписание Компьенского перемирия между Германией и державами Антанты. Окончание Первой мировой войны.
11 ноября	Провозглашение независимости Австрийской республики.
13 ноября	Аннулирование Советской Россией Брестского мирного договора.
23–27 ноября	Высадка англо-французских войск в Новороссийске, Севастополе и Одессе.
1 декабря	Образование Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС).
Декабрь	Вступление британских войск в Закавказье и Закаспийскую область.

1919 год

18 января — 20 января 1920 г.	Парижская мирная конференция.
2–6 марта	I конгресс Коммунистического интернационала в Москве.
21 марта — 1 августа	Венгерская Советская Республика.
27 марта	Признание Советской Россией независимости Афганистана.
7 апреля — 3 мая	Баварская Советская Республика.
26 апреля	Принятие Устава Лиги Наций.
3 мая — 8 августа	Третья англо-афганская война.
4 мая	Массовые демонстрации в Пекине против решения Парижской конференции о передаче Шаньдуна Японии. Начало освободительного движения в Китае («Движение 4 мая»).
15 мая	Высадка греческих войск в Измире (Смирне). Начало греко-турецкой войны.
16 июня — 7 июля	Словацкая Советская Республика.
28 июня	Подписание Версальского мирного договора между Германией и державами Антанты. Подписание в Париже англо-французского и американо-французского гарантийных договоров (впоследствии в силу не вступили).
31 июля	Принятие Национальным собранием Германии Веймарской конституции.
9 августа	Англо-иранское соглашение. Установление протектората Великобритании над Ираном.
10 сентября	Подписание Сен-Жерменского мирного договора между Австрией и державами Антанты.
19 ноября	Отказ сената США от ратификации Версальского договора (в первом голосовании).

27 ноября	Заключение Нейиского мирного договора между Болгарией и державами Антанты.
9 декабря	Принятие Верховным советом Антанты декларации «О временной восточной границе Польши» (линия Керзона).

1920 год

16 января	Первое заседание Совета Лиги Наций.
2 февраля	Заключение в Тарту (Юрьеве) мирного договора между Советской Россией и Эстонией.
6 апреля	Провозглашение Дальневосточной Республики (ДВР).
23 апреля	Формирование Национальным собранием в Анкаре правительства во главе с М. Кемалем.
25 апреля	Нападение Польши на Советскую Россию. Начало советско-польской войны.
25 апреля	Решение конференции стран Антанты в Сан-Ремо о распределении мандатов Лиги Наций на бывшие арабские территории Османской империи между Великобританией и Францией.
7 мая	Занятие польскими войсками Киева.
Май—ноябрь 1921 г.	Вооруженная интервенция Советской России в Гиляне (Северный Иран).
4 июня	Подписание Трианонского мирного договора между Венгрией и державами Антанты.
5 июня	Провозглашение Персидской Советской Республики в провинции Гилян на севере Ирана.
12 июня	Официальное открытие Панамского канала.
12 июля	Заключение мирного договора между Советской Россией и Литвой.
19 июля — 7 августа	II конгресс Коминтерна. Принятие «21 условия» вступления в Коминтерн.
10 августа	Нота государственного секретаря Б. Колби о политике США в отношении Советской России.
10 августа	Подписание султанским правительством Турции Севрского мирного договора с державами Антанты.
11 августа	Заключение мирного договора между Советской Россией и Латвией.
24 сентября — 18 ноября	Армяно-турецкая война.
9 октября	Захват Польшей Виленской области Литвы.
12 октября	Заключение перемирия между Советской Россией и Польшей.
14 октября	Заключение в Тарту (Юрьеве) мирного договора между Советской Россией и Финляндией.
28 октября	Подписание Великобританией, Францией, Италией и Японией договора о признании права Румынии на Бессарабию (Бессарабского протокола).

2 ноября	Победа республиканца У. Гардинга на президентских выборах в США.
12 ноября	Подписание в Рапалло договора о территориальном разграничении между Италией и КСХС.
23 декабря	Принятие парламентом Великобритании Закона о будущем Ирландии, предусматривающего ее раздел на Северную и Южную Ирландию.

1921 год

25 февраля	Взятие Тифлиса (Тбилиси) Красной армией. Ликвидация Грузинской Демократической Республики и образование Грузинской ССР.
26 февраля	Денонсация Тегераном англо-иранского соглашения о протекторате 1919 г.
26 февраля	Подписание договора об установлении дружественных отношений между Советской Россией и Ираном.
26 февраля	Под влиянием барона Р. фон Унгерна монгольский правитель богдо-гэгэн провозгласил независимость Внешней Монголии.
28 февраля	Подписание договора об установлении дружественных отношений между Советской Россией и Афганистаном.
1 марта	Подписание при посредничестве Советской России договора о дружбе между Афганистаном и Турцией.
8 марта	Вследствие отказа Германии выполнять репарационные требования Антанты войска союзников оккупировали Дюссельдорф, Дуйсбург и Рурорт.
16 марта	Заключение в Лондоне англо-советского торгового соглашения. Признание Великобританией Советской России де-факто.
16 марта	Подписание договора о дружбе и братстве между Советской Россией и Турцией.
18 марта	Заключение Советской Россией и Украинской ССР Рижского мирного договора с Польшей.
Март	Лондонская репарационная конференция. Определение «окончательной суммы» германских репараций (132 млрд золотых марок).
22 июня — 12 июля	III конгресс Коминтерна.
6 июля	Вступление Красной армии в столицу Внешней Монголии Ургу.
21 августа	Подписание в Риге соглашения между Советской Россией и американской неправительственной организацией АРА об оказании помощи голодающим.
23 августа	Провозглашение Фейсала аль-Хашими королем Ирака. Ирак признан королевством под протекторатом Великобритании.
25 августа	Подписание в Берлине мирного договора между США и Германией. В договоре отсутствует Устав Лиги Наций, а также статьи об ответственности Германии за развязывание войны и о выплате ею репараций.

26 августа — 16 апреля 1922 г.	Дайренская конференция ДВР и Японии.
22 сентября	Вступление Литвы, Латвии и Эстонии в Лигу Наций.
13 октября	Заключение Армянской, Азербайджанской и Грузинской ССР Карсского договора с Турцией.
21 октября	Заявление советского правительства о признании довоенных долгов частным лицам и проведении международной экономической конференции.
5 ноября	Заключение советско-монгольского соглашения об установлении дружественных отношений.
12 ноября — 6 февраля 1922 г.	Вашингтонская конференция по ограничению морских вооружений, тихоокеанскому и дальневосточному вопросам.
22 ноября	Англо-афганский договор об основах отношений. Признание Великобританией независимости Афганистана.
6 декабря	Англо-ирландский договор о предоставлении Ирландии статуса доминиона при условии включения ее северной части в состав Великобритании.
13 декабря	Подписание США, Великобританией, Францией и Японией договора о неприкосновенности их островных владений на Тихом океане («договор четырех держав»).

1922 год

6 января	Принятие Верховным советом Антанты Каннской резолюции о проведении международной экономической конференции в Генуе.
4 февраля	Японо-китайское соглашение о возвращении Шаньдуна Китаю.
6 февраля	Подписание в ходе Вашингтонской конференции «договора девяти держав» о Китае.
6 февраля	Подписание в ходе Вашингтонской конференции Соединенными Штатами, Великобританией, Францией, Италией и Японией договора об ограничении морских вооружений («договор пяти держав»).
12–20 февраля	Референдум в оккупированной поляками Виленской области. Большинство голосовавших высказались за вхождение этой области в состав Польши.
28 февраля	Декларация правительства Великобритании об отмене протектората над Египтом и признании его независимости.
22 марта	Лондонский меморандум экспертов стран Антанты о долговых и имущественных претензиях к Советской России.
10 апреля — 19 мая	Генуэзская конференция по вопросам экономического восстановления Центральной и Восточной Европы с участием представителей 29 государств, включая Советскую Россию.
16 апреля	Подписание Рапалльского договора между Советской Россией и Германией. Восстановление советско-германских дипломатических отношений.
15 июня — 20 июля	Гаагская конференция по вопросу о дореволюционных долгах и национализированной иностранной собственности в России.

1 июля	Опубликована Первая Белая книга по палестинскому вопросу («Меморандум Черчилля»).
11 сентября	Вступление в силу британского мандата на Палестину.
13 октября	Окончание греко-турецкой войны. Подписание перемирия в г. Муданья (Муданийского перемирия).
25 октября	Завершение вывода японских войск из Приморья.
28–31 октября	Поход итальянских фашистов из Неаполя на Рим. 31 октября 1922 г. король Виктор Эммануил III назначил премьер-министром Италии лидера фашистов Б. Муссолини.
5 ноября — 5 декабря	IV конгресс Коминтерна.
13 ноября	Воссоединение ДВР с Советской Россией.
20 ноября — 24 июля 1923 г.	Лозаннская конференция по вопросу о заключении мирного договора между Турецкой республикой и державами Антанты, а также новой конвенции о режиме Черноморских проливов.
11 декабря	Отказ Германии от выплаты очередного репарационного взноса.
30 декабря	I Всесоюзный съезд Советов. Образование СССР.

1923 год

11 января	Оккупация Рура франко-бельгийскими войсками.
15 января	Оккупация литовскими войсками Мемельской (Клайпедской) области, находящейся под управлением Лиги Наций, и ее присоединение к Литве.
2 февраля	Подписание США и республиками Центральной Америки договора о мире и дружбе.
17 февраля	Конференция послов признала включение Клайпедской области в состав Литвы.
15 марта	Конференция послов признала суверенитет Польши над Восточной Галицией и Виленской областью.
25 марта — 3 мая	V Панамериканская конференция в Сантьяго (Чили). Заключение договора о предотвращении конфликтов между американскими государствами («договора Годра»).
8 мая	Нота британского министра иностранных дел лорда Керзона Советскому Союзу («ультиматум Керзона»).
25 мая	При поддержке Великобритании эмир Абдаллах аль-Хашими провозглашен правителем Трансиордании.
24 июля	Подписание в Лозанне мирного договора между Турцией и державами Антанты, а также конвенции о режиме Черноморских проливов.
1 августа	Подписание Советским Союзом Лозаннской конвенции о проливах (впоследствии ВЦИК не ратифицировал конвенцию).
2 августа	В США скоропостижно скончался президент У. Гардинг. Новым президентом стал вице-президент К. Кулидж.
13 августа	Формирование в Германии правительства «большой коалиции» во главе с Г. Штреземаном.

31 августа	Восстановление дипломатических отношений между США и Мексикой.
10 октября — 12 ноября	Формирование левых правительств с участием коммунистов в Тюрингии и Саксонии.
23–25 октября	Коммунистическое восстание в Гамбурге.
29 октября	Провозглашение Турции республикой и перенесение ее столицы из Стамбула в Анкару.
8–9 ноября	«Пивной путч» нацистов во главе с Гитлером в Мюнхене.
29 ноября	Создание Репарационной комиссией двух комитетов экспертов для изучения состояния германской экономики.

1924 год

20 января — 1 февраля	I съезд партии Гоминьдан в Китае.
22 января	Поражение Консервативной партии на парламентских выборах в Великобритании. Формирование первого в истории страны лейбористского правительства во главе с Р. Макдональдом.
24 января	Раздел территории Риека (Фиуме), находившейся под управлением Лиги Наций. Италии отошел город Риека (Фиуме), Югославия получила бухту Сусак (Баррос).
1 февраля	Установление дипломатических отношений между СССР и Великобританией.
7 февраля	Установление дипломатических отношений между СССР и Италией.
3 марта	Упразднение халифата в Турции. Низложение халифа Абдул-Меджида.
9 апреля	«План Дауэса» о взимании репараций с Германии.
31 мая	Установление дипломатических отношений между СССР и Китаем.
13 июня	Ликвидация теократического строя во Внешней Монголии. Провозглашение Монгольской Народной Республики.
17 июня — 8 июля	V конгресс Коминтерна.
16 июля — 16 августа	Лондонская конференция держав Антанты. Принятие «плана Дауэса».
Июль—декабрь 1925 г.	Война между Хиджазом и Недждом.
4 августа	Установление дипломатических отношений между СССР и Мексикой.
2 октября	Принятие Лигой Наций Женевского протокола о мирном разрешении международных споров (впоследствии в силу не вступил).
28 октября	Установление дипломатических отношений между СССР и Францией.
4 ноября	Избрание республиканца Д. К. Кулиджа президентом США.

1925 год

21 января	Установление дипломатических отношений между СССР и Японией.
4 марта	Завершение вывода японских войск с Северного Сахалина.
12 марта	Умер первый президент Китайской Республики, основатель партии Гоминьдан Сун Ятсен.
3 апреля	Восстановление золотого стандарта фунта стерлингов в Великобритании.
26 апреля	Избрание П. фон Гинденбурга президентом Германии.
30 мая	Расстрел британской полицией студенческой демонстрации в Шанхае. Начало национальной революции в Китае.
17 июня	Подписан Женевский протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов, а также бактериологических средств.
Август	Досрочная эвакуация французских и бельгийских войск из Рура. Вывод войск союзников из Дюссельдорфа, Дуйсбурга и Рурорта.
5–16 октября	Локарнская конференция Великобритании, Франции, Италии, Германии, Бельгии, Польши и Чехословакии. Парафирование Локарнских соглашений.
12 октября	Подписание советско-германского торгового договора.
31 октября	Государственный переворот в Иране. Свержение династии Кашгаров.
1 декабря	Подписание в Лондоне соглашений, парафированных на Локарнской конференции.
13 декабря	Учредительное собрание провозглашает шахом Ирана Реза-хана (Реза-шах Пехлеви).
16 декабря	Лига Наций высказалась за присоединение Мосула к Ираку.
17 декабря	Подписание договора о дружбе и нейтралитете между СССР и Турцией.

1926 год

8 января	Ибн Сауд провозглашен в Мекке королем Хиджаза. Объединение Хиджаза и Неджда.
31 января	Завершение первого этапа вывода войск Антанты из Рейнской демилитаризованной зоны.
24 апреля	Заключение в Берлине договора о нейтралитете и ненападении между СССР и Германией.
2 мая	Высадка войск США в Никарагуа «для наведения порядка».
18 мая	Начало работы Комиссии по подготовке Всеобщей конференции по разоружению.
5 июня	Подписание англо-турецкого договора о разделе Мосула и передаче большей его части в состав Ирака.
Июнь	Выход Бразилии из Лиги Наций после отказа от предоставления ей места постоянного члена Совета Лиги.

31 августа	Заключение договора о нейтралитете и ненападении между СССР и Афганистаном.
8 сентября	Вступление Германии в Лигу Наций.
17 сентября	Секретные переговоры Бриана и Штреземана в Туари.
28 сентября	Подписание договора о дружбе и нейтралитете между Советским Союзом и Литвой.
18 октября	Г. Е. Зиновьев смещен с должности председателя Исполкома Коминтерна, а сам этот пост упразднен и заменен коллективным органом — Политическим секретариатом ИККИ.
Ноябрь	Подписание при посредничестве Советской России договора о дружбе и безопасности между Ираном и Афганистаном.
Ноябрь	Принятие законов о запрещении в Италии нефашистских политических партий и организаций. Установление в стране однопартийной диктатуры.
12 декабря	Решение держав-победительниц о снятии военного контроля с Германии.
17 декабря	Переворот в Литве. Роспуск парламента и установление авторитарного режима А. Сметоны. Введение военного положения (действовало до 1 ноября 1938 г.).
25 декабря	Вступление на японский престол императора Сева (личное имя Хирохито) (регент с 25 ноября 1921 г., правил до 7 января 1989 г.).

1927 год

31 января	Отзыв Союзной контрольной комиссии из Германии и передача функций военного контроля Совету Лиги Наций.
6 апреля	Налет китайской полиции на советское полпредство в Пекине и консульство в Тяньцзине.
12 апреля	Переворот Чан Кайши в Шанхае. Разрыв отношений между Гоминьданом и КПК.
2–23 мая	Всемирная экономическая конференция в Женеве с участием представителей 52 государств, включая СССР.
9 мая	Решение Ирана об аннулировании в течение года всех неравноправных договоров с иностранными государствами и отмене экстерриториальности иностранцев.
20–27 мая	Разрыв Великобританией дипломатических отношений с СССР.
25 июля	Меморандум Г. Танака императору Японии о программе агрессивной внешней политики.
1 октября	Подписание договора о гарантиях и нейтралитете между СССР и Ираном.
2 декабря	Присоединение СССР к Женевскому протоколу о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых газов и бактериологических средств.
10 декабря	По рекомендации Совета Лиги Наций прекращено состояние войны между Польшей и Литвой (объявлено 19 апреля 1919 г.).

10–13 декабря	Коммунистическое восстание в Гуанчжоу («Кантонская коммуна») и его подавление гоминьдановскими войсками. Разрыв отношений между СССР и Нанкинским правительством.

1928 год

16 января — 20 февраля	VI Панамериканская конференция в Гаване.
4 июня	Убийство правителя Маньчжурии Чжан Цзолиня.
17 июля — 1 сентября	VI конгресс Коминтерна.
27 августа	Подписание Парижского договора об отказе от войны как средства национальной политики («пакт Бриана—Келлога»).
31 августа	Присоединение СССР к «пакту Бриана—Келлога».
1 ноября	Подписание Договора о дружбе и торговле между СССР и Йеменом.
7 ноября	Избрание республиканца Г. Гувера президентом США.

1929 год

6 января	Государственный переворот, совершенный сторонниками короля Александра I в КСХС. Приостановлено действие конституции, запрещены все партии, распущены правительство и парламент (скупщина).
9 января	Отречение от престола афганского короля Амануллы-хана.
31 января	Высылка Л. Д. Троцкого за пределы СССР.
9 февраля	Подписание Советским Союзом, Эстонией, Латвией, Польшей и Румынией Московского протокола («протокола Литвинова») о досрочном введении в действие «пакта Бриана—Келлога». Впоследствии к протоколу присоединились также Литва, Турция и Иран.
11 февраля	Подписаны Латеранские договоры об урегулировании отношений между Италией и Святым престолом. Создание суверенного папского государства — Ватикана.
Апрель—май	Военная экспедиция в Афганистан частей Красной армии под командованием В. М. Примакова.
3 июня	Урегулирование территориального спора между Чили и Перу. Область Арика передана Чили, Такна отошла к Перу.
7 июня	Завершение работы над «планом Юнга» о новом графике выплаты германских репараций.
10 июля — 22 декабря	Советско-китайский конфликт на КВЖД.
27 июля	Женевские конвенции об обращении с военнопленными и об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях.
15 августа	Приход к власти в Кабуле Надир-хана (15 октября 1929 г. провозглашен королем). Окончание гражданской войны в Афганистане.

Август	Вооруженные столкновения у Стены плача в Иерусалиме. Начало арабо-еврейского конфликта.
3 октября	Восстановление дипломатических отношений между СССР и Великобританией.
3 октября	Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев переименовано в Югославию, которая разделена на 9 банатов (округов) без учета этнических границ.
25 октября	Обвальное падение курса акций на Нью-Йоркской фондовой бирже. Начало мирового экономического кризиса.
30 ноября	Завершение второго этапа вывода войск Антанты из Рейнской демилитаризованной зоны.
22 декабря	Подписание Хабаровского протокола между СССР и властями Маньчжурии о восстановлении статус-кво на КВЖД.

1930 год

20 января	Принятие II Гаагской репарационной конференцией «плана Юнга» (вступил в силу 17 мая 1930 г.).
21 января — 22 апреля	Лондонская конференция Великобритании, США, Франции, Италии и Японии по ограничению морских вооружений.
26 января	Разрыв Мексикой дипломатических отношений с СССР.
22 апреля	Подписание США, Великобританией и Францией Лондонского морского договора.
17 мая	«Меморандум Бриана» о «пан-Европе».
30 июня	Завершение досрочного вывода войск Антанты из Рейнской демилитаризованной зоны.
30 июня	Подписание Англо-иракского договора о признании Ирака независимым государством после его вступления в Лигу Наций.
21 июля	Освобождение Г. В. Чичерина с поста наркома по иностранным делам СССР и назначение на эту должность М. М. Литвинова.
14 сентября	Парламентские выборы в Германии. НСДАП получает 107 депутатских мест (в предыдущем рейхстаге 1928 г. у нее было 12 мест) и становится одной из ведущих политических партий страны.
20 октября	Опубликование Второй Белой книги по палестинскому вопросу («Меморандум Пассфилда»).
12 декабря	Завершение вывода войск союзников из Саарской области.

1931 год

21 марта	Запрет державами Антанты германо-австрийского таможенного союза.
Март	Роспуск Конференции послов четырех держав-победительниц, созданной в 1919 г. по решению Верховного совета Антанты.
20 июня	Предложение президента США Г. Гувера о введении моратория на выплату военных долгов и германских репараций сроком на один год.
24 июня	Заключение Договора о нейтралитете и взаимном ненападении между СССР и Афганистаном.

12 сентября	Вступление Мексики в Лигу Наций.
18 сентября	Начало агрессии Японии в Маньчжурии.
20 сентября	Отказ Великобритании от золотого обеспечения фунта стерлингов («золотого стандарта»).
10 декабря	Создание «комиссии Литтона» для расследования маньчжурских событий.
11 декабря	Принятие британским парламентом Вестминстерского статута о предоставлении самостоятельности во внутренней политике и права законотворчества шести британским доминионам. Образование Британского Содружества Наций.

1932 год

7 января	«Доктрина Стимсона» о непризнании японских захватов в Китае.
21 января	Договор о ненападении между СССР и Финляндией.
29 января — 4 марта	Оборона Шанхая. Провал японской попытки захвата города.
2 февраля — 23 июля	Первая сессия Всеобщей международной конференции по ограничению и сокращению вооружений в Женеве.
5 февраля	Договор о ненападении между СССР и Латвией.
1 марта	Создание Японией марионеточного государства Маньчжоу-Го в Маньчжурии.
4 мая	Договор о ненападении между СССР и Эстонией.
15 июня	Начало Чакской войны между Боливией и Парагваем.
16 июня — 9 июля	Лозаннская репарационная конференция. Освобождение Германии от уплаты репараций.
18 июля	Вступление Турции в Лигу Наций.
25 июля	Договор о ненападении между СССР и Польшей.
31 июля	Парламентские выборы в Германии. НСДАП получает 230 депутатских мест и становится сильнейшей партией в рейхстаге.
1 сентября — 2 ноября 1933 г.	Война в «трапеции Летисии» между Перу и Колумбией.
Сентябрь	Декрет Ибн Сауда «Об объединении частей Арабского королевства». Образование Саудовской Аравии.
3 октября	Провозглашение независимости Ирака. Вступление Ирака в Лигу Наций.
6 ноября	Внеочередные парламентские выборы в Германии. НСДАП получает 196 мест в рейхстаге.
8 ноября	Избрание кандидата от Демократической партии Ф. Д. Рузвельта президентом США.
29 ноября	Договор о ненападении между СССР и Францией.
11 декабря	Декларация Великобритании, Франции, Италии и США о признании равноправия Германии в вооружениях.
12 декабря	Восстановление дипломатических отношений между СССР и Китаем.

1933 год

30 января	Президент Гинденбург назначил А. Гитлера канцлером Германии.
Январь	Вывод войск США из Никарагуа после семи лет оккупации.
4 марта	Провозглашение Рузвельтом «политики доброго соседа» в отношении стран Латинской Америки.
27 марта	Выход Японии из Лиги Наций.
19 апреля	Отказ США от золотого обеспечения доллара («золотого стандарта»).
31 мая	Подписание в Тангу перемирия между Японией и Китаем.
12 июня — 27 июля	Всемирная экономическая конференция в Лондоне с участием представителей 54 стран, посвященная поиску путей выхода из мирового экономического кризиса.
3–5 июля	Подписание Советским Союзом, Польшей, Чехословакией, Югославией, Румынией, Литвой, Латвией, Эстонией, Турцией и Афганистаном конвенции об определении агрессии.
15 июля	Подписание Великобританией, Францией, Германией и Италией Пакта согласия и сотрудничества («пакта четырех») (в дальнейшем в силу не вступил).
28 июля	Установление дипломатических отношений между СССР и Испанией.
2 сентября	Заключение договора о дружбе, ненападении и нейтралитете между СССР и Италией.
14 сентября	Подписание пакта о ненападении между Грецией и Турцией.
21 сентября — 23 декабря	Открытый судебный процесс в Лейпциге над группой коммунистов во главе с Г. Димитровым, обвиненных в поджоге Рейхстага. Все подсудимые были оправданы.
10 октября	Подписание Аргентиной, Бразилией, Мексикой, Парагваем, Уругваем и Чили Южно-Американского антивоенного договора («пакта Сааведра Ламаса»). В декабре 1933 г. к договору присоединились США.
19 октября	Выход Германии из Лиги Наций.
2 ноября	Заключение перемирия между Перу и Колумбией. Передача Летисии под временное управление Лиги Наций.
16 ноября	Установление дипломатических отношений между СССР и США.
3–26 декабря	VII Панамериканская конференция в Монтевидео.

1934 год

26 января	Заключение германо-польской декларации о ненападении (необращении к силе).
9 февраля	Подписание Грецией, Турцией, Румынией и Югославией договора о создании Балканской Антанты.
11 февраля	Англо-йеменский договор. Признание Великобританией независимости Йемена.

12 марта	Переворот в Эстонии. Роспуск парламента и установление авторитарного режима К. Пятса.
24 марта	Принятие конгрессом США закона о предоставлении независимости Филиппинам в 1945 г.
15 мая	Переворот в Латвии. Роспуск сейма и установление авторитарного режима К. Ульманиса. Введение военного положения.
24 мая	Мирный договор между Перу и Колумбией («протокол Рио»). Летисия передана Колумбии.
29 мая	Подписание договора между США и Кубой об отмене «поправки Платта».
9 июня	Установление дипломатических отношений между СССР и Чехословакией.
10 июня	Установление дипломатических отношений между СССР и Румынией.
11 июня	Завершение работы Всеобщей конференции по разоружению в Женеве.
25 июля	Попытка фашистского путча в Австрии. Убийство австрийского канцлера Дольфуса.
6 августа	Завершение вывода войск США с Гаити после 19 лет оккупации.
18 сентября	Вступление СССР в Лигу Наций.
9 октября	Убийство министра иностранных дел Франции Луи Барту и короля Югославии Александра I в Марселе.
5 декабря	Подписание Советско-французского протокола по вопросам, касающимся переговоров о Восточном пакте (Женевский протокол).
7 декабря	Присоединение Чехословакии к Женевскому протоколу.
19 декабря	Решение Японии о выходе в 1936 г. из Вашингтонского договора пяти держав и Лондонского морского договора.

1935 год

7 января	Римские соглашения Лаваля—Муссолини.
13 января	Плебисцит в Саарской области (вошла в состав Германии 1 марта 1935 г.).
9 марта	Германия объявила о создании боевой авиации в нарушение Версальского договора.
16 марта	Введение в Германии всеобщей воинской повинности.
23 марта	Продажа Советским Союзом КВЖД Маньчжоу-Го.
11–14 апреля	Конференция Великобритании, Франции и Италии в Стрезе.
2 мая	Заключение договора о взаимопомощи между СССР и Францией.
16 мая	Заключение договора о взаимопомощи между СССР и Чехословакией.
18 июня	Заключение Англо-германского морского соглашения.

25 июля — 20 августа	VII конгресс Коминтерна.
2 августа	Принятие британским парламентом Акта об управлении Индией. Отделение Бирмы от Индии.
19 августа	Г. Димитров избран генеральным секретарем Исполкома Коминтерна.
31 августа	Принятие конгрессом США закона о нейтралитете.
2 октября	Начало агрессии Италии против Эфиопии.
7 октября	Совет Лиги Наций признал Италию агрессором и ввел против нее экономические санкции.

1936 год

6 января — 25 марта	Вторая Лондонская конференция по ограничению морских вооружений.
16 февраля	Победа Народного фронта на парламентских выборах в Испании.
7 марта	Разрыв нацистской Германией Локарнских соглашений и оккупация ею Рейнской демилитаризованной зоны.
12 марта	Подписание протокола о взаимной помощи между СССР и МНР.
Март	Заключение Американо-панамского договора. Восстановление суверенитета Панамы.
9 мая	Окончание итало-эфиопской войны. Аннексия Италией Эфиопии.
22 июня — 21 июля	Конференция в Монтрё по пересмотру режима Черноморских проливов.
6 июля	Отмена Советом Лиги Наций экономических санкций против Италии.
17 июля	Начало гражданской войны в Испании.
20 июля	Подписание в Монтрё конвенции о режиме Черноморских проливов.
28 июля	Начало германо-итальянской интервенции в Испании.
17 августа	Международное соглашение о невмешательстве в испанские дела с участием 27 государств. (СССР присоединился к соглашению 24 августа 1936 г.)
26 августа	Подписание англо-египетского договора о союзе.
25 октября	Подписание итало-германских соглашений. Создание «оси Берлин—Рим».
18 ноября	Германия и Италия признали де-юре фашистское правительство Франко в Испании.
25 ноября	Подписание Германией и Японией Антикоминтерновского пакта.
1–16 декабря	Чрезвычайная Панамериканская конференция по поддержанию мира в Буэнос-Айресе.

1937 год

30 января	Официальный отказ Германии от соблюдения Версальского мирного договора.
1 мая	Принятие конгрессом США нового закона о нейтралитете.
26 мая	Вступление Египта в Лигу Наций.
7 июля	«Инцидент у моста Марко Поло». Вторжение Японии в Центральный Китай и начало японо-китайской войны 1937–1945 гг.
8 июля	Подписание Афганистаном, Ираном, Ираком и Турцией договора о ненападении (Саадабадского пакта).
21 августа	Заключение Советским Союзом и Китаем договора о ненападении.
23 сентября	Создание Гоминьданом и КПК единого антияпонского фронта.
Сентябрь	Опубликование Третьей Белой книги по палестинскому вопросу («меморандум Пиля»).
3–23 ноября	Брюссельская конференция 18 государств, подписавших в разное время договор 1922 г. о Китае. На конференцию был также приглашен Советский Союз.
6 ноября	Присоединение Италии к Антикоминтерновскому пакту.
19 ноября	Переговоры британского министра без портфеля Э. Галифакса с Гитлером в Берхтесгадене.
11 декабря	Выход Италии из Лиги Наций.

1938 год

12 марта	Аншлюс Австрии нацистской Германией.
12 мая	Признание Германией Маньчжоу-Го.
21–23 мая	Частичная мобилизация в Чехословакии. «Майский кризис» в германо-чехословацких отношениях.
29 июля — 11 августа	Советско-японский вооруженный конфликт у озера Хасан.
31 июля	Подписание договора о ненападении между Болгарией и странами Балканской Антанты (Грецией, Турцией, Румынией и Югославией). Отмена военных статей Нейиского мира.
21 августа	Подписание соглашения в Бледе между Венгрией и странами Малой Антанты. Отмена военных статей Трианонского мира.
15 сентября	Встреча Н. Чемберлена и Гитлера в Берхтесгадене.
22 сентября	Встреча Н. Чемберлена и Гитлера в Бад-Годесберге.
29–30 сентября	Мюнхенская конференция Великобритании, Франции, Германии и Италии. Заключение соглашения о передаче Германии Судетской области Чехословакии.
30 сентября	Подписание англо-германской декларации.

2 октября	Передача Тешинской области Чехословакии Польше.
2 ноября	Первый Венский арбитраж. Аннексия Венгрией Южной Словакии.
3 ноября	Японская декларация «о новом порядке в Восточной Азии» («декларация Коноэ»). Открытое провозглашение Японией курса на завоевание господства в АТР.
6 декабря	Подписание франко-германской декларации.

1939 год

24 февраля	Присоединение Венгрии и Маньчжоу-Го к Антикоминтерновскому пакту.
27 февраля	Великобритания и Франция признали де-юре правительство Франко в Испании.
Февраль	Лондонская конференция круглого стола по палестинскому вопросу.
14–15 марта	Ликвидация Чехословакии. Аннексия Германией Чехии; провозглашение «независимости» Словакии «под охраной германского рейха»; передача Закарпатской Украины Венгрии.
22 марта	Английские и французские гарантии Бельгии, Голландии и Швейцарии.
23 марта	Захват Германией Клайпедской (Мемельской) области Литвы.
29 марта	Взятие Мадрида франкистами. Падение республики и окончание гражданской войны в Испании.
31 марта	Английские гарантии Польше.
7 апреля	Присоединение Испании к Антикоминтерновскому пакту.
7–14 апреля	Захват Италией Албании.
11 апреля	Утверждение Гитлером плана войны против Польши («план Вайс»).
13 апреля	Англо-французские гарантии Румынии и Греции.
17 апреля	Предложение СССР о заключении трехстороннего англо-франко-советского договора о взаимной помощи.
28 апреля	Разрыв Германией морского соглашения с Великобританией 1935 г. и германо-польской декларации о ненападении 1934 г.
1 мая	Саудовская Аравия начала экспорт нефти.
3 мая	Отставка наркома по иностранным делам М. М. Литвинова и назначение на этот пост председателя Совнаркома СССР В. М. Молотова.
8 мая	Выход Испании из Лиги Наций.
11 мая — 31 августа	Советско-японский вооруженный конфликт у реки Халхин-Гол.
19 мая	Подписание франко-польского договора о военном союзе.
22 мая	Заключение Германо-итальянского договора о дружбе и союзе («Стальной пакт»).

23 мая	Опубликование Четвертой Белой книги по палестинскому вопросу («Меморандум Макдональда»).
15 июня — 2 августа	Англо-франко-советские политические переговоры в Москве.
24 июля	Заключение Англо-японского соглашения об особых интересах Японии в Китае («соглашение Арита—Крейги»).
12–21 августа	Англо-франко-советские переговоры военных миссий в Москве.
19 августа	Подписание советско-германского кредитного соглашения.
23 августа	Заключение договора о ненападении между Советским Союзом и Германией и секретного дополнительного протокола.
25 августа	Подписание англо-польского договора о взаимопомощи.
1 сентября	Вторжение Германии в Польшу. Начало Второй мировой войны.
3 сентября	Объявление Великобританией, Францией, Австралией, Новой Зеландией и Индией войны Германии.
8–28 сентября	Оборона Варшавы.
17 сентября	Вступление сил Красной армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии (тогда — восточные области Польши).
28 сентября	Подписание договора о дружбе и границе между СССР и Германией.
28 сентября — 10 октября	Подписание Советским Союзом пактов о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой.
30 ноября	Начало войны Советского Союза с Финляндией («зимней войны»).
14 декабря	Исключение СССР из Лиги Наций.

1940 год

12 марта	Подписание мирного договора СССР с Финляндией.
9 апреля	Вторжение германских войск в Данию и Норвегию.
10 мая	Начало наступления германских войск на Западном фронте. Вторжение во Францию, Бельгию, Голландию и Люксембург.
10 июня	Объявление фашистской Италией войны Франции и Великобритании.
15—17 июня	Вступление советских войск на территорию Литвы, Латвии и Эстонии.
22 июня	Подписание Компьенского перемирия между Германией и Францией. Франция попадает в полную зависимость от германского рейха.
28 июня — 1 июля	Включение Бессарабии и Северной Буковины в состав СССР.
3—6 августа	Завершение процесса включения Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР в качестве союзных республик.
7 августа	Признание правительством Великобритании генерала Шарля де Голля «главой всех свободных французов».

30 августа	Второй Венский арбитраж.
27 сентября	Заключение Германией, Италией и Японией Тройственного пакта.
28 октября	Нападение Италии на Грецию.
12—13 ноября	Переговоры наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с руководителями гитлеровской Германии в Берлине.
20—24 ноября	Присоединение правительств Венгрии, Румынии и Словакии к Тройственному пакту.

1941 год

1 марта	Присоединение Болгарии к Тройственному пакту, начало размещения на ее территории германских войск.
11 марта	Принятие конгрессом США закона о ленд-лизе.
25 марта	Присоединение Югославии к Тройственному пакту.
27 марта	Антигерманский государственный переворот в Югославии.
5 апреля	Подписание советско-югославского договора о дружбе и ненападении.
6 апреля	Нападение гитлеровской Германии на Югославию и Грецию.
13 апреля	Заключение пакта о нейтралитете между СССР и Японией.
20 мая — 1 июля	Германские войска овладели островом Крит.
22 июня	Агрессия нацистской Германии и ее союзников — Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии — против СССР. Начало Великой Отечественной войны.
22 июня	Заявление У. Черчилля о поддержке СССР в войне против Германии.
23 июня	Заявление правительства США о поддержке СССР в войне против Германии.
12 июля	Соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии.
18 июля	Соглашение между правительствами СССР и Чехословакии (в изгнании) о возобновлении дипломатических отношений, взаимной помощи и поддержке в войне против Германии и о создании на территории СССР чехословацких воинских частей.
24–27 июля	Оккупация Японией Южного Индокитая.
29 июля — 1 августа	Визит в Москву Г. Гопкинса — личного представителя президента США Ф. Рузвельта.
30 июля	Соглашение между правительствами СССР и Польши (в изгнании) о восстановлении дипломатических отношений, взаимной помощи в войне против Германии и формировании польской армии на советской территории.
5–7 августа	Восстановление дипломатических отношений между СССР и эмигрантскими правительствами Норвегии и Бельгии.
14 августа	Подписание Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем Атлантической хартии.

25 августа	Ввод советских и английских войск в Иран.
24 сентября	Открытие межсоюзнической конференции в Лондоне. Присоединение СССР (с оговорками) к Атлантической хартии.
26 сентября	Заявление правительства СССР о признании Национального комитета «Свободная Франция» во главе с генералом Ш. де Голлем и о поддержке французского народа в борьбе с фашистской агрессией.
29 сентября — 1 октября	Московская конференция представителей СССР, США и Великобритании по вопросам военных поставок. Предоставление СССР военной помощи на условиях американского закона о ленд-лизе.
4 декабря	Подписание правительствами СССР и Польши декларации о дружбе и взаимной помощи.
6 декабря	Начало контрнаступления Красной армии под Москвой.
6 декабря	Объявление Великобританией войны Финляндии, Венгрии и Румынии.
7 декабря	Нападение Японии на Пёрл-Харбор (Гавайские острова). Объявление Японией войны США и Великобритании.
9 декабря	Объявление гоминьдановским Китаем войны Японии.
11 декабря	Объявление Германией и Италией войны США. Объявление Соединенными Штатами войны Германии и Италии.
11 декабря	Подписание Германией, Италией и Японией нового союзнического договора о совместных действиях в войне против США и Великобритании.
16—18 декабря	Визит министра иностранных дел Великобритании А. Идена в Москву. Советско-английские переговоры.
22 декабря — 14 января 1942 г.	I Вашингтонская конференция руководителей США и Великобритании по вопросам военной стратегии.

1942 год

1 января	Подписание в Вашингтоне Декларации 26 государств о совместной борьбе против держав «оси» (Декларация Объединенных Наций).
29 января	Договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном.
23 февраля	Заключение США и Великобританией соглашения о принципах, применяемых к взаимной помощи в войне против агрессии.
26 мая	Заключение Договора между СССР и Великобританией о союзе в войне против Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны.
11 июня	Соглашение между СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии.
12 июня	Публикация советско-английского и советско-американского коммюнике о достигнутых договоренностях об открытии второго фронта в 1942 г.
18—25 июня	II Вашингтонская конференция США и Великобритании. Установление дипломатических отношений между СССР и Канадой.

17 июля	Установление дипломатических отношений между СССР и эмигрантским правительством Нидерландов.
12–15 августа	Визит в Москву У. Черчилля и спецпредставителя президента США А. Гарримана.
19 августа	Попытка высадки англо-канадских войск на побережье Франции в районе Дьепа.
Октябрь	Установление дипломатических отношений СССР с Кубой и Австралией. Восстановление дипломатических отношений между СССР и эмигрантским правительством Люксембурга.
8 ноября	Высадка англо-американских войск в Северной Африке.
11 ноября	Вторжение германских и итальянских войск на неоккупированную зону Франции, контролируемую правительством Виши.
17 ноября	Начало контрнаступления советских войск под Сталинградом.

1943 год

14–23 января	Англо-американская конференция в Касабланке.
2 февраля	Завершение Сталинградской битвы. Начало коренного перелома в ходе Второй мировой войны.
25 апреля	Разрыв Советским Союзом дипломатических отношений с эмигрантским правительством Польши в связи с так называемым «Катынским делом».
25 апреля	Установление дипломатических отношений между СССР и Эфиопией.
12–25 мая	III конференция руководителей США и Великобритании в Вашингтоне. Завершение боевых действий англо-американских войск в Северной Африке.
Июнь	Создание в Алжире Французского комитета национального освобождения.
5 июля — 23 августа	Разгром немецко-фашистских войск в ходе Орловско-Курского сражения. Завершение коренного перелома во Второй мировой войне.
10 июля	Высадка англо-американских войск в Сицилии.
10 июля	Установление дипломатических отношений между СССР и Египтом.
25 июля	Крах диктатуры Муссолини в Италии. Создание правительства во главе с маршалом Бадольо.
11–24 августа	Англо-американская конференция в Квебеке.
26 августа	Признание Советским Союзом, Великобританией и США Французского комитета национального освобождения.
3 сентября	Высадка англо-американских войск в Южной Италии.
8 сентября	Капитуляция Италии. Оккупация части Италии германскими войсками.
13 октября	Объявление правительством Бадольо войны Германии.
19–30 октября	Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании.

22–26 ноября	Конференция Ф. Рузвельта, У. Черчилля и Чан Кайши в Каире. Подписание трехсторонней Каирской декларации.
28 ноября — 1 декабря	Конференция глав правительств СССР, США и Великобритании в Тегеране.
29 ноября	Образование Национального комитета освобождения Югославии.
12 декабря	Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией.

1944 год

1 января	Образование Крайовой Рады Народовой.
7 марта	Предложение правительства Бадольо об установлении непосредственных отношений с СССР. Согласие советского правительства.
26 марта	Выход Красной армии на государственную границу с Румынией — реку Прут. Начало освобождения советскими войсками Восточной Европы.
12 апреля	Советское предложение о перемирии с Румынией.
13 мая	Заявление правительств СССР, США и Великобритании в адрес правительств Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии с требованием немедленно прекратить войну на стороне Германии.
Июнь	Преобразование Французского комитета национального освобождения во Временное правительство Французской республики.
6 июня	Высадка англо-американских войск в Нормандии. Открытие второго фронта в Европе.
21–22 июня	Образование Польского комитета национального освобождения и его обращение с Манифестом к польскому народу. Начало освобождения Польши советскими войсками.
Июль	Установление дипломатических отношений СССР с Сирией и Ливаном.
3–9 августа	Переговоры в Москве представителей ПКНО и эмигрантского (лондонского) правительства Польши при посредничестве советского правительства.
20—27 августа	Разгром немецко-фашистских войск в ходе Ясско-Кишиневской операции. Начало освобождения Румынии.
21 августа — 28 сентября	Конференция в Думбартон-Оксе по созданию ООН.
23–24 августа	Свержение диктатуры Антонеску в Румынии. Выход Румынии из фашистского блока.
29 августа	Объявление Румынией войны Германии.
Август—сентябрь	Народное восстание в Словакии против гитлеровской оккупации.
4 сентября	Выход Финляндии из войны.
5 сентября	Объявление Советским Союзом войны Болгарии. Вступление советских войск на территорию Болгарии.

9 сентября	Восстание в Болгарии против профашистского режима и создание правительства Отечественного фронта.
11–16 сентября	Конференция Ф. Рузвельта и У. Черчилля в Квебеке.
12 сентября	Подписание СССР, США и Великобританией соглашения о перемирии с Румынией.
19 сентября	Подписание СССР и Великобританией соглашения о перемирии с Финляндией.
Сентябрь—октябрь	Патриотические силы освободили Грецию от фашистской оккупации. Вступление английских войск в Грецию.
7 сентября	Совещание в Александрии о создании Лиги арабских государств (ЛАГ).
9–10 сентября	Визит У. Черчилля в Москву. Переговоры У. Черчилля и И. В. Сталина.
Октябрь	Переговоры между представителями ПКНО и польского эмигрантского правительства в Москве.
Октябрь	Установление дипломатических отношений между СССР и Италией.
26 октября	Заключение СССР, США и Великобританией соглашения о перемирии с Болгарией.
Ноябрь	Освобождение Албании от фашистской оккупации.
10 декабря	Визит генерала Ш. де Голля в Москву. Подписание договора о союзе и взаимной помощи между СССР и Французской республикой.
Декабрь	Контрнаступление вермахта против англо-американских войск в Арденнах («Битва на выступе»).
11 декабря	Установление дипломатических отношений между СССР и Чили.
22 декабря	Образование в Дебрецене Временного национального правительства Венгрии и объявление им войны Германии.
31 декабря	Преобразование Польского комитета национального освобождения во Временное национальное польское правительство.

1945 год

2–5 января	Признание СССР Временного национального польского правительства и установление дипломатических отношений между СССР и Польшей.
20 января	Подписание СССР, США и Великобританией соглашения о перемирии с Венгрией.
4–11 февраля	Ялтинская (Крымская) конференция глав правительств СССР, США и Великобритании.
13 февраля	Освобождение Будапешта советскими войсками.
21 февраля — 8 марта	Чапультепекская конференция американских государств о панамериканских отношениях.
23 февраля	Объявление Турцией войны Германии.
Март—апрель	Установление Советским Союзом дипломатических отношений с Венесуэлой, Бразилией и Боливией.

5 апреля	Денонсация Советским Союзом пакта о нейтралитете с Японией от 13 апреля 1941 г.
11 апреля	Подписание в Москве договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польшей.
12 апреля	Смерть президента США Ф. Рузвельта.
25 апреля	Историческая встреча советских и американских войск на Эльбе в районе Торгау.
25 апреля	Начало освободительного восстания на севере Италии. Казнь Муссолини.
2 мая	Прекращение сопротивления немецких войск в Берлине. Водружение Знамени Победы над Рейхстагом.
5 мая	Начало вооруженного восстания против немецких оккупантов в Праге.
7 мая	Принятие западными союзниками капитуляции гитлеровского командования в Реймсе.
8 (9) мая	Подписание в Берлине (Карлсхорсте) представителями германского Верховного командования Акта о безоговорочной капитуляции Германии.
9 мая	Освобождение Праги советскими войсками.
15 мая	Завершение освобождения Югославии от гитлеровской оккупации.
31 мая	Создание Контрольного совета для Германии из представителей Верховного командования СССР, США, Великобритании и Франции.
5 июня	Подписание в Берлине Декларации о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами СССР, США, Великобритании и Временным правительством Французской республики.
6 июня	Опубликование Соглашения между правительствами СССР, США, Великобритании и Временным правительством Французской республики о контрольном механизме в Германии.
24 июня	Парад Победы на Красной площади в Москве.
28 июня	Образование в Варшаве Польского Временного правительства национального единства.
29 июня	Заключение Договора между СССР и Чехословакией о Закарпатской Украине.
17 июля — 2 августа	Берлинская (Потсдамская) конференция глав правительств СССР, США и Великобритании.
26 июля	Поражение Консервативной партии во главе с У. Черчиллем на выборах в Великобритании и приход к власти правительства лейбористов во главе с К. Эттли.
6, 9 августа	Атомные бомбардировки США японских городов Хиросима и Нагасаки.
8 августа	Объявление СССР о состоянии войны с Японией с 9 августа 1945 г.

8 августа	Подписание Соглашения между представителями СССР, США, Великобритании и Франции об учреждении Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками.
9 августа	Сообщение правительств СССР, США, Великобритании и Франции о достигнутых соглашениях относительно зон оккупации и создании контрольного механизма союзников в Австрии. Начало военных действий советских вооруженных сил на Дальнем Востоке.
14 августа	Заключение Договора о дружбе и союзе между СССР и Китайской Республикой.
16 августа	Заключение Договора между СССР и Польской Республикой о государственной границе и Соглашения о возмещении ущерба, причиненного германской оккупацией.
19 августа	Подписание главнокомандующим Квантунской армией акта о капитуляции.
2 сентября	Подписание на борту линкора «Миссури» в Токийской бухте Акта о капитуляции Японии. Окончание Второй мировой войны.

Учебное издание

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В трех томах

Том II
Межвоенный период и Вторая мировая война

Учебник

Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 40,3.

ООО Издательство «Аспект Пресс»
111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15.
E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru. Тел.: (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8(499)270-73-59